СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

VI МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ СЛАВИСТОВ

СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

VI МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ

(Прага, август 1968 г.)

ДОКЛАДЫ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1968

Настоящий сборник включает 15 докладов, посвященных основной проблематике съезда — различным вопросам сравнительно-исторического и исторического изучения славянских языков: фонологии, морфонологии, акцентологии, этимологии и т. п. В докладах предлагаются новые методы лингвистических исследований, приводятся новые материалы, вносятся существенные поправки в сложившиеся в науке представления.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

акад. В. В. ВИНОГРАДОВ, докт. филол. наук
С. Б. БЕРНШТЕЙН, канд. филол. наук Н. И. ТОЛСТОЙ

Рукопись подготовила к печати канд. филол. наук И. Е. МОЖАЕВА

7-1-1
14-БЗ-6-68

Р. И. Аванесов

К ИСТОРИИ ЧЕРЕДОВАНИЯ СОГЛАСНЫХ ПРИ ОБРАЗОВАНИИ УМЕНЬШИТЕЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ПРАСЛАВЯНСКОМ

Этот доклад посвящен образованию уменьшительных от существительных мужского и женского рода. При этом нас будет интересовать не семантика суффиксальных уменьшительных в их отношении к семантике соответствующих непроизводных, а самый механизм словообразования и сопровождающие его чередования согласных. Поэтому ниже рассматриваются как в собственном смысле уменьшительные, так и образования, которые были уменьшительными в прошлом (например, *порошок*, *мешок*).[1]

[1] Литература по славянским деминутивам довольно обширна. В ней особое место занимает богатая идеями и фактическим материалом статья А. Белича «Zur Entwicklungsgeschichte der slawischen Deminutiv und Amplifiativsuffixe» (см.: «Archiv für slawische Philologie», XXIII). К ней примыкает также основополагающая работа по этой проблеме В. Дорошевского «Monografie slowotworcze. I. Formacje z podstawowym *-k-* w części sufiksalnej» (см.: «Prace filologiczne», XIII, 1928). Русские деминутивы рассматриваются также в ряде работ А. А. Дементьева, в том числе в его докторской диссертации [см.: «Имена существительные с утраченной уменьшительностью». — Русск. язык в школе, 1948, № 1; «Очерки по словообразованию имен существительных в русском языке (имена существительные с суффиксами *-ок*, *-к*, *-ко*, *-ец*, *-ца*, *-цо*, *-ица*, *-ице*)». — Уч. зап. Куйбыш. пед. ин-та, вып. 27, 1959; «Заметки по русскому словообразованию». — Уч. зап. Куйбыш. пед. ин-та, вып. 13, 1955].

В отличие от этих работ, в которых рассматриваются во всей полноте проблемы словообразования в собственном смысле, настоящая статья посвящена более специальному вопросу о чередованиях согласных, сопровождающих образование деминутивов, лишь частично затронутому в научной литературе. Рассмотрение этих чередований в связи с историей фонематической системы дает возможность установить историческую преемственность исследуемых строго ограниченных словообразовательных моделей деминутивов с приметой *-к-* (> *-с-*). Все славянские языки свидетельствуют об одних и тех же начальных этапах в истории рассматриваемых моделей деминутивов, хотя сохранили их в разной степени (больше других сохранили их южнославянские языки). Последующее развитие деминутивов в славянских языках оказалось не одинаковым в связи с различным общим ходом их истории и не в малой степени в связи с характером развития их фонологической системы. В настоящей статье использован по преимуществу материал восточнославянских языков.

Интересующие нас явления в образовании уменьшительных имен существительных, восходя к праславянскому, в разных формах отразились во всех славянских языках и ведут свое начало от еще более древних эпох индоевропейского.

Однако в целях компактности изложения мы позволим себе некоторую вольность и начнем свое повествование с «эпилога», с того, что мы находим в одном из современных славянских языков (а именно, в русском). Путем внутренней реконструкции мы установим основные этапы в развитии рассматриваемых явлений, подкрепив их данными предшествующих эпох.

В современном русском языке уменьшительные от имен существительных с основой на твердую парную согласную могут образоваться при помощи суффикса -(*о*)*к*- (с «беглым» *о*). Напр., *воз—возок*, *год—годок*, *город—городок*, *дуб—дубок*, *зад—задок*, *час—часок*, *сын—сынок*, *цвет—цветок*, *котел—котелок*, *терем—теремок* и т. д.; *рыба—рыбка* (ср. *рыбок* — род. п. мн. ч.), *баба—бабка*, *губа—губка*, *корова—коровка*, *трава—травка*, *дева—девка*, *голова—головка*, *борода—бородка*, *береза—березка*, *могила—могилка*, *стена—стенка*, *тропа—тропка*, *гора—горка*, *чара—чарка*, *свита—свитка* и т. д. Суффикс -(*о*)*к*-, как известно, восходит к древнерусскому -*ък*-.

Однако от имен существительных с основой на одну из заднеязычных согласных образование производных с суффиксом -(*о*)*к*- сопровождается чередованием заднеязычной с шипящей: *г*//*ж*, *х*//*ш*, *к*//*ч*. Напр., в именах мужского рода, *берег—бережок*, *бог—божок*, *долг—должок*, *друг—дружок*, *круг—кружок*, *луг—лужок*, *пирог—пирожок*, *рог—рожок*, *снег—снежок*, *стог—стожок*, *торг—торжок; грех—грешок*, *ворох—ворошок*, *дух—душок*, *пух—пушок*, *слух—слушок*, *мех—мешок*, *порох—порошок; бык—бычок*, *жук—жучок*, *лук—лучок*, *сук—сучок*, *крюк—крючок*, *рак—рачок*, *дьяк—дьячок*. В именах женского рода на -*а*: *нога—ножка*, *дуга—дужка*, *книга—книжка; блоха—блошка*, *кроха—крошка*, *соха—сошка; река—речка*, *строка—строчка*, *мука́—мучка*, *рука—ручка*. С точки зрения синхронных отношений остается неясным, почему в образованиях современного русского языка с суффиксом -(*о*)*к*- при отсутствии чередования парных твердых согласных с соответствующими мягкими заднеязычные чередуются с шипящими. Ведь при наличии чередования *г*//*ж*, *х*//*ш*, *к*//*ч* следовало бы ожидать чередования *т*//*т'*, *с*//*с'* и т. д. Или: при отсутствии чередования *т*//*т'*, *с*//*с'* и т. д. (*цвет—цветок*, *свита—свитка*) следовало бы ожидать также отсутствия чередования заднеязычных с шипящими (т. е. *бог—богок*, *соха—сохка* и т. д.).

Отмеченная «аномалия» может быть понята только в том случае, если мы допустим, что в прошлом после парных твердых согласных, с одной стороны, и заднеязычных — с другой, в древнерусском были разные суффиксы: -*ък*- в первом случае и -*ьк*- во втором; фонема **ĭ*, к которой восходит ‹ь›, смягчала предшествующую

заднеязычную согласную в шипящую, поэтому имело место чередование заднеязычной с шипящей. Однако и в этом случае остается неясным, почему от существительных одного и того же грамматического класса, одинаково относящихся к твердой разновидности склонения, в пределах одной и той же словообразовательной модели суффиксы отличались в фонемном составе и тем самым представляли собой два разных суффикса: *-ък-* и *-ьк-*. Непонятно и то, почему употребление того или другого суффикса зависит от места, занимаемого конечной согласной непроизводной основы в фонематической системе: *-ък-* употребляется после парных твердых согласных, а *-ьк-* после заднеязычных, закономерно заменяющихся на шипящие.

Прежде чем мы попытаемся объяснить эту «аномалию», рассмотрим образование уменьшительных от имен на мягкую парную согласную.

Уменьшительные от имен существительных на *-а* с основой на мягкую парную согласную обычно сохраняют ее. Ср.: *неделя—недёлька*, *капля—капелька*, *доля—долька*, *тюря—тюрька*, *баня—банька*, *дыня—дынька*. К кругу таких слов относятся также собственные имена, напр., *Варя—Варька*, *Валя—Валька*, *Вася—Васька*, *Катя—Катька*, *Федя—Федька*, *Петя—Петька*, а также такие слова, как *дядя—дядька*, *тятя—тятька*, *батя—батька* и некоторые другие. Однако существительные, имеющие перед ‹*н*'› согласную, а также ‹*j*›, обычно образуют уменьшительное с заменой ‹*н*'› на ‹*н*›: *песня—песенка*, *сотня—сотенка*, *квашня—квашонка*, *вишня—вишенка*, *спальня—спаленка*, *колокольня—колоколенка*, *бойня—боенка* и т. д. С заменой мягкой парной согласной на соответствующую твердую образуют уменьшительные также отдельные слова с одной согласной в непроизводной основе, напр., *тетеря—тетёрка* (но имеется также образование *тетёрька*), *тётя—тётка*. Рядом с приведенными уже образованиями *тятя—тятька*, *батя—батька* нельзя не отметить *дитя—детка*, а также *мать—матка*.

Нет последовательности в образовании уменьшительных от имен существительных мужского рода без окончания с основой на мягкую парную согласную. Согласные ‹*н*'›, ‹*р*'›, ‹*л*'› обычно сохраняют мягкость в производных. Ср.: *пень—пенёк*, *тень—тенёк*, *день—денёк*, *окунь—окунёк*, *конь—конёк*, *огонь—огонёк*, *клубень—клубенёк*, *линь—линёк; ларь—ларёк*, *хорь—хорёк*, *пузырь—пузырёк*, *царь—царёк*, *угорь—угорёк; мотыль—мотылёк*, *соболь—соболёк*, *стебель—стебелёк*, *кисель—киселёк*, *руль—рулёк*, *костыль—костылёк*. Сохраняется мягкость в отдельных образованиях с непроизводной основой на ‹*т*'›, ‹*з*'›, а также, возможно, на ‹*с*'›: *зять—зятёк*, *князь—князёк* и, может быть, *гусь—гусёк* (?). Однако обычна при мягкой основе на ‹*б*'›, ‹*д*'›, ‹*т*'› непроизводных существительных — в производных наличествует чередование — замена этих мягких согласных на соответствующие твер-

дые: *голубь—голубок*, *ноготь—ноготок*, *коготь—коготок*, *локоть—локоток*, *лапоть—лапоток*, *гвоздь—гвоздок*. Мне известны диалектные: *медведь—медведок*, *груздь—груздок*. При *хорь—хорёк*, *ларь—ларёк* и др. (примеры см. выше) от *зверь* образуется не только *зверёк*, но также (просторечное и диалектное) *звердк*.

Отсутствует последовательность также в образовании уменьшительных от имен существительных женского рода с основой на мягкую парную согласную. Ср.: *ступень—ступенька*, но *печень—печонка*, *колыбель—колыбелька*, *акварель—акварелька*, но *щель—щолка*, *рель—рёлка*, *ель—ёлка*, *бутыль—бутылка*. Сюда можно отнести также диалектные *кадь* и общее *кадка*, а также *мать—матка*. Отметим уменьшительные образования от *дверь*: *двéрка* и разговорное *двёрка*, а также диалектное *двéрька*. Согласные ‹*т'*›, ‹*д'*›, а также согласная ‹*в'*› в образованиях рассматриваемого типа всегда чередуются с соответствующей твердой: *тетрадь—тетрадка*, *лошадь—лошадка*, *площадь—площадка*, *сельдь—селёдка*, *плеть—плётка*, *сеть—сетка*, *грудь—грудка*, *бровь—бровка*, *церковь—церковка*, *морковь—морковка*.

Указанные непоследовательности и отклонения — *лес—лесок*, но *друг—дружок*, *гора—горка*, но *нога—ножка*, *зверь—зверёк*, но также и *зверь—зверок*, *зять—зятёк*, но *ноготь—ноготок*, *батя—батька*, но *мать—матка* и т. д. — легко объясняются, если мы примем во внимание основные этапы в истории уменьшительных образований, с одной стороны, и истории фонологической системы, с другой, — в частности, отделение шипящих от заднеязычных как особых фонем и развитие корреляции мягких — твердых согласных как фонемообразующей категории.

На основе данных сравнительно-исторической грамматики славянских языков и истории русского языка (по показаниям как письменных памятников, так и диалектных источников) можно утверждать, что уменьшительные имена существительные образовались с элементом *-к-*, который присоединялся к теме *ĭ* или *ŭ*. Долгота и краткость, а также качество гласной темы были, видимо, обусловлены характером основы непроизводного существительного: гласные неверхнего подъема — долгая (т. е. *ā*) заменялась долгой гласной *ī*, краткая (т. е. *ŏ*) — краткой гласной *ĭ*; гласные верхнего подъема *ĭ* и *ŭ* сохранялись. Так получились суффиксы *-īk-* > *-ic-*, *-ĭk-* > *-ьc-*, *-ŭk-* > *-ъk-* (Ср.: *gorica*, *dvorьcь*, *klětьca*, *zvěrьcь*, *domъkъ*). Имена с основой на согласные и *ū* обычно образовывали уменьшительные от основы косвенных падежей: *катепьсь* (ср., впрочем, также *катукъ* — достаточно древнее образование), *kremepьcь*; *сьrkъvьca*, *xorǫgъvьca*, *krъvьca* (можно полагать, что *сьrkъvica* образовано от *сьrkъva*); существительные *mati*, *dъī'i* (из *dъkti*) образовали уменьшительные как от основы косвенных падежей, так и от основы именительного падежа, а также как с гласной *ī*, так и, видимо, с гласной *ĭ*: *materica*, *dъī'erica*, или *matica* и возможно *dъĭ'ica*. Можно пред-

полагать также *matьca*, *dъĭ'ьca*, а на основании сербохорватского *кћерца* также *materьca*, *dъĭ'erьca*.

С течением времени, однако, видимо, еще в позднем праславянском, в результате морфологической аналогии имеет место взаимное проникновение суффикса *-ьс-* в слова с основой на *й* (ср. др.-русск. *домьць*) и суффикса *-ък-*. в основы на *ŏ* (ср., напр., *возъкъ* вм. более раннего *возьць*). В результате не вполне ясных процессов суффикс *-īк-* проникает в образования от существительных мягкой разновидности *ŏ* основ. Ср. еще ст.-сл. *корабль — кораблиць*, а также др.-русск. *ножь — ножиць*, *мечь — мечиць* и др.

Естественно, что заднеязычные перед рефлексами *ĭ* смягчались, в связи с чем в позднем праславянском мы находим чередование *к* || *č*, *д* || *dž* > *ž*, *х* || *š*. Остальные несмягченные согласные как фонемы сохранялись в этом положении без изменения, приобретая позиционную полумягкость, т. е. выступая в своих полумягких вариантах. Известно, что уже в дописьменную пору шипящие эмансипировались от заднеязычных и стали самостоятельными фонемами. Напротив, полумягкие согласные еще в раннюю письменную пору представляли собой позиционные варианты соответствующих несмягченных фонем. Таким образом, было: *děva — děvica* и *rěka — rěčica*, *lěsъ — lěsьcь* и *měxъ — měšьcь*, *zvěrь — zvěrьcь*, *dvьrь — dvьrьca*, *synъ — synъkъ*, *kamy — kamykъ*.

Приведем выборочно материалы древнерусского языка. Древнерусский язык сохранил немало данных, характеризующих древнейшее состояние в образовании уменьшительных. От имен на *-а* с основой на несмягченную согласную (кроме заднеязычных): *бъчела—бъчелица*, *вода—водица*, *гора—горица*, *грамота—грамотица*, *дѣва—дѣвица*, *коза—козица*, *колода—колодица*, *кърста—кърстица*, *лава—лавица*, *метла—метлица*, *мяздра—мяздрица*, *пелена—пеленица*, *понява—понявица*, *пъта—пътица*, *рыба—рыбица*,*свита—свитица*, *уда—удица*; от имен на *-а* с основой на смягченную согласную, а также ‹*j*›: *земля—землица*, *вѣкъша—вѣкъшица*, *каша—кашица*, *чаша—чашица*, *кожа—кожица*, *лъжа—лъжица*, *хыжа—хыжица*, *одежда—одеждица*, *куща—кущица*, *змѣя—змѣица*, *келия—кельица*. В образованиях от имен женского рода на *-а* с основой на заднеязычные имеет место чередование последних с шипящими: *верига—верижица*, *котыга—котыжица*, *кънига—кънижица*, *мука—мучица*, *рака—рачица*, *рука—ручица*, *рѣка—рѣчица*, *муха—мъшица*, *дъска—дъщица*.

К приведенным примерам можно прибавить еще следующие слова древнерусского языка, для которых мне не известны мотивирующие непроизводные слова: *заставица* ('заставка'), *корица* (в специальном значении, видимо, от *кора*), *крабица* ('короб'; видимо, от *краба*), *палица* (от *пала?*), *улица* (от *ула?*), *утица* (от *ута* при более старом *уты—утъве*), *черепица* (от *черепа?*), *пугьвица* (непосредственно от *пугьва* при более старом *пугы—пугъве*),

цьркъвица (непосредственно от *цьрква* при более старом *цьркы—цьркъве*), *ячѣица* (от *ячѣя*).

Эти старые образования на *-ица* в значительном количестве сохраняются в русских диалектах отчасти в старом значении уменьшительных, а чаще, в большей или меньшей степени оторвавшись от семантики мотивирующего слова, имеют то или иное специализированное значение. Приведем несколько примеров: *ба́бица*, *голови́ца*, *ви́ла — ви́лица*, *де́ви́ца*, *и́глица*, *избица*, *икри́ца*. *ки́тица* (от *ки́та* — 'стебель'), *коло́дица*, *коси́ца*, *ла́вица* (от *ла́ва*), *нори́ца*, *па́лица*, *петли́ца*, *поро́шица* (от *поро́ша*), *ры́бица*, *ужи́ца* (от *ужа́*), *утро́бица*, *уши́ца* (от *уха́*), *мжи́ца* (от *мга*).

От имен на *-о*[2] с основой на несмягченную согласную (кроме заднеязычных) для древнерусского отметим: *братъ—брьтьцъ*, *воропъ—воропьць*, *вѣньць* (от не встреченного в памятниках *вѣнъ*), *гворъ—гворьць*, *городъ—городьць*, *градъ—градьць*, *дворъ—дворьць*, *домъ—домьць*, *клинъ—клинци* (мн. ч.), *колоколъ—колокольць*, *колъ—кольць*, *кустъ—кустьць*, *кутъ—кутьць*, *лѣсъ—лѣсьць*, *обрусъ—обрусьць*, *отласъ—отласьць*, *одръ—одрьць*, *огородъ—огородьць*, *оградъ—оградьць*, *прапоръ—прапорьць*, *пьсъ—пьсьць*, *ставъ—ставьць*, *столъ—стольць*, *столпъ—стълпьць*, *съводъ—сводьць*, *теремъ—теремьць*, *тылъ—тыльць*, *укропъ—укропьць*, *ушатъ—ушатьць*, *ушьвъ—ушьвьць*, *хлѣбъ—хлѣбьць*, *хълмъ—хълмьць*, *цвѣтъ—цвѣтьць*, *часъ—часьць*, *чванъ—чваньць*; от имен с основой на *-о* после мягких согласных, парных или внепарных: *корабль—корабльць*, а также *кораблиць*, *дъжчь—дъжчьць*, *ножь—ножиць*; от существительных с непроизводной основой на заднеязычные: *берегъ—бережьць*, *другъ—дружьць*, *ковригъ—коврижьць*, *ковьчегъ—ковьчежьць*, *кърчагъ—кърчажьць*, *рогъ—рожьць*; *клобукъ—клобучьць*, *вълкъ—вълчьць*, *диякъ—диячьць*, *сукъ—сучьць*, *мѣхъ—мѣшьць*, *воскъ—вощьць*. Приведем образование *кънязь—кънязьць*, а также отмеченное у Срезневского (без указания источника) *кънижьць*. Последний пример требует разъяснения. Поскольку слово *кънязь* не относилось к мягким основам (к основам на *-*jo*) и в конце корня имело заднеязычную (**kъnęg*), а уменьшительные с суффиксом *ĭc* > *ьс* восходят еще к праславянскому, форму *кънижьць* можно считать древнейшим и нормальным образованием с чередованием *g* || *ž* (как *bog — božьсь*), а форму *кънязьць* — более поздним образованием от *кънязь*.

От существительных мужского рода с основой на **ĭ* после несмягченных согласных: *жеравь—жеравьць*, *ларь—ларьць*, *монастырь—монастырьць*, *огнь—огньць* (впрочем, это слово рано

---

[2] А также от имен с основой на **ŭ*, которые, как это было выше отмечено, рано могли образовать уменьшительные по образцу существительных с основой на **ŏ*.

приобрело мягкое ‹н›), *олень—оленьць*, *чьрвь—чьрвьць*; от существительных женского рода с основой на *ĭ после несмягченных согласных: *вьрвь—вьрвьца*, *вьсь (vicus) — вьсьца*, *двьрь—двьрьца*, *клѣть—клѣтьца*, *память—памятьца*, *плъть—плътьца*, *четвьрть—четвьртьца*, *четь—четьца*. Сюда же можно отнести давнее производное *овьца*, а также *мышьца* с ь после смягченной согласной.

Старые образования с суффиксом *-ьц-* в виде *-(е)ц-* также сохраняются в русских диалектах или в специальной лексике иногда в старом значении уменьшительных, а чаще в разного рода специализированных значениях. Напр.: *баранéц* (растение), *блинéц*, *борéц* (ядовитое растение), *бубенéц*, *буравéц*, *бутун — бутунéц*, *князéц* (по В. Далю, «начальник иногородцев, сибирских, кавказских»), *колоколéц*, *крестéц*, *листéц*, *мóстéц*, *образéц*, *овсéц*, *орлéц*, *песéц*, *прутéц*, *рядéц*, *сахарéц*, *светéц*, *тынéц*, *хлевéц*, *ухáбец*, *хвостéц*, *волчéц*. Отметим здесь также *ларéц*, *путéц* и вологодское ‹*кáд'ц'а*› =(*кáт'ц'а*) от ‹*кад'*›, а также сохранившиеся в современном русском литературном языке *двéрца*, *ленцá*, *пыльцá*, *гнильцá*, *сольцá*, *рысцá*. В 1937 г. в Пудожском районе Карело-Финской АССР я записал [*фос'т'éц'*] (=*хвостец*), [*кус'т'éц'*]: *петушок*, *петушок*, *золотой гребешок*, *масляна головушка*, *шолкова бородушка*, *льняной фостец*, *убежал в кустец*.

Старые образования, восходящие к суффиксам *-иц-*, *-ьц-*, широко известны украинскому языку. При этом, что особо интересно, многие образования еще во второй половине XIX в. сохраняли значение уменьшительности. В ряде случаев по современному значению можно судить о том, что они имели уменьшительное значение в прошлом. Наконец, немало образований с суффиксами *-іс-*, *-ьс-* приобрели то или иное специальное значение. Вот несколько примеров уменьшительных с суффиксом *-иц-* в украинском: *вербá — вербúця* (но и *вéрбка*), *капýста — капýстиця*, *кíтва* (якорь) — *кíтвиця*, *косá — косúця* (небольшая коса, собственно уменьшительное к *коса — кíска* и др.), *оснóва — оснóвиця*, *рáда — рáдиця*, *травá — травúця*, *худóба* (одно из значений — 'скот') — *худóбиця* ('скотинка'; собственно уменьшительное к *худоба — худíбка*). В ряде случаев значение уменьшительности у существительного с суффиксом *-иц-* утрачено, оно имеет то же значение, что и соответствующее непроизводное, напр., *бáбиця* ('старуха'), *вúлиці* (то же, что *вúли*; уменьшительное к последнему *вúлочка*), *глúця* ('игла', 'игла хвойного дерева'), *головúця* (то же, что *головá*; при уменьшительном к *головá — голівка*), *дудá* ('род свирели'; при уменьшительном *дýдка*) — *дудúця* ('соломинка из пшеницы или ржи'), *кибáлиця* (то же, что *кибáлка* — 'род головного убора'; то и другое, видимо, образовано от *кибáла*), *кúтиця* (то же, что *кúта* — 'перья в головном уборе'), *козúця* (то же, что *козá*; уменьшительное к нему *кізка* и др.), *копúця* ('копна травы' и др.; ср. *копá*, которое имеет ряд значений, среди них — 'копна хлеба'), *лáвиця* то же, что *лáва*

(уменьшительное *ла́вка*, *ла́вочка*), *ла́сица* ('любовь, привязанность, ласка'), то же, что *ла́ска* (уменьшительное к последнему *ла́сочка*), *мжи́ця* то же, что *мжа*, *мши́ця* (насекомое: 'тля, травяная вошь': ср. др.-русск. *мъшица*, которое является предшественницей формы *мъшька*, современное *мошка*[3]), *нори́ця* то же, что *нора́* (уменьш. *нірка*), *мурави́ця* то же, что *мурава́* (уменьш. *мура́вка*), *стайни́ця* то же, что *ста́йня*, *стрили́ця* то же, что *стріла́* (уменьш. к нему *стрілка* и др.), *ху́стиця* то же, что *ху́стка*, *ху́ста* (уменьш. *ху́сточка*, *ху́стонька*), *цибу́лиця* то же, что *цибу́ля* (уменьш. *цибу́лька* и др.), *чемери́ця* то же, что *чеме́ра*, *шестерни́ця* то же, что *шестерня́*. Отметим и такие случаи: *струна́* ('часть снаряда шерстобита') — *струни́ці* ('тонкая кишка'), *трошиця* ('малость, небольшое количество'), *ша́ндра* ('растение') — *ша́ндриця* ('часть крыла ветряной мельницы'), *черва́* (собир. — 'черви') — *черви́ця* ('насекомое') и др.

В украинском языке широко представлены также образования с суффиксом *-(е)ц-*. При этом во многих случаях они сохраняют значение уменьшительности. Вот несколько примеров: *бара́н* — *баране́ць*, *бігун* — *бігуне́ць*, *боби́рь* — *бобире́ць*, *буга́й* — *бугае́ць*, *буркýн* — *буркуне́ць*, *буха́н* — *буханéць*, *гама́н* — *гаманéць*, *гарбу́з* — *гарбузе́ць*, *ге́мон* ('демон') — *гемоне́ць*, *го́луб* — *голубе́ць*, *го́род* — *городе́ць*, *гузи́рь* — *гузире́ць*, *двір* ('двор') — *двіре́ць*, *дуб* — *дубе́ць* ('молодой дуб'), *каба́н* — *кабане́ць*, *каву́н* — *кавуне́ць*, *кили́м* ('ковер') — *килиме́ць*, *ове́р* — *ове́рець*, *луза́н* — *лузане́ць*, *мед* (*мід*) — *меде́ць*, *о́браз* — *образе́ць*, *огоро́д* — *огоро́дець* или *оро́д* — *орі́дець*, *о́стрів* — *острівець*, *пагін* ('побег, росток, отпрыск') — *пагоне́ць*, *пи́сарь* — *писаре́ць*, *пуп* — *пупе́ць*, *рів* ('ров') — *рівéць*, *ро́зум* — *розуме́ць*, *стіл* ('стол') — *стіле́ць*, *стовп* ('столб') — *стовпе́ць* ('низкий столбик'), *стригу́н* — *стригуне́ць*, *табу́н* — *табуне́ць*, *те́рен* — *терене́ць*, *топір* — *топоре́ць*, *ту́луб* ('туловище') — *тулубе́ць*, *тютю́н* — *тютюне́ць*, *я́струб* — *яструбе́ць* ('маленький ястреб'), *я́тер* ('рыболовный снаряд') — *ятере́ць*, *ум* — *уме́ць*, *ху́тір* — *хутіре́ць* (или *хуторе́ць*), *чаба́н* — *чабане́ць*. Отметим случаи, где образования с суффиксом *-ец-* непосредственно не имеют значения уменьшительности: *дзвінець* (растение), *доме́ць*, *зубе́ць*, *козе́лець* (то же, что *козе́л*), *віне́ць* (то же, что *віно́к*), *ку́дерець* (то же, что *ку́дерь* — 'локон, кудря'); *льон* (уменьш. *льоно́к*) — *льоне́ць* ('дикий льонец' — растение), *млине́ць* ('блин'), *слопе́ць* (род ловушки для птиц), *тетере́ць* ('тетерев'), *хресте́ць* (то же, что *хрест*, уменьш. *хрестик*), *шурине́ць* (в свадебном обряде — родственник невесты), *щуре́ц* (то же, что *щур* — растение) и др. В украинском языке сохранились в качестве уменьшительных такие образования от существительных с осно-

---

[3] Любопытно, что в новейшем образовании уменьшительного избегается чередование корневого гласного: *муха—мушка*; более старое образование *мошка* имеет в русском собирательное значение.

вой на согласную ‹н›: *камінь — камінéць*, *кóрінь — корінéць*, *крéмінь — кремінéць*, *пéрстінь — перстінéць*, *рéмінь — ремінéць*, *ячмінь — ячмінéцъ*, *олінь — олінéць*; заслуживают упоминания также образования *корогóв* ('знамя, хоругвь'; есть и более новое образование *корогвá*) — *корогóвця*, *свекрýха — свекрóвця* (от более старого *свекровь*), *цéрква — цéрковця* (от более старого *церковь*) или *цéркивця*. Отметим уменьшительные *коник* к *кінь*, восходящее к старому *конець*, *мéчик* к *меч* или *міч*, восходящее к старому *мечець*, а также *бгник* — вероятно, такого же происхождения. Интересен пример *кружець* (в прялке — катушка, на которую наматывается спряденная шерсть), представляющий собой редкий случай сохранения старого образования на *-ьць-* от основ на заднеязычные.

Итак, древнейшая модель производных имен существительных по отношению к соответствующим непроизводным была следующей: 1. При суффиксе *-ĭc-*: а) одна и та же фонема — парная твердая или мягкая (парная и внепарная) — как в непроизводной основе, так и в производном существительном (*voda — vodica*, *zeml'a — zeml'ica*, *čaša — čašica*; *stol — stolьcь*, *korabl'ь — korabl'ьcь*, *dъždžь — dъždžьcь*; *gvozd — gvozdьcь*, *klětь — klětьca*); б) заднеязычная фонема в непроизводной основе при морфонологически соответствующей шипящей фонеме в производном существительном (*kotyga — kotyžica*, *rěka — rěčica*, *dъska — dъščica*; *drugъ — družьcь*, *měxъ — měšьcь*, *voskъ — voščьcь*). 2. При суффиксе *-ък-*: согласная фонема одна и та же как в непроизводной основе, так и в производном существительном (*synъ — synъkъ*).

Здесь уместно отметить, что суффикс *-ък-*, первоначально употребляясь в уменьшительных, видимо, от немногих непроизводных существительных с основой на **й* (*сынъкъ*, *домъкъ*), не только сохранял свою активность, но рано начал проникать в образование уменьшительных от непроизводных существительных с основой на **ŏ* (*возъкъ*, *городъкъ* и др.); вместе с тем и суффикс *-ьц-* проникал в образование уменьшительных от непроизводных существительных с основой на **й* (*домьць*).

На этой почве в дальнейшем, когда старые уменьшительные в одних случаях семантически достаточно отдалились от своих непроизводных, в других — потеряли в той или иной степени свою эмоционально-экспрессивную насыщенность, «стерлись» и когда в связи с этим обнаружилась необходимость «подновить» уменьшительные образования, суффикс *-ък-* обнаружил исключительную продуктивность, заменив собой старые суффиксы с уменьшительным значением *-иц-* и *-ьц-*. Суффикс *-ък-* становится по существу универсальным для образования уменьшительных от всех непроизводных существительных мужского и женского рода.

Однако тут устанавливается одна важная деталь: новые уменьшительные с суффиксом *-ък-* образуются не от непроизводных основ, а от корня старого производного уменьшительного. Иначе говоря,

новые уменьшительные образуются непосредственно от старых уменьшительных с суффиксами *-иц-*, *-ьц-* путем как бы их отбрасывания и замены суффиксом *-ък-* при сохранении тех согласных фонем, которые имелись перед суффиксами *-иц-*, *-ьц-*. Это может быть понято в том случае, если примем, что шипящая производного уменьшительного в ее отношении к заднеязычной непроизводного существительного, будучи самостоятельной фонемой, служила признаком уменьшительности и осталась им в новом образовании. Сказанное явствует из фонемного состава корня во вновь образованных уменьшительных, точнее из конечной согласной корня: последняя всегда та же, что в былых образованиях с суффиксами *-иц-*, *-ьц-*, т. е. парная твердая (ср. ‹*горá — горúца*› и ‹*горá — гóръка*›) или мягкая, парная или внепарная (ср. ‹*земл'á — земл'úца*› и ‹*земл'á — земл'ька*›, ‹*чáша — чáшица*› и ‹*чáша — чáшька*›), но никогда не заднеязычная: последней не было в старых уменьшительных и их нет в новых (ср. ‹*ногá — ножица*› и ‹*ногá — нóжька*›, ‹*рóгъ — рожьць́*› и ‹*рóгъ — рожькъ́*›, ‹*дъскá — дъщúца*› и ‹*дъска — дъ́щька*›).

Новые образования с суффиксом *-ък-* появились достаточно рано — до смягчения полумягких согласных, до падения редуцированных, до образования широкой, охватывающей значительную область консонантизма, коррелятивной категории твердых—мягких согласных. В случаях ‹*gorĭca, vožьcь́*› полумягкие согласные ‹*ŕ, ź*› представляли собой воплощение фонем ‹*r, z*›. Поэтому в новых уменьшительных мы находим фонемы ‹*r, z*›: *górъka, vozъ́kъ*. В то же время эти образования появились тогда, когда ‹*k*› и ‹*č*›, ‹*g*› и ‹*ž*›, ‹*x*› и ‹*š*› уже давно позиционно оторвались друг от друга, могли выступать в тождественной позиции и потому являлись разными фонемами. При этом надо учитывать, что фонемы ‹ъ› и ‹ь› различались только после немягких согласных. Ср. случаи типа [*konъ*] и [*koń*ь], [*os*ъ] (род. п. мн. ч.) и [*oś*ь], где в исходе корня налицо одна и та же согласная фонема, а на конце слов — разные гласные фонемы: ‹ъ› и ‹ь›. В положении же после мягких согласных ‹ъ› и ‹ь› были нейтрализованы ввиду изменения в этом положении [ъ] в [ь]. Поэтому при сочетании суффикса *-ък-* с предшествующей мягкой согласной фонемой вместо [ъ] мы находим [ь]. Ср. ‹*čášica*› и ‹*čášьka*›, ‹*zeml'ĭca*› и ‹*zeml'ьka*› (откуда современное русское ‹з'емéл'ка›); так же образованы ‹*rěčьka, kъnížьka, mъšьka, sučьkъ, rožьkъ, měšьkъ*› (ср. непроизводную основу в старых уменьшительных *kъnížica, mъšica, sučьcь, rožьcь, měšьcь*). Эквивалентность в этих образованиях гласных [ь] и [ъ] ([ь] употребляется после мягких согласных, а [ъ] после твердых) вытекает из соотношений *gorъka* и *kъnižьka* и др., *vozъkъ* и *rožьkъ* и др.

Непоследовательность в конечной согласной фонеме, то твердой, то мягкой, у уменьшительных от существительных со старой основой на **ĭ* отлично объясняется тем, что суффикс *-ък-*, став

продуктивным, проник сюда рано, до смягчения полумягких, и был активен в течение длительного времени (т. е. и в эпоху после смягчения полумягких согласных, а также после утраты редуцированных, когда окончательно оформились в качестве фонемообразующей категории твердость—мягкость согласных) сначала в виде *-ък-*, а затем в виде *-(о)к-* с предшествующим твердым парным согласным или шипящим.

Производное уменьшительное существительное в этих образованиях сохраняет без изменения конечную согласную фонему корня непроизводного существительного. Эта закономерность действовала как в древности, так и в позднейшие эпохи. Если оставить в стороне шипящие (ср. *печь*, *мышь*, *ръжь*), которые нас в данном случае не интересуют, то конечная согласная непроизводного имени у существительных с основой на **ĭ* в древности была немягкой: твердой, выступающей в своем полумягком варианте перед ‹*ь*›. Именно поэтому в старом слое уменьшительных с признаком ‹*к*› в древнерусском мы находим суффикс *-ък-*, а в современном языке *-(о)к-* с предшествующим твердым парным согласным. Ср.: *зв'ерóк*, *коготóк*, *голубóк*, *дверка*, *ёлка*, *плётка*, *клéтка* и др., восходящие к *звѣръкъ*, *когътъкъ*, *голубъкъ*, *двьръка*, *елъка*, *плетъка*, *клѣтъка*, которые заменили собой более древние образования *звѣрьць*, *когътьць*, *голубьць*, *двьрьца*, *клѣтьца*.

В древнейшую эпоху полумягкость этих согласных перед ‹*ь*› была позиционной: при отделении этих согласных от окончания *-ь* или суффикса *-ьц-* согласная автоматически теряла полумягкость, которая была свойством «отраженным», зависящим от следующей гласной.

Однако если от тех же существительных со старой основой на **ĭ* уменьшительные с суффиксом *-(о)к-* образовались в более позднюю эпоху, после падения редуцированных и окончательного оформления категории твердости—мягкости согласных, то они, выдерживая ту же закономерность, согласно которой производное уменьшительное сохраняет без изменения конечную согласную корня непроизводного существительного, имели перед суффиксом мягкую парную согласную фонему. Так появляются образования *зверёк*, *денёк*, *стебелёк*, *рулёк*, *зятёк* и т. д., а также *ступенька*, *колыбелька*, *акварелька*. Так появилось диалектное *дв'éр'ка* (непосредственно от ‹*дв'éр'*›).

Здесь следует упомянуть, что категория твердости—мягкости вообще развивалась неравномерно как в территориальном, так и в структурном отношениях. На разных территориях она развивалась не в равной степени и не одинаково последовательно. Не все согласные были способны к расщеплению на две фонемы—мягкую и твердую — в одинаковой степени. Поэтому противопоставленность мягких—твердых согласных неодинакова в разных их парах. Наибольшей — в русском языке — она была для ‹*р — р'*,

л — л', *н — н'*›, меньше для ‹*с — с'*, *з — з'*›, еще меньше для ‹*т — т'*, *д — д'*›, наконец, наименьшей она была для губных ‹*п — п'*, *б — б'*, *м — м'*›, не говоря о новой паре (в заимствованных словах) ‹*ф — ф'*›. Именно поэтому мы не встречаем новых образований типа *голубёк* и почти не находим образований типа *ноготёк* (кроме единичного *зятёк*), но зато отмечаем большое количество образований типа *окунёк*, *саженёк*, *стерженёк*, *денёк*, *перстенёк*, *паренёк*, *поршенёк; угорёк*, *хорёк*, *штырёк* (к *штырь*), *ларёк*; *рулёк*, *костылёк*, *мотылёк*, *горбылёк*, *кулёк* и т. д. с мягкими ‹*н'*, *р'*, *л'*›.

Из сказанного следует, что такие случаи, как *Варька*, *Ванька*, *Федька*, *Петька* и др., а также *тятька*, *дядька*, *батька* представляют собой относительно новые образования от *Варя*, *Ваня*, *Федя*, *Петя*, *тятя*, *дядя*, *батя* с мягкой парной согласной фонемой в исходе корня непроизводного имени. Нет сомнения, что *тетёрка* как производное от *тетеря* представляет собой более старое образование сравнительно с образованием *тетерька*. Мы уже сказали, что *батька* относительно новое образование. Здесь же отметим, что *матка* — старое образование от *мати* с немягким согласным в основе, и восходит непосредственно к *матъка*, которое заменило возможное, но не зафиксированное в источниках *matьca* или несомненное *матица* [4].

Можно утверждать, что русск. *лодка* образовано от *лодь* в эпоху до падения редуцированных и окончательного оформления категории твердости—мягкости (Ср. в Апостоле 1220 г.: трикраты лоди испрвьржеса, где [*i*] в *лоди* выступает вместо [ь] в положении перед [*i*] следующего слова; ср. также чеш. *lod'*, польск. *łodź*). Можно с осторожностью предположить, что русск. *свинка* образовано от **svinъ* (прил.) или **svinь* (сущ. с *ĭ*-основой), так как от *свинья* следовало бы ожидать *свинейка* (ср. *бадья* — *бадейка*).

Таким образом, уменьшительные *зверок* и *зверёк* к *зверь* представляют собой образования разного времени, равно как и *ёлка* к *ель* и *акварёлька* к *акварель* [5]: уменьшительные с твердыми парными согласными появились до образования фонологической категории твердости—мягкости, а уменьшительные с мягкими парными — после. Поэтому в современном языке в одних образованиях (более старых) мы находим замену мягкой согласной на

---

[4] В древнерусском имелось также образование *материца*. Можно полагать, что по образцу *матица* существовало и образование *дъчица*, которое было заменено образованием *дъчька*, а по образцу *материца* существовало *дъчерица* (ср. *падчерица*), которое могло быть заменено образованием *дъчерька* (ср. укр. *падчерка* или *падчірка*).

[5] С сказанным тесно связано параллельное образование прилагательных к *ель* — старое с твердым [*л*] и новое с мягким: *елбвый* и *ёлевый* (в ботанике).

твердую (*пéчень — печёнка*), в других (более новых) — отсутствие такой замены (*ступéнь — ступéнька*).

Конечно, образование уменьшительных от отдельных слов и их групп может иметь свою собственную индивидуальную историю. Например, чередование ‹*т'*//*т*› в *тётя—тётка* объясняется тем, что *тётка* закономерно образовано от древнерусского *тета*, а современное *тётя* с ‹*т'*› появилось позднее (может быть, по образцу *дядя*, *тятя*; возможно из детского языка). Чередование ‹*н'*//*н*› в словах *басня—басенка*, *песня—песенка* объясняется тем, что эти слова восходят к *ĭ основам и имели перед ‹ь› немягкую согласную (ср. др.-русск. *баснь*, *пѣснь*) и от них уменьшительные образовались по общему правилу для древнего периода: ср.: др.-русск. *печень—печенъка*, *баснь—басенъка* (совр. *печень—печёнка*, *басня—басенка*). Однако в настоящем докладе мы ставим своей задачей лишь общую постановку вопроса о сменявших друг друга моделях словообразования, а не исследование всего имеющегося в нашем распоряжении конкретного славянского материала, извлеченного из письменных и живых источников, со всеми частностями, относящимися к истории отдельных слов и их групп в семантическом, словообразовательном и морфонологическом аспектах.

В заключение еще одно замечание. Мы уже упоминали, что в словах с основой на *ŏ мягкой разновидности уменьшительное могло образоваться не только с суффиксом *-ьц-*, но также и с суффиксом *-иц-*: *кораблиць*, *ножиць*, *коňиць*, *мечиць*. Гласный ‹*и*› в суффиксе здесь был очень устойчив. Он сохранился здесь и тогда, когда признак уменьшительного суффикса ‹*ц*› заменился на ‹*к*›: появились *кораблик*, *ножик*, *коник* (если по диалектам ‹*к*› не сохранялся без изменения в ‹*ц*›). Активность суффикса *-ик-* была весьма значительной: последний широко проник в образования от твердых основ (ср. совр. *носик*, *домик*, *топорик*, *столик*, *зубик* и т. д.). Анализ значения производных типа *зубец—зубок—зубик*, *носок—носик*, *домок—домик* в их отношении к значению соответствующих непроизводных с несомненностью свидетельствует о более позднем периоде этого проникновения: семантика уменьшительных с суффиксом *-ик-* в наибольшей степени близка к семантике непроизводного имени, отличаясь от нее уменьшительно-ласкательным оттенком. Например, значение слова *зубец* в современном русском языке непосредственно не связано со значением слова *зуб*; значение слова *зубок* связано со значением непроизводного, но употребляется в определенных сочетаниях и фразеологизмах (*прорезался зубок*, *дарить на зубок*, *выучить на зубок*); что же касается слова *зубик*, то оно по своему значению наиболее непосредственно отвечает значению соответствующего непроизводного и употребляется без ограничений фразеологического характера. То же примерно можно сказать о словах *домок* и *домик* по отношению к слову *дом*. Трудно сказать: *какой*

красивый домок — скорее мы скажем: *какой красивый домик*. Но в выражении *жить своим домком* (т. е. своей семьей или своим хозяйством) слово *домок* нельзя заменить словом *домик*. Несомненно, в современном русском языке именно последнее является непосредственно уменьшительным к слову *дом*, наиболее близким к его значению.

Таким образом, в самой семантике производных часто можно найти указания на относительную хронологию их образования.

Итак, намечается несколько этапов в истории рассмотренных уменьшительных образований.

1. Эпоха до смягчения полумягких, до падения редуцированных, до образования соотносительной категории твердости—мягкости согласных:

а) рассмотренные уменьшительные в старший период этой эпохи образуются с помощью суффиксов *-иц-*, *-ьц-*. Предшествующая суффиксальному гласному согласная сохраняется одна и та же в производном уменьшительном и непроизводном слове, за исключением основ непроизводных существительных на заднеязычные, которые чередуются в уменьшительных с шипящими: *gora—gorica*, *zeml'a — zeml'ica*, *čaša — čašica*, *rěka — rěčica*, *uxa — ušica*, *kъniga — kъnižica; dubъ — dubьcь*, *korabl'ь — korabl'ьcь*, *dъždžь—dьždžьcь; měx—měšьcь*, *rog—rožьcь*, *sukъ — sučьcь; zvěrь — zvěrьcь*, *olenь — olenьcь*, *golubь — golubьcь*, *čьrvь — čьrvьcь; dvьrь — dvьrьca*, *klětь — klětьca*, *myšь — myšьca*. В сравнительно редких случаях *korabl'ь — korabl'ic'*, *nožь — nožicь*;

б) в младший период этой эпохи суффикс *-иц-* в именах женского рода и суффикс *-ьц-* заменяются ранее мало продуктивным суффиксом *-ък-*. При этом ‹ъ› после мягких согласных изменяется в [ь], совпадая с ‹ь›. Самое примечательное — сохранение в производных уменьшительных существительных шипящих, чередующихся в непроизводных основах с заднеязычными. Шипящая фонема вместо заднеязычной непроизводной основы становится приметой уменьшительности в этой группе слов: заднеязычная оказывается невозможной в уменьшительных.

Как и в предыдущий период, в производном уменьшительном и непроизводном существительном сохраняется одна и та же согласная, за исключением непроизводных основ на заднеязычные, которые морфонологически чередуются в уменьшительных с шипящими: *gora — gorъka*, *zeml'a — zeml'ьka*, *čaša — čašьka*, но *rěka — rěčьka*, *muxa — mъšьka*, *kъniga — kъnižьka; dubъ — dubъkъ*, *kon'ь — kon'ьkь*, *ogn'ь — ogn'ьkь*, но *měxъ — měšьkъ*, *rogъ — rožьkь*, *sukъ — sučьkъ; zvěrь — zvěrъkъ*, *golubь — golubъkъ; dvьrь — dvьrъka*, *klětь — klětъka*, *myšь — myšьka*.

В это же время, а возможно, и позднее примета ‹*k*› как признак уменьшительности проникает или расширяется в образованиях мужского рода на *-иц-*: появляются *korabl'ikъ*, *nožikъ* вместо *korabl'icь*, *nožicь*.

2. Эпоха после смягчения полумягких, после падения редуцированных, после образования категории твердости — мягкости согласных. Гласный суффикса становится беглым: -(*о*)*к* [после исконно мягких -(*е*)*к*- или -(*о*)*к*-]:

а) в первый период этой эпохи сохраняются все образования предшествующего периода лишь с утратой редуцированного гласного или его прояснением в гласный полного образования: *gora — gorka*, *z'eml'a — z'eml'ka* > *zemľka* > *zem'el'ka*, *časa — časka*, *rěka — rěčka*, *muxa — moška*, *kn'iga — kn'ižka; dub — dubok*, *kon' — kon'ek* или *kon'ok*, *mex — mešek* или *mešok*, *rog — rožek* или *rožok*, *suk — suček* или *sučok; zv'er' — zv'erok*, *golub'* (или *golub*) — *golubok*, *dv'er' — d'v'erka* или *dv'orka*, *klět' — klětka*, *myš — myška*.

Как видно из примеров, и в этот период, и ранее твердая парная согласная непроизводного слова сохраняется в производной; заднеязычная чередуется с шипящей. Характерной особенностью этой эпохи являются непроизводные основы на мягкую парную согласную фонему: они в одних случаях сохраняются в производном уменьшительном (*kon' — kon'ok*, *car' — car'ok*), в других — заменяются соответствующей твердой (*zv'er' — zv'erok*, *golub' — golubok*, *pečen' — pečonka*). Морфонологическое чередование *t'* || *t* становится существенной приметой образования уменьшительных от значительных групп существительных;

б) в более поздний период этой эпохи при сохранении всех перечисленных выше типов образования уменьшительных появляется новый тип — с устранением чередования *t'*//*t*, т. е. с сохранением мягкой парной согласной в уменьшительном. Появляются такие образования, как *zv'er' — zv'er'ok*, *stupen' — stupen'ka*, *akvar'el' — akvar'el'ka*, диалектное *dv'er' — dv'er'ka*.

Намеченные здесь основные этапы в истории уменьшительных существительных мужского и женского рода подтверждаются данными всех славянских языков со спецификой — для поздних эпох — связанной со своеобразием развития категории твердости—мягкости, а также с новыми более сложными словообразовательными моделями, образовавшимися путем сочетания суффиксов. Древнейшие этапы особенно широко представлены в южнославянских языках.

Следует отметить, что в каждый последующий период продолжают существовать многие из типов уменьшительных образований предыдущих эпох, но они приобретают диалектный характер, или ту или иную стилистическую окраску, либо закрепляются в определенных фразеологических оборотах, или, наконец, специализируются в значении, например, становятся названием растения, животного, приспособления, части орудия и т. д., т. е. перестают быть уменьшительными. Нередко старые уменьшительные закрепляются в топонимике и антропонимике. Ср. напр., названия рек — *Донец*, *Волховец*, *Дубец*, *Ингулец* (ср. р. *Ингул*),

Колвица (Мурман. обл.; ср. р. *Колва* той же области), *Сылвица* (ср. р. *Сылва*), названия городов — *Речица*, *Гвоздец* (Черниг. обл.), *Бродец* (Могил. обл.), *Дворец* (на р. Ангаре, Краснояр. края), *Каменец* (в нескольких местах), *Козелец* (Черниг. обл.), *Коропец* (Черниг. обл.; ср. *Короп* той же обл.), *Кременец* (Терноп. обл. УССР и Минской обл. БССР), *Крестцы* (Новгор. обл.; ср. *Кресты* той же обл.), *Куренец* (в районе г. Молодечно, БССР; ср. *Курень* Черниг. обл.), *Островец* (в районе г. Молодечно, БССР), *Павелец* (Рязан. обл.). Особенно интересны названия *Острожец* (Ровен. обл. УССР), *М. Бережцы* (Молд. ССР), сохранившие старые уменьшительные с суффиксом *-ьц-* от непроизводных основ на заднеязычную.

Широко известны в древнерусском языке уменьшительные личные имена на *-ьць*, *-ица-*, сохранившиеся в украинском, например, *А́нница*, *Горпи́ница*, *Ондрі́ець*, *Богдане́ць*, *Дани́ле́ць*, *Кири́лець*, *Мартине́ць*, *Митропане́ць*, *Овді́ець*, *Онопрі́ець*, *Якіме́ць*, *Юхіме́ць* и др. Повсеместно известны производные от них в роли названий населенных пунктов — *Абрамцево*, *Андрейцево*, *Ива́нцо́во*, *Матве́йцево*, *Степа́нцево*, *Тюме́нцево* и т. д., фамилии *Трубицын*, *Якимцев*, *Сидорцев*. Представлены также непосредственно старые уменьшительные личные имена в роли фамилии — *Семенец*, *Пилипец*, *Романец* и т. д. Наконец, они сохраняются в рифмах и ассонансах народной поэзии, в пословицах, загадках и т. д. Ср., напр., в русском языке: *певун певец нашел хлевец, в нем пять тысяч овец* (улей); *полон хлевец белых овец* (рот и зубы); ср.: *чужой роток — не свой хлевок, не затворишь*; *маки мои маковицы, золотые головицы*; в украинском: *молодії молодиці, завивайте головиці*; *випийте до денця, — там нема гемонця*; *веде коня у стайницю, а милого у світлицю*; *прийшов чернець, положив яйца в углець — нехай киплять, поки прийду опять*. Однако все это выходит далеко за пределы вопросов, которые могут быть освещены в настоящем докладе. Несомненно одно: изучение славянской топонимики и антропонимики, а также языка народной поэзии может многое прояснить в истории рассматриваемых явлений.

С. Б. Бернштейн

КОНТРАКЦИЯ И СТРУКТУРА СЛОГА В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Освещение двух указанных в заглавии доклада явлений в их взаимосвязи требует прежде всего некоторого пересмотра широко распространенного в славянском языкознании положения, которое сводится к следующему: контракция (стяжение гласных) в славянских языках — явление локальное, оно характеризует по преимуществу западнославянские языки. Как хорошо известно, контракция широко отражена в западнославянских литературных языках и не отражена или отражена слабо и непоследовательно в восточнославянских и южнославянских литературных языках. Вот почему еще в XIX в. именно по этому признаку ученые противопоставляли западнославянские языки языкам восточно- и южнославянским. Это было понятно и естественно для того времени, когда изучение диалектов славянских языков находилось на начальной стадии, когда специалисты по сравнительной грамматике опирались в основном на данные литературных языков и памятников славянской письменности. Но это время давно прошло. И странным анахронизмом звучит теперь утверждение, что, например, восточнославянские языки не знают контракции. А ведь именно на подобного рода утверждениях строятся все новые и новые гипотезы, которые призваны объяснить многие неясные и запутанные явления из области исторической фонетики и морфологии. Я не буду сейчас цитировать старых авторов, которые ошибочно характеризовали территории распространения контракции. Ограничусь свежими примерами.

Е. Паулини в своем труде «Fonologický vývin slovenčiny» (1963 г.) уделил истории контракции в словацких говорах много внимания. У меня еще будет повод вернуться к этому капитальному труду. Здесь я, однако, хочу указать лишь на одно утверждение проф. Паулини. Он считает, что до сих пор еще не удалось установить причин контракции. При этом он обращает внимание на то, что контракции в языке сопутствует ряд важных фонетиче-

ских признаков. Он пишет: «Поразительно, что в тех языках, где удерживается фонологическое ударение (восточнославянские языки) или релевантная фонологическая интонация (южнославянские языки), контракция, как правило, не имела места. В тех же языках, где фонологическое ударение и интонация утратились (западнославянские языки), контракция осуществилась» [1].

В 1963 г. в сборнике в честь акад. Б. Гавранка была опубликована статья Р. Крайчовича «O príčinách vzniku západoslovanskej kontrakcie («Slavica Pragensia», IV)». На этой статье я буду вынужден подробно остановиться позже, так как она имеет непосредственное отношение к теме данного доклада. Здесь же я хочу лишь обратить ваше внимание на следующее утверждение словацкого ученого: «Контракция, в настоящее время это общеизвестно, не имела места именно в восточно- и южнославянских языках. Полагаем, что это вызвано не случайными причинами, а имело свои основания» [2]. В дальнейшем Р. Крайчович пытается обнаружить их.

Утверждения Е. Паулини и Р. Крайчовича не отражают истинного положения дела. Хорошо известно, что в отношении интонации и ударения южнославянские языки не представляют единства: болгарский и македонский не обладают интонацией, что их существенно отличает от сербохорватского и словенского. С другой стороны, в болгарском представлено фонологическое ударение, тогда как в македонском находим различного типа фиксированное ударение. Ошибочно характеризуются обоими авторами восточнославянские языки в отношении контракции.

Современное состояние русской диалектологии дает возможность представить контракцию в русском языке следующим образом: контракция известна в с е м северновеликорусским говорам, охватывает часть переходных говоров и спорадически встречается в южновеликорусских говорах [3]. Под воздействием литературного языка в говорах с контракцией иногда возникают нестяженные формы, но их характер, чуждый местной народной речи, легко установить. Характеризуя северновеликорусские говоры на основе двучленных соотносительных явлений, авторы новой «Русской диалектологии» указывают среди важнейших фонетических признаков на «отсутствие *j* в интервокальном положении, явления ассимиляции и стяжения в возникающих при этом сочетаниях гласных» [4].

---

[1] E. P a u l i n y. Fonologický vývin slovenčiny. Bratislava, 1963, стр. 89—90.

[2] R. K r a j č o v i č. O príčinàch vzniku západoslovanskej kontrakcie. «Slavica pragensia», IV. Praha, 1962, стр. 113.

[3] Т. С. К о г о т к о в а. Утрата интервокального *j* и стяжение гласных в русских говорах. Автореферат канд. дисс. Л., 1953, стр. 12.

[4] «Русская диалектология». Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964, стр. 236.

Являясь в прошлом фактом фонетического характера, контракция в русском языке (как и в других славянских языках) пережила процесс морфологизации и в настоящее время характеризует определенные морфологические категории. Следы ее мы находим в прилагательных, возникших в результате слияния именных прилагательных с указательным местоимением *jь*, *ja*, *je*, в сравнительной степени прилагательных, при употреблении постпозитивной частицы *-от*, в настоящем времени глаголов, восходящих к I и III классам, в прошедших временах глагола, в инфинитиве. Контракция представлена в группах *ája*, *'aja*, *óje*, *'oje*, *ýjy*, *'yjy*, *ыje*, *'ыje*, *áje*, *'aje*, *éje (ѣje)*, *óje*, *ýje*, *'ajy*. «Ударные сочетания *ájy*, *ójy*, *éjy* (*знájy*, *мójy*, *с'éjy*) не подвергаются стяжению. В литературе, а также в материалах для диалектологического атласа имеются указания на утрату интервокального *j* в сочетании *ájy*, т. е. отмечены формы типа *знáу*, *бывáу*, однако дальнейшего стяжения в них не происходит» [5]. Надо полагать, что здесь представлен не гласный *у*, а билабиальный *w*.

Таким образом, контракция в русском языке осуществляется только в том случае, если интервокальный *j* находился в заударном слоге. В случаях типа *дajóт*, *встajóт*, *стojáл*, *уjéхал*, *мojá* и подобных русские говоры контракции не знают, так как в предударной позиции *j* никогда не утрачивается.

Т. С. Коготкова, посвятившая много времени всестороннему изучению контракции в русских говорах (к сожалению, большая часть исследования еще не опубликована), установила территорию контракции, ее условия, ограничения, связь с северновеликорусской и южновеликорусской системами безударного вокализма, с ударением, с позицией перед твердыми и мягкими согласными, с различными морфологическими категориями. Автор хорошо показал на материале русских говоров различные ступени контракции. Нередко они обнаруживаются в системе одного говора. Коготкова называет это ж и в ы м процессом контракции. Он представлен «во всех группах северновеликорусского наречия, особенно выделяются в этом отношении говоры Олонецкой, Поморской и Владимиро-Поволжской групп» [6]. Об активности процесса свидетельствует наличие контракции в словах книжного и иностранного происхождения. Коготкова хорошо видит связь контракции с изменениями границ слога. «При стяжении гласных нарушается граница слогов, причем сложность вопроса и состоит в том, чтобы выяснить, где и как нарушается этот слогораздел» [7].

---

[5] Т. С. К о г о т к о в а. Стяжение гласных в русских говорах в его отношении к различным морфологическим категориям. «Материалы и исследования по русск. диалектологии», новая серия, вып. II. М., 1961, стр. 91.

[6] Т. С. К о г о т к о в а. Утрата интервокального *j* и стяжение гласных в русских говорах, стр. 8.

[7] Там же, стр. 5.

К сожалению, итогами нового исследования не воспользовались авторы последних исторических грамматик русского языка. Они проходят мимо контракции, в лучшем случае посвящают ей несколько слов в разделе морфологии прилагательного. И это обстоятельство имеет уже свои отрицательные последствия. Так, опираясь на «Историческую грамматику русского языка» В. И. Борковского и П. С. Кузнецова (1963), И. Марван недавно писал, что «восточнославянские изменения касаются только групп без интервокального *j* (в имперфекте) и случаев морфологического характера (в сложных прилагательных)» [8]. Как далеко это утверждение Марвана от подлинного положения! Контракция представлена на всей территории северновеликорусских народных говоров. Она характеризует здесь важнейшие элементы системы.

В меньшей степени явления контракции известны белорусскому и украинскому языкам. Однако и здесь в ряде говоров и позиций контракция имела место [9].

Еще меньше оснований игнорировать факты контракции в южнославянских языках. Хорошо известны в памятниках старославянского языка стяженные формы в прилагательных и в имперфекте типа добраго (< *dobrajego*), доброумоу (< *dobrujemu*), ведѣхъ (< *vedĕahъ*), можахъ (< *možaahъ*). Нет сомнений, что в данном случае памятники XI в. отражают особенности живой народной речи славян Македонии, Мизии, Балкан и Фракии. Правда, далеко не все случаи упрощения структуры можно рассматривать как следствие контракции. Так, тв. п. ед. ч. добрыимь возникло, конечно, не в результате фонетического слияния именной формы добромь и местоимения имь, а вследствие перестройки данной структуры по определенным морфологическим моделям. В местоименных прилагательных старославянского языка таких случаев много. Не имеют к контракции отношения и случаи типа *dobrogo*, *dobromu* ..., представленные последовательно в восточнославянских языках и спорадически в памятниках старославянского языка. Они возникли под воздействием местоименного склонения *tъ*, *togo*, *tomu* ... Труднее дать уверенный ответ на вопрос о происхождении западнославянских форм типа *dobrego*, *dobremu* ... Они могли возникнуть в результате контракции: *dobrajego* > > *dobraego* > *dobreego* > *dobrēgo* > *dobrego*. Однако нельзя исключить возможности здесь морфологических преобразований. Стяженные формы известны не только старославянскому языку. Они встречаются и в древних сербских, хорватских и словенских текстах.

---

[8] J. Marvan. Z historie kontrakce. «Slavia», roč. XXXV, 1966, seš. 3, стр. 345.

[9] Нарысы па беларускай дыялекталогіі, пад рэдакцыей Р. І. Аванесава. Мінск, 1964, стр. 190—192; Ф. Т. Жилко. Нариси з діалектології української мови. Київ, 1966, стр. 186, 209, 215 и др.

Специалистам хорошо известны многочисленные случаи контракции в словенском языке. В этом отношении он не уступает западнославянским языкам. Следы контракции представлены в литературном языке (ср. *báti se* 'бояться', *pás* 'пояс', *svák* 'деверь, свояк', *státi* 'стоять', *stál* 'стоял'), еще больше в говорах (ср. лит. *zájec*, диал. *zêc*). Контракция в словенском отражена во многих корневых морфемах, охватывает многие словообразовательные элементы слова и флексии [10]. Многочисленные случаи контракции в различных позициях находим в кайкавских и чакавских говорах сербохорватского языка. Именно это дало основание Р. Нахтигалу по признаку контракции языки этого района (словенские говоры, кайкавские и чакавские говоры) объединить с западнославянскими языками. «В языках западной славянской группы и в северо-западной части южнославянских языков неслоговой *i̯* в интервокальном положении уже в доисторическое время артикулировал слабо. В дальнейшем это привело к его утрате, а затем к взаимной ассимиляции гласных и, наконец, к их слиянию (контракции) в один долгий гласный» [11].

Слабее отражена контракция в штокавских говорах. Однако в той или иной степени стяжение гласных представлено и здесь, что в свое время отмечал еще М. Решетар в известном труде «Der štokavische Dialekt» (Wien, 1907). Более поздние диалектологические исследования штокавских говоров обнаружили здесь новые районы контракции и связанные с ней явления.

Пережили контракцию в различных позициях слова и говоры восточного ареала южнославянских языков. Болгарский язык представляет контракцию в различных морфологических категориях.

Как известно, наиболее последовательно контракция была осуществлена западнославянскими языками. Однако и здесь наблюдаются колебания в степени ее отражения не только по языкам, но даже по диалектам отдельных языков. Кроме того, каждая система (литературного языка или отдельного говора) представляет в определенных словах или позициях многочисленные отклонения от общей тенденции.

Богат примерами контракции чешский язык. Здесь она отражена в корнях, суффиксах, во флексиях: *báti se* (< *bojati sę*), *bázň* (< *bojaznь*), *pás* (< *pojasъ*), *vévoda* (< *vojevoda*), *dobrá* (< *dobraja*), *dobré* (< *dobroje*), *má* (< *moja*), *mého* (< *mojego*), *děláš* (< *dělaješь*), *zná* (< *znaje*), *umíš* (*uměješь*), *znamení* (< *zna-*

---

[10] Подробнее см.: F. Ramovš. Historična gramatika slovenskega jezika. II. Konzonantizem. Ljubljana, 1924, стр. 162—165; F. Ramovš. Morfologija slovenskega jezika. Ljubljana, 1952; F. Ramovš. Historična gramatika slovenskega jezika. VII. Dialekti. Ljubljana, 1935.

[11] Р. Нахтигал. Славянские языки. Пер. со словен. М., 1963, стр. 75.

menьje), *pěší* (< *pěšьjь*), *kostí* (< *kostьjь*), *ženou* (< *ženojǫ*) и т. д.[12]

Однако даже в чешском языке контракция не могла быть осуществлена во всех позициях, так как в отдельных словах и некоторых морфологических условиях интервокальный *j* не утрачивался. Так, *j* сохраняется в *laješ*, *laje*, *piješ*, *pije*, *kryješ*, *kryje*, *báti se*, но *bojím se*, *bojíš se*, *státi*, но *stojím* и т. д. М. Комарек полагает, что контракция не могла быть осуществлена там, где она вызвала бы разрушение морфологической структуры слова, иначе говоря, распад морфологического тождества морфем[13]. Однако далеко не все случаи можно объяснить так. А. Г. Широкова справедливо указывает на то, что условия для контракции в *laješ* и *znaješ* были тождественными[14]. Однако в первом случае сохранена старая структура, во втором — *j* утратился и осуществилась контракция. Возможно, что некоторые нестяженные примеры — нового происхождения. Близок к чешскому в отношении судьбы интервокального *j* и контракции словацкий язык. Однако здесь контракция проведена менее последовательно (ср., напр., тв. п. ед. ч. *ženou* < *ženojǫ*). Есть различия и по говорам[15].

Еще менее последовательно контракция проведена в польском языке. Богатую коллекцию примеров исключений дает В. Маньчак в статье Contraction des voyelles dans les langues slaves — «Anzeiger für slavische Philologie», Wiesbaden, 1966, стр. 53—54. Исследователи контракции в славянских языках не уделяют должного внимания данным полабских текстов. А ведь они свидетельствуют не только об отсутствии контракции в языке полабских славян, но и о сохранении интервокального *j*. «Праславянский *j* в интервокальном положении в полабском сохранялся без изменений. Напр., *perdójə* (*perdoja*, *perdóje*) 3 л. ед. ч. наст. вр. **perdaje(tъ)*, *zodərəjącə* (*sodaragańgse*), причастие настоящего времени действительного залога **zadirajǫtjьjь*, *stréləjące* (*strelyaganse*), причастие настоящего времени действительного залога **strěljajątjьjь*, *znajémnə* (*snogemene*) **znajemьnъjь*, *düjócə* (*dyôtse*), числительное **dvojačьjь*, *vütdójěmə* (*wittedoyíme*, *wittodüjeme*), 1 л. мн. настоящего времени **otdajemy*, *pójąk* (*pogang*, *pojanck*, *pojunc*), им. ед. **pająkъ*,

[12] Подробнее см.: F. Trávníček. Historická mluvnice československá. Praha, 1935, стр. 63; А. М. Селищев. Славянское языкознание, т. 1. Западнославянские языки. М., 1941, стр. 101—103; M. Komárek. Historická mluvnice česká. I. Hláskosloví. Praha, 1958, стр. 37—39; А. Г. Широкова. Чешский язык. М., 1961, стр. 70—71; J. Marvan. Zur Rolle der Kontraktion in der alttschechischen Nominaldeklination. «Scando-Slavica», t. XIII, 1967, стр. 221—238.

[13] M. Komárek. Указ. соч., стр. 38.

[14] А. Г. Широкова. Указ. соч., стр. 71.

[15] См.: L. Novák. K. otázce jerových střídnic a kontrakce v střední slovenštině. «Bratislava», ročn. V, 1931, č. 4; E. Pauliny. Указ. соч., стр. 84—90.

rüji-sə (*riyssa*), 3 л. ед. настоящего времени **roji(tъ)-sę*, *rüją-sə* (*riangsa*), 3 л. мн. настоящего времени *roję(tъ)sę*, *krüjə* (*krye*), 3 л. ед. настоящего времени **kroji(tъ)*, *büjí-sə* (*byîssa*, *büjîssa*), 3 л. ед. настоящего времени **boji(tъ)sę*, *krojôt* (*krojôt*), инфинитив **krajati*, *düjə* (*düe*), 3 л. ед. настоящего времени **doji(tъ)*, *düjącə* (*düangse*), причастие настоящего времени действительного залога **dojętjьjь*, *zójąc* (*sogans*, *sojangss*), им. ед. **zajęcь*, *znójə* (*znoye*), 3 л. ед. настоящего времени **znaje(tъ)*, *znójěs* (*snogis*, *znoÿs*), 2 л. ед. настоящего времени **znaješь* и т. д.»[16]

Наш краткий и беглый обзор контракции в славянских языках свидетельствует, что контракция в связи с утратой интервокального *j* известна всем славянским языковым группам (не только западнославянской), что в западнославянских языках судьба ее была различной. Вот почему противопоставление по данному признаку западнославянских языков языкам других славянских групп лишено основания. Наиболее последовательно контракция была осуществлена в чешском языке. На противоположном полюсе славянского языкового мира находим полабский язык, южновеликорусские говоры.

Праславянский язык не знал контракции не только потому, что тогда не была известна утрата интервокального *j*. Контракция не осуществлялась и в случаях типа *bьraaxъ*, где *j* между гласными не было вообще[17]. Вот почему все исследователи праславянского языка проходят мимо явлений контракции. Ничего не сообщается об утрате *j* и контракции в сводных очерках праславянского языка Г. А. Ильинского, А. Мейе, П. Арумаа и др. Исключение представляет лишь A prehistory of Slavic Г. Шевелева (1964). Автор посвятил специальный параграф возникновению новых долгот в результате контракции[18]. Однако анализируемые им примеры относятся уже не к праславянской эпохе.

В результате палатализационных процессов, действия «закона открытых слогов» в праславянском произошло сближение тембров звуков внутри слога. Это привело к формированию силлабем, когда «в качестве различителей значения выступают нерасчле-

---

[16] T. Lehr-Spławiński. Gramatyka połabska. Lwów, 1929, стр. 95—96.

[17] Авторы украинской сравнительной грамматики славянских языков объясняют отсутствие в праславянском контракции в имперфекте тем, что перед формантом *-ax-* находился ларингал. Старославянские примеры дѣлахъ молахъ и подобные явились результатом «недавней утраты ларингальных согласных перед формантом *-ax-*». — «Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов». Київ, 1966, стр. 79. С этим положением согласиться невозможно, так как все известные нам факты говорят о том, что ларингалы утратились в ранний период истории праславянского языка, еще до установления так наз. «балто-славянской сообщности».

[18] G. Shevelov. A prehistory of Slavic. The historical phonology of Common Slavic. Heidelberg, 1964, стр. 524—528.

ненно сочетания согласной с последующей гласной, т. е. слог в целом»[19]. При данной структуре слог в слове должен был представлять постоянную и достаточно автономную единицу как в различных словообразовательных категориях (ср. *rǫ/ka*, *rǫ/čь/ka*, *na/rǫ/ka/vь/ni/kъ*), так и в парадигме (ср. *rǫ/ka*, *rǫ/ky*, *rǫ/cě*, *rǫ/kǫ*, *rǫ/kǫ/jǫ*, *rǫ/kъ*, *rǫ/ka/mъ*, *rǫ/ka/mi*, *rǫ/ka/xъ*; *ko/n'ь*, *ko/n'a*, *ko/n'u*, *ko/n'e/mь*, *ko/n'i*, *ko/n'e/mъ*, *ko/n'ę*, *ko/n'i/xъ*; *nę/sǫ*, *ne/se/ši*, *ne/se/tь*, *ne/se/mъ*, *ne/se/te*, *ne/sǫ/tь*, *ne/se/vě*, *ne/se/ta*, *ne/se/te*). Таким образом, границы слога во всех категориях были постоянными: при изменении формы слова не происходило перемещения слогораздела. Вот почему слогораздел являлся надежной защитой слога от воздействия соседних слогов. В эпоху силлабем в праславянском не могли возникнуть явления межсловной фонетики (напр., sandhi), слогового сингармонизма, диссимилятивного яканья и, конечно, контракции. В имперфекте *bьraахъ* в старославянском произошло стяжение гласных не потому, что два гласных *a* находились в непосредственном соседстве, а потому, что в результате утраты сверхкратких гласных в «слабой» позиции в XI в. была разрушена прежняя слоговая структура (силлабемы), в языке наступил период свободного перемещения слогораздела, что создало возможность перехода двойного гласного в долгий гласный, а позже и утрату долготы. В эпоху силлабем слогораздел так же препятствовал контракции, как и любой интервокальный согласный[20].

Неоднократно делались попытки связать контракцию с эпохой до утраты сверхкратких. Последняя по времени принадлежит Р. Крайчовичу. Как уже было сказано выше, словацкий ученый исходит из ошибочного положения, что контракция характеризует лишь западнославянские языки и отсутствует в восточно- и южнославянских. Он полагает, что это различие характеризовало уже праславянские диалекты и было связано с тем, что в западнославянском праязыке «закон открытых слогов» действовал не так последовательно и строго, как в других праславянских диалектах. Это доказывается сохранением в западнославянских языках групп *tl*, *dl*, *dn*, *dm* и упрощением их в *l*, *n*, *m* в восточно- и южнославянских, сохранением групп *kv*, *gv* в западнославянских и переходом их в *cv*, *zv* в восточно- и южнославянских. Здесь все строится на спорных и весьма сомнительных допущениях. Некоторую непоследовательность в проведении «закона открытых слогов» исследователи обнаруживают только на периферии западнославянских языков (на севере лехитской группы), но они

---

[19] Р. И. Аванесов. Из истории русского вокализма. Звуки *i* и *y*. «Вестник МГУ», 1947, № 1, стр. 48.

[20] Подробно об этом см.: С. Б. Бернштейн. К истории слога в праславянском языке. «Слав. языкознание. Доклады сов. делегации. V Междунар. съезд славистов». М., 1963, стр. 66—67.

обнаруживают ее также и на периферии болгаро-македонской группы. У нас есть все основания полагать, что праславянские слоговые плавные в восточнославянских языках стали неслоговыми еще до утраты сверхкратких. Таким образом, в случаях типа *vъlkъ* в восточнославянском праязыке мог возникнуть закрытый слог еще в период действия «закона открытых слогов». Все это, однако, не имеет никакого отношения к случаям типа *mydlo — mylo* и под., так как здесь все диалекты праславянского языка представляли только открытые слоги: *my|dlo*, *my|lo*[21].

Крайчович полагает, что в группе типа * *toie* в диалектах праславянского языка возможны были две слоговые структуры: *to|ie* и *toi|e*. Первая была характерна для тех праславянских диалектов, которые лежат в основе восточно- и южнославянских языков. В этом случае *i* изменялся в *j* и возникало два открытых слога: *to|je*. Согласный *j* хорошо сохранялся, и контракция не возникала. Вторая слоговая структура была представлена в западнославянском праязыке. Таким образом, здесь был представлен закрытый слог *toi-*, в котором *i* позже утратился. Так возникли здесь условия для контракции. Сперва *i* утратился в группах типа *t'ьie* > *t'ie* > *t'é*, позже в группах типа *toie* > *toə* > *té*. Все эти соображения лишены какой бы то ни было почвы. Во всех диалектах праславянского языка интервокальный *i* (или *j*) должен был непременно начинать слог, т. е. идти сразу же после слогораздела, так как в противном случае он образовывал бы с предшествующим гласным дифтонгическое сочетание, которое закономерно должно было перейти в монофтонг (*oi* > *ě*).

Славянские языки свидетельствуют, что утрата интервокального *j* наступила позже падения сверхкратких в «слабой» позиции. Д. В. Бубрих в свое время хорошо показал, что в «слабой» позиции *ь* никогда в стяжении не участвовал, что он утратился раньше, нежели исчезал интервокальный *j*[22]. Современные сербохорватские примеры типа *здрâвље* (< *zdorvьje*), *снôпље* (< *snopьje*), *кр̏вљу* (< *krъvьjǫ*), *весе̏ље* (< *veselьje*), *ка̏мење* (< *kamenьje*), *пр̑ħе* (< *prǫtьje*), *брâħа* (< *bratьja*), *лâђа* (< *oldьja*) и т. д. подтверждают это наглядно и убедительно. Хорошо аргументировал недавно проф. Е. Паулини свое положение, что в среднесловацких говорах контракции предшествовали не только утрата сверхкратких и их вокализации, но и деназализация носовых[23].

---

[21] С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, стр. 188—190.

[22] Д. В. Бубрих. Северно-кашубская система ударения. — ИОРЯС; т. XXVII. Л., 1924, стр. 79.

[23] E. Paulíny. Указ. соч., стр. 100.

Сложнее решается вопрос о соотносительной хронологии контракции в чешском языке. До появления известной статьи Н. С. Трубецкого «К вопросу о хронологии стяжения гласных в западнославянских языках» (1929) историки чешского языка полагали, что контракция в чешском наступила после утраты сверхкратких в «слабой» позиции. Ф. Травничек высказывал предположение, что оба процесса были почти синхронными. «Вывод Фр. Травничка, — писал Трубецкой, — представляется нам необоснованным»[24]. Он обращает внимание на несколько примеров из чешского языка, которые можно, как полагает Трубецкой, объяснить только в том случае, если исходить из положения, что контракция наступила р а н ь ш е падения сверхкратких. «Есть формы, которые проливают свет на хронологическое соотношение падения еров и стяжения гласных в западнославянских языках. К таким формам относятся прежде всего чешские образования с суффиксом *-stvie*, н.-чеш. *-ství* (*lakomstvie*, *junošstvie*, н.-чеш. *ředitelství*, *vinařství* и т. п.), восходящим к праслав. **-ьstvьje*. Ведь если бы падение слабых еров происходило до утраты междугласного *-j-* и до стяжения гласных, то **-ьstvьje* дало бы по-чешски *-eství*, а не *-ství*. Правда, можно было бы попытаться объяснять отсутствие ожидаемого *e* перед *-ství* влиянием другого праславянского суффикса, именно суффикса **-ьstvo*, специализировавшегося в чешском языке в роли суффикса имен собирательных (*obyvatelstvo*, *čtenářstvo* и т. п.), но объяснение это вряд ли могло бы считаться удовлетворительным»[25]. С последним утверждением Трубецкого вполне можно согласиться. Однако к нему нет нужды прибегать, так как указанные выше случаи можно толковать иначе. «Еще более поучительными представляются нам, — продолжает Трубецкой, — западнославянские отражения праславянского слова *šьstьje* ('шествие'): чеш. *příští*, польск. *wejście*, *wyjście*, *zejście*, *ujście*. Двухсложное чеш. *příští* могло получиться из четырехсложного праслв. **prišьstьje* только через ступень *prišьstě*, т. е. только при условии, если утрата междугласного *-j-* и стяжение гласных завершилось д о п а д е н и я с л а б ы х е р о в: иначе **prišьstьje* дало бы **přišestie*. Заметим, что чеш. *příští* не может быть объяснено действием каких-либо внефонетических факторов (аналогии и пр.), ибо в морфологическом отношении оно стоит совсем особняком»[26]. И в данном случае можно обойтись без «внефонетических факторов».

Прежде всего следует обратить внимание на то, что только на основании отдельных примеров из чешского и польского

---

[24] Н. С. Т р у б е ц к о й. К вопросу о хронологии стяжения гласных в западнославянских языках. «Slavia», ročn. VII, 1929, seš. 4, стр. 805.
[25] Там же, стр. 806—807.
[26] Там же, стр. 807.

языков Н. С. Трубецкой делает заключение о хронологии явления во всех западнославянских языках. Но обратимся к его примерам.

Все приведенные Трубецким примеры могут быть истолкованы иначе, если мы предположим, что в древнечешском интервокальный *j* очень рано, еще до утраты сверхкратких, изменился в *i̯*. Таким образом, суффикс **-ьstvьje* и отглагольные существительные **šьstьje* для древнечешского следует восстанавливать как **-ьstvьi̯e*, *šьstvьi̯e* — после утраты *ь* в «слабой» позиции **-stvi̯e*, **šsti̯e*. Утрата *ь* в «слабой» позиции перед *i̯* не могла обеспечить сохранение *ь* в предшествующем слоге, так как в положении перед слогом с *i̯e* он также оказывался в «слабой» позиции. В дальнейшем *i̯* слился с последующим гласным. Также можно толковать пример Комарка *ohbie* (< *ogъbьje*), совр. *ohbí* 'изгиб'. Что касается примера *strýc* (< *stryjьcь*), то здесь без «внефонетических факторов» обойтись уже нельзя[27].

Утрата интервокального *j* и последующая за этим контракция происходили в славянских языках в разное время, но всегда после утраты сверхкратких, т. е. после распада праславянской слоговой структуры (силлабем). Утрачивался не *j*, а *i̯*. Поэтому все процессы, связанные с контракцией, ранее наступали там, где раньше и последовательнее согласный *j* изменялся в полугласный *i̯*. В одних позициях *i̯* утрачивался без всякой компенсации (напр., *aja* > *ai̯a* > *aa* > *ā*), в других — сливался с последующим гласным в долгий монофтонг (напр., *ьi̯e* > *i̯e* > *ē*). Сверхкраткие в слоге перед этим долгим монофтонгом утрачивались, несмотря на то, что по правилу Гавлика они должны были сохраниться. Прежде я вслед за Трубецким не учитывал роли *i̯* в создании долгих монофтонгов[28]. А именно в чешском языке она была велика.

Контракция наступила в славянских языках в разное время. Раньше всего в чешском, позже — в словацком и словенском, еще позже — в штокавских говорах сербохорватского языка. Как уже отмечалось выше, в некоторых северновеликорусских говорах контракция в настоящее время действует как живой фонетический процесс.

С контракцией были связаны не только фонетические и фонологические изменения, не только глубокие преобразования структуры слога: менялся внешний облик морфем и границы между ними (ср. *zaję̨cь* > *zec*). Существенную роль сыграла контракция в истории флексий.

---

[27] M. Komárek. Указ. соч., стр. 38.

[28] В «Очерке сравнительной грамматики славянских языков» я писал: «Трубецкой хорошо показал, что эти процессы (контракция. — *С. Б.*) здесь (т. е. в западнославянских языках — *С. Б.*) прошли до утраты сверхкратких гласных» (стр. 247).

Условия для контракции возникали в славянских языках в различные периоды их истории в связи с разными локальными процессами. Как правило, процессы эти происходили поздно и в настоящее время обычно представляют начальные ступени: двойные гласные или долгие гласные. Примечательно, что в этом случае находим долгие гласные в тех языках, которые давно утратили количество (фонологическую долготу).

Ф. Лоренц отмечает долгие гласные в кашубских говорах в связи с переходом интервокального *ł* в *u̯* и затем слияния его с соседними гласными: *přédā* (< *predała*), *dā* (< *dała*), *prosā* (< *prosiła*), *rob'ā* (< *robiła*). Некоторые говоры представляют более древнюю стадию (стадию двойных гласных): *daa*, *pïtaa*, *ležaa*. Лоренц указывает, что в этих говорах контракция еще не проведена[29]. Ст. Стойков в говоре болгарского села Петырница близ Плевена отметил наличие долгих гласных в результате слияния *ł* с предшествующим гласным: *зе̏ка* (< *зелка*), *се̏ска* (< *селска*), *бъ̏гарин* (< *българин*), *въ̏на* (< *вълна*), *гъ̏там* (< *гълтам*), *во̏* (< *вол*), *сто̏* (< *стол*). Однако долгий гласный находим только в подударной позиции. В безударной позиции говор представляет двойные гласные: *дъ̆бо́ко* (< *дълбо́ко*), *йа́бъ̆ка* (< *йа́бълка*), *къ̆бо́* (< *кълбо́*), *мъ̆чи́* (< *мълчи́*) и др.[30] Контракция, в которой принимал участие интервокальный сонант, широко представлена в различных районах штоковщины[31].

К локальным процессам относятся случаи контракции в результате утраты интервокального *х*. Это явление известно сербохорватским, македонским и западноболгарским говорам. Наиболее последовательно стяжение проведено в сербохорватском, где представлена ступень долготы (ср. турецкое заимствование *sahat* в сербохорватском *câm*, тогда как в болгарском языке здесь находим двойной гласный: *саат*).

К сожалению, существующие описания южнославянских диалектов, специальные работы о случаях контракции в связи с утратой интервокального *х* не дают ясного представления об этом явлении, так как исследователи, как правило, не различают долгих и двойных гласных. Совершенно очевидно, что о контракции можно говорить только в том случае, если мы имеем дело с монофтонгом (долгим или уже утратившим долготу), а не с двумя тождественными монофтонгами, разделенными слогоразделом и относящимися обычно к разным морфемам. Во время своих многолетних изучений болгарских диалектов я всегда фиксировал только

---

[29] Fr. Lorentz. Geschichte der pomoranischen (kaschubischen) Sprache. Berlin—Leipzig, 1925, стр. 58—59.

[30] Ст. Стойков. Към диалектния консонантизъм на българския език (Промени на съгласната *л* в говора на с. Петърница, Плевенско). «Български език», год. XII, 1962, кн. 1—2, стр. 15—16.

[31] См.: T. Maretić. Gramatika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. Zagreb, 1963, стр. 119.

двойные гласные (напр., в аористе *утйдаа*, *замйнаа* и т. д.). Возможно, это объяснялось тем, что мои личные наблюдения ограничивались восточноболгарскими говорами. М. Младенов утверждает, что «долгие гласные, полученные вследствие утраты согласных (преимущественно согласного *х*), свойственны, как видно из приведенных примеров, прежде всего западноболгарским говорам» [32].

Большой интерес для изучения данного явления представляет македонский литературный язык, так как он последовательно отражает диалектную утрату интервокального *х*. Вл. Пьянко утверждает, что в результате утраты интервокального *х* в литературном языке представлен *ā*: *имā*, *гледā*, *мāла*. Под влиянием принятой орфографии и некоторых говоров иногда можно услышать *имаа*, *гледаа*, *маала* и под. Автор считает *ā* самостоятельной фонемой, так как она выполняет важную дифференциальную функцию: *пāдна — пáднā*, *глéда — глéдā*, *бáњат — бáњāт*, *йма — ймā*, *збóрба — збóрбā*, *ýчеме — ýчēме* и под.[33] Однако в заключение совершенно неожиданно Пьянко пишет: «Автор данной статьи сознает, что материал можно интерпретировать и с другой точки зрения: долгие гласные в македонском языке можно считать не только долгими фонемами, но и сочетаниями двух фонем (бифонемами). Этот вопрос является дискуссионным. Данное толкование проблемы представляется автору более интересным» [34]. Противоречиво и неясно толкуется вопрос о долгих гласных в грамматике Бл. Конеского [35]. Совершенно очевидно, что вопрос о долгих и двойных гласных в македонском языке требует еще всестороннего экспериментально-фонетического и фонологического исследования. Он тесно связан с изучением структуры слога и морфемного состава слова.

---

[32] М. Сл. Младенов. Дълги гласни в българския език. «Език и литература», год. XVIII, 1963, № 6, стр. 28.

[33] Вл. Пјанко. Квантитетот како фонолошки фактор во македонскот јазик. «Македонски јазик», год. XI—XII. Скопје, 1960/61, кн. 1—2, стр. 204—206.

[34] Там же, стр. 211.

[35] Бл. Конески. Граматика на македонскиот литературен јазик. Дел 1. Увод. За гласове. За акцентот. Скопје, 1952, стр. 85.

В. И. Борковский

ИЗМЕНЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ (XI—XVII вв.)

Мы рассматриваем здесь изменения в структуре простого предложения, которые касаются основных центров предложения, его главных членов — подлежащего и сказуемого и от них зависят.

Нас интересуют в первую очередь соотношение и взаимосвязь двусоставных и односоставных предложений в истории восточнославянских языков, степень определенности и неопределенности лица в предложениях без формально выраженного подлежащего, исчезновение одних типов простого предложения и рост употребления других, возникновение новых типов предложений. Исследованы нами определенно-личные, неопределенно-личные, безличные, неполные и номинативные предложения.

Следуя установившейся традиции, мы приводим примеры с указанными типами предложений не только тогда, когда они являются самостоятельными простыми предложениями, но и в случаях их вхождения в состав сложного предложения.

Отметим, что в судьбе отдельных типов предложений (например, определенно-личных) большую роль сыграло их употребление в составе сложного предложения.

Труды по сравнительно-историческому синтаксису близкородственных языков неизбежно должны опираться на большой фактический материал. Поэтому нами привлечены данные из 24 древнерусских (XI—XIV вв.), 42 старорусских (XV—XVII вв.), 19 старобелорусских (того же периода) памятников, 21 староукраинского памятника (тоже XV—XVII вв.). В числе памятников — летописи, жития, полемическая литература, деловая письменность. Особое внимание было уделено изучению структуры простого предложения в грамотах, в первую очередь в берестяных грамотах, представляющих в основном частные письма.

Одно из самых значительных изменений в структуре простого предложения — включение в определенно-личное предложение личных местоимений 1 и 2 лица в роли подлежащего. Таким обра-

зом, исчезает характерная особенность древнерусского синтаксиса — широкое употребление предложений, в которых при глаголе-сказуемом, стоящем в 1 или 2 лице, нет личного местоимения. Замена односоставного предложения двусоставным вызвана в основном двумя причинами. Первая относится к области стилистики: наличие особого логического ударения, необходимость более четкого противопоставления действующих лиц. Вторая — к области грамматики, как результат подравнивания под господствующий тип предложения — двусоставное предложение, в котором субъект и предикат выражены двумя членами предложения.

По-видимому, определенную роль сыграло и то обстоятельство, что местоимение *онъ*, превратившись в личное местоимение, стало заменять подлежащее, употребляться вместо наименования предмета и лица. На 3 лицо стало указывать личное местоимение, причем и в тех случаях, когда глагол-сказуемое уже содержал такое указание в своей личной форме.

Это в какой-то степени облегчило и закрепление предложений с личным местоимением 1 и 2 лица, привело к господству двусоставного предложения.

Постановка местоимения в связи с логическим на нем ударением, в связи с тем, что оно знаменательно, а не просто указывает на лицо, отмечалась многими языковедами: А. А. Потебней, А. И. Соболевским, А. И. Томсоном, А. А. Шахматовым, С. П. Обнорским и др.

Анализ грамот на пергамене [1], а затем берестяных грамот [2] позволил нам не только подчеркнуть значение отмеченной выше причины употребления личных местоимений 1 и 2 лица, но и указать на влияние широко распространенного двусоставного типа предложения. Обе эти причины действовали одновременно, что особенно ярко сказалось в случаях с употреблением личных местоимений в сложном предложении при необходимости четко разграничить различные субъекты действия. Нам приходилось отмечать [3], что, как правило, в этих случаях местоимение, включенное в текст для подчеркивания субъекта действия, стоит во второй части сложного предложения, в первой же части в большинстве примеров—двусоставное предложение с подлежащим-именем существительным. Это приводит к тому, что уже при любых условиях в сложном предложении употребляются личные местоимения 1 и 2 лица.

---

[1] В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение). Львов, 1949, стр. 90—106.

[2] Наши выводы в отношении определенно-личных предложений в берестяных грамотах из раскопок различных лет суммированы в статье «Берестяные грамоты и некоторые вопросы исторического синтаксиса русского языка». — «Проблемы сравнительной филологии». Сборник статей к 70-летию члена-корр. АН СССР В. М. Жирмунского. М.—Л., 1964, стр. 46—47.

[3] В. И. Борковский. Синтаксис. . ., стр. 105—106.

В настоящее время мы полагаем, что к отмеченным двум факторам следует присоединить и названный выше третий, хотя и менее значительный, — замену имени существительного-наименования лица личным местоимением *онъ*.

Процесс вытеснения определенно-личных предложений предложениями с личными местоимениями в роли подлежащего был длительным. Рост случаев употребления с личным местоимением без логического на нем ударения шел очень медленно. Мы полагаем, что даже в XV—XVI вв., а возможно, и в XVII в. нормой было определенно-личное предложение, хотя случаи с личным местоимением уже не составляли исключения.

В памятниках древнерусской письменности лишь в случаях с отчетливым противопоставлением действующих лиц, с логическим ударением (в частности, при наличии приложения) в предложение включается личное местоимение в роли подлежащего. Весьма показателен тот факт, что в авторских замечаниях как в житийной литературе, так и в летописях нормой являлись определенно-личные предложения; включение личного местоимения, будучи строго регламентированным, служило стилистическим целям [4].

Наиболее убедительный факт, свидетельствующий о том, что определенно-личные предложения являются нормой для языка данного периода, — это их употребление и тогда, когда мы ожидали бы включение личного местоимения в предложение (при противопоставлении субъектов действия, при наличии логического ударения).

В то же время постановка личного местоимения в тех случаях, когда она не вызвана стилистическими причинами, говорит о начавшемся процессе превращения односоставного предложения рассматриваемого типа в двусоставное. Такие примеры мы находим уже в памятниках XIII в.

Приведем примеры из древнерусских памятников различных жанров, в которых отсутствует личное местоимение, хотя его употребление и можно было бы объяснить требованиями стиля. Остановимся исключительно на случаях с изъявительным и сослагательным наклонением, поскольку употребление местоимения при повелительном наклонении не стало нормой и в современных восточнославянских языках: глаголаше бо ѥмоу ꙗко тако ходꙗ оукоризноу себе и родоу своѥмоу твориши (Житие Феодосия Печерского по Успенскому сборнику XII в.); мнози бо философи молѧхоутьсѧ грви. аще сего доужа ѿпоустиши съдрава. тъ. много зла створить твоѥмоу црьтвоу (I Новгородская лет.);

---

[4] См.: В. И. Борковский. К вопросу об определенно-личных предложениях в древнерусских памятниках. «Lingua viget. Commentationes slavicae in honorem V. Kiparsky». Helsinki, 1965, стр. 33—37.

в се же времѧ придоша людье Нооугородьстии. просѧще кнѧзѧ собѣ. аще не поидете к намъ то налѣземъ кнѧзѧ собѣ (Лаврентьевская лет.); и поча Володимеръ слати ко Игореви. ѡже мѧ оумиришь съ братомъ. то по Всеволожи животѣ помогоу ти про Киевъ. (Ипатьевская лет.); а не прислещи ми полоупѧты гривьны а хоцоу ти выроути въ тѧ лоуцьшаго новъгорожѧнина (Новгородская берестяная гр. XI в.).

В следующих примерах из памятников XIII—XIV вв. местоимение не является носителем логического ударения: и рекъ к нему оньси что ты томоу велиши творити. меду мало варено а дроужины много (I Новгородская лет.); и слышаша Полочане, и здумаша рекуще. не може мы стати противу Новгородце и Смолнѧно. аще попустимъ ихъ в землю свою. аще и миръ створимъ с ними а много ны зла створѧть (Лаврентьевская лет.); што боудеть намъ речь съ пискоупомь. или съ мастеромь. то ведаемъ сѧ мы сами (Смоленская гр. князя Федора Ростиславича 1284 г.).

О широком употреблении определенно-личных предложений в XV—XVII вв.[5] говорят многочисленные случаи, когда местоимение не включено при противопоставлении субъектов действия (значение этого показателя места определенно-личных предложений среди других предложений подчеркнуто нами выше).

Приведем несколько примеров из различных памятников. Старорусские памятники: а хтъ. се мое рукописанье преступи. сужусѧ. с нимъ. предъ бгмъ. в день. страшнаго суда (Двинская гр. XV в. Трафаретная формула в ряде двинских грамот); Видиши ли, яко многажды и не хощу, случаются по нужди законопреступнымъ наказаніе (Письма царя Ивана IV); И уже не разумѣю, ни чего у насъ хощеши (Письма Курбского); Он меня лаетъ, а ему рекл: «благодать во устех твоих, Иван Родионович, да будет!» (Аввакум. Житие); Ну, полно браниться. Прости, согрешил (Аввакум. Письма); А он-де тебе молвил: «уже-де где отец и мати, там же будешь!» (Аввакум. Письма); Старобелорусские памятники: И просилъ мене Максим Блошичъ, што быхъ опять тую сѣножать отдалъ ему, а положилъ передо мною листъ пана Монивидовъ (Виленская гр. 1445 г.); Нещасливые новыны моему милостивому пану ознаймую, же наши битву з рокошаны проиграли (Баркулабовская лет.); Ѡна ему рече: Если ми будеш ѡ том болшеи мовити розлучу тѧ з душою (Повесть о витязях); Трыщан рече: Чого

---

[5] Рассмотрению случаев употребления личного местоимения (как 1 и 2 лица, так и 3 лица) специально в памятниках XVII в. (деловой письменности и в повестях), когда местоимение является просто вторичным указанием на лицо (первое содержится в глагольной форме), посвящена статья: M. Ferrand. Le pronom-sujet vide en russe litteraire au XVIIe siècle. «Revue des études slaves», t. 45, 1966, стр. 165—180.

просишъ, дамъ ти окром Ижоты (Там же); Староукраинские памятники: Твое же великое святительство молим: да изволиши о нас к богу и к великому государю его царскому величеству неусыпный ходатай быти (Укр. гр. 1659 г.); Не вѣмъ, для чого ее в[аша] м[илость] читати не хочешь: тамъ бы ся в[аша] м[илость] правды рыхло дощупалъ (Ответ клирика Острожского Ипатию Потею); Волно вам не вѣровати, але умры тылко, тогда узриши, если лгу или правду мовлю (Вишенский. Книжка).

Старорусские, старобелорусские и староукраинские памятники, исследованные нами, позволяют сделать вывод о сходных путях развития определенно-личных предложений в русском, белорусском и украинском литературных языках.

Если во всех этих языках рост предложений с личным местоимением, для постановки которого не было стилистических обоснований, шел медленно, то весьма показательным является все большее использование в памятниках личных местоимений в стилистических целях, особенно при противопоставлении. Очевидно, противопоставление действующих лиц в определенно-личных предложениях становилось все менее отчетливым, приходилось все чаще прибегать к помощи личных местоимений.

Во всех восточнославянских литературных языках еще и в XVII в., как нами уже указывалось, сохранялись определенно-личные предложения, хотя все большее место, преимущественно в целях стилистических, стали занимать синонимичные двусоставные предложения.

Когда личное местоимение вошло в состав предложения и определенно-личное предложение превратилось в личное двусоставное предложение (этот процесс закончился после XVII в.), была утрачена возможность подчеркнуть действующее лицо только путем постановки личного местоимения. Авторам произведений пришлось прибегнуть к другим способам, чтобы выделить в речи субъект действия — 1 и 2 лицо. Все шире начинают употребляться приложения, при этом и развернутого типа (особенно в художественных произведениях), все большую роль начинает играть порядок слов, а также союзы, связывающие отдельные члены предложения и его части.

Предложения без личного местоимения 1 и 2 лица на этом новом этапе истории восточнославянских языков являются неполными предложениями, и требует объяснения уже не постановка личного местоимения, а его отсутствие в тексте.

Неопределенно-личные предложения по степени определенности лица занимают как бы промежуточное положение между определенно-личными и безличными предложениями.

В отличие от определенно-личного предложения, в котором сказуемое выражено формой 1 или 2 лица глагола, в неопределенно-личном предложении сказуемое выражено формой 3 лица глагола (всех времен), которое менее конкретно, чем 1 или 2 лицо.

Глагол-сказуемое неопределенно-личных предложений в древнерусских памятниках может стоять как во множественном числе (такое употребление в дальнейшем закрепилось в восточнославянских языках), так и в единственном числе. Однако употребление единственного числа не способствует увеличению неопределенности, не приближает ее к безличности. При 3 лице единственного числа в неопределенно-личных предложениях оказывается легче, чем при 3 лице множественного числа, представить себе действующее лицо, присоединить к глаголу-сказуемому подлежащее, хотя бы и не в полной мере раскрывающее это лицо (местоимение *кто* в его неопределенном значении 'кто-то, кто-нибудь').

Встречаются неопределенно-личные предложения с 3 лицом единственного числа глагола в сводах закона, в договорных грамотах (в последних — редко). В сводах закона они могут быть даже заглавием статьи, причем за этим заглавием может быть тоже неопределенно-личное предложение: оже *станеть* без вины на разбои. *Боудеть ли сталъ* на разбои безъ всакоꙗ свады. то за разбоиника людье не платать. нъ выдадать и всего. съ женою и съ дѣтьми на потокъ. а на разграбленіе (Русская Правда по сп. 1282 г.).

3 лицо единственного числа не всегда раскрывается как указывающее исключительно на единственное число. В следующем примере оно указывает и на единственное и на множественное (благодаря словосочетанию *колико ихъ* и слову *всѣмъ*): аже *крадеть* гоумьно. или жито въ ꙗмѣ. то колико ихъ боудеть крало. то всѣмъ по .г. грвны. и по .л. коунъ (Русская Правда по сп. 1282 г.).

Неопределенно-личные предложения с 3 лицом единственного числа глагола, наличие которых в древнерусских памятниках впервые отмечено нами [6], не были чужды деловым памятникам XVI в., но уже являлись для этого времени архаизмами (примеры такого употребления единичны): Езду имати на ве[р]сту буди, *хочетъ* пешъ поди, *хочетъ* лоша[д] наими (Судебник царя Федора Ивановича).

В старобелорусских и в староукраинских памятниках неопределенно-личные предложения с 3 лицом единственного числа не встретились. Всем современным восточнославянским языкам они неизвестны.

Неопределенно-личные предложения с глаголом-сказуемым в форме 3 лица множественного числа настоящего времени глагола, приближающиеся по степени неопределенности лица к безличным,

---

[6] В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. (Простое предложение), стр. 106—107, 109; В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Изд. 2, доп. М., 1965, стр. 410; В. И. Борковский. Неопределенно-личные предложения в древнерусских памятниках. «Проблемы современной филологии». Сборник статей к 70-летию акад. В. В. Виноградова. М., 1965, стр. 37, 39—40.

не получили широкого распространения в древнерусской письменности.

Имеем в виду предложения, в которых глагол обозначает действие, протекающее постоянно, как при определенных условиях, так и вне зависимости от времени и места, а неопределенное лицо — это как бы все люди, без исключений: а *зовоуть* ꙗ татары (I Новгородская лет. См. также Лаврентьевскую лет.).

Такие предложения начинают встречаться значительно чаще в более поздних памятниках, причем преимущественно в тех, в которых заметно влияние разговорной речи, а также в пословицах, поскольку в них обобщается весь круг возможных лиц: и в осень капꙋстꙋ *солат'* и свеклꙋ *ставѧ* и рѣпꙋ и морковъ *запасаю* (Домострой); Апетли чѣмъ курицы *ловятъ*, *называютъ* регементами сирѣчь владѣніемъ (Учение и хитрость ратного строения пехотных людей); И на ту дорогу *ѣздятъ* на верблюдахъ, и воду *возятъ* въ бараньихъ кожахъ выдѣланыхъ (Путешествие по святой земле дьякона Гогары в 1634 г.); *Встречаютъ* гостя по пла а *провожаю* по умꙋ (Пословицы XVII в.); Где *шьютъ* тамъ и *порютъ* (Там же); Даравому каню в зубы *не смотря* (Там же)[7].

Приведем несколько примеров и из старобелорусских и староукраинских памятников: никакое малое торговле не торговати, што розницею *зовутъ* (Могилевская гр. 1407 г.); штож который дворъ купилъ былъ есми в месте виленском ꙋ золотарѧ Станцелѧвруса на тои ꙋлицы которою *ходѧтъ* ѡт сватого Іѡна к Бернадыном (Минская гр. 1491 г.); а ꙗ не знаю, ꙗкъ в шахи *играют* (Повесть о витязях); Золотая волност, так еи *называют*, Доступити еи всѣ пилне ся старают (Стихи Саковича).

Несравненно большее место, чем рассмотренные выше предложения, занимали в древнерусских произведениях неопределенно-личные предложения, в которых глагол-сказуемое в 3 лице всех трех времен указывает на какую-то группу лиц.

Их мы находим в памятниках деловой письменности, в житийной литературе, в летописях.

Исключительно в памятниках деловой письменности 3 лицо множественного числа может относиться и к группе лиц и к одному лицу: А оже *оубьють* кого оу клѣти. или оу которои татьбы. то *оубьють* въ пса мѣсто. оже ли и *додьржать* свѣта. то вести и на кнѧжь дворъ (Русская Правда по сп. 1282 г.); послоу и поу. что *учинѧть*. за двоє того оузѧти. два платежѧ. (Смоленская гр. 1229 г., сп. А. См. также сп. В, С).

В более поздних памятниках деловой письменности такие примеры единичны: И *назовутъ* его во обыску лихимъ человѣкомъ,

---

[7] Примеры такого употребления в пословицах многочисленны.

ино его пытати (Судебник Ивана IV); А сведется вира, *убьютъ* сотцкого въ селѣ, ино тебѣ взяти полтина (Западнорусская гр. 1470—1471 гг.)

Неопределенно-личные предложения, в которых 3 лицо означает группу лиц, особенно часто встречаются в описаниях определенных событий, когда автор или не знает, кому именно следует приписать определенное действие, или не считает необходимым это сделать: Тои зиме новегородѣ *оубиша* гаврила неревиница и вача свеневица и съ моста *свергоша* (I Новгородская лет.); *поставиша* блжнаго Далмата еппомь (Лаврентьевская лет.); Тому въ Полотскѣ *позвониша* заутренюю рано у Святыя Софеи въ колоколы: а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша (Слово о полку Игореве).

Вполне оценены были выразительные возможности неопределенно-личных предложений указанного типа авторами более поздних произведений — XV—XVII вв.

Эти предложения мы находим в старорусских, старобелорусских и староукраинских памятниках, причем особенно обильно они представлены в описаниях путешествий: А въ городъ поѣдетъ, и тамо его *встречаютъ* всѣмь городомъ, и честь ему велику *воздаютъ* (Путешествие Гогары)[8]; О рожденіи благовѣрнаго царя Констянтина Івановичя тако *пишутъ*, что он родился воинъ (Пересветов); Что собачка, в соломке лежу: коли *накормят*, коли нет (Аввакум. Житие); *скажутъ* что ты водишъ са съ людми всакои вѣры («Русская грамматика» Генриха Вильгельма Лудольфа 1696 г.); Ѡ кнзи велико(мъ) Жыкгимо(н)те якъ его *зарезали* (Западнорусская лет. по сп. Рачинского конца XVI в.); Трыщанъ прыехалъ до короля, и король рекъ Трыщану: Едмо там, гдѣ насъ *ждутъ* (Повесть о витязях); и коли его *крестили*, *дали* има ему Бово (История о Гвидоне); *скинутъ* ли которого з насъ зъ епископіи, то самъ осуди, якая нечесть? («Перестрога» И. Борецкого); Се ест, не сего ради буди пастыр, да тя *почитают*, *блажат*, *величают*, *возносят* и честь тебѣ *воздают* (Вишенский. Книжка).

Памятники старорусские, старобелорусские и староукраинские говорят о сходной судьбе неопределенно-личных предложений в восточнославянских языках: 1) о постепенной утрате неопределенно-личных предложений с 3 лицом единственного числа глагола-сказуемого и 3 лицом множественного числа, указывающего одновременно и на группу лиц и на одно лицо; 2) о широком использовании неопределенно-личных предложений с 3 лицом множественного числа для указания на какую-то неопределенную группу лиц и несравненно меньшем числе случаев с неопределенно-личными предложениями, в которых глагол-сказуемое в 3 лице

---

[8] Слова *всѣмъ городомъ* являются образным выражением и не делают определенной группу действующих лиц.

множественного числа относится вообще ко всем людям без исключения и действие глагола не имеет временных границ (эти предложения, имеющие обобщенный характер, заняли видное место в пословицах, в том числе и в современных).

Дальнейший этап в усилении неопределенности лица — безличные предложения.

Они отличаются по своей структуре — по тому, какой частью речи выражено сказуемое этих односоставных предложений: глаголом (безличным или личным в безличном значении), наречием, именной формой причастия страдательного залога в среднем роде.

Глаголы в составе безличного предложения могут быть с суффиксом *-ся* и без этого суффикса, кроме того, они весьма разнообразны по своему значению. Мы не считаем необходимым рассматривать все группы различных по значению глаголов, а остановимся лишь на некоторых из них.

История безличных предложений с наречием в роли сказуемого в восточнославянских языках была сходной, различия между восточнославянскими языками сводятся исключительно к различиям словарного состава. Поэтому мы не останавливаемся на их судьбе и отметим только характерную для всех восточнославянских языков черту — все увеличивающееся число случаев употребления наречий в роли сказуемого, что задерживало образование безличных глаголов некоторых значений (см. об этом ниже).

Сходство в развитии синтаксической конструкции в восточнославянских языках весьма ярко проявилось и в судьбе безличной конструкции, употребление которой вызвано наличием отрицания при глаголе существования, бытия. Имеем в виду безличное предложение типа *не было меду* вместо личного *не был мед*.

Хотя личные предложения представлены отдельными примерами даже в поздних памятниках — в памятниках XVII в., тем не менее уже в древнерусской письменности личная конструкция была почти полностью вытеснена синонимичной безличной. Показательно полное отсутствие личных конструкций с отрицанием при глаголе в исследованных нами берестяных грамотах [9].

Старорусские, старобелорусские и староукраинские памятники продолжали наметившуюся линию развития — замену личной конструкции безличной. Отличие старобелорусских и староукраинских памятников от старорусских состоит исключительно в том, что в них появляются с XVI в., но употребляются еще редко даже в XVII в. *нема*, *немаш* (господствуют *нѣтъ*, *нѣсть*).

Современные литературные восточнославянские языки свидетельствуют о полной победе в отрицательных предложениях безличной конструкции над личной.

---

[9] См.: В. И. Борковский. Берестяные грамоты и некоторые вопросы исторического синтаксиса русского языка. «Проблемы сравнительной филологии», стр. 48.

Только в некоторых говорах современных восточнославянских языков (преимущественно в говорах украинского языка) сохранилась личная конструкция (рядом с безличной). Приведем несколько примеров. В первом из них глагол-сказуемое стоит в форме, характерной для его употребления в безличном предложении: *У мене кашель не было* (пример, записанный в Рязанской обл. РСФСР); *У нашых дзяцей кор ни была яшчэ* (пример, записанный в Витебской обл. БССР); *брат його не є вдома* или *брат йому не є вдома* (такое употребление личной конструкции распространено в ряде говоров юго-западного наречия украинского языка).

Интересна судьба безличных предложений с глаголами, обозначающими состояние природы и окружающей среды, а также с глаголами, обозначающими физическое и психическое состояние человека.

Ни в одном из восточнославянских языков не наблюдаем значительного увеличения числа первой группы безличных глаголов. В то же время широко распространена в старорусских, старобелорусских и староукраинских памятниках постановка в безличном предложении личного глагола с указанным значением — состояния природы и окружающей среды.

Более заметен рост числа безличных глаголов, обозначающих физическое и психическое состояние человека, но главным образом в тех произведениях, в которых отразилось влияние живой разговорной речи.

В появлении все новых и новых специально-безличных глаголов не было необходимости потому, что в качестве безличного мог быть использован личный глагол, а также вследствие широких возможностей употребления в безличных предложениях заметно расширяющегося круга наречий с самыми разнообразными значениями.

К собственно-безличным глаголам, обозначающим состояние природы и окружающей среды, мы имеем основание отнести в древнерусских памятниках только те глаголы, которые не встретились в личных предложениях, напр. *смерчеса*, *погремѣ*: и повелѣ Ѡльга ꙗко *смерчеса* пустити голуби и воробьи. воемъ своимъ (Лаврентьевская лет. То же употребление и в Ипатьевской лет.); и в небеси *погремѣ* в ча҃.а. нощи (те же летописи).

Отметим, что, в отличие от глагола *погремѣти*, сходный глагол — глагол *гремѣти* находим только в личных предложениях. Иногда вместо *гремѣти* употреблялось существительное *громъ* с глаголом существования: *бы гро страшенъ* (Лаврентьевская лет.). Личные глаголы *загорѣса*, *зажжеса*, *горѣ*, обильно представленные в летописях (особенно первый из них), так как пожары были частым явлением в городах Древней Руси, нередко выступают в роли безличных: *загорѣса* на радатинѣ оулици (I Новгородская лет.).

Старорусские, старобелорусские и староукраинские памятники, как уже говорилось выше, не свидетельствуют о широком распространении собственно-безличных глаголов. Бесспорно, являются собственно-безличными глаголами глаголы *разсвѣло*, *россвѣтало* в следующих примерах из старорусских памятников: И после того далъ Богъ *разсвѣло* (II Новгородская лет., под 1542 г.); Егда — де *россветало*, — ано погоня на лошедях! (Аввакум. Житие).

В то же время весьма распространены, особенно в повествовании, личные глаголы в роли безличных.

При невозвратном переходном глаголе может стоять дополнение в творительном падеже, указывающее на действующее лицо, явление: *вѣтромъ подрало* (Домострой); в воду *загрузило бурею* дощеникъ мой совсем (Аввакум. Житие); по полямъ у пастуховъ статки *градомъ побило* (Баркулабовская лет.).

На месте творительного падежа встречаем и родительный с предлогом *отъ*: *не сожгло* брады моея *отъ огня* (Путешествие Гогары).

Более обычна, однако, постановка личного невозвратного переходного глагола без слова, указывающего на действующее лицо, явление — причину данного действия: и по строению божию ту градную стену вырвало и многих бусурманов за град с камением *метало* (Повесть об азовском взятии); на третий день дожды великие были, ажъ снегъ *согнало* (Баркулабовская лет.).

Следует подчеркнуть, что непереходные личные глаголы в роли безличных встречаются в старинных памятниках очень редко: понеже вельми *смердитъ* изъ езера гнусно (Путешествие Гогары); Пошла в клѣть по масло ин в печи *погасло* (Пословицы XVII в.).

Собственно-безличные глаголы, обозначающие физическое или психическое состояние человека (или другого живого существа), в результате действия как реальной, так и нереальной силы, составляют в древнерусских памятниках редкое исключение. В исследованных нами материалах встретились лишь возвратные безличные глаголы *мьниться*, *оудолжилоса* (в значении 'стосковалось'), *хочеться*.

Первый из названных глаголов стал затем в старорусских памятниках принадлежностью высокого стиля (его часто находим у Аввакума), второй исчез из употребления, глагол *хочеться* закрепился в языке: коли чево *похотѣлоса* а все дома готова (Домострой); *хотѣлоса* винца да страх дѹбца (Пословицы XVII в.).

В старорусских памятниках на месте *мьниться* находим обычно другие глаголы того же значения: *помышляется*, *видится*, *кажется*.

В старобелорусских и в староукраинских памятниках мы не встретили глаголов *мнится* и *кажется*, но находим отмеченный выше глагол *видится* со значением 'думается, кажется' (в тех же

памятниках этот глагол употребляется и в его основном значении 'видится').

Глагол *видится* со значением 'кажется' употребляется и в современных белорусских говорах.

Единичными примерами представлен глагол *здаецца* (в украинском *здається*) со значением 'кажется', вытеснивший в белорусском и в украинском литературных языках другие глаголы того же значения: по правдѣ мне *се здаеть* же то есть алеѯандеръ (Старобелорусская повесть Александрия по сп. XVII в.); такъ намъ *ся здаетъ* [ответ (отпис) клирика Острожского Ипатию Потею].

Старорусские, старобелорусские и староукраинские памятники говорят о существенном расширении круга безличных глаголов для обозначения физического и психического состояния человека, преимущественно с суффиксом *-ся*, причем некоторые из этих глаголов не сохранились в составе литературного языка: *заплачется* (Аввакум. Житие), *занемоглось* (там же), *неможется* (там же), *помнится* (там же), *зевается* (Сатиры о пьянстве), *не спится* (там же), *живется* (Пословицы XVII в.), *ѝчется, дрожится* (там же. *Ѝчется з голодꙋ. а дрожится с холодꙋ*), *стерпится, слюбится* (там же), *свербитъ, ломаетъ, скорчило* (там же), *полехчало* (Повесть об азовском взятии) и другие в старорусских памятниках; *сподобалося* (Старобелорусская лет. XVI в. по сп. Рачинского), *зломало* (Дневник Евлашевского), *щастило се* (там же), *болело* (на сердци) (Страсти Христовы в западнорусском сп. XV в.), *зашкодило* (Ответ клирика Острожского), *щастится* (Вишенский. Книжка); *не снилося* (там же) и другие глаголы в старобелорусских и в староукраинских памятниках.

Но, повторяем, для обозначения физического и психического состояния человека употребляются главным образом наречия в роли сказуемого.

Бесспорный интерес представляют получившие широкое распространение в старорусских и особенно в старобелорусских и староукраинских памятниках XV—XVII вв. безличные предложения с именной формой причастия прошедшего времени страдательного залога (как правило, от глаголов совершенного вида).

Следует отметить, что в древнерусской письменности эти предложения занимали скромное место по сравнению с другими безличными предложениями: *приказано боудѣте* добрымъ людѣмъ (Смоленская гр. 1229 г., сп. А); и *възвѣщено бысть* старьцю о неи (Житие Феодосия Печерского по сп. XII в.).

Крайне редки случаи с причастием настоящего времени страдательного залога. Обычно это адъективировавшиеся причастия *вѣдомо и съвѣдомо*: како *боудеть* всѣмъ *вѣдомо* (Смоленская гр. 1229 г., сп. В. В списках А и С имеется подлежащее *то*).

Если называлось действующее лицо, то оно стояло или в творительном падеже, или в родительном падеже с предлогомъ *отъ*,

причем первый способ не был господствующим: 1) ꙗко *ре*чно бы дрѣвлѣ. ісоу наоугиноу *бмь* (I Новгородская лет.); 2) ꙗко *повелѣно* ми ѥсть *отъ игоумена* (Житие Феодосия Печерского по сп. XII в.).

Второй способ (родительный падеж с предлогом *отъ*) не исчез и в позднейших старорусских, старобелорусских и староукраинских памятниках различных жанров, поскольку он позволял указывать не непосредственно действующее лицо, а лицо, предписавшее то или иное действие, установившее определенный закон. Напр.: тому Тимохе *писано отъ государя* нашего *отъ боярина* и *конюшего* и *намѣсника* Казанского *отъ Бориса Федоровича Годунова* (Московская гр. 1588 г.). Писал Тимохе, конечно, не сам Годунов, а другое лицо по его приказанию.

В старорусских памятниках, а также в старобелорусских и в староукраинских творительный действующего лица встречается реже, чем родительный падеж с предлогом, так как последний употреблялся часто в произведениях высокого стиля, преимущественно в определенных словосочетаниях: *отъ Бога заповѣданно* (Письма Курбского); *отъ Бога написано* (Пересветов); а с Москвы *от Никона приказано* ему мучить меня (Аввакум. Житие); въ тотъ часъ *побито отъ Москвы* много множество почту царя Дмитра Ивановича, люду зацного (Баркулабовская лет.); вѣдомость *дано* патріарху *отъ* Володимирского (епископа) *Мелетія*, же тое ся стало Грегоркови отъ Луцкого («Пересторога» И. Борецкого).

В современных литературных русском, белорусском и украинском языках безличная конструкция с *от* не употребляется.

При рассмотрении безличных предложений с причастием страдательного залога возникает много вопросов: соотношение причастий совершенного и несовершенного вида, временно́е значение причастий и т. д.

Мы остановимся лишь на случаях постановки формы винительного падежа при безлично употребленном причастии страдательного залога прошедшего времени (типа *рубашку взято*).

Для нас показательны лишь те примеры, где форма винительного падежа не совпадает с формой именительного падежа, в частности приведенный еще А. А. Потебней пример из Домостроя: *скорбново словом ползовано* [10].

Не вызывают сомнений и отдельные примеры, отмеченные П. С. Кузнецовым в русских памятниках XVI—XVII вв. (из произведений Курбского, из сочинения Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича»): у них подкопом *воду отнято* (Курбский); *збирано. . .* сперва двадцатую *денгу*, потом

---

[10] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III. Харьков, 1899, стр. 435.

десятую *денгу*, не по один год (Котошихин)[11]. Ряд примеров из сочинений Курбского приводит Н. Дамерау[12].

Находим указанный оборот и в других произведениях, например, в Повести Катырева-Ростовского, написанной в 1626 г.: и како *его* ото убивства *соблюденно*.

Приведенные примеры, а также употребление в севернорусских (изредка в среднерусских и южнорусских) говорах формы винительного падежа при причастии прошедшего времени страдательного залога позволяют предположить, что рассматриваемая конструкция не была чужда русскому языку XV—XVII вв., но не имела в нем широкого распространения. В дальнейшем она была окончательно вытеснена из русского литературного языка.

Полагаем, что нельзя объяснять ее наличие в старорусском литературном языке только влиянием старобелорусской и староукраинской письменности, где она закрепилась не без влияния старопольской письменности.

Видимо, тенденция к образованию указанного оборота была заложена в возможности постановки в предложениях с причастием прошедшего времени страдательного залога в форме среднего рода ед. ч., характерной для безличных предложений, имен существительных в форме, которая является сходной (в результате изменений в системе падежных флексий) для именительного и винительного падежей: *Чернци* и *черници* все до наготы *изълуплено* (Комиссионный сп. I Новгородской лет. младшего извода); *а что головы поимано* (Новгородская договорная гр. 1314 г.).

Такие случаи могли восприниматься и как случаи с отсутствием согласования сказуемого с подлежащим — именем существительным в именительном падеже и как случаи с безличными предложениями, где при причастии страдательного залога — винительный падеж объекта.

Судьба данной конструкции в русском и белорусском литературных языках оказалась однородной: она в дальнейшем вышла из употребления, но в некоторых диалектах сохранилась[13], хотя в старобелорусских памятниках, в отличие от старорусских, примеры с этой конструкцией многочисленны.

В украинском языке рассматриваемый оборот стал одной из характерных особенностей синтаксиса литературного языка и диалектов.

---

[11] П. С. Кузнецов. Из истории сказуемостного употребления страдательных причастий в русском языке. Автореферат докт. дисс. «Доклады и сообщения филол. фак-та МГУ», вып. 6, 1948, стр. 38; Он же. К вопросу о сказуемостном употреблении причастий и деепричастий в русских говорах. «Материалы и исследования по русск. диалектологии», т. III. М.—Л., 1949, стр. 72—73.

[12] N. Damerau. Russisches und westrussisches bei Kurbskij. Berlin, 1963, стр. 61.

[13] В белорусских говорах она утрачивается менее интенсивно, чем в русских.

Большой рост безличных предложений с причастием прошедшего времени страдательного залога в старобелорусских и староукраинских памятниках был вызван представившейся возможностью постановки прямого дополнения при причастии прошедшего времени страдательного залога. Эта конструкция могла заменить и личную конструкцию с тем же причастием и конструкцию с переходным глаголом и прямым дополнением: *рубашку взято* вместо *рубашка взята* и *рубашку взяли*.

Приведем несколько примеров из старобелорусских и староукраинских памятников: 1) и самого *его вдарено* каменемъ; и *жонꙋ* его *слꙋгъ* его *бито* (Виленская гр. 1510 г.); твоего ѡтца поимано (История о Гвидоне из сборника XVI в.); *Оддано* нам *грамоту* од тебе (Украинская гр. 1649 г.); што *орла* въ Вавилонъ къ Іереміи *слано* (Ответ клирика Острожского).

Самой яркой чертой различия в системе безличных предложений в восточнославянских языках является употребление отмеченной конструкции.

Все сказанное выше позволяет нам вновь подчеркнуть, что в отношении безличных предложений восточнославянские языки обнаруживают, несмотря на имеющиеся различия. большую близость.

Все более с течением времени осознававшееся противопоставление двусоставного и односоставного предложений, превращение определенно-личных предложений без формально выраженного подлежащего в предложения с подлежащим-личным местоимением не смогли не сказаться на судьбе неполных предложений.

Отсутствие подлежащего (в том числе и подлежащего-личного местоимения 1 или 2 лица) при наличии сказуемого, когда подлежащее восстанавливается по смыслу, чему способствует и возможность сравнить данное предложение со сходным, где есть оба главных члена, воспринимается как формальная (но не смысловая) неполнота предложения.

То же и в случаях, когда нет сказуемого, которое можно включить в предложение на основании предшествующего предложения, первой части данного предложения, если предложение сложное, или всего контекста в целом.

Без подравнивания к полному предложению воспринимается формальная неполнота предложения, когда при управляющем глаголе нет управляемого этим глаголом слова, являющегося в предложении дополнением, неполнота особенно заметная, когда имеется определение, согласующееся со словом-дополнением.

Поскольку изменения в структуре простого предложения рассматриваются нами лишь с учетом судьбы двух основных центров предложения — подлежащего и сказуемого в составе предложения, мы не останавливаемся на неполных предложениях с опущенным дополнением.

Отметим только, что пропуск дополнения встречается и в древнерусских памятниках и в более поздних восточнославянских памятниках значительно реже, чем пропуск сказуемого или подлежащего, причем, как правило, восстановить дополнение помогает относящееся к нему определение.

Все основные типы неполных предложений сложились еще в общерусский период. Мы можем говорить лишь об исчезновении некоторых подтипов и значительном росте предложений того или иного типа, несомненно, в результате влияния живой разговорной речи.

Исчезают неполные предложения с пропуском глагола-сказуемого (такие предложения встречаются в сложившихся юридических формулировках древнерусских деловых документов), которое восстанавливается не на основании предыдущего текста, а исключительно по смыслу и в результате частого употребления в сходных словосочетаниях: кто купець. тотъ (поидеть) въ сто. а кто смердъ. а тотъ потѧгнеть въ свои погостъ (Новгородская договорная гр. 1270 или 1260 г.); аще кто деревомь оударить члвка до кръви (платити) полоуторы грвны серебра (Смоленская гр. 1229 г., сп. D).

Неполные предложения с опущенным подлежащим, на которое в предыдущем тексте указывает притяжательное прилагательное, образованное от имени существительного (только лица́ одушевленного) — ожидаемого подлежащего, не получило распространения в более поздних восточнославянских памятниках. Эти предложения были редкими и в древнерусских памятниках: мы бо вѣмы млтрье Ирополче. ꙗко не радуетсѧ (Ирополкъ) кровипролитью но Ба ради всхощеть мира. то бо сблюдаѥть землю Рускую (Лаврентьевская лет. См. также Ипатьевскую лет.).

Единичные примеры с такими предложениями мы находим в восточнославянских памятниках даже XVII в., напр. у протопопа Аввакума, в дневнике новгородского подсудка Федора Евлашевского, у Вишенского: и то была дивна справа Божа, же ми (Богъ) въ дорозе уфолкговать рачилъ (Дневник Евлашевского).

Современным восточнославянским литературным языкам такой пропуск подлежащего неизвестен, что, по-видимому, объясняется расширением случаев употребления родительного принадлежности на месте притяжательных прилагательных.

Следует отметить в старорусских, старобелорусских и в староукраинских памятниках значительный рост числа случаев с опущенным сказуемым, когда это сказуемое не восстанавливается на основании предыдущего текста, поскольку в этом тексте и нет данного сказуемого. В то же время и нет необходимости восстанавливать это сказуемое, настолько ясным представляется значение глагола-сказуемого (значение наличия, нахождения, бытия, существования, а также движения).

Как примеры с пропуском глаголов-сказуемых в указанном значении, так и другие примеры с неполными предложениями свидетельствуют о совпадении судьбы неполных предложений во всех восточнославянских языках.

Пропуск глагола-сказуемого со значением наличия, нахождения, бытия, существования (примеры под 1-м пунктом) и со значением движения (примеры под пунктом 2-м) способствует динамичности изложения, что характерно для разговорной речи: 1) *Онъ самъ на берегу, бояроня в дощенике* (Аввакум. Житие); А потомъ тотъ владыка до Орши пріѣхалъ, а *при немъ людей пять человѣкъ, возки два* (Вестовые отписки Оршанского старосты Филона Кмиты Чернобыльского); А егда щасливый люто умирает, *где ж его щастя?* (Вишенский. Книжка); 2) А службы твои государевы всякіе служу, *с Москвы на службу, а с службы к Москвѣ* (Пересветов); дивны суть судьбы Божіи! *мы отъ воротъ, а онъ дырою вонъ* (Вестовые отписки Оршанского старосты Филона Кмиты Чернобыльского).

Динамичности изложения способствует и пропуск сказуемого (его особенно часто находим в пословицах), названного в предыдущем тексте.

Такой пропуск широко представлен и в древнерусских памятниках, и потому мы ограничиваемся лишь одним примером из памятника XVII в.: *Богъ далъ родню, а дьяволъ (далъ) вражду* (Пословицы XVII в.).

Имеющийся в нашем распоряжении материал не позволяет сделать вывод об увеличении в восточнославянских памятниках числа случаев с пропуском подлежащего. Если в древнерусских памятниках чаще опускалось подлежащее, чем ставилось вместо него местоимение *онъ*, то в более поздних произведениях восточнославянской письменности (за исключением близких к разговорной речи) широко представлены полные предложения с местоимением *онъ*.

На опущенное подлежащее указывает в предыдущем предложении или в первой части данного предложения подлежащее или дополнение. В ряде случаев восстановить подлежащее помогает имеющееся в предложении определение, которое относится к этому подлежащему.

Таким образом, примеры с пропуском подлежащего в памятниках XV—XVII вв. ничем не отличаются от сходных случаев в современных восточнославянских языках: *Скрыпучее дерево стои. а здоровое (дерево) летитъ* (Пословицы XVIII в.); *А пан Трыщанъ змовил был со Ижотою, абы (Ижота) вышла у городец* (Повесть о витязях из сборника XVI в.); *Ной арху готует божим повелением, абы в потоп не згинул (Ной) з своим поколеньем* (Хронология Рымши).

Исключительный интерес представляют получившие широкое распространение в XVI—XVII вв. неполные предложения при

вопросо-ответной форме изложения, когда автор сам отвечает на поставленный им вопрос, и в диалогах.

Как неполное предложение в обычной, не диалогической речи подравнивается к соответствующему полному предложению, так неполное предложение в рассматриваемых случаях подравнивается к тому «идеальному» в грамматическом отношении и вполне допустимому в ответе полному предложению, в котором повторяются слова-члены воспросительного предложения.

Как в неполном предложении в недиалогической речи недостающие члены восстанавливаются на основании предыдущего текста, по смыслу, так и в репликах-ответах предыдущий текст-вопрос делает возможной расшифровку текста-ответа.

Грамматического единства вопрос и ответ не составляют, и каждый из них является простым предложением того или иного типа.

В ответах чаще всего отсутствует сказуемое, но может быть опущено подлежащее при наличии сказуемого (примеры немногочисленны), а также и сказуемое и подлежащее.

Ответ содержит то главное, что интересует спрашивающего, поэтому в нем всегда присутствует слово, перекликающееся с тем словом в вопросе, на котором стоит логическое ударение. Часто таким словом является слово-отрицание, слово-утверждение.

Ограничимся лишь тремя примерами из большого числа разнообразных по построению случаев: Или мниши, окаянне, яко убережешися? *Никако же* (Письма Ивана IV); Паламидеж рек: Вѣдает ли то пан Трыщан? И ѡна рекла: *Не вѣдает* (Повесть о рыцарях из сборника XVI в.); Климко: То и горшкі украл? Стецько: *Так* (Интермедии к драме Я. Гаватовича).

Исследованный материал позволяет нам не только сделать вывод, что в течение XV—XVII вв. окончательно сложилась структура неполных предложений в восточнославянских литературных языках, но и утверждать, что авторы произведений этого периода умело пользовались разными их типами в целях большей эмоциональной выразительности и динамичности изложения, ориентируясь в ряде случаев на живую разговорную речь.

Номинативные предложения лишь на основании чисто внешних признаков можно сблизить с неполными предложениями, в которых имеется подлежащее-имя существительное, но нет сказуемого: в то время как номинативные предложения являются односоставными, неполные предложения — двусоставными с опущенным сказуемым.

Мы оставляем в стороне вопрос о том, произошли ли номинативные предложения из двусоставных или их следует признать исконными. Для решения этого вопроса недостаточно основываться на материалах памятников восточнославянской письменности.

Длительное время номинативные предложения были представлены в памятниках восточнославянских языков единичными при-

мерами. В наши дни они стали принадлежностью произведений самых различных жанров, не будучи чуждыми и языку современных газет, когда необходимо назвать место действия, дать его описание.

Небольшим числом случаев представлены в древнерусских памятниках различных жанров (в грамотах, в житийной литературе и т. д.) указательные номинативные предложения, которые особенно близки по внешнему виду к неполным предложениям с опущенным глаголом-сказуемым бытия, существования: *а се старата наша правда. и грамота.* на чемь цѣловали ѡци ваши и наши кртъ (Новгородская гр. между 1257—1259 г.); *се о влко стадо богословесьныхъ твоихъ овьць.* и имъже ма бѣ пастоуха створилъ и ѥже оупасохъ на бъжьствьнѣи твоѥи пажити (Житие Феодосия Печерского по сп. XII в.).

Для историка восточнославянских языков важно проследить в первую очередь судьбу описательных номинативных предложений, поскольку в дальнейшем они получили широкое распространение в художественных произведениях, а также оценочно-эмоциональных предложений. Не будучи представлены в деловой письменности, они редко встречаются и в других древнерусских памятниках. Приведем несколько примеров: стояше вса осенина дъждева. ѿ гжина дни до корочюна. *тепло дъжгь* (I Новгородская лет.); и ре Блудъ къ посломъ Володимеримь азъ буду тобѣ в срце и в приязньство. ѡ *злата лесть члвчка* (Лаврентьевская лет.); Се Уримъ кричать подъ саблями Половецкыми, а Володимиръ подъ ранами. *Туга и тоска сыну Глѣбову* (Слово о полку Игореве);

Судьба номинативных предложений была сходной во всех восточнославянских языках. Различия лишь лексического характера.

В восточнославянских памятниках периода XV—XVII вв. мы не наблюдаем расширения случаев употребления указательных номинативных предложений.

Отметим, что происходит вытеснение указательного *се* (оно сохраняется как признак книжного характера произведения, высокого стиля не только в XV в., но и в XVI—XVII вв.) указательным *вот* (в ранних памятниках оно отсутствует); Так их с матерью троих в землю живых закопали. *Вот вам и без смерти смерть!* (Аввакум. Житие).

Некоторый рост оценочно-эмоциональных номинативных предложений приурочен к концу XVI в. — началу XVII в., а во второй половине XVII в. они становятся более разнообразными и по своему лексическому составу и по синтаксическому построению: *Охъ, горе, горе, и беды бедам, во крестьянском родѣ сицевымъ ху-*

ламъ бываемымъ! (Письма Курбского); *И горе, и смѣхъ*! — иногда робенка погонят от окна без ведома бояронина, а иногда и многонько притащит (Аввакум. Житие); *Беда-су миру бедному от сего пития*! (Аввакум. Письма к Симеону); *беда мне бедници* (Страсти Христовы в западнорусском сп. XV в.); Сего ради се глаголеть владыка господь Саваоф; *О, горе моцным и преложоным в Лядской земли*! Не престанет бо ярост моя на противност их и суд лукавства их! (Вишенский. Книжка).

Оценочно-эмоциональные предложения со словами *горе* и *бѣда* занимают значительное место среди оценочных предложений. Реже встречаются оценочно-эмоциональные предложения с другими именами существительными. Характерно, что при именах существительных обычно (но не всегда) находится согласованное с ним определение, которое и содержит оценку явления предмета: *Безумие*! Како убо, гордостию дмяся, хвалишися! (Письма Ивана IV); *О великое Божіе милосердіе*! Како не сниде огнь тогда с небеси и не пожже всѣхъ скверньщихся и бесчинствующихъ во святѣи Божіи церкви! (Сказание о Гришке Отрепьеве); *Ох, увы, горе*! *бедная, бедная моя духовная власть*! Уж мне баба указывает, как мне пасти Христово стадо! (Аввакум. Письмо к боярыне Ф. П. Морозовой); Што речеш, отче владыка? Азали незгоды тамъ тотъ прагнул? Азы не было тамъ такихъ, которые на то выкрикали: «*згода*! *милость*! *покой*»? (Ответ клирика Острожского); Что о собѣ велемудруеши? Что ся възносиши? Что ся хвалиши? Что ся, порхавка, надымаеши? Або для того, што нынѣ тым гноемъ тѣла пануеши? *О, горкое твое панство*! *О, окаянная твоя роскош*! *О, бедное ж твое весѣле*! (Вишенский. Книжка).

Весьма скромное место занимают в памятниках восточнославянской письменности номинативные предложения, в которых описываются явления природы, психическое состояние человека, отмечается время действия, указывается наличие лиц, предметов: торговати, ѣздити немочно, *грязи и болота великіе* (Ярославская таможенная откупная гр. 1595 г.); В памети Никон пишет: «*год и число*. По преданию святых апостол и святых отец, не подобает во церкви метания творити на колену, но в пояс бы вам творити поклоны, еще же и трема персты бы есте крестились» (Аввакум. Житие); Сие реченно: *год и месяц*, и паки: «мы святых отец церковное предание держим неизменно, а палестинского патриарха Паисия с товарищи еретическое соборище проклинаем» (Там же); *Край земли конец моря* много вездѣ горя (Пословицы XVII в.); Тепло тепло. *а не лѣто* (Там же); Затым невеста стара шляхтянка, неяка Жолнерова, кгдымъ ей мовилъ, же се бою, если бымъ кгде не заповетрилъ се, бовемъ и въ Новокгродку было поветре, она ми рече: не бой се! *не поветре*! але указавши недалеко свой домекъ, «з окна, поведила, виделамъ завше, яко лятавецъ приходить до той ту невесты господарской» (Дневник Евлашевского); *Страхъ, болезнь, стогнаня, И плачливое нарѣканя* (Перло многоценное).

В двух приведенных выше примерах (второй пример из Пословиц XVII в., пример из Дневника Евлашевского) при имени существительном стоит отрицание. Полагаем, что номинативное предложение может быть и с отрицанием. Отрицание указывает, что имеет бытие не данное, а другое явление.

Номинативные предложения, как отмечено выше, проходили длительный путь развития, пока не заняли в литературном языке должное место.

Их немного даже в произведениях XVII в., причем преобладают оценочно-эмоциональные предложения.

Значительный рост номинативных предложений наблюдается в XIX в. и особенно в XX в., но рассмотрение употребления номинативных предложений в этот период не входит в нашу задачу.

Наличие номинативных предложений в пословицах XVII в., отражающих народный опыт, народную мудрость, свидетельствует об их большой распространенности в устном творчестве, в живой разговорной речи. Из живой разговорной речи проникали номинативные предложения в литературный язык, расширяя и углубляя его выразительные средства.

Единая линия развития двусоставных и односоставных предложений во всех восточнославянских языках объясняется как тем, что начало изменениям было положено еще в древнерусском языке, так и историческими связями трех братских народов: русского, белорусского и украинского.

В. В. Виноградов

ПРОБЛЕМЫ МОРФЕМАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВА И ЯВЛЕНИЯ ОМОНИМИИ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

I

Омонимия играет очень значительную роль в системе языка и в ее развитии. Она может быть предметом фонологического и историко-фонетического изучения [1]. Ею определяются противоречия, взаимодействия и соотношения в сфере словоизменения, в области парадигматики словесных форм [2]. Без тщательного изучения и глубокого понимания ее не может быть представлен во всем многообразии и аппарат словообразования. Омонимические совпадения и противопоставления важны для синтаксиса. Правда, Есперсен некогда считал, что в отличие от синтаксиса, изучающего главным образом грамматические синонимы, омонимия является центральной задачей морфологии. Ее цель — систематизация морфологических омонимов, т. е. однозвучных морфем, выполняющих разнообразные функции в системе языка. Однако синтаксис не безучастен к состоянию и судьбам омонимии. Формы сочетания слов и формы словосочетаний служат средством разъединения слов-омонимов или, напротив, слияния их в более сложные синтаксические единства. На основе соотношений и синонимических параллелей формируются синкретические типы «универбизованных единиц» и омонимов вроде: *Комсомолка* (< газета «Комсомольская правда») и *комсомолка* (ж. р. к *комсомолец*), *комбат* (командир батальона) и *комбат* (командир батареи); ср.: *бумага* (хлопчатая — ткань; хлопчатобумажные ткани) — и *бумага* (писчая, для обвертки) и т. п. Ладислав Горалик в статье «O univerbizaci a homonymii z hlediska principu ekonomie» [3] находил в этих типах омонимических образований проявление принципа «кумуляции экономии» в языке. На грани грамматики и лексики, на основе лексикализации форм числа и дальнейшего обособления

---

[1] E. H. Flint. The Diffentiation of Homonyms in Communicative laparese Utterances. «Zeitschrift für Phonetik Sprachwissenschaft und Kommunikationasforschung», Bd. 20, H. 3, 1967.

[2] M. Těšitelová. O morfologické homonymii v češtině. Praha, 1966.

[3] «Československá rusistika», ročn. XII, 1967, č. 3.

pluralia или singularia tantum развиваются своеобразные виды омонимии в русском и других славянских языках (напр., *хор*, *хоры* в опере и *хоры* — открытая галерея, балкон, обычно на колоннах, в верхней части большого зала) [4]. Тут наблюдаются и переходные случаи «потенциальной омонимии» [5] в зависимости от тех факторов и условий, которые лежат в основе взаимодействия грамматических и лексических значений или уровней. Само собой разумеется, что непосредственней, разнообразнее и глубже всего формы и типы омонимии проявляются, взаимодействуют, соотносятся и противопоставляются в лексико-семантической сфере языка, однако и здесь необыкновенно важны структурные особенности морфематических сближений и различий слов [6]. Об общем направлении лексико-семантического изучения омонимов и об истории этого изучения можно судить хотя бы по содержанию книги проф. E. Öhmann «Über Homonymie und Homonyme im Deutschen» [7]. Это содержание достаточно ясно определяется такими темами ее основных частей: реакция языка на омонимию; устранение омонимии путем заимствования; утрата слов вследствие омонимии; нерегулярное, обусловленное омонимией развитие звуков; преобразования и изменения строя и состава слов для избежания омонимии; сочетания морфем и слов, порожденные тем же стремлением; дифференциация рода существительных вследствие омонимии, задерживающее действие фразеологических выражений при омонимии; дифференциация значений у двойных, т. е. вариантных, форм; «терпимость» языка к омонимии; явления аттракции или контаминации при омонимии.

Конечно, этими задачами круг проблем, связанных с омонимией, не исчерпывается. Ведь давние и при том наиболее острые и разнообразные по своему содержанию споры возникли и еще продолжаются вокруг лексической омонимии [8].

Вопрос о лексических омонимах в системе языка издавна привлекал к себе внимание не только лингвистов, но и философов. Интерес к изучению омонимов, их типов, их происхождения, их функций в разные периоды развития науки о языке то разгорался, то ослабевал и даже погасал [9]. В настоящее время про-

---

[4] См.: Л. А. Новиков. Омонимия имен существительных в современном русском литературном языке, возникающая в результате распада полисемии и связанная с категорией числа. Автореферат канд. дисс. М., 1961.

[5] L. Durovič. Homonymá v slovníku. «Lexikografický sborník». Bratislava, 1953, стр. 63—75.

[6] См., напр., И. С. Тышлер. К проблеме омонимии в современном английском языке. Автореферат канд. дисс. М., 1966.

[7] «Annales Academiae scientiarum Fennicae», Bd. XXXII. Helsinki, 1934.

[8] E. R. Williams. The Conflict of Homonyms in English. New Haven, 1944.

[9] J. Gilliéron. La faillité de l'étymologie phonétique. Neuveville, 1919; Pathologie et thérapeutique verbales,. Paris, 1921; J. Gilliéron

блеме омонимии придается очень большое значение лингвистами, придерживающимися самых разнообразных точек зрения. Проблема омонимии все крепче связывается с общей проблемой слова, его фонологической и морфематической структуры, его типологии, форм его образования, его морфонологии и синтагматики. И все же проблема омонимии в общем языкознании не может считаться достаточно уясненной, очевидно, потому, что еще мало изучена роль омонимов и их судьбы в истории отдельных языков разного строя, разных семей.

II

В русском языкознании вопрос об омонимах больше всего изучался в связи с задачами лексикографии, теории и практики составления толковых, а отчасти и двуязычных, дифференциальных словарей. Делались попытки и широкого теоретического освещения этого вопроса, прежде всего, на материале современных языков славянских и неславянских [10]. Пример — труды акад. Л. А. Булаховского во вопросам омонимии. В своей работе «Из жизни омонимов» [11] Л. А. Булаховский сделал попытку различения структурных категорий омонимов. Он противопоставил свои наблюдения несколько поспешным и чрезмерно широким обобщениям Жильерона [12]. Как известно, Жильерон стремился отделить факты терпимой (tolérable), допустимой омонимии от омонимии невыносимой, нетерпимой (intolérable). Особенно частыми и обычными признавались случаи вытеснения и вымирания омонимов — при полной неразличимости слов в кругу употребительных бытовых названий. Вместе с тем представлялось, что литературный язык, обладающий, между прочим, и орфографическими средствами различения омонимов, менее чувствителен к омонимии, чем живые говоры. Согласно выводам Жильерона и его последователей, столкновение омонимов, создающих речевое замешательство (такого типа, как *moudre* 'доить' из *mulgere*, вытесненное посредством *traire*, *tirer*

---

et M. Roques. Études de géographie linguistique. Paris, 1912; R. Godel. Homonymie et identité. «Cahiers Ferd. de Saussure», 7, Genève, 1948; О. С. Ахманова. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957; H. Jurgen. Zum Winkel über die Homonymie der russischen Literatursprache. Meisenheim an Glan, 1958, и др. Ср.: O. Jespersen. Language, its nature, development and origin. London, 1922, стр. 285—286 и др.

[10] См.: «Дискуссия по вопросам омонимии». «Лексикографический сборник», вып. IV. М., 1960.

[11] См.: Л. А. Булаховский. Из жизни омонимов. «Русск. речь». вып. III. Л., 1928; В. В. Виноградов. О грамматической омонимии в современном русском языке. «Русск. язык в школе», 1940, № 1.

[12] См., между прочим, изложение взглядов Жильерона в статьях. М. Я. Немировского. «Современное языкознание и его очередная задача» и «Лингвистическая география и ее значение». «Изв. Горского пед. ин-та», т. III. Владикавказ, 1926.

и т. п.[13], и *moudre* — 'молоть' из *molere*, *clau* из *clavis* 'ключ' и *clau* из *clavus* 'гвоздь', замененное производным *clavel* из *clavellus* в центре и на юге Франции), завершается чаще всего устранением и заменой одного из однозвучных слов. В более редких случаях омонимы как бы истребляют, «поедают» друг друга (ср. *epi* и *epine* в гасконском) или *apis* 'пчела' и *auicellum* — в северо-западной Франции [14]. Понятно, что вымирающий омоним может окаменеть и сохраниться во фразеологическом сращении или во фразеологическом единстве (ср. в русском языке: *точить балы*).

Хотя Жильерон придавал особенное значение фактам лексической омонимии, но он отмечал следствия омонимии и в соотношении и развитии форм (ср., напр., исчезновение омонимных форм лица или времени в системе французского глагола). Однако явления омонимии в области грамматических процессов у Жильерона всегда отступали на задний план и, в сущности, остались почти вне сферы наблюдения как его самого, так и его сторонников. В концепции Жильерона с омонимией тесно связывались и процесс так наз. «семантической гипертрофии» (hypertrophie sémantique), т. е. переобремененности слова значениями, приводящий нередко к смысловому распаду слова, а иногда даже и его замещению, и особенно процессы контаминации и народной этимологии, основанные на принципе скрещения или слияния созвучных и семантически сближаемых слов, на принципе омонимического притяжения (ср. *fermer* 'запирать' от *firmare* 'скреплять', получившее под влиянием *fer* 'железо' значение 'запирать железным засовом', а затем 'запирать вообще') [15]. Оценивая эти взгляды Жильерона на омонимию, Л. А. Булаховский пришел к выводу, что «дело тоньше, чем иногда кажется, и необходимо его внимательно рассмотреть по частям на фактическом материале различных языков, не давая большой свободы одним априорным соображениям» [16].

Л. А. Булаховский выделяет целый ряд новых противопоставлений, обнажая слабое звено в концепции Жильерона и его школы — отсутствие систематического и тщательного грамматического анализа. Эти противопоставления — следующие:

1) омонимы лексические и омонимы морфологические (напр., *живой* — им. п. ед. ч. м. р. и род., дат., тв. п. ед. ч. ж. р., *пути* — род., дат. и предл. ед. ч. и им. — вин. мн. ч. и под.);

2) омонимы, относящиеся к одной и той же морфологической категории (напр., *ключ* — от замка и *ключ* — речной родник), и

---

[13] J. Gilliéron et M. Roques. Études de géographie linguistique, стр. 10 и сл. Ср.: A. Dauzat. La géographie linguistique. Paris, 1922, стр. 65—66.

[14] J. Gilliéron. Généalogie des mots qui désignent l'abeille. Paris, 1918, стр. 66 и сл.

[15] J. Gilliéron. Pathologie et thérapeutique verbales, III, стр. 20 и сл. Ср.: Faillité de l'étymologie phonétique, стр. 113.

[16] Л. А. Булаховский. Из жизни омонимов, стр. 48.

омонимы, относящиеся к разным морфологическим категориям (напр., *стекло* — им. п. сущ. и *стекло* — прош. вр. от *стечь*; *пять* — числит. и *пять* — повел. накл. от *пятить* и т. п.);

3) омонимы натуральные, непроизводные (напр., *жать*, *три* и т. п.) и омонимы производные (*засаливать* от *засалить* и от *засолить* и т. п.);

4) омонимы, относящиеся к близкой сфере понятий и эмоций, и омонимы — семантически далекие.

Все эти противопоставления и их функции в развитии языка иллюстрируются примерами из современного русского и украинского языков. Однако в статье Л. А. Булаховского различие лексических и морфологических омонимов не очень четкое и ясное. Так, к лексическим омонимам относятся омоформы типа сущ. *стекло* и прош. вр. глагола *стекло*, *слать—шлю* и *стлать—стелю*, *пять* и *пять* и т. д. Это сказывается и в общих выводах исследования, которые можно свести к таким основным положениям.

1. «Омонимы, относящиеся к разным частям речи, как языковые знаки, осуществляются и воспринимаются без всякого сопротивления со стороны говорящих и слушающих» (примеры: *коса* — имя сущ. и *коса* — сказуемая форма прил. *косой* и т. п.) [17].

2. «Признавая общую терпимость языка к омонимам разноформным, приходится констатировать прямо противоположное, когда дело идет о принадлежности их к той же самой грамматической категории» (50). Напр., омонимы-инфинитивы вытесняют друг друга, и чаще всего омонимия здесь устраняется (*ехать* вм. ожидаемого *есть — еду*; ср. *есть — ем*; *стелить* при *стелю* вм. *стлать*; ср. *слать — шлю*; исчезновение *лягать* 'ложиться' под влиянием *лягать — лягаю*) [18].

3. Особенно многочисленны и продуктивны производные омонимы (ср. *просаливать* от *просалить* и *просолить*; *спаивать* от *споить* и *спаять* и т. п.). Широкому распространению омонимов этого типа способствует многозначность самих словопроизводственных элементов.

Кроме того, «простые омонимы появляются в языке обыкновенно в результате фонетических, не осмысленных факторов, и, стоя перед ними, языковое сознание может стремиться от них освободиться; производные же омонимы обязаны своим появлением тенденции творческой и потому имеют за себя моменты более разумной, если не необходимости, то, по крайней мере, полезности» (58). Вообще морфологическая оправданность омонимии усиливает ее стойкость. Но самый механизм производства морфологических омонимов проф. Булаховским не исследуется.

---

[17] Л. А. Булаховский. Из жизни омонимов, стр. 49.

[18] Ср. статью Л. А. Булаховского: De l'homonymie dans les langues slaves. «Revue des études slaves», t. VIII, 1928, fasc. 1—2.

4. «В морфологических элементах омонимичность — явление исключительно широкое» (ср. омонимию падежных форм в русском языке). Однако и здесь терпимость языка не безгранична, и здесь действуют различительные тенденции. Выживанию морфологических омонимов «предшествует иногда довольно упорная борьба».

5. Кроме того, по мнению Л. А. Булаховского, в языке вроде русского, в котором фонетические законы не вызвали значительного совпадения былых фонем, омонимов очень немного и существующие обнаруживают заметную тенденцию к исчезновению (51). Иное дело, напр., в языке чешском или французском. Вообще же говоря, «некоторое количество омонимов мы встречаем в любом из существующих языков, и далеко не всегда можно отыскать причину, от которой зависело их сохранение» (54).

6. Тенденция к устранению омонимии не охватывает слова с разросшимися и разъединившимися значениями (вроде *худой* — 1 — худощавый, тощий; 2 — ветхий, дырявый; 3 — дурной, плохой; *свет* — 1 — освещение; 2 — вселенная, 3 — высшее общество и т. п.). «Рост и распространение таких омонимов лежит глубоко в природе языка и отвечает его задаче экономно использовать ограниченное число знаков для всей суммы психологических и логических возможностей» (53).

7. В тех случаях, когда «ветви старого значения» разошлись в разные стороны, когда распад слова на омонимы дошел до предела обособления их (напр., *точить воду* и *точить нож*), перспективы жизни омонимов представляются Л. А. Булаховскому неясными. «Гибнут ли такие омонимы?. . . Подобных случаев немного и определенный ответ на этот вопрос сталкивается с известными затруднениями» (54). Вслед за Жильероном, Булаховский указывает на сохранение некоторых из омонимов этого типа в застывших словосочетаниях (ср. *прясть ушами* и *прясть шерсть*).

Собственно лексико-семантические и морфематические обобщения этого труда акад. Л. А. Булаховского относятся к образованию и функционированию омонимов, их типологии и их развитию, являются недостаточно расчлененными и точными.

Во второй части «Введения в языкознание» [19], написанной Л. А. Булаховским, явление омонимии рассматривается очень бегло, хотя и в более широком общеязыковом плане. Автор отмечает, что «омонимия может иметь разные степени полноты — начиная от омонимности отдельных форм и кончая совпадением во всей системе форм». Вместе с тем подчеркивается роль связной речи, контекста в разграничении омонимов и указывается на отсутствие абсолютной границы между многозначностью (полисемией) и омонимностью. Выделяются производные приставочные глаголы русского языка (и других славянских языков) как лек-

[19] Введение в языкознание. Ч. 2. М., 1953, стр. 46—49.

сическая сфера, особенно богатая омонимическими образованиями: «При образовании слов префиксы вносят в слова нередко очень различные значения, значения настолько не похожие друг на друга, что остается говорить при соответствующих случаях о многозначности, а не об омонимии: *выжить*: 1) остаться в живых, уцелеть и 2) принудить оставить помещение или должность; *уходить*: 1) удаляться и 2) изнурить, измучить и т. п. Подходя к омонимам с оценочной точки зрения, Л. А. Булаховский пишет: «Заслуживает внимания тот установленный в науке факт, что сильно развитая в отдельных языках омонимия не является обыкновенно в последних пережитком старины — давнего несовершенства речи, а представляет собой неблагоприятный в семантическом отношении результат действия некоторых фонетических изменений, затерших первоначальную разницу между соответствующими словами» (ср. в чешском языке *víti* — 1) вить; 2) веять и *vyti*; *žíti* 1) жить, 2) жать и 3) жевать и т. п.) Сюда же примыкает и такое заявление Л. А. Булаховского: «Поскольку омонимия представляет собой стирание различительных примет между значениями слов, ее принципиально относят к отрицательным явлениям языка и обыкновенно избегают при образовании новых слов (в украинский литературный язык не могло поэтому войти в значении 'безденежный' — *безгрішний*, а вошло *безгрошовий*: *безгрішний* значит 'безгрешный'; не вошло в значении 'репетировать' *репетувати*, а *репетирувати* с необычным для украинского языка суффиксом *-ир-*, так как уже существовало *репетувати* — 'вопить')».

«Защитительную против скопления омонимов тенденцию» Л. А. Булаховский находит в действиях грамматической аналогии: «действием грамматической аналогии создаются новые, уже отличающиеся друг от друга формы, которые обыкновенно вытесняют из употребления омонимы» (ср. в чешском языке *pnouti* вместо *piti* из *pęti* — *pieti* 'пялить', 'натягивать', во избежание омонимии с *píti* — 'пить'; *mnoûti* вместо *miti* из *mętí* — *mieti* во избежание омонимии с *míti* — 'иметь').

Эти общие выводы, касающиеся омонимов и их развития в разных языках, не представляют собой стройной системы. Но и тут есть целый ряд заслуживающих внимания наблюдений и обобщений.

Однако в отношении к омонимии акад. Л. А. Булаховский стремился осуществить синтез трех точек зрения: 1) историко-семантической, 2) морфематической и 3) абстрактно-теоретической — относить ли омонимию к явлениям речевого творчества или к явлениям «срыва с нормальной речи», к «продуктам действия причин, близящихся к механическим». Синтеза не получилось, так как отдельные факторы омонимии не рассмотрены глубоко и всесторонне и не раскрыто их внутреннее взаимодействие.

III

На материале современного русского языка рассматриваются вопросы грамматической омонимии в моей работе «О грамматической омонимии в современном русском языке» [20]. Здесь прежде всего подвергается анализу о м о ф о р м и я, т. е. совпадение в звучании разных форм в системе имен существительных, прилагательных и числительных. В связи с этим отмечается, что у имен существительных многочисленные омонимические падежные формы дифференцируются не флексией, а синтаксическими функциями и предложными сочетаниями. Гипотетически обосновывается мысль о том, что «в именах числительных есть все предпосылки для развития межпадежной омонимии» (ср. совпадение косвенных падежей у *сто*, *девяносто*, *сорок* в одной форме — *ста*, *девяноста*, *сорока*; ср. тв. п. *пятидесятью* вм. *пятьюдесятью*). Далее говорится о том, что в системе склонения имен прилагательных в женском роде в единственном числе также есть тенденция к образованию общей формы косвенного падежа (*синей*, *доброй* и т. п.)

В отличие от падежных форм числительных и прилагательных как форм согласования, падежные формы существительных, особенно в родительном, творительном и предложном падежах, перегружены разными значениями и функциями.

В противовес широкому развитию омоформии у имен система форм русского глагола, характеризующаяся бедностью флексии, почти не имеет омоформ. Основным источником глагольной омоформии является повелительное наклонение (см. *пойди и скажи ему* и: *а он пойди и скажи ему*). Но интонационные отличия и резкая разница в синтаксическом употреблении проводят решительную грань между этими омоформами. Омоморфемность русского глагола относится, в основном, к категории вида и связана с префиксальными образованиями.

Таким образом, от омонимии в собственном смысле следует отличать омоформию. Омоформия в языке — это совпадение в в звуковой структуре как форм одного и того же слова, так и форм разных слов. При таком понимании из круга лексических омонимов должны быть удалены омоформные совпадения такого типа: *стекло* (сущ.) и *стекло* (форма гл. *стечь*: *стекло много воды*), *пила* (сущ.) и *пила* (форма гл. *пить*); *пасть* (сущ.) и *пасть* — (*падать*), *коса* (сущ.) и *коса* (кратк. форма прил.). Иногда совпадают по своему звуковому составу форма им. п. отглагольного существительного и повел. наклонения: *лай* (сущ.) и *лай* (повел. накл.), *настрой* и *настрой*; *строй* и *строй*; *напой* (напайка) и форм повел. накл. *напой*; *постой* (сущ.) и *постой* (форма повел. накл. гл. *постоять*); ср.: *простой* (сущ.), *простой* (прил.) и *простой* (форма

---

[20] «Русский язык в школе», 1940, № 1.

повел. накл. от *простоять*) и т. п. Ср.: *перепой* (форма повел. накл. от *перепеть*) и *перепой* (сущ. от гл. *перепить*) и ср. также *перепой* (та же форма от гл. *перепаять*). Вообще в системе русского глагола при бедности омоформии в парадигматике одного и того же глагола наблюдается своеобразная сеть омоформ в рядах разных глаголов *мелю* от *молоть* и *мелю* от *мелить* (два омонима); *пою* от *петь* и *пою* от *поить* (то же в производных с приставками). Обособляя омоформию от омонимии, необходимо дифференцировать разные типы или виды омоформии в сфере изучаемого языка, естественно, что здесь прежде всего выделяются самые общие разновидности.

1. Омоформия в рамках парадигмы одного и того же слова, омоформия парадигматики слова, принадлежащего к определенному классу, а в нем к определенному типу словоизменения, напр., сущ. ж. р. на *-ия* (род., дат. и предл. — *партии*), прил. ж. р. на *-ая* (род., дат., тв., предл. падежи — *светлой* и т. п.) [21].

2. Омоформия разных слов в системе одного и того же класса, напр., глагола. Количество звуковых совпадений в отдельных единичных формах разных глаголов, в общем, довольно значительно. Есть два разряда.

А. Прежде всего выступают формы 1 л. ед. ч. настоящего-будущего времени у глаголов с чередованием согласных: *д — ж*, *з — ж* (*сгладить — сглажу*, *сглазить — сглажу*, *водить — вожу*, *возить — вожу*, *увозить — увожу*, *уводить — увожу*, *будить — бужу*, *бузить — бужу*, в просторечии — *бузю*; *покадить — покажу*, *показать — покажу*, *сгрудить — сгружу*, *сгрузить — сгружу*, *ладить — лажу* и *лазить — лажу*; ср: *тужить — тужу*; но от *тузить* форма *тужу* неупотребительна); у глаголов с чередованием *т — ч*, — при наличии однозвучных основ на *ч* (*лететь — лечу*; *лечить — лечу*), у глаголов с чередованием *с — ш* и без такого чередования (*смесить — смешу*, *смешить — смешу* и др. под.). Во многих случаях формы 1 л. отличаются ударением: *разрезать — разрéжу*; ср.: *разредить — разрежý*; ср. также *разрядить — разряжý*; *метать — мечý*, *метить — мéчу*; *унизать — унижý*, *унизить — унúжу* и др. под.

Б. Единичны звуковые совпадения в 3 л. мн. ч.: *метать — мечут*, *метить — мечут*; в устной речи также в 3 л. мн. ч.: *тесать — тешут*; *тешить — тешат*. Омонимные формы этого типа — при резких различиях в лексических значениях глаголов и их синтаксическом управлении — употребляются широко и свободно, когда они давно укрепились в языке (ср. *водить — вожу* и *возить — вожу*, *сглажу* от *сгладить* и *сглазить*; *лечу* от *лечить* и *лететь* и др.).

---

[21] См.: В. В. Виноградов. О грамматической омонимии в современном русском языке.

Но производство форм с чередованием согласного основы от неологизмов или от просторечных глаголов, еще не вошедших в общеразговорное употребление, в общем, избегается. Ср.: *бузить*, *тузить*. Омоформы у разных глаголов в повел. накл. типа *повей* от *повить* и *повей* от *повеять* — единичны.

3. Третий тип омоформии — звуковое равенство или совпадение отдельных форм у слов, относящихся к разным частям речи. Напр., однозвучны форма им. п. ед. ч. сущ. *течь* и форма инф. *течь*; им. п. сущ. ед. ч. *пасть* и инф. *пасть*; им. п. *напасть* и форма инф. *напасть*; им. сущ. *знать* и инф. *знать*; ср. также модальное *знать*: *Ай, моська, знать, она сильна, что лает на слона* (Крылов. Слон и моська); *печь* и *печь*, сущ. *стать* и инф. *стать*, им. п. *плач* и форма повел. накл. *плачь*.

У имен существительных на *-ло*, обозначающих орудия действия, форма им. п. однозначна с глагольной формой прош. вр. ср. р. при той же основе: им. сущ. *мыло* и форма прош. вр. ср. р. ед. ч. *мыло*, род. *мыла* и ж. р. *мыла*; *шило* и *шило*, *шил*, *шила*; сущ. *било* и форма прош. вр. *било*, *точило* и *точило*, *светило* и *светило*, *покрывало* и т. п.; ср.: *жало* и *жало*.

От имен сущ. на *-ло*, *-ла*, экспрессивно характеризующих действующие лица, форма им. п. бывает однозвучна с формой прош. вр. ж. р.: форма им. п. сущ. *громила* и форма прош. вр. ж. р. *громила*; им. сущ. *воротила* и форма прош. вр. *воротила*; *надувала* и прош. вр. *надувала*; *вышибала*, *объедала*, *подлипала*, *подстрекала*, *надоедала*, *зубрила*, *чудила* и т. п.

Омоформия возможна между бессуффиксными, но приставочными отглагольными существительными, обозначающими действие и его результат, и формой прош. вр. гл. м. р.: форма им. п. *припек* и форма прош. вр. *припек*; им. сущ. *выгреб* и форма прош. вр. *выгреб*; им. сущ. *ожог* и форма прош. вр. *ожог*, им. сущ. *натек* и форма прош. вр. *натек* и т. п.

А далее идут случайные совпадения форм: им. сущ. *стекло* и форма прош. вр. *стечь* — *стекло*; в устной речи форма дат. п. *калачу* и форма 1 л. наст. вр. — *колочу*; ср.: *на крутом берегу* — *берегу* от *беречь*.

Применительно к однозвучным морфемам в языковой системе целесообразно воспользоваться, кроме термина — омоформия, омоформы (в отношении формообразующих элементов и форм слова), также термином — омоморфемность приставок (префиксов) и суффиксов (в отношении словообразующих элементов) и омоморфемность основ. Следовательно, целесообразно различать омонимы, омоформы и омоморфемные элементы.

Так, например, история русского языка свидетельствует, что падение простых форм прошедшего времени (аориста, имперфекта) было связано с широким развитием видовой омоморфемности в пределах этих парадигм, кроме естественной омоформии в системе форм прош. вр. на *-л* (*любил*, *любили*). Омоформии имен те-

перь противостоит в области глагола широко развитая агглютинативно-префиксальная омоморфемность (ср., напр., разнообразие реальных и видовых значений префиксов *по*, *о*, *у*, *с* и др.) Параллельно иные тенденции развития «омоморфемности» наблюдаются в кругу словообразовательных категорий. У имен существительных много омоморфемных суффиксов (напр., *-ец* в категориях лица, предмета и уменьшительности; *-ина* в категориях отвлеченности, единичности и рыбной—мясной пищи; *-к-а* в категориях действия, уменьшительности, предмета-вещи и лица женского пола и т. п.) Но их функции разграничены и ограничены связями с разными основами, а также принадлежностью к разным лексико-словообразовательным категориям. Таким образом, омоморфемность суффиксов здесь преодолевается различиями морфологической структуры слов. При отсутствии резких различий происходит смысловое слияние разных омоморфемных суффиксов в один (см.: *звонарь*, *дикарь*, *библиотекарь*, *аптекарь* и т. п.). В существительных господствует отраженная и производная омонимия. В классе имен прилагательных, несмотря на богатство форм словообразования, почти вовсе нет «омоморфемности» суффиксов. В тех немногих случаях, когда она налицо (*-енн-ый*, *-оват-ый*), эта омоморфемность преодолевается семантическими и структурными различиями основ, а также смысловыми и экспрессивными качествами слов.

В системе русского глагола отсутствует суффиксальная «омоморфемность», но зато очень широко распространена омоморфемность префиксальная, омоморфемность приставок. Многозначность приставок, которые сочетают в структуре глагола реальные значения с грамматическими, — основной стержень активной глагольной омонимии.

Далее привлекают внимание тенденции к омонимическому совпадению у групп слов, принадлежащих к разным частям речи, кроме существительных и глаголов. Центром, откуда движутся омонимы в сферу других знаменательных грамматических классов и синтаксических конструкций, является категория имен прилагательных с их синтаксическими дериватами (ср. *дело плохо*, *мне плохо* и *плохо выглядеть* и т. п.). В системе же служебных слов широта их смыслового объема допускает объединение разных грамматических функций.

Таким образом, здесь выдвигается задача углубленного изучения специфических структурных качеств омонимов в сфере слов, относящихся к разным частям речи, и подчеркивается важность исследования внутренних закономерностей образования омонимов в кругу производных слов как суффиксального, так и префиксального типа.

Углубление морфологической или структурно-морфематической точки зрения на лексические омонимы привело к необходимости разграничивать среди них явления полной и частичной омо-

нимии. К частичной омонимии, например, относятся парные существительные, из которых одно обладает формами и функциями единственного и множественного числа, а другое лишено числовых различий, напр., *счет — счеты* и *счеты* (прибор для счета), *брань — брани* (архаич. и риторич.) и *брань* (ругань) и т. п.

Таким образом, своеобразный вид частичной омонимии представляет совпадение форм у pluralia tantum с омоформами множественного числа от слов с той же основой. Напр., *леса* (строительные) и *леса* от слова *лес*, *чары* (волшебство) и *чары* от *чара* и т. д.

Из имен существительных сюда подойдут, главным образом, фонетически тождественные слова, у которых совпадают падежные формы лишь одного из чисел. Напр., *повод — поводы* и *повод — поводья*. *Цыпка*: 1 — курица или цыпленок (обл.); 2 — в фамильярном просторечии: ласкательная характеристика девочки, женщины и 3) цыпка — болезненное состояние кожи, шершавость, трещинки и пятнистая краснота кистей рук от нечистоплотности или холода. Ср. также выражения: *на цыпках*, *встать на цыпки*, чаще *на цыпочки*, *на цыпочках*. Это — омонимы, так сказать, наполовину. Одно из таких парных слов чаще всего принадлежит к разряду pluralia или singularia tantum. Ср.: *уклейка* — действие по глаголу *уклеить* — и *уклейка* — небольшая рыбка (из семейства карповых), *тьма* (темнота) и *тьма* — множество (старинн. — десять тысяч) и др.

Некоторые омонимы-существительные отличаются друг от друга системой форм множественного числа. Напр., *судно*, *судна*, *суден* (сосуд для испражнений, для мочи) и *судно*, *суда*, *судов* (парусное судно и т. д.).

Совпадения же в формах именительного падежа единственного числа у существительных, относящихся к разным родовым классам, в русском языке единичны. Ср.: *шаль* (платок) и в XVIII в. *шаль* (шалун); *соль*, *соли* и нескл. ср. р. *соль* (нота). Сюда же относятся глагольные формы несовершенного вида, напр., *спаивать* (к *спаять*) и *спаивать* (к *споить*) и т. п.[22]

Наиболее типичными примерами частичной омонимии являются факты совпадения всех форм слова или основной и вместе с тем единственной его формы (слово является неизменяемым) с частью парадигмы другого слова или с одной из его форм. Напр., наречие *даром* и тв. п. сущ. *дар*, наречие *чего* и род. п. вопросит. местоимения *что* и т. п.

Точно так же субстантивированные прилагательные сохраняют весь свой старый флексийный аппарат (в пределах данного рода), как бы далеко они ни отошли от своего прежнего грамматического класса. Напр., *часовой* — сущ. и *часовой* (механизм, мастер); сущ. *мостовая* — и *мостовой*, *мостовая*, *мостовое* (*мостовая по-*

---

[22] См.: В. В. Виноградов. Об омонимии и смежных явлениях. — ВЯ, 1960, № 5.

винность); сущ. *парикмахерская* и *парикмахерский*, *-ая*, *-ое* (*парикмахерская школа*); сущ. *второе* и *второй*, *-ая*, *-ое* (*второе число*); *столовая* и *столовый*, *-ая*, *-ое* (*столовая*); сущ. *рядовой* и *рядовой*, *-ая*, *-ое* (*рядовой литературовед*), *рабочий* и *рабочий*, *-ая*, *-ее* (*рабочий стол*); *дежурный* и *дежурный*, *-ая*, *-ое* и др.

В кругу производных предлогов наблюдается частичная омонимия в силу сохраняющейся связи с соответствующими формами того слова, от которого тот или иной предлог произошел (напр., *ввиду* и *в виду*, *в силу* и *в силу — вступить в силу*; *по мере* и т. д.). Случаи полной омонимии здесь немногочисленны. Так, омонимичны *относительно* — предлог и *относительно* — наречие, а также модальное слово.

Вопрос о созвучиях или однозвучиях слов и словесных единств в речевой деятельности или индивидуальном стиле, об их функциях и видах в этой сфере, — конечно, интересная проблема стилистики. Но она имеет иное содержание и должна изучаться совсем иначе, чем вопрос об омонимах в языке, в языковой системе. Кроме того, при исследовании явлений омонимии в литературном языке необходимо остерегаться грубого фонетического эмпиризма и учитывать как дифференцирующую роль письма, так и соотносительность морфологических элементов языковой системы. На это указывал еще Жильерон. Во всяком случае, совпадения в звучании слов и форм — вроде *косный* и *костный*, *волостной* и *волосной*, *свиснуть* и *свистнуть*, *умолять*, *умолить* и *умалять*, *отварить* и *отворить*, *отваривать*, *отворять*, *посвятить*, *посвящу*, *посвящать* и *посветить*, *разрядить* и *разредить*, *нащепать* и *нащипать*, *примерять* и *примирять*, *развевать* и *развивать*, *распевать* и *распивать*; или *мячом* и *мечом*, *распалю* и *располю*, *спеши* и *спиши*, *нагой* и форма тв. п. от *нога — ногой* и многие другие — не могут быть приравнены к полным омоформным омонимам типа *ключ* (от замка) и *ключ* (речной), *лук* (оружие) и *лук* (растение), но ср.: *луг*, *луга*; *топить* (печь) и *топить* (горе в вине), *клуб* (клуб дыма) и *клуб* (английский клуб) и т. п. Однако нельзя отрицать большого значения устно-речевой ассонации в образовании омонимных соотношений, взаимодействий, столкновений и вытеснений даже по отношению к литературному языку.

У грамматических классов, хотя и разных, но морфологически родственных в силу генетической связи, напр., у имен прилагательных, с одной стороны, и у существительных, образовавшихся посредством субстантивации тех же прилагательных, у прилагательных и качественных наречий, у прилагательных или наречий и качественных слов из категории состояния, с другой, возникают многочисленные совпадения форм. Производные прилагательные, наречия или предикативные слова, выражающие состояние, сохраняют или приобретают систему формы, которая полностью или частично совпадает с формами производящих слов, как бы вмещается в систему их форм. Таким образом, взаимодействие, взаи-

мопереход разных частей речи создает почву для широко развитой частичной омонимии среди разрядов слов, этимологически тождественных или родственных, но разошедшихся по разным грамматическим классам.

В докладе «Основные структурно-грамматические типы омонимов в современном русском литературном языке» (1958) общие выводы моих разысканий вкратце были сформулированы следующим образом.

1. Проблема омонимии в настоящее время является предметом напряженного внимания и объектом теоретико-лингвистического исследования в самых разнообразных направлениях современной лингвистики (среди последователей структурализма, неогумбольдтианства и др.).

2. Способы разграничения омонимов в системе языка с так наз. синхронической точки зрения все еще малоопределенны. Современная советская лексикографическая практика в области составления толковых словарей, напр. русского языка, ярко и наглядно отражает отсутствие точных лексико-семантических и структурно-грамматических приемов и принципов разграничения омонимов.

3. В сфере исторической лексикологии до сих пор доминирующим остается этимологический принцип распознавания омонимов. Попытки переноса этого принципа на почву изучения лексических систем современных языков приводят к антиисторизму. Слабость исследования исторических закономерностей развития лексических систем отдельных конкретных языков непосредственно отражается и сказывается в неопределенности и неясности критериев разделения слов на омонимы в истории словаря того или иного языка.

4. При разграничении омонимов в толковых словарях русского языка принимаются в расчет критерии семантические, синтаксические, словообразовательно-лексикологические и структурно-морфологические; однако твердых принципов их объединения, употребления и применения до сих пор не выработано. Поэтому положение в этой сфере — явно неблагополучное.

5. Между тем при разработке проблемы омонимии в нашем отечественном языкознании еще в 10—20-х годах XIX в. (И. К. Калайдовичем) была подчеркнута важность синтетического или структурно-синкретического подхода к решению вопроса о разграничении омонимов и лексико-семантического и конструктивно-морфематического. Необходимо отметить, что эта идея нашла дальнейшее развитие и углубление в работах акад. Л. А. Булаховского, моих, проф. А. И. Смирницкого, применительно к английскому языку, и некоторых других.

6. Следует, прежде всего, внести ясность в самое понятие омонима и отличать от явлений лексической омонимии в строгом и точном смысле этого слова процессы и явления омоформии и ча-

стично лексико-морфологической омонимии. Кроме омонимов, целесообразно выделять также омоморфемы или омоморфы (формообразующие и словообразующие).

7. В современном русском языке явления омоформии распределяются по трем основным рубрикам:

1) виды омоформии в системе форм одного и того же слова (имени сущ. — *организации* — формы род., дат. ед. ч. и им., вин. мн. ч., *живой* — им.-вин. муж. р., род., дат. и тв. ед. ч. ж. р. и т. п.); 2) виды омоформии в структуре форм разных слов, относящихся к одной и той же части речи (*супруга* — род. ед. от *супруг* и *супруга* — им. ед. ж. р.; *водить* — *вожу* и *возить* — *вожу* и т. д.); 3) виды омоформии в структуре форм р а з н ы х слов, относящихся к разным частям речи [напр., *пила* — сущ. и *пила* — прош. вр. гл. от *пить* и др.; *трут* (сущ.) и *трут* (3 л. мн. ч. наст. вр. от *тереть*)]. Омоформия в системах имен существительных и кратких прилагательных в русском языке случайна и редка. Напр., кратк. форма м. р. прил. — *синь* и форма им. п. сущ. *синь*; *коса́* — кратк. форма ж. р. от *косой* и сущ. *коса́* (3 омонима); *долг* — кратк. форма м. р. от *долгий* (в книжном стиле; ср. *долог*) и сущ. *долг*. У форм местоимений совпадения с формами слов других классов единичны: *мой* и *мой* форма повел. накл. от *мыть*; *весь* и форма им. п. устарелого церковнославянизма — *весь*. Таким образом, нет звуковых слияний форм имен существительных с традиционными числительными и местоимениями.

В категории имен числительных встречаются лишь отдельные, случайные совпадения форм с формами глаголов, напр., *три* и форма повел. накл. *три* от *тереть*; *пять* и форма повел. накл. *пять* от *пятить*.

Точно так же единичны и разъединены типы омоформии среди других категорий слов, при этом они иногда образуют нечто среднее между омоформией и частичной омонимией. Напр., модальное слово *верно* и кратк. форма ср. р. прил. *верный*, а также наречие *верно*. Модальное слово *значит* и форма 3 л. ед. ч. глагола *значить*; *главное* и форма ср. р. прил. *главный*; сравнит. союз *ровно* и нареч. *ровно*. Ср.: *чай* и форма им. п. сущ. *чай* и т. п.

Рассмотренные три типа омоформии в русском языке, в общем, не создают лексической омонимии. Они качественно разнородны с ней. Только в каламбурном употреблении, в индивидуальной практике художественной речи омоформы могут быть сопоставлены с омонимами.

Все эти явления и процессы подчинены в современном русском языке строго определенным правилам и законам и ничего общего с явлениями лексической омонимии не имеют, хотя нередко в лингвистических работах смешиваются с ними.

8. Гораздо ближе к явлениям лексической омонимии, хотя и должны быть отличаемы от них, явления и процессы ч а с т и ч н о й л е к с и к о - м о р ф о л о г и ч е с к о й о м о н и м и и.

Частичная лексико-морфологическая омонимия состоит в том, что слово, употребляющееся лишь в одной форме (неизменяемое), или система форм слова совпадают целиком с частью форм другого слова [напр., нареч. *градом—пот катился градом* и сущ. *град*— в одной из его форм—*градом*; *чара* (чарка)—*чары* и *чары* (волшебство) и т. п.]. Среди явлений частичной лексико-морфологической омонимии необходимо различать три круга относящихся сюда фактов: 1) явления частичной лексико-морфологической омонимии, связанные с совпадением звуковой формы неизменяемого (в том числе и служебного) слова и одной из форм парадигмы склонения или спряжения другого слова (напр., *почти* и форма повел. накл. глагола — *почтить*; *раз* — союз, *раз* — нареч. и форма им. п. сущ. *раз*; *чего* — почему и *чего* — род. п. от *что*, союз *благо* и сущ. *благо*; ср. уступит. союз и модальное слово — *правда* и сущ. *правда*, межд. и модальная частица *пожалуй* и повел. накл. от *пожаловать* и т. п.); 2) явления частичной лексико-морфологической омонимии в системе слов разных частей речи (отчасти вызванные переходом слов из одной части речи в другую), напр., сущ. *рабочий* и имя прил. *рабочий*, сущ. *столовая* и имя прил. *столовый*; прил. *натянутый* и прич. *натянутый* от гл. *натянуть* и т. д.; 3) явления частичной лексико-морфологической омонимии в кругу одной и той же части речи (им. п. сущ. *счет*, *счеты* и *счеты* — мн. ч.; гл. — *насадить—насаждать* и *насадить—насаживать* и т. п.).

9. Среди полных лексических омонимов с структурно-грамматической точки зрения сначала выступают два общих разряда: 1) «неизменяемые слова» — омонимы; и 2) омонимы — слова парадигматического типа.

10. Омонимы в кругу неизменяемых слов в современном русском языке немногочисленны. В служебных словах (напр., в некоторых «первообразных» предлогах — *с*, *о*, *по*, а частично и *за*, союзах — *и*, *что*, *как*) наблюдается тенденция к распаду на омонимы.

11. В сфере слов-омонимов с парадигмами склонения и спряжения необходимо выделить, прежде всего, «непроизводные» слова или слова с непроизводной основой. Омонимов этого типа больше всего в категории имен существительных, немного — в категории глаголов. Совсем единичны омонимы в категории прилагательных с непроизводной основой. Нет омонимов среди местоимений и числительных.

12. Омонимия в сфере «производных слов» — явление продуктивное. Здесь омонимия в современном русском языке подчинена строго определенным законам словотворчества и словообразования. Омонимия в сфере производных слов может порождаться омоморфемностью элементов, может быть отраженной, т. е. быть отражением омонимии производящих слов или основ (напр., *отражение врага* и *зеркальное отражение*) или же может

вызываться чередованием согласных и другими фономорфологическими причинами

13. В системе производных прилагательных преобладает отраженная омонимия (по основам существительных-омонимов).

14. Многочисленны и очень продуктивны явления омонимии у отвлеченных имен существительных (со значением действия, состояния, результата действия и т. п.), произведенных от глагольных основ.

15. В отглагольных именах существительных, в которых сочетаются значения возвратных и невозвратных глаголов, иногда происходит омонимическое расслоение отглагольного образования на два слова.

16. В кругу других словообразовательных разрядов имен существительных омонимия развивается, главным образом, по линии расслоения категориальных значений лица и предмета.

17. Производные слова-омонимы в системе имен существительных также возникают как звенья разных словообразовательных рядов (напр., *венгерец—венгерка* и *венгерский—венгерка*; *толстовка* — женщина и *толстовка* — рубашка и т. п.).

18. В системе производных глаголов омонимия чаще всего вызывается расхождением значений приставок-омоморфем при одной и той же основе (напр., приставок *пере-*, *по-*, *о-*, *об-*, *на-*, *за-* и др.).

19. Омонимы среди производных глаголов нередко образуются также в силу «опрощения» основ (по соотношению с именами существительными), напр., *заговорить* (заговор) и *заговорить*; *нарвать—нарывать—нарыв* и *нарвать* чего-нибудь и т. п.

20. Закономерны и разнообразны процессы и способы образования омонимов в кругу глаголов с аффиксом *-ся*.

21. Омонимия в системе русского языка — явление живое, развивающееся и подчиненное строгим законам словопроизводства и семантического разъединения структурных типов слов.

IV

В том же направлении разграничения структурно-морфологических и лексико-семантических типов омонимии двигались работы проф. А. И. Смирницкого. Прежде всего следует отметить статью проф. Смирницкого «Некоторые замечания по английской омонимике», написанную по поводу списка омонимов — List of homonyms в «Этимологическом словаре английского языка» проф. Скита (An etymological dictionary of the English language by W. Skeat. Oxford, New ed., 1909).[23]

А. И. Смирницкий вслед за предшествующими русскими исследователями указывает на необходимость отграничения «случаев

[23] «Иностранные языки в школе», 1948, № 5.

омонимии отдельных форм разных слов» от «случаев омонимии целых слов — лексем, т. е. слов как единиц лексики, как единиц, каждая из которых нередко представляет собой целую систему форм» (стр. 11). В тех случаях, когда омонимами являются целые слова — единицы лексики, «омонимическими оказываются не изолированные случайные формы данных слов, а целые системы их форм, причем омонимия наблюдается именно между грамматически тождественными их формами», напр., ед. ч. *mass*$_1$ — 'масса', *mass*$_2$ — 'обедня' и мн. ч. *masses*—*masses*. В отличие от этого омонимия грамматически не тождественных форм разных слов [типа: *found*$_1$ — 'нашел' (или нашли, найден и т. п.) и *found*$_2$ — 'основывать', основываю, -аем и т. п.] — при наличии резких расхождений в звуковом составе других форм тех же слов — должна быть отнесена к сфере частичной лексико-грамматической омонимии. Сюда же примыкают и «исходные» омонимические формы слов, принадлежащих к разным частям речи, напр., *light*$_1$ (*light's*, *lights*) 'свет' и *light*$_2$ (*lighter*, *lightest*) 'легкий'. «Различие между частями речи уже само по себе является различием лексико-грамматическим, поскольку разные части речи представляют собой разные классы слов и вместе с тем различаются друг от друга именно грамматическими признаками» (стр. 13).

А. И. Смирницкий предлагает условно обозначать омонимию отдельных форм у разных частей речи как омонимию сложную лексико-грамматическую (*bear*$_1$ 'нести' и *bear*$_2$ 'медведь'; *bore*$_1$ 'нес' и *bore*$_2$ 'бурав'; *rose*$_1$ 'поднялся' и *rose*$_2$ 'роза' и т. п.) в отличие от простой лексико-грамматической омонимии типа: *found*$_1$—*found*$_2$.

Когда же речь идет об омонимии отдельных и притом исходных форм у разных слов, относящихся к одной и той же части речи, напр., *lie*$_1$ (*lay*, *lain*) 'лежать' и *lie*$_2$ (*lied*, *lied*) 'лгать', можно говорить о частичной чисто лексической омонимии, так как *lie*$_1$ и *lie*$_2$ представляют по отношению друг к другу грамматически тождественные формы. Отношение этого типа между словами отличается от отношения между полными лексическими омонимами (вроде *sound*$_1$ 'звук' и *sound*$_2$ 'пролив').

Итак, А. И. Смирницкий предлагает различать четыре разновидности омонимии:

1) случаи полной лексической омонимии (*mass*$_1$ —*mass*$_2$);

2) случаи частичной лексической омонимии (*lie*$_1$—*lie*$_2$);

3) случаи простой частичной лексико-грамматической омонимии — (*found*$_1$—*found*$_2$), при которой грамматически нетождественные омонимические формы принадлежат словам, относящимся к одной и той же части речи, и

4) случаи сложной частичной лексико-грамматической омонимии [типа *bear*$_1$ 'нести' (*bears*, *bore*, *borne*, *bearing*) и *bear*$_2$ 'медведь' (*bear's*, *bears*), *bore*$_1$ 'нес' и *bore*$_2$ 'бурав'; *left*$_1$ 'оставил' и *left*$_2$ 'левый' и т. п.]. Для английского языка особенно характерны широко

распространенные в нем случаи частичной сложной лексико-грамматической омонимии, связанные с так называемой «конверсией», напр. $look_1$ 'смотреть' и $look_2$ 'взгляд, вид'; $fall_1$ 'падать' и $fall_2$ 'падение' и т. п.

Осуществить полную регистрацию и количественный охват всех таких омонимических пар было бы практически очень затруднительно, «в виду не только их многочисленности, но и неопределенности их числа», так как словообразование путем «конверсии», как известно, очень продуктивно в английском языке. Во всяком случае, «картина английской омонимики, не включающая в свои рамки лексико-грамматические омонимы, связанные с конверсией, является в высшей степени неполной (а потому и неправильной) картиной». Таким образом, выделяется совершенно особая группа случаев частичной сложной лексико-грамматической омонимии: это — омонимы, связанные с конверсией. «Их анализ, — писал А. И. Смирницкий, — требует рассмотрения некоторых принципиальных вопросов омонимики, а также и явления конверсии как такового» [24].

В статье «Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке» [25] проф. А. И. Смирницкий приходит к выводу, что «конверсия в английском языке не есть употребление одного и того же слова в функции разных частей речи», так как единицы, соотносящиеся по конверсии, являются по отношению друг к другу отдельными словами со свойственной каждому из них системой форм (ср. слова: love 'любовь' и love 'любить', отличающиеся друг от друга своими парадигмами). При конверсии парадигма каждого данного слова, характеризуя его по отношению к другим словам, выполняет в то же время и лексическую функцию: она осуществляет «оформление» слова и тем самым выступает как словообразовательное средство.

«Специфическим для конверсии является не вообще использование парадигмы слова как средства словообразования, а использование ее именно как единственного средства, без каких-либо иных, специально словообразовательных средств» [26].

Вместе с тем, «слова, соотносящиеся по конверсии, с точки зрения их лексико-морфологического строения не различаются как основное и производное, поскольку их основы одинаковы; но те или другие обстоятельства могут так дифференцировать их смысловое строение, что одно из них будет выступать на правах основного, а другое — на правах производного от него. Во всех таких случаях мы будем иметь дело со словопроизводством, которое может быть определено как внутреннее (семан-

---

[24] А. И. Смирницкий. Некоторые замечания по английской омонимике. «Иностранные языки в школе», 1948, № 5, стр. 14—15.

[25] «Иностранные языки в школе», 1953, № 5, стр. 24 и сл.

[26] Там же, стр. 24—25.

тическое, но не в смысле просто семантической дифференциации»)[27].

Конверсия в английском языке находится во взаимодействии и связи с другими явлениями, в частности — с чередованием звуков как гласных, так и согласных.

Таким образом, несомненной заслугой проф. А. И. Смирницкого является введение понятия частичной лексической или лексико-грамматической омонимии (на материале английского языка) и включение явлений конверсии в сферу исследования процессов образования омонимов. Частично с взглядами А. И. Смирницкого совпадают — при резком различии в терминологии — мысли об омонимах, развиваемые А. А. Реформатским и, очевидно, навеянные влиянием А. И. Смирницкого.

А. А. Реформатский пытается установить различие омонимии «точки» (напр., *пять* — 5 и *пять!* — повел. накл. от *пятить*) или «точек» (*три*, *трем* — формы числительного и *три! трём* — формы глагола), с одной стороны, и омонимии «ряда» (*лук* 'орудие' и *лук* 'растение' и т. п.) — с другой.

Бывают, по словам А. А. Реформатского, и более «хитрые» случаи, напр., совпадения в отдельных формах слов *туш* — мужского рода и *тушь* — женского рода, где по парадигме в единственном числе они расходятся, а во множественном числе начинают совпадать[28].

V

Изучение омонимии сосредоточилось в последнее время на двух центральных кругах вопросов. Это, во-первых, соотношение и взаимодействие омонимии и полисемии. Сюда относятся задачи анализа омонимов и в синхронном, и в историко-этимологическом плане. Остро выделяется проблема условий, причин и признаков распада одного и того же слова на омонимы, на разные, хотя и однозвучные, слова. Естественно, изучение этих процессов связывается, между прочим, с исследованием «заимствований», явлений освоения и приспособления к системе своего языка чужих слов. Но, наряду с этими процессами, обнаруживается глубокое и разностороннее действие внутренних законов развития историко-семантической системы словарного состава языка, вызывающее явления расщепления единой структуры слова на омонимы. Понятно, что при разносторонних наблюдениях над всей этой широкой областью лингвистических фактов обнаруживается множество переходных случаев недоразвившейся омонимии или, напротив, сначала ярко проявившейся омонимии, но затем разрушенной влиянием различных факторов. Естественно, что в этих

---

[27] «Иностранные языки в школе», 1953, № 5, стр. 26.

[28] См. выступление А. А. Реформатского на дискуссии по вопросам омонимии («Лексикографический сборник», вып. 4. М., 1960, стр. 89—91).

сложных и разнонаправленных процессах «жизни омонимов» жильероновский принцип борьбы и взаимного «поедания» омонимов отнюдь не является главным и преобладающим.

Чаще всего выдвигается такое общее положение: «Критерий разграничения полисемии и омонимии должен быть не односторонним, а комбинированным, комплексным, т. е. отражающим различные аспекты во взаимоотношении созвучных слов (семантический, словопроизводственный, грамматический, различный характер сочетаемости омонимичных слов, фразеологическое окружение и др.)» [29].

Второй круг вопросов омонимии тяготеет к исследованиям, направленным на определение условий, которые содействуют развитию омонимических совпадений в связи с закономерностями морфематической структуры слов разных классов. В сущности, именно эта проблематика изучения омонимов применительно к разным языкам получает в настоящее время основное, первостепенное значение. В самом деле, здесь яснее и непосредственнее всего обнаруживаются общие процессы развития омонимии и преобладающие направления в омонимических соотношениях и взаимодействиях активных омонимических групп слов. Тут-то и раскрываются живые законы омонимических обогащений языка. Они по-разному и с разной степенью интенсивности проявляются в разных классах слов, в системе разных частей речи.

Для показательного анализа этих явлений целесообразнее всего детально и всесторонне углубиться в систему какого-нибудь одного языка, хотя бы современного русского. В дальнейшем легче будет заниматься сопоставительным изучением однородных и разнотипных процессов в других языках.

Омонимия существительных с производной основой не только вызывается и порождается процессами, резко отличными в главных своих проявлениях от тех процессов, которые приводят к развитию омонимных лексических единиц непроизводного типа, но она подчинена и совсем иным внутренним законам развития. Само собой разумеется, что все вопросы о специфических семантических явлениях, связанных с омонимией в кругу существительных с производными основами, напр., вопрос о широте семантического объема существительных этого типа, вопрос о возможностях и закономерностях внутреннего расщепления одного слова на омонимы в этой сфере, о взаимодействии и соотношении общелитературного словарного состава и разнообразных систем профессиональной и научно-технической терминологии в области омонимии и т. п., должны быть рассмотрены особо — в плане не словообразовательно-морфологического или структурно-морфематического, а семантико-лексикологического исследования.

---

[29] Л. А. Новиков. Омонимия имен существительных в современном русском литературном языке. . . М., 1961, стр. 16.

При изучении же форм и законов омонимического словопроизводства прежде всего бросается в глаза то обстоятельство, что омоморфемные суффиксы в русском языке только в исключительных случаях сочетаются с одними и теми же основами, напр., *топорище* (увелич. к *топор*) и *топорище* (рукоятка топора); *русак* (истинно русский человек) и *русак* (серый заяц) и др.

Следовательно, в подавляющем большинстве производных существительных омонимия зависит от омоморфемности основ и является омонимией «отраженной».

Обращаясь к классу имен существительных в русском языке, мы найдем здесь два широких круга лексических омонимов, свободно вращающихся в современной речевой практике.

I. Область непроизводных имен существительных, нередко терминологического типа, относящихся к разным областям жизни, общественного быта и труда, профессиональных занятий, техники и науки.

II. Гораздо более широкая и разнообразная область производных существительных. Тут «омоморфемность» суффиксов (напр., *-ец* в обозначениях предметов, лиц, и в уменьшительно-ласкательных словах *-ина*, *-ик*, *-ник* и т. п.) не ведет к развитию лексической омонимии, так как в этих случаях в русском языке избегают омоморфемности основ при однозвучных суффиксах.

В сущности, характеристика омонимов как по происхождению, так и по характеру значений, по степени смысловой далекости, по разобщенности сфер общественного употребления — не выясняет ни специфических качеств омонимов с непроизводной основой, ни их количественного преобладания среди других групп омонимов в системе имен существительных. Однако бросается в глаза, что почти все непроизводные омонимы относятся к категориям слов с вещными или предметными значениями, а не к категории лица. Точно так же только единственные слова, принадлежащие к категории одушевленности (напр., *рысь*), вовлекаются в эту сферу омонимических соотношений.

Этим, конечно, вовсе не отрицается возможность омонимического расхождения значений у одного и того же производного существительного в силу ли разъединения сфер общественного употребления, в силу ли профессиональной специализации или же прямого разрыва логико-семантических связей.

Напр., у В. Шкваркина в комедии «Чужой ребенок»: Ольга Павловна (роняет чашку). *Не говори ничего, когда у меня посуда в руках.* (Зовет) *Сережа, Сергей Петрович!*

Входит Караулов со смычком в руках.

Караулов: *Ольга Павловна, ведь ты Чайковского перебила.* Ольга Павловна: *Что Чайковского — я посуду перебила! Ты к дочери прислушайся!* (Действие I). Но ср.: *битье* посуды и *перебивание* исполнения произведений Чайковского.

Там же, в действии третьем (в речи Александра Мироновича): *У меня был процесс в легких, пускай теперь будет в Верховном суде.*

Распадение на два омонима можно установить в истории слова *наряд*, в котором основа уже стала неразложимой, непроизводной. Еще П. А. Лавровский в своих «Замечаниях об особенностях словообразования и значения слов в древнем русском языке» заметил: «*Наряд* от значения приготовления вообще и снаряжения войска, в частности, перешло к обозначению одежды мужчин и женщин и особенно одежды праздничной. Отсюда *нарядный* значит то же, что *хорошо*, богато одетый или одетая; *нарядом* же называется совокупность всего гардероба» [30]. С другой стороны, слово *наряд* расширило свои значения в военно-профессиональной речи в сторону всякого поручения, выполнения официального задания.

В современных толковых словарях непроизводные омонимы нередко механически объединяются.

Например, производит почти ошеломляющее впечатление такой перечень значений одного слова — *фаланга.*

1. Плотно сомкнутый строй пехоты у древних греков, а переносно вообще стройный, сомкнутый ряд кого-чего-нибудь. Пример: *Фаланга белых пешек двинулась в атаку на черного короля.*

2. В утопическом социальном учении фурьеристов — община, численностью от 1500 до 2000 человек.

3. Косточка пальца (анат.).

4. Ядовитое животное из класса паукообразных (зоол.) [31]. Чем связаны все эти значения в современном языке, трудно понять и представить. Очевидно, это — омонимы.

Вот — несколько примеров омонимов из области непроизводных имен существительных, расположенных без всякого порядка. *Лава* (ит. lava) — вулканическая лава, *лава* (устар. военное: *казаки несутся лавой*) и гор. *лава* — пласт угля в забое; *ливер* (англ. liver) — кулин. и *ливер* (англ. lever) (спец.) — трубка для насасывания жидкостей; *лира* (греч.. lyra), *лира* (ит. lira) — итальянская монетная единица и *лира* (мех); *линь*, *-я* (рыба) и *линь* (голл. lijn) — веревка (морск.); *люлька* (колыбель) и *люлька* (от перс. lula) — трубка (ср. в военном языке часть лафета, поддерживающая ствол орудия); церковно-книжное слово — *лик* в значении сонм, собор, собрание, еще употребительное в поэтическом языке 20—30-х годов XIX в., в 40—50-х годах почти выходит из употребления. Между тем сталкивавшийся с ним в стилях поэтической и книжно-риторической речи омоним *лик* с значе-

---

[30] Исторические чтения о языке и словесности в заседаниях II отд. Имп. Академии наук 1852 и 1853 гг. СПб., 1854, стр. 215.

[31] Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, т. IV, стр. 1053 (в дальнейшем: Словарь Ушакова, римская цифра указывает том, арабская — страницы).

ниями: лицо, облик, очертания — крепко держится в русском литературном языке XIX в. и жив до сих пор; *лама* (llama) — животное и *лама* (тибетск. llama) — монах-священник у буддистов-ламаистов; *ласт* (конечность у тюленей, моржей, морских черепах) и *ласт* (голл. last) — грузовая единица для измерения вместимости судов; деревянный материал для обшивки судов (морск.); *ластик* (англ. lasting, букв. прочный) — сорт бумажной материи и *ластик* — резинка, эластичная ткань на подвязки, пояса.

Большая часть омонимов этого типа относится к далеким предметным сферам, к разным кругам действительности: *лайка* (собака) и *лайка* (кожа); *лебедка* (ж. р. к *лебедь*) и *лебедка* (приспособление для подъема грузов); *лейка* (от *лить*) и *лейка* (из Leizkamera) — фотоаппарат; *маркёр* (фр. marquer) и сельскохозяйственное *маркёр* (фр. marqueur); *маркиза* (ср. маркиз) и *маркиза* (навес у окна); *мина* (на лице) и *мина* (снаряд для взрыва, карандашный стерженёк); *метр* (мера), *метр* (стихотворный размер) и *метр* (учитель, фр. maître); *нефрит* (болезнь) и *нефрит* (минерал); *пат* (фр. pat) в шахматной игре и *пат* (фр. pâte) сорт фруктовой пастилы; *пик* (вершина горы) и *пик* (дневной пик нагрузки, часы пик); *пикет* (военн.) и *пикет* (игра в карты, период — пик войны); *рысь* (бег, аллюр) и *рысь* (хищное животное); *стан* (туловище), *стан* (стоянка, лагерь, войска, борющаяся сторона) и *стан* (сложная, большая машина; прибор; механизм для тканья); *соя* (растение и приправа) и *соя* (сойка, зоол.); *сорока* (птица) и *сорока* (обл. женский головной убор, род кички); *тупик* (улица без сквозного прохода и проезда, железнодорожный путь, не имеющий продолжения с одного конца, безвыходное положение) и *тупик* в зоологии (северная морская птица, отличающаяся очень высоким, сильно сжатым с боков клювом); *ток* (электрический заряд), *ток* (где птицы токуют), *ток* (расчищенное место для молотьбы) и *ток* (фр. toque) (женский головной убор); *талия* (наиболее узкая часть туловища) и в карточной игре: две колоды карт, круг игры; *такт* в ритме и *такт* в поведении; *таз* (сосуд) и *таз* (анатомический термин).

В некоторых случаях омонимия заимствованных слов в русском языке является отражением омонимии, уже установившейся в чужом языке.

Напр., *тур* (один круг танца по зале, часть какого-нибудь состязания, законченный отдельный эпизод; фр. tour от лат. torno — округляю); *тур* (фр. tour от лат. turris — башня; в военной технике: высокая корзина цилиндрической формы без дна, наполняемая землей и применяющаяся как прикрытие во временных укреплениях) и *тур* (горный кавказский козел; дикий бык с громадными рогами, водившийся до XVII в. в лесах Европы и теперь вымерший). Ср.: *филе* (вышивка; фр. filé) и *филе* (сорт мяса; фр. filet);

рейд (морск. от голл. reide) и *рейд* (военн. англ. raid); *тир* (фр. tir — помещение для стрельбы в цель) и *тир* (голл. teer), в морском диалекте: состав из жидкой смолы, вареной с гарпиусом, для смазывания стоячего такелажа и рангоута на кораблях); *тик* (фр. tic — нервное подергивание членов тела), *тик* (голл. tyk, англ. tick — плотная льняная или хлопчатобумажная ткань) и *тик* (англ. teak — высокое дерево сем. вербеновых, растущее в Индии);

термит (от лат. termes — насекомое жарких стран) и *термит* (от греч. thermos — смесь порошкообразного алюминия с окислами некоторых металлов, служащая для получения очень высокой температуры);

такса (новолат. taxa — расценка товаров) и *такса* (от нем. Dachshund — небольшая гладкошерстная кривоногая собака).

Таким образом, многие омонимы относятся к области заимствованных, чаще всего разноязычных слов. Омонимия является результатом устранения фонетических различий чужих слов в русском языке в процессе их национализации, русификации, напр., *шериф* (в Англии и США) и *шериф* (в мусульманском мире); *шпат* (минерал) и *шпат* (в ветеринарном деле; хроническое воспаление костей ног у лошадей);

шпик (от нем. Speck — свиное сало) и *шпик* (польск. szpieg — шпион, сыщик);

шпиц (шпиль, нем. Spitze) и *шпиц* (собака особой породы, нем. Spitz);

хедер еврейская религиозная школа для мальчиков (др.-евр. hedher) и *хедер* (англ. header — жатвенный аппарат комбайна);

фуга (ит. fuga, напр., четырехголосная фуга) и *фуга* (нем. Fuge — лаз, выемка в доске, выструганная фуганком);

фон (картины и т. п.) и *фон* (спец. шум, звучание, треск, напр., в репродукторе, в телефонной трубке);

туш (нем. Tusch) в музыке и *туш* (фр. touche) в игре на бильярде;

туз (польск. tus с нем. Daus) — игральная карта; перен. важный, влиятельный человек и *туз* (от англ. two 'два') — легкая двухвесельная шлюпка для одного гребца. Ср. в просторечии фразеологическое единство *дать туза* — ударить;

трель в музыке (от ит. *trillo*) и *трель* в технике (место, где складывается доставленная с пункта заготовки древесина, нем. treiler).

Профессиональные термины, ограниченные в своем употреблении узким кругом какого-нибудь производства или какой-нибудь специальности, соприкасаются и сталкиваются как омонимы лишь в словаре. Напр., *целик* в горном деле (массив, столб почвы с полезными ископаемыми, оставляемый без разработки, как опора

шахтных сооружений, стволов шахт) и *целик* в военной технике (подвижная часть прицела у орудий) [32];

форшлаг в музыке и *форшлаг* в морском деле (веревка для натягивания переднего паруса; (нем. Vorschlag, ср. словарь Ушакова, IV, 1107);

флюс (на щеке) и *флюс* (в технике, в горном деле);

филе (вышивка, фр. filé) и *филе* (фр. filet мясо из средней части хребта туши);

фактура (в искусстве) и *фактура* (в торговом деле);

смычок (у музыкальных инструментов) и *смычок* в охотничьем диалекте (веревка, которой привязаны друг к другу попарно гончие собаки при отправлении на охоту; пара собак);

точило (камень для точки, станок для точки) и *точило* в виноделии (устройство для выжимания сока из виноградных ягод).

Непроизводные существительные-омонимы чаще всего принадлежат к далеким смысловым рядам или различным терминологическим системам. Соответствующие семантические группы разъединены, не соприкасаются.

Напр., *шайка* (в бане) и *шайка* (шайка воров);

шашка (кубик или кружок) и *шашка* (оружие);

шип (колючка или в технике брусок, выступ) и *шип* (шипение);

штоф (водка) и *штоф* (ткань);

яр (крутой берег реки, обрыв) и *яр* (обл. спец., болезненное состояние в период спаривания у птиц);

ярь (яровое) и *ярь* (зеленая краска);

ячмень (злак) и *ячмень* (на глазу);

хром (химический элемент и краска) и *хром* (кожа);

храп (храпение) и *храп* (в технике, в профессиональном употреблении: упор в виде пленки для остановки движущихся частей механизма, крюк на веревке для подъема тяжестей на судах и т. п.). Ср. также обл. *храп* — тонкая пленка льда на снегу, неровный, бугристый лед на реке;

хлыст (прут) и *хлыст* (последователь хлыстовства);

фокус (очаг, точка пересечения) и *фокус* (ловкая проделка, трюк);

ферма (в сельском хозяйстве) и *ферма* (в технике: сооружение, представляющее собою конструкцию из стержней, брусьев);

фанза (ткань) и *фанза* (китайский крестьянский дом);

узел и морск. *узел* (мера длины прибл. 1,87 *км*; англ. Knot).

Во многих случаях омонимия объясняется тем, что один из омонимов возник в литературном языке или в профессиональном кругу как калькированный перевод иноязычного термина. Напр., *узел* и морская мера — *узел* (англ. Knot); *среда* (фр. milieu) и *среда* — день недели.

---

[32] См.: Словарь Ушакова, IV, 1207—1208.

Такие омонимы, как *рысь* (бег, аллюр; переносно живость, прыть) и *рысь* (хищное животное из семейства кошачьих) резко отличаются друг от друга своими фразеологическими связями, контекстами своего употребления. Ср.: *во всю рысь*; *резвой*, *крупной рысью*; *вольтижировка на рыси* и т. п.

Не подлежит сомнению, что связи между значениями, смысловые нити, соединяющие в данной семантической системе несколько разных значений в один пучок, могут быть разной силы, осязаемости и ясности. Иногда они лишь постулируются, ищутся, но при этом не осмысляются до конца. Напр., едва ли слово — *утка* в значении: ложный сенсационный слух — (перевод с фр. canard) еще не может рассматриваться как омоним к слову — *утка* в значении — птица. Тут нет мотивировки переноса, и все же переносный смысл здесь как бы внушается, предполагается.

Любопытно, что у слов с непроизводными основами значение лица и значение предмета, если в их сочетании нет образно-экспрессивного замысла, всегда разъединены, т. е. соответствующие слова являются омонимами. Напр., *кулак* и *кулак*; *мандарин* и *мандарин*; *маркиза* и *маркиза*; *геркулес* (силач) и *геркулес* (крупа); *шпик* (сыщик) и *шпик* (сало) и др.

VI

В области живых категорий производных существительных различается несколько активных словопроизводственных «подсистем».

Наиболее многочисленны и структурно разнотипны ряды отглагольных имен существительных, особенно с суффиксом *-ние*. Их омонимия в преобладающем большинстве случаев является отглагольно-отраженной. В ней сказывается и воспроизводится омонимия производящих глаголов. Кроме того, большую роль играет и тот факт, что в отглагольных существительных нейтрализуются и вступают в противоречие и взаимодействие значения невозвратных и возвратных глаголов.

Вообще русские отглагольные имена существительные (nomina actionis) соотносительны не только с соответствующими глаголами действительного залога, но и с глаголами возвратными. Напр., слово *бой* семантически связано как с глаголом — *бить* (бой часов — часы бьют; бой посуды — бить посуду и т. п.), так и с глаголом — *биться* (*и грянул бой*, *полтавский бой* — ср. *биться с неприятелем*, бой — *битая посуда* — *посуда часто бьется* и т. д.). Таким образом, может возникнуть или сложиться убеждение, что отглагольные имена существительные объединяют (конечно, с необходимыми преобразованиями) значения соотносительных, но разных глаголов (действительных и возвратных). То, что в глаголах разъединено, в производных от них именах существительных семантически бывает слито (или сливается).

Напр., *отделение* (отделение больной ткани, произведенное хирургом, — и отделение церкви от государства; ср. также почтовое отделение) является отглагольным существительным к *отделить — отделять* и *отделиться—отделяться*. То же следует сказать и о таких словах, как *отражение*, *обособление*, *присоединение* и т. п.

Семантические изменения производных слов нередко связаны с процессами морфологического переразложения их состава или с преобразованием их основ в непроизводные. На этой почве возможно широкое развитие омонимов, напр., *прием* (ср. приемка, приемочный, принимать) и *прием* (способ); *предложение* чего-либо и логико-грамматическое *предложение*.

В дальнейшем приводятся примеры омонимии отглагольных существительных без различия форм их образования и без разграничения отдельных типов во всем многообразии их значений и соотношений, так как все эти проблемы должны быть предметом специального исследования. Вот специально подобранные иллюстрации:

мотанье — действие по гл. *мотать* (мотанье ниток, мотанье денег) и *мотанье*, мн. ч. *мотанья* (суетливые хлопоты, цикл действий по гл. *мотаться*); *мотня* (суетня) и *мотня* (средняя часть невода);

мочка (действие: яблоки в мочке) и *мочка* (нижняя мясистая часть уха).

Отправление поезда, заказное отправление.

Отправления организма.

Отправление культов, обязанности, должности (Словарь Ушакова, II, 968).

Отражение врага.

Отражение в зеркале; теория отражения (Словарь Ушакова, II, 974).

Ср. *отразить* и *отразиться*.

Обращение — действие по гл. *обратить — обращать*, действие и состояние по гл. *обратиться — обращаться*.

Обращение (с детьми, светское обращение). Ср.: *обращаться*.

Тут отражаются и видовые и залоговые различия глаголов *обратить—обращать*, *обратиться—обращаться* и *обращаться*. Но ср.: *морение* (крыс) и *морение* (досок); *наметка* (предварительный план) и *наметка* (рукавов, белая нитка, которой скрепляют широкими стежками части шьющейся одежды).

Не подлежит сомнению, что отглагольные существительные, особенно те из них, которые образованы посредством суффикса *-ние* (*-ени-е*), в русском языке обладают потенциальной способностью очень широкого семантического охвата значений действия и состояния, результата, в словах иного типа разобщенных.

В фонетическом комплексе — *направление* отчетливо дифференцируются два слова-омонима:

Направление. 1. Действие по глаголу *направить — направлять*: направление на работу; путевка, командировка; направление в дом отдыха.
2. Линия движения.

Направление. 1. Действие и состояние по глаголу *направиться*.
2. Устремленность, путь развития.
3. Общественное движение, течение.

Население (действие по гл. *населить—населять)* должно быть обособлено от *население* (жители, народонаселение).

Заключение (вывод) и *заключение* (тюремное заключение); *отправление* (выполнение) и *отправление* (по почте). Ср.: *перевод* (трата) и *перевод* (почтовый, художественный) и т. п.

Широкое развитие омонимии среди отглагольных существительных на *-ние* отчасти объясняется тем, что в образованиях этого рода совпадают имена, соответствующие глаголам не только разных залоговых форм, но и совершенно разных и очень далеких значений. Напр., слово *чоканье* будет отглагольным существительным как к *чокать* (т. е. произносить звук *ч* на место *ц*), так и к *чокаться*. *Схождение* — к *сойти — сходить* (*схождение* с лестницы) и *схождение* — к *сойтись — сходиться* (*схождения* и расхождения языков) и т. п.

Так, необходимо также представить в виде омонимов системы значений таких слов, как *облегчение*, у которого сочетаются активные значения, значения действия — и пассивные значения, значения состояния (Словарь Ушакова, II, 652); ср.: *обольщение*, *обозрение* и т. п.

Таким образом, омонимия в кругу производных отглагольных существительных является, в основном, отраженной. Она чаще всего возникает в результате производства омонимов-существительных от ярко выраженных омонимов-глаголов. Следовательно, здесь в отношении отглагольных производных существительных омонимического характера наблюдаются закономерности, аналогичные тем, которые до некоторой степени аналогичны видам производства относительных имен прилагательных от существительных-омонимов.

К примерам отраженной словообразовательной омонимии можно отнести слова: *сплав* (вещество из нескольких металлов от гл. *сплавить* — слить в одно целое посредством плавления) и *сплав* (леса по реке — от *сплавить* — переместить посредством плавания, а также сбыть); *обмер* (обман от *обмерить* — обмануть при измерении, мере) и *обмер* (определение количества посредством меры, измерения); *переоценка* (от *переоценить* — оценить слишком высоко) и *переоценка* (новое определение цены, ценности); *провес* (неточность в весе) и *провес* (провисшее место) и т. п.

Таким образом, среди производных существительных больше всего оказывается омонимов в классах отглагольных образований. Правда, омонимы не очень многочисленны в группе отгла-

гольных существительных, бессуффиксных, а также имеющих в своем составе суффикс *-ка*:

ссылка (действие по гл. *сослать—ссылать*, а также состояние сосланного) и *ссылка* (действие по глаголу *сослаться—ссылаться*, а также цитата, чьи-нибудь слова);

стачка (войти в стачку, экономические стачки) от *стакнуться* и *стачка* (как термин в сапожном и портняжном ремесле от *стачать*);

распорка (техн. — брус, устанавливаемый в разных конструкциях и сооружениях для придания частям устойчивости по гл. *распороть—распирать*) и в портняжном деле — *распорка* (действие по гл. *распороть—распарывать*);

оклад (размер жалованья, налога) и *оклад* (контур; ср. церк. оклад иконы);

опушка (леса) и *опушка* (в одежде: пальто с лисьей опушкой);

надрыв (произвести надрыв конверта, надорванное место) и *надрыв* [состояние по гл. *надорваться—надрываться*, истерически-болезненное проявление чувства (напр., душевный надрыв)]. Ср. два омонима — *обрыв*.

Слёт (к *слететься*) и *слёт* (в охотничьем диалекте от *слететь*);

скатка (действие по гл. *скатать*) и *скатка* (действие по гл. *скатить*);

скат (наклон, откос) и *скат* (колесо или колеса на оси или, преимущественно, колесный стан). (Ср. также скат от исландск. skoeta — крупная хищная морская рыба);

сервировка (действие по гл. *сервировать*) и *сервировка* (действие по гл. *сервировать* от англ. to serve — подавать, ударять мяч, начиная игру в теннис).

В тех случаях, когда омонимы принадлежат к далеким грамматико-семантическим категориям в пределах одного именного класса, напр., распределяются по категориям предмета и действия, они мирно сосуществуют. Напр.,

точка (пунктуац.) и *точка* ножей, бритв; *тачка* (действие по гл. *тачать*) и *тачка* (ручная тележка);

строчка (действие по гл. *строчить*, а также сплошной шов по поверхности сшиваемых кусков ткани, кожи) и *строчка* (короткая строчка, писать с новой строчки);

стёжка (стёжка одеял) и обл. *стёжка* (тропинка);

смолка (от *смолить*: смолка лодки), *смолка* (смолка хлеба), *смолка* (ботан. многолетняя луговая трава из сем. гвоздичных) и *смолка* (сосновая или еловая смола);

рубка (леса) и *рубка* (надстройка на палубе судна и т. п.). Ср. *селянка* (ж. р. к *селянин*) и *селянка* (кулинар.).

В других случаях омонимия является не продуктом разнородности морфологических частей, а результатом производства от слов-омонимов. Напр.,

налет (от *налететь* — в значении 'напасть, наскочить') и

налет (от *налететь* в значении 'летая, осесть в большом количестве': *неожиданный налет кавалерии* и *белый налет в горле*);

наступление (от *наступать* — в значении 'продвигаться вперед') и *наступление* (от *наступать* — *наступить* — возникать, приближаться — о каком-нибудь времени);

образование (от *образовать* — *образоваться* — образование Киевского государства) и *образование* (от устар. *образовать* в значении 'воспитывать'; ср. *образованный*, *образованность*);

перевод (перевод денег) и (художественный перевод);

предание (предание суду) и *предание* (легенда) и т. п.

В именах существительных, обозначающих лица и орудия действия и произведенных от глагольных основ, оба эти значения легко совмещаются. Еще Бругман (Grundriss, II, стр. 432) писал что «nomina agentis очень часто употребляются для означения орудия в виду того, что это последнее рассматривается как одушевленный выполнитель действия». В современном русском языке, естественно, многие названия орудий действия, даже образованные посредством суффиксов *-тель*, *-чик*, *-щик* и *-льщик*, не содержат в себе оттенка одушевленности (ср. *выключатель*, *рассеиватель*, *распылитель* и т. п.). И тем не менее значения действующего лица и орудия действия сближаются во многих словах, образуемых от одной и той же глагольной основы посредством одних и тех же суффиксов (ср., напр., *выбрасыватель*, *гасильник*, *передатчик*, *распределитель* и др.). При этом любопытно, что исторически возможны оба пути развития значений у соответствующих слов; название действующего лица может осложнить свое семантическое содержание значением орудия действия (напр., *разведчик*), а название орудия действия — значением действующего лица (*гасильник*).

Омонимия производных глаголов нередко приводит к омонимии отглагольных существительных. Напр., *сплавить* (соединить посредством плавления) и *сплавить* (отправить вниз по течению реки и переносно избавиться от чего-нибудь). Отсюда существительные *сплав* (смесь) и *сплав* (леса); *сплавщик* (занимающийся сплавкой металлов) и *сплавщик* (промышленник или рабочий, занимающийся сплавом леса).

Во многих случаях у производных омонимов-существительных с омоморфемными суффиксами тождество основ оказывается мнимым. Напр., *наушник* (предмет — от *наушный*, *на уши*) и *наушник* (кто наушничает; ср. старинное *ушник*; следовательно, *на-* здесь не предлог в составе производящего сочетания слов, а отглагольная приставка). Ср.: *заводчик* от *завод* и *заводчик* от *заводить*; ср.: *пайщик* (производное от *пай*; пайщик кооперативного товарищества) и *пайщик* (кто паяет).

Проф. Г. О. Винокур с полным основанием считал омонимами *учитель-ств-о* (в собирательном значении) и *учи-тельство* (в значениях действия, занятия).

Среди производных существительных омонимического характера очень мало таких, в которых сталкиваются образования из омоморфемной глагольной и именной основы с одним и тем же суффиксом.

Система форм склонения у названий лиц и у названий механизмов, приборов, машин — при одной и той же словообразовательной структуре — не вполне совпадает: дифференциальным признаком является форма винительного падежа, а иногда и основа (ср. *деятель* и *двигатель*).

Показательно, что раньше — до 20-х годов XX в., когда состав слов на *-тель*, не обозначающих лица (или живые существа вообще), ограничивался лишь названием арифметических знаков и величин: *множитель*, *делитель*, *числитель*, у соответствующих слов форма вин. п. совпадала с формой родительного.

В кругу обозначений лиц омонимического типа прежде всего необходимо выделить слова, сосуществование которых в качестве омонимов обусловлено семантико-грамматическими процессами. Тут играет роль омонимия аффиксов, вызывающая обособление значений слов. Важна структура основы, степень выделяемости приставки и прозрачность строения суффиксов.

При суффиксах, обозначающих лицо и предмет.

Провод-ник[1] — 1. Провожатый, указывающий путь.
2. Ж.-д. служащий, отвечающий за порядок в движении вагона, поезда.

Проводн-ик[2] — 1. Вещество, хорошо пропускающее ток.
2. Средство передачи, посредник в распространении чего-нибудь.

Ударн-ик[1] — передовой работник, представитель ударного метода работы.

Удар-ник[2] — музыкант, играющий на ударных инструментах.

Удар-ник[3] — тот, кто входит в состав ударной войсковой группы, наносящей основные удары по неприятелю.

Ударн-ик[4] — часть затвора винтовки.

Резак[1] — 1. Лопаточка у штукатуров.
2. Первобытный топор.

Резак[2] — рабочий-специалист по убою скота.

Молочн-ица[1] — торговка молоком (ср. *молоч-ник* — продавец молока и *молочник* — сосуд для молока; ср. *чайник*).

Молочн-ица[2] — болезнь грудных детей (ср. *грудн-ица*).

Соответственно будут подлежать делению на омонимы и имена, не имеющие суффиксации, но означающие одновременно лицо и предмет. Напр.,

Самострел[1] — род старинного лука.

Самострел[2] — человек, который умышленно ранил себя.

Гастроном[1] — любитель еды.

Гастроном[2] — магазин.

Значения действующего лица мужского пола и орудия действия, как правило, не совмещаются в отглагольно-именных образованиях женского и среднего рода (напр., *точило*, *мухоловка*, *сечка* и т. п.).

Представляется — при первом взгляде на эти словообразовательные параллельные разряды — вполне обоснованным решение вопроса в пользу омонимии. Акад. А. А. Шахматов подчеркивал важность противопоставления категорий «лица» и «не-лица» в системе русских имен существительных. Тем более, что для многих разрядов названий лиц мужского пола существуют параллельные, соотносительные названия женщин.

Общеизвестно, что обозначения лиц мужского пола соотносительны с произведенными от той же основы названиями лиц женского пола. Напр., *разведчик—разведчица*, *проводник—проводница*, *счетчик—счетчица* и т. п. Между тем, соответствующие слова — *разведчик*, *проводник*, *счетчик* и т. п. в функции прибора, механизма, орудия действия лишены такой соотносительности. Ср. грамматическую и лексическую разнородность слов с предметным значением: *чайник* и *чайница*, *соусник* и *соусница* и т. п. Некоторые языковеды видят в этом различии доказательство омонимности слов, обозначающих лица и не-лица. Но это едва ли основательно. Точно так же не определяет различия слов и синтаксический признак, состоящий в различии форм винительного падежа у обозначений лиц и не-лиц. Ср. двойственность этой формы у слов: *тип*, *лицо*, *шар* и т. п.

Однако показательно, что в круг значений, выражаемых словами тех же словообразовательных типов, входит и общее значение живого существа, животного. Напр., *вредитель* (насекомое и человек, вредящий государству), *дровосек* (лесоруб и жук, грызущий кору растений) и др. под.

Общность форм образования или способов производства названий действующих лиц, с одной стороны, и орудий действия (механизмов, технических приспособлений, приборов, машин, двигателей и т. п.), с другой, естественно, приводит к вопросу об условиях совмещения или слияния этих функций в семантической структуре одного слова или разделения соответствующих образований на омонимы. Напр., *вертушка* (вращающийся аппарат и легкомысленная женщина), *шатун* (техническое приспособление и человек), *болтун* (яйцо и болтливый человек); *восстановитель* (средство для восстановления прежнего цвета волос и строитель, занимающийся восстановлением), *корректировщик* (человек и прибор, корректирующий стрельбу), *проводник* (кондуктор, провожатый и физическое тело, пропускающее ток); *разведчик* (военнослужащий и самолет), *счетчик* (лицо и прибор, производящие подсчет) и т. п.

Во всяком случае, в словах, образованных от именных основ, значения лица и предмета в современном русском языке сочетаются и объединяются в одну семантическую структуру лишь в том случае, когда между ними существует живая экспрессивно-образная связь. Напр., *рогач*, *голыш*, *боевик* и т. п.

При экспрессивно-эмоциональном переносе на человека признаков предмета общность единой смысловой структуры может сохраниться.

Особенную остроту эта проблема приобретает по отношению к именам существительным, производным от основ относительных имен прилагательных с помощью суффикса *-ик* и совмещающим значения лица и предмета. Напр., *бумажник* (кошелек и рабочий бумажной промышленности).

Различия морфологического состава созвучных слов — явный и несомненный признак омонимии. Напр., *заводчик* — от *завод* (владелец завода или заводов) и *заводчик* от *заводить* (в значении зачинщик) могут рассматриваться только как омонимы (но ср. сцепление их в одно слово в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова).

Проф. Г. О. Винокур в своей известной статье «О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии» [33] стремился выяснить семантические различия между именами на *-тель* (обозначающими и лица и орудие действия) и именами на *-чик* (преимущественно обозначающими деятеля). В качестве иллюстрации предлагается следующая специально сочиненная фраза: «*Смазчик* приводит в действие *смазыватель*, который при помощи *смазки* производит *смазывание* и создает *смаз*».

Производство слов-омонимов из одних и тех же морфем довольно обычно в кругу некоторых очень устойчивых словообразовательных категорий. При разнообразии значений, свойственных одному и тому же слову, производные от него слова, несмотря на единство основы и суффикса, могут оказаться омонимами. Чаще всего такие слова возникают в разное время и в разной социальной среде. Напр., слово *общественник*, возникшее в последней четверти XIX в., сначала обозначало 'представитель, член крестьянского общества'.

Вот несколько примеров из сочинения Д. И. Подшивалова «Воспоминания кавалергарда» (Тверь, 1904): *Мне тогда казалось, что нигде нет такой несправедливости, как в крестьянском обществе, и нигде нет такого холодного равнодушия — в лучшем случае, и ненависти — в худшем, как среди общественников друг к другу* (стр. 6—7).

Всякий, кто не любит считаться с своею совестью и прибегающий к возбудительным напиткам, попав в тиски к своим милым товарищам — общественникам, не может поручиться за то,

---

[33] Труды МИФЛИ, т. V. М., 1939.

чтобы он не сделался вредителем общества, т. е. преступником (стр. 7). Ср. совр. *общественник* — активный участник каких-нибудь общественных предприятий, общественной работы.

Естественно, что при совпадении звуковой формы обозначений лица (от основ относительных прилагательных в сочетании с суффиксом *-ик*) и обозначений помещения для кого-чего (образованных от основ существительных посредством суффикса *-ник*) возникает омонимия. Напр., *птичник* (работник, крестьянин, ухаживающий за птицей) и *птичник* (помещение для домашней птицы), устар. *каретник* (мастер) и *каретник* (помещение, где находилась карета), *торфяник* (специалист по торфу, рабочий на торфоразработках) и *торфяник* (торфяное болото), *молочник* (продавец молока) и *молочник* (сосуд для молока) и т. п.

Таким образом, существуют строго определенные закономерности объединения или синтезирования значений действующего лица и орудия действия в отглагольных именах существительных (с суффиксами лица: *-тель*, *-чик*, *-щик*, *-ун*). Наметились также живые тенденции разграничения значений лица и предмета в отыменных омонимических образованиях (с суффиксами *-ик*, *-ник* и др.). С этими закономерностями не совпадают законы и правила сцепления и объединения значений лица и не-лица в именах существительных женского рода. В соответствующих категориях имен женского рода широко и свободно развивается омонимия — в силу омоморфемности, а не тождества суффиксов. Так, с одной стороны, выступают суффиксы лица женского пола *-к-а*, *-иц-а*, *-ниц-а*, соотносительно с суффиксами лиц мужского пола *-ец*, *-ик*, *-ник* (ср. также *-ниц-а* соотносительно с *-тель*), а с другой, выделяется ряд омоморфем, служащих для образования названий предметов. Обе серии словообразовательных категорий связаны с одними и теми же именными основами, с основами относительных прилагательных или с основами существительных.

Вот несколько иллюстраций:

венгерка (соотносительно с *венгерец*), но также *венгерка* (от прил. *венгерский* — танец и одежда);

испанка (соотносительно с *испанец*), но также *испанка* (болезнь);

лезгинка (соотносительно с *лезгин*, *лезгинец*), но также *лезгинка* (соотносительно с *лезгинский*: танец и музыкальное произведение);

полька (соотносительно с *поляк*, ср. *полячка*), но также *полька* (от *польский*: танец и музыка);

финка (соотносительно с *финн*), но также *финка* (от *финский* нож);

шотландка (соотносительно с *шотландец*), но также *шотландка* (ткань) и т. п.

И те, и другие имена существительные произведены или непосредственно от основ существительных или опосредствованно от тех же основ — через промежуточную среду относительных

имен прилагательных. Однако при общности основы — суффиксы семантически разъединены: они омоморфемны. Следовательно, тут находит применение закон, в силу которого омоморфемность частей или одной части приводит к образованию омонимов.

VII

Необходимо подробно остановиться еще на одной продуктивной категории омонимии в системе русских существительных. Это — разные виды форм так наз. субъективно-экспрессивной оценки, теряющие экспрессивно-качественную выразительность и обособляющиеся от своих производящих источников. Правда, сюда же примыкает очень бедная группа слов, образуемых суффиксами с омонимическими значениями увеличительности и локальности.

Топорище — рукоятка топора.

Топорище — увел. к *топор*.

Городище — место, где в древности стоял город.

Городище — увел. к *город*.

Но главный и основной путь развития этой категории омонимов определяется утратой значения уменьшительности у имени с суффиксом уменьшительности (у существительных, созданных путем метафорического переноса значения и специализировавшихся).

Лисичка (уменьш. к *лиса*) и *лисичка* (название гриба);

лопатка (уменьш. к *лопата*) и *лопатка* (треугольная кость в верхней части спины).

Деэтимолизация уменьшительно-ласкательных существительных — очень активный процесс, приводящий к образованию слов с разнообразным смысловым содержанием. Естественно, что если наряду со словами, утратившими оттенки уменьшительности-ласкательности, продолжают употребляться соответствующие образования с экспрессией субъективной оценки, возникает омонимия. Напр.,

губка и *губка* (соотносительно с *губа*);

жилка (склонность) и *жилка* (в связи с *жила*);

котелок (вид шляпы) и *котелок* (котел);

свинка (опухоль) и *свинка* (к *свинья*);

медок (ласкат. к *мед*) и *медок* (вино);

мушка (от *муха*), *мушка* (на лице) и *мушка* (у ствола огнестрельного оружия);

норка (от *нора*) и *норка* (зверь и мех).

Возможны омонимические совпадения производных уменьшительных форм существительных с другими словами, иногда профессиональной окраски: *плотик* — уменьш. форма к *плот* и *плотик* (горн.) — верстак для промывания руды. Ср. явления частичной омонимии: *носок* — уменьш. к *нос* и *носки*.

В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова рассматриваются, напр., как омонимы *челнок* — *челн* в значении 'небольшая лодка' и *челнок* в ткацком стану. Между тем, в определение этого челнока включается ссылка на челн: «колодка с заостренными концами в виде челна» (IV, 1246). Или там же разъединены как омонимы *шалость* 'проказа, проделка' и *шалость* как малоупотребительное отвлеченное существительное к *шалый*: шалость характера (IV, 1315). Точно так же омонимами признаны *хмель* — растение и *хмель* — состояние опьянения (IV, 1160). Правда, выражения *во хмелю*, *под хмельком* — несколько обособляют переносное употребление *хмель*, но едва ли до состояния омонима. Еще меньше основания видеть в разных значениях слова *ушко* 3 омонима (I-уменьш.-ласк. форма к *ухо*, II-ремешок или тесемка в обуви в виде петли, ушка; III-отверстие в тупом конце иглы).

Таким образом, в системе имен существительных наблюдается интенсивное развитие омонимии. Тот же процесс отмечен Ш. Балли и С. Ульманом во французском языке сравнительно с немецким [34]. Было бы интересно произвести сопоставительное, типологическое исследование этих языков в отношении омонимии.

VIII

В сфере развития словообразовательных серий и направленности их по разным омонимическим путям могут оказывать мощное влияние многообразные историко-семантические причины. Так, прилагательное *недостаточный*, отражая рост и дифференциацию значений слова — *недостаток*, распалось на два омонима:

I. *Недостаточный* — в значениях: а) имеющийся в малом количестве, небольшой по количеству, не покрывающий потребности, напр., *недостаточное количество денег*; б) неудовлетворительный, не достигающий цели, напр.: *недостаточное воспитание*, *недостаточное образование*; *недостаточная подготовка кадров*.

II. *Недостаточный* — не имеющий достатка, бедный, небогатый. *Недостаточные и празднолюбивые гуляки* (Пушкин. История села Горюхина). *Действительно. Чикильдеевы недостаточного класса.* (Чехов. Мужики).

Обособившийся омоним *недостаточный* 'бедный' постепенно вымирает в связи с обилием синонимов и в связи с утратой параллелизма значений слов *достаток—недостаток*.

Такого же рода тенденция к устранению омонимии отразилась на судьбе имени прилагательного — *недовольный*. В то время как древнеславянское слово — *недовольный*, в современном языке

---

[34] См.: Ch. Bally. Linguistique générale et linguistique française. Русск. перевод: Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. S. Ullman. Précis de sémantique française. Berne, 1952. Он же. Descriptive semantics and linguistic typology. «Word», vol. 9, № 3, dec. 1953.

связанное по значению со словом *недовольство*, семантически разветвилось, обросши разнообразными смысловыми оттенками, и укрепилось в русском литературном языке, русский омоним этого слова *недовольный* в значении 'недостаточный' вышел из литературного употребления во второй половине XVIII в. В языке Ломоносова и Фонвизина еще встречается *недовольный-недостаточный* [35]. Но уже в «Словаре Академии Российской, по азбучному порядку расположенном» (1806—1822), этого слова не отмечено, а в «Словаре церковнославянского и русского языка» (1847) прилагательное *недовольный*, как синоним *недостаточный* — квалифицируется как старинное слово (т. 2, стр. 431). Однако соответствующее наречие *недовольно* в значении 'недостаточно, мало' — прожило дольше — до второй половины XIX в. [ср. у Герцена: *им* (лишним людям) *мир*, *их окружающий*, *слишком грязен*, *недовольно натерт воском*. «Лишние люди и желчевики». Соч., т. X, 420]. Очевидно, это наречие поддерживалось соотносительной формой утвердительного наречия: *довольно*.

Омонимия *довольно* (соотносительно с *довольный*) и *довольно* с количественными значениями не устранена до сих пор. Оба эти омонима существенно дифференцированы не только лексически, но и грамматически. *Довольно* от *довольный* сочетается только с глаголом в аттрибутивной, определительной функции (*довольно улыбался*). Омоним *довольно* с количественным значением употребляется не только в качестве наречия, но и в функции категории состояния, имени числительного и даже императивного междометия (*довольно споров*!).

Таким образом, в особую группу должны быть выделены чисто семантические законы развития омонимов. Они различны в кругу разных частей речи.

IX

Своеобразный интерес для общей теории языкознания и для истории русского языка представляют закономерности формирования омонимов в кругу русских прилагательных. Известно общелингвистическое убеждение, что в кругу имен прилагательных особенно интенсивно развита синонимия. Синонимия соотносительна с омонимией, так как пределы синонимических конструкций ограничиваются и перекрываются омонимическими образованиями. Такую точку зрения развивал, например, проф. С. Карцевский. Между тем, материалы современного русского языка в сфере омонимии имен прилагательных совсем не подтверждают этой гипотезы.

Омонимы в сфере непроизводных качественных имен прилагательных очень редко образуются вследствие семантического

---

[35] Словарь русского языка. Т. XIII, вып. 3. Л., АН СССР, 1935, стр. 325—326.

распада одного слова на два — при расхождении и разрыве его значений.

Напр., *правый* (в значении 'правильный, справедливый') и *правый* — противоположный левому; *лихой* ('храбрый, удалой') и *лихой* (='злой'); *худой* ('тощий'), *худой* ('разорванный') и *худой* (='плохой'); *дорогой* ('большой стоимости') и *дорогой* ('любимый, милый'); *здоровый* ('отличающийся здоровьем') и *здоровый* ('сильный, большой').

Иногда омонимия в системе прилагательных бывает основана на противопоставлении прилагательного, сохраняющего этимологическую связь с первичной основой, и прилагательного, обособившегося от него в силу переразложения основы и ставшего уже непроизводным. Напр.,

бедн-ый ('небогатый') и *бед-ный* ('несчастливый');

славн-ый ('знаменитый') и *славн-ый* ('милый') (у *бедного* — *несчастный* и у *славного* — *милый* с отсутствием кратких форм и форм времени).

Только в исключительных случаях такая частичная омонимия попадается в системе имен прилагательных (*правый* противоположный *левый* без кратких форм — и *правый*, *прав*; *бедный*, *беден* и *бедный* — 'несчастный' без кратких форм). В прилагательных этого типа неполнота совпадающих форм слов у парных омонимов связана с отсутствием кратких форм имени прилагательного в одном ряду. Но этого рода пары имен прилагательных воспринимаются обычно как полные лексические омонимы, так как различительные формы (вроде кратких форм или форм степеней сравнения) обычно не являются в них конструктивно обязательными для всех слов данного грамматического класса.

Исторически омонимия прилагательных могла возникнуть вследствие резкого расхождения церковнославянских и народных русских значений некогда единых слов.

Прелестный в XVIII в. распадается на два слова: 1) *прелестный* — представляющий собою грех, соблазн, обольщение; 2) *прелестный* — обольстительный, очаровательный. Тут омонимия преодолевается устранением старого церковно-книжного употребления.

X

В области имен прилагательных омонимия не возникает и нераспространяется путем непосредственного заимствования чужих, иноязычных слов с качественным значением. Омонимы здесь могут быть лишь отраженными, вторичными. Они являются, прежде всего, результатом производства относительных прилагательных от омонимных существительных. Напр.,

хромовый (ср. 1) *хром* — 'химический элемент' и 'род желтой краски' и 2) *хром* — 'мягкая тонкая кожа';

хрящевой (ср. *носовой хрящ* и *хрящ* — 'крупный песок');

штофный — от *штоф* — 'мера вина' и *штоф* — 'материя'; ср. у Некрасова: *Харчевни, рестораціи, десятки штофных лавочек*; и у Пушкина: *в гостиной штофные обои*;

цепной — к *цепь* и *цепной* — к *цеп*;

сенной к *сено* и *сенной* к *сени* и т. д.

Так развивается омонимия в кругу относительных и качественно-относительных имен прилагательных. Вот еще несколько примеров:

смычковый — 'смычковый инструмент' и *смычковый* в охотничьем диалекте: *смычковый ошейник*;

рейдовый (к *рейд* — 'водное пространство при входе в гавань') и *рейдовый* (к *рейд* — 'кавалерийский или воздушный налет') и др.

В некоторых случаях омонимия прилагательных возникает вследствие расхождения значений одного и того же слова при применении его в далеких одна от другой — семантических или профессиональных сферах. И в этих случаях омонимия прилагательных — отраженная, обусловленная омонимией производящих существительных. Напр.,

строевой в применении к войскам и военному делу и *строевой* — о деревьях, о лесе;

родовой 'наследственный', прил. к *род*, существующий при жизни людей родами, *родовой* (в отличие от *видовой*) и *родовой* 'бывающий при родах'. Отраженная омонимия в кругу относительных прилагательных очень продуктивна.

XI

Омонимия производных прилагательных может возникнуть в строго определенных фономорфологических условиях и при отсутствии полной омонимности производящих существительных. Примеры:

метельный — прил. к *метла* и *метельный* — к *метель*;

обеденный — к *обед* и *обеденный* — к *обедня* — церковная служба;

многосложный 'очень сложный' и грамм. термин *многосложный* 'из большого количества слогов' и др.

В отдельных случаях омонимия прилагательных возникает в результате условно-фонетического совпадения (на основе чередования согласных) или словообразовательного параллелизма производных форм прилагательных, образованных от разных заимствованных имен существительных. Напр.,

критический от *кризис* и *критический* от *критика*;

согласный — 'выражающий согласие на что-нибудь или с чем-нибудь, сходный, совпадающий с чем-нибудь, соответствующий чему-нибудь; единодушный, дружный' и — в архаическом употреблении: 'стройный, гармонический' — и в лингвистике *согласный* — 'произносимый с шумом';

тонический — по связи с *тон* и *тоника*: *тонический стих*, *тоническая система стихосложения*, и в медицине, физиологии *тонический* по связи с *тонус*: *тонические средства*, *тонические судороги*.

Иногда такая омонимия возникает при сочетании корневых омоморфем с одним и тем же суффиксом или, наоборот, при сочетании с суффиксами — простыми и производными (если основа одного из слов уже осложнена первым элементом производного суффикса). Напр., *железистый* ('содержащий железо') и *железистый* (относящийся к железу).

В некоторых случаях омонимия порождается вторичным образованием относительных прилагательных от заимствованных имен существительных, основы которых совпадают с основами уже освоенных русским языком слов. Ведь прилагательные из иностранных языков русским языком обычно усваиваются посредством суффикса *-н-*, который вместе с своими производными является главным продуктивным средством образования относительных прилагательных от заимствованных слов (или основ). Иллюстрации:

моторный — 'снабженный мотором' и *моторный* — 'двигательный' (*моторные ощущения*);

негативный — прил. к *негатив*, *для негатива* — и *негативный* — 'отрицательный'.

Иногда омонимия прилагательных бывает отражением тех семантических расхождений и разрывов, которые происходят с соответствующими отглагольными существительными: *сливочный* (*сливочное масло*, *сливочное мороженое*) и *сливочный* (подлежащий сливке, сливаемый).

Возможна омонимия прилагательных при созвучии именной и глагольной основ. Напр., *примерный* ('образцовый') и *примерный* ('приблизительный', ср. *примерить*).

XII

Омонимы — прилагательные, непосредственно произведенные от глагольных основ (с помощью суффиксов *-к-* и *-н-*), единичны, так как ведь и среди непроизводных глаголов омонимия почти совсем не распространена. Сюда относятся: *топкий* — 'болотистый', в котором можно утонуть или увязнуть: *топкое место*; *по мшистым топким берегам* и разговорно-просторечное *топкий* — 'пригодный как топливо', топкие (сухие) дрова, ср. *топить* (печь) и *топить* (лодку); *распашной* (спец.) — прилагательное, связанное по значению с распахиванием, откидыванием чего-нибудь в противоположные стороны: *распашные двери*; *распашное весло* и т. п. и *распашной* (обл.) — 'предназначенный для распашки'.

Непроизводительны смешанные типы омонимов — одни с глагольной, другие — с именной основой, напр., *манный* (в охот-

ничьем диалекте) от *манить* — 'служащий для приманки' — и *манный* — 'приготовленный из манной крупы'.

Малопроизводительны также смешанные типы омонимических образований разноструктурного членения или разноструктурного морфологического состава, напр., очень немногочисленны омонимы, из которых один выделяет в своем составе приставку: *погодный* (по годам): *погодные записи* и в специальном употреблении: *погодный* от *погода*: *погодные особенности весны*.

Особую разновидность омонимии представляют такие случаи, когда относительное имя прилагательное начинает функционировать и в качестве вторичного производного по отношению к тем существительным, которые образованы от него же.

Напр., *печеночный* — прил. к слову *печенка* и *печеночный* — прил. к *печеночник* (мох): *печеночные мхи*.

XIII

В системе прилагательных частичная омонимия активно развивается в направлении глагольных причастий.

Надломленный (с надломом) и прилагательное страдат. от *надломить*.

Натянутый тон и прил. прош. страд. от *натянуть*.

Ограниченный и ограниченный кем-чем страд. прич. от *ограничить*.

Группа производных омонимов, создаваемая отрывом отглагольных прилагательных от причастий, очень многочисленна. Напр.,

конченный (*конченный человек*) и прил. *конченный* от *кончить*;
образованный и прил. страд. от *образовать*;
просвещенный » » » » *просветить*;
убежденный » » » » *убедить*;
изнеженный » » » » *изнежить*;
вылощенный » » » » *вылощить*;
рассеянный » » » » *рассеять* и др.

В этой серии омонимов и фразеологическое окружение и синтаксические функции чаще всего устанавливают резкую грань между двумя рядами морфологических образований. Однако в некоторых случаях наблюдается сильное лексическое взаимопритяжение качественных и глагольных оттенков словоупотребления; возникают переходные колеблющиеся случаи (напр., *истощенный*: истощенный долгим недоеданием и истощенный вид; *утомленный* — утомленное лицо и утомленный четырехчасовой беседой и т. п.). Прилагательные типа *восхищенный*, *истощенный*, *уединенный* и т. п. находятся в самом тесном соотношении с отглагольными существительными на *-ение* (*восхищение*, *истощение*, *уединение* и т. д.). Следовательно, необходимо при обозрении этого типа частичной омонимии иметь в виду, что омонимическое совпадение

форм имени прилагательного и причастия (на *-ённый*) может возникнуть не только вследствие «окачествления» страдательных причастий, но и в результате словообразовательной «омоморфемности». Так, причастие *утомленный* совпадает по своему звуковому облику с прилагательным, производным от отглагольного существительного *утомление—утомленный* и т. д. Совсем иной природы те группы частичных омонимов, омоформы которых возникают вследствие адъективации причастий, вследствие обособления качественных прилагательных от системы однозвучных причастий. В этом кругу явлений лексико-семантические факторы еще глубже внедряются в ход грамматических процессов (напр., *сдержанный характер* и *сдержанная кучером лошадь*; *избитая фраза* и *избитый хулиганом прохожий* [36], *потерянный вид* и *потерянный прохожим кошелек*; *рассеянный образ жизни* и *рассеянный нашим батальоном отряд неприятеля*; *убитое выражение лица*, *убитый вид* и *убитый вражеской пулей* и т. п.).

Образованию омонима-существительного нередко препятствует узкая сочетаемость прилагательного (в соответствующем значении) с названиями тех же предметов, которые обозначаются их субстантивированными формами. Напр., *слепой* и прил. *слепой* в прямом номинативном значении, *хромой*, *бедный*, *богатый*, *безногий*, *безрукий*, *больной* и т. п.

Созвучия слов этого типа не создают затруднений, потому что имя прилагательное обычно составляет основную семантику — структурную часть целого словосочетания, т. е. единое сложное имя вместе с определяемым существительным (ср., напр., *часовой мастер*, *часовая мастерская*, *дежурная комната* и т. п.)

Отсюда понятно, что далеко не всегда субстантивация прилагательного ведет к образованию самостоятельного слова. Кроме того, ощущению омонимичности препятствует тот факт, что распространенность и общеупотребительность субстантивированного прилагательного нередко бывает несравненно шире, чем соответствующего имени прилагательного в соотносительных конструкциях или словосочетаниях (напр., *рулевой*, *уборная*, *встречный* и т. п.). Но в тех случаях, когда субстантивированное употребление прилагательного укоренилось и оно закреплено за той или иной вещью или понятием как их общенародное и при том единственное обозначение, возникновение омонима несомненно.

Внутри класса наречий омонимия гораздо меньше распространена, чем в системе прилагательных.

Здесь доминируют частичные омонимические связи обстоятельственных наречий с формами имен существительных, качественных наречий с краткими формами имен прилагательных и кате-

---

[36] Ср. у Л. Толстого в «Казаках»: *Оленин жил всегда своеобразно и имел бессознательное отвращение к битым дорожкам* и: *не раз битая нашими войсками неприятельская бригада.*

гории состояния. В пределах же самой категории наречия единичные омонимы являются в результате заимствования и освоения народно-областных слов, напр., *больно* (*больно ударить*) и просторечное *больно* в значении 'очень' (*больно здоров пить*).

Кроме того, омонимия в сфере качественных наречий может быть вторичной, производной от омонимов-прилагательных [напр., *лихо* (*лихо заложил шапку набекрень* и *лихо пришлось ему на чужой стороне*)].

В сфере категории состояния внутренней омонимии совсем нет. Тут развивается лишь частичная синтаксическая омонимия с краткими формами имен прилагательных, а также — при расхождении лексических значений — с наречиями. Качественные наречия, имеющие форму или формы степеней сравнения, обычно бывают однозвучны с краткой формой имени прилагательного и с несклоняемой формой сравнительной степени.

Ярко—ярче, *чисто—чище* (но ср. только наречную форму *чистенько*), *строго—строже* (но ср. наречную форму *строжайше*), *неожиданно-неожиданнее*; *медленно—медленнее* и т. п. (ср. *дело сделано чисто*; *белье чисто*; ср. *кругом чисто и светло*).

Здесь лексическая близость слов и форм преодолевается резким различием их синтаксических функций. Однако краткие формы имени прил. среднего рода, по-видимому, близятся к утрате в современном русском языке, во всяком случае, их употребление сокращается. А проф. Пешковский заметил: «Возможно, что формы краткого прилагательного среднего рода уже нет в литературно-разговорном языке и только неверно направленная грамматическая рефлексия мешает нам видеть это» [37]. Если стать на точку зрения тех грамматистов, которые допускают развитие в русском языке особой категории — категории состояния, то во многих случаях к двум рядам омоформ присоединится и третий: *лицо его было довольно*, *награжденный довольно улыбался* (ср. *довольно звучная пора*; *довольно внимателен*) и *довольно спорить*, *мне и этого довольно*; *помещение было душно и темно*, *душно пахнет сено*, *мне душно*, *было душно от жгучего света*; *его здоровье было завидно*, *завидно цветущий вид*; *а тебе завидно? мне на него завидно*; *дело плохо*, *плохо учится*; *плохо выглядит*, *мне плохо*; *его положение жалко*; *жалко улыбнуться*, *жалко затраченного труда*; ср. худо — форма им. п. — сущ., наречие и категория состояния.

Частичная омонимия этого рода отражает функционально смешанную, не вполне дифференцированную морфологически природу наречия и категории состояния, а также отчасти и краткой формы имени прилагательного. Тут далеко не всегда происходило резкое отграничение слов-омонимов (напр., *дело не-*

---

[37] А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 4. М., Учпедгиз, 1934, стр. 318.

чисто, *тут нечисто*; *впереди все было неясно*; *было неясно, где сторожит главная опасность*; *на душе было как-то неясно и тоскливо*; *неясно выразиться* и т. п.)

Во всяком случае, подвижность функций, легкий переход слов из категорий наречия или краткой формы прилагательного в категорию состояния, все это — проявление живого, активного грамматического процесса, течение которого нисколько не стесняется опасностью умножения омонимов. Здесь в росте форм и функций, тяготеющих к категории состояния, налицо развитие нового семантического типа слов с более широкими и разнообразными синтаксическими функциями, чем, например, у имен прилагательных. Этот тип слов наречного и в то же время предикативного характера более близок по многообразию грамматических ответвлений к глаголу и испытывает его сильнейшее влияние, но морфологически он более пестр, а синтаксически более аналитичен, чем глагол.

XIV

В системе русского глагола внутренние законы развития омонимии — совершенно иные, чем в классе имен существительных и прилагательных. Омонимов среди глаголов с непроизводной основой в русском литературном языке — немного. Их наличие объясняется или фонетическим совпадением разных основ или — чаще — семантическим расхождением глаголов одного и того же происхождения — в силу разобщения общественных сфер их употребления, в силу закрепления их в разных жанрах, стилях и диалектах русского языка. Сыграло некоторую роль здесь и взаимодействие русской лексики с старославянской того же морфологического состава. Напр.,

топить (печь, масло) и *топить* (заставить утопить, губить); ср.: *топиться* и *топиться*;

тушить (лампу) и *тушить* (мясо); ср.: *тухнуть* (гаснуть) и *тухнуть* (загнивать, издавая дурной запах);

труси́ть (трясти) и *труси́ть* (ехать малой рысцой);

творить (создавать) и *творить* (приготовлять, размешивая с водой или с чем-нибудь иным жидким); ср.: *растворить* (окно) и *растворить* (хлебы); ср.: *раствориться* и *раствориться*, *раствор* (раствор циркуля) и *раствор* (водный раствор);

стегать (плеткой) и *стегать* (одеяло);

валить и *валить* (ср. свалить что-нибудь и жар свалил);

рядить (наряжать) и *рядить* (нанимать); ср.: *рядиться* и *рядиться*;

чинить (препятствия) и *чинить* (рубашку);

щекотать (человека, самолюбие) и *щекотать* (петь — о соловье);

преть и каламбурно — *преть* (вести прения).

Омонимия производных бесприставочных и приставочных глаголов отыменного происхождения является продуктом однозначности тех именных основ, от которых эти глаголы образованы. Напр.,

косить (глаза) и *косить* (траву); ср.: *скосить* и *скосить*, *скос* и *скос*; *раскосить* (глаза) и *раскосить* (луг);

русеть (становиться русым) и *русеть* (становиться похожим на русского);

расточить (отверстие), *расточить* (имение);

метать (бросать) и *метать* (прошивать крупными стежками);

метить (целить) и *метить* (ставить знак, метку);

мешать (препятствовать) и *мешать* (перемешивать);

морить (голодом) и *морить* (дуб);

мотать (нитки, головой) и *мотать* (деньги).

Народно-областное *лопать* в значении 'лопаться' (ср. у Пушкина: *И лопал ростовщик на медленном огне*) сталкивалось с омонимом *лопать* (в значении 'есть'). Точно так же в общелитературном языке глагол *томить* выражает одно значение 'мучить, изнурять, терзать (физически или нравственно, психически). В кулинарии широко известен омоним *томить* — то же, что *морить* (*томить лук*). Глагольные омонимы иногда различаются ударением форм, напр., *чинить*, *чиню*, *чинишь* и *чинить*, *чиню*, *чинишь*, *чиниться* ('церемониться') и *чиниться* ('подвергаться починке'): *человек чинится*, но *дом чинится*; *чертить*, *черчу*, *чертишь* и *чертить*, *черчу*, *чертишь* (в значении 'портить, дебоширить').

Глагол *точить* в значении 'источать' (ср *точить слезы*, ср. *ток слез*), употребительный еще в лирическом стиле 20—30-х годов XIX в., отмирает к середине этого столетия не только потому, что его синоним — *лить* был общепонятнее, народнее, но и потому, что применение этого слова было стеснено омонимией с другим глаголом *точить* (ср. *болезнь*, *горе его точит*.

Не потерплю. . .
Чтоб червь презренный, ядовитый
Точил лилеи стебелёк).

Однако в разобщенных профессиональных диалектах — много омонимов, напр., *рулить* (поворачивать руль) и в авиационном жаргоне от фр. *rouler рулить* (вести самолет на землю, катиться — по земле).

Омонимия в кругу простых глаголов развивается также в силу освоения жаргонных, народно-областных или профессиональных слов того же корня, что и традиционные литературные слова. Напр., *шиться* — страд. и жаргонн. *шиться* — неотступно следовать за кем-нибудь; *случиться* (произойти) и *случиться* (о случке животных). *Шлихтовать* — в технике: пропитывать шлихтом (клейким раствором) и в столярном деле: *шлихтовать* — стро-

гать шлихтиком (рубанком особого вида); ср. также омонимные термины: *шлихтовка* и *шлихтовка*. В заимствованных глаголах — при однозвучности основ — выступает тенденция к дифференциации слов посредством суффиксов *-ировать* и *-овать*.

Напр., в музыке *фугировать* — проводить основную тему по всем голосам, придавать характер фуги; в плотничьем, строгальном и столярном деле: *фуговать* (нем. *fugen* — сплачивать — выстрагивать фуганком с целью выравнивания, плотно пригонять и склеивать ребром). Иногда омонимическая дифференциация глаголов связывается с различиями ударения. *Пикировать* (сельскохоз.) и *пикировать* (авиац.); ср. *пикировка* дичков и *пикировка* (авиац.) и *пикировка* — действие по гл. *пикироваться*, *планировать* ('составлять план') и *планировать* (авиац.).

Акад. Л. А. Булаховский в специальной статье «Sur les effets de l'homonymie dans les langues slaves» исследовал судьбу инфинитивных омоформ в славянских языках и пришел к выводу, что в этой категории чаще всего происходит вытеснение или гибель одного из членов «омонимической» группы. В значительном числе случаев здесь наблюдается полное исчезновение омоформы, раньше существовавшей [38]. Напр., *ехать* при *еду* вм. ожидаемого *есть—еду*; ср. отсутствие краткой формы *лягать— ложиться* при наличии *лягать — лягаю — лягнуть*; также вытеснение инфинитива *стлать — стелю* через *стелить* во избежание омонимии с *слать — шлю*.

Однако, если в русском языке и была эта тенденция, то, во всяком случае, она в настоящее время проявляется не в той степени, как это изображает Л. А. Булаховский. Но зато очень ярко обнаруживается омонимия в кругу приставочных глаголов тогда, когда в одном глаголе приставка сохраняет свои приглагольные значения, а в другом омониме основа воспринимается как отыменное образование, и в силу этого в этом глаголе нейтрализованы глагольные значения приставки. Напр.,

закусить ('захватить крепко зубами', 'закусить удила') и *закусить* (соотносительно с *закуска*: 'поесть немного или заесть чем-нибудь');

заговорить ('начать говорить') и *заговорить* (в связи с *заговор*);

зарядить (ружье) и *зарядить* ('подряд, часто делать что-нибудь').

Понятно, что различия значений приставки зависят и от различий значений самой глагольной основы. Напр., в омонимах *вывесить* двойственны значения основы *вес'*. В одном слове эта основа воспринимается как вариант глагольной основы *вис-*, имеющий каузативное значение: заставить висеть. Этот глагол *вывесить* выражает значения:

---

[38] См.: Л. А. Булаховский. Из жизни омонимов, стр. 48.

1. Выставить, поместить наружу, на открытый воздух в висячем положении.

2. Выставить, поместить для обозрения (объявление, афишу и т. п.).

В другом глаголе — *вывесить* ярко ощущается словопроизводственная связь с именами существительными *вес* и *весы*. Она сказывается в таких значениях этого слова:

1) проверяя, определить вес, свесить; 2) исправляя, привести в равновесие, выровнять (чашки весов); 3) пользуясь ватерпасом, выровнять поверхность чего-нибудь.

Точно так же нельзя свести в единую смысловую систему все значения, связанные с звуковым комплексом — *состоять*. *Состоять* со значениями 'быть составленным из чего-нибудь, иметь своим содержанием что-нибудь' решительно обособлено в современном русском языке от *состоять* со значениями 'пребывать, находиться' (*состоять членом научного общества*, *состоять на службе*, *на иждивении*); ср. Словарь Ушакова, IV, 403. Ср.: *Состояние* — имущество, собственность частного лица и *состояние* — пребывание в каком-нибудь положении, положение, настроение, самочувствие.

В нашей отечественной языковедческой литературе уже отмечалось, что из приставок больше всего содействуют распространению производных глагольных омонимов — расхождением своих значений — приставки: *вы-*, *за-*, *из-*, *о-об*, *пере-*, *по-* и *с-* (напр., в грамматиках А. Востокова, И. Давыдова, в работах Н. П. Некрасова и др.).

В производных глаголах наблюдаются строгие правила и законы развития омонимии, обусловленные в значительной степени омоморфемностью приставок. Ср. *на-* в количественном и пространственном значениях:

наколоть (дров, свиней, узор) и *наколоть* (руку, значок на пальто);

напасть (наброситься) и *напасть* (то же, что *нападать*);

напороть (вздору, дичи) и *напороть* (руку);

насадить (насаживать) и *насадить* (насаждать);

настроить (струны, кого-нибудь на что-нибудь) и *настроить* (домов);

наступить (на кого-нибудь) и *наступить* (о чем-нибудь) и т. п.

Ср.: *отказать* в значениях: 1) оставить в наследство, отдать по завещанию и 2) отвергать просьбу, не соглашаться на что-нибудь; *отойти* в значениях: 1) опомниться, приходить в себя и 2) умирать [39].

Так как процесс формирования омонимии в кругу русских глаголов с приставками не только очень продуктивен, но и подчи-

[39] Ср.: В. И. Шерцль. О словах с противоположными значениями (или о так называемой энантиосемии). «Филол. записки», вып. 1, 1884, стр. 46.

нен строгим и сложным закономерностям, то он должен быть предметом отдельного глубокого и всестороннего исследования. Здесь же целесообразно ограничиться наиболее показательными иллюстрациями. Вот глагольные омонимы с приставкой *на-*.

Наговорить на кого-нибудь (ср. *наговор* и *наговорить* что-нибудь).

Нарядить и *нарядить* (назначить в наряд).

Наступить (на кого-нибудь), и *наступить* (о чем-нибудь).

Начинить (очинить и починить много чего-нибудь) и *начинить* (заложить внутренность чем-нибудь).

Награбить (денег) и *награбить* (сена).

Наметить (метку) и *наметить* (нацелить).

Направить (дать направление) и *направить* (сделать много поправок).

Не менее ярки и разнообразны омонимические образования глаголов с приставками *об-* и *о-*, очень многозначными. Напр.,

обделать (подвергнуть обработке, вставить во что-нибудь) *обделать* (обмануть);

обнести и *обнести* (опорочить);

обставить и *обставить* (обыграть, обмануть); ср.: *обдуть* и *обдуть*; ср.: *надуть* и *надуть*;

обойти и *обойти* (обмануть);

обыграть (кого) и *обыграть* (что);

оговориться и *оговориться* (ошибиться в речи); ср.: *оговорить*;

опустить (вниз) и *опустить* (пропустить);

оползти (что) и *оползти* — (осесть);

отдать и отдать (о ружье) *-ся* и проф. *отдать* (ослабить);

отколоть и отколоть (шутку и трепака);

облезть (о волосах, краске) и *облезть* (оползти);

осадить (подвергнуть осаде) и *осадить* (лошадь; остановить, заставить замедлить ход и перен.), *осадить* (заставить осесть; опуститься в виде осадка); ср.: *осесть* (гора осела, пыль осела) и *осесть* (об оседлом образе жизни).

Приведем примеры омонимов с приставкой *от-*.

Отходить (кого) и *отходить* — кончить, перестать ходить (*Ну, пешком теперь о т х о д и л и.* А. Коптяева. «Товарищ Анна», ч. 1, стр. 7);

отлежать (бока) и *отлежать* — перестать лежать (в романе А. Кожевникова «Живая вода»: *Не замай. Пусть лежит наша Хакассия вечной целинушкой — Нет. Довольно. О т л е ж а л а*);

Ниже даны примеры омонимов с приставкой *по-*.

Побиться — оказаться разбитым и *побиться* (в течение некоторого времени взять на себя тяжесть чего-нибудь).

Побудить и *побудить* (побуждать).

Погрести (погребать) и *погрести* (провести некоторое время гребя).

Подавить (подавлять) и *подавить* (подавливать) и *подавить* (слегка подвергнуть давлению, постепенно задавить).

Ср., напр.: с приставкой *про-*:

Прослушать (выслушать все) и *прослушать* (не услышать).

Просмотреть (книгу) и *просмотреть* (не увидеть).

Приведем примеры омонимов с приставкой *рас-*.

Расположить (разместить, распределить) и *расположить* (к себе, расположить в свою пользу).

В толковых словарях русского языка среди производных приставочных глаголов омонимы обычно не обнаруживаются и не отмечаются. Они рассматриваются как формы одного слова. Напр., в глаголе — *усидеть* смешиваются два слова: одно с значениями: 1) остаться сидеть, несмотря на неудобства, препятствия, 2) сохранить за собою место, должность (разг., фам.); другое просторечное слово — со значением 'съесть или выпить большое количество чего-нибудь' (словарь Ушакова, IV, 986—987).

В глаголе *упереть* смешаны два омонима. Один — со значением 'плотно приставить, дать чему-нибудь твердую опорную точку' — о глазах — в просторечии: 'неподвижно уставить, устремить'; другой — с окраской жаргонно-вульгарного просторечия: 'украсть' (Словарь Ушакова, IV, 959). Так же, как и в кругу имен существительных, омонимии глаголов, особенно тех, которые образовались из чужеязычных основ, содействует расхождение по далеким профессиональным сферам, включение в разные системы производственной терминологии. Ср.: *болтать* (сметану, болтать ногой) и *болтать* (нести вздор), *наболтать*, *переболтать* и т. д.;

бродить (о человеке) и *бродить* (о жидкости); *перебродить* (перебродил по лесам) и *перебродить* (пиво перебродило);

морить, *переморить*, *заморить* и *морить* (дерево); *переморить*, *заморить*;

пороть и *пороть*;

печься и *печься* (пещись, заботиться).

Естественно, что различия функций приставок могут сочетаться и с разными типами словообразования и с разными формами синтаксического управления. Напр., *договориться* (о чем) и *договориться* (до чего).

Вопрос о типах омонимов, образуемых посредством аффикса *-ся*, совсем не изучен. Естественно, что здесь необходимо отличить типические грамматические и семантико-словообразовательные разряды от индивидуальных фактов лексико-семантического развития, которые, впрочем, также могут быть обобщены и подведены под некоторые типические правила и способы семантических изменений. Ср.: 1) с одной стороны, *притворяться* — с опрощением основы (*при-* уже не выделяется как приставка) и *притворяться* (дверь притворяется и т. п.); 2) *залиться* (о жидкости) и *залиться* (в фразеол. сочетаниях смехом, слезами, лаем и т. п.). Вместе с тем, здесь действуют законы соотношения,

связи и разделения так наз. залоговых значений (особенно в пределах форм несовершенного вида); напр., *доноситься* (донестись) и *доноситься* (от донос); *заключаться* (в чем) и *заключаться* (чем-нибудь); 3) многочисленные и разнотипные формы омонимии в сфере так наз. возвратных глаголов связаны с приемами префиксально-суффиксального словообразования. Напр., *разбежаться* (о множестве) и *разбежался* (об одном субъекте); *разойтись* (в разные стороны — о нескольких людях) и *разойтись* (дать волю своим страстям, настроению); *вытереться* (вытерся полотенцем) и *вытереться* (износиться: локти вытерлись); *завертеться* (колесо завертелось) и *завертеться* (о человеке); 4) не менее разнообразны типы семантических изменений и осложнений глаголов общевозвратного типа, отчасти связанные с значением форм невозвратных или производящих. Напр., *задаться* (поставить перед собой какую-нибудь задачу) и *задаться* (удасться), *заняться* (о заре, о духе) и *заняться* (приступить к какой-нибудь деятельности и т. п.); *затянуться* (3 омонима); 5) показательны соотношения фразеологически свободных и фразеологически связанных сочетаний в сфере возвратных глаголов. *Закатиться* и *закатиться* (смехом, кашлем, слезами; ср. *залиться*);

Само собой разумеется, что полная картина омонимических отношений в сфере так. наз. возвратных форм русского глагола (с аффиксом *-ся*) требует глубокого и всестороннего исследования.

Иного характера та омоформия в системе русского глагола, которая охватывает целую систему форм у разных слов, напр., в рамках категории вида: *разрывать*, *разрываю*, *разрывал* и т. п. — формы несов. в. к *разрыть* и *разрываю*, *разрывают*, *разрывал* — формы несов. в. к *разорвать*; ср. тоже *прорывать* (*прорыть*) и *прорывать* (к *прорвать*); *нарывать* (к *нарыть*) и *нарывать* (к *нарвать*); *засаливать* (к *засолить*) и *засаливать* (*засалить*); *засыпать* (к *засыпать*) и *засыпать* (к *заснуть*) и т. п.

Те, кто считает видовые формы глагола формами словообразования, отнесут эти процессы уже к явлениям не омоформии, а частичной омонимии.

Навозить—навезти и сов. в. *навозить*; *наносить — нанести* и сов. в. *наносить*; *находить — найти* и *находить* — сов. в.; *находиться—найтись* и *находиться* — сов. в.; *облетать—облететь* и сов. в. — *облетать*; *слетаться*, сов. в. (в авиац. жаргоне: приобрести навык к совместным полетам) и *слетаться* — несов. в. к *слететься*; ср.: *погонять* (несов. в.) и *погонять* (сов. в.); *считать*, *-аю* (сов. в. к *считывать*) и *считать* — несов. в. к *счесть*; *расходиться* сов. в. и *расходиться* — *разойтись*; ср. *нажаривать—нажарить* и *нажаривать* (на гармошке); *увязать* (*увяжу*) — сов. в. к *увязывать* и *увязать* (*увязаю*) — несов. в. к *увязнуть*; *сметать* (*смечу*) — сов. в. к *сметывать* и *сметать* (*сметаю*) — несов. в. к *смести*; *обметать* (*обмечу*) — сов. в. к *обметывать* и *обметать* (*обметаю*) — несов. в. к *обмести* и т. п.; *переламы-*

вать — несов. в. к *переломать* и *переломить*; *перескакивать* — несов. в. к *перескакать* и *перескочить*; *навертывать* к *навернуть* и *навертеть*; *надергивать* к *надернуть* и *надергать*; *наезжать* — несов. в. к *наехать* и к *наездить*; *укатывать* — несов. в. к *укатать* и *укатить*; *скатывать* — к *скатать* и *скатить*; *раскатывать* — *к раскатать* и *раскатить*; *расстегивать* — к *расстегать* и *расстегнуть*.

Все разновидности глагольной частичной омонимии в современном русском языке являются живыми и закономерными. Кроме отстоявшейся серии параллельных приставочных глаголов несовершенного вида от *-носить*, *-возить*, *-водить*, *-ходить*[40], другие разряды этих глагольных омоформных образований более или менее продуктивны и легко пополняются в речевом обиходе неологизмами. В русской языковой системе эти производные типы частичной омонимии связаны с глубокими грамматическими различиями соответствующих форм и их функций. Распределяясь по разным словообразовательным категориям глагола, отличаясь друг от друга фразеологическими контекстами употребления и синтаксическими свойствами, выражая самостоятельные лексические значения, омонимы этого рода сосуществуют свободно и беспрепятственно. Грамматические факторы содействуют не только возникновению и размножению омонимичных форм и слов, но и лексической дифференциации их. Морфологические и словообразовательные процессы тут и создают и поддерживают частичную омонимию, преодолевая лексические противоречия и неудобства.

Еще больше оснований связывать с явлениями частичной лексической омонимии случаи совпадения форм у безличных глаголов с частью парадигмы тех личных глаголов, от которых они произошли. Напр.,

сдаваться — сдаться и безл. *сдается*;
везти и безл. *везет*;
морозить — заморозить и безл. *морозит*;
отдать — отдавать и *отдает* от кого-нибудь;
плакаться и безл. *плачется*;
следовать и *следует*;
хватить, *хватать* и *хватит*, *хватает* и т. п.

---

[40] *Много я в ы х о д и л в поле дорог*
С этим ружьем за плечами.

(Исаковский. География жизни).

Ср.: *выходить ребенка.*
Мы у х о д и м горе
За чашей круговой.

(Пушкин. Городок).

Ср.: *уходить человека.*
Ср. *Батюшки, а брюки-то в ы в о з и л!* — *продолжала женщина* (С. Антонов. Футбол). Ср. у Коптяевой в романе «Товарищ Анна»: *Ах ты, чистильщик! И всю рубашку у в о з и л.*

Таким образом, префиксальное и префиксально-суффиксальное развитие глагольной омонимии в системе русского языка (и других славянских) противопоставлено правилам и законам омонимического словообразования в кругу имен (существительных и прилагательных). Среди глаголов почти совсем нет «отраженной» или воспроизводящей омонимии. Зато очень разнообразна и обильна омонимия «частичная». Ее источником являются видовые и залоговые (на *-ся*) образования. Омонимия глагольная носит агглютинативный, а не фузионный характер.

XV

Итак, при тщательном, глубоком исследовании структуры любого языка необходимо всесторонне раскрыть и объяснить устойчивые или закономерные формы, виды и типы омонимических отношений между разными членами, элементами этой структуры. В многочисленных современных монографиях по омонимии в системах разных языков, а также в общих теоретических трудах по этому вопросу, как можно видеть из предшествующих глав, недостаточно четко и точно разграничиваются понятия лексической омонимии в собственном смысле (полной и частичной), омоморфемности (напр., в русском языке — приставок — префиксов, преимущественно у глаголов и суффиксов, вообще у разных категорий слов, а также омоморфемности основ) и омоформии (звукового совпадения отдельных форм слов).

Типы омоформии в русском языке не создают лексической омонимии. Они качественно разнородны с омонимией и не образуют парадигматической симметрии слов. Только в каламбурно-индивидуальном употреблении, в практике художественной речи омоформы могут быть сопоставлены с омонимами и функционировать в их ряду. Еще сложнее и разнообразнее структурные виды и типы омоморфемности. Здесь особенно резко выступает граница между производными и непроизводными словами. Вообще проблема омоморфемности не может широко изучаться без всестороннего анализа типов морфематической структуры слов.

Понятно, что особенно многообразны, трудны и комплексны вопросы о структурных типах полной лексической омонимии в системе того или иного языка с их переходными и смешанными формами.

Больше всего внимания здесь уделяется знаменательным словам (особенно — классам существительных, прилагательных с наречиями и глаголов). В этой сфере устанавливаются и различия в степени омонимической продуктивности разных типов слов, а также отдельных семантико-грамматических групп в их пределах, и приемы и способы отраженной омонимии в результате взаимодействия разных классов слов, и закономерности омонимического словообразования, и общие тенденции экспрес-

сивно-омонимических новообразований в живой речи и многое другое.

Так, Ch. Bally доказывал, что «свойство экспрессивных структур — быть различными». Поэтому при иронической или фамильярно-шутливой экспрессии именные омонимические образования получают характер каламбура. За ними, как бы образуя второй семантический план их восприятия, стоят литературные омонимы. Возникает омонимия своеобразного типа, для которой характерна ироническая двуплановость осмысления, или ироническая двусмысленность выражения [напр., *физика* (наука) и *физика* (физиономия)]; *спираль* и *спираль* (в воздухе), (ср. у Н. С. Лескова в «Левше») и др. (ср. химик и т. д.).

В кругу лексической омонимии — как в общетеоретическом плане, так и применительно к русскому языку — очень слабо разработаны вопросы о приемах и принципах омонимического обособления неизменяемых слов, близких к служебным, и об омонимической дифференциации слов формальных (вспомогательных, служебных). Это состояние научно-исследовательской неопределенности в данной сфере особенно вредно отражается на изучении форм сочетаемости слов и на лексикографической практике, на технике составления толковых словарей. Границы слов тут перемешиваются самым причудливым образом.

Вообще говоря, омонимия, ограниченная кругом неизменяемых частей речи, — явление относительно редкое. Чаще всего обстоятельственные наречия, модальные слова и частицы, производные союзы и предлоги бывают однозвучны с формами тех изменяемых частей речи, от которых они произошли и от которых во многих случаях еще не вполне оторвались семантически (напр., модальное слово *действительно* и нареч. *действительно*; модальное слово *видно* и кратк. форма прил. *видно*, а также *видно* в функции предикатива; *слышно* в тех же синтаксических значениях; *решительно* и т. п.)

Кроме того, общеизвестно, что семантический объем у слов, принадлежащих к реляционной категории, значительно шире, чем у слов в других классах. Поэтому такие неизменяемые слова, как *уже*, *еще*, *едва*, *разве*, *лишь*, *чуть*, *будто*, *напротив*, *наоборот* и другие совмещают в себе функции разных грамматических категорий. То, что в системе других частей речи могло бы привести к распаду единой смысловой структуры слова на разные слова — омонимы в категориях служебных частей речи, нередко умещается и сохраняется в смысловых пределах одного слова. Во всяком случае, для такого вывода есть веские основания.

В силу этого, например, распад слова на омонимы, связанный с осложнением функций наречия и с закреплением его употребления в роли предикатива или категории состояния, в роли союза, предлога, осуществляется лишь при наличии дополнительных семантических условий.

Понятно, что этого рода звуковые совпадения слов с теми формами, из которых они когда-то возникли, в современном русском языке все множатся и распространяются. Именно таким путем происходит пополнение классов наречий, частиц, а отчасти и предлогов, а также союзов. Грамматические и лексические различия значений и синтаксических контекстов употребления благоприятствуют выделению омонимов из форм слов, а в некоторых случаях их последующему коренному семантическому преобразованию и обособлению в отдельные слова.

У форм местоимений, например, развиваются омонимические соотношения с производными от них формальными словами. Вот несколько иллюстраций.

Что-то и наречная частица *что-то* (отчасти, слегка, в некоторой степени). Ср.:

Ее находят *что-то* странной.
Провинциальной и жеманной
И *что-то* бледной и худой

(Пушкин. Евгений Онегин).

Что-то руки стали трястись по утрам (Островский).

Чего форма род. п. от *что* и вопросительная частица — *чего*; *ничего* форма род. п. от *ничто* и *ничего* в функции наречия и предикатива — категории состояния (*и холод и сеча ему ничего*); *чем* — форма тв. п. от *что* и *чем* — в функции союза; *все* — форма ср. рода и *все* в функции частицы-наречия. Но и это — явление иного типа, чем звуковое совпадение отдельных форм у слов, располагающих целой парадигмой форм.

Совпадение в звуковом облике некоторых простых союзов и предлогов с междометиями — чисто мнимое (напр., союз *и* и междометие *и*; союз *а* и междометие *а*; предлог *о* и междометие *о*; предлог *у* и междометие *у*). Эти лексические элементы тождественны лишь на письме. Между тем, фонетическая структура междометий немыслима вне их интонационно-мелодического звучания. Следовательно, в этих явлениях мало общего с омонимией в собственном смысле этого слова. Омонимичными могут быть признаны лишь союз *да* и модально-приглагольная частица *да*. От них фонетически обособлено утвердительное междометие *да*.

Полное и глубокое рассмотрение типов омонимии среди служебных слов невозможно без всестороннего изучения их грамматико-семантической структуры. Вопрос о смысловом объеме и семантических границах разных разрядов служебных слов, в сущности, еще не был предметом специального исследования. Он был лишь намечен в статье акад. Л. В. Щербы «О частях речи в русском языке». Между тем, в этой области очень много не только спорных, нерешенных, но и неотложных вопросов. Напр., в системе русских предлогов в кругу позднейших производных

образований наблюдается тенденция к точной фиксации определенного типа значений — причинных, целевых, временных и т. п., находящих выражение частично и в лексическом значении соответствующего слова (ср. *вследствие*, *в силу*, *по причине* и т. п., *посредством*, *спустя* и т. п.).

Между тем, в кругу так наз. первичных, первообразных предлогов функции некоторых из них являются очень разнородными, далекими, не сводимыми к внутреннему единству цельной семантической структуры слова.

Так, уже по отношению к функциям предлога *за* возникает вопрос о том, в какой мере его значение в сочетании с формами существительных как в винительном, так и в творительном падежах могут быть с точки зрения современных грамматических отношений представлены как единое смысловое целое. Во всяком случае, причинные и целевые отношения, а также отношения заместительства, обмена, особенно в связи с формами вин. п. сущ. (в причинных значениях с тв. п. *за* употребляется в очень ограниченных контекстах и сочетаниях) у предлога *за* в настоящее время не связываются прямо и непосредственно с его прочими функциями, остаются несколько в стороне от них (ср. у Лермонтова в «Фаталисте»: *Я жил у одного старого урядника, которого любил за добрый его нрав, а особенно за хорошенькую дочку*, Настю; у М. Горького в рассказе «Три дня»: *Фаддея Назарова не любила за богатство, за то, что он давал деньги в рост, за удачу во всех делах и распутство*; у Чехова: *Если бы мне было позволено отдать за вас жизнь свою*. «Три сестры», слова Тузенбаха; у Гоголя: *Первый тост был выпит... за здоровье нового херсонского помещика*. «Мертвые души»; у Пушкина в «Медном Всаднике»:

И перевозчик беззаботный
Его *за гривенник* охотно
Чрез волны страшные *везет* и т. д.

Если в системе значений и употреблений предлога *за* явственно намечается тенденция к семантическому выделению части его функций в особое «слово», то у таких предлогов, как *с*, *о* — *об* и *по*, уже вполне осуществилась сложная омонимическая дифференциация. Так, в употреблении предлога *с*, прежде всего, бросается в глаза разобщенность, полная несвязанность его функций в сочетании с разными падежными формами существительных. Значение количественного подобия и меры ('почти, приблизительно, около'), свойственное предлогу *с* в сочетании с вин. п., не находит ни соответствий, ни соотношений в кругу значений того же предлога, связанных с формами род. или тв. падежей. Напр.: *Давно ли вы на Кавказе? — С год* (Лермонтов. Герой нашего времени); *Мальчик с пальчик*, *Огурец и с дом величиной диковинка* (Крылов. Лжец) и т. п.

Точно так же трудно найти связи и общие точки соприкосновения между функциями предлога *с* в сочетании с род. п. и предлога *с* в сочетании с формами тв. п. (ср. *с радости* и *с радостью*; *с отчаяния* и *с отчаянием*, *пить чай с блюдца* и *пить чай со сливками*; *с зимы* и *с зимой* и т. д.). Таким образом, в современном русском языке налицо три омонима-предлога *с*, различающиеся не только функциями, но и способами падежного управления. Необходимо при этом заметить, что способность сочетаться с разными падежами у других предлогов часто не исключает внутреннего единства и тесных связей значений и, следовательно, может включаться в семантическую структуру одного и того же предлога (напр., *под стол* и *под столом*, *в дом* и *в доме* и др.).

Само собой разумеется, что все выдвинутые здесь задачи и вопросы нуждаются в полном и внимательном рассмотрении в кругу всех предлогов современного русского языка.

Но уже приведенные иллюстрации говорят о том, что вопросы омонимии в системе служебных слов представляют огромный теоретический и практический интерес и что в настоящее время эти вопросы решаются очень приблизительно, без глубокого лингвистического обоснования. За примерами можно обратиться к толковым словарям современного русского языка, но уже по отношению к союзам. Так, в «Толковом словаре русского языка» под ред. проф. Д. Н. Ушакова различаются три частичных слова — *же*, три омонима: 1) *же* — союз противительный и присоединительный (*Старики сидят дома, дети же ушли гулять*; *Ты же хотел идти, а теперь почему-то раздумал*; *С тех пор, как я его знаю, знаю же я его с детства, я не переставал дружить с ним)*; 2) *же* — усилительная частица (*Когда же мы пойдем?*; *Ну и хитер же ты, братец мой*; *Есть же такие мерзавцы на свете!*); 3) *же* — отождествительная частица (*тот же*, *туда же*, *такой же*, *там же*, *тогда же)* [41].

В однотомном «Словаре русского языка», составленном С. И. Ожеговым, частица *же* в отождествительном значении слита с усилительной частицей *же*. Таким образом, количество омонимов сократилось до двух: *же* — союз и *же* — частица. Академический «Словарь современного русского литературного языка» сделал еще один шаг в том же направлении, и омонимов *же* среди служебных слов совсем не стало. При этом любопытнее всего тот факт, что значения выделяются те же, определения их тоже прежние в основном, во всяком случае очень похожи, меняются лишь примеры [42].

Из этих сопоставлений совершенно очевидно, что при выделении омонимов — союзов и частиц наиболее устойчивыми и объективными критериями составители русских толковых словарей

---

[41] Словарь Ушакова, I, 850.

[42] Словарь современного русского литературного языка, т. IV, стр. 48.

не руководствуются, что до сих пор здесь царит субъективный произвол.

Вот еще пример такого же субъективного отношения к омонимии служебных слов. Как известно, вопрос о союзе *и* и его омонимах обсуждался в известной статье акад. Л. В. Щербы «О частях речи в русском языке». Разграничению функций этого служебного слова, а также выделению в нем «потенциальных слов» посвящена интереснейшая статья этого ученого в «Словаре русского языка» Академии наук (изд. 2). Тем не менее и после этих подготовительных работ проблема наличия или отсутствия омонимии — в связи с разными значениями *и* в русском языке — остается нерешенной, неясной, и составители последующих толковых словарей продолжают в определении функций союза *и* и частицы *и* руководствоваться разными — и при том очень субъективными соображениями. В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова союз *и* и частица *и* рассматриваются как одно слово. В союзе *и* — соответственно указаниям акад. Л. В. Щербы — выделяются соединительное, усилительное, уступительное и противительное значения (см. примеры: *И этот мерзавец смеет уверять в своей добросовестности*; *И пел же он*! и др.). Усилительная функция союза *и* как бы образует мост, соединяющий союз *и* с частицей *и*, употребляющейся в усилительном и присоединительном значениях (*И на солнце есть пятна*; *Денег на черный день не припасено. . . Да как их и припасешь на таком жалованьи*? — А. Н. Островский; *Что, ежели, сестрица, при красоте такой и петь ты мастерица*? — Крылов; *Так оно и случилось*) [43].

Эти соображения о семантическом единстве союза *и* и частицы *и* показались неубедительными С. И. Ожегову, который в своем однотомнике вообще придавал большое значение выделению и размножению омонимов в составе русского языка. Поэтому в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова союз *и* и частица *и* разъединены, представлены как омонимы. В соответствии с типом малого словаря в союзе *и* разграничиваются лишь четыре значения: соединительное, эпически-повествовательное, усилительное и уступительное. О частице *и* как омониме союза *и* сказано следующее: *и*, частица. Употр. как усилительная для подчеркивания слова, перед которым стоит, в знач. «даже», «сверх прочего», «именно». *И сам не рад. Не могу и подумать об этом. И танцует, не только поет. О нем и говорят*! [44].

В новом академическом «Словаре современного русского литературного языка» (1956, т. V. И—К) союз *и* и частица *и* тоже признаны разными словами-омонимами. В союзе *и* разграничены шесть значений: объединительное, соединительное, присоединительное, перечислительное, результативное и уступительное, в частице *и*

---

[43] Словарь Ушакова, I, 1123—1125.
[44] Словарь русского языка. Сост. С. И. Ожегов. М., 1953, стр. 206.

обособляются четыре значения: они не характеризуются, и обозначаются по соответствию с другими частицами: *же*, *также*, *даже*, *уж*, *хоть*. Точно такие же противоречия наблюдаются и в лексикографическом описании других частичных слов. Ср.: *здорово* от *здоровый* и междометие *здорово*; *раз* — наречие и междометие — *раз*; *мол* (мыл) и *мол*, *-а* (сооружение в виде вала); *надо* (предлог, безудар.) и *надо*.

Так, наречие *наконец* в процессе синтаксической деривации получает значения вводного слова и перечислительного союза. *Напротив* объединяет, кроме основного наречного значения, также значения предлога, противительного союза и вводного слова.

Ср. совмещение функции наречия и частицы в словах: *единственно*, *исключительно* и т. п.

Все эти иллюстрации показывают, как необходима и важна углубленная работа над семантической дифференциацией служебных слов, над выяснением их соотношений и омонимических разграничений.

XVI

Вопрос об омонимах тесно связан с вопросом о смысловых границах слов. Семантической границей слова очень часто является его омоним. Когда лингвисты (как, напр., Вандриес) заявляют, что сколько значений или сколько разных контекстов употребления каждого словесного знака, столько и слов, то они утверждают перегруженность языка омонимами, но не выясняют ни причин, ни мотивов, ни внутренних закономерностей существования и развития омонимии.

Вместе с тем не все омонимы — одного качества; наряду с сериями или видами омонимов, в которых нет никакой семантической близости между соотносительными по внешней звуковой форме словами, есть и такие типы омонимов, в которых связь лексем или только что разорвалась или еще потенциально ощутима. В области омонимии намечается множество разнородных, в том числе и переходных типов. В их разнообразии сказывается не только различие происхождения, но и разная семантическая природа омонимии. Процессы семантического распада одного слова на два или несколько омонимов, так же как и процессы слияния омонимов в структуру одного слова, процессы образования омонимов путем заимствования и словопроизводства — это живые, динамические процессы, постоянно изменяющие словарный состав языка, его систему. При этом внутренние причины увеличения количества омонимов (в силу смысловой перегруженности слова и разрыва связи между отдельными его значениями, в силу изменчивости «внутренних логических форм» связи значений в языковой системе) могущественнее и разнообразнее, чем внешние причины возникновения омонимов — под влиянием фонетиче-

ских изменений, вследствие притока однозвучных слов из диалектов или чужих языков.

Высказывалась мысль, что вопрос о разграничении омонимии и полисемии (le départ entre signes homonymes et variations sémantiques d'un signe identique) может и должен разрешаться путем сопоставления семей производных слов (familles de signes)[45]. Напр.: 1) *судить—суд—судья—судимость — судебный — осудить — присудить* и т. п.; 2) *судить — суждение — рассудить — рассудок — рассуждение.*

Очень сложный вопрос — вопрос об отношении однозвучных терминов, — профессиональных, научных, технических как друг к другу, так и к соответствующим словам общенародного языка, если они восходят к одному и тому же источнику, но по своим предметным значениям далеко и резко разошлись. Само собой разумеется, что здесь возможны и фактически встречаются разные случаи, разные виды и степени омонимии. Проблема анализа и выделения разных типов омонимов очень сложна. Прежде всего необходимо остановиться на общих критериях разграничения омонимов в этом кругу явлений. Не надо смешивать различия предметов, обозначаемых терминами, с различиями значений и лежащих в основе их внутренних признаков называния. Например, едва ли правильно в «Словаре русского языка», составленном С. И. Ожеговым, (изд. 2, стр. 784) отмечаются два омонима — *фаза.*

Фаза — определенный период в историческом развитии какого-нибудь общественного процесса.

Фаза — момент, отдельная стадия в ходе развития и изменения чего-нибудь (напр., положения планеты, формы или состояния вещества, периодического явления и т. п.), а также само положение, форма и т. п. в этот период.

Точно так же трудно согласиться с делением слова *лигатура* на два омонима. Ср. слова *надстройка*, *зонтик*, *улитка*, *молния*, *таз*, *стремя* и др. в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова, разделенные на омонимы[46]. Однако стали омонимами слова *охота* (желание) и *охота* (лов). Ср.: *лоскут — лоскуты* (о более крупных отрезках), *лоскутья* (о более мелких).

Общность внутреннего признака называния является средством объединения разных, очень далеких по предметному содержанию значений. Напр., в «Словаре русского языка», составленном С. И. Ожеговым, без всяких оснований разделены на три слова-омонима такие значения слова *рогач*, имеющие один общий признак с рогами (или в виде рога):

Рогач — жук с верхними челюстями в виде рогов.

---

[45] См.: R. Godel. Homonymie et identité. «Cahiers Ferd de Saussure», 7, 1948, стр. 12.

[46] См.: А. П. Евгеньева. К вопросу о типе однотомного толкового словаря советской эпохи. — ВЯ, 1953, № 3, стр. 64 и сл.

Рогач — самец-олень (или другое животное) с рогами.

Рогач — ухват. Сюда можно присоединить, если набирать омонимы таким образом, еще и *рогач* в значении 'рогоносец'.

Ср. у Пушкина: *По старом рогаче вдовицы плач унылый.* Но там же, где при общности основы «внутренние формы» направлены в разные стороны, налицо — омонимия: *малиновка* (птица) и *малиновка* (настойка).

В отдельных случаях омонимические совпадения производных слов возникают в результате чередований звуков, напр., *выдержка* (цитата) от *выдергать — выдернуть — выдергивать* и *выдержка* (терпение, сдержанность) от *выдержать.*

Даже если однозвучные слова по своему значению относятся к разным специальным сферам деятельности, вопрос об их омонимичности может быть решен лишь в аспекте живой семантической системы языка в целом. Само собой разумеется, что тут играет огромную роль и отношение слов к действительности, расхождение их предметных значений. Но исходить при разграничении омонимов только из далекости или разобщенности предметов, обозначаемых словами, было бы ошибочно. Вот несколько омонимов этого типа:

оклад (жалованье, заработная плата) и *оклад* (на иконе);

поход (о войске) и *поход* (излишек);

приклад (ружейный) и *приклад* (у портных);

следствие (вывод) и *следствие* (ср. следователь);

состояние (положение, самочувствие) и *состояние* (имущество; ср. состоятельный человек);

стан (лагерь) и *стан* (фигура) и *стан* (станок) и т. п. Здесь несоединимость или даже несочетаемость значений однозвучных слов несомненна. Для некоторых из омонимических пар неясна, даже несмотря на этимологическую однородность состава соответствующих слов, возможность их семантических связей в прошлом; в других случаях непосредственно очевидна разная направленность значений (напр., *приклад* у ружья — в связи с *приложить*, приставить к ноге и *приклад* портновский — с утерянной «внутренней формой» *приложить — прибавить, присоединить*). Различия морфологического состава и лексико-морфологических связей ярко выступают у таких омонимов, как *наряд* (предписание выполнить какую-нибудь работу) и *наряд* (ср. *нарядиться, нарядный* и т. п.).

Иногда омонимия связана не только с специализацией значения слова, но и с его словообразовательной изоляцией, с семантическим отрывом от производящего слова и от соответствующего лексического гнезда. Напр., грамматический и логический термин *предложение* утратил свою словообразовательную мотивированность: *предложение* в этом употреблении (ср. preposition) уже не соотносительно с глаголом *предложить.* Поэтому *предложение* как отглагольное существительное к глаголу *предложить* яв-

ляется омонимом по отношению к слову *предложение* как грамматическому термину.

Слово — неразрывное единство звука, значения и внутренней формы. В каждом отдельном употреблении одного и того же слова смысловое его наполнение индивидуально и неповторимо. Поэтому сторонники такой индивидуалистической точки зрения и должны всюду, во всяком использовании слова видеть рождение нового омонима или начисто отрицать омонимию как своеобразную фикцию наивного реализма.

К затемнению понятия омонима приводит также перенесение и распространение языковой омонимии на случаи игры звуковыми соответствиями и совпадениями, на случаи каламбурного использования слов в индивидуальных стилях речи. Экспрессивные образования, носящие отпечаток шутки или бытового каламбура, не чуждаются омонимии; напр., *язычник* (полиглот, человек знающий много языков) и *язычник* (идолопоклонник, последователь язычества); *чайник* (любитель пить чай) и *чайник* (сосуд для заварки чая) и т. п.

Ср.: *Филип Савич . . . решился, более по просьбе дочери, нежели матери ее, приискать сам потребную мадам, хотя он и считал по польскому выражению, французское воспитание непотребным.* (Вельтман. Приключения, почерпнутые из моря житейского). *Там вся московская поэзия и проза, славянофилы, скандинавофилы, франкофилы и простофили* (там же).

Обилие омонимов в рамках национального языка поддерживается наличием разнообразных и при том в значительной степени замкнутых систем профессиональной, производственной терминологии. У разных производственных и профессиональных групп однородные названия даются разным предметам и явлениям. «Технических омонимов» — больше всего. Так, слово *полотно* указывает и на материю, и на железнодорожный путь, и на лезвие пилы.

Очень редки омонимы среди междометий, напр., *пас* (в карточной игре) и *пасс* (при передаче мяча); ср. *пасовать* (в футболе, волейболе и других играх с мячом); *ну* — междометие и *ну* — модальная частица.

Однако нет оснований не относить к омонимам *точно* — союз и *точно* — наречие (ср. краткую форму ср. р. прил. — *точный*) с присущей ему формой сравнит. степени — *точнее*; *прямо* — частицу и *прямо* — наречие; *просто* — частицу и *просто* — наречие и т. д.

Немночисленны и всегда интонационно разграничены звуковые совпадения междометий с формами слов, принадлежащих к знаменательным частям речи. Напр., *марш*! и *марш*.

Углубленные исследования явлений омонимии как в общетеоретическом плане, так и применительно к конкретной структуре и истории отдельных языков невозможны без уточнения самого

понятия — «омонима». Даже по отношению к системе того или иного языка в ее данном состоянии термин *омоним* часто не имеет устойчивого содержания. Так, нередко в качестве иллюстраций омонимии приводятся разного рода созвучия словесных отрезков в индивидуальной речи, в тексте или в контексте [47].

Следует резко отличать омонимы в языковой системе от звуковых совпадений или соотношений однозвучных и подобозвучных выражений в потоке речи или в индивидуальном словесном произношении. В речи конкретное слово со своим общенародным значением психологически воспринимается как непосредственное выражение мысли говорящего. Поэтому в идеалистических концепциях, придающих господствующее значение в развитии языка не народу, а творческой личности, смешивается и отождествляется слово как элемент структуры языка со словом в процессе его индивидуального употребления, в контексте отдельного высказывания или отдельного художественного произведения. «Слово в речи каждый раз соответствует одному акту мысли», — замечает А. А. Потебня [48]. С этой точки зрения в связной речи однозвучные слова того же семейства или разных корней, в сущности, не являются омонимами, так как понятие омонима предполагает соотносительность и взаимодействие одинаково звучащих слов в системе языка. Между тем, значения однозвучных слов того же семейства, по словам Потебни, относятся друг к другу «как предыдущие и последующие» [49]. Между ними наблюдается лишь связь генетической последовательности. Вот почему в IV т. «Из записок по русской грамматике» у А. А. Потебни есть такое парадоксальное утверждение: «Омоним есть фикция, основанная на том, что за имя (в смысле слова) принято не действительное слово, а только звук. Действительное слово живет не в словаре или в грамматике, где оно хранится только в виде препарата, а в речи, как оно каждый раз произносится, причем оно каждый раз состоит из звуков единственного и одного значения (Steintal. «Zeitschrift», 1, стр. 425—428). Связью между звуком и значением служит первоначальное представление, но с течением времени оно может забыться. Отношение между словами однозвучными, если однозвучность их не есть только случайная или мнимая, всегда бывает таково: а) представление, первоначально связанное со звуком, может в разное время стать средством сознания различных значений; б) каждое из этих значений может, в свою очередь, стать представлением других значений. Положим, в слове *зелье* представляется растение чем-то зеленым; значит, растение служит затем представлением лекарства, лекарством представляется снадобье вообще, снадобьем

---

[47] См.: Е. М. Галкина-Федорук. Современный русский язык. Лексика. М., 1954, стр. 61.

[48] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. 1—2, стр. 15.

[49] Там же, стр. 16.

представляется порох. Все эти значения растения — лекарство, снадобье, порох — составляют не одно слово, а четыре. При появлении каждого из этих значений создается новое слово, хотя звук первого слова может и при всех последующих оставаться неизменным. Нелепо думать, что люди, называющие порох *зельем*, представляют его себе зеленым или не сознают различия между растением и порохом. Рассуждая таким же образом, мы приходим к заключению, что омонимия форм есть тоже грамматическая фикция [50]. При таком понимании слов омонимии, как соотношения и столкновения однозвучных слов, которые могут противодействовать и мешать друг другу, в речевой деятельности, в речевом творчестве не существует. Между тем, здесь может возникнуть скрещение или слияние разных словесных рядов и форм как один из способов образного творческого выражения или поэтической иносказательности. При этом сами границы созвучных речевых единств тут часто и не совпадают со словом в традиционном смысле.

Прием омонимического разделения идиомы *строить куры* (на *строить* и *куры* — посредством каламбурного сближения с мн. ч. *куры* от *курица*) лежит в основе такой эпиграммы (II) Козьмы Пруткова:

Раз архитектор с птичницей спознался. . .
И что ж? в их детище смешались две натуры:
Сын архитектора — он строить покушался;
Потомок птичницы — он строил только *куры*.

Совершенно не исследован вопрос о формах и типах экспрессивной омонимии, возникающей в кругу глагольных образований с аффиксом *-ся*. Напр., *нестись* (быстро двигаться) и *нестись* (о курице). Иллюстрацией может служить басня Козьмы Пруткова: «Чиновник и курица»:

Чиновник толстенький, не очень молодой,
По улице, с бумагами подмышкой,
Потея и пыхтя и мучимый одышкой,
Бежал рысцой.
На встречных он глядел заботливо и странно,
Хотя не видел никого,
И колыхалася на шее у него,
Как маятник, с короной Анна.
На службу он спешил, твердя себе: «Беги,
Скорей беги! Ты знаешь,
Что экзекутор наш с той и другой ноги
Твои в чулан упрячет сапоги,
Коль ты немножко опоздаешь».
Он все бежал. Но вот
Вдруг слышит голос из ворот:
«Чиновник, окажи мне дружбу:
Скажи, куда *несешься* ты? — На службу». —
«Зачем не следуешь примеру моему,
Сидеть в спокойствии? признайся напоследок».

---

[50] Из записок по русской грамматике, т. IV, стр. 96.

Чиновник, курицу узревши эдак
Сидящую в лукошке, как в дому,
Ей отвечал: «Тебя увидя,
Завидовать тебе не стану я никак;
Несусь я, — точно так.
Но двигаюсь вперед; а ты — *несешься* сидя!»
Разумный человек, коль баснь сию прочтет,
То, верно, и мораль из оной извлечет.

Производно-номинативное значение слова возникает на основе разнообразного применения этого слова в разных сферах профессионально-производственной деятельности. Напр., *нос* для обозначения передней части корабля. В стихотворении Козьмы Пруткова «Поездка в Кронштадт», пародирующем стиль Бенедиктова, есть стихи:

На *носу*, один стою я,
И стою я, как утес,
Морю песни в честь пою я,
И пою я не без слез.

К первому из этих стихов сделано примечание: «Здесь, конечно, разумеется *нос* парохода, а не поэта; читатель сам мог бы догадаться об этом» [51].

Ср.: *Мой дедушка работал на заводе, и папа, и мама, и я пойду! И получится такая ц е п о ч к а Певцовых, понимаете?*

Какая ц е п о ч к а? — не понял Павел Петрович. — Линия, — уточнила Наташа и пальцем провела по воздуху. — Прямая линия. Настоящие рабочие. Потомственные.

— *Понимаю*, — произнес *Павел Петрович, качая головой.* (Леон. Борисов. Утро обещает. Повесть) [52].

В сущности, в однородных отношениях находятся друг к другу основное («астрономическое») и производное («официально-государственное») номинативные значения слова — *звезда*. На их каламбурном сопоставлении у Козьмы Пруткова построена басня «Звезда и брюхо», особенно ее «мораль»:

Читатель! басня эта
Нас учит не давать, без крайности, обета
Поститься до *звезды*,
Чтоб не нажить себе беды.
Но если уж пришло тебе хотенье
Поститься для душеспасенья,
То мой совет
(я говорю из дружбы):
Спасайся, слова нет,
Но главное — не отставай от службы.
Начальство, день и ночь пекущеесь о нас,

---

[51] Козьма П р у т к о в. Избр. произведения. Библиотека поэта. Малая серия. Изд. 2, 1951, стр. 43.
[52] «Звезда», 1954, № 6, стр. 25—26.

Коли сумеешь ты прийтись ему по нраву,
Тебя, конечно, в добрый час
Представит к ордену святого Станислава.
Из смертных не один уж в жизни испытал,
Как награждают нрав почтительный и скромный;
Тогда, — в день постный, в день скоромный, —
Сам будучи степенный генерал,
Ты можешь быть и с бодрым духом
И с сытым брюхом,
Ибо кто же запретит тебе всегда, везде
Быть при *звезде*?

Ср.: *даром* — наречие и *даром* — тв. п. от сущ. *дар*.

Так как настоящий век изобилует на обладающих даром поэзии или, все равно, на обладающих даром поэзиею, и так как в канцеляриях, кроме размашистых перьев необходимы иногда перья красноречивые, то в числе сослуживцев Михайлы Памфиловича, кроме молодых людей высокого полету, было много неоцененных еще поэтов и прозаиков (А. Ф. Вельтман. Приключения, почерпнутые из моря житейского, стр. 169).

Каламбурное использование частичной глагольной омонимии наблюдается в басне Козьмы Пруткова «Помещик и садовник». Книжно-славянский глагол — *прозябать* — *произростать* (ср. у Пушкина в «Пророке». *И дальней розы прозябанье*; ср. в современном языке *прозябанье*, в значении 'жалкое существованье') утратил в литературном языке XIX в. соотносительные формы сов. в. — *прозябнуть*. Напротив, у разговорного, вернее, просторечного глагола — *прозябнуть* (ср. *озябнуть*) оказались малоупотребительные формы несов. в. — *прозябать*, синонимичные глаголу — *зябнуть*. Так возникло каламбурное соотношение книжного — *прозябать* — *произрастать* и народно-просторечного *прозябнуть* — *озябнуть*. В нем заключается соль басни Козьмы Пруткова: «Помещик и садовник»:

Помещику однажды в воскресенье
Поднес презент его сосед.
То было некое растенье,
Какого, кажется, в Европе даже нет.
Помещик посадил его в оранжерею,
Но как он сам не занимался ею
(Он делом занят был другим:
Вязал набрюшники родным),
То раз садовника к себе он призывает
И говорит ему: «Ефим!
Блюди особенно ты за растеньем сим, —
Пусть хорошенько *прозябает*!»
Зима настала между тем.
Помещик о своем растеньи вспоминает
И так Ефима вопрошает:
«Что, хорошо ль растенье *прозябает*?»
«Изрядно, — тот в ответ, — *прозябло* уж совсем».
Пусть всяк садовника такого нанимает, который понимает,
Что значит слово: «*прозябает*».

Вообще смысловое взаимодействие и столкновение однозвучных слов является одним из средств экспрессивной каламбурно-художественной игры.

На таком сближении омонимов и построены многие басни Козьмы Пруткова. Напр.,

Стан и голос

Хороший *стан*, чем голос звучный,
Иметь приятней во сто крат:
Вот это пояснить я басней рад.
Какой-то становой, собой довольно тучный,
Надевши ваточный халат,
Присел к открытому окошку.
И, молча, начал гладить кошку.
Вдруг голос горлицы внезапно услыхал. . .
«Ах, если б голосом твоим я обладал», —
Так молвил пристав: — «Я б у тещи
Приятно пел в тенистой роще,
И сродников своих пленял и услаждал!»
А горлица на то головкой покачала,
И становому так, воркуя, отвечала:
— А я твоей завидую судьбе:
Мне голос дан, а *стан* тебе [53].

С исторической точки зрения вся совокупность омонимов, развившихся из одной смысловой единицы, может быть рассматриваема как разветвления одного слова, как его исторические вариации, если есть возможность установить непосредственную генетическую связь между разными значениями и показать непрерывность их развития. Таким образом, содержание понятий — омонимы и «разные значения одного и того же слова» в области историко-лексикологического исследования иное, более широкое, чем при живом восприятии слов в современном языке.

В. Трнка в своих «Заметках об омонимии» выдвигал принцип «переходности» или связанности значений как критерий определения полисемии — в отличие от омонимии: Если разные значения связаны переходными значениями (Übergangs Bedeutungen), то в языковом сознании данный комплекс выступает как одно слово, если же такого переходного значения нет, то перед нами разные слова [54].

---

[53] Козьма Прутков. Полное собр. сочинений, 1933, стр. 61.
[54] B. Trnka. Bemerkungen zur Homonymie. «Travaux du Cercle linguistique de Prague», IV, стр. 152.

А. В. Десницкая

СЛАВЯНО-АЛБАНСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И АЛБАНСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

До сих пор зарегистрировано около 800 славянских заимствований в албанском языке. Эта цифра, будучи неполной, уже сама по себе достаточно красноречиво свидетельствует о роли южнославянских языковых влияний в процессе сложения албанской лексики.

На современном этапе изучения этого вопроса первоочередную важность имеет выяснение того, как распределяются славянские лексические элементы по диалектным ареалам албаноязычной территории. До сих пор эта задача специально не ставилась, и в исследованиях, посвященных славянским влияниям на албанскую речь, заимствования регистрировались без выяснения пределов их территориального распространения и их соотносительной значимости в лексической системе албанского языка. Такой подход был, в частности, характерен и для основополагающего труда А. М. Селищева «Славянское население в Албании». А. М. Селищев уделил много внимания подробной классификации славянских заимствований в албанском по сферам их предметных значений, а лингвогеографический аспект проблемы затронул лишь в связи с вопросом о происхождении большей части слов из болгаро-македонской языковой среды и меньшего количества — из сербской [1].

Состояние изучения албанской диалектной лексики 40 лет тому назад (время работы Селищева над этой темой) не давало возможности для конкретной географической локализации славянских элементов, на что в свое время справедливо указал Н. Йокль. Рецензируя труд А. М. Селищева, Н. Йокль подчеркнул принципиальное значение этой задачи и указал на необходимость «определить географическое распространение славянских заимствований в албанских говорах и отделить те, употребление кото-

[1] А. М. Селищев. Славянское население в Албании. София, 1931, стр. 316 и сл.

рых ограничено пределами относительно небольших районов, от общераспространенных» [2].

Для выполнения сформулированной таким образом программы исследований в полном ее объеме время пока не наступило. Реальная возможность изучения славянских элементов на фоне всей диалектной лексики албанского языка представится в том случае, если будут опубликованы материалы лексикологических экспедиций, проведенных албанскими языковедами в различных районах страны [3], и в особенности когда будет осуществлено планируемое на ближайшие десятилетия создание диалектологического атласа Албании [4].

Тем не менее, уже на основе опубликованных к настоящему времени источников можно сделать некоторые наблюдения предварительного характера и очертить круг вопросов, связанных с лингвогеографическим аспектом проблемы славянских заимствований в албанском языке [5].

* * *

Славянские элементы албанской лексики не представляют собой однородной массы ни по своему характеру, ни по месту, занимаемому ими в словарном составе албанского языка. Наиболее общим следует считать деление на слова, вошедшие в литературный язык, и областные. И в ту и в другую категорию входят слова, относя-

---

[2] N. Jokl. Slaven und Albaner. «Slavia», ročn. XIII, 1934—1935, стр. 645.

[3] См.: A. Kostallari. Gjendja e studimeve albanalogjike në Shqipëri. Probleme dhe detyra të reja. «Konferenca e parë e studimeve albanologjike». Tiranë, 1965, стр. 43.

[4] Там же, стр. 56.

[5] Предметом внимания в данной статье является диалектное распространение славизмов в албанской речи только в пределах территории Албанской Народной Республики.

Материалом для соотнесения слов с определенными ареалами в первую очередь послужили списки диалектной лексики и тексты, опубликованные в качестве приложений к описаниям отдельных говоров: работы И. Гьинари, М. Челику, М. Тотони, Б. Беци, К. Хаджихасани, С. Флоки, Э. Ляфе, Я. Томай, К. Улькини и В. Джачка в журналах «Buletin i Universitetit të Tiranës. Seria Shkencat Shoqërore» (Tiranë, 1957—1963) и «Studime Filologjike» (Tiranë, 1964—1966). Некоторый материал извлечен из фольклорных текстов. Сведения о диалектной принадлежности отдельных слов представлены в пометах албано-греческого словаря К. Кристофориди, составленного во второй половине XIX в. (Λεξικον τῆς 'Αλβανικῆς Γλώσσης ὑπο Κωνσταντίνου Χριστοφορίδου. 'Εν 'Αθηναις, 1904. — «Fjalor Shqip-Greqisht prej Konst. Kristoforidhit. Tiranë, 1961). Как источник сведений по лексике северногегских говоров был также использован словарь Н. Газулы (N. Gazulli. Fjalorth i ri. Fjalë të rralla të përdoruna në Veri të Shqipnis. «Visaret e Kombit», XI. Tiranë, 1941). Ценные указания относительно ареалов распространения некоторых славянских заимствований дает Э. Чабей в своих «Исследованиях по этимологии албанского языка» («Buletin i Universitetit të Tiranës. Seria Shkencat Shoqërore», 1960—1963; «Studime Filologjike», 1964—1966).

щиеся к различным семантическим сферам, обладающие различной степенью нейтральности, различными стилистическими оттенками, различающиеся по своим словообразовательным возможностям.

Границы между этими двумя разрядами строго не очерчиваются, а являются скорее текучими. Текучесть их связана с тем, что продолжающееся формирование лексики литературного албанского языка — это живой активный процесс. Наряду с вовлечением в литературный оборот элементов областной лексики происходит и обогащение областного просторечья словами литературного языка. Поэтому при распределении славизмов на указанные два разряда нельзя не считаться с тем, что и в их соотношении отражается динамика основного для современного албанского языка процесса становления общих национально-литературных языковых норм.

В количественном отношении преобладающую массу славизмов составляют областные слова. Число славянских элементов, поднявшихся на уровень литературной лексики, относительно невелико. Однако в это число входит ряд слов, очень значимых в лексической системе языка, абсолютно нейтральных и частично необходимых. Эта группа слов довольно отчетливо выделяется и может быть отграничена от областной лексики. К зоне колебаний относятся некоторые слова, наделенные более или менее ярким оттенком эмоциональности, а также слова, обозначающие явления природы и деревенской жизни, вводимые в литературный оборот писателями.

Нейтральными компонентами лексической системы литературного албанского языка стали следующие слова, заимствованные из южнославянских языков, и производные от них, образованные уже на албанской почве (список неполный): *i bëgatë* 'богатый', *bëgati*, *-a f* 'богатство' — болг. *богáт*, сербохорв. *бо̀гат*; *bisedë*, *-a f* 'беседа, разговор', *bisedoj* 'разговаривать', *bisedim*, *-i m* 'разговор' — болг. *бесѐда*, сербохорв. *бѐседа*; *bujár* 'благородный, щедрый', нареч. *bujarisht* 'щедро', *bujari*, *-a f* 'благородство, щедрость' — болг. *боляр*, сербохорв. *бо̀љар*; *ças*, *-i m*, *çast*, *-i m* 'мгновение' — болг. *час* 'час, время', сербохорв. *ча̏с* 'мгновение'; *çetë -a f* 'отряд' — болг. *чета*, сербохорв. *чѐта* 'отряд'; *brazdë*, *-a f*, *brazë*, *-a f* 'борозда' — болг. *бразда́*, сербохорв. *бра́зда*; *çudë*, *-a f*, *çudi*, *-a f* 'нечто, вызывающее удивление'; *çudit*, *çuditem* 'удивлять, удивляться', *i çuditshëm* 'удивительный' — болг. *чудо*, сербохорв. *чу̏до* 'чудо', болг. *чудя се*, сербохорв. *чу̏дити се* 'удивляться'; *dobi*, *-a f* 'польза, выгода', *i dobishëm* 'полезный, годный' — болг. *до́бив* 'доход, добыча', сербохорв. *до̀бит* 'польза, выгода', *до̀бити* 'получить прибыль, выгоду, победить'; *dremit* 'дремать', *dremitje*, *-a f* 'дремота' — болг. *дре́мя*, сербохорв. *дре́мати*; *duf*, *-i m* 'сильное желание, досада' — болг. *дух*, сербохорв. *ду̏х*; *fal* 'дарить,

прощать вину', *falem* 'благодарить, молиться', *të falat*, *falë* 'привет', нареч. *falas* 'даром', *falënderoj* 'благодарить' — болг. *хвалá*, сербохорв. *хвáла* 'хвала, благодарность', *хвáла ти* 'благодарю тебя', болг. *хвáля*, сербохорв. *хвáлити* 'хвалить, благодарить'; *fllad*, *-i m* 'прохлада, легкий ветерок', *flladit*, *-em* 'освежать, освежаться' — болг. *хлад*, сербохорв. *хлâд* 'прохлада'; *gozhdë*, *-a f* 'гвоздь', *gozhdoj* 'пригвоздить' — ст.-сл. *гвоздь*, болг. *гвóздей* 'гвоздь', сербохорв. *гвȍзд* 'железо', 'камень, торчащий из земли'; *gërmadhë*, *-a f* 'развалина' — болг. *грамáда*, *гръмада* 'куча, масса, громада'; *godit* 'попадать (в цель), ударять, строить', безл. 'случаться', *godinë*, *-a f* 'строение' — болг. *годен* 'годный', *угодя́* 'угодить', сербохорв. *угȍдити* 'угодить, попасть (куда-нибудь)'; *gostit* 'угощать', *gosti*, *-a f* 'угощение' — болг. *гостя́*, сербохорв. *гȍстити* 'угощать'; *grabit* 'грабить', *grabi*, *-a f*, *grabitje*, *-a f* 'грабеж', *grabitës*, *-i m* 'грабитель' — болг. *грáбя* 'грабить', сербохорв. *грȁбити* 'хватать, забирать себе'; *grazhd*, *-i m* 'стойло, хлев' — ст-сл. *граждь* 'стойло'; *grusht*, *-i m* 'горсть; кулак; удар кулаком; удар; государственный переворот' — болг. *гръст*, сербохорв. *грȓст* 'горсть'; *gjobë*, *-a f* 'штраф', *gjobit* 'штрафовать' — болг. *глóба*, *глобявам*, сербохорв. *глȍба*, *глȍбити* 'штраф, штрафовать'; *kastravec*, *-i m* 'огурец' — болг. *крáставица*, сербохорв. *крȁставац* 'огурец'; *kos*, *-i m* 'кислое молоко' — болг. *квас*, сербохорв. *квâс* 'закваска'; *kosit* 'косить (траву)' — болг. *кося́*, сербохорв. *кȍсити*; *krahinë*, *-a f* 'край, область', *krahinor* 'областной' — болг. *крайнина* 'пограничная область; край', сербохорв. *крȁјина* 'окраина, пограничная область; край'; *lag* 'мочить, увлажнять', *i lagur* 'мокрый', *lagështirë*, *-a f* 'влажность, сырость' — болг. *влáга*, сербохорв. *влȁга*; *lakëtoj* 'жадно стремиться к чему-нибудь' (произв. от реконструируемого прилагательного **i lakëm*), *lakmi*, *-a f* 'жадность, алчность', *lakmonjës*, *-i m* 'жадный, завистливый' — болг. *лáком*, сербохорв. *лȁком* 'жадный, алчный'; *lis*, *-i m* 'дуб; дерево' — болг. *лес*, сербохорв. *лȇс* 'лес'; *lopatë*, *-a f* 'лопата; весло' — болг. *лопáта* 'лопата; весло', сербохорв. *лȍпата* 'лопата; лопасть весла'; *mërzit* 'докучать, надоедать', *mërzitem* 'скучать', *mërzi*, *-a f*, *mërzitje*, *-a f* 'скука', *i mërzitshëm* 'надоедливый' — болг. безл. *мързи́ ме* 'мне лень', сербохорв. *мр̏зити* 'питать отвращение, ненавидеть'; *nevojë*, *-a f* 'нужда, необходимость, потребность', *i nevojshëm* 'необходимый', *nevojitem* 'быть нужным, необходимым' — болг. *невóля*, сербохорв. *нȅвоља* 'беда, нужда, затруднение'; *oborr*, *-i m* 'двор' — болг. *обóр* 'хлев, скотный двор', сербохорв. *ȍбор* 'загон (для скота), двор'; *orendi*, *-a f* 'оборудование, домашняя обстановка' — ст.-сл. орѫдие 'negotium, res', болг. *орѫ́дие* 'орудие'; *orvatem* 'пытаться, стараться', *orvatje*, *-a f* 'попытка' — сербохорв. *рвáти се* 'бороться, состязаться в борьбе', русск. *рваться* 'стремиться к чему-нибудь'; *plaçkë*, *-a f* 'домашние носильные вещи; багаж;

добыча, трофей', *plaçkit* 'грабить' — болг. *плячка* 'добыча', сербохорв. *пљачка* 'грабеж', *пљачкати* 'грабить'; *porosit* 'поручать, заказывать', *porosi*, *-a f*, *porositje*, *-a f* 'поручение, заказ, завещание' — болг. *поръчам*, сербохорв. *поручити* 'поручить, заказать'; *prag*, *-u m* 'порог' — болг. *праг*, сербохорв. *праг*; *pushkë*, *-a f* 'ружье', *pushkatoj* 'расстреливать' — болг. *пушка*, сербохорв. *пушка* 'ружье'; *qepallë*, *-a f* 'веко' — болг. *клепка*, *клепач* 'веко'; *rend*, *-i m* 'ряд, очередь, порядок, строй'; *rendit* 'ставить в ряд, по порядку' — ст.-сл. рѧдъ, болг. *ред*, макед. обл. *rjänt*[6], сербохорв. *ред* 'ряд, порядок', болг. *редя*, сербохорв. *редити* 'расставлять, приводить в порядок'; *rob*, *-i m* 'раб, пленник' (*rob* в значениях 'человек; домочадец' принадлежит областной лексике), *robëri*, *-a*, *robni*, *-a f* 'рабство' *robëroj*, *robnoj* 'поработить' — болг. *роб*, сербохорв. *роб* 'раб, невольник'; *sundoj* 'господствовать, владычествовать, править', *sundim*, *-i* 'владычество', *sundimtar*, *-i m*, *sundonjës*, *-i m* 'властитель, правитель'. Глагол *sundoj* образован в албанском от существительного *sund*, *-i m* 'правление, закон', сохранившегося в говоре краины Шаля на севере Албании — ст.-сл. сѫдъ, болг. *съд*, сербохорв. *суд* 'суд'; *stan*, *-i m* 'пастушеский стан' — болг. *стан* 'стан', сербохорв. *стан* 'пастушья хижина'; *strehë*, *-a f* 'стреха; козырек (головного убора); убежище', *strehoj* 'приютить, дать убежище' — болг. *стреха*, сербохорв. *стреха* 'стреха'; *shëtit* 'гулять, прохаживаться' — болг. *шетам* 'ходить (по делам)', сербохорв. *шетати* 'гулять, прогуливаться'; *trup*, *-i m* 'тело; ствол (дерева)', *trupor* 'телесный', *trupëzoj* 'воплощать' — болг. *труп* 'труп; туловище; ствол (дерева)', сербохорв. *трûп* 'туловище; пень, чурбан'; *vazhdë*, *-a f* 'след, колея', *vazhdoj* 'следовать, продолжать', *vazhdim*, *-i m* 'продолжение', нареч. *vazhdimisht* 'непрерывно' — ст.-сл. (*водо*)*важда* '(aquae)ductus', *важдати*, болг. *провáждам* 'провожать'; *venitem* 'вянуть, угасать' — ст.-сл. вѧнѫти, сербохорв. *вѐнути*; *vërtit* 'вертеть, крутить' — болг. *въртя*, сербохорв. *вр̀теми*; *i vobeg*, *vobegtë* 'бедный, неимущий', *vobeksi*, *-a f* 'бедность' — сербохорв. *ȕбог* 'убогий, жалкий'; *zakon*, *-i m* 'обычай', нареч. *zakonisht* 'обычно', *i zakonshëm* 'обычный' — болг. *закóн*, сербохорв. *зáкон* 'закон'.

Помимо своей принадлежности к литературному языку, большинство слов, приведенных в этом списке, в настоящее время является достоянием языка в целом. В качестве хорошо известного исключения можно отметить прилагательное *i vobeg*, *vobegtë* 'бедный', распространение которого ограничивается гегской (северной) диалектной областью [7].

---

[6] См.: A. Mazon. Documents, contes et chansons slaves de l'Albanie du Sud. Paris, 1936, стр. 436.

[7] Говорящие на тосском диалекте жители южной половины страны пользуются в том же значении прилагательным *i varfër* (лат. *orphanus* из греч. ορανός 'сирый, осиротелый').

В словаре К. Кристофориди, отражающем состояние языка, каким оно было 100 лет назад, некоторые слова, напр. *dobi*, *gozhdë*, *lag*, *pushkë*, *rend*, *strehë* [8] снабжены пометой «гегские»; слова *gërmadhë*, *orendi*, *vazhdë*, *venitem* обозначены как тоскские. Диалектными вариантами являются гег. *ças*, *çudë* — тоск. *çast*, *çudi*. Часть слов имеет двойную помету (гег. и тоск.); некоторые же слова помещены вовсе без пометы диалектной принадлежности, что, по-видимому, может свидетельствовать о том, что уже в то время они были распространены по всей албаноязычной территории. К общим для всего языка элементам, по данным словаря Кристофориди, могут быть, таким образом, отнесены: *bisedë*, *çetë*, *çuditem*, *duf*, *fal*, *godit*, *gostit*, *grabit*, *grazhd*, *gjobë*, *kastravec*, *krahinë*, *kos*, *kosit*, *lakmoj*, *lopatë*, *lis*, *mërzit*, *nevojë*, *oborr*, *plaçkë*, *porosit*, *prag*, *qepallë*, *rob*, *stan*, *shëtit*, *trup*, *zakon*. Сведения, сообщаемые Кристофориди, в настоящее время могут быть дополнены и частично уточнены.

Из двух вариантов *brazdë* // *brazë* 'борозда' более распространенный в современном литературном языке вариант *brazdë* засвидетельствован в говорах юго-восточной Тоскерии (краины Корча, Девол, Дангелы). Вариант *brazë* характерен для северо-западной Тоскерии (Малакастра, Берат, Мюзеке). В переходном между этими двумя диалектными районами Опаре употребляются оба варианта. Форма *brazë* также в гегском — Тропоя (сев.-вост.-гег.) и Эльбасан (ю.-гег.). Слово *rend* 'ряд', снабженное у Кристофориди пометой «гегское», обнаружено также в говоре Девола, на крайнем юго-востоке Тоскерии — в специальном значении 'приподнятая полоска земли между двумя бороздами' (это значение *rend* имеет также в говоре Тропои на северо-востоке Гегерии). Основа образования глагола *sundoj* 'править, владычествовать' (отсутствующего в словаре Кристофориди), существительное *sund* 'правление, закон' сохраняется в говоре горной окраины Шаля на севере албанской территории. Глагол *sundoj*, по-видимому, попал в литературный язык из северногегских говоров. Существительное *grazhd*, *grazhdë* 'стойло' засвидетельствовано как в тоскском говоре района озера Преспа на юго-востоке страны, так и в северногегских говорах. Помеченное в словаре Кристофориди как гегское, существительное *gozhdë* 'гвоздь' засвидетельствовано не только в говорах гегской диалектной зоны (Шкодра, Люра, а также северногегское эпическое койнэ), но и в тоскских говорах краин Мюзеке, Опар, Скрапар, Корча.

Хотя в некоторых случаях удается выяснить первоначальные ареалы распространения славянских элементов, вошедших в состав общеалбанской литературной лексики, в целом эта задача сложна и в настоящее время иногда практически неразрешима, так как некоторые слова могли проникать в говоры через по-

---

[8] Слова *strehë*, *gozhdë* и др. распространены также в южных говорах.

средство литературного языка [9]. Обращение к предполагаемым первоисточникам заимствования (сербские или македоно-болгарские формы) по большей части не дает определенных критериев для выявления первичных ареалов распространения славянских элементов, ставших общеалбанскими. Классические случаи, представляемые вариантами сев.-гег. *megje*—сербохорв. *мѐђа*, ю.-гег. и тоск. *mezhdë*—болг. *междá* 'межа'; сев.-гег. *opangë*—сербохорв. *ѳпанак*, ю.-гег. и тоск. *opingë*—болг. *опинък* 'опанак' (крестьянская обувь), в сущности, единичны [10].

Помимо слов, приведенных выше, к группе славизмов, ставших нейтральными компонентами современного литературного албанского языка, можно отнести еще целый ряд слов, напр. *branë*, *-a f* 'борона', *bravë*, *-a f* 'замок, запор', *breg*, *-u m* 'берег, холм', *buças*, *-at* 'греметь, грохотать', *çekan*, *-i m* 'молот', *çukë*, *-a f* 'вершина', *gëlltit* 'глотать', *hosten*, *-i m* 'заостренный шест, которым погоняют волов', *kalit* 'закалять', *kllapi*, *-a f* 'бред', *kockë*, *-a f* 'кость', *koçan*, *-i m* 'кочан, кочерыжка', *kotec*, *-i m* 'курятник', *korë*, *-a f* 'кора', *kovë*, *-a f* 'ведро', *kyç*, *-i m* 'ключ', *mace*, *-ja f* 'кошка', *moçal*, *-i m* 'болото', *patericë*, *-a f* 'костыль', *plug*, *-u m* 'плуг', *purtekë*, *-a f* 'прут', *rizë*, *-a f* 'полотенце', *sanë*, *-a f* 'сено', *sokol*, *-i m* 'сокол', *vadit* 'поливать, орошать', *zhivë*, *-a f* 'ртуть' и др.

Довольно трудно уловить переход от группы более или менее отстоявшихся в литературном языке лексических элементов к тем словам славянского происхождения, которые на современном этапе литературно-языкового развития из сферы областной лексики постепенно поднимаются на уровень литературного употребления. К числу их можно отнести слова, используемые для описаний картин природы и сельской жизни, напр. сев.-гег. *ograjë*, *-a f* 'огороженное пастбище в лесу' (из **оградња* [11]), общегег. *zabél*, *-i m* 'роща, собственно лесной участок для порубки' (из южнослав. *забѣлъ* [12]); тоск. *korije*, *-a f* 'роща' — болг. *кория* 'лес'; сев.-гег. *çetinë*, *-a f* 'сосна' — сербохорв. *чѐтина* 'хвоя'; тоск. *lëndinë*, *-a* 'луг, поляна, собственно невспаханная земля', *ugar*, *-i m* 'земля под паром', *lehë*, *-a f* 'гряда' — болг. *леха*; *selishtë*, *-a f* 'участок возле дома'; *roit* 'роиться (о пчелах)'; *puhi*, *-a f* 'легкий ветерок', *stopan*, *-i m* 'скотовод, занимающийся приготовлением молочных продуктов'; *kovaç*, *-i m* 'кузнец'; *bodec*,*-i m* 'острие шеста'; *policë*, *-a f* 'полка'; *vedër*, *-a f* 'ведро', *kosh*, *-i m*

---

[9] См.: J. Gjinari. Mbi disa elemente sllave në të folmet veriore të Shqipërise jugore. «Studime Filologjike», 1966, № 2, стр. 159.

[10] Ср. еще обл. сев.-гег. *pojavë* — сербохорв. *пољава*, тоск. *ponovë* 'шерстяное покрывало', сев.-гег. *ledinë*, тоск. *lëndinë* 'необработанное поле, луг' — сербохорв. *ледѝна* и макед. *lë^{n}dína*, *lendina* (см.: A. Mazon. Указ. соч., стр. 418).

[11] См.: А. М. Селищев. Указ. соч., стр. 159.

[12] Там же.

'большая корзина' и др. Из областного просторечия в литературный язык поступают эмоционально окрашенные *mornicat* (мн.) 'мурашки, дрожь'; *kob, -i m* 'беда, обман', *kobë, -a f* 'беда, кража в доме' — сербохорв. *кôб* 'злой рок, судьба', *stërvinë, -a f* 'падаль' — сербохорв. *стрвина*, болг. *стръв*, также некоторые глаголы: *darovit* 'дарить', *drobitem, kapitem* 'уставать, изнемогать от усталости', *tulatem, tulitem* 'притулиться, съежиться', *skutem* 'спрятаться, съежиться', *nemitem* 'онеметь', *pihatem* 'запыхаться', *zhuritem* 'обжигаться, пылать' и др.

* * *

Вопрос о том, когда и какие славизмы из сферы областного словоупотребления проникли в состав литературно-языковой лексики, неразрывно связан с вопросами истории формирования албанского литературного языка. Происхождение отдельных писателей из определенных диалектных районов и их позиция в вопросе о путях и источниках обогащения словарного состава литературного языка оказывали непосредственное влияние на отбор вместе с другими элементами областной лексики также известного количества славизмов. Использование тех или иных слов славянского происхождения, широко представленных в диалектной речи, в качестве компонентов слагавшейся литературно-языковой лексической системы определялось, кроме того, жанром и тематикой литературных произведений.

В этом отношении интересный материал дают наблюдения над словарем албанских писателей конца XIX—начала XX в. — периода, на протяжении которого сложились основы норм современного литературного языка. Так, например, в политическом трактате идеолога албанского национального движения Наима Фрашери (он же известный турецкий писатель Шемседдин Сами) «Албания, чем она была, что она есть и чем она будет» на 89 страницах текста [13] слова славянского происхождения встречаются 90 раз. Это 21 слово, из которых повторяются: *nevojë* 'необходимость, нужда' (21 раз), *i nevojçim* 'необходимый' (4), *zakon* 'обычай' (12), *godit* в значении 'устраивать, строить' (9), *rob* 'раб' (5), *trap* 'яма' (здесь скорее 'пропасть' — 5), *bëgati* 'богатство', здесь специально 'финансы' (4), *trup* 'тело' (4); *i bëgatë* 'богатый', *pushkë* 'ружье', *gërmadhat* 'развалины', *moçale* 'болота', *plaçkë* 'добыча; носильные вещи', *çast* 'мгновение', *çuditem* 'удивляться' (по 2—3 раза); употреблены также *çudi* 'чудо', *bojarëri* 'аристократия', *strehë* 'стреха', *grosh* 'грош', *opingatë* 'опинги (обувь)', *voli* 'желание'.

Вырабатывая стиль албанской публицистической прозы, Н. Фрашери использовал славизмы, которые уже в то время,

---

[13] «Shqipërija ç'ka qënë ç'është e ç'do të bëhetë». Bukuresht, 1899. Пользуюсь изд. 6, вышедшим в Тиране в 30-е годы (без указания года).

видимо, имели широкое распространение в народноразговорной речи различных областей Албании и были стилистически нейтральны. Слова областные в собственном смысле слова, т. е. связанные с определенной узкорегиональной сферой употребления, в этом тексте не представлены. Однако нельзя не учитывать того, что некоторые слова, в настоящее время являющиеся общими и нейтральными, в 90-е годы прошлого века лишь становились таковыми и что влияние создававшейся тогда публицистической, учебной и художественной литературы оказывалось определяющим.

В языке поэзии Наима Фрашери количество славянских элементов и характер их употребления варьируется в зависимости от тематики произведений. Так, в тексте перевода 1-й песни «Илиады» Гомера[14] насчитывается 15 случаев употребления слов славянского происхождения: *nevojë* 'необходимость, надобность', *trup* 'тело', *godit* 'поразить, ударить', *grabit* 'грабить', *plaçkë* 'военная добыча', *zakon* 'обычай', *porosi* 'просьба', *prag* 'порог', *lopata* 'весла', *çudi* нареч. 'удивительно', *koritat* 'корыта' — в значении 'корабли' (*koritat e Ahajinjet* «корабли ахейцев»). В поэме «Стада и пашни»[15] более широко использована лексика родного для поэта говора краины Дангелы (один из горных районов на юге Албании). В числе славизмов, однако, также преобладают слова, ставшие в дальнейшем элементами словарного состава литературного языка. К ним относятся: глаголы *porsit* 'поручать', *xbavit* (*zbavit*) 'услаждать, развлекать', *dremit* 'дремать', *mërzit* 'докучать', *drobitem* 'быть разбитым, утомленным', *prashit* 'рыхлить землю', *roit* 'роиться' (о пчелах); наречие *çudi* 'удивительно'; существительные *trup* 'тело', *nevojë* 'необходимость, нужда', *lis* 'лес', *çukë* 'вершина', *bregore*, *bregole* 'холмы' (производное от *breg*), *oborr* 'двор', *stan* 'пастушеский стан', *strehë* 'стреха', *kos* 'кислое молоко', *hosten* 'шест'. На периферии лексической системы до сих пор остаются *ugar* 'земля под паром', *stopan* 'скотовод, изготовляющий в горном стане молочные продукты', *voze* 'большая бочка'. Типично областным словом продолжает быть *bravare* 'овца, которую держат при доме'. В числовом отношении славизмы занимают незначительное место в лексике этого произведения Н. Фрашери, хотя оно богаче всех других элементами областной лексики (на 454 строки всего 25 случаев употребления славизмов).

Очень ограничен репертуар славизмов в рассказе К. Кристофориди «Охота горцев»[16], написанном в двух диалектных вариантах (гегском и тоскском). Лексика в обоих вариантах почти идентична. В частности, это относится и к славизмам, которые пред-

---

[14] «Iliadhe e Omirit. Këngë e parë. Kthyerë prej Naim Be Frashërit». Korçë, б/г (изд. 1 — 1896).

[15] «Bagëti e Bujqësija prej Naim Be Frashërit», Selanik, 1910.

[16] K. Kristoforidhi. Gjahu i malësorëvet. (Hieja e Tomorrit). Tiranë, 1950.

ставлены прежде всего словами *pushkë* 'ружье', не имеющим синонимов, и *godit* в значении 'попасть в цель, поразить'. Единичны случаи употребления существительных *lis* 'дерево' и гег. *lagësinë* // тоск. *lagësirë* 'сырость' (образовано в самом албанском языке от заимствованного *lag* из слав. *влаг-*). Ни одно из этих слов не было региональным уже во времена Кристофориди [17]. Заметная ограниченность использования славянских элементов в произведении К. Кристофориди, вероятно, была сознательным проявлением пуризма.

В языке лирики А. З. Чаюпи, второго выдающегося южноалбанского поэта эпохи национального Возрождения, славянские элементы также почти отсутствуют, хотя лексика Чаюпи очень близка к народноразговорной. Чаюпи в основном использует славизмы типа *robëri* 'рабство' (производное от *rob*), *zakon*, *pushkë*, *godit*, *breg*, которые к началу XIX в. уже заняли твердое место в лексике слагавшегося литературного языка.

Северноалбанские (шкодранские) поэты конца XIX в. употребляют преимущественно те же общие для всего языка славизмы с добавлением, однако, некоторых региональных северногегских элементов. Так, например, в ранних стихотворениях Ндре Мьеды [18], помимо обычных *godit*, *zakon*, *lis*, *rob*, *breg*, *trup*, *ças*, *mërzit*, встречаются: *ograjë* 'огороженное пастбище в лесу; роща', *çetinë* 'сосна', *uzdajë* 'надежда', *kob* 'обман, предательство', *krajl* 'король', *kocijt* 'кости', нареч. *rrkaja* 'рекой' и др.

В процессе дальнейшего развития албанской литературы, с расширением ее тематики и жанров, умножалось и количество славянских элементов, поступавших в лексику литературного языка из фондов диалектной речи. Этому особенно способствовало развитие художественной прозы как литературного жанра, требовавшее большего насыщения текстов разнообразной и приуроченной к определенным конкретным бытовым ситуациям лексикой, чем преобладавшая до этого лирическая поэзия.

К настоящему времени исторически сложившееся различие между славизмами, вошедшими в словарный состав литературного языка, и региональными является существенным фактом для современного состояния албанского языка. Однако практически это различие не во всех случаях достаточно четко устанавливается.

* * *

Славянские элементы областного характера распределяются по говорам. Распределение их, однако, не соответствует основному лингвистическому делению на гегскую и тоскскую диалектные

[17] В словаре Кристофориди слово *pushkë* помечено как гегское, что, однако, вряд ли могло соответствовать действительности. В обоих диалектных вариантах текста «Охоты горцев» слово это встречается одинаково часто.

[18] «Juvenilia» (см.: N. M j e d a. Vjersha dhe Poema. Tiranë, 1953).

области, но отражает исторические отношения албанского населения с сербской (на севере) и македоно-болгарской (в центре и на юге страны) языковой средой. В соответствии с этим выделяются два ареала распространения славянских заимствований в албанских говорах: 1) область северноалбанских Альп с бассейном Большого Дрина (северногегский диалектный район) и 2) центральная и южная Албания (южногегский и севернотоскский районы с примыкающими к ним среднегегским на севере и южнотоскским на юге). В каждом из этих основных ареалов количество славянских элементов является более значительным в районах непосредственных (пограничных) контактов со славяноязычной средой.

Набор славянских элементов в говорах отдельных диалектных районов обнаруживает специфические особенности, связанные как с различием славянских языков, из которых производилось заимствование, так и с конкретными условиями географической среды и народного быта, определявшими характер отражавшихся в лексике реалий.

В то же время некоторое количество славизмов, по-видимому, является общим для многих албанских говоров, что могло служить благоприятствующим условием для включения подобных слов в лексическую систему литературного языка (см. список славизмов литературного языка, приведенный выше). Однако часть широко распространенных слов славянского происхождения продолжает оставаться достоянием областной лексики. Иногда распространение их ограничивается смежными ареалами, иногда же они обнаруживаются на удаленных один от другого участках албанской территории и появление их, вероятно, объясняется большой близостью самих южнославянских языков, из которых шло заимствование.

Целый ряд славянских элементов сербского происхождения, распространенных в говорах северногегского ареала, имеет соответствия в говорах южных районов страны, для которых источником заимствования была македоно-болгарская речь. Так, тождественные формы сев.-гег. (Пука — горный район к югу от Большого Дрина) и тоск. (краина Девол в юго-восточной Албании)[19] *jaz*, *-i m* 'оросительная канава, желоб для воды' отражают сербохорв. *jâз*, болг. *яз*; сев.-гег. (Леш на северо-западе) и тоск. (Девол) *stërnishtë*, *-a f* 'жнивье' — сербохорв. *стрниште*, болг. *стърнище*; сев.-гег. (краина Никай и Мертури на северо-востоке) и тоск. (краина Мюзеке на юго-западе) *voshtinë -a f* 'вощина, соты' — сербохорв. *вдштан* 'восковой', болг. *вбщина*; сев.-гег. (Никай и Мертури), ю.-гег. (Эльбасан) и тоск. (Девол,

[19] В этом и в последующих случаях указание на употребление слова в говоре определенной местности не исключает возможности наличия его в говорах других местностей того же диалектного района. Пока приходится иметь дело лишь с уже зарегистрированными фактами.

Дангелы) *koritë*, *-a f* 'корыто' — сербохорв. *кȍрито*, болг. *кори́то*; сев.-гег. (Никай и Мертури), ю.-гег. и тоск. (Малакастра, Мюзеке, Девол, Преспа) *policë*, *-a f* 'полка' — сербохорв. *пȍлица*, болг. *поли́ца*. Варианты, образовавшиеся на албанской почве, представляют собой сев.-гег. (Никай и Мертури) *razbuej* и тоск. (Девол) *razbua* 'ткацкий станок' — сербохорв. *ра́збој*, болг. *разбо́й*; сев.-гег. (Дукаджин) *shllotë*, *skllotë*, *skllotinë* и тоск. *sqotë*, *shqotë* 'мокрый снег, снег с дождем' — сербохорв. *слȍта* 'слякоть', ср. русск. диал. *слота́*; сев.-гег. *ropullí*, *-të* (мн.) и тоск. *droboli* (Пермет), *droboçka* (Влёра) 'внутренности, потроха' — сербохорв. *дрȍб*, болг. *дреболѝи* 'потроха'; сев.-гег. *sovajkë*, *-a* (Задрима — северо-запад) и *sovalkë*, *-a* (Девол) 'челнок (ткацкий)' — сербохорв. *снȍвати* 'сновать', болг. *снова́лка*, *сова́лка* 'челнок'. Сев.-гег. *ledinë*, *-a* и тоск. *lëndinë*, *-a* (Берат, Пермет, Преспа) 'невспаханное поле, луг' восходят к сербохорв. *ледȉна* и макед. *lẽⁿdina*[20]. Сев.-гег. *çuk*, *-u* (Большая Мальсия, Пука) и тоск. *çukë -a f* (Пермет, Дангелы) 'скалистая вершина' отражает сербохорв. *чу̏к*, болг. *чу́ка*. От сербохорв. *бра̑в*, болг. *бра́ва* 'голова (скота)' образованы сев.-гег. (Б. Мальсия) *brave*, *-ja f* 'овца, которую отдают за плату в стадо' (ср. также *bravnikt me shtjerrë* 'овцы с ягнятами' в языке эпической поэзии), тоск. *bravare* (Дангелы, Преспа) 'домашняя овца'. По всей Албании распространены образования от сербохорв. *кȍса*, *кȍсити*, болг. *коса́*, *коса́я* 'коса', 'косить'; сев. и южн. *kosh*, *-i m* — сербохорв. *кȍш*, болг. *кош* 'большая плетеная корзина; амбар для кукурузы, сплетенный из прутьев; верша; мельничный кош'; производные от него: *koshar*, *-i*, *kosher*, *-i* 'амбар', *koshere*, *-ja* 'улей, и др. В северном и южном ареалах употребляется слово *ulicë*, *-a f* 'улочка, переулок' — сербохорв. *у̏лица*, болг. *у́лица* 'улица'. Повсеместно встречаются названия животных и птиц черного цвета, образованные от слав. (сербохорв. и болг.) корня *гал-*: сев.-гег. (Тропоя) *galë*, *-a f* 'черная овца', тоск. (Опар, Скрапар, Девол) *galë*, *-a f*, *galicë*, *-a* (юго-зап. Приморье, Мюзеке) 'галка'; также образования от сербохорв. *ру̏да*, болг. *руда́* 'мягкая овечья шерсть' — прил. сев. *rud*, южн. *rudë* 'мягкошерстный', сев.-гег. *rudaç*, *-i m* 'мягкая трава', *rudinë*, *-a f* 'горный луг с мягкой травой', тоск. *rudo*, *-ua m* 'баран с мягкой шерстью' (Гьирокастер).

* * *

Северногегский диалектный ареал охватывает область северноалбанских Альп, граничащую с Черногорией, горные районы в бассейне Большого Дрина, а также низинные земли на крайнем северо-западе страны (так называемую Шкодранскую котловину — *gropa e Shkodrës*). На равнинных участках к востоку и

[20] A. Mazon. Указ. соч., стр. 418.

югу от Шкодранского (Скадарского) озера в средние века существовали многочисленные славянские поселения [21]. Однако после захвата турками и разорения Шкодры и окружавших ее городов и сел, завершившего бурный период войн XV в., вероятно, лишь незначительная часть прежнего албанского и славянского населения могла сохраниться в этом районе [22]. Современное албанское население Шкодранской котловины — это в основном бывшие горцы, переселявшиеся на равнинные земли вокруг озера и в низовья Дрина на протяжении последних двух-трех столетий.

Северноалбанские горцы веками жили в непосредственном контакте с черногорцами. Сходство общественных условий (длительное сохранение системы общин, основанных на кровнородственных связях — черногорские «племена» и албанские «фисы»), общность интересов в борьбе против турецкой оккупации, постоянство экономических и общественных связей в условиях горнопастбищного скотоводства, брачные союзы, случаи взаимной ассимиляции отдельных групп населения [23] — все это не могло не оказать сильного влияния на облик жизни албанского и славянского населения высокогорных районов на границе Албании и Черногории. Албанские горцы имеют много общего с черногорцами в быту и в фольклоре [24]. Естественным результатом постоянных контактов, длившихся на протяжении столетий, явились также языковые взаимовлияния, отразившиеся, в частности, в лексике албанских и сербских говоров этой пограничной области.

В словарный состав северногегских говоров вошло большое количество заимствований из сербских говоров Черногории. Помимо слов, имеющих общеалбанский характер, на основании опубликованных материалов удается обнаружить свыше 100 славизмов, являющихся специфичными именно для данного ареала.

В число их входят обозначения явлений природы и особенностей ландшафта: *zheg*, *-u m* 'жара, зной' (Никай и Мертури, Шкодра) — сербохорв. *жѐга*; *fllad*, *-i m* 'прохлада, ветерок' (Тропоя) — сербохорв. *хлâд*; *mraz*, *-i m* 'холод, мороз' — сербохорв. *мрàз*; *zapar*, *-i* 'духота' — сербохорв. *зáпара*; *pomet* 'метель'

---

[21] См.: В. В. Макушев. Исторические разыскания о славянах в Албании в средние века. «Варшавские университетские изв.», 1871, № 6, стр. 150 и сл.

[22] В настоящее время в районе Шкодры существуют только три славяноязычные деревни, образующие вместе селение Врака (*Vrakë*). Врака была основана черногорцами в начале XIX в.

[23] M. Barjaktarović. Povodom tradicija o zajedničkom porijeklu nekih arbanaških i crnogorskih plemena. «Gjurmime Albanologjike. — Albanološka Istraživanja», I. Priština, 1962, стр. 225.

[24] Характерным выражением тесных взаимосвязей между албанскими и черногорскими родоплеменными коллективами явилось создание общих патронимических легенд, повествующих о происхождении некоторых черногорских племен и албанских фисов от общих предков. Там же, стр. 221 и сл.

(эпич. койне) — сербохорв. *пдмет*; *smet* 'сугроб' (эпич. койне) — сербохорв. *смѐт*; *okitë*, *-a f* 'иней (на деревьях)' — сербохорв. *дкитити* 'украсить'; *valishtë*, *-a f* 'обвал', *valishtë bore* 'снежная лавина' (Б. Мальсия) — сербохорв. *вàљати* 'валять'; *duhaç*, *-i m* (Б. Мальсия), *duhí*, *-a f* 'буря', *duhák*, *-e* прил. 'сильный и порывистый, как буря' (о человеке — Б. Мальсия) — сербохорв. *дȕх* 'дух', *дȕти* 'дуть'; *karsh*, *-i m* (Пука), *kersh*, *-i m* (Б. Мальсия) 'скалистое место' — сербохорв. *кр̏ш* 'скалы, каменистая почва, карст' от *кр̀шити* 'крошить'; *bucë*, *-a f* 'кусок земли с дерном' (Дукаджин) — сербохорв. *бȕс* 'дерн'; *buhnajë*, *-a f* 'рыхлая земля', *bufnjak*, *-e* 'рыхлый (о земле, о снеге)' (Пука) — сербохорв. *бȕхав* 'рыхлый'; *grabë*, *-a f* 'яма, ров' (Б. Мальсия) — сербохорв. *грâба* 'ров, канава'; *ledinë*, *-a f* 'необработанное поле, луг' — сербохорв. *ледѝна*; *rrekajë*, *-a f* 'поток' (Б. Мальсия, Задрима, Пука) — сербохорв. *ре́ка* 'река'; *vir*, *-i m* 'место на Шкодранском озере, где бьют подводные ключи' (Б. Мальсия) — сербохорв. *вȉр* 'водоворот; ключ'; *vrion*, *-i m* 'место, где вода бьет ключом' (*vrijon ujët* — Пука) — сербохорв. *врѐти* 'кипеть, бить ключом', *врѐло* 'ключ, источник'; *rudaç*, *-i m* 'мягкая трава на пастбище' (Кельменди — Б. Мальсия), *rudinë*, *-a f* 'луг' — сербохорв. *рудѝна* 'луг'; *stup -i m* 'ствол дерева' (Тропоя) — сербохорв. *стȕб*, *стȕп* 'столб'; *çetinë*, *-a f* 'сосна' — сербохорв. *чѐтина* 'хвоя'; *tisë*, *-a f* 'тис' (Б. Мальсия, Пука) — сербохорв. *тȉс*; *belinë*, *-a f* 'растение с белыми цветами' (Широка — район Шкодры), *belishë*, *-a* 'название травы' (Рйол — Б. Мальсия), *belkue*, *-oni m* 'белая кувшинка' (Пришкодранская Мальсия) — образования от *бел-* 'белый'; *bobe*, *-ja f* 'плод бобового растения', *bobël*, *-a f* 'неочищенный плод каштана' (Б. Мальсия) — сербохорв. *бо́ба* 'круглая ягода'; *bëzhure*, *-ja* 'мак' (Кельменди — Б. Мальсия) — сербохорв. *бджур* 'пион'; *vidër*, *-a f* 'выдра' (Пульти) — сербохорв. *вȉдра*, *krap*, *-i m* 'карп' (Шкодра) — сербохорв. *крȁп*.

Обозначения времени: *rok*, *-u m* 'срок' (Никай и Мертури) — сербохорв. *рȏк*; *vrêm*, *-i m* 'отрезок времени' (Бериша — Пука; *e mora mbë nji vrêm* 'я взял на время') — сербохорв. *вре́ме*; *perishtup*, *prishtup* 'високосный (год)' — сербохорв. *преступна година*.

Среди сельскохозяйственных терминов славянского происхождения более специфичны связанные со скотоводством: *travinë*, *-a*, *traminë*, *-a f* 'плата за пользование пастбищем' — сербохорв. *тра́ва* 'трава'; *ograjë*, *-a f* 'огороженное пастбище в лесу' (из **ogradnja*) — сербохорв. *дграда*; *torishtë*, *-a f* 'унавоженное место; загон для скота' (Никай и Мертури) — сербохорв. *тдриште*; *voz*, *-i m* 'копна сена' (Никай и Мертури) — сербохорв. *воз* 'воз'; *pojatë*, *-a f* 'хлев' (Дукаджин) — сербохорв. *пдјата*; *çapër*, *-ra f* 'мех для жидкостей, бурдюк' (Б. Мальсия) — сербохорв. *чȁпра*; *cedillë*, *-a f* 'цедильник' (Никай и Мертури) — сербохорв. *цѐдило*; *zhig*, *-u m* 'клеймо' (Б. Мальсия) — сербохорв.

жûг; *obluk*, *-u m* 'передняя лука на седле' (Б. Мальсия) — сербохорв. *о̏блук*; *sharov*, *-i m* 'большая собака' (Б. Мальсия) — сербохорв. *ша̀рōв* 'пегая собака'; *gubë*, *-a f* 'болезнь овец, вызывающая выпадение шерсти' (Б. Мальсия) — сербохорв. *гу̏ба* 'проказа, лишай'.

Названия домашних растений: *llubenicë*, *-a f* 'арбуз' (Никай и Мертури) — сербохорв. *лубѐница*; *lozë*, *-a f* 'плеть тыквы' (Тропоя) — сербохорв. *лòза* 'лоза'.

Из земледельческих терминов специфичны: *vllaç*, *-i m* 'борона' (Тропоя), *me vllasit* 'бороновать' (Никай и Мертури) — сербохорв. *вла̏ча*, *вла̏чити*.

Пчеловодство: *ulishtë*, *-a f* 'улей' (Шаля — Дукаджин) — сербохорв. *у̀лиште*.

Названия частей постройки, предметов домашнего обихода, одежды: *zit*, *-i m* 'стена из камней, не скрепленных раствором' (Никай и Мертури), *zidan*, *-i m* 'строение' (эпич. койне) — сербохорв. *зûд* 'стена (каменная)', *зи̏дати* 'строить (из камня)'; *prezore*, *-ja* 'окно' (Никай и Мертури) — сербохорв. *прòзор*, *прозо̀р*; *gërrnaç*, *-i m* (Б. Мальсия), *gërraç*, *-i m* (Задрима) 'черепок' — сербохорв. *гр̏нац* 'глиняный горшок'; *gërrsh*, *-i m* 'сосуд для воды' (Б. Мальсия) — сербохорв. *гр̏ша* 'горло', *гр̏шак* 'носик, горлышко кувшина'; *korâjë*, *-a f* 'деревянное корыто; квашня' (Б. Мальсия) — сербохорв. *ко̀пања*; *guzhtë*, *-a f* 'клубок ниток' (Б. Мальсия) — сербохорв. *гу̀жва* 'запутанный клубок шерсти'; *pojavë*, *-a f* 'шерстяное покрывало' (Пука) — сербохорв. *по̀њава* 'рядно'; *rubë*, *-a f* 'головной платок' — сербохорв. *ру̏б*; *resnikët* (мн.) 'бахрома' (Б. Мальсия, Шкодра) — сербохорв. *ре́са*, мн. *ре́се* 'бахрома', *ре́сити* 'украшать'; *ivë*, *-a f* 'вышитая шерстяная полоска, из которых сшивают джублет (характерная одежда женщин Мальсии)' — сербохорв. *и̏ва* 'край, рубец'; *polat* (мн.) 'полы (одежды)' (Шкодра) — сербохорв. *пола́*; *pokrov*, *-i m* 'покрывало' (Никай и Мертури) — сербохорв. *по̀кров*; *stel -i m* 'подстилка для собаки' — сербохорв. *сте̏ља* 'подстилка, соломенная подушка'.

Обозначения болезненных явлений, душевных состояний, настроений и т. п.: *i moritun* (производное от *me morit*) 'слабый, заморенный' (Никай и Мертури) — сербохорв. *морити*; *i bedatun* 'сумасшедший' (Б. Мальсия) — сербохорв. *бе́да* 'беда'; *grrāç*, *-e* 'скрюченный' (Задрима) — сербохорв. *гр̏ч*, *гр̏ча* 'судорога, спазма'; *grreban*, *-e* 'горбатый' (Б. Мальсия) — сербохорв. *гр̂б* 'горб', *гр̏бања* 'горбун'; *kllapí*, *-a f* 'бред' — сербохорв. *кла́пити* 'бредить'; *qud*, *-i m* 'дурной характер, заносчивость' (Задрима) — сербохорв. *ћуд* 'нрав, настроение, характер'; *uzdajë*, *-a f* 'надежда' — сербохорв. *у̏здање*; *strupë*, *-a f* 'струпья (на голове)' (Б. Мальсия) — сербохорв. *стрûп*; *vred*, *-i m* 'змеиный яд' (Никай и Мертури) — ст.-сл. *врѣдъ* 'яд, язва'; *stërvinë*, *-a f* 'падаль' — сербохорв. *стр̀вина*.

Термины семейно-родовых и общественных отношений: *dever -i m* 'шафер; деверь' (Никай и Мертури) — сербохорв. *дѐвер*; *pastork, -i m* 'пасынок' (Тропоя) — сербохорв. *пàсторак*; *probatin, -i m* 'побратим' — сербохорв. *пòбратим*; *rob, -i m* 1) 'пленник', 2) 'член семьи; человек', *robinë, -a f* 'пленница' — сербохорв. *рòб, рòбиња* 'раб, рабыня'; *kral, krajl, -i m* 'король' — сербохорв. *кра̑љ*; *knaz, kanaz, -i m* 'князь' (Никай и Мертури) — сербохорв. *кнѐз*; *dërzhavë, -a f* 'государство' (Никай и Мертури) — сербохорв. *држава*; *sund, -i m* 'владычество, правление' (Шаля—Дукаджин) — ср. ст.-сл. *сѫдъ*, сербохорв. *сȗд* 'суд, мнение'; *kreshnik, -u m* 'витязь' (слово устнопоэтического словаря) — сербохорв. *кра̏јишник* 'витязь, сражающийся в пограничной области', (*кра̏јина* 'окраина, пограничная область'); *porotë, -a f* 'порота' — 24 присяжных, участвующих в судопроизводстве по законам обычного права, *poronik, -u m* 'член пороты' — сербохорв. *пòрота, пòротник*; *kasnec, -i* 'глашатай, оповещающий членов фиса о собраниях и о решениях старейшин' — сербохорв. *ка̏зати* 'говорить'. Глашатай произносит свои сообщения с определенного места, носящего название *patalok, -u m*, — по-видимому, это нечто вроде помоста, ср. русск. диал. *потолок* 'деревянный настил под крышей' < **по-тъл-окъ*. Вариант того же албанского слова — *patalik, -u* в говоре Б. Мальсии означает 'деревянная полка для посуды'. Значение 'место поединка', которое слово *patalok, -u* имеет в албанской эпической поэзии, вероятно, вторично (первоначальным могло быть значение 'помост для единоборства'?).

К этому (неполному) списку специфических для северногегского ареала славизмов можно отнести также несколько глаголов: *me bedit* 'жаловаться, обвинять' — сербохорв. *бѐдити* 'несправедливо обвинять, клеветать'; *me korit* 'позорить, бесчестить' — сербохорв. *кòрити* 'корить, упрекать'; *me leçit* 'объявлять вне общины' — ст.-сл. *личити* 'объявлять', *обличати* 'обвинять'; *me jerit* 'раздражать, ярить' (Б. Мальсия) — сербохорв. *ја̏рити*; *me vozit* 'грести' (Шкодра; эпич. койне) — сербохорв. *вòзити* 'возить; грести'.

Славянские заимствования занимают определенное место в лексической системе северноалбанского устнопоэтического (эпического) койне. В первую очередь это относится к песням о «крешниках» (*këngë kreshnikësh*), которые по своим сюжетам тесно связаны с сербским эпосом (крайинский цикл, посвященный подвигам Муйо и Халиля). Составными элементами поэтического словаря являются: *çetë* 'дружина, отряд', *me çetue* 'отправляться в поход', *plaçkë* 'добыча', *kreshnik* 'витязь', *pushkë* 'ружье', *probatim, probatin* 'побратим', *sokol* 'сокол', *devojka* 'девица', *kral* 'король', *krajlicë* 'королева', *krajli* 'королевство', *rob* 'пленник', *robinë* 'пленница', *krahinë* 'пограничная область, край', *megje* 'межа, граница', *me sundue* 'править', *me grabit* 'грабить', *me bisedue* 'беседовать', *rudinë* 'луг', *ledinë* 'луг', *breg* 'холм', *çetinë* 'сосна',

smet 'сугроб', *pomet* 'метель', *fllad* 'прохлада', *zidan* 'строение', *prezore* 'окошко', *zakon* 'обычай', *uzdajë* 'надежда', *kob* 'беда', *korí* 'позор', *çudë* 'диво', *orok* 'срок', *bugasí* 'богатство', *gostë* 'угощение', *kllapí* 'бред', *rend* 'черед', *me red* 'подряд, по порядку', *opet* 'опять', *okollë* 'около', *kulaç* 'калачом' (о змее, которая свернулась) и др.[25]

Много славизмов встречается также в собранном и записанном Шт. Гьечовым кодексе обычного права горцев Дукаджина, известном под названием «Канун Леки Дукаджина» [26]. В формулах Кануна, передававшихся в течение столетий из уст в уста, сохранилось много архаических элементов северногегской лексики, в числе которых немало слов славянского происхождения.

* * *

Ареал проникновения македоно-болгарских заимствований охватывает пять диалектных районов: среднегегский, южногегский, полосу переходных говоров к югу от течения реки Шкумбин, севернотоскский и южнотоскский. Начало тесного славяно-албанского языкового взаимодействия на всей этой территории было связано с расселением славян в западной части Балканского полуострова в период VI—VII вв. На основе анализа обильной славянской топонимики, сохранившейся до настоящего времени, А. М. Селищев сделал свои важные выводы относительно: а) направления основных потоков славянского переселения (по долинам Шкумбина, Девола и Осума к берегам Адриатического моря и по долинам Вийосы и Бистрицы к берегам Ионического моря) и б) процесса ассимиляции славян в Албании, осуществлявшегося на протяжении ряда столетий.

Значительная и наиболее старая часть славянских элементов в говорах этого ареала представляет собой, как указывалось ранее [27], не «заимствования» в обычном значении этого термина, но скорее остатки осевших лексических пластов ассимилированного языка.

Необходимо, однако, иметь в виду, что славизмы далеко не равномерно распределяются по говорам центральной и южной Албании. Существенные различия в распределении обусловлены следующими обстоятельствами: а) количество старых славянских элементов в отдельных говорах прямо пропорционально количеству славянских топонимов в соответствующих районах;

---

[25] См. тексты эпических песен, опубликованные в сборниках «Këngë popullore legjendare» (Tiranë, 1955), «Visaret e Kombit», II (Tiranë, 1937).

[26] «„Kanuni i Lekë Dukagjinit“, permbledhë e kodifikue prej A. Shtjefen Konst. Gjeçov». Shkoder, 1933.

[27] А. В. Десницкая. Славянские заимствования в албанском языке. М., 1963, стр. 27 (Доклады сов. делегации. V Междунар. съезд славистов).

б) в говорах восточной и юго-восточной частей албанской территории, в условиях не прерывавшихся в течение длительного времени пограничных контактов албанского населения с македоно-болгарской языковой средой, количество славянских заимствований постоянно пополнялось и поэтому значительно превышает количество славянских элементов, сохранившихся в говорах районов, удаленных от пограничной зоны [28].

Наследие старых славяно-албанских языковых отношений наиболее богато представлено во всех говорах севернотоскского диалектного района, где в долинах Вийосы, Осума, Девола и верхнего течения Шкумбина отмечается также самая густая сеть славянских топонимических названий [29]. Этот район, собственно, может считаться историческим центром старых славянских языковых влияний для большей части албанской территории. К северу от него (южногегский и среднегегский районы) и к юго-западу (южнотоскский диалектный район) значительно убывают и количество славянских элементов в лексике, и славянская топонимика. По-видимому, указанные территории в прошлом были в меньшей степени затронуты волнами славянского расселения.

Славянские заимствования, проникавшие благодаря длившимся пограничным контактам, богато представлены в говоре Дибры (среднегегский диалектный район) и в особенности в говорах областей Корчи и Девола (юго-восточная часть севернотоскского района).

* * *

Внутри широкого ареала проникновения болгаризмов в албанскую речь могут быть отмечены зоны и участки распространения отдельных слов, отразившие исторические взаимосвязи, передвижения отдельных групп населения и формирование диалектных районов.

Так, в среднегегском районе отмечаются некоторые специфические славизмы [30], к числу которых могут быть отнесены: *kotár, -i m* 'загон для свиней' (Мирдита) — болг. *котáра* 'загон для скота'; *granéc(ë) -a f* 'граница' (Мат, Дибра); *zakovë, -a f* 'задняя часть косы, в которую вставляется древко' (Мат, Люра) — болг. *кóва* 'ковать'; *shapulicë, -a f* 'лягушка' (Люра, Дибра) — болг. *жаба*; *teletin, -i m* 'хорошо выделанная кожа для обуви (телячья)' (Люра) — болг. *теле* 'теленок'.

---

[28] Этот момент особенно подчеркнут в недавно опубликованной статье Й. Гьинари (J. G j i n a r i. Mbi disa elemente sllave në të folmet veriore të Shqipërisë jugore. «Studime Filologjike», № 2. Tiranë, 1966).

[29] См. карту славянской топографической номенклатуры Албании, составленную А. М. Селищевым («Славянское население в Албании»).

[30] К сожалению, по лексике этих говоров пока опубликовано слишком мало материала. Поэтому сообщаемые здесь наблюдения имеют предварительный характер.

Для южногегских говоров специфичны: *shoretkë*, *-a f* 'соты' (Эльбасан) — болг. *решéтка* 'решетка'; *paticë*, *-a f* 'рыболовная снасть в виде корзины с двумя отверстиями' (Думре) — болг. *пáтица* 'утка'; *bllatkë*, *-a f* 'углубление среди поля, в котором задерживается вода' (Краба) — болг. *блáто* 'болото'; *tarvok*, *-u m* 'творог' (Круя) — ср. русск. *творог*; *pastát*, *-i m* 'линия разграничения полей' (Думре) — болг. *пóста* 'участок поля, намеченный для единовременной жатвы'; *gamule*, *-ja f* 'куча, груда' (Эльбасан) — болг. *могúла* 'холм'.

Для лексики среднегегских и южногегских говоров в силу их географического положения более характерным является не спецификация славизмов, но их ареальные связи. Есть примеры такого рода связей с северногегской областью. Так, в южногегский говор Тираны проникло сев.-гег. (шкодран.) *potére*, *-ja f* 'шум, возня' — сербохорв. *пȍтера* 'погоня'. В среднегегских говорах Мата и Люры *rob* имеет, так же как в северногегском, значение 'член семьи'. В северногегском (Никай и Мертури) и в среднегегском (Мат, Люра, Дибра) есть слово *zabel*, *-i m* 'участок леса, предназначенный для порубки' (южнослав. *забѣлъ*) [31]. Общегегским можно считать существующее в вариантах название 'утренней росы', образованное от слав. *влаг-*: *lashtë*, *-a f* (Б. Мальсия), *lakshtë* (Тропоя), *lazhdë* (Мат, Люра, Дибра) и *vlagë*, *-a f* (Пекин — ю.-гег.) — сербохорв. *влȁжан*, болг. *влáга*. Иногда в соседних ареалах одно и то же славянское слово получает различные значения, напр. *kopitë*, *-a f* 'копыто (лошади)' (Б. Мальсия), 'шпора птицы' (Пука) и 'заболевание ноги у лошади' (Люра).

В основном у славянских элементов среднегегских и особенно южногегских говоров преобладают ареальные связи с северно-тоскским районом. Наглядным примером может служить следующее распределение форм: сев.-гег. *llapuh* 'лопух' — сербохорв. *лȍпӯх* — среднегег. (Люра) и тоск. *lëpushë*, *-a f* — болг. *лóпуш*.

Выделяется довольно значительная группа славянских элементов, областью распространения которых являются северно-тоскские и южногегские говоры, вместе образующие самостоятельный ареал. К числу таких славизмов относятся: *drugë*, *-a f* 'челнок (ткацкий)' (Круя, Тирана, Краба, Эльбасан — ю.-гег., Мюзеке, Корча — сев.-тоск.); *lesë*, *-a f* 'плетеная изгородь' (Эльбасан — ю.-гег., Мюзеке, Берат — сев.-тоск.) — болг. *лéса* 'переносная изгородь для полевого овечьего загона'; *bodéc*, *-i m* 'железное острие шеста (хостена)' (Эльбасан, Думре — ю.-гег., Мюзеке, Малакастра, Берат, Опар, Скрапар — сев.-тоск.) — болг. *бодá* 'колоть', *бодéц* 'укол'; *ugár*, *-i m* 'земля под паром' (Краба, Думре — ю.-гег., Мюзеке, Малакастра — сев.-тоск.) — болг. *ýгар*; *ponicë*, *-a f* 'глиняный сосуд, в котором пекут хлеб' (Думре — ю.-гег., Мюзеке, Малакастра, Девол — сев.-тоск.) — болг. *пóд-*

---

[31] А. М. Селищев. Указ. соч., стр. 159.

ница; *kopán*, *-i m* 'валек (для стирки белья)' (Думре — ю.-гег., Мюзеке — сев.-тоск.) — болг. *кóпан*; *matkë*, *-a f* 'плодящее домашнее животное' (Пекин — ю.-гег., Мюзеке — сев.-тоск.), 'пчелиная матка' (Опар, Скрапар, Пермет — сев.-тоск.) — болг. *мáтка* 'пчелиная матка' [32].

Для севернотоскского диалектного района существенно важно отделить старые славизмы, сохраняющиеся в говорах краин, не граничащих ныне со славяноязычными территориями (Мюзеке, Малакастра, Берат, Опар, Скрапар, Дангелы), от тех, которые представлены только в говорах таких краин, как Корча, Преспа, Девол, где соседство со славянами является непосредственным и процесс заимствования мог продолжаться и в новое время. В пограничных говорах славянские элементы могут быть как старого, так и нового происхождения. Однако в большинстве конкретных случаев это трудно или даже невозможно определить.

Круг значений славянских элементов, распространенных в различных говорах севернотоскского диалектного района, в основном отражает жизнь среди природы и мирный труд населения речных долин и приморской равнины (Мюзеке).

Обозначения физических явлений, названия растений, птиц, животных, насекомых: *listopadh* 'ноябрь' (Опар) — макед. *listopat* [33], *strugë*, *-a f* 'пересохшее русло, которое зимой наполняется водой' (Мюзеке) — сербохорв. *стрýга*; *lipë*, *-a f* 'липа' (Опар, Пермет) — болг. *липа*; *kapinë*, *-a f* 'ежевика', название поселения *Kapinovë* (Берат) — макед. *kapína* [34]; *rasat*, *-i m* 'саженец табака' (Малакастра, Преспа) — болг. *рáзсад* 'рассада'; *grashinë*, *-a f* 'люцерна' (Опар, Дангелы) — макед. *grašina* [35]; *korë*, *-a f* 'корка дыни, арбуза' (Мюзеке) — болг. *корá* 'кора, корка'; *lisnik*, *-u m* 'стог из заготавливаемых на зиму веток лиственных деревьев' (корм для скота) (Опар, Девол, Преспа, Пермет) — производное от *lis* 'дерево' — болг. *лес* 'лес'; *gallóf*, *-i m* 'ворона' (Опар, Девол) — макед. *gáłof* [36]; *kotele*, *-ja f* 'котенок' (Дангелы) — болг. *коте*; *kolanec*, *-i m* (Мюзеке), *kolenicë*, *-a f* (Дангелы) 'болезнь ног у коз' — болг. *колени́ца* 'болезнь колена'; *zhabë*, *-a f* 'жаба' (Мюзеке) — болг. *жáба*; *gushtericë*, *-a f* 'ящерица' (Берат) — болг. *гущер*, *гýщерица* 'ящерица'; *rojë*, *-a f* (Опар, Девол), *rojkë*, *-a f* (Малакастра, Дангелы) 'рой', *roit* 'роиться' (Опар, Скрапар, Девол) — болг. *рой*, *роя́к*; *pshelinok*, *-u m* 'пчельник' (Берат) — болг. *пчелен* 'пчелиный', ср. русск. *пчельник*; *marauzhgë*, *marauçkë*, *-a* (Опар), *mjaraushkë*, *-a* (Девол) 'муравей' < **mra-*

---

[32] Список таких примеров может быть продолжен.
[33] A. Mazon. Указ. соч., стр. 419.
[34] Там же, стр. 412.
[35] Там же, стр. 406.
[36] Там же, стр. 405.

vijushka — болг. *мравка*, *мрава*; *molicë*, *-a f* (Берат, Дангелы), *mole*, *-ja f* (Берат, Девол) 'моль' — болг. *молéц*; *mokrëzë*, *-a f* 'многоножка, мокрица' (Мюзеке) — болг. *мóкрица* 'мокрица'.

Сельское хозяйство, деревенский быт, домашняя утварь: *selishtë*, *-a f* (Дангелы, Преспа) 'участок около дома' — болг. *сéлище* 'селение'; *lehë*, *-a f* 'гряда' (Дангелы) — болг. *лехá*; *branë*, *-a f* 'борона' (Опар, Скрапар, Дангелы, Девол), также *branë* 'снежная лавина' (горные краины Опар и Скрапар) — болг. *бранá* 'борона'; *çarë*, *-a f* 'мотыга' (Дангелы) — болг. *чáпа*; *zabua*, *-oi*, *m* 'железная втулка в колесе' (Мюзеке); *kurjak*, *-u m* 'курятник' (Мюзеке) — болг. *курник*; *gribë*, *-a f* 'невод' (Мюзеке) — болг. *гриб*; *kovaç*, *-i m* 'кузнец' (Дангелы) — болг. *ковач*; *kaç*, *-i m* 'ткач' (Загори) — болг. *тъкач*; *gllanik*, *kllanik*, *-u m* (Мюзеке, Пермет, Девол, Преспа) 'камень очага; верхняя часть очага, через которую поднимается дым' — болг. *кланик* 'место между очагом и стеной'; *koll*, *-i m* 'изогнутый железный прут, на который вешают котел' (Мюзеке) — болг. *кол* 'кол'; *kade*, *-ja f* 'кадка' (Опар, Скрапар, Дангелы, Преспа) — болг. *кáда*; *rrogos*, *-zi m* 'рогожная подстилка' (Мюзеке, Дангелы, Преспа) — болг. *рогозен*, *рогóзка*; *ponovë*, *-a f* 'шерстяное покрывало' (Опар) — ср. русск. *понёва* 'кусок ткани, употребляемый как юбка'; *prokovë*, *-a f* 'покрывало из козьей шерсти' (Дангелы) — болг. *покров* 'покрывало'.

Глаголы: *tulitem* (Мюзеке), *tulatem* (Преспа) 'притулиться' — болг. *туля* 'прикрывать, прятать', ср. русск. *(при)тулиться*; *robetonj* 'работать изо всех сил' (Дангелы) — болг. *рáботя*; *cfilitem* 'страдать' (Берат) — болг. *цвиля* 'плакать', сербохорв. *цвéлити* 'печалить, огорчать'; *cenit* 'ценить' (Пермет) — болг. *ценя́*; *spërkat* 'прыскать' (Дангелы) — болг. *пръ́скам* 'брызгать'; *lubis*, *-it* 'льстить' (Берат) — болг. *лю́бя* 'любить'.

Выделяя некоторое количество славизмов (на основании опубликованных данных) в качестве характерных для говора пограничной краины Девол (долина верхнего течения реки Девол), необходимо указать на отсутствие уверенности в том, что этих заимствований нет в других говорах севернотоскского района. Иначе говоря, специфичность их не может быть доказана до тех пор, пока не будет проведено полное обследование лексики всех севернотоскских говоров. Тем не менее относительно бóльшее (в сравнении с другими говорами) количество славизмов, выявленных до сих пор в говоре этой окраинной территории, и известное разнообразие их репертуара дают основания для эмпирического вывода о том, что долго продолжавшиеся непосредственные контакты [37] албанцев Девола с жителями соседних македонских сел

---

[37] Как отмечает Й. Гьинари, между албанцами и славянами, жившими в этом районе, помимо соседских отношений, устанавливались также отношения свойства (J. G j i n a r i. Указ. соч., стр. 166).

(ныне отделенных государственной границей) могли иметь следствием постоянный приток в их речь новых заимствований. Это, однако, не исключает того, что какая-то часть славянской лексики данного говора является, как и в других севернотоскских говорах, унаследованной от более ранних периодов [38].

Семантические сферы, к которым принадлежат славянские заимствования, в говоре Девола в основном те же, что и в других говорах. Это обозначения физических явлений, сельскохозяйственная лексика и названия предметов домашнего обихода. Но в наборе славизмов все же улавливается некоторое своеобразие и обнаруживаются слова, не отмечавшиеся при рассмотрении материала других говоров. К числу таких слов могут быть отнесены: *xvor* (*dzvor*), *-i m* 'источник' — болг. *и́звор*; *tinë*, *-a f* 'ил, грязь, тина' — болг. *ти́ня*; *galinë*, *-a f* 'кусок дерна, земляная глыба' — болг. *голина́* 'кусок земли, оголенный от снега'; *rakitë*, *-a f* 'ивовый прут' — болг. *раки́та* 'ива'; *rabeckë*, *-a f* 'воробей' — болг. *врабе́ц*; *kvaçkë*, *-a f* 'наседка' — болг. *ква́чка*; *stck*, *-gu m* 'стог' (из стеблей кукурузы) — ср. русск. *стог*, сербохорв. *сто̑г*; *reshetkë*, *-a f* 'загородка у яза на мельнице' — болг. *реше́тка* 'решетка'; *porozhdë*, *-a f* 'повод, веревка, которой вяжут скот за рога' — болг. *поро́жа*; *luspë*, *-a f* 'шелуха', *lyspit* 'лущить, чистить' (початки кукурузы) — болг. *лу́спа*; *лу́пя* 'чистить, лущить'; *jamë*, *-a f* 'погреб' — болг. *я́ма* 'яма, канава'; *plevicë*, *-a f* 'сарай, где держат корм для скота; сеновал' — болг. *плевни́ца*, *пле́вник*; *glavinë*, *-a f* 'ступица' (в колесе) — болг. *глави́на*; *trem*, *-i m* 'крыльцо' — болг. *трем* 'сени'; *kalenicë*, *-a f* 'глиняная миска' — болг. *калени́ца*; *kozinë*, *-a f* 'козья шерсть' — болг. *ко́зина*; *plaf*, *-i m* 'килим с бахромой' — ср. укр. *плахта* 'шерстяной клетчатый плат'; *pelenë*, *-a f* 'пеленка' — болг. *пеле́на*; *povojë*, *-a f* 'свивальник' — болг. *пово́й* 'повойник'; *pepellashkë*, *-a*, *perpellashkë*, *-a f* 'тряпка, которой снимают котел с огня' — болг. *пепел*, *пепеляшка*; *pitaç*, *-i m* 'нищий, проситель' — болг. *пи́там* 'спрашивать'; *potresë*, *-a f* 'испуг' — болг. *по́трес* 'потрясение'; *rebrë*, *-a f* 'ребро' — болг. *ребро́*; *dedo*, *-ua m* 'дед'; *teto*, *-ua f* 'тетка'; *zaparitem* 'запариться' — болг. *запа́рвам*; *lekovas*, *-at* 'лечить' — болг. *леку́вам*.

Этот набор слов, составляющий, конечно, лишь небольшую часть славизмов, во множестве употребляемых в речи жителей Девола, характерен для ситуации бытового двуязычия, при которой жители соседних деревень, а иногда члены одной семьи (при смешанных браках), с легкостью употребляют в разговоре на одном языке слова и выражения другого. Большой интенсивностью взаимодействия со славяноязычной средой объясняется также тот

---

[38] В этой связи можно вспомнить о том, что именно в долине верхнего Девола в средние века существовал город Δεάβολις, который был центром деятельности славянского просветителя Климента.

известный факт [39], что в говоре Девола, как и в других соседних с ними говорах юго-восточной окраины страны, особенно широкую продуктивность приобрели славянские словообразовательные суффиксы — именные: *-kë*, *-çkë*, *-icë*, *-nik*, *-ovinë*, глагольный: *-it* [40].

Краина Девол непосредственно примыкает к району Корчи, на территории которого языковые контакты албанцев со славянами в прошлом также были весьма интенсивными. И в настоящее время в этом районе существует несколько деревень с сохранившейся славянской речью — македонские села на принадлежащей Албании части побережья озера Преспа, а также деревни Дренова и Бобоштица близ Корчи, говор которых описал А. Мазон [41].

Так называемый говор Корчи, который фактически представляет собой естественно образовавшуюся контаминацию особенностей говоров нескольких ближайших к этому городу районов юго-восточной Албании, в лексическом отношении более богат славянскими элементами, чем говоры других городов страны. В связи с тем, что Корча уже с конца прошлого века приобрела значение важнейшего культурного центра южной Албании и писатели, происходившие из Корчи и окружающих ее сельских районов, играли заметную роль в процессе создания южноалбанской (тоскской) формы литературного языка, наличие довольно большого количества славизмов в современной литературно-языковой практике может быть частично объяснено влиянием и авторитетом этих писателей. В особенности это относится к лексике, связанной с обозначением предметов и явлений деревенского быта, вводимых разрабатывающими сельскую тематику прозаиками. С этой точки зрения очень характерен язык одного из виднейших современных албанских писателей — Стерьо Спассе, который в своих романах из жизни албанского села щедро пользуется диалектной лексикой. Местом действия в его произведениях по большей части являются албанские деревни района озера Преспа и, по-видимому, из говора именно этих мест С. Спассе черпает областные слова, в числе которых оказывается немало славизмов. Каждый из романов С. Спассе может представить для исследователя объемистый корпус лексики современного албанского языка. Наряду с давно уже отстоявшимся в литературном употреблении общераспространенным и нейтральным лексическим слоем и словами, находящимися как бы на периферии лексической системы, в них обнаруживаются чисто областные слова, смело вводимые автором в литературный оборот. При этом достаточно отчетливо определяется и место, занимаемое славянскими элементами в этой системе.

---

[39] J. Gjinari. Указ. соч., стр. 162 и сл.

[40] Старое окончание славянского инфинитива, не сохранившегося в македонских говорах, из которых происходило заимствование в тоскские говоры, — факт, имеющий существенную важность с точки зрения хронологии славяно-албанских отношений.

[41] A. Mazon. Указ. соч.

Так, в романе «Афердита снова в деревне»[42] насчитывается около 140 единиц слов славянского происхождения, большинство из которых употреблено на страницах романа в пределах от 1 до 10 раз; отдельные слова встречаются чаще. В числе этих славизмов много общераспространенных и нейтральных — *zakon* 'обычай', *nevojë* 'необходимость', *çetë* 'отряд', *pushkë* 'ружье', *gërmadhë* 'развалина', *krahinë* 'край', *grusht* 'кулак', *çast* 'мгновение', *prag* 'порог', *kyç* 'ключ', *bujar* 'благородный', *vazhdoj* 'продолжать', *porosit* 'поручать', *shëtit* 'прогуливаться', *godit* 'ударить', *çuditem* 'удивляться' и т. п. В числе «деревенских» слов немало таких, которые уже давно завоевали себе место в литературном языке — *oborr* 'двор', *opingat* 'опинги (крестьянская обувь)', *lëndinë* 'луг, поляна', *grazhd* 'стойло', *brazdë* 'борозда', *sanë* 'сено' и др. Наряду с ними встречаются областные слова, передающие местный колорит. Это слова типа *kovaçan* 'кузнец', *ulicë* 'улочка', *kleçkë* 'щепка', *pijavicë* 'пиявка', *zimnicë* 'зимнее помещение для скота', *skamní* 'скамья', *stollkë* 'стульчик', *koriçkat* 'корочки', *bravaret* 'стадо домашних овец', *vujçja* 'дядя (по матери)', *smërçit* 'сморкаться', *ligavit* 'мусолить', *llomotit* 'бормотать' и др.

На этом примере видно, что особенности диалектного распределения славизмов в пределах областной лексики имеют значение для сложения и обогащения словарного состава литературного языка.

* * *

Лексика южнотоскских говоров почти не изучена. Те немногие материалы, на основании которых можно составить о ней известное представление, дают основания для заключения (предварительного) о том, что в этих говорах славянских элементов в общем гораздо меньше, чем в севернотоскских. По-видимому, меньше всего их в говорах горной Ляберии, образующей центр южнотоскского диалектного района. Й. Гьинари полагает, что на юге Албании количество славизмов постепенно убывает в направлении с востока на запад и что в бассейне Вийосы (Пермет, Тепелена) их уже значительно меньше, чем в говорах областей Корчи и Девола.

Правда, некоторые характерные славизмы зарегистрированы и в этом районе: например, в говоре краины Загори, лежащей на границе севернотоскского и южнотоскского районов, в говоре Гьирокастры, относящемся уже к южнотоскскому ареалу, и даже на крайнем юго-западе албанской территории — в говорах Нижнего Приморья (Bregdeti i Poshtëm) и Музины. Так, в говоре Загори зарегистрированы: *kaç -i m* 'ткач', *koçek, -u m* 'амбар (из до-

---

[42] S. Spasse. Afërdita përsëri në fshat. Tiranë, 1956.

сок или прутьев)'; в Загори и Гьирокастре: *kokosh*, *-i m* 'петух'; в Пермете и Гьирокастре: *plluskë*, *flluckë*, *-a f* 'волдырь'; в Пермете, Загори и Гьирокастре: *bistër*, *-ra f* — название рыбы (вероятно, угря) — производное от славянского прилагательного *бистър*; в говорах Загори, Гьирокастры, Музины и Нижнего Приморья употребляется характерное название *bejkë*, *-a f* 'белая овца' — вероятно, из * *белка* (?), ср. в говоре Нижнего Приморья *belec*, *-i m* 'белая собака'. В том же говоре: *bigor*, *-i m* 'скалистая вершина белого цвета' — болг. *бигóр* 'белый песчаник', *косë*, *-a f* 'коса (волосы)'. Э. Чабей считает характерными для южнотоскского диалектного района славизмами лябер. *brazim*, *-a f* 'иней' (болг. *mraz-* с албанским суффиксом *-im(ë)* — **mrazim* > **mbrazim* > **brazim*) и *buis* 'интенсивно пробиваться, расти' (о траве, цветах) — болг. *буен* 'буйный', также 'густой, высокий' (о траве).

Эти данные имеют скорее случайный характер; наряду с немногими зарегистрированными славизмами, вероятно, есть и многие другие. Однако в целом эмпирически сложившееся у албановедов мнение о том, что говоры юго-западной части албанской территории вообще и Ляберии в особенности значительно беднее славянскими элементами, чем говоры северной Тоскерии, по-видимому, имеет под собой реальные основания. Следует заметить, что и славянская топонимика на территории Ляберии встречается гораздо реже.

* * *

Албанский диалектолог Й. Гьинари в недавно опубликованной статье [43] справедливо подчеркнул необходимость дифференцированного подхода к севернотоскским говорам в отношении степени распространения в них славянских элементов и указал на особое положение окраинных говоров на юго-востоке албанской территории, обусловленное длительными пограничными контактами албанцев и славян в этом районе. Исходя из этого бесспорного факта, Й. Гьинари высказал далее предположение о том, что в говоры более западных районов Тоскерии, население которых давно уже не имеет непосредственных контактов со славяноязычной средой, значительная часть славянских элементов, а также славянские суффиксы словообразования проникли постепенно из богатых славизмами говоров юго-восточной окраины. Славизмы, по мнению Гьинари, могли быть занесены на запад вследствие миграции групп населения из восточных районов, особенно в связи с разорением городов Воскопоя (Voskopojë) и Вискукь (Vithkuq), происшедшим в конце XVIII в. Отношения Берата с Корчей (по-видимому, автор имеет в виду торговые отношения) должны были,

---

[43] См. указ. соч.

по мнению Й. Гьинари, также сыграть роль в распространении славизмов в западной части севернотоскского района [44].

Эта точка зрения противопоставляется мнению, высказанному в свое время А. М. Селищевым и поддержанному мною [45], о том, что ассимилированная речь славянского населения оставила свой след в албанском языке в виде большого количества лексических элементов, сохранившихся от периода албано-славянского двуязычия, существовавшего некогда на территории Албании.

Гьинари безусловно прав в том, что при изучении вопроса о происхождении и распространении славизмов в албанских говорах следует учитывать особое положение окраинных районов на востоке Албании, в говоры которых славянские элементы могли поступать и в более новые периоды времени благодаря пограничным контактам.

Однако в целом историческая проблема славяно-албанских языковых отношений не может быть, как мне кажется, сведена к взаимовлияниям в зонах пограничных контактов. Следует учитывать, в частности, что славянские элементы в значительном количестве распространены во всех говорах севернотоскского диалектного района, а не только в восточных, хотя в последних их, естественно, больше. Существенно важен факт наличия на всей территории севернотоскского диалектного района множества старых славянских топонимов, свидетельствующий о том, что в этой части Албании в прошлом наряду с албанцами жили и славяне. Численное превосходство албанцев, вероятно, должно было способствовать языковой и этнической ассимиляции славян. Однако этот процесс, длившийся, вероятно, на протяжении ряда столетий, не мог не оставить своих следов в албанских говорах. Следы ассимилированного языка отчетливо обнаруживаются в виде целого слоя славянской лексики — слов повседневной жизни, сохранившихся при этническом и лингвистическом слиянии славянского элемента с албанским.

Конечно, не приходится возражать против вполне допустимого предположения Й. Гьинари о том, что какая-то часть славянской лексики могла быть занесена в говоры западной Тоскерии вследствие миграции отдельных групп населения из восточных районов, а также благодаря отношениям, сложившимся между известной частью городского населения Берата и Корчи. Но бо́льшая часть славизмов, вошедших в словарный состав севернотоскских говоров, не относится к разряду тех слов, которые легко распространяются из области в область в связи с развитием экономических и культурных отношений. Славянские элементы албанской диалектной лексики — это слова, в основном отражающие различные аспекты хозяйственной деятельности человека в деревне, живущей

---

[44] J. Gjinari. Указ. соч., стр. 166 и сл.
[45] См.: А. В. Десницкая. Указ. соч., стр. 27.

натуральным хозяйством, а также слова, характеризующие повседневный быт крестьянской семьи. Это именно тот тип лексики, который скорее всего мог сохраниться как наследие существовавшего некогда двуязычия, но вряд ли он мог быть отражением развития отношений между населением городских центров.

Предположение Й. Гьинари о том, что славянская лексика могла быть занесена в западную часть севернотоскского ареала в результате переселения с востока, нуждается в обосновании с точки зрения прежде всего истории и этнографии. Необходимо доказать, что имело место передвижение значительных контингентов населения, потому что перемещение небольших групп не могло иметь результатом столь широкое распространение славизмов в крестьянской среде. Упоминаемый Гьинари известный факт переселения в районы Берата и Мюзеке жителей разрушенной Воскопои вряд ли должен учитываться в связи с данной проблемой, так как этими переселенцами были в основном влахи (аромуны), которые до сих пор еще частично сохранили свою романскую речь.

Вопросы истории славяно-албанских отношений на территории северной Тоскерии более интересны, сложны и важны для истории албанского языка, чем это может показаться на первый взгляд. Помимо бесспорного факта наличия густой сети славянских топонимов во всем этом районе, сохранившихся от эпохи средневековья, есть исторические свидетельства о том, что на отдельных участках славянская речь сохранялась и позже. Так, горная краина Опар (восточнее Берата), согласно документу начала XVI в., считалась в то время населенной славянами. Албанские этнографы, исследовавшие этот район, указывают, что славянское население сохранялось еще несколько столетий тому назад в деревнях правобережья Девола [46]. Деревни эти прежде назывались *Shqeri*, т. е. «Славянщина» (от алб. *shqa* из **skla-* 'славянин' (мн. *shqe*).

Об особом положении севернотоскского района, или Тоскерии в собственном смысле слова, на территории которого наряду с албанцами издавна жили славяне, а также аромуны, возможно, говорит закрепленное в албанской народной традиции противопоставление тоскам лябов (*lab*) — жителей Ляберии (Арберии), в названии которых сохранилось древнее этническое самоназвание албанцев, образованное от корня **alb-* || **arb-* (ср. Ἀλβανοι у античных и византийских авторов).

Для исторической диалектологии албанского языка несомненный интерес представляет вопрос о том, в какой степени наличие значительного в прошлом славянского населения, а также влахов (аромунов) на территории Тоскерии могло оказать влияние на выработку специфичных черт севернотоскского говора. Подход

---

[46] A. George e R. Zojzi. Vështrim etnografik mbi krahinën e Oparit. «Buletin për Shkencat Shoqërore», 1952, № 2, стр. 35.

к этой теме не может быть исчерпан интересным открытием Й. Гьинари, установившего наличие в окраинном говоре Девола общего с македонскими говорами изменения *št* > *šč*[47]. Помимо этой изоглоссы, характерной для пограничной зоны и, по-видимому, имеющей относительно недавнее происхождение, возможно, что в тот далекий от нашего времени период, когда языковая ассимиляция славян на территории Тоскерии была активным и массовым процессом, в албанской речи этой области именно благодаря массовому характеру ее усвоения неалбанским населением могли произойти некоторые изменения.

Реконструировать детали этого процесса вряд ли окажется возможным, но об общем направлении изменения фонетического строя, произошедшем в севернотоскском говоре под его влиянием, можно судить негативно — по тем общим фонетическим особенностям, которые объединили южнотоскские (ляберийские) говоры с гегскими, противопоставив их тоскскому как не разделяющему эти особенности. Если считать, что фонетическое развитие гегских и ляберийских говоров представляет естественную реализацию возможностей, связанных с характером артикуляционной базы албанского языка, то известный консерватизм, характеризовавший состояние севернотоскских говоров на протяжении последних столетий, может быть объяснен как результат интерференции другой фонетической системы. Но этот вопрос должен быть предметом специального исследования.

---

[47] См.: J. Gjinari. Указ. соч., стр. 160; Он же. Mbi të folmen e Devollit. «Buletin i Universitetit të Tiranës. Seria Shkencat Shoqerorë», 1960, № 4, стр. 160.

В. А. Дыбо

АКЦЕНТОЛОГИЯ И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В СЛАВЯНСКОМ

Система акцентных парадигм непроизводных имен в праславянском состояла из трех противопоставленных типов (табл. 1).

Если отвлечься от частностей, связанных с известными ретракциями ударения, то эти типы могут быть определены как:

(парадигма *a*) — акутовый неподвижный акцент на корне;

(парадигма *b*) — окситонный тип (ударение на окончании);

(парадигма *c*) — подвижный акцент с «циркумфлексом» на начальном слоге слова в одних формах [1] и конечным (на окончании [2]) ударением в других.

Как было показано В. М. Иллич-Свитычем, данная система отличалась от балтославянской (соответственно: балтийской) тем, что иктус в группе слов, относившихся к первоначально баритонированной циркумфлексной или краткостной акцентной парадигме, был в праславянском сдвинут на следующий слог, что и создало характерную для праславянского тройственность акцентных парадигм (см. табл. 2).

Постулирование фонетического характера процесса передвижения иктуса предполагает всеобщность данного явления, т. е. охват им всех типов слов, для которых был характерен неподвижный циркумфлекс (соответственно: краткость) в балтославянском.

В результате этого процесса, действовавшего наряду с переходом основ с подвижным акутовым ударением в подвижный цир-

---

[1] Этот «циркумфлекс» слово имело лишь в изолированной позиции: при присоединении к слову «проклитик» иктус переходил на начало фонетического слова, при присоединении «энклитик» — на конец его. Слово теряло собственное ударение и при примыкании к другому ударному слову.

[2] Данная оговорка связана с двусложными окончаниями с предконечным долгим монофтонгом, при котором ударение, по-видимому, очень рано было перенесено с конечного слога на предшествующий.

Таблица 1

Акцентные парадигмы		*a*	*b*	*c*
Характер иктуса		Неподвижный на корне	Неподвижный на окончании (окситонный)	Подвижный
Интонация первого слога		акут	(безударный)	«циркумфлекс»
Substantiva	Masc. nom. sg.	*dȳmъ*	*pĕstъ* (<*pĕstь*)	*mĕ͡xъ*
	gen. sg.	*dȳma*	*pĕstà*	*mĕ͡xa*
	gen. pl.	*dȳmъ*	*pĕstъ* (<*pĕstь*)	*mĕxъ* (<*mĕxь*)
	Fem. nom. sg.	*grīva*	*osà*	*golvà*
	dat. sg.	*grīvĕ*	*osĕ̏*	*gôlvĕ*
	acc. sg.	*grīvǫ*	*osǫ̀*	*gôlvǫ*
	loc. sg.	*grīvĕ*	*osĕ̏*	*golvĕ̏*
Adjektiva	Masc. nom. sg.	*sȳtъ*	*bĕ́lъ* (<*bĕlь*)	*glûxъ*
	Fem. nom. sg.	*sȳta*	*bĕlà*	*gluxà*
	Neutr. nom. sg.	*sȳto*	*bĕlò*	*glûxo*

Примечание. В таблицу включены лишь наиболее характерные формы *-o-* и *-a-* основ.

Таблица 2

Балтославянские и балтийские типы		Неподвижный		Подвижный	
		акут	циркумфлекс или краткость	акут	циркумфлекс или краткость
Славянские типы		*a*	*b*	*c*	
Славянский	Masculina et neutra	*dȳmъ*	*pĕstь*	*tûkъ*	*mĕ͡xъ*
		dȳma	*pĕstà*	*tûka*	*mĕ͡xa*
		dȳmъ	*pĕstь*	*tukь*	*mĕxь*
	Feminina	*grīva*	*osà*	*golvà*	*zimà*
		grīvĕ	*osĕ̏*	*gôlvĕ*	*zīmĕ*
		grīvǫ	*osǫ̀*	*gôlvǫ*	*zīmǫ*
		grīvĕ	*osĕ̏*	*golvĕ̏*	*zimĕ̏*
Балтийский	Masculina et neutra	*dū́mas*	*paĩsta* (*n*)	*táukas*	*maĩšas*
		dū́mā	*paĩstā*	*táukā*	*maĩšā*
		dū́mōn	*paĩstōn*	*taukõ̃n*	*maišõ̃n*
	Feminina	*grívā*	*vàpsā*	*galvá*	*žeimá*
		grívāi	*vàpsāi*	*gálvāi*	*žeĩmāi*
		grívān	*vàpsān*	*gálvān*	*žeĩmān*
		grívāi-en	*vàpsāi-en*	*galvāi-èn*	*žeimāi-èn*

кумфлексовый тип, сложилась ситуация, при которой в парадигму *c* входили в праславянском основы, для которых можно восстанавливать на раннем этапе как циркумфлексовую, так и акутовую интонацию корня, тогда как парадигмы *a* и *b* представляются в основном дополнительно распределенными по первоначальной (балтославянской) интонации корневого слога: к парадигме *a* отошли имена с первоначальным акутом, к *b* — имена с первоначальным циркумфлексом или краткостью.

В свое время мы попытались показать, что аналогичные отношения господствуют и в акцентной системе праславянского глагола. Однако сильно измененный характер морфологической системы глагола как в славянском, так и в балтийском (по сравнению с ситуацией, предполагаемой для периода, который без далеко идущих обязательств можно обозначить как балтославянский) в значительной степени мешает прямому сравнению балтийской и славянской акцентных систем глагола.

Это заставляет обратить внимание на другую область языка, где при принятии определенных уточнений метода такое сравнение возможно.

Несмотря на крайне подвижный характер именного словообразования (производных имен, балтославянское происхождение которых можно допустить, очень мало и они подвержены самым различным влияниям, что препятствует их непосредственному сравнению), здесь всегда присутствует «tertium comparationis» — производящая основа, у которой установление балтославянского акцентного типа не встречается с непреодолимыми трудностями. (Особенности развития индоевропейских и у́же — славянских и балтийских языков — от парадигматического акцента к категориальному не позволяют принять производящие форманты в качестве единственного посредника при таком сравнении.)

Очевидно, если будут установлены правила порождения акцентных типов производных в праславянском и балтийском и если балтийские правила порождения отдалены от балтославянского состояния в той же мере, какая наблюдается у непроизводных имен, то эти правила (в случае фонетического характера закона В. М. Иллич-Свитыча) должны относиться друг к другу как соответствующие непроизводные имена. Иными словами: в случае фонетического характера указанного закона правила порождения акцентных типов производных в праславянском должны выводиться из правил порождения акцентных типов производных в балтийском путем простого наложения правила В. М. Иллич-Свитыча.

В позднем праславянском устанавливаются следующие типы акцентовки производных имен:

А — постоянное акутовое ударение на корне или производящей основе;

В — ударение на окончании (=*b*);

C — подвижное ударение (=*c*);

D — новоакутовое ударение на гласном, предшествующем суффиксу с редуцированным (и, по-видимому, с ударением на редуцированном при его постановке в сильной позиции);

E — постоянное ударение на кратком гласном суффикса;

F — постоянное акутовое ударение на суффиксе;

G — восходящее долгое ударение (типа нового акута?) на суффиксе.

Если исходить из наличия или отсутствия в акцентной системе деривата акцентного типа C (подвижного ударения), все производные разделятся на две группы:

I. Производные, имеющие типы акцентных кривых *a* и *c* (акцентные типы производных A, D, E, F, G и C; тип *b* [B], наблюдающийся в отдельных славянских языках в некоторых образованиях подобного рода, по-видимому, вторичен).

II. Производные, имеющие типы акцентных кривых *a* и *b* или только *a* (акцентные типы производных: A, D, E, F, G и B или A, [D, E] [3] F, [G] [3]).

Разделение словообразовательных типов на две группы (I и II) позволяет в дальнейшем (отделив предварительно группу двусложных суффиксов и образований с «интерфиксами») провести расчленение обеих групп совершенно единообразно по характеру суффиксального гласного на следующие подгруппы:

а) суффиксы с редуцированными гласными (*ь*, *ъ*);

б) суффиксы с краткими гласными;

в) суффиксы с акутированными гласными;

г) суффиксы с циркумфлектированными гласными (балтославянский циркумфлекс!).

В случае двусложных и многосложных суффиксов (образований с «интерфиксами») актуально то же членение, но здесь приходится учитывать характер как суффиксального гласного, так и гласного «интерфикса», а также акцентологические отношения интерфикса к производящему слову, в которые вступает первый при функционировании его в качестве самостоятельного суффикса (отнесенность его к группе I или II, в зависимости от которой выбирается правило порождения акцентного типа производных с этим суффиксом). Таким образом, правило порождения акцентных типов у «сложных суффиксов» образуется путем последовательного наложения правил порождения акцентных типов у «элементарных суффиксов», считая от суффикса, ближайшего к корню.

Рассмотрим распределение праславянских акцентных типов по указанным выше подразделениям.

---

[3] Встречаются только при двусложных суффиксах.

ГРУППА I

а. Суффиксы с редуцированными гласными

1. Прилагательные с суффиксом *-ьskъ*

На основании сравнения остаточных нечленных форм в русском и сербско-хорватском (учитывая древние и диалектные факты) с распределением акцента в членных формах, описываемым «законом Хартманна» [4], устанавливаем наличие трех акцентных типов в акцентной системе рассматриваемых дериватов:

A. **bȃbьskъ*, **bȃbьska*, **bȃbьsko*.

Ср. русск. *по-бáбски*, *бáбски*; *по-брáтски*, *брáтски*, схрв. *брȁтскӣ*, (диал.) *брȁцкӣ*, *срȐпскӣ*, (диал.) *срȐпскӣ*, кайк.-чак. XVII в. (Ю. Крижанич) брáтски (Гр., 118), сéрбски (Гр., 147), по сéрбскꙋ (Гр., 20) — чл. ф. русск. *бáбский*, *брáтский*, схрв. *бȁпскӣ*, *брȁтскӣ*, кайк.-чак. XVII в. (Ю. Крижанич) брáтскиѧ (Гр., 59), словен. *bâbski*, *brâtski*, чеш. *babský*, *bratský*, словацк. *babský*, *bratský*. (Ср. также с аналогичными инославянскими фактами ср.-болг. (макед.?) влáшкыи (О письм., XV в., 14б), (вост.) рáискыѫ (Пс. Кипр., 312б) и др.).

D. **žènьskъ* (или **ženьskъ*), **žènьska*, **žènьsko*.

Ср. совр. русск. *по-жéнски*, *по-скóтски*, др.-русск. ни жéнескъ (Чуд. Нов. Зав., 123[2]), жéнскы (acc. pl. m., ib., 152[4]), жéнска (gen. sg. m., ib., 99[3]); в памятниках, указывающих закрытый *ô*: скȏтъ | скѡ (Васильев, стр. 100), скȏтьски (adv., ib., стр. 100); схрв. *жѐнско* (n. субст.), *жѐнски* (adv., СДЗб, кн. 10, стр. 173), ср. *сељȃчки*, *војнȋчки* и др. (ib., стр. 173), кайк.-чак. XVII в. (Ю. Крижанич) *po žênsku* (Пол., 72) — чл. ф. русск. *жéнский*, др.-русск. жéнскаго (Чуд. Нов. Зав., 84[4]), *скóтский*; ср.-болг. (макед.?) ѝ жéн'скыи (О письм., 27а), схрв. *жѐнскӣ*, кайк.-чак. XVII в. (Ю. Крижанич) *žênskiy* (Пол., 94, bis), словен. *žȩ̑nski*. Для долготных основ важны показания западнославянских языков, ср. чеш. *římský*, словацк. *rímsky* с инославянскими данными и первоначальной акцентной парадигмой производящего (*b*).

C. **mǫ̑žьskъ*, **mǫžьskȁ*, **mǫ̑žьsko*.

Ср. др.-русск. моужескъ (nom. sg. m., Чуд. Нов. Зав., 123[2]), ст.-русск. вóровски (Улож., 3), диал. *пó-городски*; схрв. *mȕško* (n. adj., Rad 197, стр. 52), *mȕški* (adv., ib., стр. 52), *pȍ mȕški* (ib., стр. 52) и под. — чл. ф. русск. *мужскóй*, *воровскóй*, *городскóй* (так же и в старорусском), ср.-болг. (макед.?) въ мꙋжаскыи,

---

[4] Это распределение, как подтверждают, наряду с менее показательным сербским материалом, старохорватские и среднеболгарские факты, было актуально и для всей южнославянской области, а западнославянские данные указывают на праславянскую его древность.

схрв. диал. *мȕшкӣ*, *мушкӣ* (при вторичном нормативном *мȕшкӣ*), кайк.-чак. XVII в. (Ю. Крижанич) мȕжскӣь (Гр., 59); словен. *moški*, *móški* (с оттяжкой ударения, открытый *o*), чеш. *mužský*, словацк. *mužský*.

Сравнение акцентных типов производных с акцентными парадигмами производящих позволяет установить следующее правило порождения первых:

Тип A имели прилагательные, образованные от имен акцентной парадигмы *a*, тип D — прилагательные, образованные от имен акцентной парадигмы *b*, тип C — прилагательные, образованные от имен акцентной парадигмы *c*. Это распределение позволяет, отвлекаясь от фонетических характеристик типов, ввести следующие функциональные обозначения, основанные на правиле порождения:

A = a^a, т. е. тип с акцентной кривой *a*, тождественной акцентной кривой парадигмы *a* непроизводных, образуемый от имен парадигмы *a*.

D = a^b, т. е. тип с акцентной кривой *a*, тождественной (если отвлечься от возможного сохранения акцента на ь в сильной позиции) акцентной кривой парадигмы *a* непроизводных, образуемый от имен парадигмы *b*.

C = c^c, т. е. тип с акцентной кривой *c*, тождественной акцентной кривой парадигмы *c* непроизводных, образуемый от имен парадигмы *c*.

Реконструируемое таким образом правило порождения акцентных типов в этой группе дериватов для позднего праславянского можно представить в таблице (табл. 3).

Таблица 3

a^a(=A)	a^b(=D)	c^c(=C)
bȃbьskъ	*žènьskъ* * (или *ženьskъ*)	*mǫ̑žьskъ* **
bȃbьska	*žènьska*	*mǫžьskȁ*
bȃbьsko	*žènьsko*	*mǫ̑žьsko*

* При долготном корне здесь и ниже ˆ заменить на ˊ

** При краткостном корне здесь и ниже ˆ заменить на ˋ.

2. Прилагательные с суффиксом *-ьnъ*

В этой группе имен в древнерусском были представлены типы A, B, C, которые сохранились и в современном, но претерпели значительные перераспределения. Старое распределение в современном русском языке лучше сохранилось в членных формах, где

еще прослеживаются закономерности, описываемые «законом Хартманна».

Сравнение акцентных типов производных в древнерусском с акцентными парадигмами производящих позволяет установить для древнерусского правило порождения, описываемое в табл. 4.

Таблица 4

a^a(=A)	b^b(=B)	c^c(=C)
вѣ́ренъ, вѣ́рна вѣ́рно	грѣ́шѐнъ, грѣ́шнà грѣ́шнò	дóлженъ, должнà дóлжно

Однако сравнение с сербско-хорватской штокавской системой (в нормативном варианте [5]) позволяет усомниться в праславянской древности типа B в этой системе.

Здесь в соответствующем правиле порождения акцентных типов прилагательных на *-ьn-*, выводимом для первоначально долготных основ [6], в столбце для a^a (=A) выступает так же, как и в древнерусском, тип A: *vjëran*, *hljëban*, *blätan*, *lŭčan*, *rĭban*, *sĭlan*, *släman* и под. (ср. акцентовку соответствующих производящих). Но в двух других столбцах положение иное. Столбец для b^b (=B) занят прилагательными, имеющими постоянное долгое нисходящее ударение на корне: *grlješan*, *grlješna*, *grlješno*, так же: *zôran*, *trûdan*, *ûman*, *mllječan*, *bljedan*, *dĭčan*, *krâsan*, *bôrna* (f), *tûžan* (ср. с акцентовкой соответствующих производящих основ). Столбец для c^c (=C) занят прилагательными с акцентным типом B: *bijèsan*, *bijèsna*, *bijèsno*; так же: *vrijèdan*, *gládan*, *dûžan*, *kváran*, *mráčan*, *mŕsan*, *prášan*, *smijèšan*, *stídan*, *strášan*, *hládan*, *zlátan*, *snážan*, *lástan*, *mástan* (ср. с акцентовкой соответствующих производящих основ).

Если тип B здесь легко объясним как результат выравнивания подвижного ударения (аналогично такому же процессу в непроизводных именах) и является наследником старого типа C, то тип *grêšan*, *grêšna*, *grêšno* не может быть выведен из типа B. В этом случае не только остается неясным характер подобного процесса, но и, что самое главное, невозможно объяснить, как подобная система могла избежать совпадения старого и нового типов B (b^b и b^c). В то же время тип *grêšan* совершенно закономерно объясняется как рефлекс типа D (< **grĕ́šьnъ*, *grĕ́šьna*, *grĕ́šьno*).

---

[5] Диалектные системы представляются в значительной степени перестроенными.

[6] Дериваты от краткостных основ получают неподвижное ударение на корне, что является, безусловно, результатом совпадения акцентных типов.

Таким образом, праштокавское правило выбора может быть представлено в табл. 5.

Таблица 5

a^a(=A)	a^b(=D)	c^c(=C)
vȇrnъъ, vȇrьna vȇrьno	*grȇšьnъ, grȇšьna grȇšьno*	*dl̑žьnъ, dl̑žьnà, dl̑žьno*

А расхождение между этой и древнерусской системами легко объясняется как результат противоположного направления процессов устранения типа: *grȇšьnъ, grȇšьna, grȇšьno.*

Следовательно, для позднего праславянского нужно предполагать правило порождения, представленное в табл. 6.

Таблица 6

a^a(=A)	a^b(=D)	c^c(=C)
vȇrьnъ, vȇrьna, vȇrьno	*grȇšьnъ, grȇšьna, grȇšьno*	*dьl̑žьnъ, dьlžьnà, dьl̑žьno*

3. Прилагательные с суффиксом *-ъkъ*

Для реконструкции первичного состава акцентных типов в в этой группе имен и их распределения решающее значение имеет соответствие между основами, имевшими акцентный тип B в диалекте Ю. Крижанича (XVII в.), и долготными рефлексами этих основ в западнославянских языках, и, с другой стороны, сокращение древних долгот в западнославянских языках в тех основах, которые в диалекте Ю. Крижанича имели акцентный тип C (см. табл. 7).

Первая группа соответствий, по-видимому, выделяет группу имен с праславянским акцентным типом B (или D, что по системным соображениям, как будет показано ниже, представляется более вероятным).

Вторая группа соответствий обнимает, очевидно, два акцентных типа, совпавших в диалекте Крижанича и дающих одинаковые рефлексы в западнославянских языках (исключая словинцское наречие кашубского): типы A и C. Их разделение достигается при помощи сравнения со словенским, где слова, относившиеся к типу C, сохраняют рефлексы подвижности: *krępâk, krępkà; mekâk, mehkà; težâk; sladâk, sladkà; bridâk*[7]; но *gládək, gládka,*

[7] При наличии выравненных вариантов: *krépək, krépka; mékək; méhka; sládək, sládka* и т. д.

	Диалект Ю. Крижанича	Западнославянские языки
I группа соответствий: тип В в диалекте Ю. Крижанича ~ долгота в западнославянских	1. близок, близкó	чеш. *blízký*, словацк. *blízký*, кашуб. *blïzkï*
	2. кра̄ток, кра̄ткó	чеш. *krátký*, словацк. *krátky*, польск. *krótki*
	3. рӣдок, рӣткó	чеш. *řídký*, словацк. *riedky*, польск. диал. *žâtk'i*
	4. вы̄зек	чеш. *úzký*, словацк. *úzky*, польск. *wązki*
II группа соответствий: тип С в диалекте Ю. Крижанича ~ сокращение долготы в западнославянских	1. *gládko*, *glatká*	чеш. *hladký*, словацк. *hladký*, польск. диал. *gu̯atkᵘo*
	2. ри́зок	словацк. *rezký*
	3. кри́пок, кре̑пко, *kpenká*	чеш. *křěpký*, словацк. *krepký*, польск. диал. *kšepk'i*
	4. Ме́кок, *z'mechkóiu*	чеш. *měkký*, словацк. *mäkký*, польск. *miękki*
	5. те́жок, те́жко тежки̑х	чеш. *těžký*, словацк. *t'ažký*, польск. *ciężki*
	6. сла́док	чеш. *sladký*, словацк. *sladký*, польск. *słodki*
	7. кри́док, кри́дко, *bridkogó* (gen.sg.)	чеш. *břidký*, словацк. *bridký*, кашуб. *břədk'ï*

Примечание. В таблицу вошли лишь наиболее характерные сравнения.

rézək, *rézka*, а также на основании сравнения фактов, аналогичных описываемым «законом Хартманна», в членных формах словинцского наречия кашубского языка. Ср.: *mjitħï*, *cąšħï*, *slətħï*, но *glą̊utħï*, *řëshï* (с вторичной долготой). Конечное ударение членных форм от основ акцентного типа С сохраняют древнерусские и среднеболгарские акцентуированные тексты:

1. др.-русск. кре̑пка (acc. sg. m., Чуд. Нов. Зав., 151[1]), кре̑пци (nom. pl., ib., 109[4]), — чл. ф. кре̑пкй (ib., 157[1]): ср.-болг. (зап.) кре̑пкы́и (Поуч. Ис. Сир., 2б);

2. др.-русск. маха̑ (nom. sg. f., Чуд. Нов. Зав., 23[3]), в ма́хкъı (acc. pl. f., ib., 30[2]) — чл. ф. макка́ꙗ (ib., 7[2]): ср.-болг. (зап.) за мак'кы́ꙗ (Поуч. Ис. Сир., 206б);

3. др.-русск. та́жко (Чуд. Нов. Зав., 8[1]), не́ тажко (ib., 132[1]), тажк (acc. pl. n., ib., 12[4]) — ср.-болг. (зап.) чл. ф. таж'кы́ꙗ (Поуч. Ис. Сир., 179а) и т. д.

Таким образом, для праславянского в этом типе основ следует предполагать три акцентных типа: A, B (< D), C.

Так как производящие основы для прилагательных на *-ъkъ* в ходе изменения языка потеряны, непосредственное сравнение акцентных типов производных с акцентными парадигмами производящих невозможно. Однако для установления акцентных парадигм этих потерянных простых основ можно воспользоваться образованными от них деноминативными глаголами на *-i-*, в которых существовало аналогичное правило выбора акцентных типов: от имен акцентной парадигмы *a* образовывались глаголы также акцентной парадигмы *a*, от имен акцентной парадигмы *b* — глаголы акцентной парадигмы *b*, от имен акцентной парадигмы *c* — глаголы акцентной парадигмы *c*.

Анализ акцентовки соответствующих глаголов позволяет установить следующие акцентные парадигмы производящих.

Акцентная парадигма *a*

1. **glăd*ъ на основании **glăditi*, **glăd*jǫ, **glăd*išь (ср. русск. *гла́дити*, схрв. *гла̏дити*, *гла̏дӣм*, кайк.-чак. *XVII* в. [Ю. Крижанич] Гла́дим [Гр., 223], словен. *glâditi*, *glâdim*; чеш. *hladiti*, словацк. *hladit'*, польск. диал. *gładzić*).

Акцентная парадигма *b*

1. **blízъ* (< **blizъ*) на основании **blizīti*, **blizjǫ*, **blízišь* (ср. схрв. кайк.-чак. *XVII* в. [Ю. Крижанич] близим [Гр., 226], чеш. *blížiti*, словацк. *blížit'sa*).

2. **kórtъ* (< **kortъ*) на основании **kortīti*, **kortjǫ*, **kórtišь* (ср. схрв. *кра́тити*, *кра̑тӣм*, словен. *krátiti*, *krátim*; чеш. *krátiti*, словацк. *krátit'*, польск. *kroćić*).

3. **rědъ* (< **rědъ*) на основании **rědīti*, **rědjǫ*, **rědišь* (ср. словен. *rẹ́diti*, *rẹ́dim*; словацк. *riedit'*. Чеш. *řediti* образовано вторично, ср. др.-чеш. *řědčiti*).

4. **ǫ́zъ* (< **ǫzъ*) на основании **ǫzīti*, **ǫzjǫ*, **ǫ́zišь* (ср. схрв. шток. *у̏зити*, *у̏зӣм*; кайк.-чак. XVII в. [Ю. Крижанич] Ву̑зим [Гр., 226]; чеш. *úžiti*, словацк. *úžit'*. Польск. *zwężyć* под влиянием ср. степени [ср. *węższy*]; так же, по-видимому, объясняется и словен. *ǫ́žiti*, *ǫ̑žim*).

Акцентная парадигма *c*

1. **krěpъ* на основании **krěpīti*, **krěpjǫ*, **krěpíšь* (ср. русск. *крепи́ть*, *крепи́шь*, словен. *krępíti*, *krępím*; чеш. *křepiti*)[8].

[8] Здесь и ниже в штокавском закономерный переход в парадигму *b* долготных глаголов, первоначально относившихся к парадигме *c*. Примеры не приводятся.

2. *sôldъ на основании *soldīti, *sôldjǫ, *soldíšь (ср. русск. *солодúть, солодúт*; схрв. кайк.-чак. XVII в. [Ю. Крижанич] сладѝм [Гр., 224], словен. *sladíti, sladím*; чеш. *sladiti*, словацк. *sladit'*, польск. *słodzić*).

3. *brīdъ на основании *bridīti, *brīdjǫ, *bridíšь (ср. словен. *bridíti, bridím*; словацк. *bridit'*).

Сравнение акцентных типов прилагательных на *-ъkъ* с установленными таким образом акцентными парадигмами производящих позволяет установить правило порождения акцентных типов, представленное в табл. 8.

Таблица 8

a^a(=A)	b^b(=B)	c^c(=C)
glādъkъ	*blīzъkъ*	*krĕ͡pъkъ*
glādъka	*blīzъkà*	*krĕpъkà*
glādъko	*blīzъkó*	*krĕ͡pъko*

Положение типа B в системе совершенно аналогично положению типа D в рассмотренных выше образованиях. Последний, как видно из предшествующего изложения, был неустойчив и подвергался замене типом B. Это дает основание считать, что и в прилагательных на *-ъkъ* в диалекте Крижанича и, возможно, в древнерусском (ср. совр. *коротóк, короткá, короткó*), является заменой типа D (*blīzъkъ, *blízъka, *blízъko).

В таком случае правило порождения акцентных типов прилагательных на *-ъkъ* предстает в виде, описанном в табл. 9.

Таблица 9

a^a(=A)	a^b(=D)	c^c(=C)
glādъkъ	*blīzъkъ*	*krĕ͡pъkъ*
glādъka	*blízъka*	*krĕpъkà*
glādъko	*blízъko*	*krĕ͡pъko*

б. Суффиксы с краткими гласными

Акцентовка этих имен претерпела значительную перестройку и восстанавливается лишь в результате исследования акцентуированных памятников русского языка древнего и старого периодов, среднеболгарских акцентуированных текстов и акцентуированных памятников сербско-хорватского языка.

1. Существительные на *-ostь* (женский род)

В текстах Ю. Крижанича (кайк.-чак. XVII в.) в анализируемой группе наблюдается два акцентных типа: первый, если отвлечься от вторичной подвижности акцента в некоторых формах мн. ч., может рассматриваться как тип А, второй — тип Е (по принятой выше системе обозначения). Сравнение акцентных типов имен на *-ostь* с акцентными парадигмами производящих дает следующее правило порождения (табл. 10):

Таблица 10

a^a(=A)	a^b(=E)	a^c(=E)
мѝлост	мѣдрѡ́ст	лѝхѡ́ст

Совершенно тождественное правило наблюдается и в восточноболгарских текстах среднеболгарского периода (здесь отсутствует вторичная подвижность в типе А, от которой мы отвлеклись при рассмотрении этого типа в диалекте Крижанича). Исходя из этого соответствия, казалось бы, что данное правило следует восстановить и для праславянского периода.

Однако остается неясным источник вторичной подвижности имен типа А в диалекте Крижанича, а рассмотрение штокавской системы показывает, что хотя данное правило актуально для большинства основ и здесь, но в штокавском имеется небольшая группа наиболее употребительных имен на *-ostь* с подвижным типом акцентовки. Сравнение их с праславянскими акцентными парадигмами прилагательных, от которых они образованы, показывает, что в эту группу входят имена, образованные от прилагательных акцентных парадигм *a* и *c* (к которым примкнули, вероятно, на каком-то этапе и два слова, образованные от прилагательных, имевших первоначально парадигму *b*: *mȕdrōst*, *ſȕtōst* — в настоящее время подвижность этих форм в словарях не отмечается). Наличие этой сильной группы имен дает основание полагать, что мы имеем здесь дело с двуплановой перестройкой акцентовки имен на *-ostь* из системы с тремя акцентными типами, один из которых был подвижный (С): совпадение акцентных парадигм *b* и *c* у прилагательных повело к перестройке продуктивного правила выбора акцента, распространив тип Е на имена, образованные от прилагательных парадигмы *c*; с другой стороны, непродуктивная группа сильных (часто употребляемых) имен с акцентным типом А совпала с аналогичной группой имен акцентного типа С, получив вторичную подвижность акцента.

Этот вывод подтверждается анализом акцентовки имен на *-ostь* в западном (северо-западном) среднеболгарском тексте конца

XIV в. («Поучения Исаака Сирина»), который позволяет установить для акцентной системы диалекта, отразившегося в этом памятнике, правило порождения акцентных типов имен на *-ostь* (см. табл. 11).

Таблица 11

	a^a(=A)	a^b(=E)	c^c(=C)
Nom. sg.	ра́дость	мѫдро́сть	лѣ́ность
Gen. sg.	ра́дости	мѫдро́сти	лѣ́ности
Dat. sg.	ра́дости	мѫдро́сти	лѣ́ности
Instr. sg.	ра́достїѧ	мѫдро́стїѧ	лѣ́ностїѧ
Loc. sg.	ра́дости	мѫдро́сти	лѣно́сти

Тип С в этом памятнике отличается от аналогичного праславянского, если отвлечься от интонационных характеристик, лишь ретракцией конечного ударения на предшествующий слог.

В древнерусском подвижное ударение существовало наряду с накоренным неподвижным при замене типа Е типом С (ср.: А: др.-русск. ра́дость [nom. sg., Чуд. Нов. Зав., 91²], въ | ра́дости [loc. sg., ib., 92⁴]; к ста̑рости [loc. sg., ib., 26²] от прил. акц. парад. *a*: **rādъ*, **stārъ*; С: бе́з лѣности [gen. sg., ib., 128⁴]; къ бла | гости̑ [loc. sg., ib., 118²]; крѣпости [gen. sg., ib., 134⁴], о̀ крѣпости̑ [loc. sg., ib., 85³] от прил. акц. парад. *c*: **lēnъ*, **bōlgъ*, *krēpъ* [ср. выше)].

С вместо Е: ме́ркость [Чуд. Нов. Зав., 117⁴]; до́брость [ib., 107⁴], вероятно: кро́тость [ib., 131²], к кротости̑ [ib., 81², 139³], на́ бодрость [Мин. 1608, 157 об.], до́ скорости [gen. sg., Пс. М. Грека, сп. XVII в., 156а]). Данные сопоставления предполагают для древнерусского иную, чем в южнославянском, редукцию правила выбора (табл. 12).

Таблица 12

	a^a(=A)	c^b(=C)	c^c(=C)
Nom. sg.	ра́дость	кро́тость	крѣ́пость
Gen. sg.	ра́дости	кро́тости	крѣ́пости
Loc. sg.	ра́дости	кротости̑	крѣпости̑

С другой стороны, наличие в белорусском типа Е в этих именах показывает, что для общевосточнославянского следует предполагать три акцентных типа имен на *-ostь*.

Все эти факты заставляют реконструировать для праславянского правило порождения акцентных типов рассматриваемой группы в виде, представленном в табл. 13.

Таблица 13

	a^a(=A)	a^b(=E)	c^c(=C)
Nom. sg.	*rādostь*	*mǫdrȍstь*	*lȇnostь*
Gen. sg.	*rādosti*	*mǫdrȍsti*	*lȇnosti*
Instr. sg.	*rādostьjǫ*	*mǫdrȍstьjǫ*	*lěnostьjǫ̀*
Loc. sg.	*rādosti*	*mǫdrȍsti*	*lěnosti*
Gen. pl.	*rādostьjь*	*mǫdrȍstьjь*	*lěnostьjь*

2. Существительные на *-ota*

В акцентуированных текстах славянских языков ранних периодов обнаруживаются два правила порождения акцентных типов у этих имен, которые могут претендовать на праславянскую древность.

Группа среднеболгарских текстов, объединяемых нами под названием «система Киприана» [9], обнаруживает такое состояние акцентовки данных имен, которое может быть объяснено правилом выбора в табл. 14.

Таблица 14

	a^a(=A)	a^b(=E)	c^c(=C)
Nom. sg.	*nīščeta*	*dobrȍta*	*lěpotȁ*
Acc. sg.	*nīščetǫ*	*dobrȍtǫ*	*lȇpotǫ*

Ср. тип А: ѿ ни́щеты (gen. sg., Пс. ф. 304, № 309, 109а), ни́щетоѧ (instr. sg., ib., 107б, 195б); пра́вотѫ (acc. sg., Пс. Кипр., 32б), пра́вотоѧ (ib., 56а), и̑ пра́вотѣ (loc. sg., ib., 103б); чи́стота (Дион. Ареоп., 268а, 281а), чи́стоты (gen. sg., ib., 25а, 65б и др.), чи́стотѫ (acc. sg., ib., 359а), чи́стотоѫ (ib., 125а, 343б), къ чи́стотѣ (ib., 301б, 343а) — от прилагательных акцентной парадигмы *a*: **nīstjь*, **prāvъ*, **čīstъ*.

Тип В: добро́та (nom. sg., Дион. Ареоп., 138а, 139б), добро́ты (gen. sg., ib., 18а, 38б, 138б), добро́тѫ (acc. sg., ib., 138б,

[9] В эту группу входит ряд текстов с общими особенностями акцентовки. Традиционно эти памятники связываются с деятельностью митрополита Киприана.

234б, 266б) и т. д.; топлóты (gen. sg., Дион. Ареоп., 162б), топлóтѣ (loc. sg., ib., 161а); щедрѝтъі (acc. pl., Пс. Кипр., 72б), щедрѝтами (instr. pl., ib., 91б) и др.; тъщéты (acc. pl., Дион. Ареоп., 236б) — от прилагательных акцентной парадигмы *b*: **dȍbrъ* (< **dobrь*), **tèplъ* (< **teplь*), **ščèdrъ* (< **ščedrь*), **tъščь* (< **tъščь*).

Тип С: лѣпотѫ (acc. sg., Дион. Ареоп., 26б, 35б и др., отмечены многочисленные примеры только одной формы acc. sg.); съ юнотáми (instr. pl., Пс. Кипр., 130б), сѝроты (Пс. ф. 304, № 309, 110б); тáготѫ (Пс. ф. 304, № 309, 328а) — от прилагательных акцентной парадигмы *c*: **lȇpъ*, **jûnъ*, **sīrъ*, **tę̑gъ*.

Хотя в данных текстах встречаются лишь отдельные формы типа С, в большинстве случаев не позволяющие реконструировать акцентный тип средствами внутренней реконструкции, однако наличие подвижного ударения у последней группы слов подтверждается фактами других южнославянских языков. Следы подобного распределения акцентных типов (наряду с многочисленными выравниваниями) прослеживаются и в текстах Ю. Крижанича:

А: *nísčeta* (nom. sg., Пол., 131), *nísčetu* (acc. sg., Пол., 8, 118), *w'nísčete* (loc. sg., Пол., 245); *súeta* (nom. sg., Пол., 232), *súetami* (instr. pl., Пол., 137, 139), *súetach* (loc. pl., Пол., 137); *péchota* (Пол., 60, bis) — от прилагательных парадигмы *a*: **nīščь*, **sū̃jь*, **pȇšь*;

Е: *dobróta* (различные формы, засвидетельствованные в большом количестве примеров); топлóта (Гр., 57[1], См. Разр., 100б, bis, 115а), от топлóты (gen. sg., См. Разр., 115а), топлóтꙋ (acc. sg., См. Разр., 100б); *tsčéta* (различные формы, засвидетельствованные в большом количестве примеров) — от прилагательных парадигмы *b*: **dȍbrъ* (< **dobrь*), **tèplъ* (< *teplь*), **tъščь* (< **tъščь*);

С: *lepotá* (Пол., 71 и др.), *lepotí* (gen. sg., Пол., 72 и др.), *lépote* (dat. sg., Пол., 139), *lépotu* (acc. sg., Пол., 92, 99, 145), *lepotóiu* (instr. sg., Пол., 89 и др.), *lepoté* (loc. sg., Пол., 243); сѝротà (Гр., 57[1]), *sirotí* (gen. sg., Пол., 169), *sirotū* (acc. sg., Пол., 157, выравнивание!), *sirotámi* (Пол., 174); *tegotá* (Пол., 184 и др.), *tegotí* (gen. sg., Пол., 204 и др.), *tégotu* (acc. sg., Пол., 133) и др. формы — от прилагательных парадигмы *c*: **lȇpъ*, **sīrъ*, **tę̑gъ* (в этой группе приведены лишь основы, разбиравшиеся выше).

Факт совпадения показаний акцентуированных памятников двух удаленных районов южнославянской языковой территории позволяет считать описанное выше правило общим исходным пунктом для всей южнославянской области. Естественно, что словенский тип *dobrȍta*, *golȍta*, *mokrȍta*, *novȍta*, *ostrȍta* и под., занимающий тот же столбец в правиле порождения акцентных типов, что и праславянский тип Е, должен, исходя из вышесказанного, рас-

сматриваться как продолжение этого типа Е, а не как выравнивание подвижного типа С.

Анализ древнерусского и старорусского материала позволяет принять для восточнославянского следующее правило выбора акцентных типов (табл. 15):

Таблица 15

	a^a(=A)	a^b(=E)	b^c(=B)
Nom. sg. Acc. sg.	*nĭščeta* *nĭščetǫ*	*dobrȍta* *dobrȍtǫ*	*lĕpotȁ* *lĕpotǫ̀*

Ср. тип А: Чуд. Нов. Зав.: нѝцета (119[1]), ѝ нѝцетоу (149[3]), нѝцетоѝ (119[1]); *sŭjeta* (ср. ст.-русск. и совр. *суетный*).

Тип Е: ст.-русск. добро́та (nom. sg., Хрон., 20 и др.), добро́те (dat. sg., Хрон., 38), добро́тꙋ (acc. sg., Хрон., 17), добро́тами (instr. pl., Хрон., 72 и др.); мокро́тꙋ (acc. sg., Хрон., 153); щедро́ты (acc. pl., Жит. Варл. и Иос., 242), щедро́тами (instr. pl., Жит. Варл. и Иос., 262); тепло́тꙋ (acc. sg., Жит. Варл. и Иос., 26); лго́тоу (Чуд. Нов. Зав., 116[4]); рабо́ты (ib., 123[4]).

Тип В: в лѣпотꙋ̀ (Кормч. II, 642б), лѣпотꙋ̀ю (Чуд. Нов. Зав., 136[4]); бес таготы́ (Чуд. Нов. Зав., 120[2]), в таготѣ̂ (loc. sg., ib., 132[4]), та | готы́ (acc. pl., ib., 124[2]), таготы́ (pl., Уч. и Хитр., 36g); наготы́ (gen. sg., Чуд. Нов. Зав., 150[3]), нагото́ю (instr., Хрон., 11), наго | тѣ̀ (loc. sg., Чуд. Нов. Зав., 120[3]); простоты́ (gen. sg., Чуд. Нов. Зав., 119[1]), простотꙋ̀ю (ib., 127[1]), въ | простотѣ̂ (ib., 116[3]).

В связи с переходом непроизводных прилагательных акцентной парадигмы *a* в подвижный тип эта система также подверглась (и довольно рано) значительному изменению: уже в XVI—XVII вв. тип А заменяется типом В у большинства основ этого рода. Ср.: нищета̀ (Жит. Варл. и Иос., 53), нѝцето́ю (ib., 216), в нѝцетѣ̀ (ib., 222), нечистота̀ (ib., 81), в' чѝстотѣ̀ (ib., 177), нечѝстоты̀ (acc. pl., ib., 347); пехоты́ (gen. sg., Уч. и Хитр., 6d), пехотѣ̀ (dat. sg., ib., 162d, 163g), пехото́ю (ib., 154g); дѫгота̀ (Хрон., 2), дѫготꙋ̀ (ib., 1) (последнее слово перешло в тип В уже в Чуд. Нов. Зав.: ѝ до|лгота̀ (126[1]), до|лгота̀ (158[2]).

Очевидно, что южнославянское и восточнославянское правила выбора восходят к единому источнику. Можно предполагать, что тип В в восточнославянском возник в результате процессов простого выравнивания форм: на это указывает как

будто наличие таких (остаточных?) форм, как *сиротá* : *сúроты*; *тяготá* : *тя́готы*. В этом случае для праславянского реконструируется правило порождения акцентных типов, тождественное южнославянскому (табл. 16).

Таблица 16

	a^a(=A)	a^b(=E)	c^c(=C)
Nom. sg. Acc. sg.	*čĭstota* *čĭstotǫ* и т. п.	*dobrȍta* *dobrȍtǫ* и т. п.	*lĕpotȁ* *lĕ̊potǫ* и т. п.

Однако нельзя исключать и другой случай: вторичное распространение подвижности на основы с суффиксом *-ota* в южнославянских языках (в связи с общей тенденцией распространять в ряде случаев подвижный акцент за его первоначальные границы). Тогда праславянское правило выбора будет тождественно восточнославянскому (и должно быть отнесено в группу II) (табл. 17).

Таблица 17

	a^a(=A)	a^b(=E)	b^c(=B)
Nom. sg. Acc. sg.	*čĭstota* *čĭstotǫ* и т. п.	*dobrȍta* *dobrȍtǫ* и т. п.	*lĕpotȁ* *lĕpotǫ̀* и т. п.

Последняя реконструкция как будто в большей степени соответствует балтийским фактам.

3. Прилагательные на *-ovъ*

На основании сравнения ударения нечленных форм данных прилагательных в русском и южнославянских языках с ударением русских членных форм в праславянской акцентной системе этих имен устанавливается три типа:

Тип А: **mȃkovъ* — совр. русск. *мáков* (*цвет*) — чл. ф. *мáковый*.

**kȳtovъ* — ст.-русск. кúтокѣ (loc. sg., Алф., 87б) — чл. ф. кúтокы (Торж. XVI в., 241).

**gȍrxovъ* — совр. русск. *Горóхов* (фамилия) — чл. ф. *горóховый*.

**bĕ̏rzovъ* — совр. русск. *Берéзов* (фамилия) — чл. ф. *берéзовый*.

**rȃkovъ* — совр. русск. *Рáков* (фамилия) — чл. ф. *рáковый*.

*ȁdovъ — ст.-русск. ѧ̑доко (Домостр. К, 23[25]) — чл. ф. *áдовый*.

Ср. схрв. *грȁхов*, *брȇзов*, *рȁков* и под., и словен. *grȁhov*, *brẹ̑zov*. (Ср. также посав. *Rȕševo* : *ȕ Ruševe*).

Тип B: **ježe̋vъ* — совр. русск. *Ежóв* (фамилия) — чл. ф. *ежóвый*.

**drozdȍvъ* — совр. русск. *Дроздóв* (фамилия) — чл. ф. *дроздóвый*.

**kozьlȍvъ* — совр. русск. *Козлóв* (фамилия) — чл. ф. *козлóвый*.

**morže̋vъ* — совр. русск. *Моржóв* (фамилия) — чл. ф. *моржóвый*.

**bъbrȍvъ* — совр. русск. *Бобрóв* (фамилия) — чл. ф. *бобрóвый*.

**kovše̋vъ* — совр. русск. *Ковшóв* (фамилия) — чл. ф. *ковшóвый*.

Ср. аналогичный тип в южнославянских: схрв. *jȇжев*, *пȍпов*, *бȍрлов*, *бȍбов* и др., словен. *bobȍv*, *kozlȍv*, *orlȍv* и т. д.

Тип C: **vȏltovъ* — ст.-русск. Бо̑лотоко (Лет., 10), на̑ Болотоке (Новг. Лет., 533 об.).

**snȇgovъ* — ст.-русск. снѣговы (Пат. ск., 268) — чл. ф. совр. русск. *снеговóй*.

**pȍljevъ* — ст.-русск. Пóлекъ (Лет., 563 об.) — чл. ф. совр. русск. *полевóй*.

**dǫ̑bovъ* — ст.-русск. дꙋ̑боко (Алф., 180), совр. русск. *Дýбов* (фамилия) — чл. ф. ст.-русск. дꙋ̑бокыа (Алф., 406).

**grȍmovъ* — ст.-русск. грóмока (Сборн. 1647 г., 858 об.), совр. русск. *Грóмов* (фамилия) — чл. ф. совр. русск. *громовóй*.

**dȕxovъ* — совр. русск. *Дýхов* (*день*) — чл. ф. русск. *духовóй*.

**nȍsovъ* — совр. русск. *Нóсов* (фамилия) — чл. ф. совр. русск. *носовóй*.

**mȅxovъ* — совр. русск. *Мóхов* (фамилия) — чл. ф. совр. русск. *моховóй*.

**rȍgovъ* — совр. русск. *Рóгов* (фамилия) — чл. ф. совр. русск. *роговóй*.

Ср. сохранение перетяжки ударения на предлог у ряда изолированных слов этого типа в схрв. диалектах: *Đȁkovo* : *ȕ Đakovo*; *Vȁlpovo* : *lz Valpova* (Šaptinovac; Rad 168, стр. 119), посавск. *Đȁkovo* : *ȕ Đakovo*; *Vȁlpovo* : *nȁ Vālpovo*, ср. также хотя и перестроенные, но в общей системе все же показательные отношения в словен.: *Dȕhovo*, *mǫ̑žev*, *Prȁhov*, *Skȁkov* и т. п.

Исходя из такого рода сопоставлений и опираясь на ударение членных форм в русском (и шире — восточнославянском), мы можем реконструировать следующее правило порождения акцентных типов прилагательных на *-ovъ* в праславянском (табл. 18).

Акцентовка восточнославянских членных форм прилагательных на *-ov-* в основном отражает это правило выбора. Правда, за одним очень важным исключением: из системы выпадают все прилагательные от старых долготных имен парадигмы *b*:

1. *гужевóй*, укр. *гужевúй* от **gǫ́žь*, gen. sg. **gǫ̑žȁ*
2. *ключевóй*, укр. *ключовúй* от **kljúčь*, gen. sg. **kljūčȁ*
3. *лучевóй* от **lúčь*, gen. sg. **lūčȁ*
4. *пластовóй*, укр. *пластовúй* от **plástъ*, gen. sg. **plāstȁ*

Таблица 18

a^a(=A)	b^b(=E)	c^c(=C)
rǎkovъ	*drozdòvъ*	*snĕ̂govъ*
rǎkova	*drozdòva*	*snĕgovà* *
rǎkovo	*drozdòvo*	*snĕ̂govo*

* По-видимому, нет оснований считать, что акцентная кривая типа С в этих прилагательных отличалась от акцентной кривой этого типа, устанавливаемой для других словообразовательных типов прилагательных.

5. *прудовóй* от **prǫ́dъ*, gen. sg. **prǭdà*
6. *путевóй* от **pǫ́tь*, gen. sg. **pǭtì*
7. *мячевóй* (Даль) от **mę́čь*, gen. sg. **mę̄čà*
8. *шиповóй* от **šīpъ*, gen. sg. **šīpà*
9. *хрящевóй*, укр. *хрящевúй* от **xrę́ščь*, gen. sg. **xrę̄ščà*
10. *щитовóй*, укр. *щитовúй* от **ščītъ*, gen. sg. **ščītà*

Ср. строгое следование правилу у прилагательных от древних краткостных основ парадигмы *b*: *бобóвый*, *плодóвый*, *столóвый*, *слонóвый*, *клопóвый*, *снопóвый*, *дворóвый*, *кротóвый*, *ежóвый*, *грошóвый*, *хвощóвый*, *дроздóвый*.

Указанному отклонению, по-видимому, параллельно отклонение в акцентовке русских фамилий на *-ов-*, образованных от древних долготных имен парадигмы *b*:

Бы́ков (бы́к, быка́), *Дья́ков (дья́к, дьяка́)*, *Гри́бов (гри́б, гриба́)*, *Жу́ков (жу́к, жука́)*, *Ку́стов (ку́ст, куста́)*, *Крю́ков (крю́к, крюка́)*, *Мя́чев (мя́ч, мяча́)*, *Пла́стов (пла́ст, пласта́)*, *Ши́пов (ши́п, шипа́)*; но ср. *Ежóв*, *Хвостóв*, *Попóв*, *Дроздóв*, *Бобрóв*, *Ершóв*, *Ковшóв*, *Топорóв* (выпадают из распределения: *Кóнев*, *Кóтов*, *Сóмов*, *Слóнов*).

Такой параллелизм кажется весьма показательным: очевидно, на каком-то этапе в восточнославянском прилагательные на *-ovъ*, образованные от долготных имен парадигмы *b*, перешли в подвижный акцентный тип. Ближайшей причиной такого перехода следует считать праславянскую закономерность перетяжки ударения с долгого слога на предшествующий долгий, называемую нами законом Ю. Крижанича. Особенностью этого закона является то, что он продолжал действовать некоторое время в отдельных славянских языках, захватив и ряд новых долготных позиций.

Указанный переход можно представить следующим образом: **plāstòvъ* > (**plāstòv* — форма, нетерпимая в условиях действия закона Ю. Крижанича) > **plȁstōv* > **plȁstov* (в период падения долгот)

**plāstòvā > *plastòva*
**plāstòvo > *plastòvo*
с дальнейшим выравниванием по аналогии с подвижными формами: **plàstov*, **plastovà*, **plàstovo* (ср. отсутствие типа Е у имен на *-ostь* и наличие такового у имен на *-ota*).

в. Суффиксы с акутированными гласными

1. Прилагательные с суффиксом *-ęnъ*

На основании сравнения ударения нечленных форм этих прилагательных в древне- и старорусских акцентуированных текстах, в словенских краинских диалектах (материал приведен Валявцем) и в текстах Ю. Крижанича (кайк.-чак., XVII в.) с ударением их членных форм в восточнославянских языках, для праславянского реконструируется три акцентных типа этих слов [10]:

Тип А: **mĕdęnъ* (ст.-русск. мѣдѧ [acc. sg., Хрон., 71а], мѣдано [Домостр. И, 38], мѣдена [pl. n., Хрон., 50а]: кайк.-чак. XVII в. [Ю. Крижанич] Ми́ден, Ми́дена, -но [Гр., 61] — чл. ф. мѣданое [Домостр. К, 47[24]]).

**glīnęnъ* (ст.-русск. гли́нанъ [nom. sg., Домостр. К, 59[7]]: кайк.-чак. XVII в. [Ю. Крижанич] гли́нен [Гр., 61], *glíneno* [Пол., 23, 45, 46], *glíneni* [Пол., 35], *glínenomu* [Пол., 46] — чл. ф. совр. русск. *гли́няный*).

**māslęnъ* (кайк.-чак. XVII в. [Ю. Крижанич] Ма́слена [nom. sg. f., См. Разр., 68б] (в краинск. диал. переход в тип F) — чл. ф. совр. русск. *ма́сляный*).

**vŏlnęnъ* (кайк.-чак. XVII в. [Ю. Крижанич] Во́лнен [Гр., 61] (в краинск. диал. словен. переход в тип F: *Volnén*) — чл. ф. укр. *во́вняний*).

Тип F: **bagrę̑nъ* (др.-русск. и багра́ноу [acc. sg. f., Чуд. Нов. Зав., 51[1]]: кайк.-чак. XVII в. [Ю. Крижанич] *bagrénimi* [Пол., 259] — чл. ф. багра́ною [Чуд. Нов. Зав., 157[2]], так же в совр.).

**stъklę̑nъ* (др.-русск. стъкла́но [Чуд. Нов. Зав., 150[4]]: словен. диал. [краинск.] *stъklén = stəklę́n* — чл. ф. ст.-русск. стъкла́ную [Хрон., 108], совр. *стекля́нный*).

**ognę̑nъ* (словен. диал. [краинск.] *ogńén = ognjęn*: кайк.-чак. XVII в. [Ю. Крижанич] *ognyénich* [Пол., 138] — чл. ф. русск. *огня́нный* [Даль], укр. *огня́ний*).

**konopję̑nъ* (словен. диал. [краинск.] *konopłén = konopljęn*: кайк.-чак. XVII в. [Ю. Крижанич] *Konoplyéno* [Пол., 66] — чл. ф. ст.-русск. конопла́ное [Домостр. И, 38], совр. *конопля́ный*).

---

[10] За недостатком места приводятся лишь наиболее интересные сравнения.

Тип С: *dêrvęnъ (ст.-русск. дре́кены [acc. pl. m., Жит. Варл. и Иос., 92], дрекана̀ [nom. sg. f., ГИМ Муз. № 1474 XVII в., 7б]: кайк.-чак. XVII в. [Ю. Крижанич] дрикѐн [Гр., 61], *drewenò* [Пол., 23], *drewenomú* [Пол., 46], дрекены̀ [См. Разр., 63а], в диалекте Крижанича эти прилагательные, выравнивая свой акцент, переходят в тип В, однако сохраняются в ряде случаев факультативные формы с накоренным ударением, — чл. ф. ст.-русск. дерекано́е [Домостр. К, 30[21]]).

*lẽdęnъ (ст.-русск. ле́дани [nom. pl. f., Хрон., 14]: словен. диал. [краинск.] *ledên* = *ledęn* — чл. ф. русск. *ледяно́й*).

*prõsęnъ (словен. диал. [краинск.] *prosên* = *prosęn*: кайк.-чак. XVII в. [Ю. Крижанич] Просѐн [Гр., 61] и Про́сен [См. Разр., 67а], Просенѝм [См. Разр., 67а] — чл. ф. русск. *просяно́й*).

*lẽnęnъ (словен. диал. [краинск.] *lanên* = *lanęn*: кайк.-чак. XVII в. [Ю. Крижанич] *iz Lenenógo* [Пол., 20] — чл. ф. русск. *льняно́й*).

Сравнение этих акцентных типов прилагательных на *-ęnъ* с акцентными парадигмами производящих позволяет восстановить для праславянского следующее правило порождения (табл. 19).

Таблица 19

a^a(=A)	a^b(=F)	c^c(=C)
glĩnęnъ, glĩnęna glĩnęno	*ognę̑nъ, ognę̑na ognę̑no*	*dêrvęnъ, dervęnà dêrvęno*

2. Прилагательные с суффиксом *-avъ*

Аналогично восстанавливаются три праславянских типа и в этой группе имен. Примеры здесь немногочисленны.

Тип А: *lăskavъ (русск. *ла́скав, ла́скава, ла́скаво* [орф. *ла́сков*], укр. *ла́скав*; болг. *ла́скав* [Млад.], схрв. шток. *ла̏скав, ла̏скава, ла̏скаво*; кайк-чак. [Ю. Крижанич] Ла́скав [Гр., 60]; словен. *láskav* — чл. ф. русск. *ла́скавый* [орф. *ла́сковый*]).

*kŏrstavъ (болг. *кра́став* [Млад.]; схрв. шток. *кра̏став, кра̏става, кра̏ставо*; словен. *krástav* — чл. ф. русск. *коро́ставый* [орф. *коро́стовый*], укр. *коро́ставий*).

*slĩnavъ (схрв. шток. *сли̏нав, сли̏нава, сли̏наво*; словен. *slínav* — чл. ф. укр. *сли́нявий*).

Тип F: *lǫkăvъ (др.-русск. лука́в̊ [Чуд. Нов. Зав., 20[1]], совр. *лука́в, лука́ва, лука́во*; схрв. шток. *лу̏кав, лу̏кава, лу̏каво*; кайк.-чак. XVII в. [Ю. Крижанич] Лу̏ка́в, Лу̏ка́во [Гр., 167], словен. *lokàv, lokáva* — чл. ф. др.-русск. лу|ка́вам [Чуд. Нов. Зав., 20[1]], ст.-русск.

лꙋ́кавы̑ [Домостр. К, 23[10]], лꙋ́ка|вы̑хъ [ib. К, 67[14]], совр. русск. *лука́вый*, укр. *лука́вий*).

**rъdjāvъ* (болг. *ръжда́в* [Млад.]; схрв. шток. *ри̏ђав*, *ри̏ђава*, *ри̏ђаво*; чак. [Нови] *rjāvo*; кайк.-чак. XVII в. [Ю. Крижанич] ар҃ла̑к, ер҃ла̑к [Гр., 133]; словен. *rjàv*, *rjáva* — чл. ф. русск. *ржа́вый*; укр. *ржа́вий*, *иржа́вий*).

Тип С: **krъvavъ* (**krъvavà*, **krъvavo*) (болг. *кръ́вав* [Млад.; начальное ударение — реликт старой подвижности!]; схрв. шток. *кр̏вāв*, *кр̏вāва*, *кр̏вāво* (f. в результате выравнивания, NB долгота), посавск. *krvāv*, *krváva*, *krvāvo*; чак. [Нови] *krvāv*, *krvāvȁ*, *krvāvo*; кайк.-чак. [Ю. Крижанич] кор҃ка̑к [Вып. I, 50], Korwawá [nom. sg. f., Пол., 245] — переход в тип В в результате выравнивания по конечно-ударным формам; словен. *krvâv* [слов. f. *krvâva* в результате выравнивания] — чл. ф. ст.-русск. кр҃окакóю [Уч. и Хитр., 220d], кр҃окакы̑хъ [ib., 220g], ср. схрв. чак. [Нови] *krvȃvī* [с оттяжкой с долгого на долгий]. В современных восточнославянских следы подвижности потеряны: русск. *крова́вый*, укр. *крівáвий* [11]).

Сравнение восстановленных праславянских акцентных типов с акцентными парадигмами производящих приводит к правилу порождения, подобному установленному выше для прилагательных на *-ěnъ* (табл. 20).

Таблица 20

a^a(=A)	a^b(=F)	c^c(=C)
kȍrstavъ, *kȍrstava* *kȍrstavo*	*lǫkȃvъ*, *lǫkȃva* *lǫkȃvo*	*krъvavъ*, *krъvavà* *krъvavo*

3. Существительные на *-ęt-*

В этой группе имен на основании показаний сербско-хорватского, словенского и частично старорусского (для противопоставления парадигм *a* и *b*), для праславянского реконструируется три акцентных парадигмы (табл. 21).

Так как речь идет о производных именах, то данные акцентные парадигмы следует рассматривать как типы A, F, C производных и правомерно поставить вопрос о правиле выбора типа акцента в них.

Тип С в сербско-хорватском нормативном значительно сокращен, но в диалектах он сохраняется у ряда имен, для которых нор-

---

[11] Следы старой подвижности акцента у этого слова сохраняются в украинских производных: *крівавúти*, *крівавлю́*, *крівавúш*; *крівавúца*.

Таблица 21

	a	b	c
Nom. sg.	*ăgnę*	*osьlę̑*	*pôrsę*
Gen. sg.	*ăgnęte*	*osьlę̑te*	*pôrsęte*
	otъ ăgnęte	*otъ osьlę̑te*	*ȍtъ porsęte*
Acc. sg.	*za ăgnę*	*za osьlę̑*	*zȁ porsę*
Nom. pl.	*ăgnęta*	*osьlę̑ta*	*porsętȁ*

Примечание. Ср.: Chr. Stang, Slavonic accentuation, стр. 93—94.

мативен тип F. С другой стороны, для реконструкции старого распределения акцентных типов можно использовать болгарские данные. В болгарском наблюдается (по отношению к судьбе акцентовки имен на *-ęt-*) две группы диалектов. В одной — тип C совпадает с типом F (тетевенский, белослатинский и др.); в другой — тип C совпадает с типом A (фракийские, странджанский, софийский и др.). (Здесь мы не касаемся вторичных процессов, наслаивающихся на первичное распределение.)

Все эти источники дают возможность реконструировать акцентные типы имен на *-ęt-* и их распределение в следующем составе (приводятся лишь основы, для которых можно определить акцентную парадигму их производящих):

Тип A: **ăgnę* — схрв. *jȁгње*, *jȁгњета*; словен. *jágnje*, gen. sg. *jágnjeta*, pl. *jâgnjeta*, gen. pl. *jâgnjet*; болг. *я́гне* (тетевен. *а́гне*, *а́гнета*; белослатинск. *йа́гне* ~ странджанск. *йа́гне*, *йа́гнета*).

**vъpŭčę* — ст.-русск. вноучата, вноучатом (см. Stang, стр. 93); схрв. *ȕнуче*, *ȕнучета*; болг. *вну́че* (Млад.).

**kŭrę* — ст.-русск. коура, pl. коурата (см. Stang, стр. 93); схрв. кайк.-чак. XVII в. (Ю. Крижанич) кȍре (Гр., 23).

**pъtičę* — схрв. *ptȉče*, *ptȉčeta*; болг. *пти́че* (тетевенск. *фти́че*, *фти́чета*).

**jărę* — схрв. *jȁре*, *jȁрета*; болг. *я́ре* (тетевен. *ѥ́ре*, *ѥ́рета*; белослатинск. *йа́ре* ~ фракийск. *іа́ри*, странджанск. *йа́ре*, *йа́рета*, софийск. *йа́ре*).

**ǫtę* — по ст.-русск. оута (см. Stang., стр. 93).

Тип F: **bučę̑* (gen. sg. **bučę̑te*) — схрв. *би́че*, *би́чета* (Вук); болг. *бичé* (тетевен. *бич'é*, *бич'éта*, белослатинск. *бичé* ~ странджанск. *бичé*).

**kozьlę̑* (gen. sg. **kozьlę̑te*) — др.-русск. козлѧ́ти (gen. sg., Чуд. Нов. Зав., 36[1]); схрв. кайк.-чак. XVII в. (Ю. Крижанич) козлѐ, козлéта (Гр., 23, 25), словен. *kozlȅ*; болг. *козлé* (странджанск. *козлé*) — схрв. черногорск. *kȍzle* вторично: ретракция ударения.

*osьlę̑ (gen. sg. *osьlę̑te) — др.-русск. ѻслѧ̀ (acc. sg., Чуд. Нов. Зав., 11[3]), ст.-русск. ѡслѧ́ (см. Stang, стр. 93); схрв. кайк.-чак. XVII в. (Ю. Крижанич) Ѻслѐ, Ѻслéта (Гр., 23, 25).

*orьlę̑ (gen. sg. *orьlę̑te) — схрв. *òrle*, *òrleta*, болг. *орлé* (Млад.).

**telę̑* (gen. sg. *telę̑te*) — схрв. *mèle*, *mèlemа*; словен. *téle*, gen. sg. *telę̑ta*; pl. *telę̑ta*, gen. pl. *telę̑t*; при (вторичной?) подвижности в болгарском *мéлé* (фракийск. *м'éл'ę*, софийск. *мéле*; при нормативном *телé*).

Тип C: **pôrsę* — схрв. *прâce*, *прȁсета*; словен. *prasę̑*, gen. sg. *prasę̑ta*; болг. *прáсé* (тетевен. *прас'é*, *прас'éta* ~ странджанск. *прáce*, *прáсета*, софийск. *прáce*).

*žêrbę — схрв. *ждрêбе*, *ждрѐбетa*, диал. (Пиве и Дробняк). *ждрüјебе*, *ждрѐбетa*; чак. (Нови) *ždrîbe*, *ždrîbeta*; словен. *žrębę̑*, gen. sg. *žrębę̑ta*; болг. *ждрéбé*, (тетевен. *ждреб'é*, *ждреб'éma* ~ странджанск. *ждр'éбе*, *ждр'éбетa*; софийск. *ждрéбе*); ср. также белор. *жéребе*.

**jûnę* — схрв. посавск. *jûne*, *jünetа*, славонск. *jûne*, *jûneta* (при нормативном схрв. *jýне*, *jýнетa*); болг. *юнé* (фракийск. *iýни*, софийск. *jýне*, при нормативном *юнé*).

**zvêrę* — схрв. диал. (Пиве и Дробняк) *звüјере*, *звјѐретa*, чак. (Нови) *zvîre*, *zvîreta*.

**dêtę* — на основании болг. *дéмé* (тетевен. *дет'é* ~ странджанск. *д'éme*, родопск. *dĕte*, *дéme*; в софийском *детé*, вероятно, выравнивание по множественному числу); схрв. *дéme* может быть вторичным, ср. ст.-черногорск. *ди̏јете*, которое, впрочем, малонадежно.

*šćênę — схрв. чак. (Нови) *šćêne*, *šćênetа* (при вторичном варианте *šćenêtа*); болг. *щéнé* (*щенé*, *щеня́*, *щенémа* [Геров] ~ *щéне* [БТР], родопск. *штéнê*).

**svînę* — словен. *svinę̑*, *svinę̑ta* (Škrabec, Cv. 13/11); болг. *свúнé* (?, *свúня*, *свúнятa* [Геров], родопск. *свúнę*, *свúнęmа*).

Сравнение восстановленного распределения акцентных типов с парадигмами производящих (в ряде случаев для реконструкции последних приходится пользоваться такими же приемами, как в разделе, посвященном прилагательным на -ъкъ) приводит к правилу их порождения, тождественному установленному для приводимых выше прилагательных (табл. 22).

Таблица 22

a^a (=A)	a^b (=F)	c^c (=C)
ägnę, ägnęte *pl. ägnęta*	*osьlę̑, osьlę̑te* *pl. osьlę̑ta*	*zvêrę, zvêręte* *pl. zvĕręta*

Примечание. Аналогичные типы A, F, C в системе акцентных парадигм глагола восстанавливаются для *l*-причастий глаголов на *-i-*. Попытка обнаружить в акцентовке этих форм типы A, D, C (ср. аорист: В. А. Дыбо. О реконструкции ударения в праславянском глаголе. — ВСЯ, № 6, 1962, стр. 21—22) была ошибочной.

г. Суффиксы с циркумфлектированными гласными

Акцентная система имен этого типа подверглась наибольшей перестройке, что, вероятно, связано с определенными фонологическими запретами: в первую очередь, с устранением типа CV̄CV̄̍CV. Лишь в одном словообразовательном типе — именах на *-īna* — можно с определенной степенью вероятности восстановить старое правило выбора.

1. Существительные на *-īna*

В эту группу входят существительные с абстрактным значением, образовывавшиеся от прилагательных.

Сравнение показаний среднеболгарских текстов (XIV—XV вв.) с показаниями системы кайкавско-чакавского диалекта XVII в., отразившегося в текстах Ю. Крижанича, доказывает существование в акцентной системе этих имен типа A, который образовывался от прилагательных акцентной парадигмы *a*: ср.-болг. ти́шина (Леств., 225а), ти́шины (gen sg., Леств., 215б), ти́шинѫ (acc. sg., Сб. № 19, 175а) — от **tĩxъ*; пра́кинъı (acc. pl., Пс. Кипр., 88б) — от **prā̏vъ*; и́стина (Пс. Кипр., 35б), и́стина (Пс. Кипр., 89б и др.), и́стинъı (gen. sg., Пс. Кипр., 88а) и др.— от **ĩstъ* (восстановление последнего слова, сохранившегося со старым ударением и в других славянских языках, как **ĩstīna* подтверждается словен. *ȉstina*, где «новый циркумфлекс» из акута перед долготой).

Имена на *-īna*, образованные от прилагательных парадигм *b* и *c*, получали в среднеболгарском акцентный тип B с оттяжкой ударения на предшествующий слог или с сохранением его на окончании в зависимости от диалекта и, по-видимому, от фонетической позиции:

1. въ|глѫби́нѣ (Сб. № 19, 230а), въ глѫби́нѫ (acc. sg., Сб. № 19, 203б) — глѫби|нѫ̀ (Леств., 225б—226а), глѫбина́мъ (Зогр. сб. № 103, стр. 371) — от *glǫbȍkъ* (< **glǫbokъ*).

2. ширина́ (Зогр. сб. № 103, стр. 336) — от **širȍkъ* (< **širokъ*) [в этих случаях остается, однако, неясной акцентовка первичных прилагательных (без суффикса *-ok-*); не исключено, что она была подвижной].

3. та́инѫ (acc. sg., Сб. № 19, 232б), въ та́инѣ (los. sg., Пс. Кипр., 160б), въ та́инѣ (loc. sg., ib., 123б) — от **tâjь*.

Ср.-болг. акцентовка этих имен соответствует, очевидно, акцентовке их в древнерусском: глоубіиѹ (Чуд. Нов. Зав., 28[3]);

таина́ во (ib., 134[4]), тайна̀ (ib., 125[4], 156[1]), тайноу̂ (ib., 115[2], 156[1]), та|йноу̂ (ib., 125[1]), ѡ тайнѣ̂ (ib., 125[4]).

Кайк.-чак. XVII в. (Ю. Крижанич):

Тип А: 1. ти́шина (Гр., 57) — от *tĭxъ; 2. ѥстинѣ̂ (dat. sg., Гр., 155 и др.) — от *īstъ; 3. сла́бина (Гр., 53) — от *slăbъ; 4. всáчина (Гр., 53), всáчинꙋ̀ (acc. sg., Гр., V) — от *vьsăkъ (?, во всяком случае в соответствии с акцентовкой этого местоименного прилагательного в схрв. и у Крижанича); 5. сви́жина (? конкретизация значения!, Гр., 56) в соответствии с акцентной парадигмой *a* прилагательного свиж у Крижанича и в схрв.: ср. *свѐж*, *свѐжа* (при *свѐжа*, что из-за рефлекса долготы вторично).

От прилагательных акцентных парадигм *b* и *c* в диалекте Ю. Крижанича образовывались имена на *-ina* акцентного типа В. В связи с разрушением парадигмы *a* у прилагательных в кайкавских диалектах в XVII в. (это отразилось и у Крижанича) в этот тип переходят и имена от прилагательных старой парадигмы *a*; перечисленные выше имена сохраняются, видимо, лишь как архаизм.

Примечание. Потеря типа А в славянских языках связана как с историей самого словообразовательного типа, так и с историей акцентовки прилагательных, ср. сохранение акцентовки в изолированных *истина*, *всячина*.

Наряду с типом В, прослеживаемым в восточнославянском, болгарском и сербско-хорватском, в сербско-хорватском обнаруживается в этих именах и тип С: шток. *брзи̏на* : *бр̏зину*; *живи̏на* : *жи̏вину*; *плани̏на* : *пла̏нину*; *руди̏на* : *ру̏дину* и др. (Какого-либо соотношения с акцентовкой производящих имен не наблюдается). Между этими типами не удается установить древнего размежевания, и следует, скорее, говорить об устранении подвижности в этой группе имен и переходе типа С в тип В путем простого выравнивания форм. Если мы примем древний характер типа С, то, учитывая результаты анализа приведенных выше словообразовательных типов, естественно будет связать порождение типа С с акцентной парадигмой *c* производящих. В этом случае мы приходим к следующему правилу выбора (табл. 23):

Таблица 23

Акц. парадигмы производящих	*a*	*b*	*c*
Тип производных	a^a (=A)	?	c^c (=C)
Nom. sg.	*ĭstīna*		*živīnȁ*
Gen. sg.	*ĭstīny*		*živīnȳ*
Acc. sg.	*ĭstīnǫ*		*žīvīnǫ*

На место в среднем столбце этого правила могут претендовать два типа: тип В, который мог в дальнейшем смешаться с типом С, что

привело к описанному выше положению, или тип G, с точки зрения классических акцентологических теорий — аномальный и необъяснимый тип, обнаруживаемый в чакавском (Нови): *črnína*, *mokrína*, *ravnína*, *širína* и др. (с распространением на большинство имен на *-īna*) при наличии подвижного (C): *planinȁ*, *planiné*, *plȁninu*, *planinún*.

Последний не только соответствует всей системе выбора акцентных типов производных, но и не поддается толкованию как вторичный (возникший из рассмотренных выше типов), тогда как тип B объясняется выравниванием типа C.

Примечание. Реконструкция типа G противоречит закону Хр. Станга, но этому закону противоречат и другие многочисленные факты в акцентологии славянского именного и глагольного словообразования. Что касается интонационной характеристики ударения в этом типе, то следует подчеркнуть, что балтославянский циркумфлекс дает славянский «циркумфлекс» только в подвижной парадигме.

Окончательный вид правила порождения акцентных типов имен на *-īna* (с учетом сказанного) представлен в табл. 24.

Таблица 24

	a^a (=A)	a^b (=G)	c^c (=C)
Nom. sg.	*ĭstīna*	*čьrnína*	*živīnȁ*
Gen. sg.	*ĭstīny*	*čьrníny*	*živīnỳ*
Dat. sg.	*ĭstīně*	*čьrníně*	*žȉvīně*
Acc. sg.	*ĭstīnǫ*	*čьrníno*	*žȉvīno*
Instr. sg.	*ĭstīnojǫ*	*čьrníno*j*ǫ*	*živīnojǫ̀*
Loc. sg.	*ĭstīně*	*čьrníně*	*živīně*

Примечание. В период действия закона ретракции ударения с долгого на предшествующий долгий тип G должен был расщепиться на два варианта: **bělīna* и **mokrína*; их нивелировка происходила, вероятно, за счет утраты долготы корня, ср. чак. (Нови) *črnína*, *ravnína*.

ГРУППА II

(Образования, у которых отсутствует подвижный акцентный тип C)

а. Суффиксы с редуцированными гласными

1. Существительные на *-ъсь* (мужской род)

С этим суффиксом образовывались уменьшительные существительные и отадъективные имена (отглагольные образования нами не рассматриваются).

Обычно в этой группе имен на основании сравнения русской и сербско-хорватской систем реконструируют два типа: A и B.

Правило выбора этих типов оказывается очень простым: от имен парадигмы *a* образовывался тип А, от имен акцентных парадигм *b* и *c* — тип В.

Тип А: русск. *бра́тец*, схрв. *бра̏тац* — от **brȃtrъ*.

русск. *хле́бец*, схрв. *хлѐбац* — от **xlěbъ*.

русск. (диал.) *кли́нец*, схрв. *кли̏нац* — от **klīnъ*.

русск. *ста́рец*, схрв. *ста̏рац* — от **stȃrъ*.

др.-русск. ні|цьца (gen sg., Чуд. Нов. Зав., 139[3]), схрв. кайк.-чак. XVII в. (Ю. Крижанич) *nìsčec* (Пол., 175) — от **nīščь*.

ст.-русск. и́стецъ (Улож., см. Черных, стр. 245), схрв. кайк.-чак. XVII в. (Ю. Крижанич) и́стец (Вып. III, 65) — от **īstъ*.

Тип В[b]: русск. *дворе́ц*, схрв. *дво̀рац* — от **dvòrъ* (< **dvorь*).

русск. *столе́ц* (Даль), схрв. *сто̀лац* — от **stòlъ* (< **stolь*).

русск. *мудре́ц*, схрв. *му̀драц* — от **mǫ́drъ* (< **mǫdrь*).

русск. *черне́ц*, схрв. *цр̏нац* — от **čь̑rnъ* (*< *čьrnь*) и т. д.

Тип В[c]: русск. *зубе́ц*, схрв. *зу̏бац* — от **zǫ̑bъ*.

русск. *Городе́ц*, схрв. *гра̑дац* — от **gȏrdъ*.

русск. *молоде́ц*, схрв. *мла̑дац* — от **mȏldъ*.

русск. *слепе́ц*, схрв. *сле̏пац* — от **slě̑pъ* и др.

Однако эта реконструкция наталкивается на ряд трудностей.

Обращает на себя внимание наличие среди слов типа В[b] ряда акцентных отклонений (частично диалектных) в русском:

1. *дво́рец* (Даль, при *дворе́ц*) — от **dvòrъ* (< **dvorь*)
2. *ове́сец* (Даль, при *овсе́ц*) — от **ovьsъ* (< **ovьsь*)
3. *кора́блец* (Даль) — от **korȃbjь* (< **korabjь*)
4. *пе́рец* (< **рьрьгьсь*) — от **рьрьгъ* (< **рьрьгь*)

При общей тенденции к распространению типа В в этих именах такие отклонения выглядят как архаизмы.

Введение в сравнение болгарских систем выбора акцентных типов у данных имен открывает возможность для иной реконструкции акцентного типа у имен, введенных в тип В[b].

Болгарские уменьшительные имена на *-ец* получают конечное ударение только в том случае, если они образуются от имен старой подвижной акцентной парадигмы (*c*): *кърсе́ц* (от **kǫ̑sъ*), *граде́ц* (от **gȏrdъ*), *гласе́ц* (от **gȏlsъ*), *зъбе́ц* (от **zǫ̑bъ*), *вълче́ц* (от **vьl̂kъ*) и т. п.

Имена, образованные от имен акцентных парадигм *a* и *b*, получают накоренное ударение: (*a*) *бра́тец* (от **brȃtrъ*), *хле́бец* (от **hlě̑bъ*), *лу́чец* (от **lū̑kъ*); (*b*) *ко́нец* (от **kònjь* < **konjь*), *ко́лец* (от **kòlъ* < **kolь*), *ко́шец* (от **kòšjь* < **košjь*), *кѐтец* (от **kǫ̀tъ* < **kǫtь*), *сто́лец* (от **stòlъ* < **stolь*) и др. Эта система охватывает, по-видимому, всю болгарскую языковую область, за исключением ее юго-западной части, где переход к системе сербского типа, ср. в Горно Поле (Котова, стр. 51 и стр. 66—68).

Для суждения о первичности данной системы в болгарском особенное значение имеют показания таких диалектов, как тете-

венский или белослатинский, где тип *бо́бец* у имен с первоначально краткостным корнем (от имен старой акцентной парадигмы *b*) существует при наличии у производящих мн. ч. типа *бобо́ве*, свидетельствующего об отсутствии в этих диалектах оттяжки на краткостный слог (по крайней мере с неконечной позиции). Неполное совпадение акцентной парадигмы *b* с акцентной парадигмой *a* в этих диалектах препятствует объяснению типа *бо́бец* как результата выравнивания; фонетическое объяснение этого типа из конечноударного при наличии типа *носе́ц*, разумеется, невозможно.

Данная система выбора акцентных типов не распространяется на имена, образованные от прилагательных, но более старые тексты дают основание думать о наличии ее в прошлом и у этого рода имен, ср. в «Рибен буквар»: мѐ́ртвецъ (стр. 37) при слѣпе́цъ (там же).

Соотношение болгарской системы выбора акцентных типов у имен на *-ьць* и системы, реконструируемой в результате сравнения русского и сербско-хорватского, позволяет для праславянского реконструировать в этом типе производных систему трех акцентных типов (A, D, B), организуемую следующим правилом порождения (табл. 25):

Таблица 25

	a^a (=A)	a^b (=D)	b^c (=B)
Nom. sg.	*xlĕ̏bьcь, stȃrьcь*	*bobȉcь, mǫdrȉcь*	*gordȉcь, slĕpȉcь*
Gen. sg.	*xlĕ̏bьca, stȃrьca*	*bȍbьca, mǫ́drьca*	*gordьcȁ, slĕpьcȁ*
Dat. sg.	*xlĕ̏bьcu, stȃrьcu*	*bȍbьcu, mǫ́drьcu*	*gordьcȕ, slĕpьcȕ*
Instr. sg.	*xlĕ̏bьcemь, stȃrьcemь*	*bȍbьcemь, mǫ́drьcemь*	*gordьcȅmь, slĕpьcȅmь*
Nom. pl.	*xlĕ̏bьci, stȃrьci*	*bȍbьci, mǫ́drьci*	*gordьci, slĕpьci*
Instr. pl.	*xlĕ̏bьcīxъ, stȃrьcīxъ*	*bȍbьcīxь, mǫ́drьcīxь*	*gordьcȉxь, slĕpьcȉxъ* (> *gȍrdcīxъ, slĕ̏pcīxъ*)

(Неустойчивость типа D и причины различной судьбы его в болгарском, с одной стороны, и сербско-хорватском и русском, с другой, не нуждаются в комментариях).

Очевидно, только при данной реконструкции правила выбора акцентных типов имен на *-ьсь* становится понятным акцентуационное совпадение имен на *-ьсь*, образованных от прилагательных парадигмы *b* с именами типа A в словенском языке: *bę̑ləc, mǫ̑drəc, čr̂nəc, mr̂tvəc, dǫ̑brəc, mǫ̑krəc, ǫ̑jstrəc*, так же, как тип A: *stȃrəc, čīstəc, sīvəc, hītrəc, plȃvəc* и др., тогда как: *slę́pəc, krívəc, nę́təc, júnəc, nágəc* и др. (тип B от имен акц. парад. *c*).

То, что имена на *-ьсь*, образованные от краткостных односложных прилагательных акцентной парадигмы *b* (*hrȍməc, nȍvəc, nȍ-*

rəc), совпали с типом B, только подтверждает невозможность объяснения путем выравнивания: совпадение акцентовки производных при несовпадении акцентовки производящих и наоборот.

2. Существительные на *-ьса* (женский род)

Реконструкция трех акцентных типов (A, D, B) и соответствующего правила порождения их (табл. 26) основывается на единичных, но изолированных фактах:

Таблица 26

	a^a (=A)	a^b (=D)	b^c (=B)
Nom. sg.	*mȳšьca*	*dvьrьca*	*pylьcá*
Gen. sg.	*mȳšьcę̑*	*dvьrьcę̑*	*pylьcę̑*
Acc. sg.	*mȳšьcǫ*	*dvьrьcǫ*	*pylьcǫ́*
	и т. д.	и т. д.	и т. д.

Тип A: русск. *мы́шца* (от **mȳšь* — акцентная парадигма *a*).

Тип D: русск. *две́рца* (от **dvьrь* < **dvьrь́*, акцентная парадигма *b* подтверждается сравнением акцентовки этого слова в древнерусском (Чуд. Нов. Зав.) и в словенском, в современном русском оно перешло в подвижный тип).

Тип B: русск. *пыльца́* (от **pȳlь* — акцентная парадигма *c*).

3. Существительные на *-ьсе* (средний род)

На основании сравнения восточнославянских фактов и системы кайкавско-чакавского диалекта XVII в., отраженного в текстах Ю. Крижанича, для праславянского восстанавливаются три акцентных типа (A, D, B), связанных правилом выбора с акцентными парадигмами производящих (соответственно: *a*, *b*, *c*) (табл. 27).

Таблица 27

	a^a (=A)	a^b (=D)	b^c (=B)
Nom. sg.	*sȭtьce*	*dъ̀nьce*	*dervьcȅ*
Gen. sg.	*sȭtьca*	*dъ̀nьca*	*dervьcȁ*
Dat. sg.	*sȭtьcu*	*dъ̀nьcu*	*dervьcȕ*
	и т. д.	и т. д.	и т. д.

В современном сербско-хорватском и болгарском языках типы D и B совпали в типе B у большинства соответствующих ос-

нов, т. е. создалось правило выбора, аналогичное сербско-хорватскому правилу выбора для имен м. р. на *-ьць*. Следовательно, сербско-хорватский и болгарский материал могут быть использованы лишь для установления состава акцентного типа A, конечно, с учетом определенных выравниваний. Однако в болгарском и сербско-хорватском сохранилось несколько слов, ударение которых противоречит новому правилу выбора (они имеют наосно́вное ударение вместо ожидаемого конечного) и совпадает с ударением соответствующих восточнославянских слов. Эти слова могут быть использованы как дополнительный материал для установления состава типа D.

Тип A:

1. **sītьce* (русск. *си́тце*, укр. *си́тце*, болг. *си́тце*, схрв. кайк.-чак. XVII в. *сѝтцє* [Гр., 51]) — от **sīto*.

2. **dělьce* (русск. *де́льце*, укр. *ді́льце*, схрв. кайк.-чак. XVII в. дêлца [gen. sg., Вып. III, 97]; совр. схрв. шток. *djélce* вторично) — от **dělo*.

3. **zъrnьce* (укр. *зере́нце*, болг. *зъ́рнце*, схрв. кайк.-чак. XVII в. Зêрнцє [Гр., 51], схрв. шток. *зр̑нце*; схрв. шток. вариант *zŕnce* вторичен) — от **zъrno*.

4. **rŷdlьce* (русск. *ры́льце*, схрв. кайк.-чак. XVII в. *rîlcem* [instr. sg., Пол., 128], схрв. шток. *rłoce*; схрв. шток. вар. *rílce* и болг. *рилцé* вторичны) — от **rŷdlo*.

5. **korŷtьce* (русск. *коры́тце*, укр. *кори́тце*, болг. *кори́тце*, схрв. кайк.-чак. XVII в. Корѝтцє [Гр., 51], схрв. шток. *кòрице*) — от **korŷto*.

6. **kolěnьce* (русск. *коле́нце*, укр. *колі́нце*, болг. *колѣ́нце*, схрв. кайк.-чак. XVII в. Колêнцє [Гр., 24], совр. схрв. шток. *кòљенце*; варианты Колēнцє [Гр., 51] у Ю. Крижанича и схрв. шток. *koljénce* вторичны) — от **kolěno*.

7. **polěnьce* (русск. *поле́нце*, укр. *полі́нце*, схрв. кайк.-чак. XVII в. Полêнцє [Гр., 24, 51]) — от **polěno*.

8. **žędlьce* (русск. *жа́льце*, укр. *жа́льце*, схрв. кайк.-чак. XVII в. Жâлцє [Гр., 24]; укр. вариант *жальцé* вторичен) — от **žędlo* (на основании сравнения русск. *жа́ло* и кайк.-чак. XVII в. жа́ло [Гр., 175]; но укр. *жало́* и польск. *żądlo* дают основание предполагать акцентную парадигму *b*, тогда производное следует отнести к типу D).

Тип D:

1. **sedъlьce* (русск. *седе́льце*, укр. *сіде́льце*, схрв. кайк.-чак. XVII в. Сєдêлцє [Гр., 51]; но совр. схрв. шток. *sedàlce*) — от **sedьlo*.

2. **okъnьce* (русск. *окóнце*, др.-русск. ѿ окóнца [Чуд. Нов. Зав., 56[2]], ѝ окóнцє [ib., 120[4]], укр. *вікóнце*, схрв. кайк.-чак. XVII в. Ôкôнцє [Гр., 26, 51], Ôкôнец [gen. pl., Гр., 26]; но совр. схрв. шток. *okánce*) — от **okъno*.

3. *bьrvьnьce (русск. *бревéнце*, схрв. кайк.-чак. XVII в. Бервêнцє [Гр., 51]) — от *bьrvьnò.

4. *poltьnьce (русск. *полотéнце*, укр. *полотéнце*, схрв. кайк.-чак. XVII в. Платêнцє [Гр., 51]; но болг. *платънцé*) — от *poltьnò.

5. *pisьmьce (укр. *писéмце*, схрв. кайк.-чак. XVII в. Писêмцє [Гр., 51]; русск. *письмецó*, болг. *писъмцé*, совр. схрв. шток. *pisàmce*, *pisámce* вторичны) — от *pisьmò.

6. *lǫkъnьce (русск. *лукóнце*, схрв. кайк.-чак. XVII в. Лȣкôнцє [Гр., 51], *lucônce* [nom. sg., Пол., 276], *lukônce* [acc. sg., Пол., 276], *lukônca* [nom. pl., Пол., 276]) — от *lǫkъnò.

7. *korьjьce (ст.-русск. копéіцє [acc., sg., Хрон., 71], схрв. кайк.-чак. XVII в. Копêјцє [Гр., 51]; совр. русск. *копьецó* вторично) — от *korьjè.

8. *rešètьce (русск. *решётце*, укр. *решíтце*, схрв. кайк.-чак. XVII в. Решêтцє [Гр., 51]: укр. вар. *решітцé* вторичен) — от *rešetò.

9. *dъnьce (русск. *дóнце*, ст.-русск. дóнцє [Домостр. К, 54[10]], укр. *дéнце*, болг. *дъ́нце* [один из немногих случаев сохранения следов типа D в болг.], но схрв. шток. *дáнце*) — от *dъnò.

10. *stьbòlьce (укр. *стебéльце*, болг. *стъбълце* [второй случай сохранения типа D в болг.], но болг. *стебълцé*) — от *stьbьlò (< *stьbъlò? Относительно редуцированного в суффиксе ср. польск. диал. *śćybuo* [Kucała, стр. 59]).

11. *vèslьce > *vesl̥ce (системная перестройка) (русск. *весéльце*, укр. *весéльце*, схрв. шток. *vèsaoce* [один из немногих примеров сохранения типа D в схрв.]; схрв. вар. *vesálce* вторичен) — от *veslò.

12. *stьklьce > *stьkl̥ce (системная перестройка) (русск. *стекóльце*; укр. *шкéльце*, схрв. *stàkaoce* [один из примеров сохранения типа D в схрв.]; схрв. варианты *stakóce*, *stakàlce* вторичны) — от *stьklò.

13. *stègnьce > *stegn̥ce (системная перестройка) (укр. *стегéнце*, схрв. шток. *stègance* [один из примеров сохранения типа D в схрв.]) — от *stegnò.

14. *vertènьce (русск. *веретéнце*, укр. *веретéнце*, *веретíнце*; болг. *вретéнце* [сохранение типа D]; но схрв. шток. *vreténce*) — от *vertenò.

Тип B:

1. *dervьcè (русск. *деревцó*, схрв. кайк.-чак. XVII в. Дрȣвцé [Гр., 26], Дрȣвцє [Гр., 51], *drevcè* [Пол., 39]; русск. вар. *дéревце* и укр. *дерéвце* вторичны) — от *dêrvo.

2. *tělьcè (русск. *тельцó* «носок [яйца]» [Даль], схрв. кайк.-чак. Тȣлцє [Гр., 51], так же совр. схрв. шток. *tijèlce*; русск. *тéльце*, укр. *тíльце* вторичны) — от *tê̆lo.

3. *ajьcė (русск. *яйцó*, укр. *яйцé*, схрв. кайк.-чак. XVII в. Ја[ј]цѐ [Гр., 24], так же в болг. *яйцé*, схрв. шток. *jájце*) — от *âje.

4. *kolьcė (русск. *кольцó*, укр. *кільцé*, схрв. кайк.-чак. XVII в. Колцѐ [Гр., 51], так же в болг. *колцé*, схрв. шток. *kólce*) — от *kȍlo.

5. *slovьcė (русск. *словцó*, укр. *слівцé*, *словцé*; схрв. кайк.-чак. XVII в. слôвца [gen. sg., Вып. I, 32, 33]; так же в болг. *словцé*, схрв. шток. *slóvce*; укр. вар. *слóвце*, кайк.-чак. XVII в. вар. слôвце [Вып. I, 32, Гр., 51] вторичны. Форма Ю. Крижанича, возможно, в результате выравнивания по формам мн. ч.: ср. gen. pl. Јâјец [Гр., 26], Дрûвец [Гр., 26], Ôчец [Гр., 26], instr. pl. Јâјци [Гр., 27]) — от *slȍvo.

6. *ložьcė (на основании схрв. кайк.-чак. XVII в. Ложцѐ [Гр., 51]) — от *lȍžje.

7. *očьcė (на основании схрв. кайк.-чак. XVII в. Ôчцé [Гр., 26], Ôчцѐ [Гр., 51]; так же в совр. схрв. шток. *ȍčce*, ср. также болг. *очицé* при вторичном *óкце*) — от *ȍko.

8. *ušьcė (на основании схрв. кайк.-чак. XVII в. Ушцѐ [Гр., 51]; так же в совр. схрв. шток. *ûšce*) — от *ûxo.

Из приведенных сопоставлений видно, что старое состояние сохранено в наибольшей степени в восточнославянских языках. Южнославянские языки значительно отошли от первоначальной системы, проведя ряд инноваций. Больше всего здесь пострадал тип D (но не только он, так как перестройка затронула и ряд имен типа A). Тип D был почти полностью устранен, лишь отдельные имена, в основе которых был редуцированный, избежали (частично или полностью) перестройки.

В восточнославянских также наиболее сильной группой оказались имена с редуцированными в основе. (Это объясняется, вероятно, тем, что в данном случае процесс акцентологического выравнивания наталкивался на чередование основы.) Но даже в том случае, когда в восточнославянском в основе были гласные полного образования и, следовательно, чередование основ отсутствовало, при общей тенденции к переводу таких имен в окситонированный тип (B) мы почти всегда обнаруживаем вариант, соответствующий установленному выше правилу выбора:

Тип A:

1. *mȳdlьce (русск. *мы́льце*, укр. *мы́льце*) — от *mȳdlo.
2. *bȍltьce (русск. *болóтце*, но укр. *болітцé*) — от *bȍlto.
3. *šīdlьce (русск. *ши́льце*, укр. *ши́льце*) — от *šīdlo.
4. *sȃdlьce (русск. *са́льце*, но укр. *сальцé*) — от *sȃdlo.
5. *dū̃lьce (русск. *ду́льце*) — от *dū̃lo. И т. п.

Тип D:

1. *volkъnьce (русск. *волокóнце*, укр. *волокóнце*; но болг. *влакънцé*, схрв. шток. *vlakȁnce*) — от *volkъnȍ.
2. *sukъnьce (русск. *сукóнце*, укр. *сукóнце*) — от *sukъnȍ.

3. *vědrьce > *vědr̥ce (системная перестройка) (русск. *ведёрце*, укр. *відéрце*, но болг. *ведърцé*) — от *vědrò.

4. *rèbrьce > *rebr̥ce (системная перестройка) (русск. *ребéрце*, укр. *ребéрце*; при русск. вар. *ребрецó*; ср. болг. *ребърцé*, схрв. шток. *rebàrce*) — от *rebrò.

5. *dúplьce > *dupl̥ce (системная перестройка) (укр. *дупéльце*, но русск. *дуплецó*) — от *duplò.

6. *sèlьce (укр. *сéльце*; но русск. *сельцó* и укр. вариант *сельцé*; ср. болг. *селцé*, схрв. шток. *seòce*, *sélce*) — от *selò.

7. *déltьce (русск. *долóтце*; но укр. *долітцé* и русск. вариант *долотцó*; ср. болг. *длатцé*, схрв. шток. *dlijèce*) — от *deltò.

8. *čèlьce (русск. *чéльце*; но укр. *чільцé*; ср. болг. *челцé*, схрв. шток. *čeòce*, *čélce*) — от *čelò.

9. *krídlьce (русск. *кры́льце*; но укр. *крильцé*; ср. болг. *крилцé*, схрв. шток. *kriòce*, *krílce*) — от *kridlò.

(Отсутствие вариантов с накоренным ударением у слов: укр. *перцé* и русск. *винцó*, укр. *винцé*, по-видимому, случайно.)

Тип B:

1. *mę̑sьcė (русск. *мясцó*, укр. *м'ясцé*, *мнясцé*; так же болг. *месцé*, схрв. шток. *mèsце*) — от *mę̑so.

2. *zoltьcė (русск. *золотцó*, укр. *золотцé*; русск. вар. *зóлотце* вторичен. Так же болг. *златцé*) — от *zôlto.

3. *pivьcė (русск. *пивцó*, укр. *пивцé*) — от *pīvo.

4. *poljьcė (русск. *польцó*, укр. *польцé*; русск. *пóльце* вторично) — от *pȍlje.

5. *sěnьcė (русск. *сенцó*, укр. *сінцé*. Так же болг. *сенцé*, схрв. шток. *sijènce*) — от *sȇno.

6. *ezerьcė (русск. *озерцó*; укр. *озéрце* вторично; другое направление выравнивания, связанное с иммобилизацией производящего, в южнославянских: болг. *éзерце*, схрв. шток. *jèzērce*) — от *ȅzero.

7. *morьcė (русск. *морцó*) — от *mȍrje.

8. *těstьcė (русск. *тѣстецó*) — от *tȇsto.

9. *ojьcė (укр. *війцé*, так же, по-видимому, схрв. шток. *ójца* [f.]) — от *ȍje (словен. *oję̑*).

4. Существительные на *-ъje*

Наличие трех акцентных типов (A, D, B) в этой группе имен в славянских языках не вызывало сомнения. Однако тип D рассматривался как производный из типа B. Считалось, что он возник из последнего путем ретракции ударения. При этом оставлялось без внимания то, что два последних типа сосуществуют в ряде языков и какие-либо указания на фонетическую позицию их дополнительного распределения отсутствуют.

Сравнение древнерусского, старорусского, среднеболгарского материала с фактами сербско-хорватского и словенского языков

позволяет возводить реконструкцию этих типов на праславянский уровень, а анализ акцентных отношений производных с производящими в словенском дает возможность реконструировать правило порождения акцентных типов, которое находит подтверждение в немногочисленных, но достаточно показательных древнерусских и среднеболгарских фактах.

Тип А:

1. **velīčьje* — др.-русск. велѝчьѥ (Чуд. Нов. Зав., 125[2]); ср.-болг. (вост.) велѝчїе (Пс. Кипр., 116б), велѝчїемъ (Пс. Кипр., 133б); словен. *velīčje* (с «новым циркумфлексом»).

2. **sъdŏrvьje* — русск. *здоро́вье*; ср.-болг. (зап.) з҃рáкїа (Поуч. Ис. Сир., 38б); схрв. (шток.) *здрâвље*; словен. *zdrâvje*; чеш. *zdraví* (в последних примерах рефлексы «нового циркумфлекса»).

3. **obvīlьje* — русск. *оби́лье*; ср.-болг. (вост.) ѝ ѻбѝлїе (Пс. Кипр., 116б); схрв. (шток.) *ȍбīље*; словен. *obīlje*; чеш. *obilí* (в последних примерах рефлексы «нового циркумфлекса»).

4. **kămenьje* — др.-русск. ка́мєнь҃ѥ (Чуд. Нов. Зав., 156[1]) и др.; болг. *ка́мънье* : словен. *kâmenje* (с «новым циркумфлексом»). Схрв. *ка̀мēње*: словен. *kamẹnje* и схрв. чак. (Нови) *kamení* : словен. *kamenjè* (Valj. Rad) вторичны.

Тип D:

1. **ȍstrьje* — ст.-русск. ѿстрєє (Уч. и Хитр., 73g) и др.; схрв. посавск. *ȍštārje* (Rad 196, стр. 246); словен. *ȏstrje* (с заменой нового акута «новым циркумфлексом»). Схрв. славонск. *ȍštārje* (Rad 196, стр. 246) в результате системной перестройки, связанной с вокализацией *r*. Совр. русск. *остриё* вторично.

2. **xvŏrstьje* — др.-русск. хвра́|стьꙗ (Чуд. Нов. Зав., 79[3]); словен. *hrâstje* [Valj. Rad] (с заменой рефлекса нового акута «новым циркумфлексом»).

3. **tŏrnьje* — др.-русск. тѐрнь҃ѥ (Чуд. Нов. Зав., 144[3]) и др.; схрв. шток. *трȑње*, чак. (Нови) *trȑnī*; словен. *trȑnje* (рефлекс нового акута; обычно заменен «новым циркумфлексом»)[12]; словацк. *tŕnie* (рефлекс нового акута).

4. **pèrьje* — русск. *пе́рья* (ц.-слав. пе́рїє); схрв. шток. *nêpje* (с удлинением гласного), словен. *pérje* (рефлекс нового акута, о чем надежно свидетельствует закрытый характер *e*).

Тип В:

1. **veselьjė* — ср.-болг. (вост.) къ весєлѝи (Пс. Кипр., 89а)[13],

---

[12] Возможно, из-за хорватского и словенского сокращения сонанта в чакавском и словенском примерах выступает рефлекс нового акута краткостей.

[13] В болгарском здесь и ниже регулярная оттяжка ударения на предшествующий слог. Подробнее об этом явлении см. в разделе, посвященном прилагательным на *-ьj-*.

ср.-болг. (зап.) кєсєлїю (Поуч. Ис. Сир., 36б) и др.; схрв. шток. *весе́ље*, посавск. *vesēl̥ē*, словен. *veseljè*, *veseljȩ́* (с оттяжкой ударения: *vesélje* — открытый *e*!).

2. **orǫžьjè* — др.-русск. ѻ҆рогѫжьі́а во (gen. sg., Чуд. Нов. Зав., 119[1]), так же в ст.-русск. текстах и в совр. диалектах; ср.-болг. (вост.) ѻ҆ржжїє (Пс. Кипр., 50а); словен. *orožjè*, *rožjè* (с оттяжкой ударения: *oróžje* — открытый *o*!), чеш. *oruží* (краткость *u*!)

3. **orǫdьjè* — др.-русск. ѹ҆рогѧдьѥ̂ (Чуд. Нов. Зав., 80[3]); чеш. *orudí* (краткость *u*!), польск. *orędzie* (рефлекс краткости!). Словен. *orǫ̑dje* выравнено по производящему *orǫ̑d*.

4. **zvěrьjè* — русск. *зверье́*; ср.-болг. (вост.) ѕкѣрїє (Пс. Кипр., 130б, 143б), словен. *zvȩrjè*.

Если словенские имена на *-ьje* и родственные им образования на *-ov-ьje* (с «интерфиксом» *-ov-*) расположить по праславянским акцентным парадигмам производящих имен, то отношения между ними выразятся в виде двух конфигураций (табл. 28)

Таблица 28

Конфигурация	Акц. тип производящего / Суффикс	a	b		c
			Долгосложные	Краткосложные	
I	*-ьje* *-ov-ьje*	*klînje* *hlȩ́bovje*	*brę̂stje* *drę̂novje*	*kǫ́lje* *stolǫ̑vje*	*klasjè* *mẹhovjè*
II	*-ьje* *-ov-ьje*	*klînje* *hlȩ́bovje*	*brę̂stje* *drę̂novje*	*kǫ́lje* *stolǫ̑vje*	*klâsje* *sadǫ̑vje*

В конфигурации I в столбце *c* ударение может быть оттянуто на предшествующий слог (*sádje* < *sadjè*), но и в этом случае типы различаются, так как долготные образования столбцов *c* и *b* различаются интонацией: *sádje* и *brę̂stje*, а краткостные — качеством гласного: *góstje* и *kǫ́lje*.

Конфигурация II, очевидно, является вариантом первой, из которого устранен окситонированный тип. Дополнительного распределения столбцов *c* I и II конфигураций не наблюдается. Отмечается лишь географическое распределение и свободная вариантность.

Такие отношения указывают на то, что конфигурация I, содержащая в столбце *c*, по-видимому, реликтовые элементы, описывает предшествующее состояние системы, а конфигурация II иде-

ализированно описывает будущее состояние системы (направление ее движения). Естественно, что элементы конфигурации I столбца *c* и элементы конфигурации II этого же столбца не могут рассматриваться на одном хронологическом уровне.

Что касается отношений, описываемых конфигурацией I, то они, очевидно, восходят к праславянскому состоянию. Здесь следует лишь снять два собственно словенских процесса:

1. Замена нового акута в именах, образованных от долготных имен акцентной парадигмы *b*, рефлексом «нового циркумфлекса»: *brę̂stje* < **brę́stje* (но, по-видимому, сохранение старого состояния в *tŕnje*, *strǫ́čje* и, может быть, *hrástje*[14] [?]).

2. Оттяжка с долгого (удлиненного) на предшествующий долгий слог: *drę̑novje* < **drę̄nǫ̑vje*.

До этих процессов система ударения имен на *-ьje* и *-ov-ьje* в словенском выглядела, очевидно, так:

Таблица 29

Акц. тип производящего / Суффикс	*a*	*b*		*c*
		Долгосложные	Краткосложные	
-ьje	*klînje*	*brę̑stje*	*kǫ̀lje*	*klasjè*
-ov-ьje	*hlę̑̄bovje*	*drę̄nǫ̑vje*	*stolǫ̑vje*	*mę̑hovjè*

А если снять процессы, приведшие к возникновению «нового циркумфлекса», мы получим правило порождения акцентных типов, которое следует относить к праславянскому периоду (табл. 30).

Таблица 30

Акц. парадигмы производящего	*a*	*b*	*c*
Акц. тип производного	a^a (=A)	a^b (=D)	b^c (=B)
-ьje	*klĭnьje*	*bérstьje*, *kòlьje*	*kolsьjè*
Акц. тип производного	a^a (=A)	a^b (=E)	b^c (=B)
-ov-ьje	*hlĕ̄bovьje*	*dernòvьje*, *stolòvьje*	*mĕhovьjè*

[14] Ср., однако, *hrastjè*, из которого, возможно, *hrástje* в результате оттяжки ударения, тогда вариант *hrâstje* следует считать более древней формой.

Для иллюстрации ограничимся образованиями на *-ьje* от непроизводных имен[15]:

Тип А (от имен акцентной парадигмы *a*):

1. *obîlje* (**obvīlъ*), 2. *rânje* (**rănъ*), 3. *mnǫ̂žje* (**mъnógъ* — акцентная парадигма *a*, с вторичной иммобилизацией акцента), 4. *klînje* (**klīnъ*), 5. *orę̂šje* (**ŏrĕxъ*), 6. *plûžje* (**plŭgъ*), 7. *brînje* (**brīnъ*), 8. *kâmenje* (*kamę̂nje*, *kamenjè* — вторичны) (**kămy*), 9. *sę́menje* (*semę̂nje* — вторичен) (**sĕmę*), 10. *žímenje* (**žīnę*), 11. *znâmenje* (**znămę*), 12. *pîrje* (*pīrъ*; слов. *pîr*, вероятно, под влиянием собирательного на *-ьje*[16]), 13. *jûžje* (**jŭgъ*), 14. *tîsje* (**tīsъ*), 15. *zâdje* (**zădъ* или **zăd*ь), 16. *rogǫ̂žje* (**rogȯzъ*, акц. парадигма *a*, вторичная иммобилизация акцента?), 17. *ščâvje* (**ščăvъ* или **ščăva*), 18. *brę̂zje* (**bĕrza*), 19. *lîpje* (**līpa*), 20. *slîvje* (**slīva*), 21. *mrę̂žje* (**mĕržja*), 22. *slâvje* (**slăva*), 23. *glînje* (**glīna*), 24. *žîlje* (**žīla*), 25. *smrę̂čje* (**smĕrka*), 26. *rakîtje* (**orkŭta*), 27. *grûdje* (**grŭda*), 28. *mlâčje* (**mlăka*), 29. *lûžje* (**lŭžja*), 30. *šîbje* (**sība*), 31. *kîtje* (**kŭta*), 32. *šûmje* (**šŭma*), 33. *dlâčje* (**dŏlka*), 34. *klîčje* (**klīca*), 35. *gomîlje* (**mogŭla*), 36. *gr̂lje* (**gŏrdlo*), 37. *lîčje* (**lŭko*), 38. *zr̂nje* (**zŏrno*), 39. *želę̂zje* (**želĕzo*), 40. *nîtje* (**nītь*), 41. *īnje* (**īnьjь*).

Тип D (от имен акцентной парадигмы *b*):

I. Долгосложные основы

1. *brę̂stje* (**bérstъ* < **berstь*), 2. *hlǫ̂dje* (**xlǫ́dъ* < **xlǫdь*), 3. *hôłmje* (**xъ́lmъ* < **xъlmь*), 4. *hrâstje* (**xvórstъ* < **xvorstь*), 5. *hrîbje* (**xríbъ* < *xribь*), 6. *prǫ̂dje* (**prǫ́dъ* < **prǫdь*), 7. *stôłpje* (**stъ́lpъ* < **stъlpь*), 8. *lopûšje* (**lopúxъ* < **lopuxь*), 9. *kr̂čje* (**kъ́rčjь* < *kъrčjь*[17]), 10. *plâstje* (**plástъ* < **plastь*[17]), 11. *sîtje* (**sítъ* < **sitь*[17]), 12. *gr̂mje* (**gъ́rmъ* < **gъrmь*[17]), 13. *lǫ̂čje* (**lǫ́čjь* < **lǫčjь*[17]), 14. *pǫ̂pje* (**pǫ́pъ* < **pǫpь*[17]), 15. *mlę̂čje* (**mélčjь* < **melcjь*[17]), 16. *kr̂šje* (**kъ́ršjь* < **kъršjь*), 17. *rę̂čje* (**rĕkà*, acc. sg. **rĕkǫ̀*), 18. *trâvje* (**travà*, acc. sg. **travǫ̀*), 19. *zvę̂zdje* (**gvĕzdà*, acc. sg. **gvĕzdǫ̀*), 20. *vr̂bje* (**vъrbà*, acc. sg. **vъrbǫ̀*), 21. *lę̂ščje* (**lĕskà*, acc. sg. **lĕskǫ̀*), 22. *gnę̂zdje* (**gnĕzdò*).

II. Краткосложные основы

23. *kǫ́lje* (**kòlъ* > **kolь*), 24. *snǫ́pje* (**snòpъ* < **snopь*), 25. *grǫ́zdje* (**gròzdъ* < **grozdь*), 26. *gǫ́zdje* (**gvòzdъ* < **gvozdь*), 27. *pę̂rje* (**però*).

---

[15] В скобках дается реконструкция праславянского акцентного типа производящего.

[16] Ср.: В. М. Иллич-Свитыч. Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентуационных парадигм. М., 1963, стр. 153.

[17] Отклоняющаяся от праславянской реконструкции словенская акцентовка: *kr̂č*, *plâst*, *sît*, *gr̂m*, *lǫ̂č*, *pǫ̂p*, *mlę̂č* — возникла под влиянием акцентовки производного.

III. Краткосложные основы с вторично перестроенной интонацией

28. *smǫ̑lje* (**smolà*, acc. sg. **smolǫ̀*), 29. *kǫ̑sje* (**kosà*, acc. sg. **kosǫ̀*), 30. *rę̑brje* (**rebrò*), 31. *omę̑ljo* (**omelò*), 32. *ǫ̑strje* (**ȍstrъ* < **ostrь*), 33. *rumę̑nje* (**rudmènъ* < **rudmenь*, с вторичным кратким *e*).

В последней группе интонационная перестройка, вероятно, связана с квантитативным совпадением производящих этой группы со словами парадигмы *a*. Перничный новый акут отражен в качестве гласного.

К той же группе, по-видимому, относятся также: *topǫ̑lje* (словен. *tópoł*, gen. sg. *topóla*), *konǫ̑pje* (словен. *konòp*, gen. sg. *konóра*); напротив, формы *glǫ̑žje*, *hmę̑lje*, возможно, следует связывать с вторичной акцентной парадигмой *a* у производящих в словенском: *glòg*, gen. sg. *glǫ́ga*; *hmèlj*, gen. sg. *hmę́lja*.

Замена рефлекса нового акута новоциркумфлексовым рефлексом у долгосложных прошла довольно последовательно; исключения единичны: вариант *hrástje*, возможно, связан с влиянием акцентовки производного *hrást* (обычно в процессе аналогического выравнивания побеждала акцентовка производного, ср. выше), но может быть *hrástje* — лишь форма от *hrastjè*, полученная в результате оттяжки ударения. *Strǫ́čje* связано с переходом производящего в краткостный тип: *strȍk*, gen. sg. *stróka*. В словен. *trnje*, возможно, сокращение слогового сонанта.

Тип B (от имен акцентной парадигмы *c*):

1. *sadjè*, *sádje* (**sâdъ*), 2. *klasjè* (**kôlsъ*), 3. *latjè*, *vlatjè* (**vôltъ*), 4. *robjè*, *rubjè* (**rǫ̑bъ*), 5. *cępjè* (**cę̑pъ*), 6. *satjè* (**sъ̑tъ*), 7. *družjè* (**drûgъ*), 8. *dušjè* (**dûxъ*), 9. *sladjè* (**sôldъ*), 10. *ręzjè* (**rę̑zъ*), 11. *srpjè* (**sъ̑rpъ*), 12. *šarjè* (словен. *šâr*), 13. *stanjè* (Valj. Rad, **stânъ*), 14. *trsjè* (**tъ̑rsъ*), 15. *ręsjè* (**vę̑rsъ*), 16. *vrátje*[18] (**vȍrtъ*), 17. *cvętje*[18] (**kvę̑tъ*), 18. *lístje*[18] (**lîstъ*), 19. *prǫ́tje*[18] (**prǫ̑tъ*), 20. *trstjè* (**trȍstъ*), 21. *zvęrjè* (**zvę̑rъ*), 22. *vrvjè* (**vъ̑rvъ*), 23. *korenjè*, *korénje* (**kȍrenъ*), 24. *snętjè* (**snę̑tъ*), 25. *osjè* (**ȍstъ*), 26. *strnjè* (**stъ̑rnъ*), 27. *svržjè* (словен. *svȓž*, gen. sg. *svržî*), 28. *goljè* (словен. *gǫ̑ł*, gen. sg. *golî*), 29. *góstje*[18] (**gȍstъ*), 30. *orožjè*, *rožjè*; *oróžje* (**ȍrǫžъ*), 31. *dresélje*[18] (словен. *dresę̑t*), 32. *kočenjè* (словен. *kočę̑n*), 33. *resjè* (**ręsà*, acc. sg. **rę̑sǫ*), 34. *górje*[19] (**gorà*, acc. sg. **gȍrǫ*), 35. *prosjè* (**prȍso*). 36. *dręvje*[19] (**dêrvo*), 37. *veseljè* (**vę̑selъ*), 38. *zelenjè* (**zȅlenъ* или от **zȅlenь*), 39. *sušjè*, *súšje* (**sûxъ* или **sûšь*), 40. *kəljè* (**kъ̑lějь*).

Встречаются лишь одиночные случаи типа B от имен акцентных парадигм *a* и *b*:

1. *vrtjè* (**vъ̑rtъ*); 2. *krovjè* (вариант) (**krȍvъ* < **krovь*); 3. *snopjè*, *snȍpje* (варианты) (**snȍpъ* < **snopь*); 4. *hrastjè*, *hrástje*

---

[18] Встречены только варианты с оттянутым ударением.
[19] Встречены только варианты с оттянутым ударением.

(варианты) (*xvórstъ < *xvorstъ); 5. *barjè* (*bȃra*); 6. *trẹščjè* (*trěskà*, acc. sg. *trěskǫ̀*).

Что касается многочисленных примеров типа *lâsje* (*vôlsъ), *lẹ̑sje* (*lẽsъ), *mọ̑stje* (*mȍstъ), *plọ̑tje* (*plȍtъ), *slâdje* (*sôldъ) и т. п., то они, как было показано выше, вторичны и отражают тенденцию к устранению типа B из современной акцентной системы анализируемых имен.

Реконструированное таким образом правило порождения акцентных типов в именах на *-ьje*, как можно заметить, согласуется с фактами древнерусского и среднеболгарского (см. выше). Ср. также ср.-болг. стѧ́блїе (Пс. Кипр., 132а) (от *stьblò или *stьblь < *stьblь), ло́зїемъ (instr. sg., Пс. Кипр., 142б) (от *lozà, acc. sg. *lozǫ̀*).

5. Существительные на *-ьja*

В этой категории имен естественно предполагать то же правило выбора акцентных типов, что и в именах на *-ьje*:

Таблица 31

a^a (=A)	a^b (=D)	b^c (=B)
brȃtьja	*sokòlьja*	*družьjà*

Однако хорошо засвидетельствованы лишь два акцентных типа: A и B, которые распределяются в зависимости от акцентных парадигм *a* и *c* производящих имен. Если в русском данные формы включены в парадигму производящих имен, то в кайкавско-чакавском диалекте XVII в. они сохраняют собственную парадигму, так что характер акцентных кривых устанавливается довольно надежно[20] (табл. 32).

Таблица 32

	Тип A	Тип B		
Nom. sg.	Бра́тја	Господја̀	Дрȣзја̀	Кнезја̀
Gen. sg.	Бра́тѣи	Господѣ̀и	Дрȣзѣ̀и	Кнезѣ̀и
Dat. sg.	Бра́тѣи	Господѣ̀и	Дрȣзѣ̀и	
Acc. sg.	Бра́тјȣ	Господјȣ̀	Дрȣзјȣ̀	Кнезјȣ̀
Instr. sg.	Бра́тјеjȣ	Господје́jȣ	Дрȣзје́jȣ	Кнезје́jȣ
Loc. sg.	Бра́тѣи	Господѣ̀и	Дрȣзѣ̀и	Кнезѣ̀и

[20] См. Гр., 28.

Что касается распределения акцентных типов, то оно определяется следующими соответствиями:

Тип A:

1. *brātьja (ст.-русск. бра́тьи [gen. sg., Улож., 214 об.], бра́тьѧмъ [ib., 199 об.], русск. совр. *бра́тья*: схрв. кайк.-чак. XVII в. бра́тјà [Гр., 27 и др.]; русск. диал. *братья́* вторично) — от *brātrъ.

2. *svātьja (русск. диал. *сва́тья*[21]: схрв. кайк.-чак. XVII в. Сва́тјà [Гр., 27]; русск. диал. *сватья́* вторично) — от *svātъ.

3. *xŏlpьja (по русск. *холо́пья*) — от *xŏlpъ.

4. *dĕdьja (ст.-русск. дѧдьѧ [Улож., 68 об., 268 об.], диал. *дя́дья*; русск. диал. *дядья́* вторично) — от *dĕdę (*dĕdъ).

5. *šūrьja (по русск. диал. *шу́рья*; русск. диал. *шурья́* следует считать вторичным) — от *šūrъ, *šūrinъ.

Тип B:

1. *družьjà (ст.-русск. дрꙋзьѧ [Улож., 15 об.], совр. *друзья́*, диал. *дружья́* : схрв. кайк.-чак. XVII в. Дрꙋзјà (Гр., 27]) — от *drûgъ.

2. *mǫžьjà (ст.-русск. мꙋжьѧмъ [Улож., 209], совр. *мужья́*: схрв. кайк.-чак. XVII в. Мꙋжјà [Гр., 27]) — от *mǫ̂žь.

3. *kъnęžьjà (русск. *князья́*: схрв. кайк.-чак. XVII в. Кнезјà [Гр., 27]) — от *kъnęzь.

4. *synovьjà, synьjà (ст.-русск. сыновьѧ (Улож., 209); русск. *сыновья́*, диал. *сынья́* : схрв. кайк.-чак. XVII в. Синовјà [Гр., 27]) — от *sŷnъ.

5. *gospodьjà (по схрв. кайк.-чак. XVII в. Господјà [Гр., 27]) — от *gȍspodь.

6. *dĕverьjà (по русск. диал. *деверья́*. Варианты *де́верья*, *деве́рья* следует считать результатами различных выравниваний) — от *dĕverь.

Тип D:

Остатками этого типа можно считать русск. диал. *соко́лья* (от *sokòlъ < *sokolъ) и *кобе́лья* (от *kobèlь < *kobelь).

6. Прилагательные на -ьjь

При анализе этой группы имен следует иметь в виду, что данные прилагательные не образовывали членных форм. «Полные» формы их в русском и южнославянских являются результатом выравнивания по соответствующим членным формам других типов прилагательных. Поэтому конечное ударение в этой категории не может быть объяснено перетяжкой ударения на энклитику (подобно *друго́й* < *drugъjь < *drugъjь < *drûgъ + jь и т. п.), а представляет собой реликт старого окситонного типа B. В средне-

[21] Собрание примеров см. Обнорский II, стр. 62—67.

болгарском, где отсутствует перестройка окончаний этих прилагательных по членным формам, данный тип B сохраняется (со специфической восточноболгарской ретракцией ударения): masc. nom. sg. бѫ́ї (Сб. № 19, 30а, 468а), gen. sg. бѫ́ıа (Сб. № 19, 29а), кра́жıа (Пс. Кипр., 47а), dat. sg. бѫ́ıꙋ (Сб. № 19, 28б), acc. sg. бѫ́ї, бѫ́ıа (Ням. сб. № 20 Яц., 15), instr. sg. бѫ́ıимъ (Зогр. сб. № 103, стр. 382), loc. sg. бѫ́ї (Пс. Кипр., 45б); femin. gen. sg. бѫ́ıѧ (Дион. Ареоп., 81б), кра́жıѫ (Сб. № 19, 31б), acc. sg. бѫ́ıѫ (Ням. сб. № 106 Яц., 5), instr. sg. бѫ́ıеѫ (Ням. сб. № 20 Яц., 20), acc. pl. кра́жıѫ (Сб. № 19, 450б), pl. loc. кра́жıахъ (Пс. Кипр., 25а); neutr. nom. sg. бѫ́ıе (Дион. Ареоп., 83б), gen. sg. бѫ́ıа (Ням. сб. № 20 Яц., 15), instr. sg. бѫ́ıимъ (Ням. сб. № 20 Яц., 45), loc. sg. кра́жıи (Сб. № 19, 189а); при сохранении конечного ударения в neutr. nom. pl. бѫ́ıа́ (Пс. Кипр., 55а)[22].

Для праславянского устанавливаются три акцентных типа этих имен: A, D, B. Их распределение определяется следующими соответствиями:

Тип A:

1. **kŏrvьjь* — ср.-болг. (вост.) кра́вıе (Пс. Кипр., 134б); болг. (тетевен.) *кра́ви*; схрв. шток. *кра̏вљū*, словен. *krâvji*, чеш. *kraví*, словацк. *kraví*, польск. *krowi* — от **kŏrva* (*a*).

2. **žăbьjь* — болг. (тетевен.) *жа́би*; схрв. шток. *жа̏бљū*, словен. *žâbji*, чеш. *žabí*, словацк. *žabí* — от **žăba* (*a*).

3. **rȳbьjь* — схрв. шток. *рȳбљū*, словен. *rȉbji*; чеш. *rybí*, словацк. *rybí* — от **rȳba* (*a*). И др.

Тип D:

1. **pьsьjь* — ср.-болг. (вост.) пе́сıи (Ням. сб. № 106 Яц., 6) и др. формы; схрв. шток. *nȁcjū*, словен. *pâsji* — от **pьsъ* (< **pьsь*) (*b*).

2. **kŏzьjь* — ср.-болг. (вост.) ку́зıемь (instr. sg. n., Сб. № 19, 340б), къ ко́сıахъ (loc. pl. f., Пс. Кипр., 204б), болг. (тетевен.) *ко́зи*; схрв. шток. *kȍzjū*, словен. *kǫ́zji*. Ср. также ст.-русск. к ко̑зıах (Сборн., 166 об.; Васильев, стр. 46) с рефлексом нового акута краткостей. — от **kozȁ*, acc. sg. *kozǫ́* (*b*).

3. **býčьjь* — чеш. *býčí*, словацк. *býči*; словен. *bȉčji* — с заменой нового акута «новым циркумфлексом»[23] (в словен. *bȉk*,

---

[22] При ретракции ударения в других формах в среднеболгарском (восточном) первоначально долгое окончание nom.-acc. pl. neutra (*-ā*) сохраняло ударение, если предшествующий слог был первоначально кратким: ср.-болг. села̀ (< **selȁ*), ребра̀ (< **rebrȁ*), плеща̀ (< **pletjā*), но ли́ца (< **lĭcā* < **līcȁ*), кри́ла (< **krĭlā* < **krīlȁ*). Оттяжка с долгого на предшествующий долгий относится, по-видимому, еще к доболгарскому периоду.

[23] Этот процесс, с которым мы уже встречались выше, носит в словенском характер почти фонетической всеобщности.

bíka не рефлекс акута, а вторичное сокращение долготы) — от **býkъ* (< **bykъ*) (*b*).

4. **ȍsьjь* — на основании словен. *ǫ́sji* с рефлексом нового акута краткостей — от **osȁ*, acc. sg. **osǫ́* (*b*).

5. **kozьlьjь* > **kȍzьlьjь* (перестройка) — ср.-болг. (вост.) кȍ̏zлиѫ (acc. sg. f., Пс. Кипр., 43б), схрв. шток. *kȍžlī* (RJA); ст.-русск. кȍ̏zлїю (Псалт., 66; Васильев, стр. 46) с рефлексом нового акута кратностей (в словен. *kózlji*, по-видимому, выравнивание) — от **kozьlъ* (< **kozьlь*) (*b*).

6. **osьlьjь* > **ȍsьlьjь* (перестройка) — ср.-болг. (вост.) ȍ̏сли (loc. sg. n., Сб. № 19, 43а); схрв. шток. *Ȍšlе*, gen. sg. *Ȍšlēga* (n., топоним). Схрв. *ȍшљū*, по-видимому, вторично — от **osьlъ* (< **osьlь*) (*b*).

7. **orьlьjь* > **ȍrьlьjь* (перестройка) — на основании словен. *ǫ́rlji*, где рефлекс нового акута краткостей, — от **orьlъ* (< **orьlь*) (*b*).

8. **ovьčьjь* > **ȍvьčьjь* (перестройка) — ср.-болг. (вост.) ȍ̏кчїи (nom. pl. m., Пс. Кипр., 55а, 104б, bis) и др. формы; болг. диал. (тетевен.) *ȍ́фчи*; схрв. шток. диал. (Пиве и Дробняк, Пипери) *ȍвчū*; словен. *ǫ́včjі*. Ср. также русск. *овéчий*, которое, возможно, отражает более раннее состояние (схрв. нормативное *ȍвчјū*, может быть, связано с переходом производящего слова в подвижный тип) — от **ovьcȁ*, acc. sg. **ovьcǫ́* (*b*).

Тип B:

1. **božьjь* (< **božьjь*) — ср.-болг. (вост.) бѫ̄жїи и др.; болг. диал. (тетевен.) *божи́*; схрв. диал. *бȍжū*, *божû* (Пиве и Дробняк, Пипери, поцерский, Дубровник), словен. *bóžji* (открытый *o*! Поздняя оттяжка ударения). Др.-русск. бѫ̄жїѧ (gen. sg. f., Чуд. Нов. Зав., 100[3]) и др. формы; ср.-русск. бо́жїи, бо́жїе; бо́|жїа с открытым *o* в текстах с обозначением закрытого *ô* (Васильев, стр. 46) (схрв. нормативн. *бȍжјū*, по-видимому, вторично) — от **bȍgъ* (*c*).

2. **voržьjь* — ср.-болг. (вост.) вра̏жїа (gen. sg. m., Пс. Кипр., 47а) и др. формы; схрв. шток. *вра̏жјū*; посавск. *vražjī*, *vrȁžjī*; чеш. *vraží* (словен. *vrâžji* вторично) — от **vôrgъ* (*c*).

3. **vьlčьjь* — болг. диал. (тетевен.) *влчи́*; схрв. шток. *ву́чјū*, посавск. *vučjī*, *vȕčjī*; словен. *vólčji* (с оттянутым ударением), словацк. *vlčí* — от **vьlĵkъ* (*c*).

4. **kokošьjь* — на основании схрв. шток. *кокȍшјū* (Пиве и Дробняк), *кокȍшū* (словен. *kokȏšji*, очевидно, вторично) — от **kȍkošь* (*c*).

5. **borvьjь* — на основании схрв. шток. *бра̀вљū*, диал. черногорск. *бравјû* — от **bôrvъ* (*c*).

6. **kъnęžьjь* — на основании изолированного русск. *княжóй* (Даль; поэзия XIX в.) — от **kъ̏nęžь* (*c*).

Приведенные соответствия предполагают правило порождения акцентных типов прилагательных на *-ьj-* в праславянском, тождественное соответствующим правилам, восстановленным выше для других *-ьj*-имен (табл. 33).

Таблица 33

a^a (=A)	a^b (=D)	b^c (=B)
kȍrvьjь, kȍrvьja kȍrvьje	*kòzьjь, kòzьja kòzьje*	*božȉjь, božȉjȁ božȉjȅ*

7. Существительные на *-ьstvo*

Данные имена, очевидно, имели в праславянском те же три акцентных типа A, D, B. Их распределение лучше всего сохранилось в среднеболгарских текстах и в диалекте Ю. Крижанича. Сравнение этих данных приводит к ситуации, подобной описанным выше.

Тип A:

1. **brȃtьstvo* — ср.-болг. въ брáт'ствѣ (loc. sg., Вас. Вел., 199б) : кайк.-чак. XVII в. брáтство (Гр., 48) — от **brȃtrъ* (*a*).

2. **velīčьstvo* — ср.-болг. велѝчѧствоу (dat. sg., Сб. № 19, 303а) : кайк.-чак. XVII в. велѝчество (Гр., 48) — от **velīkъ* (*a*).

3. **cȃrьstvo* — ср.-болг. цр҃ство (при очень большом количестве форм, ни одного указания на конечное ударение в памятниках со сплошной акцентовкой) : кайк.-чак. XVII в. цâрство (Гр. 48, 175, с заместительной долготой перед плавным) — от [**cȃrъ*] (акц. парад. *a* в южнославянских). И др.

Тип D:

1. **vьdȍvьstvo* — ср.-болг. вдóвство (nom. sg., Сб. № 19, 146б), вдóвствомѧ (instr. sg., Сб. № 19, 147б): кайк.-чак. XVII в. ȣдȍвство (Гр., 56²) — от **vьdovȁ*, acc. sg. **vьdovǫ́* (*b*).

2. **otьčьstvo* — ср.-болг. ѿчѧство (при большом количестве форм ни одного указания на конечное ударение в текстах со сплошной акцентовкой) : кайк.-чак. XVII в. Отáчство (Гр., 48) — от **otьcь*, **otьcȁ*. (*b*).

3. Кайк.-чак. XVII в. бȃнство (Гр., 252), Ковȃчство (Гр., 49), ȣченѝчство (Гр., 48), Господȃрство (Гр., 48) — от **bȃnъ* < **bānь*, **kováčь* < **kovāčь*, **učenīkъ* < **učenīkь*, **gospodȃrjь* < **gospodārjь* (*b*).

4. Ср.-болг. свойства (gen. sg., Сб. № 20, 9б), свойствȣ (dat. sg., Сб. № 20, 9б), тайнство (Сб. № 20, 27б, 28а) — от **svȍjь*, **svojȁ*, **svojȅ*; **tajīnȁ*, *tajīnǫ́* (болг. и вост.-слав. инновация?) (*b*).

Тип B:

1. **božьstvò* — ср.-болг. бѫтвô (Сб. № 20, 6а), бѫтвóмь (instr. sg., Сб. № 20, 3б), бѫтвóмъ (instr. sg., Сб. № 20, 4б) : кайк.-чак. XVII в. Божєтвô (Гр., 49) — от **bȍgъ* (*c*).

2. **mǫžьstvò* — ср.-болг. мѫжьєтвò (acc. sg., Сб. № 19, 109а), мѫжьєтвà (gen. sg., Сб. № 19, 103б), мѫжьєтвóмь (instr. sg., Сб. № 19, 103а) — от **mǫ̑žь* (*c*).

3. **gospodьstvò* — ср.-болг. господєтвô (acc. sg., Сб. № 19, 182а) — от **gȍspodь* (*c*).

4. **kъnęžьstvò* — кайк.-чак. XVII в. Кнежєтвô (Гр., 48, 49) — от **kъ̑nęžь* (*c*).

5. **ljudьstvò* — кайк.-чак. XVII в. лѹдєтвô (Гр., 252) (при вторичном лѹдєтво [Гр., 35] — от **ljûdь* (*c*).

6. **vojьstvò* — кайк.-чак. XVII в. вojєтвô (Гр., 36) — от **vȍjь* (*c*) и др.

Несмотря на то, что и в среднеболгарских текстах и у Ю. Крижанича тип B испытывает тенденцию к замене типом D (ср. кайк.-чак. вариант лѹдєтво, ср.-болг. ѕкѣрєтво [Ням. сб. № 20, стр. 24], съ кнѧжьєтвами [Сб. № 20, 38б][24]), следует, по-видимому, отдать предпочтение показаниям этих систем, соответствующим предложенной выше реконструкции правил порождения акцентных типов у образований с -ь-суффиксами II группы, и считать такие сербско-хорватские факты, как *žènstvo*, *bánstvo*, *hajdúštvo*, *poglavárstvo* и под., вторичными.

б. Суффиксы с краткими гласными

Среди отыменных образований с краткостным суффиксом не удается обнаружить достаточно устойчивый тип, ударение которого можно было бы сравнить с ударением производящих. Теоретически ударение в этой группе легко восстанавливается: вероятно, оно не отличалось от второго варианта реконструкции ударения имен на *-ota* (табл. 34).

Таблица 34

	a^a (=A)	a^b (=E)	b^c (=B)
Nom. sg. Acc. sg.	*čȉstota* *čȉstotǫ* и т. п.	*dobrȍta* *dobrȍtǫ* и т. п.	*lěpotà* *lěpotǫ̀* и т. п.

[24] Во втором примере, возможно, специфическая оттяжка ударения во мн. ч.

в. Суффиксы с акутированными гласными

Акцентные отношения в именных образованиях с такими суффиксами хорошо известны. Внешнее сравнение приводит к реконструкции двух акцентных типов у этих имен: A (акутовое ударение на корне) и F (акутовое ударение на суффиксе). Тип A связывается с акутовым ударением производящего (акцентная парадигма *a*), тип F — с неакутированными основами (именами акцентных парадигм *b* и *c*).

Однако при обычном рассмотрении упускается из виду, что при производящем акцентной парадигмы *b* иктус просто передвинут на следующий за производящей основой слог, а при производящем парадигмы *c* иктус падает именно на слог суффикса. Это хорошо видно при «интерфиксации» (в том случае, если «интерфикс» относится к суффиксам группы I). При введении «интерфикса» производное от основ акцентной парадигмы *b* получает тип, определяемый правилом, сформулированным для суффикса, выступающего теперь в роли интерфикса; насуффиксальное же акутовое ударение (F) получают лишь производные, образуемые от имен акцентной парадигмы *c*.

1. Существительные на *-ica*

Два праславянских типа A и F хорошо отражаются в южно- и восточнославянских языках. Тип A связывается с именами акцентной парадигмы *a*: **stȃrica* (от **stȃrъ*), **ȗdica* (от **ȗda*), **rȳbica* (от **rȳba*), **kъnĩžica* (от **kъnĩga*) и т. д.; тип F — с именами акцентных парадигм *b* и *c*:

F_1 (от *b*): **čьrnĩca* (от **čȇrnъ* < **čьrnъ̀*); **vьdovĩca* (от **vьdovȁ*, acc. sg. **vьdovǫ́*); **stolĩca* (от **stȍlъ* < **stolъ̀*), **osьlĩca* (от **osȍlъ* < < **osьlъ̀*) и т. д.

F_2 (от *c*): **moldĩca* (от **mȏldъ*); **golvĩca* (от **golvȁ*, acc. sg. **gȏlvǫ*), **vodĩca* (от **vodȁ*, acc. sg. **vȍdǫ*) и т. д.

Таблица 35

	a^a (=A)	a^b (=F_1)	a^c (=F_2)
С односложным суффиксом и совпадением типов a^b и a^c	*stȃrica* *ȗdica*	*čьrnĩca* *vьdovĩca*	*moldĩca* *golvĩca*
С «интерфиксацией» («интерфиксы» из суффиксов группы I)	*ǫ̃zьnica* *mĕdę̃nica*	*grĕšьnica* (< **grěšьnica*) *stьklę̃nica*	*blǫdьnĩca* *prosę̃nĩca*

Правило порождения акцентных типов производных может быть представлено в следующей таблице (функциональное различие типов F_1 и F_2 демонстрируется на примерах с «интерфиксами») (табл. 35).

Отношения в именах с «интерфиксом» *-ęn-* реконструируются на основании следующих соответствий: **mĕdęnica* — русск. ц.-слав. мѣданица : кайк.-чак. XVII в. Миденица (Гр., 47²); **stьklęnica* — ст.-русск. сткланицы (асс. pl. Хрон., 108), совр. русск. *стекля́ница*, *скля́ница* (Даль) : схрв. кайк.-чак. XVII в. Стекленица (Гр., 47², 135) и др.; **prosęnica* — русск. *просяни́ца*: схрв. кайк.-чак. XVII в. Просеница (См. Разр., 67б).

2. Существительные на *-ina* (с акутовым *i*)

Этот тип, по-видимому, совершенно аналогичен предшествующему. Он также складывается из двух акцентных моделей: A (акутовой накоренной) и F (акутовой насуффиксальной), — и последняя также представляет собой результат совпадения двух акцентных типов a^b и a^c, которые разделяются при введении «интерфикса» (табл. 36).

Таблица 36

	a^a (=A)	a^b (=F_1)	a^c (=F_2)
С односложным суффиксом и совпадением типов a^b и a^c	*ĩvina*	*travĩna*	*dervĩna*
С «интерфиксацией» («интерфиксы» из суффиксов группы I)	*rȁkovina* *mȁkovina*	*sigȍvina* *volȍvina*	*rogovĩna* *domovĩna*

Факты, приводящие к этой реконструкции, многочисленны и широко представлены в восточнославянских и южнославянских языках; ср. в русском: тип A — *га́дина*, *я́звина*, *хле́бина*, *берёзина*, *и́вина*, *боло́тина*, *оре́шина*, *соло́мина*, *гра́дина* и под., тип F_1 — *скоти́на*, *пласти́на*, *дупли́на*, *лози́на*, *хмели́на*, *щерби́на*, *трави́на* и под., тип F_2 — *острови́на*, *дереви́на*, *верши́на*, *дуби́на*, *жерди́на*, *годи́на*, *поясы́на* и под., в сербско-хорватском: тип A: *grȁšina*, *trbušina*, *kȕčina*, *lȕčina*, *jȁmina*, *rȁnina* и под., тип F_1 — *psȉna*, *kȍšina*, *kȍtlina*, *kȍnjina*, *klobȕčina* и т. п., тип F_2 — *vȕčina*, *brèžina*, *gràdina*, *bȍčina*, и т. п.

3. Существительные на *-itjь*

В образованиях с этим суффиксом восстанавливаются также два акцентных типа — A (акутированный на корне) и F (акутированный на суффиксе). Тип B, выступающий в современном

русском языке, оказывается вторичным и устраняется уже́ введением старорусского материала. Ср. ст.-русск. москки́чи (Петр. вед. I, 10², 12¹), москви́чамъ (ib. I, 10¹; Улож., 165), псковичамъ (Улож., 176, 213 об.). Этот тип устраняется как вторичный и в южнославянских языках, где его введение обязано, по-видимому, влиянию образований на *-ĭсь*.

Модель *F* раскрывается как результат совпадения типов a^b и a^c, что наглядно обнаруживается при введении «интерфиксов» (табл. 37).

Таблица 37

	a^a (=A)	a^b (=F_1)	a^c (=F_2)
С односложным суффиксом и совпадением типов a^b и a^c	*kŭritjь*	*korljĭtjь*	*knęžĭtjь*
С «интерфиксом» (из суффиксов группы I)	[*cărovitjь*]	*korljèvitjь*	*knęzovĭtjь*

Для примеров с «интерфиксацией» ср.: кайк.-чак. XVII в. Ца́ровиц (Гр., 47) — от [**cărъ*] (*a* в южнославянских), Кра́льевиц, Ба́новиц (Гр., 47) — от **kórljь* < **korljь*; **bánъ* < **banъ* (*b*), но Кнезовиц (Гр., 47), Кнезовиц (Гр., 130), Кнезовици (Гр., 25) — от **kъnęzь* (*c*).

4. Прилагательные на *-atъ*

Оба акцентных типа этих прилагательных параллельны акцентным типам рассмотренных выше имен, и акутированный насуффиксальный тип тоже может рассматриваться как результат совпадения типов a^b и a^c. Таким образом, акцентная микросистема восстанавливается в следующем виде:

Таблица 38

a^a (=A)	a^b (=F_1)	a^c (=F_2)
vъlnatъ, vъlnata, vъlnato	*ženătъ, ženăta, ženăto*	*mǫžătъ, mǫžăta, mǫžăto*

Специального пояснения требует тип A, который в большинстве славянских языков потерян и восстанавливается лишь на основании схрв. реликтов: *vȕnat, ȕsnat, rȕnjat, šȕšnjat, kȍsmat.*

Однако эта реконструкция вполне надежна как ввиду внутриславянских системных отношений, так и потому, что поддерживается внешним (балтийским) сравнением.

г. Суффиксы с циркумфлектированными гласными

Реконструкция первичного состояния акцентной системы имен этого словообразовательного типа встречается с значительными трудностями (ср. подобное положение в аналогичном словообразовательном типе группы I). Внешнее сравнение приводит к установлению двух акцентных типов: A и B, которые связываются, соответственно, с акцентными парадигмами производящих: от *a* — A, от *b* и *c* — B.

Однако факт, что ударение производных основ, образованных от имен акцентной парадигмы *b*, не связывается непосредственно со слогом суффикса, а выступает как передвинутое на слог, следующий за основой, позволяет усомниться в первичности этого состояния. Наглядно это противоречие выступает при сравнении первичных типов и типов с «интерфиксацией»:

Таблица 39

Акц. парад. производящих	*a*	*b*	*c*
«Первичный» тип	*čĭstīkъ*	*bělīkъ* (< **bělīkъ*)	*čęstīkъ* (< **čęstīkъ*)
Тип с «интерфиксом»	*rātьnīkъ* *mĕdęnīkъ*	*grĕšьnīkъ* (< **grešьnīkъ*) *ovьsęnīkъ*	*dъlžьnīkъ* (< **dъlžьnīkъ*) *olovęnīkъ* (< **olovęnīkъ*)

Примечание. **mĕdęnīkъ* (на основании русского *мѐдяник* (Даль)· кайк.-чак. XVII в. Мѝденик [Гр., 47²] и др.); **ovьsęnīkъ* (на основании русск. *овся́ник* [Даль], укр. *вівся́ник*; кайк.-чак. Овсе́ник [См. Разр., 65б]); *olovęnīkъ* (на основании ст.-русск. ѡловенникѝ [Домостр. И, 80 и др.], ѡлованнико́въ [ib. И, 38]; ср. также *ржани́к*, *просяни́к* и под.).

Таким образом, системные соотношения заставляют восстанавливать для праславянского на каком-то этапе не два, а три акцентных типа: A — для основ, образованных от имен акцентной парадигмы *a*, B — для основ, образованных от имен акцентной парадигмы *c*, и третий тип, вероятно, тип G, с которым мы встречались в аналогичных образованиях I группы.

Тип G совпадал по месту акцента и по интонации (по-видимому, восходящая долгая) в ряде грамматических форм с типом B (см. табл. 40). С момента, когда восходящая интонация стала характеризовать по преимуществу определенные позиции окситонирован-

Таблица 40

	Singularis		Pluralis	
	Тип G	Тип B	Тип G	Тип B
Nom.	*golíkъ*	*čęstíkъ*	*golíci*	*čęstīci*
Gen.	*golíka*	*čęstīkà*	*golíkъ*	*čęstíkъ*
Dat.	*golíku*	*čęstīkù*	*golíkomъ*	*čęstīkòmъ*
Acc.	*golíkъ*	*čęstíkъ*	*golíky*	*čęstīkỳ*
Instr.	*golíkomь*	*čęstīkòmь*	*golíkȳ*	*čęstíkȳ*
Loc.	*golícě*	*čęstīcě*	*golícěxъ*	*čęstícěxъ*

Примечание. Совпадающие формы типов G и B подчеркнуты.

ного акцентного типа, должна была возникнуть тенденция к устранению типа G путем его слияния с типом B. Было еще одно обстоятельство, разрушающе действовавшее на первый: он очень рано должен был распасться на два фонетических варианта в зависимости от количества корневого слога производящего: **golíkъ*, но **bělīkъ*, (по праславянскому фонетическому закону ретракции ударения с долгого слога на предшествующий долгий — «закон Крижанича»).

Это, надо полагать, и привело к тому, что трудно обнаружить какие-либо явственные следы типа G в современных акцентных системах. Однако в отдельных случаях эти следы, правда, косвенные, все же устанавливаются.

1. Существительные на *-ārjь*

Четкое различение двух акцентных типов A и B, связанное с акцентными парадигмами производящих, сохранилось у этих имен лишь в сербско-хорватском и словенском [25].

В сербско-хорватском тип A получают основы, образованные от имен акцентной парадигмы *a*, тогда как производные от существительных акцентных парадигм *b* и *c* имеют акцентный тип B. Правило выбора см. в табл. 41.

Примеры. A: *mlīnār*, *sītār*, *krȁvār*, *hljȅbār*, *ptīčār*, *knjīžār*, *lȉčār*, *bȕkvār* и др., ср. с акцентными парадигмами производящих.

B^b: *ljȅkār*, *sȅdlār*, *plȁtnār*, *žȅnār*, *svȅčār*, *slȕžār*, *stȁklār*, *lȍnčār* и др., ср. с акцентными парадигмами производящих.

B^c: *mȅdār*, *sȍlār*, *pȉvār*, *drȕgār*, *stȁnār*, *mrȁvār*, *pȍljār* и др., ср. с акцентными парадигмами производящих [26].

---

[25] Первичность типа с накоренным ударением в русском сомнительна.

[26] Распадение старой ясной системы акцентных парадигм вызвало, естественно, появление ряда исключений, однако описанные соотношения сохраняются все еще достаточно отчетливо.

Таблица 41

Акц. парадигмы производящих	*a*	*b*	*c*
Акц. типы производного	A	B	B
Nom. sg. Gen. sg.	*rìbār* *rìbāra*	*mljèčār* *mlječára*	*mèsār* *mesára*

Подобная система отмечается также и в текстах Ю. Крижанича, ср. Ри́бар (Гр., 47), Бо̏ккар (Гр., 154), Пти́чар (Гр., 47) — от имен акцентной парадигмы *a*; Митâр (Гр., 47), Кльо̏чâр (Гр., 47), Лончâр (Гр., 47) и др. — от имен акцентной парадигмы *b*; Месâр (Гр., 47), Главâр (Гр., 154), Бравâр (Гр., 47), Бродâр (Гр., 47) и др. — от имен акцентной парадигмы *c*.

Словенская система в двух своих крайних пунктах (столбцы *a* и *c*) полностью налагается на сербско-хорватскую: здесь как рефлекс типа А выступает акцентный тип с нисходящим долгим ударением на корне («новый циркумфлекс»), а в качестве рефлекса типа В выступает тип с восходящим долгим ударением на суффиксе. Однако в центральном столбце положение иное. Он расщепляется на два в зависимости от количества корневого слога производящего: имена, образованные от долготных имен парадигмы *b*, получают тот же тип акцентовки, что и имена первоначального типа А, а имена, образованные от краткостных имен парадигмы *b*, — тот же тип, что и имена первоначального типа В.

Правило порождения акцентных типов см. в табл. 42.

Таблица 42

Акц. парадигмы производящих	*a*	*b*		*c*
Количество корневого слога		Долгосложные	Кратко-сложные	
Nom. sg. Gen. sg.	*krâvar* *krâvara*	*mlę̑kar* *mlę̑kara*	*volár* *volára*	*mesár* *mesára*

Примеры:

Тип *A: *Brę̑zar* (**bĕrza*), *cę̑star* (**cĕ̑sta*), *drâgar* (**dŏrga*), *gǫ̑slar* (**gǫ̑sli*), *kopîtar* (**kopīto*), *krâvar* (**kŏrva*), *sîtar* (**sīto*), *slîvar* (**slīva*), *ptîčar* (**pъtīca*) и др.

Тип A_1 (от долготных имен парадигмы *b*): *mlę̑kar* (**melkò*), *mǫ̑kar* (**mǫkȁ*, *mǫkǫ̀*), *svę̑čar* (**světjȁ*, *světjǫ̀*), *rûdar* (**rudȁ*, *rudǫ̀*), *hrîbar* (**xríbъ* < **xrībъ*), *kljûčar* (**kljúčjь* < **kljūčjь*), *plâtnar* (**poltьnò*) и др.

Тип B_1 (от краткостных имен парадигмы *b*): *konjár* (**kònjь* < **konjь*), *grobár* (**gròbъ* < **grobъ*), *košár* (**kòšjь* < **košjь*), *nožár* (**nòžjь* < **nožjь*), *stolár* (**stòlъ* < **stolъ*), *volár* (**vòlъ* < **volъ*).

Тип *B: *brodár* (**brŏdъ*), *domár* (**dŏmъ*), *lesár* (**lĕsъ*), *listár* (**lĭstъ*), *medár* (**mĕdъ*) и др.

Так как новый акут в словенском в ряде позиций [27] регулярно замещается «новым циркумфлексом» (с этим явлением мы уже встречались выше), мы можем предполагать, что тип A_1 первоначально представлял собой акцентовку с неподвижным новоакутовым ударением на корне. Сняв процессы, вызвавшие появление «нового циркумфлекса», получим следующее правило порождения (табл. 43):

Таблица 43

Акц. парадигмы производящих	*a*	*b*		*c*
Количество корневого слога		Долгосложные	Краткосложные	
Акц. типы производных	A	D_1	B_1	B
	krȃvār	*mlę̑kār*	*volár*	*mesár*

Если учесть, что тип B в словенском при долготном суффиксе неотличим от типа G (общесловенская ретракция ударения на долгий!), то будет ясно, что описанная ситуация может непосредственно восходить к следующей праславянской (табл. 44), где

Таблица 44

Акц. парадигмы производящих	*a*	*b*		*c*
Количество корневого слога		Долгосложные	Краткосложные	
Акц. типы производных	A	D_1	G	B
Nom. sg. Gen. sg.	*kȍrvārjь* *kȍrvārja*	*mélkārjь* *mélkārja*	*volárjь* *volárja*	*męsárjь* *męsārjȁ*

[27] Позиции эти в большинстве случаев аналогичны позициям, в которых появляется «новый циркумфлекс» из акута, однако охватывают лишь область именного словообразования.

$D_1 < G$ в результате ретракции ударения с долгого на предшествующий долгий [28]. Система, предшествующая этому передвижению акцента, должна была выглядеть так (табл. 45):

Таблица 45

Акц. парадигмы производящих	*a*	*b*	*c*
Акц. типы производных	A	G	B
Nom. sg. Gen. sg.	*kȍrvārjь* *kȍrvārja*	*mēlkȁrjь, volȁrjь* *mēlkȁrja, volȁrja*	*mẹsȁrjь* *mẹsārjȁ*

Таким образом, исходя из словенского расщепления выбора типа акцентовки у производных от имен акцентной парадигмы *b* (если оставаться на точке зрения непрерывности перестройки правил порождения акцентных типов у производных имен, что, по-видимому, оправдано всем предшествующим изложением), следует восстанавливать у этих имен особый акцентный тип с долготным несокращающимся ударением на суффиксе, отличный от типа B.

2. Прилагательные на *-īn-*

Акцентные типы этих имен и правила их выбора образуют любопытную систему соответствий [29] (табл. 46).

Таким образом, весь материал распадается на четыре группы соответствий:

1. Тип A (во всех сравниваемых языках) — прилагательные, образуемые от имен акцентной парадигмы *a*.

Др.-русск.: йдинъ (Чуд. Нов. Зав., 41[4]), йодинъ (ib., 27[4]), рабкіни|нъ (ib., 123[4]), рабкінина (nom. pl. n., ib., 123[4]), отрокобічіну (dat. sg. m., ib., 31[3]), скорпійино (ib., 151[3]) — для последнего слова ср. скорпій (ib., 151[3]).

Ср. совр. русск. фамилии: *Фёдин, Мйтин, Жйлин, Сорбкин, Ворбнин, Сйлин* и др.

---

[28] Эта реконструкция, по-видимому, поддерживается чешскими фактами, где тип D_1 отражается как долготный, тогда как все остальные сокращены:

D_1: *mlékař (mléko), mýtař (mýto), lékař (lék, lík)*, ср. тип A: *mydlář (mýdlo), kravař (kráva), mlynář (mlýn), chlebář (chléb), hlínař (hlína)* и др. Предположение о выравнивании по количеству производящего потребовало бы объяснения отсутствия такового у имен типа A.

[29] Из рассмотрения исключены языки, в которых противопоставление акцентных типов в данных образованиях потеряно. В таблице даются восстановленные типы древних систем, действительно засвидетельствованные формы приводятся ниже.

Таблица 46

Акц. парадигмы производящих		a	b		c
Языки и формы / Кол-во корневого слога			Долгосложные	Краткосложные	
Др.-русск. и совр. фамилии	m. f. n.	рабѣ́нинъ рабѣ́нина рабѣ́нино	*Луки́н* *Лукина́* *Лукино́*	сатани́нъ сатанина́ сатанино́	*снохи́н* *снохина́* *снохино́*
Украинский	m. f. n.	*ма́терин* *ма́терина* *ма́терине*	*куми́н* *кумина́* *кумине́*	*сестри́н* *сестрина́* *сестрине́*	
Кайк.-чак. XVII в. (Крижанич)	m. f. n.	Ма́терин Ма́терина Ма́терино	Лȣ̄ки́н Лȣ̄ки́на Лȣ̄ки́но	Сатани̇̄н Сатани̇̄на́ Сатани̇̄но́	Доцерѝн Доцерѝна́ Доцерѝно́
Сербско-хорватский	m. f. n.	*mȁterin* *mȁterina* *mȁterino*	*kȗmin* *kȗmina* *kȗmino*	*sèstrin* *sèstrina* *sèstrino*	*snȁhin* *snȁhina* *snȁhino*

Укр.: *ма́терин*, *ма́терина*, *ма́терине*; так же: *дя́дин*, *ба́бин*, *ма́мин* и др.

Схрв. кайк.-чак. XVII в. (Ю. Крижанич): Ма́терин (Гр., 58), Máterin (Пол., 211), из ма́терина (gen. sg. n., Вып. III, 51), Дјáдȅин (Гр., 58²), Диви́чин (Гр., 58), Ма|ри̇̄јино (См. Разр., 30б), Цари̇̄чин (Гр.. 58), Влади́кин (Гр., 58) и др.

Схрв. шток.: *mȁterin*, *mȁterina*, *mȁterino*; так же *bȁbin*, *vrȁnin*, *brȁcin*, *gȁzdin* и др.

2. Тип В (в восточнославянских): тип *F (в сербско-хорватских) — прилагательные, образуемые от долготных имен акцентной парадигмы *b*.

Русск. (представлен только в фамилиях): *Луки́н*, *Лукина́*; *Крупи́н*, *Крупина́*; ст.-русск. Бȣлаки́нъ (Петр. вед. II, 5¹, bis), Бȣлакина̀ (gen. sg., ib. II, 5²) и под.

Укр.: *куми́н*, *кумина́*, *кумине́*.

Схрв. кайк.-чак. XVII в. (Ю. Крижанич): Лȣ̄кин (Гр., 48), на Лȣ̄ки́нȣ (acc. sg. f., См. Разр., 23), *Lukínom* (loc. sg. n., Пол. 175); Ми̇̄кин (Гр., 58), Ра̄дин (Гр., 48, 58). (Хотя у Ю. Крижанича обнаруживается неустойчивость распределения данного типа, связанная, по-видимому, с неустойчивостью долгот в словообразовании: ср. Лȣ̄ки̇̄но̀ [См. Разр., 75б] и обратное смеше-

ние — ѲȣдиЙи̑н [Вып. III, 54], — однако первоначальность типа *F в данной системе подтверждается акцентными отношениями в словообразовании: ср. Лȣки́ница, Ра̄ди́ница [Гр., 48][30]).

Схрв. шток.: *kúmin*, *kúmina*, *kúmino*; так же: *slúgin*, *vílin*, *bákin*, *bábin*, *brátin* и др.

3. Тип В (в восточнославянских и в диалекте Ю. Крижанича): тип *F (в схрв. шток.) — прилагательные, образуемые от краткостных имен акцентной парадигмы *b*.

Др.-русск.: сатани́|нъ (Чуд. Нов. Зав., 120[4]), сатанинѡ̀ (ib., 149[3]), сотонина̀ (gen. sg. n., ib., 150[2]), сата|ниноу̑ (dat. sg. n., ib., 134[2]), сатани|ны́ (gen. sg. f., ib., 150[1]); іглинѣ̀ (acc. du. n., ib., 11[1]); соу|дайна̀ (gen. sg. n., ib., 80[3]); ѝлінóю (instr. sg. f., ib., 26[1]).

Ср. совр. русск. *госпожи́н* (Даль) и фамилии: *Фоми́н*, *Фомина́*; *Ильи́н*, *Блохи́н*, *Сохи́н* и под.

Укр.: *сестри́н*, *сестрина́*, *сестрине́*; *вдови́н*, *вдовина́*, *вдовине́*; *доччи́н*, *доччина́*, *доччине́* и под.

Схрв. кайк.-чак. XVII в. (Ю. Крижанич): сатанѝн (Вып. III, 47), Ѳатанѝна (nom sg. f., См. Разр., 218б), сатанѝну (acc. sg. f., Вып. III, 47), по сатанѝну (Вып. III, 62); Женѝн (Гр., 58), po ženinóm (loc. sg. m., Пол., 180).

Схрв. шток. *sèstrin*, *sèstrina*, *sèstrino*; так же: *žènin*, *àgin*, *bàšin*, *mùlin* и др.

4. Тип В (в восточнославянских и в диалекте Ю. Крижанича): тип *F (в схрв. шток.) — прилагательные, образуемые от имен акцентной парадигмы *c*.

Русск.: *снохина́* (nom. sg. f., Даль), ср. также фамилии: *Голови́н*, *Головина́*; *Бороди́н*, *Бородина́*, *Бородино́*; *Зими́н*, *Зимина́* и под.

Схрв. кайк.-чак. XVII в. (Ю. Крижанич): Доцерѝн (Гр., 58; напечатано Воцерѝн).

Схрв. шток. *snàhin*, *snàhina*, *snàhino* (схрв. *ćèrin* в результате иммобилизации акцента в производящем слове).

В этой системе соответствий выступают три момента:

1. Совпадение типа А и правил его выбора во всех четырех входящих в сравнение акцентных микросистемах.

2. Соответствие восточнославянского типа В сербско-хорватскому штокавскому типу *F.

3. Дополнительное распределение типов В (с несокращенной долготой *-i-*) и *F (с сокращением гласного) в зависимости от количества корневого слога в кайкавско-чакавском диалекте XVII в. (Ю. Крижанич).

---

[30] Кайк.-чак. XVII в. Фоми́ница (Гр., 48[1]) не является исключением из установленного распределения, так как в этом слове в диалекте Ю. Крижанича следует предполагать долгий *о*, ср. Тȣма́ (Гр., 32[2]), может быть, факультативный.

Первый момент указывает на праславянский выбор акцентного типа А в случае парадигмы *a* производящего.

Из двух следующих моментов наиболее важным представляется третье соотношение. По-видимому, из двух квантитативных типов суффикса, дополнительно распределенных в зависимости от количества гласного корневого слога, первичным является тип суффикса с несокращенной долготой гласного: подтверждением этому служит сравнение типа В в восточнославянских языках, который предполагает предударную долготу (балтославянский циркумфлекс), с словенскими новоциркумфлексовыми рефлексами в корне, указывающими на несокращенную (циркумфлексовую) долготу следующего слога (т. е. гласного суффикса): словен. *bâbin*, *mâmin*, *krâvin* < *bābīnъ*, * *māmīnъ*, * *kōrvīnъ*. Это сравнение показывает, что в диалекте Ю. Крижанича произошло сокращение суффиксального гласного в позиции после долготного корня. То, что речь идет именно о сокращении, подтверждается еще и тем, что описанное распределение является лишь отдельным фрагментом системы последовательного устранения ударной долготы в слоге, непосредственно следующем за долгим гласным. Этот механизм действовал в диалекте Ю. Крижанича наряду с системой оттягивания ударения с долгого на предшествующий долгий (закон Ю. Крижанича), но позиции его действия были существенно иными [31]. Приводим ряд иллюстраций действия данного механизма [32] (см. табл. 47).

Отрывать рассмотренное нами ранее распределение долготного типа В и краткостного типа *F от продемонстрированного распределения ударных краткостей и долгот, очевидно, нет оснований. Тот факт, что во всех рассмотренных случаях сокращению подверглись неподвижные долгие акценты с долготой вторичного происхождения, не свидетельствует против связи этих двух типов распределения, а указывает на сложный характер их связи [33]: по-видимому, исходным пунктом расщепления выбора акцента в прилагательных на *-in-* от имен акцентной парадигмы *b* был тип G, в котором после долготного корня сократился ударный гласный

---

[31] Наряду с этими двумя фономорфологическими механизмами в кайкавско-чакавском диалекте XVII в. существовал третий (сокращение предударной долготы при сохранении ударной), который частично действовал в особых позициях, а частично выступал как факультативный в тех же позициях, что и первый.

[32] Наиболее ясными являются две группы фактов: 1) существительные на *-ьje*, в которых удлинение представлено при любом первоначальном количестве корневого гласного и при любом согласном, закрывающем слог корня, и 2) различные группы имен с удлинением гласного перед закрывающим слог сонантом.

[33] Не имеет значение и то, что данный механизм мог возникнуть не в результате сокращения, а в результате запрета заместительного удлинения ударного слога непосредственно после долгого. Как только эта ситуация возникла, она легко перешла в механизм устранения долгот.

I. Устранение долготы корня после долготной приставки

	После долгого *	После краткого
1. Имена на *-ьје-* с приставками	Зāмо́рїе (Гр., 51²) Рāзми́рје (Гр., 51²) Ї̄зре́дїе (Гр., 51²) Прēке́рје (Гр., 51²) Зāго́рје (Гр., 51²) и др.	Помо̂рје (Гр., 51²) Недоми̂рје (Гр., 51²) Безре̂дје (Гр., 51²) Неве̂рје (Гр., 51²) Подго̂рје (Гр., 51²) и др.
2. Приставочные имена в формах с заместительным удлинением	Зāчи́ими (См. Разр., 97б) *zakónmi* (Пол., 3) *zapórmi* (Пол., 57) *naczînmi* (Пол., 119, 136) *widórmi* (Пол., 168, 170, 176) и др.	*obmânmi* (Пол., 167) состâвми (См. Разр., 95б, bis) *poklônmi* (Пол., 153)
3. Прилагательные на *-н-* от приставочных имен (с заместительным удлинением)	Зāко́нно (См. Разр., 20б) Ї̄зви́рнок (Гр., 188²) §зо́рнје (Гр., 104) *razûmnije* (Пол., 76) *razbórno* (Пол., 160) и др.	*Obmânni* (Пол., 192) *newêrni* (Пол., 192) *pokôrni* (Пол., 105) *soiêmnije* (Пол., 131) *sobôrnim* (Пол., 156) и др.
4. Имена на *-ник* от приставочных имен (с удлинением)	Беззāко́нник (Гр., 169²) Рāздо́рников (См. Разр., 75б) *razbóinik* (Пол., 128) Нāје́мники (Гр., 178²) *nazórniki* (Пол., 15) и др.	*Pogônniki* (Пол., 61) Неве̂рником (См. Разр., 22б) Поко̂јник (Гр., 47¹) *obmânniki* (Пол., 100) Поко̂рник (Гр., 47¹) и др.
5. Имена на *-ница*	Нāра́мница (Гр., 51²) *napóinici* (Пол., 195)	Поко̂јница (Гр., 172²) *Obbôrnici* (Пол., 61)
6. Имена на *-ьstvo*	*nazórstwo* (Пол., 275)	*posôlstwo* (Пол., 150)

Таблица 47 (*продолжение*)

	После долгого *	После краткого
7. Имена на *-ьk-* (*f.*, *m.*)	Зāбáвка (Гр., 50[1]) прйдйвка (gen. sg. m., См. Разр., 148а) прйдйвком (instr. sg., См. Разр., 66б) *uczínka* (gen. sg. m., Пол., 265)	по достâнкѹ (Гр., VI) Овйрки (Гр., 31[1]) Повйрки (Гр., 31[1]) *podârki* (Пол., 119)
8. Сравнит. ст. с приставкой *nāj-*	Нāјмéньши (Гр., 54[2]) нāјмéньшѹ (См. Разр., 13) *najgórszіy* (Пол., 128, 135)	[Мêньши (Гр., 55[2])]

* В этой позиции может действовать и другой механизм: устранение долготы предшествующего слога при сохранении долготы последующего ударного. В тексте «Политики» безударная долгота, как правило, не обозначается. Долготность приставок и корней в примерах, приводимых из этого произведения, подтверждается аналогичными примерами из других текстов Ю. Крижанича, которые здесь не цитируются из-за недостатка места.

II. Устранение долготы суффикса после долготного корня

	После долгого	После краткого
1. Существительные	Льѣбáвми (Гр., 29[2]) Крāльéвци (Гр., 47[1]) Бāнóвци (Гр., 47[1]) Новāкóвци (Гр., 15[1]) Мла̄дйнци (Гр., 12[1]) Крāльéвство (Гр., 49[1]) Мла̄дйнство (Гр., 48[2]) Крāльéвна (Гр., 47[2]) Новāкóвка (Гр., 253) Крāльéвшчина (Гр., 252) Бѹгéршчина (Гр., 116[1])	*towârmi* (Пол., 24) Берхôвци (Гр., 15[1]) *torgôwci* (Пол., 36) *skitôwci* (Пол., 35) *popôwstwo* (Пол., 145) Дитйнства (Гр., III) Кнезôвна (Гр., 47[2]) Жидôвка (Гр., 46[2]) [Гôршчина (Гр., 53[1])] Словйншчина (Гр., 53[1])
2. Прилагательные	Крāльéвскиѣ (Гр., 58[2]) *Wugórski* (Пол.,47)	Болôвскиѣ (Гр., 59[1]) Москôвскиѣ (Гр., 59[2])
3. Отглагольные существительные на *-ньје* *	*skitánie* (Пол., 219) *wladániem* (Пол., 220)	стојйнје (Гр., 252)

* В этой позиции данный механизм действует спорадически. Обычно здесь отмечается регулировка по закону Ю. Крижанича: оттягивание ударения с долготного слога на предшествующий долготный слог.

суффикса, в результате чего G > *F, а сохранившийся первоначально после краткостного корня тип G совпал затем с типом B (в акцентной кривой *b*). Этапы развития представлены в табл. 48 [34].

Таблица 48

	a^a (=A)	a^b (=G)		b^c (=B)
		Долгосложные	Краткосложные	
I этап	*bȃbīnъ* *bȃbīna* *bȃbīno*	*lūkīnъ* *lūkīna* *lūkīno*	*ženīnъ* *ženīna* *ženīno*	*dъkterīnъ* *dъkterīnà* *dъkterīnò*
II этап	*bȃbin* *bȃbina* *bȃbino*	*lūkīn* *lūkīna* *lūkīno*	*ženīn* *ženīna* *ženīno*	*dəćerīn* *dəćerīnà* *dəćerīnò*
III этап	ба́бин ба́бина ба́бино	Лȣки́н Лȣки́на Лȣки́но	жени̑н жени̑на́ жени̑но́	доцерѝн доцерѝна́ доцерѝно́

Что касается типа *F в сербско-хорватском штокавском, то для объяснения его нужно иметь в виду следующие обстоятельства:

1. Рассмотренный нами механизм устранения ударных долгот в сербско-хорватском кайкавско-чакавском диалекте XVII в. (диалект Ю. Крижанича) действовал в прошлом также и в сербско-хорватском штокавском, на что недвусмысленно указывают фрагменты этого механизма в сербско-хорватском нормативном и в диалектах (ср. дублетность количества приставок со следами дизъюнктивной связи с аналогичной дублетностью количества корня в именах на *-ьje* в схрв. нормативном, на что обратил вни-

[34] Начальный этап этого развития удивляет отсутствием регулировки по «закону Ю. Крижанича» (оттягивание ударения с долготного слога на предшествующий долготный). Возможно, эта регулировка первоначально существовала, но затем была устранена по аналогии. Этапы такого развития могут быть представлены чисто умозрительно: 1) регулировка по «закону Ю. Крижанича», 2) обобщение долготного ударения на суффиксе при сокращении предударной долготы и затем I этап, указанный в табл. 47, который, впрочем, мог быть идеальным, а фактически происходила непосредственная замена третьего механизма первым (II этап табл. 47). На наличие в праславянском регулировки по закону Ю. Крижанича указывает как будто развитие в русском и болгарском.

мание еще А. Лескин [35], и распределение количеств в отглагольных именах на *-nьje* в пиперском говоре [36].

2. Устранение старого (фонетически закономерного) распределения долгот протекало в сербско-хорватском штокавском путем распространения употребления сокращенного ударения за пределы его первоначальной сферы и устранения удлиненного типа (ср. квантитативные отношения в прилагательных на *-ski* [37]).

Исходя из этих фактов, сербско-хорватский штокавский тип *F может рассматриваться как возникший в результате сокращения долготы суффикса в типе G и вытеснивший затем последний чисто аналогическим путем в тех позициях, где она не сокращалась фонетически.

3. Существительные на *-īk-*

Порождение акцентных типов у вторичных производных и ударение существительных на *-īk-*

Приведенные выше примеры правил порождения акцентных типов у двусложных суффиксов показывают, что связь между акцентовкой производящих и производных осуществлялась в праславянском на всех ступенях словообразовательной лестницы. Так как количество таких сочетаний суффиксов, которые давали новые сложные суффиксы, теоретически неограниченно, естественно предполагать существование в прошлом общего принципа регулировки акцента в образованиях высших ступеней. Такой принцип был постулирован в начале доклада: правило порождения акцентных типов у «сложных суффиксов» образуется путем последовательного наложения правил порождения акцентных типов

Таблица 49

Акц. парадигмы производящих	*a*	*b*	*c*
-ovьje	a^a = A (*hlĕbovьje*)	a^b = E (*stolòvьje*)	b^c = B (*mĕhovьjė*)
-ьnica	a^a = A (*ǫzьnica*)	a^b = D (*grĕšьnica*)	a^c = F_2 (*blǫdьnīca*)
-ęnica	a^a = A (*mĕdęnica*)	a^b = F_1 (*stьklęnica*)	a^c = F_2 (*prosęnīca*)
-ovina *-ovitjь*	a^a = A (*mǎkovina* *cǎrovitjь*)	a^b = E (*sigòvina* *korljėvitjь*)	a^c = F_2 (*domovīna* *kъnęževītjь*)

Примечание. Остальные факты не приводятся за ограниченностью места. Отмеченные в таблице типы F_1 и F_2 различаются местом иктуса, соответственно: на первом и втором слоге суффикса.

[35] A. Leskien. Untersuchungen über Quantität und Betonung in den Slavischen Sprachen. I. Die Quantität im Serbischen. Leipzig, 1885, стр. 79—80.

[36] М. С. Стеванович. Систем акцентуације у пиперском говору (СДЗб, X). Београд, 1940, стр. 108—109 (174—175).

[37] См.: A. Leskien. Указ. соч., стр. 165—167.

у «элементарных суффиксов», считая от суффикса, ближайшего к корню. Этот принцип можно обнаружить в приводившемся материале, который дает нам определенный набор правил (табл. 49). Но все эти словообразовательные типы можно рассматривать как производные от соответствующих суффиксальных прилагательных с суффиксами *-ov-*, *-ьn-*, *-ę̆n-*, акцентовка которых регулируется следующим набором правил порождения: *-ov-* ($a^a = A \mid a^b = E \mid c^c = C$), *-ьn-* ($a^a = A \mid a^b = D \mid c^c = C$), *-ę̆n-* ($a^a = A \mid a^b = F \mid c^c = C$). Очевидно, порождение акцентных типов производных второго порядка можно связать с акцентными типами производных первого порядка. Это достигается путем простой подстановки индекса акцентного типа производного первого порядка вместо индекса акцентной парадигмы первичного производящего (табл. 50).

Таблица 50

Акц. парадигмы производящих	*a*	*b*	*c*
-ov-ьje	$a^A = A$	$a^E = E$	$b^C = B$
-ьn-ica	$a^A = A$	$a^D = D$	$a^C = F_2$
-ę̆n-ica	$a^A = A$	$a^F = F_1$	$a^C = F_2$
-ov-ina *-ov-itjь*	$a^A = A$	$a^E = E$	$a^C = F_2$

Тождественность этих правил правилам порождения акцентных типов у образований с суффиксами *-ьje*, *-ica*, *-ina*, *-itjь* от первичных имен будет очевидной, если мы заменим индексы акцентных типов индексами акцентных кривых [38–39] (табл. 51).

То, что отождествление акцентного типа первичного производного с акцентной парадигмой производящего при вторичном словообразовании происходило посредством отождествления акцентных кривых, а не по отношению порождения, доказывают случаи, когда первичный суффикс относился к группе II. Ср.: **poltьnó* : **poltьnьce*; **žerbьcь* : **žerbьcěvъjь* и под.

Случаи противоречия этому положению оказываются мнимыми. Наиболее характерный из них — правило порождения акцентных типов отглагольных имен на *-enьje*, которые могут рассматри-

[38–39] Для большей наглядности обозначаем акцентные кривые *a* с иктусом на суффиксе производящего или с новым акутом на корне через a_1, а акцентные типы E, D, F_1, данные уже в производящем, через A_1.

Таблица 51

-ov-ьje	$a^a = A$	$a^{a_1} = A_1$	$b^c = B$
-ьn-ica	$a^a = A$	$a^{a_1} = A_1$	$a^c = F$
-ę̌n-ica	$a^a = A$	$a^{a_1} = A_1$	$a^c = F$
-ov-ina *-ov-itjь*	$a^a = A$	$a^{a_1} = A_1$	$a^c = F$

ваться как образования на *-ьje* от причастий на *-en-*. На основании сербско-хорватских, словенских, древнерусских и среднеболгарских фактов для них устанавливается следующее правило порождения (табл. 52):

Таблица 52

Акц. кривые причастий	*a*	a_1	*b*
Примеры причастий	*bȃvjenъ, bȃvjena, bȃvjeno*	*nosjȅnъ, nosjȅna, nosjȅno*	*rodjȅnъ, rodjenȁ, rodjenȍ*
Примеры имен	*bȃvjenьje*	*nosjȅnьje*	*rodjenьjȅ*

Однако, по-видимому, акцентная кривая *b* в причастиях на *-enъ* возникла в результате выравнивания из первичной акцентной кривой *c*, а акцентологическое правило порождения акцентных типов имен на *-enьje* создалось еще до этого выравнивания и отражает еще первоначальное состояние акцентной кривой причастия.

Исходя из разобранного принципа организации акцента в производных второго порядка, можно реконструировать правило порождения акцентных типов в образованиях с суффиксом *-īk-*. Так как акцентная система первичных образований с этим суффиксом претерпела значительную перестройку, естественно обратиться к вторичным образованиям. К ним относятся существительные с суффиксами *-ьnīk-*, *-ę̌nīk-*, *-ovīk-*.

В образованиях с первыми двумя устанавливаются следующие правила порождения акцентных типов [40] (табл. 53, I, II).

[40] Аналогичное правило устанавливается и для образований с суффиксом *-ovīk-*, но факты здесь менее очевидны и требуют развернутых доказательств.

Таблица 53 (I)

	a^a (=A)	a^b (=D)	b^c (=B)
Nom. sg. Gen. sg.	*rātьnīkъ* *rātьnīka*	*grěšьnīkъ* *grěšьnīka*	*dъlžьnīkъ* *dъlžьnīkà*

Факты, приводящие к этой реконструкции[41] широко представлены в восточнославянских и южнославянских языках. Ниже приводятся лишь отдельные иллюстрации из древнерусского.

Тип A (от имен акцентной парадигмы *a*):

1. ра́тникъ (Чуд. Нов. Зав., 93[2]) — **rātь*; 2. кни́ж | нїцї (ib., 11[4]) — **kъnīga*; 3. ґазы́чни (ib., 10[3]) — **jęzȳkъ*; 4. гли́нникъ (ib., 104[1]) — **glīna* и др.

Тип D (от имен акцентной парадигмы *b*):

1. грѣ́шници (Чуд. Нов. Зав., 92[3]) — **grěxъ* (< **grěxь*); 2. хоу́лници (ib., 139[3]) — **xūlà*, acc. sg. **xūlǫ́*; 3. любо́вника (ib., 93[2]) — **ljubȳ*; 4. кото́рникоу (ib., 136[4]) — **kotorà*, acc. sg. *kotorǫ́* и др.

Тип B (от имен акцентной парадигмы *c*):

1. до|лжници́ (Чуд. Нов. Зав., 107[1]) — **dъlĵgъ*; 2. квасникоу́ (ib., 136[4]) — **kvâsъ*; 3. блоудници́ же (ib., 110[2]) — **blǫ̑dъ*; ропотницї (ib., 92[3]) — **rǫ̑potъ* и др.

Таблица 53 (II)

	a^a (=A)	a^b (=F)	b^c (=B)
Nom. sg. Gen. sg.	*mĕ̑dęnīkъ* *mĕ̑dęnīka*	*stьklę̑nīkъ* *stьklę̑nīka*	*prosęnīkъ* *prosęnīkà*

Восстанавливается на основании русских фактов, поддержанных южнославянским материалом:

Тип A (от имен акцентной парадигмы *a*):

1. **mĕ̑dęnīkъ* (русск. *мѣ́дяникъ* [Даль], кайк.-чак. XVII в. Ми́деник [Гр., 47[2]]; русск. *мѣ́дяник*, *мѣ́дяни́к* — вторичны) — **mĕ̑dь*; 2. **mā̑slęnīkъ* (русск. *ма́сляник* [Даль]) — **mā̑slo*; 3. **nītęnīkъ* (русск. *ни́тяник* [Даль]) — **nītь*; 4. **vȕlnęnīkъ* (болг. *вълнеников*) — **vȕlna*.

[41] Как можно заметить, установленные для образований на *-ьnica* и *-ьnīkъ* правила порождения акцентных типов подтверждают реконструкцию для прилагательных на *-ьn-* акцентного типа D, а не B (как принималось раньше), при котором тип D у производного второго порядка был бы необъясним. Аналогичное подтверждение может быть получено и для прилагательных на *-ьsk-*.

Тип F (от имен акцентной парадигмы *b*):

1. **ovьsę̑nīkъ* (русск. *овся́ник* [Даль], кайк.-чак. XVII в. Овсе́ник (См. разр., 65б) — **ovьsъ* (< **ovьsъ̀*); 2. **stьklę̑nīkъ* (русск. *стекля́ник* [Даль]) — **stьklò*; 3. **pěsъčę̑nīkъ* (русск. *песча́ник*) — **pěsъ̀kъ* (< **pesъ̀kъ*); 4. **pьrьrę̑nīkъ* (русск. *пря́ник*) — **pьrь̀rъ* (< **pьrьrъ̀*); 5. **poltьnę̑nīkъ* (русск. *полотня́ник* [Даль]) — **poltьnò*.

Тип B (от имен акцентной парадигмы *c*):

1. **rъžę̑nīkъ*, gen. sg. **rъžę̑nīkà* (русск. *ржани́к*, *аржани́к* [Даль]; болг. *ръжени́к*) — **rъ̀žь*; 2. *prosę̑nīkъ*, gen. sg. **prosę̑nīkà* (русск. *просяни́к* [Даль], болг. *просени́к*) — **prôso*; 3. **zemję̑nīkъ*, gen. sg. *zemję̑nīkà* (русск. *земляни́к* [Даль]) — **zemjà*, acc. sg. **zèmjǫ*; 4. **volsę̑nīkъ*, gen. sg. **volsę̑nīkà* (русск. *волосяни́к* [Даль]) — **vôlsъ*; 5. **dervę̑nīkъ*, gen. sg. **dervę̑nīkà* (русск. сев. *деревени́к* [Даль]) — **dêrvo*; 6. **olovę̑nīkъ*, gen. sg. **olovę̑nīkà* (ст.-русск. олокеникѝ [Домостр. К], олоканикóкъ [ib., И 38] и др.; совр. русск. *оловя́ник* [Даль]), очевидно, вторично) — **ôlovo*.

Считая, что эти правила порождения возникли в результате последовательного наложения правил порождения акцентных типов первичных имен на *-īk-* на правила порождения акцентных типов прилагательных на *-ьn-* и *-ę̑n-* путем операции, описанной выше, приходим к следующим правилам порождения акцентных типов первичных образований с суффиксом *-īk-* (табл. 54):

Таблица 54

a	*b*	*c*
a^a = A	?	b^c = B

Этому правилу в определенной степени соответствует состояние в русском.

Тип A (от прилагательных акцентной парадигмы *a*):

1. *Чи́стик* [Даль] — от **čīstъ*; 2. *ма́лик* (при вторичном *мали́к* [Даль]) — от **mālъ*; 3. **rānikъ* (по прилагательному *ра́ничный* [Даль] и перестроенному *ра́нник* [Даль]) — от **rānъ*; 4. *ры́жик* (**rȳdjь* [?]; может быть, *b*?); но *слаби́к* [Даль], *стари́к*, которые, вероятно, вторичны.

Тип B (от прилагательных акцентной парадигмы *c*):

1. *части́к* [Даль] — от **čę̑stъ*; 2. *зелени́к* [Даль] — от **zèlenъ*; 3. *солони́к* [Даль] — от **sôlnъ*; 4. *крути́к* [Даль] — от **krǫ̑tъ*.

Такое распределение акцентных типов в двух крайних столбцах правила порождения указывает на то, что данный суффикс относился к группе IIг, в которой, как мы видели выше,

Таблица 55

Группа I

	a^a	a^b	c^c
Редуцированные (ъ, ь)	*brātьskъ, brātьska* *slāvьnъ, slāvьna* *glādъkъ, glādъka*	*žènьskъ* (или *ženьskъ*), *žènьska* *krásьnъ* (или *krasьnъ*), *krásьna* *blízъkъ* (или *blizъkъ*), *blízъka*	*mǫ̂žьskъ, mǫžьskà* *smê̆šьnъ, smĕšьnà* *krê̆pъkъ, krĕpъkà*
Краткость	*mākovъ, mākova* *stārostь, vъ stārosti* *dělgota, dělgotǫ*	*dvorôvъ, dvoróva* *mǫdrôstь, vъ mǫdrósti* *dobróta, dobrótǫ*	*dŏmovъ, domovà* *svę̂tostь, vъ svętosti* *slĕpotà, slê̆potǫ*
Акут	*mĕ̂dęnъ, mĕ̂dęna* *kōrstavъ, kōrstava*	*stъklę̂nъ, stъklę̂na* *lǫkāvъ, lǫkāva*	*lĕdę̂nъ, ledę̂nà* *krъvavъ, krъvavà*
Циркумфлекс	*īstīna, īstīnǫ*	*čьrnína, čьrnínǫ*	*polnīnà, pôlnīnǫ*

Группа II

	a^a	a^b	$(a \sim b)^c$
Редуцированные (ъ, ь)	*brātьstvo, brātьstva* *čę̂dьce, čę̂dьca* *brātьcь, brātьca* *mȳšьca, mȳšьcǫ* *brātьje, brātьja* *kōrvьjь, kōrvьja*	*vъdòvьstvo, vъdòvьstva* *sèlьce, sèlьca* *dvòrьcь* (или *dvorьcь*), *dvòrьca* *dvьrьca, dvьrьcǫ* *kòlьje, kòlьja* *pьsьjь* (или *pьsьjь*), *pьsьja*	*božьstvò, božьstvà* *ajьcè, ajьcà* *vozьcь, vozьcà* *pylьcà, pylьcǫ́* *mǫžьjè, mǫžьjà* *voržьjь, voržьjà*
Краткость	[*čīstota, čīstotǫ*]	[*dobróta, dobrótǫ*]	[*slĕpotà, slĕpotǫ́*]
Акут	*stārica, stāricǫ* *vělnatъ, vělnata* [*cāritjь, cāritja*] *īvina, īvinǫ*	*čьrnīca, čьrnīcǫ* *ženātъ, ženāta* *korlītjь, korlītja* *travīna, travīnǫ*	*moldīca, moldīcǫ* *mǫžātъ, mǫžāta* *knęžītjь, knęžītja* *dervīna, dervīnǫ*
Циркумфлекс	*rȳbārjь, rȳbārja* *čīstīkъ, čīstīka* *bābīnъ, bābīna*	*volárjь, volárja* *golīkъ, golīka* *ženínъ, ženína*	*vozárjь, vozārjà* *čęstíkъ, čęstīkà* *dъkterínъ, dъkterīnà*

Таблица 56

Правило I

	a^a	a^b	c^c
Редуцированные ъ, ь	*brãtьskъ, brãtьska* *slãvьnъ, slãvьna* *glãdъkъ, glãdъka*	*ženьskъ, ženьska* *krasьnъ, krasьna* *blizъkъ, blizъka*	*mǫžьskъ, mǫžьskà* *smẽšьnъ, smẽšьnà* *krẽpъkъ, krẽpъkà*
Краткость	*mãkovъ, mãkova* *stãrostь, vъ stãrosti* *dũlgota, dũlgotǫ*	*dvorôvъ, dvorôva* *mǫdrôstь, vъ mǫdrôsti* *dobrôta, dobrôtǫ*	*dõmovъ, domovà* *svętostь, vъ svętostì* *slẽpotà, slẽpotǫ*
Акут	*mẽdẹnъ, mẽdẹna* *kõrstavъ, kõrstava*	*stьklẹnъ, stьklẹna* *lǫkãvъ, lǫkãva*	*lèdẹnъ, ledẹnà* *krъvavъ, krъvavà*
Циркумфлекс	*ĩstīna, ĩstīnǫ*	*čьrnína, čьrnínǫ*	*polnīnà, pôlnīnǫ*

Правило II

	a^a	a^b	$(a \sim b)^c$
Редуцированные ъ, ь	*brãtьstvo, brãtьstva* *čẽdьce, čẽdьca* *brãtьcь, brãtьca* *mỹšьca, mỹšьcǫ* *brãtьje, brãtьja* *kõrvьjь, kõrvьja*	*vьdovьstvo, vьdovьstva* *selьce, selьca* *dvorьcь, dvorьca* *dvьrьca, dvьrьcǫ* *kolьje, kolьja* *pьsьjь, pьsьja*	*božьstvò, božьstvà* *ajьcè, ajьcà* *vozьcь, vozьcà* *pylьcà, pylьcǫ̀* *mǫžьjè, mǫžьjà* *voržьjь, voržьjà*
Краткость	[*čĩstota, čĩstotǫ*]	[*dobrôta, dobrôtǫ*]	[*slẽpotà, slẽpotǫ̀*]
Акут	*stãrica, stãricǫ* *vъlnatъ, vъlnata* *cãritjь, cãritja* *ĩvina, ĩvinǫ*	*čьrnĩca, čьrnĩcǫ* *ženãtъ, ženãta* *korlĩtjь, korlĩtja* *travĩna, travĩnǫ*	*moldĩca, moldĩcǫ* *mǫžãtъ, mǫžãta* *knęžĩtjь, knęžĩtja* *dervĩna, dervĩnǫ*
Циркумфлекс	*rỹbārjь, rỹbārja* *čĩstīkъ, čĩstīka* *bãbīnъ, bãbīna*	*volárjь, volárja* *golĩkъ, golĩka* *ženínъ, ženína*	*vozārjь, vozārjà* *čęstīkъ, čęstīkà* *dъkterīnъ, dъkterīnà*

следует реконструировать тип G у образований от имен акцентной парадигмы *b*. То, что в русском вместо этого типа выступает тип B (*белúк*, *голúк*, *желтúк*, *новúк* [Даль]), нужно отнести к процессам позднейшего совпадения акцентных типов у этого рода существительных.

* * *

Приведенная реконструкция правил порождения акцентных типов производных в позднем праславянском позволяет установить распределение этих правил в зависимости от квантитативной и интонационной характеристики гласных суффикса (табл. 55).

Так как новый акут (по крайней мере, в ряде позиций) возник в результате ретракции ударения с редуцированных, для праславянского периода, предшествующего этой ретракции, можно восстановить два правила порождения акцентных типов производных, в которых интонационная характеристика акцента будет определяться интонационной и квантитативной характеристикой гласного, на который падает иктус (см. табл. 56).

Восстановленные славянские правила [42] можно непосредственно сравнить с аналогичными балтийскими.

Исследование балтийской акцентной системы в области словообразования приводит к установлению двух правил порождения акцентных типов производных, в которых наблюдается парадигматический принцип распределения акцента (табл. 57, правила I, II)

Прилагательные с суффиксом *-iškʲ-* [43]

1. От основ с неподвижным ударением:

a. Акутированные: *kū́niškas*, *-a* (*kū́nas*, 1); *výriškas*, *-a* (*výras*, 1); *gĕdiškas*, *-a* (*gĕda*, 1); *móteriškas*, *-a* (*mótė*, 1); *bróliškas*, *-a* (*brólis*, 1).

b. Циркумфлектированные и краткостные: *žỹdiškas*, *-a* (*žỹdas*, 2); *dvāsiškas*, *-a* (*dvasià*, 2); *žẽmiškas*, *-a* (*žẽmė*, 2).

2. От основ с подвижным ударением:

a. Акутированные: *sū́niškas*, *-à* (*sūnùs*, 3); *ángeliškas*, *-à* (*ángelas*, 3[a]).

b. Циркумфлектированные и краткостные: *diẽviškas*, *-à* (*diẽvas*, 4); *vaĩkiškas*, *-à* (*vaĩkas*, 4); *meřgiškas*, *-à* (*mergà*, 4); *žmõgiškas*, *-à* (*žmogùs*, 4); *kùnigiškas*, *-à* (*kùnigas*, 3[b]); *vẽliniškas*, *-à* (*vẽlinias*, 3[b]).

---

[42] Остается открытым вопрос, существовал ли в праславянском выбор акцента, связанный только с суффиксом («категориальный акцент»). Во всех случаях, когда внешнее сравнение как будто приводит к реконструкции такого выбора (суффиксы *-āk-*, *-ьk-* [f.]), существует вероятность, поддерживаемая определенными фактами, что такой тип акцента возник вторично.

[43] Распределение сохранено у Н. Даукши, см.: P. Skardžius. Daukšos akcentologia. Kaunas, 1935, стр. 157—158.

Таблица 57

Правило I

Акц. тип производящих / Типы суффиксов			1. Неподвижный		2. Подвижный	
			a. Акут	b. Циркумфлекс и краткость	a. Акут	b. Циркумфлекс и краткость
Краткость	*-išk-*		*vĩriškas* *vĩriškā*	*dvàsiškas* *dvàsiškā*	*sū́niškas* *sūnišką́*	*diẽviškas* *dievišką́*
	-in-		*áuksinas* *áuksinā*	*sidàbrinas* *sidàbrinā*	*pláukinas* *plaukinā́*	*krùvinas* *kruvinā́*
Акут	*-ing-*	До действия закона де Соссюра	*kū́ningas* *kū́ningā*	*paŕšingas* *paŕšingā*	*náudingas* *naudingą́*	*žàlingas* *žalingą́*
		После действия закона де Соссюра	*kū́ningas* *kū́ningā*	*paršíngas* *paršíngā*	*náudingas* *naudingą́*	*žalíngas* *žalingą́*

Правило II

Акц. типы производящих / Типы суффиксов			1. Неподвижный		2. Подвижный	
			a. Акут	b. Циркумфлекс и краткость	a. Акут	b. Циркумфлекс и краткость
Краткость и циркумфлекс	*-inj-*		*mãlinis* *mãlinė*	*raĩstinis* *raĩstinė*	*beržìnis* *beržìnė*	*skarìnis* *skarìnė*
	-inīk-		*áuksinykas* *áuksinykai*	*viẽtinykas* *viẽtinykai*	*darbinỹkas* *darbinỹkai*	*daržinỹkas* *daržinỹkai*
Акут	*-ōt-*	До действия закона де Соссюра	*dõnōtas* *dõnōtā*	*rãštōtas* *rãštōtā*	*plaukõtas* *plaukõtā*	*pilvõtas* *pilvõtā*
		После действия закона де Соссюра	*dõnōtas* *dõnōtā*	*raštõtas* *raštõtā*	*plaukõtas* *plaukõtā*	*pilvõtas* *pilvõtā*

Прилагательные с суффиксом *-in-*[44]

1. От основ с неподвижным ударением:

а. Акутированные: *áuksinas*, *-a* (*áuksas*, 1); *ámžinas*, *-a* (*ámžius*, 1)[45].

b. Циркумфлектированные и краткостные: *sidābrinas*, *-a* (*sidābras*, 2)[46].

2. От основ с подвижным ударением:

а. Акутированные: (*pláukinas*, *-à* [*pláukas*, 3]).

b. Циркумфлектированные и краткостные: *krùvinas*, *-à* (*kraũjas*, 4).

Прилагательные с суффиксом *-ing-*

В литовском языке не сохранилось возникшее после передвижки по закону де Соссюра состояние акцентной системы этих прилагательных; акцентные типы: *paršíngas* — *paršíngā*, *náudingas* — *naudingá*, *žalíngas* — *žalingá* — совпали, обобщив в западноаукштайтском и жемайтском кривую типа *paršíngas* — *paršíngā*, а в восточноаукштайтском — кривую типа *žalíngas* — *žalingá*. Позднее происходили процессы устранения типа *kū́ningas* — *kū́ningā*. По-видимому, наиболее старое состояние сохраняется у Н. Даукши и в диалектах, подобных Тверечюс. Оно характеризуется сохранением типа *kū́ningas* — *kū́ningā* и расщеплением столбца 1 *b*: сохраняется старое место, если между ударным слогом и суффиксом находится неакутированный слог, если же ударение стояло перед суффиксальным слогом, то оно переносилось на акутированный слог суффикса и совпало затем с типом *žalíngas* — *žalingá*. Возможно, в колебании акцентовки в *naudingas* у Н. Даукши отражается старый тип *náudingas* — *naudingá* (акцентовка *náuda* у Даукши сама требует объяснения).

1. От основ с неподвижным ударением:

а. Акутированные: *kū́ningas*, *-a* (*kū́nas*, 1); *gẽdingas*, *-a* (*gẽda* 1); *pabáisingas*, *-a* (*pabáisa*, 1); *méilingas*, *-a* (*méilė*, 1); *malóningas*, *-a* (*malónė*, 1); Тверечюс[47]: *píeninga* (*píenas*, 1).

b. Циркумфлектированные и краткостные:

b_1 — с сохранением старого места ударения (двусложные): *ãkmeningas*, *-a* (*ãkmuo*, 1); *veĩkalingas*, *-a* (*veĩkalas*, 1); *reĩkalingas*, *-a* (*reĩkalas*, 1); *rũpestingas*, *-a* (*rũpestis*, 1).

---

[44] Распределение частично сохранено у Н. Даукши. Отдельные реликты в восточноаукштайтских диалектах. См.: P. Skardžius. Daukšos akcentologia. Kaunas, 1935, стр. 155—157.

[45] См., например: J. Šlapelis. Kirčiuotas lenkiškas lietuvių kalbos žodynas, antroji laida. Vilnius, 1940.

[46] Лит. *vārinas*, *-à* (Н. Даукша) — *vāris* (2), по-видимому, свидетельствует о начавшемся распаде системы. Напротив, *pufvinas*, *-a* (совр. лит. *pufvas*, 4) говорит скорее о древней неподвижности ударения в слове *pufvas*, т. е. о первоначальности акцентной парадигмы 2 в этом слове.

[47] См.: J. Otrębski. Wschodniolitewskie narzecze twereckie. Część I. Kraków, 1934. — Примеры приводятся в обычной орфографии.

b_2 — с переносом ударения по закону де Соссюра и дальнейшим совпадением с типом 2b (односложные основы и основы с ударением на слоге, предшествующем окончанию): *lobìngas*, *-à* (*lõbis*, 2); *vaisìngas*, *-à* (*vaĩsius*, 2); *galìngas*, *-à* (*galià*, 2); Тверечюс: *paršingà* (*paŕšas*, 2); *telìngas*, *-à* (*tẽlių*, gen. pl., 2); *nesveikatìngas* (*sveikatà*, 2).

2. От основ с подвижным ударением:

a. Акутированные: *naudìngas* (*naudà*, 3); Тверечюс: *kosulìngas* (*kosulỹs*, 3[a]); *gėrìngas*, *-à* (*ėras*, 3).

b. Циркумфлектированные и краткостные: *žalìngas*, *-à* (*žalà*, 4); *uolìngas* (*uolà*, 4); *godìngas*, *-à* (*godà*, 4); *išmintìngas*, *-à* (*išmintìs*, 3[b]); Тверечюс: *pinigìngas* (*pìnigas*, 3[b]); *pakelìngas* (*kẽlias*, 4); *dusulìngas* (*dusulỹs*, 3[b]).

Прилагательные с суффиксом *-inj-*

1. От основ с неподвижным ударением:

a. Акутированные: *dúoninis*, *-ė* (*dúona*, 1); *dūminis*, *-ė* (*dūmai*, 1); *glìndinis*, *-ė* (*glìnda*, 1); *gìrninis*, *-ė* (*gìrnos*, 1); *káilinis*, *-ė* (*káilis*, 1); *kárvinis*, *-ė* (*kárvė*, 1) и др.

b. Циркумфлектированные и краткостные: *rañkinis*, *-ė* (*rankà*, 2); *vìštinis*, *-ė* (*vištà*, 2); *mẽtinis*, *-ė* (*mẽtai*, 2); *kiaũlinis*, *-ė* (*kiaũlė*, 2); *sliñkstinis*, *-ė* (*sliñkstis*, 2) и др.

2. От основ с подвижным ударением:

a. Акутированные: *krėslìnis*, *-ė* (*krėslas*, 3); *ąžuolìnis*, *-ė* (*ąžuolas*, 3[a]); *šiaudìnis*, *-ė* (*šiáudas*, 3); *beržìnis*, *-ė* (*béržas*, 3); *arklìnis*, *-ė* (*arklỹs*, 3) и др.

b. Циркумфлектированные и краткостные: *daržìnis*, *-ė* (*daržas*, 4); *karklìnis*, *-ė* (*kar̃klas*, 4); *galìnis*, *-ė* (*gãlas*, 4); *avižìnis*, *-ė* (*avižà*, 3[b]); *šaknìnis*, *-ė* (*šaknìs*, 4) и др.

Существительные с суффиксом *-inyk-*[48] (*-ininк-*)

1. От основ с неподвижным ударением:

a. Акутированные: *áuksinykas*, *-ai* (*áuksas*, 1); *príešinykas*, *-ai* (*príešas*, 1); *tárpinykas*, *-ai* (*tárpas*, 1).

b. Циркумфлектированные и краткостные: *beñdrinykas*, *-ai* (*beñdras*, 2); *mẽtinykas*, *-ai* (*mẽtai*, 2); *šim̃tinykas*, *-ai* (*sim̃tas*, 2); *triũbinykas*, *-ai* (*triūbà*, 2); *viẽtinykas*, *-ai* (*vietà*, 2); *vam̃zdinykas*, *-ai* (*vam̃zdis*, 2); *žvaĩzdinykas*, *-ai* (*žvaĩzdė*, 2).

2. От основ с подвижным ударением:

a. Акутированные: *darbinỹkas*, *-ai* (*dárbas*, 3); *šarvinỹkas*, *-ai* (*šárvas*, 3).

---

[48] Приводится наиболее раннее состояние, засвидетельствованное у Н. Даукши; см.: Pr. Skardžius. Daukšos akcentologia. Kaunas, 1935, стр. 53—54.

b. Циркумфлектированные и краткостные: *daržinỹkas*, *-ai* (*dañžas*, 4); *kieminỹkas*, *-ai* (*kiẽmas*, 4); *samdinỹkas*, *-ai* (*samdà*, 4); *skolinỹkas*, *-ai* (*skolà*, 4); *bursinỹkas*, *-ai* (*bursà*, 4); *dalinỹkas*, *-ai* (*dalìs*, 4); *barninỹkas*, *-ai* (*barnìs*, 4); *žuvinỹkas*, *-ai* (*žuvìs*, 4); *dešimtinỹkas*, *-ai* (*dešimtìs*, 3^b); *žolinỹkas*, *-ai* (*žolẽ*, 4).

Прилагательные с суффиксом *-ot-*, *-uot-*

Акцентовка этих имен[49] в определенном смысле параллельна акцентовке прилагательных с суффиксом *-ing-*. Действие закона де Соссюра и в этих именах перекрыло старые прозрачные акцентные отношения. Старый акцентный тип с неподвижным циркумфлексовым или краткостным набазовым ударением раскололся в зависимости от расстояния места ударения от акутированного слога суффикса.

1. От основ с неподвижным ударением:

a. Акутированные: *mìltuotas*, *-a* (*mìltai*, 1); *píenuotas*, *-a* (*píenas*, 1); *dúonuotas*, *-a* (*dúona*, 1); *móluotas*, *-a* (*mólis*, 1); *súodziuotas*, *-a* (*súodys*, 1) и др.

b. Циркумфлектированные и краткостные:

b_1 — с сохранением старого места ударения (двусложные): *ãšakotas*, *-a* (*ãšaka*, 1); *sãmanotas*, *-a* (*sãmanos*, 1).

b_2 — с переносом ударения по закону де Соссюра (односложные основы и основы с ударением на слоге, предшествующем окончанию): *putótas*, *-a* (*putà*, 2); *dumblúotas*, *-a* (*dumblas*, 2); *raštúotas*, *-a* (*rãštas*, 2); *spaliúotas*, *-a* (*spãliai*, 2); *aguonúotas*, *-a* (*aguonà*, 2) и др.

2. От основ с подвижным ударением.

Акутированные: *burnótas*, *-a* (*burnà*, 3); *plaukúotas*, *-a* (*pláukas*, 3); *taukúotas*, *-a* (*taukaĩ*, 3).

Циркумфлектированные и краткостные: *barzdótas*, *-a* (*barzdà*, 4); *pilvótas*, *-a* (*pilvas*, 4); *rasótas*, *-a* (*rasà*, 4); *raupúotas*, *-a* (*raũpas*, 4); *myžalúotas*, *-a* (*myžalaĩ*, 3^b) и др.

Примечание. В восточноаукштайтских диалектах наблюдается тенденция распространить тип *žalìngas*, *žalingà* на все образования с акутированными ударными суффиксами, в западноаукштайтских и жемайтских диалектах этот тип устранен. Существование систем (типа Тверечюс), где имеются оба типа: *žalìngas* — *žalingà* и *barzdótas* — *barzdóta*, — распределенные по разным суффиксальным образованиям, является дополнительным свидетельством, подтверждающим предложенную выше реконструкцию.

Исходя из четырех параметров: 1) парадигматический принцип распределения акцента; 2) акцентологический тип правила порождения (наличие или отсутствие подвижной акцентной парадигмы у производных); 3) акцентная парадигма производящего;

---

[49] Приводятся материалы из Тверечюс, где сохранилась архаическая система акцентовки этих прилагательных.

Таблица 58

Характер гласного суфф. \ Акц. типы производящих		Правило I			Правило II		
		Неподвижный		Подвижный	Неподвижный		Подвижный
		Акут	Циркумфлекс или краткость	Акут и циркумфлекс	Акут	Циркумфлекс или краткость	Акут и циркумфлекс
Славянский	Краткость	*bȃbьskъ* ~ *bȃbьska* *vȇrьnъ* ~ *vȇrьna*	*ženьskъ* ~ *ženьska* *grěšьnъ* ~ *grěšьna*	*mǫžьskъ* ~ *mǫžьskȁ* *dьlžьnъ* ~ *dьlžьnȁ*	*kȍrvьjь* ~ *kȍrvьja* *dȇdьnjь* ~ *dȇdьnja*	*kozьjь* ~ *kozьja* **sestrьnjь ** ~ **sestrьnja*	*božьjь* ~ *božьjȁ* **serdьnjь ** ~ **serdьnjȁ*
	Циркумфлекс				*bȃbьnikъ* ~ *bȃbьnika*	*grěšьnikъ* ~ *grěšьnika*	*dьlžьnikъ* ~ *dьlžьnikȁ*
	Акут	*mȇdę̑nъ* ~ *mȇdę̑na*	*stьklę̑nъ* ~ *stьklę̑na*	*dêrvę̑nъ* ~ *dervę̑nȁ*	*vȇlnatъ* ~ *vȇlnata*	*ženȃtъ* ~ *ženȃta*	*mǫžȃtъ* ~ *mǫžȃta*
Балтийский	Краткость	*kū̃niškas* ~ *kū̃niškā* *áuksinas* ~ *áuksinā*	*dvàsiškas* ~ *dvàsiškā* *sidàbrinas* ~ *sidàbrinā*	*sū̃niškas* ~ *sūniškā* *pláukinas* ~ *plaukinā*	*mólinis* ~ *mólinė*	*raĩstinis* ~ *raĩstinė*	*beržìnis* ~ *beržìnė*
	Циркумфлекс				*áuksinykas* ~ *áuksinykai*	*viẽtinykas* ~ *viẽtinykai*	*darbinỹkas* ~ *darbinỹkai*
	Акут	*kū̃ningas* ~ *kū̃ningā*	**pařšingas* ~ **pařšingā*	**žàlingas* ~ **žalingā*	*dõnōtas* ~ *dõnōtā*	**ràštōtas* **ràštōtā*	*pilvõtas* ~ *pilvõtā*

* Различие типов D и B, возможно, сохранялось еще в кайк.-чак. XVII в., где байжиь (Гр., 59) — от **blīzъ*, но сердиь (Гр., 55) — от **serdȁ*, acc. sg. **sêrdǫ*.

4) интонационный тип суффикса, — и учитывая материальное тождество большинства суффиксов, входящих в сравнение, можно идентифицировать эти правила с соответствующими славянскими на балтославянском уровне (табл. 58).

Сравнение показывает, что во всех случаях балтийским акцентным типам с неподвижным циркумфлексовым или краткостным ударением в славянском соответствуют акцентные типы с иктусом, перенесенным на следующий слог (в таблице подчеркнуты).

Таким образом, славянские правила порождения акцентных типов производных могут быть образованы из балтийских путем наложения правила В. М. Иллич-Свитыча, что говорит о том, что закон В. М. Иллич-Свитыча действовал не только в области простых имен, но и в области именного словообразования, а это доказывает его всеобщий и, следовательно, фонетический характер. Об этом же свидетельствует и возможность строгой идентификации акцентных кривых, образуемых правилами порождения акцентных типов производных имен («цепей акцентных типов») с акцентными парадигмами (точнее: «цепями акцентных парадигм») праславянского глагола.

Обозначение акцента

1. В праславянских реконструкциях:

ˊ — акут

ˆ — «циркумфлекс» долгого слога (долготное ударение, чередующееся во фразовых условиях с безударностью)

ˆ — «циркумфлекс» краткого слога (краткостное ударение, чередующееся во фразовых условиях с безударностью)

ˊ — новый акут долготы

ˊ — новый акут краткости

ˈ — ударение, без отношения к его слоговой (интонационной) реализации.

2. В балтийских реконструкциях употребляется система обозначения ударения, принятая для литовского, но в дифтонгических сочетаниях с первым элементом *u* или *i* для обозначения акута применяется знак ˊ (вместо традиционного ˊ).

3. В восточнославянских и южнославянских акцентуированных текстах для обозначения ударения употреблялись сходные системы знаков, восходящие к византийской системе обозначения ударения в греческих рукописях, которая, в свою очередь, восходит к системе, выработанной александрийскими филологами. Однако набор знаков, имевших значение акцента, и условия их функционирования в тексте варьировались в разное время и в различных писцовых школах.

Следует иметь в виду, что:

а) в Чуд. Нов. Зав. для обозначения ударения использовались три значка ˊ, ˊ, ˆ. Ни один из них, по-видимому, не служил

для обозначения слоговых интонаций или количеств. В более поздних русских текстах обычно употребляется система из двух значков: ⸗ и ⸗ (первый в начале и середине слова, второй — в конце слова). Особое положение занимают старорусские тексты, в которых, кроме этих двух, имеется знак ⸗ (камора), служащий для обозначения закрытого характера ударного *о* (см. Васильев). (В Чуд. Нов. Зав. ⸗ употреблена лишь в качестве знака ударения).

b) Среднеболгарские тексты используют обычно те же три знака: ⸗, ⸗, ⸗, — к которым в некоторых рукописях присоединяется ⸗ (= ⸗), употребляющийся исключительно в неприкрытом слоге (в значении: ⸗), тогда как ⸗ употреблялась в прикрытом слоге. Функциональное различие между ⸗ и ее вариантом ⸗, с одной стороны, и знаками ⸗ и ⸗, с другой, неясно, знаки ⸗ и ⸗ обычно различались позицией в слове (первый в начале и середине слова, второй в конце его). Важное исключение составляют тексты, для которых мы принимаем название «система Киприана», в которых знак ⸗ мог употребляться и в середине слова. Квантитативных и интонационных (слоговой акцент) различий эти знаки, по-видимому, не выражали.

4. В рукописях Ю. Крижанича (XVII в.) употребляется выработанная им очень точная система обозначения акцентных и квантитативных единиц: ⸗ — ударение на кратком слоге; ⸗ — ударение на долгом слоге; ⸗ — безударная долгота, которая в диалекте Ю. Крижанича всегда была предударной (исключение составляют формы типа зѧ благ̃ім, где фонетически неясное преобразование недопустимого в этом диалекте просодического сочетания *зѧ благ̃ім). Следующий за знаком безударной долготы знак ударения часто опускается, поэтому обозначение типа младе̅ц равнозначно обозначению младе̅ц или младе̅ц. В тексте «Политики» знак безударной долготы обычно опущен.

⸗ — значение этого знака остается во многом неясным[50]. Наиболее уверенно можно усмотреть две его функции.

1. Он выступает как вариант знака ⸗ в определенных фразовых условиях (заменяет знак ⸗ в конце слова перед паузой, но не в конце вопросительных предложений).

2. В отдельных словах (например, при подаче примеров в Гр.) знаком ⸗ отмечается рефлекс нового акута краткостей, в то время как знак ⸗ стоит на месте старого (сокращенного) акута (например, регулярно: кро̀в, во̀л, со̀м, до̀ждь, ко̀нь, ко̀ш, орѐл и под., но бра́т, мра́з, би́ч, пти́ц, ра́ѣ, зми́ѣ, ца́р и под.). Является ли такое употребление условностью, принятой Ю. Крижаничем, чтобы отметить различие между акцентовкой этих слов в других формах, или ему соответствовала в диалекте Ю. Крижанича какая-то фонетическая реальность, остается неясным.

---

[50] Сам Ю. Крижанич объясняет его как знак отсутствия ударения.

СОКРАЩЕНИЯ

Алф. — Алфавит, XVII в., рукопись, БАН 33.9.1. Примеры приводятся по Л. Л. Васильеву (Васильев).

белослатинск. — примеры приводятся из описания говора села Габаре: К. Попов. Говорът на с. Габаре, Белослатинско. «Известия на Института за български език», кн. IV. София, 1956, стр. 103—176.

БТР — Л. Андрейчин, Л. Георгиев, Ст. Илчев, П. Костов, Ив. Леков, Ст. Стойков, Цв. Тодоров. Български тълковен речник. Изд. 2. София, 1963.

Вас. Вел. — Слова постнические Василия Великого, рукопись 1444 г. — ГИМ, собр. А. И. Хлудова, № 8 по «Первому прибавлению к описанию рукописей . . . библиотеки А. И. Хлудова» А. Попова. М., 1875.

Васильев — Л. Л. Васильев. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII вв. К вопросу о произношении звука *о* в великорусском наречии. Л., 1929.

Вук — Вук Стеф. Караџић. Српски рјечник, истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. У Биограду, 1898.

Вып. I, II, III — Ю. Крижанич. Собрание сочинений, вып. I, II, III. М., 1891.

Геров — Н. Геров. Речник на българския език, т. I—V. Пловдив, 1895—1904.

ГИМ Муз. № 1474 XVII в. — рукопись XVII в. Государственного Исторического музея, Музейное собрание № 1474.

Гр. — Граматично искازање об руском језику, попа Јврка Крижанића, презванјем Сербманина, међу Кврвојв и Бврвојв риками, во сјездех Бихша града, окол Дврвовића, Озља и Рибника острогов. Писано вь Сибири Лита зрод (издано Бодянским). М., 1859 — арабские цифры передают славянскую пагинацию книги.

Даль — Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I—IV. М., 1955.

Дион. Ареоп. — Сочинения Дионисия Ареопагита, рукопись, ГБЛ, ф. 173, № 144.

Домостр. — Домострой по Коншинскому списку и подобным, к изданию подготовил А. Орлов. Кн. I, II. М., 1908—1910.

Дубровник — в работе встречаются примеры из диалекта Дубровника, отмечаемые М. Решетаром: M. Rešetar. Die serbokroatische Betonung südwestlicher Mundarten. Wien, 1900.

Жит. Варл. и Иос. — Житие Варлаама и Иосафа (по рукописи XVII в., ОЛДП, № LXXI). СПб., 1887.

Зогр. сб. № 103 — Зографский сборник житий и слов — библиотеки Афонского Зографского монастыря № 103, II, г. 6 (ряд отрывков издан в книге: Й. Иванов. Български старини из Македония. София, 1931 — цифры обозначают страницы этой книги).

Кормч. I, II — Кормчая 1650 г. Воспроизведено с . . . оригинала патриарха Иосифа с буквальной точностью, т. I, II. М., 1912.

Котова — Н. В. Котова. Система ударения в говоре района Горно Поле. «Статьи и материалы по болгарской диалектологии», вып. 10. М., 1962.

Лествр. — Лествица, рукопись, ГБЛ, ф. 173, № 152.

Лет. — Летопись XVII в., Погод. № 1406 (рукопись). Примеры приводятся по Л. Л. Васильеву (Васильев).

Мин. 1608 — Минея, октябрь 1608 (старопечатная книга). Примеры приводятся по Л. Л. Васильеву (Васильев).

Млад. — Ст. Младенов. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941.

Новг. Лет. — Новгородская летопись XVI—XVII вв., БАН. 34.4.32 (с 384 л.). Примеры приводятся по Л. Л. Васильеву (Васильев).

Нови — северночакавский диалект г. Нови приводится по работе: А. Белич. Заметки по чакавским говорам. — ИОРЯС, т. XIV, кн. 2, СПб., 1909.

Ням. сб. № 20 Яц. — Сборник № 20 Нямецкого монастыря, 1441 г. Цит. по кн.: А. И. Яцимирский. Из истории славянской проповеди в Молдавии. Памятники древней письменности и искусства, CLXIII. СПб., 1906.

Ням. сб. № 106 Яц. — Сборник № 106 Нямецкого монастыря, 1437 г. Цит. по кн.: А. И. Яцимирский. Из истории славянской проповеди в Молдавии. СПб., 1906.

Обнорский II — С. П. Обнорский. Именное склонение в русском языке, вып. II. Л., 1931.

О письм. — «О письменех», сочинение Константина философа (Костенечьского) — см.: И. Ягич. Исследования по русскому языку. Т. I. СПб., 1895, стр. 384—487. — Цифры обозначают листы рукописи.

Пат. Ск. — Патерик Скитский, XVII в., рукопись БАН. Примеры приводятся по Л. Л. Васильеву (Васильев).

Петр. вед. I, II — Ведомости времени Петра Великого, ч. I, II. М., 1903—1906.

Пиве и Дробняк — примеры приводятся по работе: J. Л. Вуковић. Акценат говора Пиве и Дробњака — СДЗб, књ. 10. Београд, 1940.

Пипери — цитируется по работе: М. С. Стевановић. Систем акцентуацијe у пиперском говору. — СДЗб, књ. 10. Београд, 1940.

Пол. — Юрий Крижанич. Политика. М., 1965. — Цифры обозначают страницы рукописи.

посавск. — Материал из посавского диалекта приводится по работе: St. Ivšić. Današnji posavski govor. — Rad, knj. 196, 197, 1913.

Поуч. Ис. Сир. — Поучения Исаака Сирина, рукопись 1389 г., ГБЛ, ф. 304, № 172.

поцерский — примеры приводятся по работе: М. Московљевић. Акценти именица и придева у поцерском говору. — СДЗб, књ. 2. Београд, 1911.

Пс. ф. 304 № 309 — Псалтирь, рукопись ГБЛ, ф. 304, № 309.

Псалт. — Псалтырь, XVI в., рукопись ГПБ, ф. I, № 7. Примеры приводятся по Л. Л. Васильеву (Васильев).

Пс. Кипр. — Псалтырь, рукопись ГБЛ, ф. 173, № 142.

Пс. М. Грека, сп. XVII в. — Псалтирь 1-й пол. XVII в., рукопись ГБЛ, ф. 304, № 62 (список с перевода псалтыри, сделанного Максимом Греком).

«Рибен буквар» — Петър Берон. Буквар с различни поучения (Рибен буквар) (фототипическое переиздание). София, 1964.

родопск. — Примеры приводятся по работам: Lj. Miletić. Die Rhodopemundarten. Wien, 1912; Г. Стойчев. Родопски речник. «Българска диалектология», кн. II. София, 1965.

Сб. № 19 — Сборник житий и слов 1448 г. писца Гавриила, БАН, 13.3.19.

Сб. № 20 — Сборник поучений второй четверти XV в., БАН 13.3.20.

Сборн. — Сборник Софийской Библиотеки № 1460. Примеры приводятся по Л. Л. Васильеву (Васильев).

Сборн. 1647 — Сборник 1647 г. (старопечатная московская книга). Примеры приводятся по Л. Л. Васильеву (Васильев).

СДЗб. — Српски дијалектолошки зборник.

См. Разр. — рукопись сочинения Ю. Крижанича, называемого им «Смертный Разред», ГБЛ, ф. 178, № 9415 («Беседы»).

софийск. — примеры цитируются по работам: Г. Попиванов. Софийският говор, СбБАН, 34, 1940; Зл. Божкова. Принос към речника на софийския говор. «Българска диалектология», кн. I. София 1962; Л. Гълъбов. Говорът на с. Доброславци, Софийско. — «Българска диалектология», кн. II. София, 1965.

старо-черногорск. — цитируется по книге: М. Б. Пешикан. Староцрногорски средњокатунски и љешански говори. — СДЗб, књ. 15, Београд, 1965.

странджанск. — примеры приводятся по работе: Горо Горов. Странджанският говор. «Българска диалектология», кн. I. София, 1962.

тетевен. — тетевенский говор цитируется по работе: Кр. Стойчев. Тетевенски говор. — СбНУ, кн. XXXI, 1915.

Торж. XVI в. — Торжественник XVI в., ГПБ, приобретения 1907 г., № 96. Примеры приводятся по Л. Л. Васильеву (Васильев).

Улож. — Уложение царя Алексея Михайловича, 1649 г.

Уч. и Хитр. — Учение и хитрость ратного строения пехотных людей, 1647. Цит. по кн.: Ch. S. Stang. La langue du livre «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей», 1647. Oslo, 1952.

фракийск. — материал приводится из работ: Ст. Младенов. Принос към изучаване на българските говори в Източна и Западна Тракия; Хр. Кодов. Езикът на тракийските и малоазиатските българи. «Тракийски сборник», кн. VI, София, 1935.

Хрон. — Хронограф по списку библиотеки князя П. П. Вяземского (4° № 238) Издание Общества любителей древней письменности, LXVI—LXXXIX. СПб., 1888.

черногорск. — отнесенность приводимого примера к черногорским говорам установлена на основании пометы в словаре Вука Караджича (Вук).

Черных — П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 г. М., 1953.

Чуд. Нов. Зав. — Новый Завет господа нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия Митрополита Московского и всея Руси (фототипическое издание Леонтия, Митрополита Московского). М., 1892. — Арабские цифры обозначают листы рукописи, цифровые индексы — столбцы листа.

Kucała — Marian Kucała. Porównawczy Słownik trzech wsi małopolskich. Wrocław, 1957.

Rad — Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti.

RJA — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, t. I—XVI. Zagreb, 1880. —

Stang — Chr. Stang. Slavonic accentuation, Oslo, 1957.

Škrabec Cv. — St. Škrabec. Cvetje z vertov Sv. Frančiška.

Valj. Rad. — M. Valjavec. Prinos k naglasu u novoj slovenštini. — Rad, 43—48, 56, 57, 60, 63, 65, 67, 68, 71, 73, 74, 76, 77, 93, 94, 102, 105, 110, 118, 119, 121.

Вяч. Вс. Иванов

ОТРАЖЕНИЕ ДВУХ СЕРИЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В ПРАСЛАВЯНСКОМ

Благодаря исследованиям последних десятилетий, отправлявшимся главным образом от данных не известных ранее древних индоевропейских языков (анатолийских), представления классического сравнительно-исторического языкознания, касающиеся общеиндоевропейской глагольной системы, претерпели существенные изменения. В свете этих уточненных реконструкций нужно исследовать по-новому и дальнейшее развитие индоевропейских глагольных форм в отдельных диалектах. В настоящей статье рассматривается судьба в балтийском и праславянском тех двух серий глагольных форм, которые можно с уверенностью восстановить для общеиндоевропейского. Кроме этих серий индоевропейская глагольная система могла включать и другие ряды форм; поэтому не представляется целесообразным на данном этапе работы пытаться вывести из двух серий все факты балтийских и славянских глагольных парадигм. В статье ставится гораздо более ограниченная задача: определить, в каких конкретных словоформах балтийских и славянских глаголов, имеющих достоверные индоевропейские этимологии, с большим вероятием отражается распределение глаголов по двум сериям. Этому предпослан краткий обзор данных других языков, на которых основаны индоевропейские реконструкции (для стройности изложения в этом первом разделе данные балтийских и славянских языков вовсе не привлекаются).

1. Реконструкция двух индоевропейских серий. Восстановление двух серий глагольных форм для общеиндоевропейского можно осуществить путем сравнения древнейших состояний, реконструируемых порознь для отдельных групп, прежде всего для языков с наиболее ранними памятниками: анатолийских, с одной стороны, и языков греческо-армяно-арийской диалектной области, с другой. В анатолийских языках первая серия форм восстанавливается на основании флексий хеттского

спряжения на *-mi*, где отчетливо проведено различие «первичных» окончаний настоящего времени с приметой *-i* (в ед. ч. 1 л. *-mi* при лувийском *-wi* [1], 2 л. **-si* > *-ši*, совпадающее во всех древних анатолийских языках, 3 л. **-ti* > хет. *-zi*, лув. и пал. *-ti*, лик. *-ti/di*) и «вторичных» окончаний прошедшего времени без приметы *-i* (в ед. ч. хет. 1 л. *-(u)n* < **-m*, 2 л. **-s* > *-š* с возможным соответствием в лув. *-š*, 3 л. хет. *-t*, *-ta*, пал. *-t*, лув. *-ta*), ср. 3 л. мн. ч. «первичное» наст. вр. **-nti* > хет. *-nzi*, лув. и пал. *-nti*, «вторичное» лув. и пал. прош. вр. *-nta*. Продуктивность этого способа построения форм настоящего времени посредством присоединения *-i* к «вторичным» окончаниям в хеттском языке доказывается такими новообразованиями, как окончания множественного числа: 1 л. наст. вр. *-weni*, 2 л. *-teni* при соответствующих «вторичных» окончаниях прошедшего времени *-wen*, *-ten*, и как формы медиопассива типа хет. 3 л. ед. ч. наст. вр. *kittari* 'он ложится, его кладут' при пал. *kittar* (с тем же значением, но без *-i*, которое только в хеттском медиопассиве является средством построения форм настоящего времени) [2]. При описании синтеза хеттских глагольных форм естественно образовывать «первичные» формы с приметой *-i* (так же как формы повелительного наклонения с приметой *-u*) от «вторичных» без этой приметы [3]. Здесь, как и в других аналогичных случаях, порядок применения правил в синтезирующей модели синхронного описания согласуется с реальным диахроническим порядком образования таких глагольных форм, как флексии типа *-ten-i*, *-ta-r-i* [4] и т. п.

Исходя из этого принципа, можно предположить более поздний характер и таких флексий хеттского спряжения на *-ḫi*, как 1 л. ед. ч. наст. вр. *-ḫ-i*, прош. вр. *-(ḫ)ḫ-un*, куда различие настоящего и прошедшего времени было перенесено из спряжения на *-mi*. Древнейший облик хеттских флексий этого спряжения засвидетельствован в архаичных написаниях: др.-хет. 1 л. ед. ч. наст. вр. *-ḫe*, где *-e* скорее всего из дифтонга

---

[1] О соотношении *-m-* : *-w-* в этих формах и о родственных глагольных формах в лидийском см.: Иванов, 1963, стр. 156 и 165; Шеворошкин, 1967, стр. 38—39 (там же литература вопроса).

[2] Иванов, 1965, стр. 112—113.

[3] См. таблицу (14) глагольных флексий: Иванов, 1963, стр. 145 и 156.

[4] Иванов, 1963, стр. 156. — Ср. о сходном соотношении между синхронным и диахроническим описанием; Моррис Халле. О правилах русского спряжения. «American contributions to the Fifth International Congress of Slavists». The Hague, 1963, стр. 362—382; ср.: А. А. Зализняк. О возможной связи между операционными понятиями синхронного описания и диахронией. «Симпозиум по структурному изучению знаковых систем». М., 1962; А. А. Зализняк. Синхронное описание и внутренняя реконструкция. «Проблемы сравнительной грамматики индоевропейских языков». М., 1964; И. А. Мельчук. О соотношении синхронического и диахронического описания. «Материалы Всесоюзной конференции по общему языкознанию. Основные проблемы эволюции языка», ч. 1. Самарканд, 1966; Лант, 1966, стр. 138; Топоров, 1966, стр. 129.

типа *ei или *ai > хет. e[5], 3 л. ед. ч. наст. вр. -e, напр. др.-хет. ma-az-zé 'он держится'[6], где для -e следует предположить такое же объяснение. Перенесение -i из первичных окончаний спряжения на -mi в приведенные флексии -ḫe < *-ḫe-i или *-ḫa-i, *-e < *-e-i или *-a-i (как и в окончание 2 л. ед. ч. наст. вр. -ti) спряжения на -ḫi происходило, по-видимому, и в других анатолийских языках, как показывает лув. 3 л. ед. ч. наст. вр. šai, muuai и т. п. (при иероглифических лувийских формах 3 л. ед. ч. наст. вр. глаголов этого типа с нулевым окончанием -Ø без конечного -i), но в хеттском благодаря позднейшему фонетическому развитию дифтонгов, давших -e > -i, окончания этого типа были вновь соотнесены с продуктивной приметой настоящего времени -i. Выделяемые при историческом анализе хеттского спряжения на -ḫi первоначальные его окончания, к которым присоединялась позднее эта примета -i, совпадают с такими же исходными окончаниями 1 л. ед. ч. -ḫa-, 2 л. ед. ч. -ta- и 3 л. ед. ч. -a-, которые можно выделить во флексиях медиопассива, где к этим исходным окончаниям могли присоединяться другие морфы (r-i, -ti, -t). Та же флексия 1 л. ед. ч. характеризует прошедшее время в других анатолийских языках (лув. -ḫa, лик. -ka). Реконструируемая на основании указанных соответствий для общеанатолийского вторая серия форм (*-H_2e > *-Ho > *-Ha, *-tH_2e > *tHo > *-tHa, *-o > *-a или -Ø), противопоставленная первой (*m-i, *-s-i, *t-i), как давно уже установлено, соответствует перфекту и медиопассиву в других индоевропейских языках.

Меньше внимания было обращено на то, что противопоставление конкретных глаголов, образующих формы двух этих серий в анатолийском, непосредственно можно сравнить с противопоставлением длительных и аористических корней в греческо-армяно-арийской диалектной группе. В этой группе те глаголы, которые в анатолийских языках принадлежат к спряжению на -mi, относятся к числу длительных, присоединяющих «первичные» окончания настоящего времени непосредственно к атематической основе: хет. ḫek-mi 'я требую', др.-инд. vaç-mi 'я хочу', авест. vas^{ə}-mī = *VAS-MI* в «идеальной» морфонологической транскрипции Бенвениста—Соколова (следы того же типа спряжения отражены в греческом прилагательном ἑκών 'добровольный' из причастия); хет. šeš-zi 'он покоится, спит', др.-инд. sasti. Глаголы же, в хеттском принадлежащие к спряжению на -ḫi, в греческо-армяно-арийской диалектной группе относятся к числу «аористических» корней, к которым непосредственно первичные окончания (типа -mi) не присоединяются. При присоединении к этим корням вторичных окончаний (и аугмента) образуется корневой

---

[5] Розенкранц, 1958, стр. 215—216; Иванов, 1965, стр. 114 и 135 (сн. 241).
[6] Ларош, 1965, стр. 51.

аорист: вед. 3 л. дв. ч. аор. *á-ni-tām*[7] от корня *nī-* 'вести' при хет. 1 л. ед. ч. наст. вр. *neḫḫi* 'отправляю'; вед. 3 л. ед. ч. ср. з. аор. *ārta* (медиальный аорист от корня *ar-* 'приводить в движение'[8]), греч. ὦρτο, хет. 1 л. ед. ч. наст. вр. *arḫi* 'прихожу, достигаю' (ностратическая основа **Hora* 'подниматься', по В. М. Иллич-Свитычу[9]). Первичные окончания настоящего времени у таких глаголов в греческо-арийской группе присоединяются к редуплицированной основе, которой в хеттском может соответствовать редуплицированная основа с длительным значением[10]. В ведийском такие «глагольные корни, для которых редуплицированная основа является единственной основой презенса, в самом лексическом значении выражали, видимо, действие недлительного однократного характера»[11]: вед. 3 л. ед. ч. наст. вр. ср. з. *mímite* 'он отмеривает' от корня *mā-* 'мерить' (хет. *mai-* 'расти, созревать', спряжение на *-ḫi*), ср. итеративно-интенсивные формы типа вед. 3 л. ед. ч. наст. вр. *íyar-ti* от *ar-* (хет. *arḫi*, см. выше). Сравнение этих редуплицированных форм с удвоением в хеттском позволяет прийти к выводу, что первоначально редупликация была средством выражения подобного длительного или итеративного значения, прямо никак не связанного с перфектом[12] и 2 серией форм. От глаголов, образовывавших формы по 2 серии и характеризовавшихся значением недлительности, для выражения длительности регулярно использовались редуплицированные основы, противопоставленные нередуплицированным недлительным. Позднее (при формировании в греческо-арийской диалектной группе противопоставления перфекта, аориста и презенса) из этих основ развились редуплицированные формы перфекта (с результативным значением). Согласно излагаемой точке зрения, в греческо-арийской диалектной группе образовалось, с одной стороны, противопоставление корневого аориста и перфекта[13], соответствующих (первый — по конкретному набору основ, его образующих, второй — по окончаниям) 2 серии

---

[7] Елизаренкова, 1960, стр. 65 и 71.

[8] Там же, стр. 88.

[9] Ностратические параллели здесь и далее даются согласно основополагающей монографии: Иллич-Свитыч, 1968.

[10] Ван Брок, 1964, стр. 148.

[11] Т. Я. Елизаренкова. Значение основ презенса в «Ригведе». «Языки Индии». М., 1961, стр. 144.

[12] Ван Брок, 1964, стр. 148—153. — Греческо-арийскую обязательную редупликацию в перфекте как инновацию, свойственную только данной диалектной группе (для которой общей инновацией является и грамматикализация аугмента в аористе), предложил рассматривать еще ранее Пизани: Пизани, 1956, стр. 161.

[13] Наличие противопоставления перфекта и аориста только в этой группе отмечалось и ранее, но иногда объяснялось как сохранение архаизма: R. Birwé. Griechisch-arische Sprachbeziegungen im Verbalsystem, Walldorf-Hessen, 1956, стр. 26.

форм, с другой стороны, различение редупликации в презенсе и в перфекте. Следовательно, греческо-арийский перфект в том его виде, когда он потерял связь с аористическими корнями и стал характеризоваться редупликацией, является инновацией этой группы.

В западной («древнеевропейской») группе индоевропейских диалектов глаголы, принадлежавшие в хеттском к спряжению на *-ḫi*, образуют (при определенной морфонологической структуре корня) редуплицированные формы претерита (в кельтском и германском) и перфекта (в латинском): хет. *šakḫi* 'я знаю', др.-ирл. претерит *sïacht* (удвоение **sesag-/*sisag-*[14]); хет. *gang(a)ḫḫi* 'я вишу', гот. *hāhan*, претерит по VII классу (*haíhān*, *haíhāhum*); хет. *š(i)pantaḫḫi* 'приношу жертву, совершаю обряд': лат. перфект *spopondī*, древнее *spepondī* (при соответствующем тематическом настоящем времени в греч. σπένδω[15]).

Развитие в таких западных индоевропейских языках, как германские[16] и кельтские[17], где претерит образовался из второй серии индоевропейских глагольных форм, представляется сходным с историей форм прошедших времен в тохарском. Для образования претерита в обоих тохарских языках («тохарском А» и кучанском — «тохарском В») и имперфекта в «тохарском А» используются окончания, которые можно вывести из 2 серии индоевропейских глагольных форм. Особый интерес представляет окончание 1 л. ед. ч. *-ā* в «тохарском А», которое в точности соответствует лувийскому окончанию претерита на *-ḫa* и греческому окончанию перфекта *-ᾰ* по фонетическому закону, согласно которому «тохарское» *-ā* отвечает *ᾰ* < **Ho* в европейских языках («тох. А» *ārki-* 'белый', греч. ἀργι- 'бело-, ослепительно-', хет. *ḫarki-* 'белый'[18] и т. п.)

---

[14] Уоткинс, 1962, стр. 167; см. там же о регулярности такого типа претерита от корней типа *TaT-* или *Tan-* в западных индоевропейских языках (ср. о структуре корней, образующих в этих языках претерит с удвоением: А. Мейе. Основные особенности германской группы языков. М., 1952, стр. 100—101).

[15] Интерпретация соответствий типа хет. *šipantaḫh-i* : греч. σπένδω, предлагавшаяся ранее (Иванов, 1963, стр. 160; Иванов, 1965, стр. 83 и 101), затруднена тем, что 1 л. ед. ч. в хеттском восходит к **-H_2e(i)* (см. выше). Поэтому прямое сближение возможно лишь при гипотетическом отделении гласного **-e* от **-H_2-*, что, впрочем, может быть поддержано гипотезой о принадлежности глаголов на *-aḫḫ-* к спряжению на *-ḫi* (Иванов, 1965, стр. 117). Более вероятное объяснение этого соответствия, предполагающее развитие тематического *-ō* из **-oH_2o*, предложил Уоткинс, 1967, с монографией которого автор мог познакомиться только по окончании работы над статьей. Излагаемое Уоткинсом понимание связи тематического аориста с хеттским спряжением на *-ḫi* представляется близким к аналогичному выводу относительно атематического корневого аориста, сделанному автором.

[16] Поломэ, 1964, стр. 870—880.

[17] К. Шмидт, 1964, стр. 134—143.

[18] Иванов, 1965, стр. 13.

Ситуация, сходная с западными индоевропейскими диалектами и с тохарским, имела место в лувийско-ликийской подгруппе анатолийских языков, где некоторые формы 2 серии были использованы для образования претерита к любому глаголу (по-видимому, независимо от того, был ли он глаголом 1 или 2 серии), в то время как в хеттском были образованы две разные парадигмы претерита (в единственном числе) в зависимости от того, к какой серии первоначально принадлежал глагол. В греческо-армяно-арийской диалектной группе обособлению перфекта как архаического продолжения [19] (с указанными выше инновациями) 2 серии форм способствовало возникновение другого способа выражения прошедшего времени — имперфекта, образуемого посредством вторичных окончаний 1 серии. В этой же диалектной группе вторичными окончаниями (в сочетании с аугментом [20]) характеризуется и аорист, но, согласно приведенной выше гипотезе, корневой аорист восходит к древним глагольным основам, ранее принимавшим окончания 2 серии. Исходный пункт развития для имперфекта и аориста можно видеть в индо-иранских формах инъюнктива с вторичными окончаниями 1 серии, противопоставленного перфекту и еще не имеющего временнóго значения [21]. Необщеиндоевропейский характер временнóго противопоставления первичных и вторичных окончаний подтверждается кельтскими языками [22] и такими характерными внутридиалектными различиями, как разница между окончаниями 3 л. мн. ч. наст. вр.: «тох. А» *-ñc* < **-nti* при куч. («тох. В») *-ṃ* < **-nt*, «т. е. первичные окончания в А, но вторичные в В. Такие различия должны быть очень древними» [23]. В отдельных индоевропейских диалектах различение первичных и вторичных окончаний связывается с временны́ми различиями лишь в тот период, когда более древнее (вневременнóе) противопоставление двух серий морфов, присоединявшихся к определенным глагольным основам, типа хеттского различения спряжений на *-mi* и на *-ḫi* и индо-иранского различия

---

[19] Архаическим является образование особой группы perfecta tantum: Перельмутер, 1967 (там же библиография).

[20] Согласно В. М. Иллич-Свитычу, 1968, аугмент развился из древней ностратической частицы **Hi* (> индоевр. **H_1e*) в проклитическом употреблении ср. Уоткинс, 1962; Иванов, 1965, стр. 245—247.

[21] Елизаренкова, 1960, стр. 51 и сл., 120—122.

[22] C. Watkins. Preliminaries to a historical and comparative analysis of the syntax of the Old Irish verb. «Celtica», v. VI, 1962, стр. 47—48; W. Meid. Die indogermanischen Grundlagen der altirischen absoluten und konjunkten Verbalflexion. Wiesbaden, 1963.

[23] G. S. Lane. On the interrelationship of the Tocharian dialects. «Ancient Indo-European dialects», ed. by H. Birnbaum and J. Puhvel. Berkley and Los Angeles, 1966, стр. 219. — Этот вывод самого Лэйна заставляет оспорить правильность второй половины его утверждения, по которому «уже в индоевропейском существовало образование на *-ā*, которое в сочетании с первичными окончаниями дает настоящее время, а с вторичными окончаниями — претерит» (Лэйн, 1959, стр. 172).

инъюнктива и перфекта [24] сменяются различиями временнóго характера.

Важный архаизм отражен в кельтском, где сохранились пережиточно следы противопоставления двух серий форм в ирландских страдательных формах на *-ar* (*ber-ar*) : *-thar* (*car-thar*), точно соответствующих умбр. *fer-ar* (ср. вен. *tol-ar*) : *her-ter*, хет. и лув. 3 л. ед. ч. наст. вр. *-ari* (спряжение на *-ḫi*) : *-tari* (спряжение на *-mi*) [25]. Самый тип образования медиопассивных форм 3 л. ед. ч. на *-r* следует рассматривать как инновацию, общую для кельто-италийских и для анатолийских диалектов, но отраженное в них противопоставление двух серий безусловно восходит к общеиндоевропейскому и является более древним, чем ирландское различение настоящего времени и претерита, в конечном счете объясняемое из этого же противопоставления.

По-видимому, в настоящее время результаты внутреннего сравнения индоевропейских диалектов можно подтвердить внешней реконструкцией благодаря сравнению с другими ностратическими языками. Согласно В. М. Иллич-Свитычу, индоевропейскому местоименному аффиксу субъекта 1 л. ед. ч. *-m*(*i*) отвечает такой же алтайский аффикс субъекта *-mi*, урал. *-m* (субъект), картв. *m-* (объект, ср. с.-х. *-ṅi*?) при самостоятельном местоимении в индоевр. *me-* (основа косвенных падежей), алт. *-mi-/men-*, урал. *mina*, картв. *me*(*n*); индоевропейскому аффиксу *-s*(*i*) отвечает алт. *-si* (в тунгусском) при самостоятельном местоимении в алт. *si-/sen-*, картв. *si*(*n*); наличие второго местоимения и местоименного аффикса 2 л. ед. ч. доказывается сравнением индоевр. **-tHe* (> **tHo*) с аффиксом: урал. *-t*, драв. *-ti*, с.-х. *t-* и местоимением: индоевр. *te-* (косв. п.), алт. *ti-* (в монг.), урал. *tina*, с.-х. *'an-tʌ* [26]. Последнее сближение, представляющее особый интерес для выявления ностратических праформ двух индоевропейских серий

---

[24] Елизаренкова, 1960, стр. 131. Леман, восстанавливая сходную оппозицию, ссылается на точку зрения, высказанную еще Швицером (различение перфектных и «примитивных» форм): W. P. Lehmann. Inferences on the Proto-Indo-European verb system based on internal analysis of Sanskrit. «Труды 25 Междунар. конгресса востоковедов», т. IV. М., 1963, стр. 164. — Развитие индо-иранского перфекта из «медиальных» форм, родственных хеттскому спряжению на *-ḫi*, как и историю родственных тематических (в древности медиальных) форм, исследовал в своей монографии Уоткинс, 1967. Ср. также: J. Puhvel. «Perfect tense» and «middle voice»: an Indo-European mirage. «X-th International Congress of linguists. Abstracts of papers». Buccharest, 1967, стр. 292—293.

[25] Иванов, 1965, стр. 123.

[26] Все эти сближения даются согласно таблице «Местоимения и местоименные аффиксы» в монографии: Иллич-Свитыч, 1968; см. также извлечение из вводной части этой монографии, публикуемое под тем же заглавием в настоящем сборнике, где приведена и цитируемая таблица. В свете этих ностратических сравнений соотношение между «первичными» и «вторичными» окончаниями, видимо, оказывается результатом позднейшего развития в самом индоевропейском.

глагольных форм, было применительно к урал. *-*ti* и хет. *-*ti* намечено еще Х. Шёльдом и в последнее время развито Б. Розенкранцем, указавшим на возможность сравнения показателя 1 л. ед. ч. *-H_2- в хеттском спряжении на -*ḫi* и уральского -*k* [27]. При современном состоянии сравнительно-исторической грамматики ностратических языков было бы рано делать окончательные выводы из этих сопоставлений, но, во всяком случае, они не противоречат допущению исходного различения двух серий индоевропейских глагольных окончаний.

В дальнейших частях статьи будет рассмотрено отражение в балтийском и праславянском того распределения глаголов по этим двум сериям форм, которое можно реконструировать для общеиндоевропейского.

2. Соответствия глаголам 1 серии в праславянском и балтийском. Те общеиндоевропейские корневые атематические глаголы, которые в классическом индоевропейском языкознании на основании греческо-арийских диалектных данных определялись как глаголы с «длительным значением» [28], а в хеттском принадлежат к спряжению на -*mi* (см. выше о хет. *ḫek-mi*, *šeš-zi*), в славянских языках представлены немногочисленными нетематическими глаголами V класса (по Лескину), в старолитовском (и пережиточно в некоторых литовских диалектах) — значительно более обширной группой форм — 69 по последней сводке [29] (в других балтийских языках число таких глаголов очень ограничено).

Из 5 старославянских глаголов этого класса только 2 могут быть непосредственно возведены к индоевропейским глаголам 1 серии [30]. В парадигме глагола бытия в славянском (как и во

---

[27] Розенкранц, 1966, стр. 173—175. — Особый интерес представляет гипотеза Розенкранца о соответствии хеттских глаголов на -*aḫḫi*- (лид. -*ok*- < *-*oH*$_2$-, Шеворошкин, 1967, стр. 25 и 53) и уральских на -*k* [с аффиксом абстрактных имен -*kk*-, -*kki*, привлекаемым Розенкранцем, ср. лув. -*ḫi-(t)*], хеттского 2 л. ед. ч. повел. накл. на -*ḫ*- и уральского и юкагирского аффикса -*k*-, ср. гипотезу о связи по происхождению *-H_2- > хет. -*ḫ*- во второй серии глагольных форм, глагольного суффикса -*aḫḫ*- (см. выше, сн. 15) и -*ḫ*- в императиве медиопассива (Иванов, 1965, стр. 118—120), но возможна и омонимия всех трех аффиксов в хеттском и уральском. Соответствие индоевр. -*H*- и урал. -*k*- в интервокальной позиции в других морфемах допускалось В. М. Иллич-Свитычом, но он предлагал объяснить урал. -*k*- во 2 л. ед. ч. повел. накл. из ностратической побудительной частицы **ka*, откуда и лит. *k(i)*, русск. -*ко*,- *ка* (Иллич-Свитыч, 1968; ср. о тех же сближениях в другом плане: В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, стр. 249—250; ср., однако, объяснение лит. *k(i)* < *gi* 'же': J. Kazlauskas. Lietuvių kalbos imperatyvo morfemos -*k(i)* kilmė. «Baltistika», II (1), 1966, стр. 69—72).

[28] А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 1938, стр. 214—215.

[29] Казлаускас, 1967, стр. 26.

[30] Основные факты см.: Мейе, 1934, стр. 165—166.

многих других индоевропейских языках, вплоть до современных романских и германских) в качестве индивидуальной словарной особенности этого глагола сохраняется след общеиндоевропейского морфонологического чередования огласовки корня *e в единственном числе и нулевой — во множественном числе настоящего времени; ст.-сл. ѥсмь, ѥсть : сѫть, по происхождению совпадающего с типом др.-инд. 3 л. ед. ч. наст. вр. *ásti* : мн. ч. *sánti*, хет. *ešzi* : *ašanzi*, ср. в индо-иранском и анатолийском явно построенные по образцу этих форм с приметой наст. вр. *-i* сходные формы с приметой повел. накл. *-u*: 3 л. др.-инд. ед. ч. *ástu-* : мн. ч. *sántu*, хет. *e-eš-du* : *a-ša-an-du*, лув. и пал. *a-aš-du*, *a-ša-an-du* (где противопоставление написаний со сдвоенным и несдвоенным гласным в клинописи богазкёйских табличек отражает морфонологическое чередование, восходящее к общеиндоевропейскому)[31]. Эта древняя структура парадигмы глагола 'быть', сохраненная и в западных индоевропейских диалектах (лат. *est* : *sunt*, при других формах, подвергшихся морфонологической перестройке, но легко выводимых при синхронном описании из атематического типа парадигмы[32]; гот. *ist* : *sind*), в балтийском не отражена из-за отсутствия особой формы 3 л. мн. ч., но косвенный след того же чередования сохраняется в соотношении личных форм типа лит. 1 л. ед. ч. наст. вр. *esmì*, 3 л. ст.-лит. и диал. *ẽsti*[33], латыш. 1 л. *esmu* (ст.-латыш. *esmi*[34]), прус. 3 л. *ast*, *asti-ts*[35] и старолитовских форм причастия настоящего времени на *-nt-* типа *sanczio*, *santi* (у Даукши при прус. *sent*[36]), ср. родственные формы причастия с такой же нулевой огласовкой корня: ст.-сл. сы, др.-инд. *sant*, авест. *hant*, совпадающее по значению с хет. *ašant* 'существующий, настоящий, истинный, верный', др.-англ. *sōð* (> *sooth*) 'правдивый, действительный', др.-исл. *sannr* 'истинный'. На основании этих форм причастия или отглагольного прилагательного на *-nt- реконструируется древнейшее индоевропейское значение глагола *es- 'иметь существование, быть

---

[31] Иванов, 1963, стр. 106, табл. 5.

[32] J. Foley. Prothesis in the Latin verb *sum*. «Language», v. 41, 1965, № 1, стр. 64 (статья принадлежит к числу современных синхронных описаний индоевропейского глагола, важных и для диахронии, ср. выше, сн. 4). В свете излагаемых в указанной статье синхронных правил более вероятным представляется то, ставшее уже традиционным, описание парадигмы этого и других сходных латинских глаголов, которое основывается на распределении тематических и атематических форм (вопреки возражениям в кн.: O. Szemerényi. Syncope in Greek and Indo-European and the nature of Indo-European ablaut. Naples, 1964, стр. 191 и сл.).

[33] Сабаляускас, 1957, стр. 80—90; Зинкявичюс, 1966, стр. 345, § 616—617.

[34] Эндзелин, 1951, стр. 704, прим. 307. — О диалектных латышских формах см.: Рудзите, 1964, стр. 129 и 359.

[35] Эндзелин, 1951, стр. 709; Станг, 1966, стр. 410—411.

[36] Станг, 1942, стр. 205.

на самом деле', предшествовавшее его превращению в связку[37].

Исключительный интерес представляет то, что это древнее значение сохранено в ст.-лит. *ẽsti*, имеющем характерное для длительных индоевропейских корней дуративное значение 'бывает (по обыкновению), длится' в отличие от *yrà*, выступающего в роли связки или как verbum substantivum без значения длительности[38]. Совпадение с индоевропейским делает вероятным предположение, что в старолитовском представлен архаизм; поэтому нельзя считать полностью исключительным, что в восточнобалтийском **īrā*, лит. *yrà*, латыш. *ir* отражена форма 2 индоевропейской серии с недлительным значением в отличие от длительного **esti* > ст.-лит. *ẽsti*. В таком случае *-r*, предшествующее гласному, можно было бы сравнить с формами 2 серии на *-*r* типа хет. *esir* 'они были', ср. др.-инд. перфект на *-r* и позднейшие новообразования с гласным после *-r*: лат. *-ēre*, куч. *-re*. Форма 3 л. мн. ч. 2 серии на **-r*, обычно сравниваемая с 3 л. ед. ч. **-r* в медиопассиве, в общеиндоевропейском противопоставлялась форме 3 л. мн. ч. 1 серии на **-nt-*[39], что, видимо, аналогично противопоставлению основ на **-r* и **-nt* в гетероклитических именах[40], ср. хет. *ešri* 'образ, существо': *ašant-* 'существующий' от корня *eš-* 'быть'[41]. Согласно гипотезе Эндзелина, процесс исчезновения старой индоевропейской формы 3 л. мн. ч. в балтийском (существенным этапом которого многими признается вытеснение этой формы глагола бытия **es-* связкой **īrā* — во всяком случае, в восточнобалтийском) был вызван внешним совпадением этой формы (со «вторичным» окончанием **nt-*) типа **sont* > **sant* с причастной формой **sant*, выступавшей в качестве Modus relativus[42]. При допущении изначального отсутствия флексии 3 л. мн. ч. **-nt(i)* в балтийском[43] следовало бы

---

[37] Бенвенист, 1966, стр. 160, 188; Иванов, 1965, стр. 266. — Ср. также о еще более древнем ностратическом конкретном (кочевом) значении слов этого корня 'осесть на место во время кочевки': Иллич-Свитыч, 1968.

[38] Станг, 1966, стр. 316 и 412—414 (Станг видит здесь литовскую инновацию, связанную с проникновением *yrà* в древнюю сферу глагола бытия); Эндзелин, 1951, стр. 711—712 (ср. об архаической форме *ira* в латышских диалектах: Рудзите, 1964, стр. 129).

[39] Тщательный анализ этого противопоставления см.: G. Cardona. [Рец]. F. R. Adrados. Evolución y estructura del verbo indoeuropeo. «Language», 1965, v. 41, № 1, стр. 108—110.

[40] Иванов, 1963, стр. 158 и 163; Поломэ, 1964, стр. 876 (там же литература); Иванов, 1965, стр. 130. — Поэтому предлагаемое здесь объяснение не исключает полностью обычного возведения **īrā* к именной форме (вслед за Готьо). Слабым местом предлагаемой гипотезы остается неясность корня (*ī-*?), но и ранее выдвигавшиеся этимологии (И. Шмидта и Поржезинского, Готьо, Станга) не являются бесспорными.

[41] Иванов, 1965, стр. 47.

[42] Эндзелин, 1948, стр. 177—178, § 330; Эндзелин, 1951, стр. 711, § 597; Станг, 1966, стр. 411.

[43] V. Pisani. Sull'indeuropeo ricostruito. «Saggi di linguistica storica. Scritti scelti di V. Pisani». Torino, 1959, стр. 66; Топоров, 1961,

принять обратную гипотезу, также исходящую из сходства окончаний *-nt(i) и нулевой огласовки корня в личной форме 3 л. мн. ч. и в причастии, но объясняющую его не омонимией, а родством: пришлось бы думать, что в балтийском (в отличие от других индоевропейских диалектов, в том числе и праславянского) причастие (или отглагольное имя) на *-nt еще не дало (при предикативном употреблении) формы 3 л. мн. ч. глагола (ср. отсутствие ностратических параллелей глагольному окончанию *-nt).

Здесь пришлось бы видеть один из глубоких архаизмов балтийских языков (что заставило бы отделить их в этом отношении от других индоевропейских диалектов, в том числе и от праславянского). Однако правильный типологический вывод об особой роли 3 л. среди других лиц еще ничего не позволяет утверждать о хронологии морфологического выявления этой роли в конкретных языках, в частности балтийских. Более того, именно отчетливость в современном литовском языке специфической отмеченности формы 3 л., являющейся «исходной и центральной в парадигме флексий» [44], и наличие конструкций, где эта форма (в восточноаукштайтских наречиях) «до сих пор выражает действие вообще, не соотнесенное с 3 л.» [45], заставляет усомниться в исконности этого явления (как и любого другого, в своем функционировании не обнаруживающего реликтового характера). Можно привести яркие типологические параллели более поздней нейтрализации противопоставлений по числам в 3 л. в других индоевропейских языках — неразличение единственного и множественного числа в кучанских формах действительного залога настоящего времени и конъюнктива, где в обеих функциях выступает *-m* < *-nt (см. выше). Это в кучанском явно следует считать новообразованием, ср. отчетливое противопоставление 3 л. ед. ч. наст. вр. *-tär* : 3 л. мн. ч. наст. вр. *-ntär* в кучанском медиопассиве и различие 3 л. ед. ч. *ste* и 3 л. мн. ч. *stare* в глаголе-связке. Но в отличие от балтийских форм типа лит. *ẽsti*, в кучанском обобщена форма множественного, а не единственного числа (ср. частичную параллель восточнобалтийскому также и сохранение противопоставления по длительности в глаголе бытия при замещении длительного индоевр. **es-* 'быть' кучанским глаголом *nes*, «тох. А»

стр. 70, сн. 85; Мажюлис, 1958, стр. 9, сн. 1; О н ж е. О некоторых архаизмах в системе балтийского глагола. «International Journal of Slavic linguistics and poetics», V, 1962, стр. 54—55 (где обсуждаются и случаи более позднего совпадения форм разных чисел, как в кучанском, но балтийское развитие объясняется по-иному); Казлаускас, 1967, стр. 26.

[44] Топоров, 1966, стр. 124; ср. Топоров, 1962. — Базисную (но немаркированную) роль 3 л. в разных индоевропейских языках последовательно анализирует в своей монографии Уоткинс, 1967, согласно которому тенденция выразить эту базисную форму нулевым окончанием постоянно взаимодействует с противоположной тенденцией к поляризации форм.

[45] Казлаускас, 1967, стр. 26.

nas-, противопоставленным недлительному «тох. А» и куч. *tāk(ā)-*[46]). Соотносившаяся с формой 1 серии на **-nt* форма 2 серии на **-r* представлена как в 3 л. мн. ч. (в большинстве древних языков, на основании которых эта функция проецируется и в общеиндоевропейский), так и в 3 л. ед. ч. (формы медиопассива на ** tor* в кельто-итало-фригийско-анатолийско-тохарской группе и безличный кельто-италийский пассив типа др.-ирл. *berir*, *-berar* 'он принесен', ср. выше о хет. и лув. *-ari*); поэтому с ней и кажется вероятным сблизить лит. *yrà*.

Для установления контекстов, в которых *yrà* позднее стало замещать ст.-лит. *ẽsti*, существенно открытое Станго́м соотношение между старолитовским использованием отрицательного *nėrà* в предложениях о существовании (*Nera Diewo*, эквивалентное польск. *Nie masz Boga*, «*Punktay Sakimu*» Ширвида, I, 30, 9) и отрицательной формой связки *ne esti* (эквивалентной польск. *nie iest*, *nie są*[47], употребление утвердительных и отрицательных конструкций с глаголом бытия в старолитовском, быть может, испытавшем в этом польское влияние, близко к польскому, где «по отношению к обозначению наличия чего-либо (*иметь место*, *иметься*) эквиваленты глаголов «быть» и «иметь» находятся в дополнительном распределении ... в зависимости от ... отрицания..., *имеется* переводится посредством *jest* 'есть', а *не имеется* посредством безличного *niema*»[48]). Вне зависимости от конструкции с отрицанием противопоставление глагола существования (эквивалентного логическому квантору существования) и связки (эквивалентной логическим связкам[49]), сходное со старолитовскими соотношениями, проводится в лат. *existere*, *estare* : *esse*, др.-ирл. 3 л. ед. ч. *-tá* : *is* (< **esti*, утратившего древнее значение и ставшего связкой, как и в литовских конструкциях с отрицанием), куч. 3 л. ед., мн. ч. наст. вр. *nesäṃ*: 3 л. ед. ч. наст.

---

[46] Это противопоставление в тохарском В. Винтер сравнивает с русск. *буду* : *стану*, см.: W. Winter. Tocharian evidence for Proto-Indo-European laryngeals. «Evidence for laryngeals». 2 ed. The Hague, 1965, стр. 204 (ср. там же о др.-ирл. *-tá*).

[47] Станг, 1966, стр. 412—413; G. B. Ford. *esti* und *yra* in Vilentas' *Euchiridion*. «Zeitschrift für slawische Philologie», 1967, Bd 32, H. 2, стр. 253—257.

[48] Эта формулировка дается в последнем семантическом исследовании о типологии глаголов 'иметь' и 'быть' в разных языках мира: Бендикс, 1966, стр. 131. История ст.-польск. *nie jest*, *nie są* в соотношении с *nie masz* (XV—XIX вв.) и позднейшим *nie ma* изучается в статье: W. Śmiech. Polskie *nie ma* 'abest'. «Rozprawy komiśji językowej», t. XII. Łódź, 1966, стр. 22—28. — См. также о типологических параллелях подобному различию отрицательных форм глагола бытия: E. Locker. Der sprachliche Ausdruck der Negation. «Instituto Lombardo di scienze e lettere. Rendiconti. Classe di lettere», v. LXXXVIII, 1955, стр. 549—550.

[49] Ср. об этом соотношении между естественными языками и логическим: A. C. Graham. Being in linguistics and philosophy: a preliminary study. «Foundation of language», v. I, 1965, № 3, стр. 223—231; «The verb *be* and its synonyms» ed. by J. W. M. Verhaar, pt I. Dordrecht, 1966.

вр. *ste*, 3 л. мн. ч. наст. вр. *stare*[50]. В старолитовском сочетании *ne esti*, формально сходном со ст.-сл. нѣстъ, др.-чеш. *(ne-)nie*, др.-инд. *nāsti*, др.-ирл. *ní* < *ne-est*, гот. *nist*[51], уже, по-видимому, никак не отражается архаичное употребление **(ne)esti* для обозначения (не)обладания, особенно хорошо засвидетельствованное в ряде древних языков в выражениях с дательным падежом типа ст.-сл. ѥдьномоу нѣстъ 'uni non est (corona)', Супр. 58, 16; хет. *tuqqa UL kuitki ešzi* 'у тебя ничего нет'[52]. В этой конструкции с отрицанием в старолитовском, по-видимому, нейтрализовалось противопоставление по длительности—недлительности, в связи с чем недлительное *yrà* заместило длительное *ẽsti*. Любопытной типологической параллелью, подтверждающей предлагаемую интерпретацию развития в литовском, может быть нейтрализация противопоставления между длительно-итеративными глагольными формами на *-šk-* (функционально соответствующими древним редуплицированным) и недлительными (неитеративными) в отрицательной конструкции (являвшейся синтаксической позицией нейтрализации для этого противопоставления) в хеттском языке[53]. Для объяснения того, почему

---

[50] О латинском, древнеирландском и кучанском, а также о типологических параллелях в тайском и других языках Юго-Восточной Азии см.: Бенвенист, 1966, стр. 192—193.

[51] См. о таких отрицательных формах: Иванов, 1965, стр. 248—249 (там же литература); генетическое тождество др.-ирл. *ní* и др.-рус. нѣ < **ne-est* предполагает Уоткинс, 1967, гл. XV, § 12. Форма *nẽsa* в литовских диалектах (Зинкявичюс, 1966, стр. 345, § 618) является новообразованием, объясняемым из соотношения *nėrà* : *ẽsti*, ср. *ẽsa* 'yrà'; поэтому при всей заманчивости сравнение с хет. *eša*, *ešari* (3 л. ед. ч. от *eš-* 'сидеть, садиться', этимологически связываемого с хет. *eš-* 'быть') было бы лишено исторических оснований. Но ср. ниже о др.-перс. *āsa* (перфект от **es-*), функционально близком к лит. *ẽsa* и подтверждающем древность некоторых форм 2 серии от **es-* (ср. медиальные формы от **ēs-* 'садиться, сидеть' в древнеиндийском, греческом и хеттском).

[52] См. об этой конструкции с глаголом бытия в хеттском, славянских, латинском и других индоевропейских языках: Бенвенист, 1966, стр. 188 и 197; E. Benveniste. Sur l'emploi des cas en hittite. «Archiv Orientální», t. XVII, 1949, стр. 44—45; В. Н. Топоров. Локатив в славянских языках. М., 1959, стр. 290—292; В. Н. Топоров. Об одной ирано-славянской параллели из области синтаксиса. — КСИС, вып. 28. М., 1960, стр. 9; Иванов, 1963, стр. 179 (к указанной здесь параллели с японским ср. Бендикс, 1966, стр. 104 и сл.); Иванов, 1965, стр. 69 и 266; C. Watkins. Remarks on the genitive. «To honor Roman Jakobson», v. III. 'S-Gravenhage, 1967; Порциг, 1964, стр. 173—174; Аллен, 1964, стр. 338; приводимая Алленом из Варрона архаичная латинская формула «antique fere formula utuntur, cum emptor dixit: *Tanti sunt mi emptae*, (sc. *oues*)? et ille respondit: *Sunt*» подтверждает реконструкцию сходной формулы для объяснения значения причастия: лат. *sons* 'виновный', др.-исл. *sannr* (см. выше, сн. 37), предложенную в кн.: Порциг, 1964, стр. 169, что особенно существенно ввиду отмеченной выше связи между причастием на **-nt* типа лат. *sons* и формой 3 л. мн. ч. типа лат. *sunt*.

[53] G. Beehtel. The Hittite verbs in *-šk-*. Ann Arbor, 1936; Иванов, 1963, стр. 144.

именно ст.-лит. *yrà* заместило *ẽsti* в этой позиции нейтрализации, можно использовать предложенную выше гипотезу, сопоставляющую *yrà* с формами 2 серии на *-r*: перфект, развившийся из форм 2 серии, обычно употреблялся при отрицании[54]. Предлагаемое объяснение ст.-лит. *nėrà* согласуется и с недавно предложенным Стангом (развившим ранее высказанную гипотезу Эндзелина) объяснением синонимичного латышского отрицательного *nav* < *navaid* < *nevaid* из древней перфектной формы[55].

Если след чередований в парадигме глагола бытия **es-* в славянском сохранился благодаря наличию формы 3 л. мн. ч. (в отличие от балтийского), то характерная для индоевропейского (и хорошо еще отраженная в древнеиндийском) связь этих чередований с подвижным ударением была устранена благодаря переходу парадигмы в окситонированный (древний подвижный) тип: шток. 2 л. ед. ч. наст. вр. *jèsi*, 1 л. мн. ч. *jèsmo*, 2 л. мн. ч. *jèste*, чак. *sû* < **sǫtь* (ср. новоакутовую интонацию и в чеш. *jsou*, польск. *są*, словин. *sóą*), чак. 3 л. ед. ч. *jé* < **jèstь* < **jestь*[56]. Тот же тип преобразования акцентуационной парадигмы в славянском[57] восстанавливается на основании русск. *едя́т*, чеш. *jedí* и для второго общеиндоевропейского атематического глагола 1 серии **ed-* 'есть' (из ностратического **ʔita* 'есть', по В. М. Иллич-Свитычу[58]). В этом глаголе чередование **ĕ* в ед. ч. и нуля (или ступени редукции) во мн. ч., аналогичное **es-* : **s-* (хет. *eš-* : *aš-*), отражено в хет. 1 л. ед. ч. наст. вр. *edmi* 'я ем', 3 л. мн. ч. *adanzi* 'они едят', но в балтийском (и, быть может, славянском) могло бы быть восстановлено только на основании названия «зуба»: лит. род. п. мн. ч. *dant-ų̃* 'зубов' от балтийской основы *dant-* 'зуб' (лит. *dantìs*, прус. *danti-* в *danti-max* 'десна'), ср. о.-слав. **dętel-*, в русск. *дятлина* 'клевер' и родственных словах других славянских языков[59] и в русск. *дятел*[60] и т. д. Давно уже пред-

---

[54] O. Grünenthal. Zum Perfekt. «Сборник в чест на проф. Л. Милетич». София, 1933. — Типологические параллели, касающиеся славянского перфекта (по происхождению никак не связанного с греческо-арийским) см.: Бородич, 1963, стр. 9 (где особенно показательно противопоставление ст.-сл. перфекта нѣсть сътворилъ и аориста сътвори) 12, 15.

[55] Станг, 1966, стр. 416.

[56] Станг, 1957, стр. 127—128.

[57] Там же, стр. 127 (см. там же о литовском причастии наст. вр. *ėdąs*).

[58] Иллич-Свитыч, 1968.

[59] На основании типологической параллели во фриульском названии клевера *dint di ciàn* возводятся к **dent-* 'зуб' в статье Пизани, см. дополнение О. Н. Трубачева к словарю: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. I. М., 1964, стр. 562, иначе: V. Machek. Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954, стр. 121 (где указаны и случаи называния клевера по животным, в частности коню, откуда возможно сближение со славянским названием дятла).

[60] Возведено к **dent-* 'зуб' Погодиным (см.: А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. I. М., 1910—1914,

полагавшаяся интерпретация этого общеиндоевропейского названия зуба как старого производного на *-nt* (отглагольного прилагательного или причастия) от индоевропейского корня **ed-* 'есть' стала еще более вероятной благодаря открытию у хет. *adant-* (прич. наст. вр. от *ed-*) двойственного залогового значения 'съеденный, едящий = съевший', архаичного ввиду обычной однозначности пассивного значения хеттских причастий на *-nt-* от переходных глаголов. Правдоподобно возведение хет. *adant-*, лит. *dant-* и т. п. к индоевропейской основе старого отглагольного прилагательного / причастия, образованного от **ed-*, откуда позднейшее значение активного причастия или же специализированное употребление в качестве обозначения зуба [61]. Существен полный параллелизм производных в хеттском, напоминающих парадигму с чередованием *-r/-nt* (и соответствующим чередованием огласовок корня): *esri* 'существо' : *asant-* (см. выше) и хет. *etri* 'корм для скота' : *adant-* при греч. гом. εἶδαρ ('еда как объект, который приносят') : εἴδατα, лит. *ėd-ra* 'корм для скота', *ed-rù-s* 'прожорливый, всеядный' [62]. Но в балтийском (и тем более в славянском, где указанные этимологии **dętel-* остаются спорными) связь между **dant-* и **ed-* была утрачена уже в очень древний период.

В глагольной парадигме ст.-сл. 1 л. ед. ч. наст. вр. ꙗмь, 3 л. мн. ч. ꙗдѧтъ, лит. *ėmu* [63], латыш. **ēmu* [64] обобщено долгое **ē*. В таких древних отглагольных именных производных, сохраняющих связь с глаголом, как русск. *едá* > **edā*, укр. *їдá*, болг. *ядá*, лит. *ėda*, латыш. *ēda* 'наживка, приманка', соответствие долгому гласному обнаруживается в греч. *ὠδή [65] (ср. **ō* в арм. *utem*, 1 л. ед. ч. наст. вр. от **ōd-*), др.-исл. *át* 'еда'. Древность долгого *ē* в славянской и балтийской глагольной парадигме подтверждается сравнением с долгим *ē*, характеризующим корень в атематических формах (в отличие от краткого *ĕ* в тематических) лат. *edō*, согласно латинским грам-

---

стр. 211) и Поливановым (Е. Д. Поливанов. Введение в языкознание для востоковедных вузов. I. Л., 1928). Эту этимологию можно подтвердить с семантической стороны ритуальным отождествлением клюва дятла с человеческим зубом, например, при лечении зубной боли у якутов: C. Lévi-Strauss. La pensée sauvage. Paris, 1962, стр. 16 (со ссылкой на материалы Зеленина).

[61] Иванов, 1963, стр. 107.

[62] Иванов, 1957, стр. 15; Иванов, 1965, стр. 45—47.

[63] Сабаляускас, 1957, стр. 101—102; Зинкявичюс, 1966, стр. 347—348, § 625.

[64] Эндзелин, 1948, стр. 180, § 337; Эндзелин, 1951, стр. 723, § 601c; Рудзите, 1964, стр. 131.

[65] О соотношении этого слова с русск. *еда* см.: E. Benveniste. Renouvellement lexical et dérivation en grec ancien. — BSL, 1964, t. 59, fasc. 1, стр. 32.

матикам[66]. По гипотезе Куриловича[67], долгая ступень в латинском и балто-славянском не унаследована от общеиндоевропейского, ср. др.-инд. 3 л. ед. ч. наст. вр. *átti* при лат. *ēst*, лит. *ėsti* (написание начального гласного в соответствующих хеттских формах 3 л. ед. ч. наст. вр. *e-iz-za-az-zi*, *e-iz-za-zi*, *e-za-az-zi*, ср. 1 л. *e-it-mi*, двусмысленно, так как гласный *e* может обозначаться особым клинописным знаком для прояснения его качества, а не количества). Из приведенных соответствий видно, что долгий **ē* выступает в тех индоевропейских диалектах, где на границе морфов перед начальным *-t* флексии конечное *d-* корня изменилось в *s*[68]. Эта закономерность особенно отчетливо видна в парадигме латинского инфекта, где чередуются алломорфы *ēs-* перед *-t* (3 л. ед. ч. из. накл. *ēs-t*, ср. зал. *ēs-tur*, 2 л. мн. ч. из. накл. *ēs-tis*, 2 л. мн. ч. наст. вр. повел. накл. *ēs-te*, 2 и 3 л. ед. ч. буд. вр. повел. накл. *ēs-to*, 2 л. мн. ч. буд. вр. повел. накл. *ēs-tote* и *ēd-* перед всеми другими окончаниями, начинающимися с гласной; два исключения из этого правила дистрибуции алломорфов (2 л. ед. ч. из. накл. и наст. вр. повел. накл. *ēs*) должны объясняться отраженным в латинских грамматиках его расширительным толкованием, по которому в парадигме *edō* перед всяким окончанием на согласный появлялся долгий гласный в корне (*ed-s* > *ēs*; в аномальной форме повел. накл. *ēs* с синхронной точки зрения нулевое окончание выступает в функции согласного, причем автоматически меняется и конечный согласный корня). Алломорф *ēs-* в указанных латинских формах совпал с *ēs* < **ēd-s-* в imperfectum subjūnctīvī (*ēssem*, *ēssētur*), где долгота, по-видимому, имеет морфологическую функцию (ср. долготу в перфекте *ēd-ī*). Поскольку *-s-* в имперфекте сослагательного наклонения типа **ēd-s-* может быть связано с другими италийскими[69],

---

[66] А. Эрну. Историческая морфология латинского языка. М., 1950, стр. 218, § 257 (о различных возможных объяснениях долготы гласного см.: И. М. Тронский. Историческая грамматика латинского языка. М., 1960, стр. 253, § 610); A. Meillet. Les alternances vocaliques en vieux-slave. «Mémoires de la Société de linguistique de Paris», XIV, 1906, стр. 336—337 (см. там же о других глаголах с долгим гласным корня, где Мейе видел след атематического типа). Об огласовке **ē* в славянском см.: Мейе, 1934, стр. 68, § 99, и стр. 166, § 205; Станг, 1942, стр. 21.

[67] J. Kuryłovicz. L'apophonie en indo-européen. Wrocław, 1956, стр. 306—308. — Напротив, общеиндоевропейскую долготу в глагольных формах типа лит. *ėda* видит Станг, 1966, стр. 123. Семереньи предполагает древность чередования **ēd-* : **ĕd-*: O. Szemerenyi. Syncope in Greek and Indo-European and the nature of Indo-European accent. Naples, 1964, стр. 193 (см. там же, стр. 190—195, об италийских формах от **es-*).

[68] См. о географическом распространении этого явления: Порциг, 1964, стр. 117—119.

[69] Ср., например: F. Stolz, A. Debrunner, W. P. Schmid. Geschichte der lateinischen Sprache. Berlin, 1966, § 45, стр. 33—34.

а следовательно, и индоевропейскими сигматическими глагольными формами, лат. *ēd-s- можно сравнить со ст.-сл. ꙗсѫ (ѣсѫ). Ввиду длительного значения корня *ēd- эту славянскую аористическую форму нельзя возводить к древнему аористу, но ее естественно было бы вывести из сигматических форм на -s- от *ēd- (большею частью медиальных, что согласуется с известной особенностью древних сигматических форм[70]) типа лат. *ēssētur*, др.-ирл. *·esur*, *·estir*, *·estar* (депонентный глагол с основой *ēd-s-), лув. *az-tuuari* (медиопассив от *ēd-s- > *az-*, ср. медиальные окончания на *-r* в латинском и кельтском), хет. *ezzai* (основа *ēd-s > *ezz-*, спряжение на *-ḫi*[71]). Та же основа на *-s- в ее древней словообразовательной функции (предшествовавшей аористической) отражена в ст.-сл. ꙗсли, латыш. *ēsli(s)* 'тот, кто постоянно жует, обжора', ср. синонимичную основу на *-sk̑- в др.-хет. *azzik-* (длительно-итеративная форма на *-šk-*), лат. *vēscor* 'питаюсь', лит. *éskùs* 'прожорливый', латыш. *ēškuot* 'часто есть'[72]. Эта основа на *-s-*, принадлежавшая, как и большинство древних сигматических основ, ко 2 серии индоевропейских глагольных форм (хеттское спряжение на *-ḫi*, формы на *-r* в других языках), в славянском позднее послужила для образования сигматического аориста к длительному корню *ēd-, причем сигматическая основа аориста с долгим гласным в ꙗсѫ совпала с алломорфом корня ꙗс- в парадигме настоящего времени (ср. выше о сходном соотношении *ēs-* в настоящем времени и имперфекте сослагательного наклонения в латинском). Образование аориста ꙗсѫ от атематического ꙗмь можно связать с общим правилом, по которому тематические непроизводные «окситонированные» (в более древний период — подвижные) глаголы «образовывали сигматический аорист типа вѣсѫ-вєдє, если оканчивались на согласный»[73]. Для вѣсѫ в старославянском, принадлежащего к тому же типу сигматических аористов, что и ѣсѫ (ꙗсѫ)[74], обнаруживаются точно такие же параллели

[70] О связи древних сигматических аористических форм со средним залогом см.: Уоткинс, 1962, § 4, стр. 52—60; Иванов, 1965, стр. 153 и сл.

[71] Иванов, 1965, стр. 160; Ларош, 1965, стр. 52.

[72] О других родственных формах см.: Иванов, 1957, стр. 15; Иванов, 1965, стр. 101. — С излагаемой гипотезой согласуется предположение Уоткинса о связи со славянским *ēd-s- лит. 3 л. буд. вр. *ēs* < *ed-s*; эти формы входят в ряд сигматических форм, развившихся в славянском в аорист (2 и 3 л. ед. ч.), а в балтийском — в формы будущего времени (Уоткинс, 1967, гл. XV, § 11), образованные от глаголов, которым в хеттском соответствует спряжение на *-ḫi* (как и в *ed-s- > хет. *ezz-*).

[73] Дыбо, 1961, стр. 38; Дыбо, 1962, стр. 19; Дыбо и Иллич-Свитыч, 1963, стр. 76. — Относительно окситонезы глагола *ed- в славянском и, возможно, в балтийском ср. кроме указанной выше (сн. 56) работы Станга: Дыбо, 1958, стр. 60.

[74] Станг, 1942, стр. 70, сн. 3; ср. также дескриптивную синхронную характеристику: Вайан, 1952, стр. 259—260; Лант, 1955, стр. 92; ср. описание порождения вѣсъ в статье: V. J. Zeps. Optional rules in the formation of the Old Church Slavonic aorist. «Language», v. 40, 1964, № 1, стр. 35—36.

в хеттской основе на *-s-* с медиальным окончанием *ḫuez-ta* и в древнеирландской основе сослагательного наклонения *fess-*[75], параллельной *ess-* от **ēd-s-*. Такие основы, как **Hu̯ēd-s-* (> ст.-сл. кѣс-), **ēd-s* (> ст.-сл. ѣс-, ꙗс-) первоначально были другими словами по сравнению с непроизводными глаголами **Hu̯ĕd-* (*e/o-*), **ĕd-*. Поэтому противопоставление форм 1 серии от **ed-* (хет. 3 л. ед. ч. наст. вр. *ezz(a)zi*) и форм 2 серии от **ed-s-* (хет. 3 л. ед. ч. наст. вр. *ezzai*) в принципе не отличалось от аналогичных противопоставлений любых других разнокорневых глаголов, например **es-* 'быть', от которого образовывались формы 1 серии, и **bhū-* 'расти', ср. русск. *былье* и т. п., из индоевропейского и ностратического 'расти', по В. М. Иллич-Свитычу[76], от которого образовывались формы типа корневого аориста — др.-инд. 3 л. ед. ч. *ábhūt* (от основы 2 серии, согласно изложенной выше концепции), ср. лат. 1 л. ед. ч. *fuī*. Поэтому позднейшее образование сигматического аориста ꙗсъ к ꙗмь (от длительного корня **ēd-*) по сути не отличается от образования супплетивного аориста бысъ к ѥсмь (от длительного корня **es-*). В обоих случаях в славянском при формировании единой парадигмы, включающей формы настоящего времени древних длительных корней 1 серии и формы аориста, эти последние были образованы от других слов, в индоевропейском принадлежавших ко 2 серии, в чем можно усмотреть сходство с развитием корневых аористов из основ 2 серии в греческо-армяно-арийской диалектной группе (в хеттском в парадигме глагола *ed-* также объединены форма на *-s-* и асигматические формы, что вызвано, однако, другими причинами — распадом класса глаголов на *-s-*, вытесненных синонимичными глаголами на *-šk-* типа хет. *azzik-*).

Два других глагола (дамь, бѣмь), входивших в старославянском в ту же пережиточную группу корневых атематических глаголов, что и ѥсмь, ꙗмь, являются результатом преобразования индоевропейских глаголов 2 серии и соответственно рассматриваются ниже: по-видимому, сходным образом (как переход из другого типа) нужно интерпретировать и пятый глагол, отличающийся от четырех других наличием основы на *-ā-*: ст.-сл. имамь, ср. прус. *imma*[77].

О том, что группа корневых глаголов 1 серии некогда была существенно более обширной, свидетельствуют ее следы в других славянских языках и косвенные пережитки в других старославянских формах кроме уже указанных. Точное морфологическое соответствие, которое в хет. *te-mi* 'говорю' обнаружено для

---

[75] Иванов, 1965, стр. 163.

[76] Иллич-Свитыч, 1968. — Согласно Уоткинсу, **bhū-s-* входит в тот же ряд балто-славянских сигматических основ, дающих литовские формы 3 л. буд. вр. и славянские формы 2 и 3 л. аориста, что и **ed-s-*: Уоткинс, 1967, гл. XV, § 11.

[77] В. Шмид, 1963, стр. 6 и 74 (сн. 311).

ст.-чеш. *diem* > *dím* 'говорю, называю' [78], заставляет реконструировать соответствующий глагол **dě-mь* и для праславянского. Как и в других разобранных выше случаях, праславянский длительный глагол на *-mi* восходит не только к общеиндоевропейскому, но и к ностратическому. По отношению к этому глаголу ностратические параллели оказываются особенно существенными, так как они позволяют установить, что различие между ст.-чеш. *diem* > *dím* и *děju* 'делаю, кладу, ставлю' восходит к общеиндоевропейскому и ностратическому [79]: согласно А. Б. Долгопольскому, хет. *te-* 'говорить' (ст.-чеш. *diem*) восходит к индоевр. **deH₁-* 'говорить' из ностратического «*texə* 'говорить, сказать' (ср. тюрк. **dē-* 'сказать', картв. **txo-* 'просить, жениться')» [80] в отличие от хет. *dai-* 'класть', ст.-чеш. *děju* < о.-слав. **dějǫ*, возводимого к индоевр. **dheH₁-* 'ставить, класть' из ностратического «**dəγi-* 'класть, помещать' [ср. тунг.-маньчж. **dī*, с.-х. **w-d* 'класть' (форма с префиксом)]» [81]. Следует подчеркнуть особую архаичность праславянского (в данном случае не отраженную в старославянском в отличие от старочешского), грамматически различающего в этих двух глаголах (которые затем могли смешиваться по фонетическим и семантическим причинам [82] в отдельных славянских языках) обе индоевропейские

---

[78] О старочешской парадигме этого глагола см.: F. Liewehr. Beiträge zur slawischen Sprachwissenschaft. «Zeitschrift für slawische Philologie», Bd XV, 1938, стр. 74. — Относительно сопоставления с хеттским см.: F. Hrozny. Die Sprache der Hethiter, I. Leipzig, 1917, стр. 42; A. Götze und H. Pedersen. Muršiliš Sprachlähmung. København, 1934, стр. 68; H. Pedersen. Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen. København, 1938, стр. 129; V. Machek. Hittito-slavica. «Archiv Orientální», v. 17, pt 2, 1949, стр. 125—138. V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957, стр. 87; J. Holub, F. Kopecky. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952, стр. 101; V. Cihař [Рец.] J. Friedrich. Hethitisches Wörterbuch. «Archiv Orientální», v. 23, pt 1—2, 1955, стр. 232; Порциг, 1964, стр. 279; A. Kammenhuber. Zur Stellung des Hethitisch-luvischen innerhalb der indogermanischen Gemeinsprache. — KZ, Bd 77, 1961, H. 1—2, стр. 52; Иванов, 1965, стр. 80.

[79] Ранее автор ошибочно считал, что речь идет о разном грамматическом оформлении одного и того же корня в двух разных значениях; см.: В. В. Иванов. Древнеиндийский миф об установлении имен и его параллель в греческой традиции. «Древняя Индия». М., 1964, стр. 90; Иванов, 1965, стр. 81. — Знакомство с работами В. М. Иллич-Свитыча и обсуждение с ним этого вопроса заставило автора пересмотреть эту точку зрения, что и отражено в тезисах: V. V. Ivanov. Indo-European verb: two series of forms. «X-th International Congress of linguists. Abstracts of papers». Buccharest, 1967, стр. 158.

[80] Шеворошкин, 1967, стр. 48, сн. 69 (со ссылкой на А. Б. Долгопольского).

[81] Там же. — Иллич-Свитыч, 1968, восстанавливает ностратическое **dʌçʌ* с рефлексами также и в картвельском.

[82] Семантическим контекстом, в котором могло осуществляться смешение этих фонетически близких глаголов, могла быть конструкция типа ст.-чеш. *dieti jmě* 'установить имя', ст.-польск. *dzieć imię*, см.: J. Zubatý. Výklady etymologické a lexikální. «Studie a články», sv. 1,

серии глагольных форм, отраженные в противопоставлении хет. *te-mi* 'говорю': *te-ḫḫi* 'ставлю, кладу' (о.-слав. **dě-mi* : **dějǫ*, ст.-чеш. *diem* : *děju*). Морфонологическая структура корня в индоевропейском глаголе **deH₁-mi* > о.-слав. *dě-mь* отлична от других глаголов 1 серии (и более напоминает структуру корней 2 серии типа **dheH₁-*). Следы чередований в корне этого глагола не сохранились ни в хеттском, где формы множественного числа образуются от супплетивной основы *tar-*, ни в славянском.

Чередование **e* и нулевой ступени (или ступени редукции) в корне, хорошо засвидетельствованное в парадигме 1 серии 3 л. ед. ч. наст. вр. хет. *kuenzi* < **gʷhén-ti* 'он бьет', др.-инд. *hánti*, 3 л. мн. ч. хет. *kunanzi* < **gʷhn-ónti* 'они бьют', др.-инд. *ghnánti*, косвенно отражено в соответствующих славянских и балтийских глаголах. Огласовка **e* обобщена в настоящем времени тематического глагола: ст.-сл. 1 л. ед. ч. наст. вр. женѫ, лат. *genù* 'гоню', латыш. *dzẹnu* 'гоню'[83] и в восточнобалтийском глаголе на *-ē-*: лит. инф. *genėti* (1 л. ед. ч. *geniù*. 3 л. *gẽni*), латыш. *dzenēt* 'обрубать сучья с дерева'[84]. В латышском от тематического глагола образуется основа прошедшего времени (древнего аориста, по Стангу), в славянском — родственная основа аориста и инфинитива на *-ā-*: ст.-сл. 3 л. ед. ч. аор. гъна, инф. гънати, латыш. 3 л. прош. вр. *dzina* (быть может, отражающее общевосточнобалтийский тип[85]), причем славянская огласовка ъ < **u* может рассматриваться как архаизм, объясняемый позицией перед сонантом, ср. отражение такого же *u* в родственном прус. *guntwei* 'treiben', 1 л. мн. ч. наст. вр. gunnimai 'мы гоним'[86]. Более обычная (согласно Куриловичу,

---

č. 1. Praha, 1945, стр. 90—102; ср.: F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1953, стр. 189; «Słownik staropolski», t. II, z. 4(10). Warszawa—Kraków, 1957, стр. 252; t. III, z. 1 (14), стр. 26.

[83] Мейе, 1934, стр. 175; Станг, 1942, стр. 30, 34, 76, 111, 122—123; Станг, 1966, стр. 332 и 379 (ср. стр. 325 о типе ст.-сл. гонити, лит. *ganýti*); Иванов, 1965, стр. 58.

[84] О прямой связи этих глаголов на *-ē-* с индоевропейским корневым атематическим глаголом см.: В. Шмид, 1963, стр. 71. Для семантического обоснования этимологии особенно важно сравнение с др.-исл. *gana*, авест. *aviǰana*ⁱ*ti* 'он рубит (дерево)': Мюленбах—Эндзелин, I, стр. 545. Семантическая связь всех указанных слов подтверждается и их использованием в контекстах, соотносящихся с мифом о преследовании змея богом грозы (разрубающим змея, как дерево, в ведийском гимне): В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Об отражении в белорусском группы индоевропейских слов, связанных с богом грозы. «Беларуская лексікалогія і этымалогія». Мінск, 1968, стр. 59.

[85] Станг, 1942, стр. 111 и 76—78 (об акцентуации славянских форм см. там же и Станг, 1957, стр. 135); Станг, 1966, стр. 379—380 и сл.

[86] Ср. о формуле **gR̥ > guR* Курилович, 1956, стр. 242—243, ср. там же о предложенном Вайаном объяснении *u* из лабиовелярного, что на первый взгляд согласуется с хет. *kun-* < **gʷhn-*, но не имеет других балтийско-славянских параллелей, так как лит. *nakv-oti* 'ночевать', *nakv-iša* 'полуночник', *nakv-inti* 'принимать на ночлег' при хет. *neku-* 'вечереть, темнеть'

менее архаичная) форма ступени редукции представлена в ст.-сл. 1 л. ед. ч. наст. вр. жѧнѭ 'жну' (с огласовкой, необычной для сходных по значению глаголов того же класса на *-ye/o-* после согласного, не имеющих аориста на *-ā-*), инф. жѧти, лит. *gìnti* 'защищать, охранять', где акутовая интонация инфинитива сходна со славянской (сербохорв. *žȅti*, ст.-чеш. *žieti*) при различии значений в балтийском и славянском; одинаков только самый принцип семантического расщепления глагола **g^{w}hen-* на две лексемы с разными огласовками корня[87] (ср. ниже о сходном расщеплении **serg-* в балтийском).

Косвенный след древнего атематического глагола, восходящего к общеиндоевропейскому (и ностратическому, по В. М. Иллич-Свитычу), сохранился в форме инф. ст.-сл. ити, где отражен (в отличие от основы настоящего времени и аориста) корень **ei-* с огласовкой **e*, ср. лит. *eĩti*[88], инфинитив к атематическому глаголу, сохраненному в старолитовских текстах и в архаичных литовских говорах Белоруссии (в Лазунах)[89]: ст.-лит. *iemì* 'иду', 3 л. наст. вр. *eĩti*, латыш. *iet*[90], прус. *ēit*, ср. др.-инд. *éti* < **eiti*, авест. *aēiti* (= AY-TI в «идеальной» транскрипции), греч. εἶ-σι < **εἴ-τι (мик. прич. *i-jo-te* = ἰοντες), лув. *iti* (где *i* в корне может быть из **e* < **ei*), лат. *īt* (у Плавта) < **eit* с огласовкой **e* во всех формах ед. ч. наст. вр. От огласовки **e*, отраженной в этих формах, отлична ступень редукции в основе о.-слав. **jьd-ǫ*[91]; эта ступень хорошо согласовалась бы с гипотезой о происхождении **jьd-* из индоевр. 2 л. ед. ч. повел. накл. *i-dh(í)*[92], ср. греч. ἴθι, др.-инд. *ihí*, авест. *i-δi*, др.-перс. *idiy*, хет. *it*, но эта последняя остается недоказанной. Предполагаемое этой гипотезой сохранение императива **i-dh(i)* в славянском типологически можно было бы сопоставить с сохранением хеттского императива *it* 'иди' (отражающего древнее ностратическое значение 'приходить', по В. М. Иллич-

---

и индоевр. **nok^{w}t-i* > ст.-сл. нощь обнаруживается в других фонетических условиях, ср. об этих литовских словах: W. Schulze. Kleine Schriften. Göttingen, 1933, стр. 119; P. Skardžius. Lietuvių kalbas žodžių daryba. Vilnius, 1943, стр. 242; Иванов, 1965, стр. 67, сн. 44. — О других объяснениях *u* (как ступени редукции **$_{o}$к *o*) ср. Станг, 1942, стр. 43 и 112. Как вторичное установление соотношений между *u* (+*R*) и *o* после гуттурального объясняет прус. *guntwei*, ст.-сл. гънати Станг (Станг, 1966, стр. 82; ср. критические замечания о гипотезе Куриловича там же, стр. 78—81). Относительно прусских форм см.: Эндзелин, 1943, стр. 182.

[87] Станг, 1942, стр. 115; ср. об акцентуации Станг, 1957, стр. 151.

[88] Мейе, 1934, стр. 66; Станг, 1942, стр. 86.

[89] Сабаляускас, 1957, стр. 95—98; Зинкявичюс, 1966, § 624, стр. 347.

[90] Эндзелин, 1951, стр. 720—723; Рудзите, 1964, стр. 130, 232, 359.

[91] Станг, 1942, стр. 51.

[92] Е. Д. Поливанов. Следы суффикса Imperativi **-dhi* на славянской почве. — ИОРЯС, т. 24 (1919), кн. 2. Пг., 1923; Иванов, 1965, стр. 75, сн. 65; Иллич-Свитыч, 1967, стр. 81. Ср. отчасти сходные предположения: Коржинек, 1938, стр. 452, сн. 1.

Свитычу[93]), включенного в парадигму хет. *pai-* 'идти' (из **po-i-*, родственного о.-слав. **po-iti*[94]), который вытеснил корневой глагол, еще отраженный в лув. *i-*.

В хеттском языке с глаголом 1 серии *i-*, *pai-* < **po-i-* соотносился медиопассивный глагол *iia-* 'идти, ходить, шагать, идти походом', родственный др.-инд. *yā-* 'идти, ходить, ехать', куч. *iyā-* 'приезжать, вести', лит. *jója*, латыш. *jâj*, ст.-сл. ꙗдѫ 'ехать'[95]. Хеттское соотношение *i-* (актив 1 серии) : *iia-* (медиопассив, объясняемый из древней 2 серии) оказывается по происхождению родственным аналогичному соотношению между о.-слав. инф. *iti* < **eiti* 'идти', лит. инф. *eīti* 'идти': о.-слав. **jāti* 'ехать'[96] (ст.-польск. и польск. диал. *jat*, чеш. *jeti*), лит. *jóti* (инфинитив к *jója*, *jójo*), латыш. *jât* (инфинитив к *jâj*, *jâja*). В праславянском к соотносительной паре глаголов **iti* : **jāti* были образованы одинаковые основы настоящего времени с суффиксом *-d-* **idǫ* : **jadǫ*, ср. интенсивные образования в балтийском: лит. *jodýti*, латыш. *jâdu*, каузатив *jâdinât* (лит. *jodìnti*, *jŏdinti*) и лит. диал. *eidinė* (именная форма)[97]. Балтийская основа на *-j-* (лит. *jója*, латыш. *jâj*), исключающая возможность образования презентной непереходной основы на *-st-*[98], сходна с другими, приводимыми ниже балтийскими глаголами на **-ye / o-*, отражающими индоевропейские глаголы 2 серии и поэтому соответствующими греческо-арийским корневым аористам. Поэтому можно считать вероятным, что соотношение **eiti* : **iāti* в праславянском и общебалтийском отражает различие двух основ, восходивших к корню **ei- / i-*, из которых первая

---

[93] Иллич-Свитыч, 1968.

[94] Иванов, 1965, стр. 76 и 224 (там же литература). О соотношении **iti* : **po-iti* см.: D. G. Huntley. L'aspect du *iti* en vieux slave. «Revue des études slaves», 1967, t. 46, стр. 15.

[95] Иванов, 1957, стр. 25—26; Лэйн, 1959, стр. 173; Иванов, 1965, стр. 117—120 (ср. там же обоснование гипотезы о происхождении всех этих форм из форм 2 серии), о соответствии в уральском см.: Иллич-Свитыч, 1968.

[96] О реконструкции соотношения **iti* : **jāti* и основах наст. вр. на *-d-* в праславянском см.: Станг, 1942, стр. 52.

[97] Станг, 1942, стр. 141—143; Станг, 1966, стр. 365 и 369; Эндзелин, 1948, стр. 201, § 379, стр. 209, § 393; Эндзелин, 1951, стр. 839, § 666. — Гипотеза об образовании литовских causalia passiva с помощью **-dh-* (> греч. θ в пассивном значении) была впервые высказана в кн.: К. О. Янис. Грамматика литовского языка. Пг., 1916, стр. 201 (ср. сходное объяснение о.-слав. **-i-d-ǫ*, **ja-d-ǫ*: Станг, 1942, стр. 52). Различие между образованием основ настоящего времени на *-j-* в балтийском и на *-d-* в славянском можно связать с тем, что *-d-* стало морфонологическим средством устранения зияния, функционально сходным с *-j-*.

[98] Арумаа, 1957, стр. 119. Ср. об этом глаголе в балтийском: Станг, 1942, стр. 126; Станг, 1966, стр. 356—357 (где ошибочно принимается, будто др.-инд. *yāmi* отражает древний тип образования, что затрудняет объяснение этого балтийского глагола; ту же трудность испытал вслед за Стангом Уоткинс, 1967, гл. XV, § 8, который вынужден формулировать для этого глагола отдельное соответствие).

спрягалась по 1 серии, вторая — по 2 (см. выше о таком же соотношении между *ed- и *ēd-s-). Восстанавливаемая для второго глагола праформа *i̯ā- < *i̯-oH₂- (из *i̯-eH₂-) отвечает древнейшему типу тех основ на -ā- < *-oH₂- с корнем в нулевой ступени, к которому можно возвести наиболее архаичные основы прошедшего времени (ср. в «тох. А» прош. вр. yā), и сослагательного наклонения в «тохарских» и некоторых «западноевропейских» языках[99].

Исследуя следы исчезнувших нетематических основ глаголов 1 серии в общеславянском, Мейе открыл такие следы в целой группе глаголов типа ст.-сл. стенѫ, русск. *стону́*, др.-русск. *стоню*, чеш. *stůňu*, *stonati*, о.-слав. *stonjǫ, ср. лит. *stenėti*, латыш. *stenēt*, др.-инд., вед. 3 л. ед. ч. инъюнктива *stan* 'гремит гром'[100]. Подобные глаголы (*sopǫ, *pojǫ, *gǫdǫ) обозначали длящееся ритмическое производство звуков и по своему значению, как указал Станг, могут быть отнесены к той же группе итеративно-интенсивных глаголов, что и глаголы типа ст.-сл. борѭ, русск. *борóть*, где древний атематический тип непосредственно засвидетельствован в ст.-лит. *barmi*[101]. Огласовку *o, необычную для атематических глаголов 1 серии, Станг объяснял происхождением всей этой группы глаголов из атематических интенсивных образований типа др.-инд. *jaṅghanti*, в связи с чем обращал внимание и на сходную интенсивную редупликацию русск. *тараторить*[102] при лит. 1 л. ед. ч. наст. вр. *tariu*, *tarti* 'сказать', прус. *tārin* 'голос', латыш. *terêt*. Эту гипотезу можно подтвердить сопоставлением удвоения в *тороторить*, чеш. *tratořiti* < о.-слав. *tortoriti с интенсивной редупликацией (по-видимому, глагольной, а не отыменной, как полагали ранее[103]) в ст.-сл. глаголѭ, входившем в ту

---

[99] Лэйн, 1959, стр. 173; ср. о структуре основ типа yā-: R. Antilla. Proto-Indo-European Schwebeablaut. Yale University dissertation, 1966, стр. 62, § 5.3.1.

[100] Мейе, 1906, стр. 335; Станг, 1942, стр. 41; В. Шмид, 1963, стр. 71; Иванов, 1965, стр. 72.

[101] Мейе, 1934, стр. 180; Станг, 1942, стр. 41—43 и 103; Станг, 1962, стр. 164; Станг, 1966, стр. 312; о формах *barmi* в старолитовских текстах см.: Сабаляускас, 1957, стр. 106. На вторичность акцентуации в лит. *barti* указывает В. М. Иллич-Свитыч, 1968; там же см. ностратические соответствия.

[102] Станг, 1942, стр. 41; Иванов, 1965, стр. 71 и сл. (ср. там же о соотношении русск. диал. *маратора* 'болтун, говорун' и о.-слав. *golgolъ); о прус. ср. Эндзелин, 1943, стр. 263. Относительно огласовки *o в индоевропейских интенсивно-итеративных образованиях см.: R. Hiersche. Gab es im Idg. ein *o*-stufiges primäres Präsens. «Indogermanische Forschungen», Bd LXVIII, 1963, стр. 149—159; Палиблэнк, 1965, стр. 97. Для установления связи между интенсивной редупликацией и значением производства звуков в глаголах этого типа существенно наблюдение Уоткинса о сходстве хет. *pariparai* 'играет (на инструменте)' и вед. *saniṣvanat* 'звучит' (Уоткинс, 1967, гл. II, § 7).

[103] Относительно ст.-сл. глаголѭ как глагольного, а не отыменного образования, ср.: A. J. Buning. De indogerm. athematische Conjugatie

же семантическую группу глаголов на *-ye/o-*, что и **stonjǫ*. Но еще большее значение для доказательства гипотезы Станга имеет обнаружение соответствия слав. **tor-tor-(iti)* в анатолийских языках[104].

Хет. *tar-* 'говорить' является атематическим глаголом, от которого образуются супплетивные формы мн. ч. к глаголу *te-* 'говорить' (см. выше о соответствии этому последнему в славянском): 1 л. мн. ч. *tarueni*, 2 л. мн. ч. *tarteni*; принадлежность к 1 серии доказывается лув. диал. 3 л. ед. ч. *tardi* < **tarti* (огласовка корня неясна, так как лув. *a* может восходить и к **e*, и к **o*). В анатолийском представлены редуплицированные формы с нормальной редупликацией перфектного типа: лув. *tatar-iia-* 'проклинать', лув. иер. *tatar(i)a-*, лид. *tatro-* 'приказывать' при *kan-tro* 'доверять' (*kantoru* 'вверяю'). Синонимичный древним редуплицированным основам глагол на *-šk-* уже в древнехеттском вытеснил глагол с удвоением, сохранившийся в лидийском (обычно близком к хеттскому): др.-хет. *tar-šk-*, итератив от *tar-* 'говорить', точно соответствующее лит. *taršketi* 'трещать, тарабарить, тараторить', ср. лит. *traškėti* 'трещать', *treškėti* 'трещать', латыш. *tērkšķêt* 'трещать, болтать', ст.-сл. трѣскати[105]. Это древнехеттско-балтийско-славянское соответствие существенно потому, что оно позволяет установить древность общего для балтийских и славянских языков употребления суффикса **-sk^e/o-* в глаголах, обозначающих производство звуков. Этот морфологический способ обозначения интенсивности в славянском, как и в анатолийском, был синонимичен с интенсивной редупликацией, ср. сохраняемую до сих пор частичную синонимию русск. *тараторить* и лит. *taršketi*.

Если не считать архаической долготы **ē* в ст.-сл. ꙗмъ, рассмотренные выше глаголы подчиняются открытому Стангом за-

---

in het Slavisch. Amsterdam, 1927, стр. 56 (но см. возражения: Коржинек, 1938, стр. 446, сн. 3); Станг, 1942, стр. 38; Иванов, 1965, стр. 72, сн. 55.

[104] Махек, 1957, стр. 533; E. Benveniste. Hittite et indo-européen. Paris, 1962, стр. 119—122; Иванов, 1965, стр. 71—73 и 151 (к литературе об анатолийских формах, указанной там же, следует прибавить работы: Ван Брок, 1964, стр. 141, и Шеворошкин, 1967, стр. 44 и 53). Другим примером, где для редупликации в славянских формах находится соответствие в анатолийском, может быть хет. *pappar-š-* 'разбрызгивать, окроплять' (при совершении обряда), см. об этом глаголе, его «тохарских» и славянских соответствиях (в данном случае именных): Ван Брок, 1964, стр. 138 и 144, В. В. Иванов и В. Н. Топоров. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965, стр. 152—153, сн. 280; Иванов, 1965, стр. 144.

[105] Иванов, 1965, стр. 151. — О балтийском ср.: В. Шмид, 1963, стр. 73, прим. 306 (там же указана связь с типом русск. *гудеть*, ср. выше об о.-слав. **gǫdǫ*); Мюленбах—Эндзелин, IV, стр. 173; Станг, 1942, стр. 136; Мейе, 1934, стр. 172; V. Machek. Slavische Verba mit suffixalem *sk*. «Slavistična Revija», letn. X, 1957, стр. 67—80. — Особенно существенный для данной темы перевод лит. *taršketi* 'тараторить' см.: B. Sereiskis. Lietuviškai-rusiškas žodynas. Kaunas, 1933, стр. 978.

кону, по которому индоевропейские корневые атематические (и тематические) основы настоящего времени в славянском отражаются в основах настоящего времени с полной ступенью огласовки *e/o[106]. Этому закону соответствует и огласовка тематического глагола ст.-сл. стрѣгѫ, с которым этимологически сопоставляется литовский атематический глагол с огласовкой *e 1 л. ед. ч. *sérgmi*, 3 л. ед. ч. *sérgti* 'охраняет, стережет', сохраненный в старых литовских памятниках и в аукштайских диалектах[107]. То же начало слова (с группой *st-*), что и в о.-слав. **sterg-*, отражено в хеттском атематическом глаголе *istark-* 'болеть', который семантически соответствует другому литовскому глаголу того же корня 1 л. ед. ч. наст. вр. *sergù*, *sirgti* 'болеть'[108]; начальное *s-*, как и в балтийском, представлено в куч. *sark-* 'болезнь', «тох. А» *särk* (ср. производное прилагательное *särka-si* 'принадлежащий болезни') и в др.-ирл. *(hi)seurc* '(в) болезни', ср. ирл. *sirg* 'болезни' (дат. пад. с сужением *e > i). Несмотря на различие *st-* и *s-* в начале перечисленных слов их связь для общеиндоевропейского представляется несомненной, хотя с точки зрения ностратического внешнего сравнения вопрос оказывается более сложным[109].

---

[106] Станг, 1942, стр. 33. — В **dě-mь* < *dĕH-mi* огласовка **e*.

[107] K. Fraenkel. Litauische Beiträge. — IF, Bd 46, 1928, стр. 54 и сл.; A. Senn. Die athematischen Verben in Mikalojus Daukša's Schriften. «Studi Baltici», 4, 1934/35, стр. 85 и сл.; Шпехт, 1935, стр. 83 (относительно выдвинутой Шпехтом, стр. 88, гипотезы о влиянии *sérgmi* на синонимичный *sáugmi* ср.: Станг, 1942, стр. 103; Сабаляускас, 1957, стр. 103; атематический глагол *sérgmi* не включен в круг подробно рассмотренных в последней работе); В. Шмид, 1963, стр. 69; Зинкявичус, 1966, стр. 350, § 636.

[108] Открыто в статье: Трубачев, 1958, стр. 125—126; см. также Иванов, 1965, стр. 57 (ср. там же о характерном контексте типа русск. *как он ни стерегся, а простудился*).

[109] См. о балто-славянском и индоевропейском (без учета кельтских и «тохарских» форм): Трубачев, 1958, стр. 126, сн. 21 (с литературой о чередовании *st-* : *s-*). Иллич-Свитыч, 1968, принимает только основу с начальным индоевр. **st-*, к которому (на основании *s-*, а не *h-*, в *serch*, брет. *serĉh*) возводится и ирл. *serc* 'любовь' (ср., однако, исчезновение ленированного *s* в интервокальном положении в др.-ирл. *dearc*, дат. п. *deircc* при параллельном *ďeserc* 'милосердие'; R. Thurneysen. A Grammar of Old Irish. Dublin, 1947, стр. 84, § 131). Кроме указанных кельтских слов, возводимых к **ster-k-*, В. М. Иллич-Свитыч связывал с этой основой только **ster-g-* в славянском и греч. στέργω 'я люблю', στοργή 'любовь'. Однако и в других ностратических языках к ностр. **čirʌ* (где в анлауте ностр. *č-* > индоевр. *st-*) В. М. Иллич-Свитыч возводил слова не только со значением 'охранять, заботиться', но 'горе, беда' (см. о картвельском **čir*: Г. А. Климов. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964, стр. 255), что напоминает (как отметил А. А. Зализняк) значение 'болеть' во всех приведенных выше словах, исключенных из рассмотрения В. М. Иллич-Свитычем (причем в хеттском выполняются и необходимые фонетические условия: ностр. **č* > индоевр. **st-* > хет. *išt-*). Если с точки зрения ностратического языкознания эти основы и неродственны (но ср. отражение ностр. *-č-* > индоевр. *-s-*, по В. М. Иллич-Свитычу, что могло уже в индоевро-

Литовский атематический глагол *sérgti* 'сторожит', имеющий вторую основу на *-ē- sergėti* (прус. *absergīsnan* 'Schutz') при латыш. инф. *sargāt*[110], постепенно заменяется непереходной основой на *-st-*, что можно проследить по письменным памятникам[111]; родственный, но семантически отличный латыш. *sę̂rgu* 'болею' (лит. *sergù*) также образует формы *sirgstu*, *sìrgstu*[112], функционально близкие к основам с носовым аффиксом, ср. хет. *ištar-nin-k* 'делать(ся) больным' (актив и медиопассив) с носовым инфиксом от *ištark-*. Станг предположил, что этот атематический глагол ст.-лит. *sérgti* восходит к перфектопрезентному **sargti*[113] (хет. 3 л. ед. ч. наст. вр. *ištarkzi*, Стангом не привлекавшееся, не дает возможности проверить гипотезу о перфектной огласовке **o*, так как в хеттских «тяжелых» корнях с исходом на сонант + согласный огласовка *a* автоматически определялась структурой корня)[114]. Гипотеза Станга, в целом существенная для его концепции происхождения значительной группы литовских атематических глаголов из перфектных форм, нуждается, однако, в серьезном уточнении в свете данных хеттского языка. Хеттский глагол *istark-(iia)-* 'болеть', как и синонимичный (более поздний по характеру основы) *irmaliia-* 'болеть', употребляется как в конструкциях, где в именительном падеже выступает имя больного (SAL*Gaššuliiauiiaš ištarkiat* 'Гассулииияуияс заболела') или название болезни, так и в безличных конструкциях (типа *ištarkiiazzi kuinki* 'болеет кто-либо', вин. п. от *kuiški* 'кто-либо', с субъектом в винительном, а не именительном падеже) со значениями типа 'ему плохо, ему больно, у него заболело, ему болеется'[115], которые совпадают с подобными же конструкциями у других хеттских атематических глаголов, восходящих к архаичным корневым индоевропейским глаголам 1 серии: *eš-* 'быть' (в конструкции с дательным падежом типа 'у меня есть', являющейся общеиндоевропейской, см. выше), *ḫap-* 'быть в изобилии', родственного корневому имени: лат. *ops* (хет. *takku-šmaš UL-ma ḫapzi* 'если же у них нет достатка', полностью параллельное такому же отрицательному обороту с дательным *tuqqa UL kuitki ešzi*

пейском привести к чередованию *st-* : *-s-*), то для индоевропейского их едва ли можно разъединить.

[110] В. Шмид, 1963, стр. 69 и 71.

[111] Арумаа, 1957, стр. 122; Зинкявичюс, 1966, стр. 350.

[112] Станг, 1942, стр. 110; Эндзелин, 1951, стр. 731. — Ср. о носовых основах и основах на *-st-* от других литовских атематических глаголов: Станг, 1962, стр. 162; Станг, 1966, стр. 312.

[113] Станг, 1962, стр. 164; Иванов, 1965, стр. 66; Станг, 1966, стр. 311, сн. 1 и стр. 314, сн. 1; за Стангом следует Уоткинс, 1967, гл. XV, § 21.

[114] Иванов, 1963, стр. 103.

[115] И. Фридрих. Краткая грамматика хеттского языка. М., 1952, стр. 128; J. Friedrich. Hethitisches Wörterbuch. Heidelberg, 1952—1954, стр. 92; Иванов, 1963, стр. 117.

'у тебя ничего нет'), *luk-* 'светать', родственного корневым именам: лат. *lūx* 'свет', др.-инд. вед. инф. *ruc-é* (хет. *nu-mu lukta* 'и для меня рассвело' < *'меня осветило'), *neku-* 'темнеть, вечереть', родственного общеиндоевропейскому названию ночи, ст.-сл. нощь, ср. выше о лит. *nakv-oti* 'ночевать' (хет. *nu nekuzi* 'и стемнеет'). Употреблением в подобных синтаксических контекстах можно объяснить переход в медиопассивный тип таких хеттских атематических глаголов, как *luk-*, *neku-*, *šup-* 'спать', родственного ст.-сл. съпѭтъ (хет. *MI-an UL šuptari* 'ночью не спится', ср. приведенные выше два отрицательных оборота с *eš-* и *ḫap-*[116]). Пережиточный характер подобных конструкций с архаическими глаголами в хеттском и наличие соответствий (для оборотов с глаголом *eš-*) в других индоевропейских языках заставляет возводить их к общеиндоевропейскому. Типологическое сравнение с кавказскими языками[117] выявляет универсальность близости подобных конструкций с «дательным субъекта» к перфекту и пассиву. Представляется вероятным, что использование архаичных атематических глаголов 1 серии в конструкциях указанного типа способствовало их постепенному превращению из «центробежных» ('она — неназванная болезнь — заставляет болеть') в «центростремительные» ('ему болеется')[118]. Возможно, что такие конструкции, где глагол чаще всего используется в форме 3 л. ед. ч., могли сыграть роль в постепенном вытеснении форм 3 л. мн. ч. в балтийском[119] и в замене формы 1 серии *ēsti* формой *yrà*

---

[116] Иванов, 1965, стр. 68—69 и 131—134. О хет. *šup-* см. также: H. Kronasser. Heth. *eku-* 'trinken' und andere Archaismen des Hethitischen. «Acta balticoslavica», III, 1966, стр. 79—80.

[117] Ф. Н. Финк. О якобы пассивном характере переходного глагола. «Эргативная конструкция предложения». М., 1950, стр. 108—109; А. Тромбетти. О теории пассивного характера глагола. — Там же, стр. 154; М. М. Гухман. Конструкция с дательным-винительным падежом лица в индоевропейских языках. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1945, № 3—4; Она же. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. М., 1964, стр. 75—76, 250, 272; Она же. Конструкции с дательным-винительным лица и проблема эргативного прошлого индоевропейских языков. «Эргативная конструкция предложения в языках разных типов». Л., 1967, стр. 58—73; Аллен, 1964, стр. 338; К. Шмидт, 1964а, стр. 9.

[118] Терминология заимствована из грамматик кавказских языков Н. Ф. Яковлева, использована по отношению к индоевропейскому в указанных в предыдущей сноске работах М. М. Гухман и (с некоторыми изменениями) вслед за Кейперсом Палиблэнком, 1965 (см.: E. G. Pulleyblank. Close/open ablaut in Sino-Tibetan. «Lingua», v. 14, 1965, стр. 230—240). Отправляясь от древнеиндийской грамматической терминологии, близкое различие ввел Бенвенист (см.: Бенвенист, 1966, стр. 170—175).

[119] Ср. типологически отчасти сходное явление — супплетивизм глаголов в единственном и множественном числе при выражении переходных действий в атабаскских языках: Х. К. Уленбек. Пассивный характер переходного глагола или глагола действия в языках Северной Америки. «Эргативная конструкция предложения». М., 1950, стр. 78 и сл.

(см. выше), ср. типологическую параллель в др.-перс. *avahyā ka(n)būjiyahyā brātā brdiya nāma āha* 'у (этого) Камбиза был брат по имени Бардия' (Бехистунская надпись, I, 29—30), где перфектная форма *āha* (от **es-* 'быть') употреблена в той же конструкции, где обычно *astiy* < **esti* [120]. Можно согласиться с мыслью о том, что значение состояния интранзитивности у группы старолитовских атематических глаголов было связано с функционированием формы 3 л. на *-ti* [121], но это следует считать не морфологической инновацией, а синтаксическим архаизмом. Позднее в этот же круг глаголов могли втягиваться и древние глаголы 2 серии, ср. ниже о ст.-сл. дамь, вѣмь и т. п. В ряде случаев, когда соответствия в родственных языках не ясны, остается неизвестным, является ли старолитовский глагол старым атематическим образованием 1 серии или результатом позднейшего вхождения глагола 2 серии в этот тип.

К первой группе, т. е. к старым атематическим глаголам 1 серии (с огласовкой **e*), сохраненным в старолитовском, по-видимому, относится ст.-лит. 1 л. ед. ч. наст. вр. *pavelmi*, *pavelt* [122], где древность атематического типа удостоверяется лат. 3 л. ед. ч. *vult* 'он хочет' (хотя в латинском в отличие от анатолийского и греческо-арийского различие двух серий отчасти стирается, ср. ниже о лат. *dat*). В славянском соответствующий глагол (ст.-сл. велитъ, велѣти) относится к IV классу, обнаруживающему, с одной стороны, связь со старыми глаголами состояния 2 серии (см. ниже), с другой стороны, достаточно древнее взаимодействие с атематическими глаголами 1 серии на *-mi*, что сказалось в восточнославянском в наличии только у глаголов этого класса (и V класса, рассмотренного выше) древнего окончания 3 л. ед. ч. наст. вр. **-ti* (русск. диал. *вел'ит* в архаичных диалектах [123]) в отличие от I, II и III классов, где отражается нулевое окончание -Ø, реконструируемое в качестве одного из двух вариантов флексии 3 л. ед. ч. 2 индоевропейский серии [124]. Это двойственное

---

[120] Ср. о древнеперсидской конструкции и ее индоевропейских соответствиях (по Мейе): Бенвенист, 1966, стр. 179; о форме *āha* (ср. выше о лит. *ēsa*): К. Шмидт, 1964, стр. 8, ср. авест. *āŋha* = *ĀŞ*-А. Ср. перевод Бехистунской надписи В. И. Абаева («Хрестоматия по истории древнего Востока». М., 1963, стр. 359).

[121] Казлаускас, 1967, стр. 27.

[122] Сабаляускас, 1957, стр. 104; Буга, 1959, стр. 53. — О принадлежности этого глагола к старым атематическим см.: Станг, 1942, стр. 100 (где в качестве древнеиндийского соответствия следовало бы привести и медиальный аорист 1 л. ед. ч. *avari* — Уоткинс, 1967, гл. X, § 11; см. там же, гл. XI, § 16 о древнем атематическом типе спряжения этого глагола; форма *avari* могла бы, однако, быть истолкована и как свидетельство принадлежности ко 2 серии); Станг, 1962, стр. 161; Станг, 1966, стр. 310.

[123] О. Г. Гецова. К вопросу о формах 3-го лица глагола в русских говорах. «Славянская филология», вып. 5. М., 1963, стр. 107.

[124] Топоров, 1961, стр. 65—67; Иллич-Свитыч, 1967, стр. 81.

положение IV класса славянских глаголов проясняется благодаря его сопоставлению со старолитовскими атематическими глаголами, большая группа которых оказалась близкой к центростремительному значению, характерному и для славянского IV класса и для многих индоевропейских глаголов 2 серии. В этом отношении показательно приведенное соответствие ст.-лит. *pavelt* : ст.-сл. келитъ, на основании которого славянский глагол возводится к древнему атематическому [125] (ср. отражение чередования *e* со ступенью редукции в родственном доклѣти, употребляемом в конструкциях с дательным субъекта [126], и синонимичном атематическому ст.-лит. *pa-kakti*, которое вместе с о.-слав. **čekati* возводится к глаголу 2 серии [127]). Возвратные формы ст.-лит. *vielmies*, *velmies* подтверждают то, что этот глагол уже в старолитовском входил в группу центростремительных, ср. семантические параллели в лат. *quid sibi vult ea res* и (при других корнях) латыш. *man gribas*, др.-исл. *mik lystir* 'мне хочется' (из неиндоевропейских типологических параллелей ср. в грузинском *m-sur-s* 'я желаю', *m-i-nd-a* 'я хочу' и т. п.). Семантически с *pavelmi* сходен атематический глагол ст.-лит. *alkti* 'алчет, алчут' [128], на основании сравнения этого глагола со ст.-сл. прич. лакомъ, восстанавливается атематический глагол: о.-слав. **olk-* [129]; в восточнобалтийском глагол по указанной выше закономерности перешел в тип непереходных основ на *-st-*: лит. *álkstu*, латыш. *alkstu*, ср. возвр. латыш. *iz-s-alkt* 'становиться голодным'. Но отсутствие надежных доказательств принадлежности этого глагола к 1 серии в других индоевропейских языках и огласовка **o* (сходная со 2 серией в ед. ч.) делают возможной гипотезу о вторичности форм 1 серии атематического типа [130], как и по отношению к другим семантически сходным атематическим глаголам ст.-лит. 3 л. *trokšti* 'алчет, алчут' [131] и прус. 3 л. *quoi*, *quoitē* 'хочет, хотят' (**quoiti*?) [132].

Выбор между двумя альтернативными объяснениями — из атематического глагола 1 серии с огласовкой **e* и из формы 2 серии —

---

[125] Мейе, 1934, стр. 189: Станг, 1942, стр. 24; В. Шмид, 1963, стр. 72, сн. 301 (ср. там же, стр. 69—72, о связи литовских атематических глаголов с основами на *-ē-*).

[126] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II. М., 1958, стр. 391 (см. там же о других глаголах, в частности глаголе бытия, в подобной конструкции в славянских и балтийских языках.

[127] Chr. S. Stang. Zum baltisch-slavischen Verbum. «International Journal of Slavic linguistics and poetics», v. IV, 1961, стр. 66—74 (ср. там же, стр. 71—72, об о.-слав. **roditi*).

[128] Шпехт, 1935, стр. 85; Сабаляускас, 1957, стр. 109.

[129] Мейе, 1934, стр. 167.

[130] Станг, 1962, стр. 168; Станг, 1966, стр. 315.

[131] Сабаляускас, 1957, стр. 107. — Станг возводит к **trošk-ti* (см. Станг, 1966, стр. 314).

[132] Станг, 1966, стр. 313. Но ср. об этой форме в связи с проблемой нулевой флексии -Ø в 3 л. ед. ч. в балтийском: Топоров, 1962, стр. 51.

остается открытым и по отношению к лит. диал. *miegmi* 'сплю' [133], родственном прус. *meicte* (с огласовкой *e*), ст.-сл. мьгнѫти (ср. носовую основу в лит. *-miñga*), съмѣжити, русск. *мжить* 'щуриться, полудремать', согд. *nimiž* 'мигать', ср. выше о синонимичном литовскому хет. 3 л. ед. ч. наст. вр. ср. з. *šup-tari* 'спится' в безличном употреблении: сходное употребление древнего глагола 1 серии представляется возможным и по отношению к лит. диал. 3 л. *miẽgti*. Бесспорно, весьма древним представляется такое (сохранившееся в литовских говорах) безличное употребление в конструкции с дательным-винительным субъекта общевосточнобалтийского атематического глагола: ст.-лит. *niẽžti mi* 'у меня зудит, свербит' (у Ширвида) [134], латыш. диал. *kam niẽz* 'у кого зудит', где *niẽz* вместо более архаичного латыш. *niezt* [135]. Этот глагол, употребляющийся в архаической для глаголов данного морфологического типа безличной конструкции и засвидетельствованный как в старолитовском, так и в литовских и латышских диалектах, следует признать старым глаголом 1 серии с огласовкой **e*, хотя иранское соответствие (авест. *naeza-*, название болезни) не дает прямого подтверждения. Возможно, что некоторые другие атематические глаголы, обозначающие неприятные телесные реакции ('кашлять, чихать' и т. п.) и до сих пор в диалектах сохраняющие безличное употребление атематических форм 3 л., вошли в старолитовский атематический класс 1 серии позднее, ср. др.-инд. *kāsate* (медиальная форма от основы на *-a-*) при ст.-лит. *kosti*, *kosiu* 'кашляю' [136]. Но ст.-лит. *niežti*, латыш. *niezt* следует выделить из этих, возможно, позднейших образований.

Архаизмом, в котором форма на *-ti* косвенно отражает старое значение 3 л. ед. ч., следует признать и употребляемый в безличной конструкции атематический ст.-лит. и лит. диал. 3 л. *sniegti* 'идет снег' [137]; тематический тип авест. *snaēžaiti*, греч. νείφει, лат. *nīuit*, др.-в.-нем. *snīwid* 'идет снег', ирл. *snigid* 'идет дождь' является новообразованием, которое Мейе возводил к атематическому типу на основе ступени редукции (*i*) в ирландской форме [138]. Носовая основа в лит. *sniñga* (ср. латыш.

---

[133] Станг, 1966, стр. 311; о литовских диалектных формах ср.: Сабаляускас, 1957, стр. 99—100; Зинкявичюс, 1966, стр. 349. Ср. о безличной возвратной отрицательной конструкции с дательным субъекта при этом глаголе (*nesimiegojo ir Jonui*): F. Fraenkel. Syntax der litauischen Kasus. Kaunas, 1928, стр. 117.

[134] В. Шмид, 1963, стр. 69; ср. Сабаляускас, 1957, стр. 111; Буга, 1959, стр. 388 и 468; Станг, 1942, стр. 100; Зинкявичюс, 1966, стр. 350; Станг, 1966, стр. 316—317.

[135] Эндзелин, 1951, стр. 572, § 418 и стр. 725—726, § 601.

[136] В. Шмид, 1963, стр. 76; Станг, 1966, стр. 316 (где к позднейшим атематическим образованиям отнесено и *niežti*, с чем нельзя согласиться).

[137] Сабаляускас, 1957, стр. 111; В. Шмид, 1961, стр. 69; Зинкявичюс, 1966, стр. 35; Станг, 1966, стр. 310 и 317.

[138] A. Ernout et A. Meillet. Dictionnaire étymologique de la langue latine. 3 éd. Paris, 1951, s. v. *nīuit*; Станг, 1942, стр. 102. — Восточно-

ninguit) не противоречит принадлежности глагола к атематическим, ср. выше о хет. *ištark-* : *ištarnink-*[139]. Возможно, что архаичными следует признать и некоторые другие формы 3 л. атематических глаголов на *-ti*, даже если они встречаются только в диалектах (и отсутствуют в письменных памятниках), ср. лит. диал. *kvėpti* 'благоухает, пахнет'[149], *kvepėti*, родственное лит. *kupėti*, ст.-сл. кыпѣти. Литовский морфологический архаизм, заключающийся в сохранении большой группы атематических глаголов 1 серии в старолитовском (где этот тип включил позднее и некоторые древние глаголы 2 серии) можно связать с сохранением (вплоть до современных диалектов) безличных конструкций, с которыми, быть может, следует соотнести балтийскую инновацию, заключающуюся в отсутствии формы 3 л. мн. ч. (ср. выше о формах типа *sniegti*, где очевидны причины, по которым форма 3 л. ед. ч. стала единственной формой 3-го лица)[141].

3. Отражение индоевропейских глаголов 2 серии в праславянском и балтийском. Некоторые глаголы, в индоевропейском бесспорно относившиеся ко 2 серии, в праславянском и балтийском перешли в группу атематических глаголов на *-mi*: хет. *daḫḫi* 'беру', ст.-сл. дамь, ст.-лит. *duomi* 'даю'[142], латыш. *duomu*[143], прус. 2 л. ед. ч. *dāse*. Древность «окситонированного» (древнего подвижного) типа парадигмы, сходного с акцентуационной парадигмой старых атематических глаголов 1 серии **es-*, **ed-* (см. выше), подтверждается согласием формы ст.-лит. *duomì* у Даукши с реконструированной для праславянского парадигмой с конечным ударением (о.-слав. **damь*)[144]. По отношению к приведенным формам типа дамь воз-

---

славянская основа типа русск. *снежи́ть* (лит. *snaigýti*) является отыменной: Буга, 1959, стр. 581.

[139] Поэтому кажутся неосновательными доводы В. Шмида (см.: В. Шмид, 1963, стр. 71) против древности атематического типа *sniegti*, заключающиеся в наличии тематических форм в других индоевропейских языках и соотношения *sniegti* : *sniñga* в самом литовском.

[140] Буга, 1959, стр. 467; Сабаляускас, 1957, стр. 112; Станг, 1966, стр. 310; В. Шмид, стр. 69. О славянских и древнеиндийских соответствиях см.: В. Шмид, стр. 66, 72, 80—83. О дальнейшем развитии этого глагола ср.: Арумаа, 1957, стр. 144.

[141] В этой связи следует обратить внимание и на конструкции типа русск. *есть люди* (ср. о них: Р. Нахтигал. Славянские языки. М., 1963, стр. 319), но ср., впрочем, и древние примеры 3 л. мн. ч. в таких конструкциях с глаголом существования (см. выше, сн. 52, о лат. *sunt*, а также вед. *santi kaṇveṣu vaḥ duvaḥ* 'у потомков Канвы есть для вас дети').

[142] Сабаляускас, 1957, стр. 91—94; Зинкявичюс, 1966, стр. 347.

[143] Эндзелин, 1951, стр. 723—725; Рудзите, 1964, стр. 130—131 и 358—360; K. Dravinš. Altlettische Schriften und Verfasser. Lund, 1965, стр. 108 (ст.-латыш. *dohmu*).

[144] Станг, 1957, стр. 127; ср. Дыбо, 1958, стр. 50; Дыбо и Иллич-Свитыч, 1963, стр. 74 (о *dãti* : *dâtъ*, IV тип). Гипотезу о позднем характере переноса *ésmi* (у Даукши) > *esmì* выдвигает Казлаускас, 1967, стр. 25.

можно двоякое объяснение. Их можно вывести из редуплицированной формы, засвидетельствованной в ст.-сл. 3 л. мн. ч. наст. вр. дадѧтъ, прич. дадъі, лит. *dúodu*, латыш. *duôdu* и соответствующей редуплицированной основе настоящего времени (греч. δίδωμι, др.-инд. *dadāmi*) при корневых аористах (греч. ἔδομεν, арм. *et*, др.-инд. *ádāt*) в греческо-армяно-арийской диалектной группе, ср. также соответствие ст.-сл. дад-и-мъ : др.-инд. *dad-ī-ta* и т. д. Но возможно и иное объяснение: в балтийской и славянской парадигме настоящего времени этого глагола редуплицированные формы могли соединиться с нередуплицированными[145], которые в сочетании с такими же первичными окончаниями 1 серии выступают и в наиболее древних частях «Ригведы»: вед. 3 л. ед. ч. *dā-ti*[146]. Можно думать, что ведийские формы если и не тождественны в точности по происхождению ст.-сл. дамь, ст.-лит. *duomì* (где возможна и старая редупликация), то отражают сходный процесс перестройки глагольной системы после распада двух индоевропейских серий в отдельных диалектах. Судя по формам типа вед. *dāti*, окончательное распределение основ древних глаголов 2 серии между корневым аористом и редуплицированным настоящим временем установилось в греческо-арийском в сравнительно поздний период, ср. также иное распределение нередуплицированного инфекта (лат. *dat* 'дает') и редуплицированного перфекта (лат. *dedit*, ср. умбр. *dirsa* 'det', оск. *didet* 'dabit', ср. греч. ср. з. δέδομαι при действ. з. δέδωκα, результативный перфект) в латинском в отличие от венетского, где нередуплицированный «перфект» *doto* противостоит 1 л. (?) наст. вр. *[d]idor*[147] (*-r* может быть свидетельством принадлежности к формам, в конечном счете восходящим ко 2 серии). К таким же медиальным формам относится и лат. *datur* 'дано, дается, позволено', непосредственно сопоставимое с хет. 3 л. ед. ч. наст. вр. ср. з. *dattari* от хет. *dahhi* 'беру' (3 л. ед. ч. *dai*), лув. иер. *tà-a/ā* 'он берет' (при значении 'давать' в лидийском и других индоевропейских языках[148] и ностратических, по В. М. Иллич-Свитычу[149]). Приведенная латино-анатолийская

---

[145] Коржинек, 1938; Эндзелин, 1951, стр. 227 и 724; Мажюлис, 1958, стр. 6—8; Иванов, 1965, стр. 82 (см. там же о гипотезе Вайана, по которой ст.-сл. дамь < **dōmi*); В. Н. Топоров. Из истории изучения древнейших балто-славянских языковых отношений. «Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР», т. XXIII, 1962, стр. 36; Фасмер, I, стр. 483 (там же о статье Семереньи).

[146] Повторяется 5 раз в фамильных мандалах: Елизаренкова, 1960, стр. 71; Курилович, 1964, стр. 116.

[147] M. Lejeune. Le verbe vénète. — BSL, t. 61, 1966, fasc. 1, стр. 201 и 208.

[148] Иванов, 1965, стр. 81—82 (и 129—130 о хет. *dattari* : лат. *datur*); Бенвенист, 1966, стр. 316—317 (см. там же об индо-иранском *ā-dā-* 'получать'); Шеворошкин, 1967, стр. 50 и 64.

[149] Иллич-Свитыч, 1968 (см. об этом ностратическом глаголе в публикации В. М. Иллич-Свитыча в настоящем сборнике).

изоглосса представляет особый интерес в связи с высказанной выше гипотезой, по которой переход глаголов 2 серии в атематический тип глаголов 1 серии в балтийском мог быть связан с безличным употреблением этих последних; характерно, что хет. *dattari* образовано по медиопассивному типу 1 серии (спряжения на *-mi*). С глагольными основами 2 серии по происхождению связаны и сигматические формы (ср. выше об **ed-s-*) хеттского спряжения на *-ḫi* типа хет. 2 и 3 л. ед. ч. прош. вр. *daš* (при параллельных медиальных формах: хет. 2 л. ед. ч. прош. вр. *datta*, 3 л. ед. ч. прош. вр. *dattat*), с которыми можно сравнить и ст.-сл. дастъ, ст.-лит. *dúosti*, прус. *dāst*, если во всех этих формах видеть не след редупликации. а суффикс *-s-*[150], ср. алб. 1 л. ед. ч. аор. *dhashë* 'я дал' (аорист к *ap*), вен. *dona.s.to*.

В ст.-сл. дажь обычно видят вторичное образование к дамь[151], однако более точной следует признать формулировку Ван Вейка, выделявшего *daiati*, как и *dĕiati*, *-staiati*, в качестве более старых форм[152]. В свете приводимых ниже соответствий можно утверждать, что индоевропейским глаголам 2 серии от корней, которые в эпоху после падения ларингальных оканчивались на долгий гласный, в праславянском и балтийском соответствовали глаголы с основой на **-y(e/o)-* после корневого гласного (ср. выше о хет. *iia-*: «тох. А» *yā* : лит. *jója*). Предположение о прямом отражении в **y* в таких глаголах ларингальной приметы 2 серии[153] пока что не представляется возможным обосновать фонетически; более вероятно предположение об использо-

---

[150] Топоров, 1961, стр. 69; Иванов, 1965, стр. 82. — Розенкранц сравнивает с венетским формы типа ст.-сл. быстъ, но для дасть придерживается традиционного чисто фонетического объяснения (из редупликации), см.: B. Rosenkranz. Historische Laut- und Formenlehre des Altbulgarischen. Heidelberg, 1955, стр. 129. Согласно Уоткинсу, к балто-славянскому **dō-s* возводится славянская форма 2 и 3 л. ед. ч. аориста и литовская форма 3 л. буд. вр. *duōs* (Уоткинс, 1967, гл. XV, § 11; см. там же, гл. VIII, § 8, гл. X, § 2 и гл. XI, § 15 о соответствии лат. *dō* и авест. *dā(-nē)*, важном для установления истории форм 1 л. ед. ч., родственных хет. *daḫḫi*). Уоткинс, 1967, гл. VIII, § 8 привел аргументы, подтверждающие поздний характер окончания *-t* в вед. *ā-da-t*.

[151] Ср., например: Станг, 1942, стр. 45; Мейе, 1934, стр. 179; Фасмер, I, стр. 485 и т. д.

[152] Н. Ван Вейк. История старославянского языка. М., 1957, стр. 347.

[153] Ср.: E. Risch. Zu den hethitischen Verben vom Typus *teḫḫi*. «Corolla linguistica». Wiesbaden, 1955, стр. 189—198; J. Puhvel. Laryngeals and the Indo-European verb, Berkley and Los Angeles, 1960, стр. 55; ср. рецензию на книгу Пухвела: W. Cowgill. «Language», v. 39, 1963, № 2, стр. 267; Иванов, 1965, стр. 78 и сл.; Уоткинс, гл. XV, § 8 (где изложена точка зрения, близкая к принятой в настоящей статье и отвергающая прямое объяснение **y* из ларингального); см. там же, гл. XVI, о **-y-* в родственных формах оптатива.

вании для устранения зияния после падения конечного ларингального корня основообразующего элемента *-y-, выступавшего в некоторых формах (ср. ст.-сл. дѧѫ, хет. *da-i-šk-*). Этот элемент *-y- тогда можно было бы считать не прямым фонетическим продолжением *-H-, а его морфонологическим косвенным отражением на стыке корневого и суффиксального морфов. Возможно, что сходным образом следует интерпретировать и элемент *-w- в восточнобалтийских формах типа лит. 3 л. прош. вр. *dãvė* 'он(и) дал(и)', диал. лит. 1 л. ед. ч. *deviaũ*, 2 л. ед. ч. *devei*[154], латыш. 1 л. ед. ч. *devu*, ст.-латыш. *dawibes*. Этот же элемент *-w- обнаруживается в восточнобалтийском отглагольном имени: лит. *dovanà* 'дар', латыш. *dāvana* 'дар', тогда как в прус. вин. п. ед. ч. *dāian* 'дар' (ср. сербохорв. *prȍdaja*[155]) отражен в той же функции тот же элемент *y, что и в прус. 3 л. ед. ч. прош. вр. *dai* 'он дал'[156]. Это соотношение между восточнобалтийскимй и прусскими формами, по-видимому, исключает чисто фонетическое объяснение *-v-* в восточнобалтийских формах и в родственном ст.-сл. -даватн (выступающем в качестве варианта даѧти, ср. подавѧи : подаѧти, раздаваѥ-, несов. в. при итеративе раздаѧти[157]). Если бы *-v-* в этих восточнобалтийской и славянской формах объяснялось как фонетический рефлекс лабиоларингального $*H^w$[158] или развития гласных[159], то осталось бы непонятным различие между восточно- и западнобалтийскими рефлексами $*H^w$ при сходстве последнего со славянским. Поэтому более вероятным представляется морфологическое сближение с лат. *duim*, фал, *douiad*, умбр. *purdouitu*, хет. 1 л. мн. ч. *du-mmeni* 'мы берем', где представлена та же основа с суффиксом *-w-*, характеризующим некоторые глагольные формы, связанные со 2 серией[160]. Однако позднее *-v-* в формах типа лит. *dãvė* могло быть пере-

---

[154] Зинкявичюс, 1966, стр. 355, § 654; Станг, 1966, стр. 364 (там же о старолатышском).

[155] Эндзелин, 1948, стр. 73, § 100в; Коугил, 1964, стр. 348.

[156] Станг (см. Станг, 1966, стр. 375 и 390) предполагает, что за *i*(=*j*) в этой форме следовало $*\bar{a}$: $dai < *d\bar{o}+j\bar{a}$. Анализ этих прусских форм в работе Иванов, 1965, стр. 136, сн. 245 нуждается в коррективах; см. об этом: Уоткинс, 1967, гл. XV, § 8.

[157] Вайан, 1952, стр. 367—368. Хронологические различия между древним *-daj-ati* и *dav-*, не встречающимся в древнейших старославянских рукописях, подчеркивает Коугил, 1964, стр. 355, сн. 55 (со ссылкой на П. Тедеско). Но общеславянский характер основы **dav-*, представленной во всех славянских языках, не вызывает сомнений.

[158] W. R. Schmalstieg. The phoneme /v/ in Slavic verbal suffixes. «Word», v. 12, 1956, № 2, стр. 257—258; Станг, 1966, стр. 381 (в отличие от прежних морфологических объяснений в работах Станга), ср. стр. 391.

[159] Коугил, 1964, стр. 348 и 355 (морфонологическое чередование *uo* перед согласным : *av* перед гласным в восточнобалтийском).

[160] Иванов, 1965, стр. 83; о сомнительности других форм, где предполагалась та же основа, см.: Коугил, 1964, стр. 354—355.

осмыслено как морфонологический элемент, устраняющий зияние[161] и сходный с *-j-* в о.-слав. **da-j-ǫ*[162].

Если основы типа **dajati* и **davati* были унаследованы от достаточно древней эпохи, когда после падения ларингальных осуществлялось морфонологическое преобразование индоевропейских глаголов 2 серии с корнем на долгий гласный, то из этого не следует, что столь же древними были их видовые функции. Скорее можно предположить более позднее вовлечение унаследованных пар типа дамь : даѭ в видовые соотношения, формировавшиеся в славянском[163].

К тому же типу основ настоящего времени, что и даѭ, относится ст.-сл. дѣѭ (ср. выше о ст.-чеш. *děju*), соответствующее хет. *teḫḫi* 'ставлю, кладу' и греческо-армяно-арийским корневым аористам: греч. ἔθεμεν, ср. з. ἔθετο; арм. *ed*; вед. *ádhat*. Основа настоящего времени на **-y-*, которую можно сравнить со славянской, в этом случае представлена и в балтийском: латыш. *dẽju*, *dẽt*, где интонация согласуется с отсутствием метатонии в славянском, тогда как в латыш. *dêju*, *dêt* можно видеть влияние акцентуационной парадигмы глагола типа лит. *demì*[164]. Формы прошедшего времени типа лит. *dějo* соотносятся со ст.-сл. дѣѭ, так же как прус. *dai* : ст.-сл. даѭ (ср. также славянские формы имперфекта типа *děјaše*, давно уже сопоставленные с балтийскими формами прошедшего времени типа *dějo*)[165]. Основа на **-y-* представлена и в хет. *tiia-*, выступающем в качестве алломорфа *te-*[166]. Редуплицированной длительной основе настоящего времени, которая в греческо-арийской диалектной группе (греч. τίθημι, др.-инд. *dádhāmi*) противопоставлена корневым аористам, соответствует др.-хет. *tittiia-* 'основывать (город); установить нечто прочное, длящееся, замещать (погибшего)'[167], являю-

---

[161] Ср. об отражении этого **-w-* в славянском: В. Н. Топоров. Этимологические заметки. — КСИС, вып. 25, 1958, стр. 78—79. Иллич-Свитыч, 1968, восстанавливает ностратический пассив на **-w-*, но не связывает его с индоевропейским.

[162] Станг, 1942, стр. 196. Ср. выше о лит. *jo-ja* : о.-слав. **jь-dǫ*; ср. о функциональном соответствии *-j-* и *-v-* в подобных личных формах с синхронной точки зрения: W. P. Schmid. Baltische Beiträge, IV. Zur Bildung des litauischen Praeteritums. «Indogermanische Forschungen», 1966, Bd 71, H. 3, стр. 291.

[163] Ср.: Мейе, 1934, стр. 179 и 181; Ван Вейк, 1929, стр. 248.

[164] Ср.: Дыбо, 1958, стр. 60—61; Дыбо, 1961а, стр. 33, сн. 52.

[165] Ср.: J. Baudiš. Das slavische Imperfektum. «Indogermanische Forschungen», Bd XXIII, 1908—1909, H. 1—2; Г. А. Ильинский. Праславянская грамматика. Нежин, 1916, стр. 428; Топоров, 1961, стр. 58; Топоров, 1962, стр. 45.

[166] Иванов, 1965, стр. 78; см. о умбрск. *feia* : лит. *dějo* Уоткинс, 1967, гл. XI, § 9.

[167] Ван Брок, 1964, стр. 142—144, 145, 147. — Установленное Ван Брок значение этого глагола представляет особый интерес для выяснения семантического параллелизма подобных редуплицированных основ в анатолийском

щееся длительным результативным глаголом, соотносящимся с нередуплицированным (недлительным) *teḫḫi* 'ставлю, кладу', ср. аналогичное соотношение между редуплицированным хет. *tittanu-* 'установить, водрузить' с результативно-длительным значением и лув. иер. *tanuṵa-* (основа на носовой того же типа, что о.-слав. **děnǫ*, русск. *dénu*[168]). Это индоевропейское соотношение в славянском отражено в противопоставлении редуплицированной основы ст.-сл. -дєждѫ и нередуплицированной дѣѭ, причем первая была осмыслена как основа совершенного вида, а вторая — как соотнесенный с ней итератив. Сходная редупликация представлена и в лит. *dedù*, тогда как в ст.-лит. *demì*[169] (с акцентуацией атематических глаголов 1 серии) может быть представлена такая же нередуплицированная основа с первичными окончаниями, как и в вед. 3 л. ед. ч. *dhā-ti*, ср. нередуплицированную основу в др.-англ. *dōm*, др.-в.-нем. *tōm* (при редупликации в формах прошедшего времени типа др.-сакс. 3 л. мн. ч. *dedun*, соответствующем авест. *dadaṯ*[170]) и параллелизм нередуплицированных форм настоящего времени в западных индоевропейских диалектах: др.-в.-нем. *tōt* 'кладет', лат. *con-dit* 'основывает' (при редупликации в *vhe* : *vhaked* в Пренестинской фибуле и в оскском). В славянском формы, сходные со ст.-лит. *demì*, возможно, контаминировались с производными от другого корня **dě-* (о ст.-чеш. *diem* < **děmь* см. выше, ср. там же о ностратических параллелях). В ст.-лит. 3 л. *desti* можно было бы видеть не след редупликации, а сигматическую форму типа хет. 3 л. ед. ч. прош. вр. *daiš-ta*, *daiš*, фриг. εδαες 'он поставил, воздвиг', ср. выше о связи сигматических основ со 2 серией.

Элемент **-w-*, сходный с разобранным выше, в формах типа лит. *dãvė* представлен в лит. *dĕvi*, *dėvėti* 'носить на себе (одежду)', ст.-сл. о-дѣвати при другом значении в латыш. *dĕvêt* 'называть' (ср. выше о контексте, где смешивались о.-слав. **děju* и **děmь*), ср. лув. иер. *ă-da-ma-ī-n(a)* *tū-hă* 'я установил имя', где *tu-* (3 л. ед. ч. *tu-wa-a* 'кладет') родственно лув. *tuṵa-* 'положить', лик. *tuwe*, лид. ↑*uve* 'сооружать' при лид. ↑*a-*, родственном хет. *daḫḫi*[171].

Третьим глаголом, который на основании его параллелизма с двумя рассмотренными выше (**doH*$_2$- и **dheH*$_1$-) в греческо-

---

и результативного перфекта типа греч. τέθηκα, τέθεικα (позднейшие новообразования).

[168] Об этих славянских основах см.: F. B. Kuiper. Die indogermanischen Nasalpräsentia. Amsterdam, 1937, стр. 116; Уоткинс, 1967, гл. V, § 11.

[169] Сабаляускас, 1957, стр. 94—95; Зинкявичюс, 1966, стр. 346, § 622.

[170] Поломэ, 1964, стр. 877—878.

[171] Иванов, 1965, стр. 81; Шеворошкин, 1967, стр. 49. О возведении **-w-* в балтийском и славянском к перфектному показателю ср.: Ван Вейк, 1933, стр. 134—139; Станг, 1942, стр. 153; Курилович, 1965, стр. 56; Станг, 1966, стр. 321; Уоткинс, 1967, гл. VI, § 5 (где указано древнеиндийское семантическое соответствие лит. *dėvėti*).

арийской группе следует отнести к тому же классу в индоевропейском (несмотря на отсутствие явных соответствий корневым формам в анатолийском[172]), является глагол *$stoH_3$- 'стоять'. В славянском здесь обнаруживается такая же основа на *-*y*- станѫ с соответствиями в балтийском: лит. *stója*, латыш. *stâju* (с интонацией, отражающей древнюю подвижную парадигму, что, по-видимому, следует признать вторичным, ср. отсутствие метатонии в славянском[173]), прус. 3 л. ед. ч. прош. вр. *postai* (инф. *postāt*) при лит. *pastojo*, инф. *pastóti*[174]. Отсутствие редупликации в славянском и балтийском оказывается сходным с вед. *sthā-ti*[175] (при обычной основе настоящего времени др.-инд. *tiṣṭhāmi*, авест. *hištami*, противопоставленной корневому аористу др.-инд. *ásthāt*, греч. дор. ἔστᾱ), ср. лат. *stō* 'стою', умбр. *stahu*, оск. *stahint* (при редуплицированной основе настоящего времени лат. *sistō* 'ставлю, останавливаюсь', др.-ирл. *sissedar*), др.-в.-нем. *stām*. Основа на *-*w*-, сопоставленная с формами 2 серии (перфектом) на *-*w*- еще Ван Вейком[176], представлена в лит. *stóvi*, *stovėti* 'стоять' (глагол на -*i*- того же типа, что и *dėvėti*), латыш. *stāvêt*, ст.-сл. стакитъ, о.-слав. *stăviti* с неподвижным ударением на корне[177], ср. др.-англ. *stowian*. Лит. *stovmi*, не засвидетельствованное в древних текстах, является результатом позднейшего перехода глаголов состояния в атематический тип[178].

В славянском к той же группе глаголов на *-*y*- без второй основы на *-*ā*-, что и -*dĕti*, относилось *spĕti*; в этих глаголах Станг обнаружил соответствие аористическим основам[179], что, согласно изложенной выше концепции происхождения корневых аористов, равносильно их отнесению к глаголам 2 серии. Подтверждение этой гипотезе дает по отношению к ст.-сл. спѣти хет. *išpai*- 'наедаться вдоволь'[180] (спряжение на -*ḫi*); алломорф хет. *išpiḭa*- можно сравнить с основой на *-*ye/o*- в др.-инд. ср. з.

---

[172] Ср. о возможной связи ст.-сл. стѫпити, ст.-лит. *stapýtis*, лит. диал. *stapìnti* 'penem erigere' с хет. *ištapp*- Иванов, 1965, стр. 84, и о сопоставлении ст.-сл. станѫ с хет. *istanḫ*- там же, стр. 85.

[173] Дыбо, 1958, стр. 61; ср. Дыбо, 1961а, стр. 33, сн. 52. Ср. о группе глаголов, сходных со *stâju* в латышском: Эндзелин, 1951, стр. 786.

[174] Станг, 1966, стр. 375.

[175] Елизаренкова, 1960, стр. 8; Иванов, 1965, стр. 83 и 85, сн. 88 и 93 (там же дальнейшая литература). Принадлежность о.-слав. *stojati* к формам, отражающим древний перфект (т. е. глаголы 2 серии), отмечает Вайан, 1962, стр. 53. История родственных италийских форм, проясняемая благодаря соответствию лат. *stō* : авест. *xštā*, рассмотрена в монографии: Уоткинс, 1967, гл. XI, § 15.

[176] Ван Вейк, 1933, стр. 134—139; Станг, 1942, стр. 153; Курилович, 1965, стр. 57; Станг, 1966, стр. 321.

[177] Дыбо и Иллич-Свитыч, 1963, стр. 71.

[178] Сабаляускас, 1957, стр. 108; В. Шмид, 1963, стр. 76; Станг, 1966, стр. 312 и 315.

[179] Станг, 1942, стр. 59—60.

[180] Относительно семантического сопоставления со славянским см.: Иванов, 1965, стр. 86, сн. 98.

phāyate, ст.-сл. спѣѭ, лит. *spėja* 'поспешает, поспешают', латыш. *spēju* 'могу', отражающим ту же баритонированную (древнюю неподвижную) парадигму, что и русск. *спéю*, *спéла*[181], при соответствии славянского имперфекта *spěa(še)* и лит. *spėjo*; см. также основу на *-*w*- в др.-англ. *spōwan* 'удаваться'.

Хет. *šai-* 'вдавливать, отпечатывать, помещать внутрь, сеять'[182] (спряжение на *-ḫi*, алломорф *šiia-* со спряжением на *-mi*) соответствует ст.-сл. сѣѭ, лит. *sėja*, латыш. *sēju*, баритонированный (древний неподвижный) характер парадигмы которого соответствует сербохорв. *sȅjati*, *sȅjao*[183], ср. ударение на корне в др.-инд. *sī́tā*[184] 'борозда' (см. ниже о лат. *sūtus*). Следует отметить также соответствие славянского имперфекта *sěa(še)* и лит. *sėjo* и остававшееся загадочным гот. *saian*[185] (при *sêþs* 'семя'). Отсутствие редупликации в славянском и балтийском противостоит редуплицированным основам в западно-индоевропейском: лат. *serō* < **sisō*, др.-исл. *sera* (от *sá*), гот. *saíso* (претерит от *saian*); редуплицированный характер хет. *šiššа-* вызывает сомнения, так как это может быть глагол с суффиксом *-šš-*[186]. Форма на *-*w*-, сопоставляемая с перфектом[187], как и в двух предшествующих случаях (*stōwian*, *spōwan*), представлена в древнеанглийском: *sāwan*.

Ст.-сл. шиѭ, принадлежащее к числу тех же глаголов на *-*y*- без второй основы на *-a*-, что и спѣѭ, дѣѭ[188], родственно латыш. *šuju*, *šũt*, интонация которого подтверждается не только сербохорв. *šȉti*, *šȉla*, словен. *šȋjem* < **šȉje*-, но и открытыми В. А. Дыбо следами «древнеевропейской» баритонированной (древней неподвижной) парадигмы в лат. *sūtus* < **sjū́tos*, *sūtum* < **sjū́tum*[189] (ударение в др.-инд. *syūtáḥ*, очевидно, объясняется инновацией в индо-арийском, ср. выше о более архаичном др.-инд. *sī́tā*, а также ударение на *-ū*- в др.-инд. *syū́man* 'нить'). Основа на *-j*- отражена и в гот. *siu-jan*, др.-англ. *sēowjan*, ср.

---

[181] Дыбо, 1958, стр. 61.

[182] См. о значении этого слова и родственных ему: Иванов, 1965, стр. 87—88 (там же о хет. *para šiiatar* 'посев' и русск. *просев*).

[183] Дыбо, 1958, стр. 62. О глаголах этого типа в латышском см.: Эндзелин, 1951, стр. 779.

[184] В этом архаичном слове, возводимом к причастию на *-*to*, ударение отлично от ударения других причастий; ср.: A. Thumb—K. Hausschild. Handbuch des Sanskrit. 2 Teil. Heidelberg, 1959, стр. 362, § 613.

[185] W. Braune—K. Helm. Gotische Grammatik. Halle—Saale, 1952, стр. 16.

[186] Иванов, 1965, стр. 88 и 142; Ван Брок, 1964, стр. 124 и 159.

[187] E. Sievers—K. Brunner. Altenglische Grammatik. Halle—Saale, 1951, стр. 46, 339—340; Уоткинс, 1967, гл. XI, § 5.

[188] Станг, 1942, стр. 45—46.

[189] Дыбо, 1958, стр. 61; Дыбо, 1961а, стр. 18 и 31; Дыбо, 1962, стр. 15. — Ударение в др.-инд. *syū́man* соответствует месту ударения в однотипном индоевропейском **sḗmen*, реконструируемом по западно-индоевропейским данным.

лат. *suo*. Сравнение др.-инд. *syū́man* 'нить', греч. ὑμήν с хет. *išḫimana-* 'веревка, ремень' позволяет сравнить со всей приведенной группой слов хет. *išḫiu-*, являющееся производным на *-u-* от *išḫai-* (алломорф *išḫiia-*) 'связывать, соединять'[190]. Принадлежность хет. *išḫai-* ко 2 серии (спряжение на *-ḫi*) согласуется с тем, что в др.-инд. *sitam* представлен корневой аорист[191]. С ним, однако, соотносится (в отличие от обычной индо-арийской нормы) нередуплицированная основа настоящего времени, регулярно принимающая первичные окончания: др.-инд. *syati*, ср. хет. *išḫiia* (спряжение на *-mi*), лит. *siẽja*, *siẽjo*, латыш. *sèju*, *sìet* (с акцентуацией, отличной от рассмотренных выше глаголов). Соответствующая редуплицированная основа, вероятно, отражается в лув. *ḫišḫiia-*[192].

К тому же типу, что и хет. *šai-/šiia-*, *išḫai-/išḫiia-*, принадлежит хет. *ḫuuai-/ḫuia-* 'бежать, лететь' (спряжение на *-ḫi* при параллельных формах спряжения на *-mi*), субстантивированное причастие, от которого *ḫuuanza* = [*ḫuuants*] 'ветер' родственно западно-индоевропейскому и «тохарскому» названию ветра (лат. *ventus*, брет. *gwent*, гот. *winds*, «тох. А» *want*, *wänt*, куч. *yente*) при других образованиях от того же корня в др.-инд. *vatá-*, ст.-сл. вѣтръ, прус. *vetro* и при основе на **-y-* в др.-инд. *vayú-*, латыш. *vejš* 'ветер', *vẽjuot*, лит. *vėjas*, *vejuoti*. Та же основа на **-y-* представлена в ст.-сл. вѣѭ, соответствие которого хет. *ḫuuai-* заставляет считать славянское отражение глагола 2 серии более архаичным, чем корневое атематическое настоящее время др.-инд. *vā́ti* 'он дует', греч. ἄησι, являющееся греческо-арийской инновацией[193]. В германском с основой на *-j-* (др.-в.-нем. *wajan*)

---

[190] Иванов, 1965, стр. 89—90 (ср. там же, стр. 91, о семантически близком латыш. *snāju*, входящем в тот же класс). Остается неясным, можно ли долгое *-ū-* в древнеиндийской и «древнеевропейских» формах и хет. *-u-* (< **ū?*) связать с **-w-* форм 2 серии. Выдвинутое там же (стр. 107) сходное объяснение связи между хет. *laḫḫ-uu-* и ст.-сл. лѣѭ еще никак нельзя считать обоснованным; следует заметить, что соответствующий лѣѭ глагол в балто-славянском и «древнеевропейском» принадлежал к другому типу акцентуационных парадигм — окситонированному (древнему подвижному); латыш. *liêt*, сербохорв. *lȉti*, *lȉ*, *lȉla*, русск. *лить*, *лила́*, лат. *lītus* < **lītós*, *lītum* < **lītúm* (Дыбо, 1958, стр. 61; Дыбо, 1961а, стр. 29—31; Дыбо, 1962, стр. 15; Дыбо и Иллич-Свитыч, 1963, стр. 72—74). См. попытку фонетического объяснения лѣѭ и однотипных глаголов с помощью ларингального: W. P. Schmalstieg. A note on Slavic verbs of the type *zějǫ* : *zijati*. «Word», v. 16, 1960, № 2, стр. 206.

[191] О формах в древнеиндийском см.: Станг, 1942, стр. 127.

[192] Иванов, 1965, стр. 89 (там же литература).

[193] Иванов, 1965, стр. 91. См. там же о необходимости пересмотра традиционной интерпретации этого глагола у Мейе, 1934, стр. 181, и Станга, 1942, стр. 45 (ср. в том же традиционном русле Арумаа, 1957, стр. 119). Характерно, что колебание между спряжением на *-ḫi* и на *-mi* в этом случае (как и в хет. *išḫai* : др.-инд. *syati*) отмечается уже и в хеттском; ср. также другие индоевропейские параллели подобным чередованиям в хеттском, которые приводит Уоткинс, 1967.

был соотнесен редуплицированный претерит (гот. *waíwô*, тот же класс, что и *saíso*). Соответствующая редуплицированная основа с особым видовым значением представлена и в анатолийском: лув. *ḫueḫuiia* 'поспеши!' (детерминированное значение)[194], лув. иер. *hùhu(sa)-* 'прийти' (с детерминированным или результативно-перфективным значением: *hù-hù-ta* 'он пришел'[195]).

Во всех рассмотренных выше корнях глаголов 2 серии, которые в эпоху после падения ларингальных оканчивались на долгий гласный, в балтийском и славянском было устранено чередование гласных. В этом с точки зрения синхронного описания ситуации в балтийском можно видеть причину использования основ на *-io-*, которые при корнях без чередований не заменялись основами на *-st-*[196]. При корнях, оканчивающихся на согласный, индоевропейским глаголам 2 серии соответствуют в славянском (и отчасти в балтийском) баритонированные (неподвижно-ударенные) «полутематические» глаголы на *-i-* и глаголы на *уе/о* без второй основы на *-ā-*. Др.-хет. *malda(i)-* (спряжение на *-ḫi*) 'молиться, обращаться к богам с просьбой, торжественно обещая им принести жертву'[197], соответствует ст.-сл. молитъ : молити, чеш. *modliti se*, польск. *modlić się*. Общеславянский «полутематический» глагол на *-i-* **mò(d)litъ* (сербохорв. *mòliti*, русск. *моли́ть*) принадлежит к той же баритонированной (древней неподвижной) парадигме, что и другие рассмотренные выше глаголы 2 серии; ср. в особенности характерное отсутствие действия закона Васильева-Долобко в формах типа мо́лѧ, помо́лѝсе, бо́ѵ[198]. В литовском *maldo* : *maldyti*[199] (ср. латыш. *samaldît*[200] с интонацией, отличающейся от славянского, но и с существенным семантическим развитием: 'приносить в дом хлеб, пищу'

---

[194] Ван Брок, 1964, стр. 157; Иванов, 1965, стр. 39 (где приведен соответствующий лувийский текст с переводом); написание *ḫu-e-ḫu-i-ia*, согласно Ван Брок, 1964, стр. 123, может быть истолковано как полная редупликация *ḫui-ḫuiia-*.

[195] Ван Брок, 1964, стр. 157.

[196] Арумаа, 1957, стр. 119.

[197] В. В. Иванов. Русское *молить* и хеттское *malda(i)*. «Этимологические исследования по русскому языку», I. М., 1960; Иванов, 1965, стр. 104 (см. о синтаксическом контексте, в котором употреблен этот глагол в древнейшей хеттской надписи, там же, стр. 244 и 246). Особенно следует отметить др.-русск. *молить каравай*, отражающее один из наиболее архаичных языческих обрядов (см.: В. В. Иванов и В. Н. Топоров. К семиотической интерпретации коровая и коровайных обрядов у белорусов. «Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», вып. 198. Труды по знаковым системам, III. Тарту, 1967, стр. 68 и сн. 22).

[198] Дыбо, 1962, стр. 5, 25, 27; В. А. Дыбо [Рец.] Chr. S. Stang. Slavonic accentuation. «Структурно-типологические исследования». М., 1962, стр. 223.

[199] Ср.: Станг, 1962, стр. 24; Станг, 1966, стр. 327 (переосмысление как деноминативного глагола *maldýti* : *maldà*).

[200] Мюленбах—Эндзелин, III, стр. 680; ср. II, стр. 557.

из 'молить о хлебе, молить хлеб') осуществился переход в продуктивный типа на *-ā-*: *īti* (быть может, благодаря соотнесению *maldýti* с другими глаголами на *-dýti*). Элемент **-y-*, сходный со славянским и балтийским, выступает и в хет. *maldiia-(anzi)*. Огласовка **o* в славянском и балтийском отражает древнюю огласовку ед. ч. глаголов 2 серии.

К тому же акцентуационному типу баритонированных (древних неподвижных) основ относится латыш. *malt*, лит. *malù*, *maliaũ*, русск. *молóть*, *молóла*, сербохорв. *mljèti*, аор. *mljè*, чеш. *mlíti*, польск. диал. *mleć*, в.-луж. *mlěc*[201], ст.-сл. мелѭ (глагол на **-ye-* без второй основы на *-ā-*; огласовка **e* должна быть вторичной)[202], соответствующие хет. *malla-* (спряжение на *-ḫi*). Элемент *-y-*, сходный со славянским, обнаруживается в лит. *maliaũ*, латыш. *maļu*, куч. *melye*, «тох. А» *mälywät*. Типичная «перфектная» редупликация отражена в анатолийской производной именной основе: хет. *memal-* 'мука' < 'помол'.

Той же баритонированной (древней неподвижной) парадигмой характеризовалось латыш. *kalt*, русск. *колóть*, *колóла*, сербохорв. *klȁti*, чеш. *kláti*, в.-луж. *kłóć*[203], ст.-сл. колѭ (глагол на **-ye-* без второй основы на *-ā-*)[204]. Элемент **-y-*, родственный такому же элементу в славянском, представлен в лит. *kaliaũ*, латыш. *kaļu*. Все рассмотренные формы можно считать вторичными вариантами (без начального *s-*) индоевр. **skel-* (ср. выше о **sterg-* : **serg-*), возводимого В. М. Иллич-Свитычем к ностр. **calu-* 'расщеплять, резать'[205]. Соответствующий хеттский глагол *iškallai-* 'разрывать, разрезать' в древнехеттском относился к спряжению на *-ḫi*[206]; элемент **-y-* отражен как в некоторых хеттских формах, так и в лит. *skẽlia*, латыш. *šķelu*, др.-исл. *skilja* 'отделять', греч. σκάλλω 'разгребаю, рою', алб. *halë*.

Для доказательства связи славянских и балтийских «полутематических» глаголов на **-ī-*, соотносящихся с основами на *-ē-*,

---

201 Дыбо, 1958, стр. 60; Дыбо, 1963, стр. 75, ср. стр. 73.

202 Станг, 1942, стр. 39; Мейе, 1934, стр. 180 (ср. также другие работы Мейе, указанные в кн.: Иванов, 1965, стр. 108, сн. 167); J. A. van Campen. Vowel alternations in Old Church Slavonic conjugation. — IJSP, v. VI, 1963, стр. 60.

203 Дыбо, 1958, стр. 61; Дыбо, 1961а, стр. 29; стр. 75, ср. стр. 73.

204 Станг, 1942, стр. 39 (ср. стр. 120 о лит. *skẽlia*).

205 Иллич-Свитыч, 1968 (ср. там же о вторичности интонации латыш. *šķelît*).

206 Иванов, 1965, стр. 109. — От всех других рассмотренных выше славянских глаголов на **-y-/-i-* отлично каузативное ст.-сл. таѭ, русск. *таи́ть*, которому соответствует хет. *taia-* (спряжение на *-mi*), др.-инд. *taya-*, *tāyu-* (именные образования, которые Бенвенист считает первичными по отношению к отыменному глаголу типа славянского, см.: E. Benveniste. Hittite et indo-européen. Paris, 1962, стр. 116; ср. в рецензии В. В. Иванова на эту книгу [ВЯ, 1963, № 4, стр. 135] о соответствии ст.-сл. тать и хет. *taiazil* 'воровство, кража'). См. об этом глаголе и именах того же корня в хеттском и славянском: Иванов, 1965, стр. 181—182.

и на *-*ye*/*o*- с древними индоевропейскими глаголами 2 серии особое значение имеет ст.-сл. мѧнитѧ, мѧнѣ̑ти, по-мѧнѫ, по-мѧнѣ̑ти, лит. *mìni*, *minëjo*, *minëti*, латыш. *minu*, *minēt*, где давно уже было установлено соответствие перфектному греч. дор. μεμνᾶμαι, лат. *meminī*, гот. *man*[207]. Принадлежность этого глагола ко 2 серии подтверждается хет. *mema-* 'говорить' (спряжение на *-ḫi*), где в хеттском (как и в греческом и латинском) представлена редуплицированная основа, соответствующая лув. *mammana-* 'много говорить, разговаривать' (лик. В *mēmi*), противопоставленному нередуплицированному лув. *man-* 'сказать' : лув. *manāḫa* 'я сказал'[208]. Нередуплицированная основа 2 серии в лув. *man-* находит ближайшее соответствие в гот. *man* : *munum*. Нулевая огласовка форм множественного числа индоевропейских глаголов 2 серии типа гот. *munum* (*$m\underset{\circ}{n}$-me*)[209] должна быть сопоставлена с огласовкой ст.-сл. мѧнитѧ, но в славянском и балтийском нулевая огласовка была обобщена на всю парадигму[210]. Особый интерес представляет то, что в данном случае удается установить связь основы на *-*i*-, *-*ē*- в славянском, балтийском и германском (гот. *munan*, III класс) с основой на *-*yo*- в греческо-арийском[211] (др.-инд. *mányate*, греч. μαίνεται < *μάν-ιε-ται). В славянском и балтийском основа на *-*ye*/*o*- от этого корня представлена после -*ē*- в формах балтийского прош. вр. типа лит. *minëjo*, давно уже сопоставляемых со слав. мѧнѣ(ѧхъ) в имперфекте[212].

В настоящее время можно считать общепризнанной гипотезу Ван Вейка[213], по которой к перфектным формам (т. е. к гла-

---

[207] Ван Вейк, 1929, стр. 240; Ван Вейк, 1933; Курилович, 1964, стр. 77—81; Курилович, 1965, стр. 53—58.

[208] Ван Брок, 1964, стр. 137; ср. Розенкранц, 1958, стр. 219—220; Иванов, 1965, стр. 110 (с дальнейшей литературой).

[209] Поломэ, 1964, стр. 872.

[210] Курилович (1964, стр. 77—81 и 1965, стр. 53—58) сопоставляет эту огласовку с медиальным перфектом, но это объяснение едва ли удачно, так как медиальный перфект является сравнительно поздним новообразованием (ср. Иванов, 1965, стр. 135, сн. 242; Станг, 1966, стр. 406); скорее нулевой огласовке в обоих случаях должно быть дано одно объяснение из более древних форм 2 серии, к которым восходят и ст.-сл. мѣнитъ и медиальный перфект в других языках. Особенности огласовки ст.-сл. мѣнитъ объясняют то, что некоторые из ученых, принимающих связь славянских и балтийских основ на -*i*-/-*ē*- с перфектом, тем не менее не возводят к перфекту именно этот глагол: Станг, 1942, стр. 24; Вайан, 1962, стр. 53; Станг, 1966, стр. 321. О ностратических параллелях см.: Иллич-Свитыч, 1968, а также публикацию В. М. Иллич-Свитыча в настоящем сборнике.

[211] В. Шмид, 1963, стр. 64.

[212] Но ср. возражения: В. Шмид, 1963, стр. 21, сн. 93 (вслед за П. С. Кузнецовым: П. С. Кузнецов. Очерки по морфологии праславянского языка. М., 1961, стр. 110—127).

[213] Ван Вейк, 1929, стр. 240; Ван Вейк, 1933; Станг, 1942, стр. 24; Вайан, 1962, стр. 53; Ван Брок, 1964, стр. 149; Курилович, 1965, стр. 56; Станг, 1966, стр. 314—315 и 321, ср. также о сходстве древнеиндийского перфекта *bibhāya*, иранского среднего залога (авест. *bayente*) и возвратных конструкций в балтийском (лит. *bijotis*) и славянском (ст.-сл. боѧти сѧ): К. Шмидт,

гольным основам 2 серии) с огласовкой *-o- восходят такие славянские и балтийские «полутематические» глаголы на *-ī-/*-ē- с огласовкой *o, как лит. *gāri*, *garėti*, ст.-сл. горитъ : горѣти (по В. М. Иллич-Свитычу, индоевр. *g^{u}her- из ностр. *gurA- [214]), ст.-сл. болитъ : болѣти (по В. М. Иллич- Свитычу, индоевр. *bhehl- из ностр. *baHli [215]), ст.-сл. полѣти, болѣти сѧ. По предположению Станга, переход в этот тип мог происходить при посредстве образования форм по типу атематических глаголов 1 серии [216] (ср. выше о ст.-сл. келитъ при ст.-лит. *pavelmi* и о связи славянских окончаний IV класса с атематическими). Косвенное подтверждение гипотезы, по которой древние формы 2 серии с огласовкой *o типа ст.-сл. хотѣти могли вовлекаться в балто-славянском в тип атематических глаголов на *-mi*, дает семантически близкое ст.-сл. могѫ, родственное, с одной стороны, гот. *mag* (перфектопрезенс), с другой стороны, старолитовскому атематическому глаголу *mėgti* [217]. Славянский глагол (не вошедший в группу на *-ī-/-ē-) в этом последнем случае обнаруживает колонное ударение на теме [218], т. е. относится к тому же типу «баритонированных» (неподвижных) парадигм, что и другие древние глаголы 2 серии.

К отмеченным выше случаям отражения древних глаголов 2 серии в славянских «полутематических» глаголах на *-ī- следует присоединить и соответствие хет. *ḫar-* 'гореть' (медиопассивный непереходный глагол спряжения на *-ḫi*) и ст.-сл. каритъ (со ступенью удлинения, важной ввиду принятого Вайаном сравнения славянской ступени удлинения с удлинением в перфекте [219]), каритъ, карѣти при основе на *-d-* в балтийских языках: лит. *vérda*, латыш. *vêrdu* [220], ср. выше об обратном соотношении

1964а, стр. 6; Уоткинс, 1967, гл. XIII, § 15 (о др.-ирл. *agur* и др.-инд. *bibhāya*), а также гл. XV, § 21 (о славянских соответствиях перфекту; прямое соотношение лат. *vīdī* и вѣдѣ Уоткинс отвергает по семантическим причинам).

[214] Иллич-Свитыч, 1968.

[215] Иллич-Свитыч, 1968 (где предполагается отражение нулевой ступени *ə, а не *o в славянском). Иную этимологию ранее предлагал Трубачев, 1958.

[216] Станг, 1966, стр. 314—315. — Недостатком статьи Куриловича, 1965, стр. 56, является то, что в ней к следам перфекта в славянском присоединены и такие глаголы (как *velitъ*), где можно видеть древние атематические основы 1 серии (но см. выше о др.-инд. *avari*).

[217] Этимология обоснована в ст.: B. J ē g e r s. Verkannte Bedeutungsverwandtschaften baltischer Wörter. — KZ, Bd 80, 1966, стр. 103—114. — О литовском см. Сабаляускас, 1957, стр. 104.

[218] Дыбо, 1961, стр. 37; Дыбо и Иллич-Свитыч, 1963, стр. 72.

[219] Вайан, 1962. — Ср., однако, методологически важное замечание Ван Брок, 1964, по которому следы 2 серии следует искать прежде всего вне связи с конкретными временными функциями.

[220] Станг, 1942, стр. 140 и сл.; Иванов, 1965, стр. 126—127; Станг, 1966, стр. 336.

Для отнесения хет. *ḫar-* к группе пассивно-непереходных («центростремительных») глаголов особенно существенно то, что при глаголе *ḫar-* (в отли-

о.-слав. *jad-: лит. jója. Вероятной представляется возможность выделения -d- со сходным значением в лит. merdi : mérdėti 'лежать при смерти', ст.-лит. merdmi 'incipio mori' (атематический глагол)[221], латыш. mẽrdêt 'морить голодной смертью'[222] при лит. miřst, mira, miřt, ст.-сл. мьрѫ, соответствующем (по своей огласовке) арийскому аористическому типу[223] (др.-инд. ámṛta 'он умер'). На основании этих соответствий можно было бы предполагать отражение в этих формах индоевропейского глагола 2 серии, но хет. mir- является медиопассивным глаголом спряжения на -mi; можно, однако, думать о позднейшей перестройке парадигмы этого глагола в хеттском, ср. медиальные и пассивные формы в арийском (ср. возможное отражение древнего «баритонического» неподвижного типа глагола 2 серии в архаическом термине др.-инд. márta- 'смертный'[224], ср. выше о др. инд. sítā).

Единственной славянской формой, в которой давно уже искали соответствие индоевропейскому перфекту, является ст.-сл. вѣдѣ. В этой форме с огласовкой *o отразилась нередуплицированная глагольная основа со значением, характерным для 2 серии. Соответствие между лат. vīdī и ст.-сл. вѣдѣ нельзя истолковывать путем возведения их к медиальному перфекту[225], относительно поздно возникшему благодаря взаимодействию двух древних серий в некоторых диалектах. Слав. -ě < *ai < *Hoi, как и лат. -ī, можно объяснить как результат взаимодействия оконча-

---

чие от всех центробежных глаголов) имена существительные среднего рода могут употребляться в качестве обозначений субъекта, см. о сочетаниях ṷar- с paḫḫur 'огонь' и zuppari 'факел': E. Laroche. Un «ergatif» en indo-européen d'Asie-Mineure. — BSL, 1962, t. 56, fasc. 1, стр. 40; см. там же о подобных конструкциях с хет. ki- 'лежать, быть положенным' и aš- 'находиться', которым соответствуют медиальные глаголы в греческо-арийской диалектной области (ср.: К. Шмидт, 1964, стр. 4; Иванов, 1965, стр. 124 и 127), и о функционировании хеттского глагола существования eš- 'быть' в качестве такого же пассивно-непереходного, что представляет интерес для приведенной выше гипотезы о лит. yrà как форме 2 серии.

[221] Ср. о типе спряжения этого глагола: Сабаляускас, 1957, стр. 105; Станг, 1966, стр. 322.

[222] Мюленбах—Эндзелин, II, стр. 618.

[223] Станг, 1942, стр. 33—34; Иванов, 1965, стр. 133—134 и 153—155 (ср. там же о возможных хеттских соответствиях ст.-сл. явити, явити, русск. явить, подтверждаемых анализом др.-инд. uvé — Уоткинс, 1967, гл. V, § 18; см. там же, гл. VIII, § 16 о древности медиального типа хет. mir-).

[224] Первичность древнеиндийского ударения по сравнению с греч. μορτός предполагается в кн.: P. Thieme. Studien zur indogermanischen Wortkunde und Religionsgeschichte. Berlin, 1952, стр. 25—26, 31, 32 (но при этом предполагается различие между прилагательным и существительным, что едва ли оправдано), G. R. Solta. Lat. viridis und deutsch grün. «Die Sprache», Bd XII, 1966, H. 1, стр. 28.

[225] Курилович, 1964 и 1965; К. Шмидт, 1964, стр. 137; К. Шмидт, 1964а, стр. 11 (но ср. стр. 10 — о медиальном перфекте как новообразовании; см. об этом также выше, сн. 210).

ния 2 серии типа *-*Ho* (лув. -*ha*) и первичных окончаний 1 серии на -*i*, ср. объясняемые таким же взаимодействием балтийские флексии типа 1 л. ед. ч. -*mai*, 2 л. ед. ч. -*sai*[226], ср. куч. 1 л. ед. ч. ср. з. -*mai*, 2 л. ед. ч. ср. з. -*tai*, «тох. А» 1 л. ед. ч. ср. з. -*e* < *-*ai*, -*we* < **wai*, др.-инд. 1 л. ед. ч. ср. з. -*e* < *-*ai*, ср. предполагаемое взаимодействие двух древних окончаний в о.-слав., 1 л. ед. ч. -*ǫ* в глаголах типа *dějǫ*, отражающих 2 индоевропейскую серию[227] и т. п. Переход в тип атематических основ 1 серии, сходный с развитием ст.-сл. дамь, обнаруживается в ст.-сл. вѣмь, ср. также атематическую форму 2 л. повел. накл. ст.-сл. вижде от родственного глагола на *-*ī*-, **ē* видитъ, видѣти при атематическом ст.-лит. *veidzmi*[228], прус. *waisei*. Прусская форма может рассматриваться как преобразование исходной балтийской формы 2 серии, сохраненной в том же рассмотренном выше контексте отрицания («отрицательного суждения о существовании» в терминологии логиков, выделяющих этот тип суждений в особый), в котором ст.-лит. *ẽsti* заменялось лит. *yrà:* латыш. *vaid* в сочетании *nevaid* 'нет (отсутствует)', по Стангу, происходит из более древнего **ne vaid* 'неизвестно'[229], ср. частичную типологическую параллель в изменениях значений типа 'знать' > 'испытать' (*know* > *experience*)' в отрицательной конструкции[230]. Нельзя лишь согласиться с тем, что форма типа латыш. *vaid*, по Стангу, восходит к перфекту: из всего изложенного следует, что в балтийских и славянских языках отражен не перфект, а исходный тип глагольных форм 2 серии, из которых в некоторых языках (но не в бал-

---

[226] Станг, 1966, стр. 406 и сл. Для восточнобалтийского и прусского другое объяснение этих окончаний (как еще более поздних новообразований) предлагает Казлаускас, 1967, стр. 25—26; ср. Иванов, 1965, стр. 112—117 и 135—136. Ср. гипотезу о вторичном характере окончания в др.-ирл. *ro fitir*, родственном ст.-сл. вѣдѣ: К. Шмидт, 1964. Ср. синонимичное хет. *sakḫi* 'я знаю' (спряжение на -*ḫi*), см. выше о соответствии этому глаголу в западноиндоевропейских языках. Подробно «гибридные» окончания этого типа на -*i* разобраны в монографии: Уоткинс, 1967. — Анализ славянских и балтийских глагольных флексий, проводимый Уоткинсом на основе результатов, полученных ранее П. С. Кузнецовым и В. Н. Топоровым, окончательно доказывает архаизм некоторых из этих форм. Остается, однако, еще выяснить, в какой мере тематическая форма 2 л. ед. ч. типа -*ei* была вторичной по сравнению с формой типа -*tH₂e*.

[227] См. литературу об этом окончании: Иванов, 1965, стр. 137.

[228] Сабаляускас, 1957, стр. 104; Зинкявичюс, 1966, стр. 351 (значение 'ищу').

[229] Станг, 1966, стр. 416.

[230] E. Buyssens. Negative contexts. «English studies», XL, 1959, № 3, стр. 2. — Указанная статья Бейссанса представляет особый интерес для обоснования гипотезы Станга (как и выдвинутого выше объяснения лит. *nėra*), так как в ней собран обширный материал, иллюстрирующий семантические изменения, обусловленные отрицательной трансформацией конструкции.

тийских и славянских) развился перфект[231]. В этом отношении результаты исследования славянских и балтийских языков согласуются с результатами исследования анатолийских языков, где в древнейших памятниках засвидетельствованы аналитические конструкции, использованные в функции перфекта в других языках. Это оправдывает вывод: «весьма маловероятно, что хеттский язык выбросил за борт удобный и готовый индоевропейский перфект, чтобы тут же обзавестись новым перфектом»[232].

При оценке соотношения между перфектом в греческо-арийской диалектной области и функционально (но не по происхождению) соответствующими ему аналитическими конструкциями в славянском следует иметь в виду, что отглагольные прилагательные на *-*l*-, с помощью которых строился славянский перфект, восходят к весьма архаичным формам, ср. соответствия характерных для славянского модальных значений форм на -*l*-[233] с такими же значениями родственных форм в «тохарских» и анатолийских языках[234], а в особенности показательны лидийские параллели: ср. лид. формы 3 л. типа **es-l- > e-l* 'он был'[235] при хет. *ašallu*

---

[231] Ср.: В. В. Иванов и В. Н. Топоров. К постановке вопроса о древнейших отношениях между балтийскими и славянскими языками. М., 1958; Топоров, 1961; ср. Иллич-Свитыч, 1967, стр. 81.

По своему значению форма вѣдѣ и соответствующие ей гот. *wait* (перфектопрезенс), др.-инд. *véda*, греч. (F)οἶδα отражает древнейший тип значений, реконструируемый для перфекта (а следовательно, и для еще более ранних форм 2 серии, из которых возник перфект); см.: К. Шмидт, 1964а, стр. 16; Перельмутер, 1967, стр. 100 (в связи с приводимым там же соответствием столь же архаичного по значению греч. μέμονα, лат. *memini* и гот. *man* см. выше о славянских соответствиях лув. *manaha*; ср. показательную однотипность форм др.-ирл. *fitir* и *mén(a)ir* — К. Шмидт, 1964, стр. 135). Отсутствие форм мн. ч. от вѣдѣ в славянском не дает возможности выяснить историческое соотношение славянских и балтийских акцентуационных парадигм глаголов 2 серии (см. выше) и индоевропейского «перфекта» (ср. о соответствии древнеиндийской и германской акцентуации и аблаута: Поломэ, 1964, стр. 874 и сн. 23).

[232] Ван Брок, 1964, стр. 153. — Ср. в этой связи замечания о хеттском и других индоевропейских языках в статье: J. Kuryłowicz. Zur Vorgeschichte des germanischen Verbalsystems. «Beiträge zur Sprachwissenschaft, Volkskunde und Literaturforschung». Berlin, 1965, стр. 244—245.

[233] Бородич, 1963; Galton. Aorist und Aspekt im Slawischen: Wiesbaden, 1962; к значению «неочевидности» ср. типологические параллели: Шмидт, 1964, стр. 9 (со ссылками на древнеиндийскую и грузинскую грамматическую терминологию).

[234] Иванов, 1957; Иванов, 1965, стр. 50 (в связи с указанными в этой книге этрусскими параллелями см. об этрусском *acil*: K. Olzscha. Aus einem etruskischen Priesterbuch. «Glotta», 1964, Bd 64, H. 3/4, стр. 233, 237, 241—242).

[235] Шеворошкин, 1967, стр. 38—40, 50, 60. — С правильным замечанием В. В. Шеворошкина о специфической роли 3 л. в развитии форм на -*l* в славянском и лидийском ср. также: Топоров, 1962, стр. 52; Уоткинс, 1967, гл. VIII, § 1 (где история славянских форм на -*l*- приводится в качестве типологической параллели развитию древнего перфекта в других индоевропейских языках из первоначально именной формы). Относительно формы 3 л. и причастия на -*l*- без связки уже в древнейших западнославянских и восточно-

'да буду я', ср. лик. *pijelu*, где в позднеанатолийских языках (по абсолютной хронологии значительно более древних, чем позднеобщеславянский) обнаруживаются точные соответствия результатам развития форм на *-l* в славянском. Для проверки гипотезы, по которой анатолийские глагольные формы на *-l-* (а, следовательно, и все другие упомянутые выше формы других индоевропейских языков, в том числе и славянских) можно по происхождению сравнить с формами на *-l*, имеющими значение оптатива в балтийских языках [236], существенно то, что в анатолийских языках, как, возможно, и в балтийских, можно установить следы тех именных форм, из которых могли развиться эти глагольные модальные формы. В пользу такого сопоставления в анатолийских языках говорит огласовка форм 1 л. ед. ч. повел. накл. на *-lu*, типичная для неличных форм (хет. *ašallu* от *eš-* 'быть' при вариантах той же формы *ešlut*, *ešlit*, ср. огласовку *a* в причастии *asant-*, — см. о нем выше, — и огласовку *e* в форме 3 л. ед. ч. повел. накл. *ešdu*), и модальное значение изолированных (и потому архаичных) хеттских отглагольных именных форм на *-la-* типа *dalugnula-* (от *dalugnu-* 'удлинять'), *barganula-* (от *barganu-* 'возвышать') [237], *arnuuala-* 'те, кто должны (или могут) быть уведены' (название «рабов» — военнопленных [238], ср., вероятно, родственное лид. *arvol*). Подобные хеттские отглагольные именные формы с модальным значением, видимо, лишь включившись в парадигму повелительного наклонения, сравнительно поздно в формах «волюнтатива» типа *ašallu*, *ešlut* (с медиальным *-t-* < **dh*) получили по аналогии окончание повелительного наклонения *-u* (ср. характерное отсутствие этого *-u* в *ešlit*). Поэтому их можно сравнить с «тохарскими» формами на *-lye*, имеющими значение долженствования, родственными армянским формам типа *sireli* 'тот, кого нужно любить; милый' [239]); для сравнения с функцией «тохарских» форм особый интерес может представить лид. *inal*, используемое в функции будущего времени [240]. К таким именным отглагольным

славянских памятниках см.: П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959, стр. 203.

[236] E. Benveniste. Hittite et indo-européen. Paris, 1962, стр. 18—20; ср. рецензию на эту книгу В. В. Иванова (ВЯ, 1963, № 4, стр. 131).

[237] H. Pedersen. Hittite *dalugnula* and *barganula*. «Journal of cuneiform studies», v. I, 1947, 1, стр. 61—64 (там же см. о сопоставлении со славянским, впервые предложенном еще Грозным); ср.: N. van Brock. Dérivés nominaux en L du hittite et du louvite. Paris, 1962.

[238] S. Alp. Die soziale Klasse der NAMRA-Leute. «Jahrbuch für kleinasiatische Forschung», I. Heidelberg, 1950. — О лидийской параллели ср.: Шеворошкин, 1967, стр. 40.

[239] Э. Бенвенист. Тохарский и индоевропейский. «Тохарские языки». М., 1959, стр. 97; W. Thomas. Die tocharischen Verbaladjektive auf *-l*. Berlin, 1952, стр. 9, сн. 3 (где с «тохарскими» и армянскими формами сопоставляется и хеттский волюнтатив на *-l-*); ср.: Уоткинс, 1967, гл. XIV, § 5 — о соответствии хет. *ešlit* и «тох. А» *nasäl*.

[240] R. Gusmani. Lydisches Wörterbuch. Heidelberg, 1964, стр. 132.

образованиям, родственным основам на *-l-* типа лит. *aũlas* (от *aũti*)[241], можно было бы возвести и балтийские формы типа ст.-лит. *esle* 'esto, sic ita' (согласно переводу в грамматике Клейна), *esliui* (ср. хет. *ašallu*, *ešlit*), латышские формы 1 л. ед. ч. условного наклонения на *-tu-ļu*, 1 л. ед. ч. наст. вр. на *-ļu*, которые, по Эндзелину, восходят к одному источнику с формами 3 л. ед. ч. повел. накл. на *-ļa* (в языке народных песен)[242], ср. также прусский оптатив на *-lai*, обычно, однако, объясняемый из сочетаний с частицей *-lai* (не исключена возможность такого объяснения и по отношению к другим указанным балтийским формам)[243].

Если предлагаемое истолкование этих форм окажется верным, то тем самым в балтийских языках будет обнаружено соответствие славянским отглагольным формам на **-l*, которые и в славянских языках (в сочетании с формами типа ст.-сл. бимѣ, русск. *бы*) могли использоваться в модальном значении, сходном со значением латышских форм на *-tuļu* и соответствующих «тохарских», армянских и хеттских форм на **-l(i)*. Архаичность употребления этих отглагольных прилагательных на **-l-*, возводимых к индоевропейскому и ностратическому[244], согласуется с рядом других архаизмов, указанных выше при анализе славянского глагола.

В общеславянском система индоевропейских глагольных окончаний претерпела существенные видоизменения и (за исключением отдельных форм, указанных выше) лишь в очень косвенном виде передает более древние индоевропейские соотношения. Но распределение глаголов по двум индоевропейским сериям (которым в балтийском и славянском отвечали и различные типы акцентуационных парадигм) может быть достаточно отчетливо прослежено (несмотря на переход части глаголов из одной серии в другую) как в балтийском, так и праславянском.

СОКРАЩЕНИЯ ОБОЗНАЧЕНИЙ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ, ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ

аор. — аорист
буд. вр. — будущее время
возвр. — возвратный
дат. п. — дательный падеж
дв. ч. — двойственное число
действ. з. — действительный залог
ед. ч. — единственное число
из. накл. — изъявительное наклонение
инф. — инфинитив

---

241 P. Skardžius. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943, стр. 162 и сл.; Эндзелин, 1948, стр. 91.

242 Эндзелин, 1951.

243 Станг, 1966, стр. 443.

244 Иллич-Свитыч, 1968 (ср. также таблицу словообразовательных аффиксов в работе В. М. Иллич-Свитыча, публикуемой в настоящем сборнике); Розенкранц, 1966, стр. 177 (о причастии на *-l* в юкагирском; см. о его функциях: Е. А. Крейнович. Юкагирский язык. М.—Л., 1958, стр. 106 и сл.).

л. — лицо
мн. ч. — множественное число
наст. вр. — настоящее время
несов. в. — несовершенный вид
повел. накл. — повелительное наклонение
прич. — причастие
прош. вр. — прошедшее время
род. п. — родительный падеж
сов. в. — совершенный вид
ср. з. — средний залог
авест. — авестийский
алб. — албанский
алт. — алтайский
арм. — армянский
болг. — болгарский
брет. — бретонский
вал. — валлийский
вед. — ведический
вен. — венетский
в.-луж. — верхнелужицкий
гом. — гомеровский
гот. — готский
греч. — древнегреческий
диал. — диалектный
дор. — дорийский
драв. — дравидийский
др.-в.-нем. — древневерхненемецкий
др.-инд. — древнеиндийский
др.-ирл. — древнеирландский
др.-исл. — древнеисландский
др.-перс. — древнеперсидский
др.-русск. — древнерусский
др.-сакс. — древнесаксонский
др.-хет. — древнехеттский
ирл. — ирландский
индоевр. — индоевропейский
картв. — картвельский
куч. — кучанский («тохарский В»)
лат. — латинский
латыш. — латышский
лид. — лидийский
лик. — ликийский
лик. В — ликийский В (милийский)
лит. — литовский
лув. — лувийский
лув. иер. — лувийский иероглифический
мик. — микенский греческий
монг. — монгольский
ностр. — ностратический праязык (по В. М. Иллич-Свитычу)
оск. — оскский
о.-слав. — общеславянский
пал. — палайский
польск. — польский
прус. — прусский
русск. — русский
сербохорв. — сербохорватский
слав. — славянский
словен. — словенский
словин. — словинский
согд. — согдийский
ср.-вал. — средневаллийский
ср.-ирл. — среднеирландский
ст.-латыш. — старолатышский
ст.-лит. — старолитовский
ст.-польск. — старопольский
ст.-сл. — старославянский
ст.-чеш. — старочешский
«тох. А» — «тохарский А»
«тох. В» — «тохарский В» (кучанский)
укр. — украинский
умбр. — умбрский
урал. — уральский
фал. — фалисский
фриг. — фригийский
хет. — хеттский
чак. — чакавский
чеш. — чешский
шток. — штокавский

СОКРАЩЕНИЯ ССЫЛОК НА НАУЧНУЮ ЛИТЕРАТУРУ

Аллен, 1964 — W. S. Allen. Transitivity and possession. «Language», v. 40, 1964, № 3, pt 1

Арумаа, 1957 — P. Arumaa. Von der Eigenart des Ablauts und der Diathese im Baltischen.. «Zeitschrift für slawische Philologie», 1957, Bd XXVI, H. 1.

Бенвенист, 1966 — E. Benveniste. Problèmes de linguistique générale. Paris, 1966.

Бендикс, 1966 — E. H. Bendix. Componential analysis of general vocabulary: the semantic structure of a set of verbs in English, Hindi and Japanese. The Hague, 1966.

Бородич, 1963 — В. В. Бородич. К вопросу о значении перфекта в болгарском языке. «Славянская филология», вып. 4. М., 1963.

Буга, 1958—1959 — K. Būga. Rinktiniai raštai. T. I. Vilnius, 1958; t. II. Vilnius, 1959.
Вайан, 1952 — А. Вайан. Руководство по изучению старославянского языка, 1952.
Вайан, 1962 — A. Vaillant. Le parfait indo-européen en balto-slave. «Bulletin de la Société de linguistique de Paris», 1962, t. 57, f. 1.
Ван Брок, 1964 — N. van Brock. Les thèmes verbaux a redoublement du hittite et le verbe indo-européen. «Revue hittite et asianique», 1964, t. XXII, fasc. 75.
Ван Вейк, 1929 — Н. Ван Вейк. О происхождении видов славянского глагола. «Вопросы глагольного вида». М., 1962.
Ван Вейк, 1933 — N. van Wijk. Le problème des prétérito-présents slaves et baltiques. «Studi baltici», 1933, v. 3.
Дыбо, 1958 — В. А. Дыбо. О древнейшей метатонии в славянском глаголе. «Вопросы языкознания», 1958, вып. 6.
Дыбо, 1961а — В. А. Дыбо. Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его значение для балтославянской и индоевропейской акцентологии. «Вопросы славянского языкознания», вып. 5. М., 1961.
Дыбо, 1961 — В. А. Дыбо. Ударение славянского глагола и формы старославянского аориста. «Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР», вып. 30. М., 1961.
Дыбо, 1962 — В. А. Дыбо. О реконструкции ударения в праславянском глаголе». «Вопросы славянского языкознания», вып. 6. М., 1962.
Дыбо и Иллич-Свитыч, 1963 — В. А. Дыбо, В. М. Иллич-Свитыч. К истории славянской системы акцентуационных парадигм. «Славянское языкознание». М., 1963.
Дыбо, 1963 — В. А. Дыбо. Об отражении древних количественных и интонационных отношений в верхнелужицком языке. «Сербо-лужицкий лингвистический сборник». М., 1963.
Елизаренкова, 1960 — Т. Я. Елизаренкова. Аорист в «Ригведе». М., 1960.
Зинкявичюс, 1966 — Z. Zinkevičius. Lietuvių dialektologija. Vilnius, 1966.
Иванов, 1957 — В. В. Иванов. О значении хеттского языка для сравнительно-исторического исследования славянских языков. «Вопросы славянского языкознания», вып. 2. М., 1957.
Иванов, 1963 — В. В. Иванов. Хеттский язык. М., 1963.
Иванов, 1965 — В. В. Иванов. Общеиндоевропейская, праславянска и анатолийская языковые системы. М., 1965.
Иллич-Свитыч, 1967 — В. М. Иллич-Свитыч. Сравнительная грамматика славянских языков. «Советское языкознание за 50 лет». М., 1967.
Иллич-Свитыч, 1968 — В. М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков (семито-хамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). I. Введение. Сравнительный словарь (в рукописи).
Казлаускас, 1967 — И. Казлаускас. Историческая грамматика литовского языка. (Автореф. докт. дисс.). Вильнюс, 1967.
Коржинек, 1938 — J. M. Kořinek. Presentni tvary kořěne *dō-* 'dávati' v jazycich slovanských a baltských. «Listy filologicke», roč. 65, seš. 6. Praha, 1938.
Коугил, 1964 — W. Cowgill. The supposed Cypriote optatives *duwánoi* and *dókoi*. «Language», 1964, v. 40, № 3, pt 1.
Курилович, 1956 — J. Kuryłowicz. L'apophonie en indo-européen. Wrocław, 1956.
Курилович, 1964 — J. Kuryłowicz. The inflexional categories of Indo-European. Heidelberg, 1964.
Курилович, 1965 — J. Kuryłowicz. Indewropejskie perfectum w słowiańskim. «Studii z filologii polskiej i słowiańskiej», t. V. Warszawa, 1965.

Лант, 1955 — H. G. Lunt. Old Church Slavonic Grammar. The Hague, 1955.
Лант, 1966 — H. G. Lunt. Attempt at a generative descripton of the slovene verb. — В кн.: R. L. Lencek. The verb pattern of contemporary Standard Slovene. Wiesbaden, 1966.
Ларош, 1965 — E. Laroche. Études de linguistique anatolienne. «Revue hittite et asianique», 1965, t. XXIII, fasc. 76.
Лэйн, 1959 — G. S. Lane. The formation of Tocharian Subjunctive. «Language», 1959, v. 35, № 2.
Мажюлис, 1958 — В. Мажюлис. Заметки к вопросу о древнейших отношениях балтийских и славянских языков (IV Международный съезд славистов. Доклады). Вильнюс, 1958.
Махек, 1957 — V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
Мейе, 1906 — A. Meillet. Les alternances vocaliques en vieux-slave. «Memoires de la Société de linguistique de Paris», 1906, XIV.
Мейе, 1934 — А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951.
Мюленбах—Эндзелин, I—IV — K. Mülenbacha. Latviešu valodas vārdnīca. Redigējis, papildinājis, nobeidzis J. Endzelīns. I Sējums. Riga, 1923—1925; II Sējums, 1925—1927; III Sējums, 1927—1929; IV Sējums, 1929—1932.
Палиблэнк, 1965 — E. G. Pulleyblank. Indo-European vowel system and qualitative ablaut. «Word», 1965, v. 21, № 1.
Перельмутер, 1967 — И. А. Перельмутер. О первоначальной функции индоевропейского перфекта. «Вопросы языкознания», 1967, № 1.
Пизани, 1956 — V. Pisani. [Рец.] R. Birwé. «Griechisch-arische Sprachbeziehungen im Verbalsystem». «Archivio glottologico italiano», 1956, v. XVI, fasc. II.
Поломэ, 1964 — E. C. G. Polomé. Diachronic development of structural patterns in the Germanic conjugation system. «Proceedings of the Ninth International Congress of linguists». The Hague, 1964.
Порциг, 1964 — В. Порциг. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964.
Розенкранц, 1958 — B. Rosenkranz. Die hethitische *ḫi*-Konjugation und das idg. Perfekt. «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen», 1958, Bd 75, H. 3/4.
Розенкранц, 1966 — B. Rosenkranz. Zur Indo-uralischen Frage. «Instituto Orientale di Napoli Annali. Sezione linguistica», VII. Roma, 1966.
Рудзите, 1964 — M. Rudzītē. Latviešu dialektologija. Rīgā, 1964.
Сабаляускас, 1957 — A. Sabaliauskas. Atematiniai lietuvių kalbos veiksmažodžiai. «Kai kurie lietuvių kalbos gramatikos klausimai». Vilnius, 1957.
Станг, 1942 — Chr. S. Stang. Das slavische und baltische Verbum. Oslo, 1942.
Станг, 1957 — Chr. S. Stang. Slavonic accentuation. Oslo, 1957.
Станг, 1962 — Chr. S. Stang. Die athematischen Verba im Baltischen. «Scando-slavica», 1962, t. VIII.
Станг, 1966 — Chr. S. Stang. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo, 1966.
Топоров, 1961 — В. Н. Топоров. К вопросу об эволюции славянского и балтийского глагола. «Вопросы славянского языкознания», вып. 5. М., 1961.
Топоров, 1962 — В. Н. Топоров. О некоторых архаизмах в системе балтийского глагола. «International Journal of Slavic linguistics and poetics», V, 1962.
Топоров, 1966 — В. Н. Топоров. Несколько замечаний о структуре флективной парадигмы литовского глагола в связи с проблемой порождения глагольных форм. «Kalbotyra», XIV. Vilnius, 1966.

Трубачев, 1958 — О. Н. Трубачев. Из истории табуистических названий. «Вопросы славянского языкознания», вып. 3. М., 1958.
Уоткинс, 1962 — C. Watkins. Indo-European Origins of the Celtic Verb. I. The sigmatic aorist. Dublin, 1962.
Уоткинс, 1967 — C. Watkins. A history of Indo-European verb inflexion. «Indo-European Grammar», v. III. Morphology, pt I [English-language version]. (Stanford, California), 1967.
Фасмер, I — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, перевод и дополнения О. Н. Трубачева. Т. I. М., 1964.
Шеворошкин, 1967 — В. В. Шеворошкин. Лидийский язык. М., 1967.
В. Шмид, 1963 — W. P. Schmid. Studien zum baltischen und indogermanischen Verbum. Wiesbaden, 1963.
К. Шмидт, 1964 — K. Schmidt. Altirish *ro. fitir* und das Deponens des sog. suffixlosen Präteritums. «Die Sprache», 1964, Bd X.
К. Шмидт, 1964a — K. H. Schmidt. Das Perfektum in indogermanischen Sprachen. «Glotta», 1964, Bd XLII, H. 1/2.
Шпехт, 1935 — F. Specht. Zur Geschichte der Verbalklasse auf *-ē-*. «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen», 1935, Bd 62.
Эндзелин, 1943 — J. Endzelīns. Senprušu valoda. Rīgā, 1943.
Эндзелин, 1948 — J. Endzelīns. Baltu valodu skaņas un formas. Rīgā, 1948.
Эндзелин, 1951 — J. Endzelīns. Latviešu valodas gramatika. Rīgā, 1951.

М. И. Лекомцева

К ТИПОЛОГИИ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ СТРУКТУР СЛОВА В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Задачей настоящей работы является классификация (идентификация) славянских языков в зависимости от тех структур слова, которые в них представлены, и получение типов языков на основе выделенных при идентификации признаков. При этом и классификация и типология строятся исключительно внутри славянских языков в их литературной форме [1], так что предварительным условием классификации языка является определение его как славянского [2].

Второе предварительное условие касается ограничения представленных языков одним фонологическим уровнем, из которого рассматриваются признаки, релевантные именно для структуры слова. Признаки, являющиеся классифицирующими славянские языки на уровне системы фонем, структуры слога и т. д., в настоящую классификацию не входят.

Под структурой слова понимается формула, представляющая последовательность классов фонем, однозначно соответствующую некоторому реальному слову данного языка. При этом классы фонем могут обозначаться одним или несколькими признаками, определяющими данные классы фонем. Например, структура слова может быть представлена классами фонем относительно признака компактности: *СрСрСр* (*как* и др.), *Ср°Ср°Ср°* (*тот* и др.); относительно группы признаков гласности и согласности: *CV*

[1] То, что объектом здесь являются славянские языки в литературной форме, а не диалекты, обусловлено преимущественно методическим характером опыта построения настоящей типологии.

[2] На данном этапе определение языка как славянского происходит на основе соответствия достаточно большого списка морфем, т. е. понимания ряда слов как славянских. В смысле объединения такого рода генетических критериев со структурными поучителен опыт определения языков банту, когда при совпадении словаря в определенном объеме исследуемый язык относится к суббанту, а язык сходной структуры — к бантоидам. Язык, являющийся одновременно суббанту и бантоидом, считается банту. (См.: M. Guthrie. Classification of the Bantu languages. London, 1948).

(*да*), *CRVCV* (*пламя*) и т. д. Из единичных признаков на уровне структуры слова классифицирующим славянские языки оказывается признак звонкости. Это выражается в том, что во всех славянских языках слово может начинаться как со звонкого согласного, так и с глухого, но оканчивается оно в одних языках только на глухой, а в других — как на звонкий, так и на глухой согласный. К последним из литературных славянских языков относятся сербско-хорватский: *vid* 'зрение', *mraz* 'мороз' и другие, и украинский.

В украинском языке звонкие согласные на конце слова тоже произносятся «четко и ясно» [3]: *в'яз* ('вяз'), *глиб* ('глубь'). По данным кимограмм Л. И. Прокоповой, сохранение звонкости на конце слов достигает 61% [4].

Экспериментальное исследование языка одной носительницы литературного словенского языка из Орможа, проведенное И. Лехисте, показало, что звонкие согласные в конце слова не выступают, хотя глухие различаются в этой позиции напряженностью (*gost* 'гость' — *gozd* 'лес') [5]. Орфографический словарь словенского языка определяет как литературную норму неразличение звонких и глухих в конце слова: *rob—rop*, *sad—sat*, *roz—rok* [6], поэтому словенский язык, как и остальные славянские языки, за исключением названных выше, относится к той группе, где звонкий согласный в конце слова перед паузой невозможен. Остальные единичные признаки не выступают в роли классифицирующих, различающих между собой славянские языки на уровне структуры слова, хотя на уровне системы фонем просодические признаки и признак палатальности (диэзности) являются таковыми, что и было использовано в классификации фонологических систем И. А. Бодуэна де Куртенэ [7] и Э. Станкевича [8].

Если для обозначения классов фонем, образующих структуру слова, использовать группы признаков (например, сочетания признаков компактности с периферийностью (*Cp G* и т. д.), то все признаки за исключением гласности и согласности могут играть

---

[3] М. Ф. Наконечный. Фонетика. «Курс сучасної української літературної мови», т. I. Київ, 1951, стр. 186—187.

[4] Л. И. Прокопова. Приголосні фонеми сучасної літературної мови. Київ, 1958, стр. 74.

[5] I. Lehiste. The phonemes of Slovene. «International Journal of Slavic Linguistics and Poetics», IV, 1961, стр. 57.

[6] «Slovenski Pravopis». Ljubljana, 1962, стр. 26.

[7] И. А. Бодуэн де Куртенэ. Подробная программа лекций в 1877—1878 учебном году. Казань—Варшава, 1879, стр. 144—145; J. Baudouin de Courtenay. Izoglosy w świecie językowym słowiańskim. «Sborník prací I sjezdu slovanských filologů v Praze». Praha, 1929, 2, стр. 448—450.

[8] E. Stankiewicz. Towards a phonemic typology of the Slavic languages. «American contributions of the fourth International Congress of slavicists». Moskow, 1958, 's-Gravenage, 1958, стр. 13—17.

роль классифицирующих признаков на уровне структуры слога [9] и поэтому в настоящей классификации не рассматриваются.

Относительно гласности—согласности в славянских языках выделяется три класса фонем: гласные, согласные и сонанты. В дальнейшем они будут обозначаться соответственно *V*, *C* и *R*. При этом слоговой или неслоговой характер сонантов, будучи релевантным признаком при классификации языков по структуре слога, в настоящей классификации из рассмотрения исключается.

Распределение гласных в слове характеризуется одной особенностью, по которой славянские языки распадаются на две группы. Эта особенность касается возможности структуры слова с гласным в начале: # *V*. . . В одних славянских языках, несмотря на развитие протетических согласных, гласный в начале слова остается допустимым, в других языках это невозможно. К последним относятся оба лужицких языка и чешский язык. «В лужицких языках. . . ни одно слово не может начинаться с гласного. Поэтому перед словами, которые еще в старославянском или в других славянских языках начинаются с гласного, в лужицких появляются или придыхательный согласный *h* (чаще всего) или *j*/*w*, а спорадически и другие согласные»[10]. Ср. н.-луж. *jerjebina* и в.-луж. *ujerjebina* 'рябина', н.-луж. *jerlica* 'орлица', *hynak* 'иначе', н.-луж., в.-луж. *wołoj* 'лещ', н.-луж. *wórjech* 'орех' [11], *hogon* 'хвост', *hopisac* 'описать' [12] и др.

В чешском языке перед гласными после каждой абсолютной паузы автоматически и правильно образуется гортанная смычка (ráz) [13]. С ее помощью противопоставляются такие фонетические слова, как *suchem—s'uchem*, *soka—s'oka (z oka)* [14], что дает основание Г. Кучере считать ее «манифестацией морфемного стыка (terminal disjuncture), если следующая фонема — гласный» [15]. Фонологический статус гортанной смычки в чешском языке определяется общими принципами фонологического анализа и в частности пониманием контраста как фиксированного или свободно перемещающегося и той единицы, в пределах которой он выступает. При фиксированном контрасте (например, всегда известно только левое окружение) гортанная смычка противопоставляется другим согласным и сонантам после паузы, гласного и согласного в пределах фонетического слова.

---

[9] М. И. Лекомцева. Типология структур слога в славянских языках. М., 1967.

[10] E. Mucke. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen (niederlausitzischwendischen) Sprache. Leipzig, 1891, стр. 288.

[11] Примеры Э. Муки (указ. соч., стр. 289).

[12] Там же, стр. 290.

[13] D. Hála. Výslovnost spisovné češtiny, její zásady a pravidla. Praha, 1955, стр. 27.

[14] Примеры Б. Гала (указ. соч., стр. 27).

[15] H. Kučera. The phonology of Czech. 's-Gravenhage, 1961, стр. 44.

При противоположном решении (как у Г. Кучеры) наличие гортанной смычки как элемента структуры слова на фоне других славянских языков все равно становится классифицирующим признаком.

В отношении существования гортанной смычки в словацком языке отмечаются колебания. С одной стороны, утверждается, что в словацком языке в отличие от чешского нет гортанной смычки [16], а с другой —приводятся примеры с гортанной смычкой, но «только у слов в начале предложения» [17]. Последнее означает, что структура слова с начальным гласным возможна хотя бы не в начале предложения. Тип сандхи в словацком языке значительно отличается от существующего в чешском (*z‿occom*, *v‿opci*, *g‿occovi*—в чешском *s'occom*, *f'opci*, *k'occovi* [18]) и дает основание исключить гортанную смычку из литературного словацкого языка, отнести ее к диалектным явлениям [19]. Поэтому словацкий язык относится здесь к той группе языков, где допустима структура слова с начальным гласным.

Общеизвестен факт различия в славянских языках групп согласных в зависимости от их позиции в слове. Обычно это различие в консонантных группах начала, середины и конца слова связывается с последствиями падения редуцированных. Поэтому для того, чтобы определить, является ли признак упорядочения слогов в слове в зависимости от их консонантных последовательностей классифицирующим, необходимо установить, нет ли среди славянских языков такого языка, в котором бы такой упорядоченности не наблюдалось. Естественно, под подозрением здесь может быть только старославянский язык. Вопрос о составе консонантных групп в начале и середине слова старославянского языка был исследован М. Гатталой [20]. Он показал, что старославянский язык, как и все остальные славянские языки, характеризуется тем, что консонантные группы в нем упорядочены относительно друг друга (один тип для начала слова, другой — для остальных позиций) и, во-вторых, тем, что начальные группы согласных составляют подмножество медиальных сочетаний согласных. Эти признаки могут быть классифицирующими при выделении славянских языков из других групп, но внутри славянских языков они в классификации не участвуют.

Группы согласных с сонантами распределены в слове славянских языков достаточно разнообразно.

---

[16] J. Orlovsky—L. Arany. Gramatika jazyka slovenského. Bratislava, 1946, стр. 93.

[17] E. Pauliny. Fonólogja spisovnej slovenčiny. Bratislava, 1961, стр. 12—13.

[18] J. Stanislav. Slovenská vyslovnost'. Martin, 1953, стр. 278.

[19] Там же, стр. 276—280.

[20] M. Hattala. De mutatione contiguarum consonantium in linguis slavicis. Pragae, 1865, стр. 26—32.

Сочетание сонанта с согласным в начале слова (# *RC* ...) допустимо в лужицких языках: в-луж. *ržeć* 'дрожать', *rtuć*~, *ržišćo* 'ржаное поле'; н.-луж. *rdzeń* 'корень', *r(d)žyny* 'рожь', *rza* 'ржавчина'; в македонском: *'рѓа*[21] 'ржавчина', *'рбет* 'хребет, позвоночник', *'рдоква* 'редька'. Польский язык дает много примеров типа *rdzeń* 'корень'[22] или *lnianka* 'холст'; русский язык: *рдеть*, *льгота* и т. д.; в украинском языке то же самое: *ржа* 'ржавчина', *ржуть*~, *лжевченість* 'лжеученость'; сербский: *rbanak* 'черепок', *rvati se* 'бороться'; чешский: *rdousiti* 'душить', *lhuta* 'срок' и т. д. В словацком языке такая группа в общем преобразовалась, ср. *ražný* 'ржаной', *erdžat* 'ржать', *hrdza* 'ржавчина', но тем не менее здесь есть слова типа *rdiet'sa* 'рдеть', *lživo*~, *l'vica*~, *rmut'* 'осадок', *rmutit'* 'горевать' и др., что заставляет считать эту инициальную группу представленной и в словацком языке.

Отнесение старославянского языка к этой группе зависит от интерпретации написаний начальных слогов в таких словах, как *rъvenie* (Син. псал.)[23], *rьci*, *rьcěte*[24].

Поскольку ряд памятников не исключает слогового характера сонанта перед согласным в начале слова[25], то можно считать, что старославянский язык относится к этой же группе[26].

Противоположную группу представляют языки, в которых сочетание сонанта с согласным в начале слова невозможно. Сюда относятся белорусский, болгарский, словенский языки. В словенском языке *rž* 'рожь' будет произноситься [ərš], *rkelj* 'ствол'—[ərkeλ], *rvati*—[ərvati][27]. В болгарском языке такое сочетание также недопустимо: *лъжа́* 'ложь', *лъ́жа* 'лгу', *ръдоква* 'репа'. В белорусском языке «в абсолютном начале слова и в начале слова после согласного, которым заканчивается предшествующее слово, перед сонантами *р*, *л*, *м* фонетически развились гласные звуки *и* или *о*(*а*). Например: *иржышча*, *иржа*, *ил'ну*, *илба*, *ил'ва*, *илгац'*, *имгла*, *Орша*, *аржаны*»[28].

Сочетание согласного с сонантом в конце слова (*CR*#) допускается структурой слова в одних славянских языках и исключачается из структур слова в других.

---

[21] «Требуется отметить, что знак' не означает никакого особого звука перед начальным р» (Б. Конески. Граматика на македонскиот литературен јазик. Дел. 1. Скопје, 1958, стр. 78).

[22] St. Szober. Słownik poprawnej polszczyzny. Warszawa, 1958, стр. 530.

[23] Н. Ван Вейк. История старославянского языка. М., 1957, стр. 200.

[24] Там же, стр. 202.

[25] Там же, стр. 197—202.

[26] Относительно слогового характера сонантов в рассмотренных языках см.: R. Nahtigal. Die slavischen Sprachen. Wiesbaden, 1961, стр. 113.

[27] «Slovenski Pravopis». Ljubljana, 1962, стр. 22.

[28] М. В. Бірыла. Фанетика. Арфаэпія. «Курс сучаснай беларускай літаратурнай мови». Мінск, 1961, стр. 56.

В белорусском языке структура слова с *CR*# вполне возможна, хотя представлена немногочисленными примерами: *тэмбр* [29], *зубр*, *кадр*.

В лужицких языках в результате ряда процессов в фонетике и морфологии указанная структура иллюстрируется немногими, но показательными по сравнению с другой группой языков примерами: в.-луж. *hadr* 'тряпка', *kafr* 'камфора'. Э. Мука приводит также *přatr* 'основной земельный надел', *Pětr* 'Петр' [30].

В нижнелужицком: *kjarl*, 'парень, *mysl'* Э. Мука дает *pjepr* и *papr* рядом с *pepś* 'перец', *tšnarl* 'овсянка' [31], *slabr* 'серебряная монета' [32].

В польском языке нормой является также — *CR* #, появление гласной между этими фонемами относится к диалектным чертам, недопустимым в литературном языке. Ст. Шобер отмечает: *kmotr* [nie: *kmoter* (gw.)] [33], *wiatr* [nie: *wiater*] [34], *bóbr* [35] и др.

В русском языке сочетание *CR*# в конце слова представлено широко: *добр*, *вепрь*, *быстр*, *вопль* [36].

Чешский язык (*kufr* 'чемодан', *mistr* 'мастер', *mysl*~) и украинский (*зубр*, *літр*) относятся также к этой группе языков [37].

В противоположность этим языкам выделяется группа славянских языков, не допускающих в конце слова последовательность *CR* ни для исконных слов, ни для заимствований. Сюда относятся болгарский язык: *добр̀р* 'добр', *мисъл*, *театър*, *негър*, *цокъл* [38]; македонский: *метар* 'метр', *бодар* 'бодр', *Петар* 'Петр'.

В сербско-хорватском языке, как писал еще в 1895 г. Т. Маретич, «есть достаточно слов, в которых на конце между двумя согласными никогда не было никакого гласного, а теперь и уже давно между ними *a*. . .: *bistar*, *dobar*, *ogan*, *vjetar*» [39].

В словацком языке *CR*# также невозможно: *vietor* 'ветер', *kafer* 'кафр', *liter* 'литр', *zmysel* 'смысл' [40].

В словенском языке «в конце слова когда пишем *er*, когда одно *-r*, произносим же в обоих случаях [*-эр*] : *oder*, *veter*, *december*, *koper*. . .» [41].

---

[29] Пример М. В. Бирылы (указ. соч., стр. 78).
[30] E. Mucke. Указ. соч., стр. 227.
[31] Там же, стр. 229.
[32] Там же, стр. 379.
[33] St. Szober. Указ. соч., стр. 216.
[34] Там же, стр. 697.
[35] Там же, стр. 86.
[36] Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956, стр. 57.
[37] Относительно глухости—звонкости и слоговости—неслоговости указанных сонантов см.: R. Nahtigal. Указ. соч., стр. 99.
[38] Л. Андрейчин, Н. Костов, Е. Николов. Български език. София, 1962, стр. 38.
[39] T. Maretić. Gramatika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika (изд. 3). Zagreb, 1963, стр. 52.
[40] E. Pauliny. Указ. соч., стр. 45.
[41] «Slovenski Pravopis». Ljubljana, 1962, стр. 22.

В старославянском языке написания типа *ǫtrь* 'внутри', *jędrъ* 'быстро', *chytrъ* 'умный' или *korabl'ь* нет оснований интерпретировать иначе, чем *ogn'ь*. Сонант в конце слова в старославянском языке был недопустим даже после гласных, например греческое καῖσαρ передается через *cěsar'ь*[42].

Следующим признаком, по которому различаются структуры слова в славянских языках, является возможность существования структуры слова без гласных в одних языках и невозможность — в других.

К первым, очевидно, относятся македонский (*смрт* 'смерть', *крст* 'крест, крестец'), сербско-хорватский (*смрт*~, *крст*~, *прст* 'палец'), словацкий (*smrt*, *krst*), чешский (*smrt*, *krst*).

В словенском языке требуется присутствие хотя бы одного гласного: *smrt* — [smərt], *krst* — [kərst] 'крещение', *prst* — [pərst][43].

В старославянском языке несмотря на существование слоговых сонантов структура слова без гласных невозможна, так что если есть в слове слог со слоговым сонантом, он должен обязательно сопровождаться слогом с гласным: *sъmrъtь* [sъmr̥tь][44], *krьstъ* [kr̥stъ][45].

В остальных славянских языках структура слова без гласных также невозможна[46].

Как уже отмечалось выше (см. стр. 280), во всех славянских языках структура слова характеризуется зависимостью сочетаний согласных от позиции в слове. Гласные распределяются в слове в славянских языках по-разному. В одних языках в любой позиции слова может выступать любой гласный, в других языках в разных позициях слова выступают разные подсистемы гласных.

Так, в белорусском языке в одной позиции (ударного слога) может быть любой гласный, в остальных же позициях набор возможных гласных сокращается за счет *o* и в исконных словах после твердых согласных *e*:[47] *v'aslo* 'весло', *šas'c'í* 'шести'[48].

В русском языке выделяется несколько позиций, в которых наблюдается зависимость друг от друга в выборе гласного[49]. Подсистемы гласных для разных позиций могут не совпадать ни по числу, ни по характеристикам входящих в них фонем.

В словацком языке взаимодействие гласных в пределах слова регулируется «ритмическим законом», согласно которому после

---

[42] A. Leskien. Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. Heidelberg, 1955, стр. 346.

[43] «Slovenski Pravopis», стр. 22.

[44] H. G. Lunt. Old Church Slavonic grammar. 's-Gravenhage, 1955, стр. 33.

[45] R. Nahtigal. Указ. соч., стр. 112.

[46] Обзор соответствующих данных по другим славянским языкам см. там же, стр. 111—112.

[47] М. В. Бірыла. Указ. соч., стр. 71—74.

[48] Там же, стр. 72.

[49] Р. И. Аванесов. Указ. соч., стр. 88—134.

слога с долгой гласной может быть только слог с краткой гласной; так что если морф с долгой гласной должен следовать за слогом с долгой гласной, то его собственная долгота сокращается: ср. *pekný* 'красивый', но *krátky*, *češú* 'расчесываю' — *vládzu* 'могу' [50].

В словенском языке сосуществуют три системы вокализма: наиболее архаичная с различиями гласных по высоте и долготе; основная орфоэпическая норма, при которой сохраняется противопоставление кратких и долгих гласных; наиболее новая, разговорная система без различий в тоне и долготе. Но все три системы характеризуются существенным различием в вокализме ударного слога, где противопоставляются *ε* и *e*, *ɔ* и *o*, и безударного, который во всех трех системах редуцирован за счет исключения фонем *e* и *o*, а в первых двух — еще и долгих гласных [51], например: *téle* — *têle* [52], *gospóda* — *gospôda* [53].

В украинском языке «все гласные во всех позициях нормально являются звуками полного образования, т. е., вообще говоря, сохраняют свое качество, характерное произношение и голос в безударных слогах» [54]. Здесь противопоставляется *мости́ти* — *масти́ти* 'мазать', *заві́дно* и *заві́дна* [55]. Однако в украинском языке наблюдается ограниченная регрессивная гармония гласных, когда *e/i/y* или *o/u* не различаются перед ударными слогами, причем их диффузность или недиффузность определяется соответствующими признаками ударного гласного [56]. Поэтому безударные гласные в *греби́* и в *гриби́*, *заплету́* и *за плиту́* не отличаются друг от друга, характеризуясь, как и ударный гласный, диффузностью [57], в то время как в *вела́*, *блізе́нько* [58] безударный гласный, как и ударный, характеризуется недиффузностью. На основании этого различия в подсистемах вокализма разных позиций украинский язык относится к этой же группе.

В верхнелужицком языке в первом слоге выступает система гласных с *ě* и *ó*, остальные же слоги включать эти гласные не могут. Если в результате словообразования данный слог уходит с первого места, то его гласные соответственно перестраиваются («раскрываются») [59].

---

[50] E. Pauliny. Указ. соч., стр. 73—74.
[51] E. Stankiewicz. The vocalic systems of Modern Standard Slovenian. «International Journal of Slavic Linguistics and Poetics». 's-Gravenhage, 1959, № 1—2, стр. 70—76.
[52] «Slovenski Pravopis», стр. 16.
[53] Там же, стр. 18.
[54] М. Ф. Наконечный. Указ. соч., стр. 162—163.
[55] Там же, стр. 164.
[56] Там же, стр. 165—168.
[57] Там же, стр. 166.
[58] Там же, стр. 167.
[59] E. Mucke. Указ. соч., стр. 93.

Такая же система была и в нижнелужицком — обе эти системы Э. Мука описывал как одинаковые [60]. Но в современной грамматике нижнелужицкого языка Б. Швелы [61] подчеркивается одно обстоятельство, изменяющее соотношение вокализма разных слогов одного слова. Он отмечает, что присоединение приставок, предлогов и т. п. не изменяет вокализма первого слога; пример Э. Муки: *góniś — pogóniś* [62] Б. Швела приводит как *pogóniś*, с неизмененным *ó* во втором слоге [63]. Аналогично: *gódy — pogódach*, *měriś — pśiměriś*, *rěka — do‿rěki* [64], *dwě sćě* [65]. Поэтому нижнелужицкий язык относится к тем языкам, где нет взаимодействия гласных разных слогов одного слова.

К этой же группе, естественно, принадлежит чешский язык (*hledeti* 'глядеть', *opona* 'занавес') [66], польский (*ogarnáć* 'объять' [67], *płomienisty* 'пламенеющий' [68], *przejrzysty* 'прозрачный [69]').

В сербско-хорватском языке многочисленные процессы ассимиляции, диссимиляции и других изменений гласных не привели к универсальным зависимостям парадигмы гласных от позиции в слове [69a]. Любой гласный может быть здесь в любой позиции слова: *оцењивач* 'ценитель', *троугао* 'треугольник'. Такая же картина в македонском языке: *провесели се* 'повеселиться', *половината* 'половина'.

В старославянском языке Н. С. Трубецкой выделяет среди других подсистему гласных (*V*), характеризующую начало слова. Эта подсистема, из которой исключены ъ, ь, *у*, может быть в любой позиции слова после гласного [70]. Поэтому эта подсистема характеризует структуру слога *V* в отличии от *CV* и др., а не структуру слова, в которой слог типа *V* допустим и не в начальных позициях (*mъnogoobrazьnъ*, *naostriti*, *prěiti* 'пройти').

В болгарском литературном языке проблема безударного вокализма относится к числу дискуссионных [71].

---

[60] Там же, стр. 38—39, 67, 70—72, 75—86, 97—101.

[61] B. Swiela. Grammatik der niedersorbischen Sprache. Bautzen, 1953, стр. 8.

[62] E. Mucke. Указ. соч., стр. 99.

[63] E. Swiela. Указ. соч., стр. 8.

[64] Там же.

[65] Там же, стр. 31.

[66] В отличие от словацкого языка, в чешском «долгие гласные, как монофтонги, так и дифтонги, теперь не зависят ни от каких фонетических условий, хотя раньше в значительной части было так» (B. Havránek—A. Jedlička. Česká mluvnice. Praha, 1960, стр. 201).

[67] St. Szober. Указ. соч., стр. 361.

[68] Там же, стр. 422.

[69] Там же, стр. 481.

[69a] M. Стеванович. Савремени српскохрватски језик. Београд, 1964, стр. 92, 93, 95, 112—119.

[70] N. S. Trubetzkoy. Altkirchenslavische Grammatik. Wien, 1954, стр. 66.

[71] St. Stojkov. Problémy bulharské spisovné vyslovnosti. «Časopis pro moderní filologii», ročn. XXXIII, 1950, kn. 2, стр. 43—54.

С одной стороны, идущая от А. Т. Балана традиция, согласно которой «в болгарском языке редукция безударных гласных считается большей частью диалектным явлением и встречается главным образом в северо-восточной болгарской области»[72].

С другой стороны, мнение, что «в болгарском литературном языке широкие гласные *а*, *е*, *о* приближаются к соответствующим узким *ъ*, *и*, *у*, а в некоторых болгарских диалектах, таких, как центральный балканский говор, полностью отождествляются с ними, т. е. неударное *а* переходит в *ъ*, неударное *е* в *и*, а неударное *о* в *у* (*зелѐно* > *зилѐну*, *даровѐ* > *дърувѐ*; *леснинъ* > *лиснинъ* и др.»[73].

С точки зрения рассматриваемого классифицирующего признака вопрос о вокализме в болгарском языке должен быть поставлен следующим образом: допустима ли в болгарском литературном языке такая структура слова, когда в любой позиции слова может выступать любой гласный? Очевидно, что вопрос о недопустимости такой системы даже и не стоит, спор идет только о возможности существования противоположной структуры в качестве литературной нормы.

Результаты нашего беглого обзора могут быть представлены в матрице (см. табл. 1) (последний признак обозначается $V \rightarrow V$).

Таблица 1

№ признака	Языки / Признаки	Белор.	Болг.	В.-луж.	Макед.	Н.-луж.	Польск.	Русск.	Схрв.	Словацк.	Словен.	Ст.-сл.	Укр.	Чеш.
1	Vc	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	+	—
2	$\#V$	+	+	—	+	—	+	+	+	+	+	+	+	—
3	$\#RC$	—	—	+	+	+	+	+	+	+	—	+	+	+
4	$CR\#$	+	—	+	—	+	+	+	—	—	—	—	+	+
5	CRC	—	—	—	+	—	—	—	+	+	—	—	—	+
6	$V \rightarrow V$	+	—	+	—	—	—	+	—	+	+	—	+	—

Чтобы убедиться, что выделенные признаки необходимы и достаточны, можно изобразить распределение языков по признакам (или признаков в языках) следующим образом. Каждый признак можно представить в виде особой зоны, в которую входят языки, имеющие по этому признаку плюс. Зона каждого признака

[72] Л. Андрейчин, Н. Костов, Е. Николов. Указ. соч., стр. 36—37.

[73] Ст. Стойков. Увод в българската фонетика. София, 1961, стр. 162.

обозначается особой линией (см. условные обозначения признаков). В результате последовательного наложения зон признаков на исследуемые языки получается схема, представленная на рис. 1. Как видно из этой схемы, каждый признак разделяет хотя бы два языка и тем самым является необходимым. Поскольку указанные признаки в сумме однозначно определяют структуру слова в данном языке, т. е. идентифицируют язык, они представляются достаточными для настоящей классификации.

Для того, чтобы построить классификацию славянских языков по выделенным признакам, необходимо провести процедуру по-

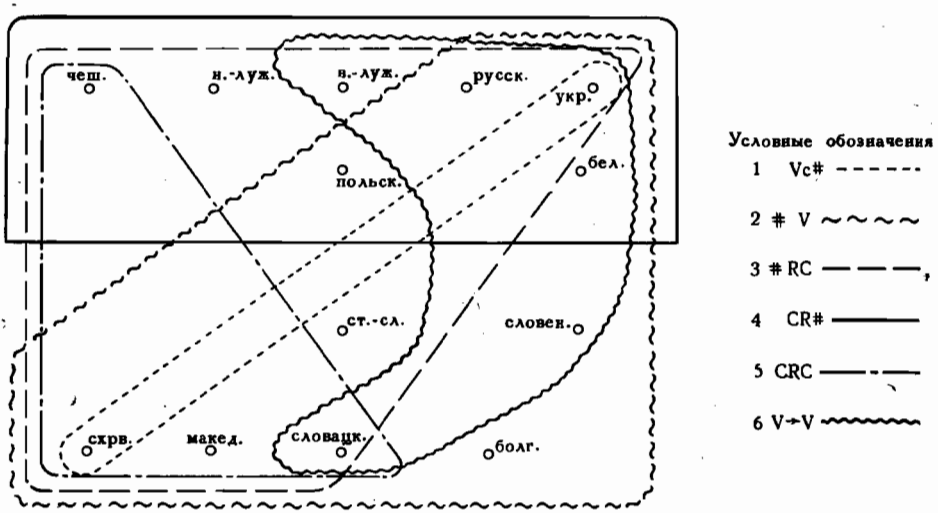

Рис. 1

следовательного деления на классы. По первому признаку выделяется класс языков, характеризующихся наличием этого признака (схрв. и укр. — записывается в правой колонке табл. 2), и класс остальных языков, имеющих по этому признаку минус.

Первый полученный подкласс не разбивается вторым и третьим признаками, в то время как второй подкласс аналогичным образом делится вторым признаком на два подкласса и т. д., до тех пор, пока каждый подкласс не будет представлен одним единственным языком. В результате получается шестиуровневая (т. е. проведенная по шести признакам) классификация славянских языков, изображенная на табл. 2.

Очевидно, что полученную классификацию легко представить в виде матрицы с нулями (поставить плюсы языкам в правой половине признака, минусы — в левой, нули — пустым клеткам) или в виде дерева идентификации (каждому разбиению на подклассы соответствует вершина дерева; рис. 2). Для языкознания

как эмпирической науки встает вопрос: является ли полученная классификация естественной? Естественность классификации определяется тем, насколько действительно сходны элементы, объединяемые данной классификацией в один класс, т. е. естественность классификации определяется функцией расстояния между входящими в нее элементами: чем меньше расстояние элементов одного класса, тем естественнее данная классификация. Расстояние

ТАБЛИЦА 2

1	белор.	болг.	в-луж.	макед.	н-луж.	польск.	русск.	словацк.	словен.	ст.-сл.	чеш.	схрв.	укр.
2	в-луж.	н-луж.	чеш.	белор.	болг.	макед.	польск.	русск.	словацк.	словен.	ст.-сл.		
3				белор.	болг.	словен.	макед.	польск.	русск.	словацк.	ст.-сл.		
4				болг.	словен.	белор.	макед.	словацк.	ст.-сл.	польск.	русск.	схрв.	укр.
5	в.-луж.	н.-луж.	чеш.				ст.-сл.	макед.	словац.				
6	в-луж.	н-луж.		болг.	словен.			макед.	словац.	польск.	русск.		

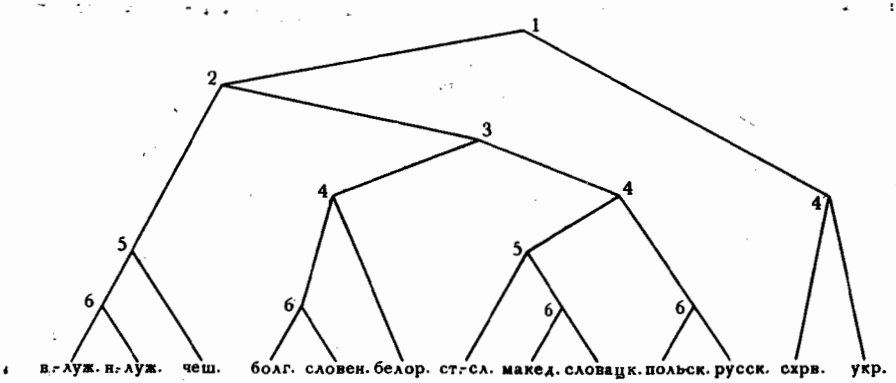

Рис. 2

между элементами определяется разностью числа признаков и числа общих вершин в дереве у данных элементов [74].

Например, расстояние между старославянским и словацким будет равно 1 (6 признаков — 5 общих вершин), а между нижнелужицким и польским — 4 (2 общие вершины).

Понятно, что в таком случае наиболее естественными классами будут такие ветви дерева, как лужицкие с чешским языком, болгарский—словенский—белорусский, сербско-хорватский — украинский и класс оставшихся языков. Это — те классы славянских языков, которые согласно вышеприведенной методике будут наиболее естественными.

---

[74] S. Łuszczewska-Romahnowa. Classification as a kind of distance function. Natural classifications. «Studia logica», XII. Warszawa—Poznań, 1961, стр. 41—66.

Но насколько эта классификация определяется своей собственной структурой? Является ли это разбиение на классы и идентификация отдельных элементов единственно возможным? В качестве опыта можно переписать порядок следования признаков на обратный, и тогда получится совершенно иное разбиение на классы (табл. 3) и соответствующее дерево (рис. 3). Здесь уже расстояние между старославянским и славянским будет равно 5

ТАБЛИЦА 3

6	болг.	макед.	н.-луж.	польск.	схрв.	ст.-сл.	чеш.	белор.	в.-луж.	русск.	словацк.	словен.	укр.
5	болг.	н.-луж.	польск.	ст.-сл.	макед.	схрв.	чеш.	белор.	в.-луж.	русск.	словен.	укр.	словацк.
4	ст.-сл.	болг.	н.-луж.	польск.	макед.	схрв.	чеш.	словен.	белор.	в.-луж.	русск.	укр.	
3		болг.	н.-луж.	польск.					белор.	в.-луж.	русск.	укр.	
2			н.-луж.	польск.						в.-луж.	русск.	укр.	
1					макед.	схрв.					русск.	укр.	

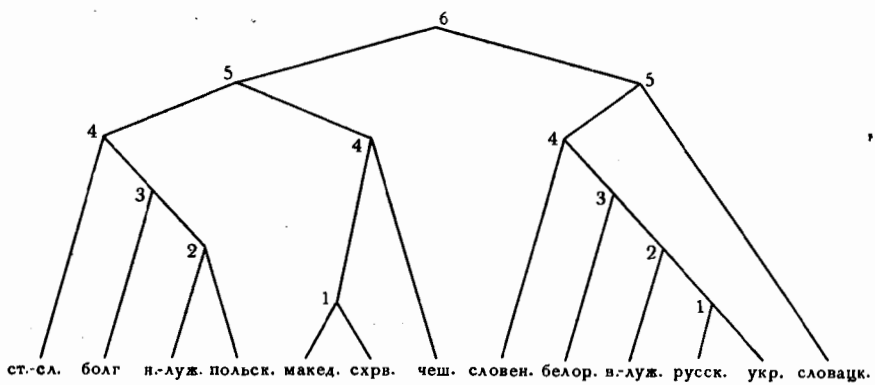

Рис. 3

(6 признаков — 1 общая вершина), а между нижнелужицким и польским — 1 (5 общих вершин) и т. д.

Всего же из 6 признаков можно построить столько классификаций, сколько может быть перестановок из 6 [75], т. е. 6!=720.

Таким образом, славянские языки могут быть идентифицированы относительно выделенных 6 признаков 720 способами, и соответственно может быть построено 720 классификаций, которые согласно приведенной точке зрения будут естественными. Идентификация объектов является одновременно классификацией их, различие между этими двумя понятиями заключается только в том, что основное внимание в идентификации сосредоточено на последнем уровне—уровне определенных индивидуальных

[75] Дж. Кемени, Дж. Снелл. Дж. Томпсон. Введение в конечную математику. М., 1963, стр. 137—140; Дж. Риордан. Введение в комбинаторный анализ. М., 1963, стр. 10—11.

объектов, в то время как в классификации центр внимания перемещается на уровни предшествующего деления; процедура в обоих случаях одинакова [76].

Типология обычно тоже понимается как синоним классификации, но по существу это два противоположных друг другу понятия.

Если классификация — это деление исходного множества на классы вплоть до индивидуальных элементов, то типология — это объединение индивидуальных элементов в классы или типы [77]. Типология предполагает классификацию проведенной, но, как видно из примеров, нельзя типологию рассматривать как обращенную классификацию (вернее, то, что идентификация может быть осуществлена 720 рядами — это хорошо, но то, что может быть и 720 типологий, лишает типологию смысла).

Как можно видеть, изменение группировок классов и соответственно расстояний между элементами связано с тем, что некоторые признаки заменяются нулями. Сама идея объединения в один тип элементов, сходных друг с другом больше, чем с элементами других типов (по признаку сходства или по расстоянию между ними) [78], кажется естественной. Но определять это сходство для построения типологии имеет смысл только учитывая все признаки элементов, т. е. по матрице без нулей (см. табл. 1). Определить число общих признаков у каждой пары языков по матрице (табл. 1) очень легко: надо сравнить значения каждого признака у выбранных двух языков и, если они совпадают (плюс и плюс, минус и минус), считать, что у них один общий признак; если по следующему признаку будет еще совпадение, то считать, что у них два общих признака или их близость равна двум и т. д. Если же значения одного признака различны (плюс и минус, минус и плюс), то они не учитываются. Значения близости между каждой парой языков также представлены в матрице (табл. 4). Поскольку близость между болгарским и белорусским равна показателю близости между белорусским и болгарским и т. д., половину этой матрицы можно не заполнять (это — квадратная матрица). Чтобы узнать показатели близости между данным языком и всеми остальными, надо сложить колонку соответствующего языка с его строкой. По диагонали отмечено число признаков, общих у языка с самим собой, т. е. 6. Это—максимальная близость, идентичность. Какие языки имеют с другими языками максимальное число общих признаков? Оказывается, что в данном случае максималь-

---

[76] Z. Dobrowolski. Budowa klasyfikacji. Warszawa, 1956; T. Wójcik. Zarys teorii klasyfikacji. Warszawa, 1965.

[77] H. Hiż. Types and enviroments. «Phylosophy of science», v. XXIV, № 3, 1957, стр. 215—229.

[78] S. Łuszczewska-Romahnowa. Указ. соч.; S. Łuszczewska-Romahnowa, T. Batóg. A generalized theory of classifications. «Studia logica», XVI, XVII, 1965, стр. 53—74; Ю. Д. Апресян. Алгоритм построения классов по матрице расстояний. Бюлл. «Машинный перевод и прикладная лингвистика», вып. 9, 1966, стр. 3—18.

ное число равно пяти признакам, а языки связаны отношением близости по пяти признакам следующим образом:

белорусский — русский, словенский
болгарский — словенский, старославянский
в.-лужицкий — н.-лужицкий, русский
македонский — сербскохорватский, словацкий, старославянский
н.-лужицкий — в.-лужицкий, польский, чешский
польский — н.-лужицкий, русский, старославянский
русский — белорусский, в.-лужицкий, польский, украинский
сербско-хорватский — македонский
словацкий — македонский
словенский — белорусский, болгарский
старославянский — болгарский, македонский, польский
украинский — русский
чешский — н.-лужицкий

Эти отношения можно изобразить на графе: два языка (вершины графа) соединяются между собой, если они имеют пять общих признаков (см. рис. 4). Другими словами, среди славянских языков каждый язык имеет хотя бы с одним языком пять общих признаков из шести, т. е. все славянские языки образуют один

Таблица 4

	Белор.	Болг.	В.-луж.	Макед.	Н.-луж.	Польск.	Русск.	Схрв.	Словацк.	Словен.	Ст.-сл.	Укр.	Чеш.
Белор.	6	4	4	2	3	4	5	1	3	5	3	4	2
Болг.		6	2	4	3	4	3	3	3	5	5	2	2
В.-луж.			6	2	5	4	5	1	3	3	3	4	4
Макед.				6	3	4	3	5	5	3	5	2	4
Н.-луж.					6	5	4	2	2	2	4	3	5
Польск.						6	5	3	3	3	5	4	4
Русск.							6	2	4	4	5	5	3
Схрв.								6	4	2	4	3	3
Словацк.									6	3	4	3	3
Словен.										6	4	3	1
Ст.-сл.											6	3	3
Укр.												6	2
Чеш.													6

тип. Это показывает, что славянские языки образуют единство не только с генетической точки зрения, но и представляют собой один тип с точки зрения фонологической структуры слова в синхронном состоянии.

Однако это интересно для типологии славянских языков относительно неславянского языкового мира, но для задачи настоящей работы — типологии внутри славянских языков — представляется неудовлетворительным.

Для того, чтобы получить типы внутри славянских языков, необходимо представление о типе как такой группе элементов, члены которой связаны отношением максимальной близости, дополнить еще некоторым условием.

То, что 13 славянских языков различаются в пределах данной классификации по 6 признакам, причем каждый язык связан хотя бы с одним другим языком отношением близости по 5 признакам, означает, что каждая пара языков различается каким-нибудь новым, другим признаком (если бы этого не было, характе-

ристики некоторых языков совпали бы между собой). На ребрах графа (рис. 4) стоят цифры, указывающие, каким признаком различаются соответствующие два языка.

По этим цифрам видно, что сходство между языками, максимально похожими друг на друга, все время основывается на разных признаках.

Для интуитивного понимания типа характерно не только то, что сходство (число общих признаков) между входящими в тип элементами больше, чем сходство с не входящими в него элементами, но и то, что при этом элементы, образующие тип, выделяются из всех других тем, что

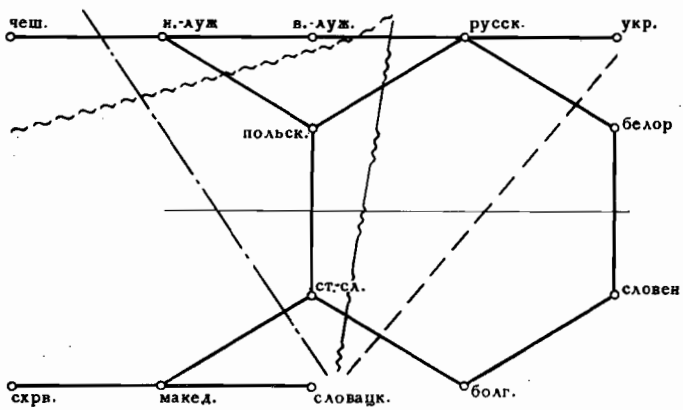

Рис. 4

они обладают хотя бы одним общим признаком в противоположность всем остальным. Поэтому вторым условием для образования типа здесь будет совпадение групп языков, образующих типы по отношению максимальной близости, с группами языков, получившимися в результате разбиения этого же множества языков по некоторому признаку.

Это значит, что для образования типа надо:

1. Провести рассечение графа (рис. 4), т. е. разделить его на две части так, чтобы в каждой из его частей любая вершина была соединена хотя бы с одной другой вершиной (каждый из подграфов должен быть связным).

На этом основании нельзя, например, разделить граф по линии точка—тире и выделить тип чешского, сербско-хорватского, македонского и словацкого языков, так как чешский язык будет представлен изолированной вершиной.

2. Из всех возможных рассечений выбрать только те, которые совпадают с разбиением множества языков по какому-либо из выделенных признаков. Другими словами — оставить на рис. 4

только такие рассечения, которые соответствуют линиям, обозначающим разбиения по признакам на рис. 1.

Поэтому, например, рассечение по зигзагообразной линии, не совпадающее ни с одним из разбиений, не будет считаться образующим языковый тип.

В соответствии с определенными выше условиями на графе выделяется: 1) область второго признака (чешский и лужицкие языки в противоположность всем остальным); 2) область третьего признака (белорусский, болгарский и словенский в противоположность всем остальным) и 3) область четвертого признака (лужицкие, чешский, польский, русский, украинский и белорусский в противоположность старославянскому, болгарскому, македонскому, сербско-хорватскому, словенскому и словацкому языкам).

Тип, образуемый вторым признаком в отрицательном значении, является подтипом типа по четвертому признаку.

Типы, образуемые третьим и четвертым признаками, взаимно независимы. Но можно ли считать эти два признака равноценными в типологическом отношении ? Уже давно установилась традиция, согласно которой более важным в типологическом отношении признаком считается тот, который влечет за собой наибольшее количество других признаков [79]. При таком подходе в явно преимущественном положении оказывается третий признак, так как он предсказывает минус по первому, плюс по второму и минус по пятому признакам, т. е. если в славянском языке слово не может начинаться с сочетания RC, то слово в таких языках не может оканчиваться на звонкий согласный; структура слова с гласным в начале вполне допустима, в то время как структура слова без гласных в таких языках не представлена.

Четвертый же признак только в отрицательном значении предсказывает плюс по второму признаку, т. е., если в славянских языках структура слова с CR в конце недопустима, то в таких языках слово может начинаться с гласного.

Но при таком подходе настораживает то, что преимущество быть типологическим оказывается у тех признаков, которые характеризуются меньшим распределением. Признак, представляемый одним языком, окажется самым типологическим, так как он будет предсказывать все остальные признаки этого языка, т. е. максимально возможное число признаков внутри данной классификации.

При стремлении к образованию типа, оптимального по количеству входящих в него языков, естественно пренебречь количеством предсказываемых данным типообразующим признаком других признаков в пользу более симметричного распределения языков по данному признаку.

---

[79] R. H. Robins. Linguistic comparison. «Linguistic comparison in South East Asia and Pacific». London, 1963.

С такой оговоркой двумя основными типами славянских языков будут типы, образуемые четвертым признаком, т. е. тип языков со структурой слова, допускающей в конце слова *CR*: лужицкие, чешский, польский, русский, белорусский и украинский и тип, в котором *CR* в конце слова недопустимо: старославянский, болгарский, македонский, сербско-хорватский, словенский и словацкий.

Однако показатель количества признаков, который влечет за собой данный типологический признак, достаточно значим для естественной классификации и интуитивной типологии, чтобы можно было от него отказаться. В действительности же здесь скрывается неточность, которая и вызывает это видимое противоречие: для типологического признака несущественно (или чем меньше, тем лучше) число предсказываемых признаков внутри данной системы и очень существенно число (и чем больше, тем лучше) предсказываемых признаков вне выбранной системы.

Проверка выделенных типов с точки зрения признаков вне принятой здесь системы признаков (совпадения лексических изоглосс, распространения определенных синтаксических конструкций, морфологических систем, сходства исторических процессов и т. д.) выходит за рамки настоящей работы. Можно только отметить довольно близкое совпадение с классификацией славянских языков на северную и южную группу с точки зрения протекания ряда исторических процессов, на которое указывает Р. Нахтигаль [80].

В заключение необходимо сделать два замечания.

1) Выбранные признаки относятся к параметрам «чистой структуры», т. е. они могут быть выделены как в процессе анализа, так и в процессе синтеза и потому здесь берутся безотносительно к процедурам синтеза или анализа [81].

2) Полученные типы относятся к генерализующим типам. Пока не выявлены все характеристики фонологического уровня языка, существенные для типологического анализа, пока нет гипотез относительно связи и взаимодействия этих характеристик, строить идеальные типы представляется преждевременным.

Но, как отмечает К. Хемпель [82], путь к выявлению таких характеристик неизбежно проходит через образование генерализующих типов.

---

[80] R. Nahtigal. Указ. соч., стр. 113.

[81] Вяч. Иванов, Ю. К. Лекомцев. Проблемы структурной типологии. «Лингвистическая типология и восточные языки». М., 1965, стр. 25.

[82] C. G. Hempel. Aspects of scientific explanation. N. Y., 1965, стр. 155—167.

Т. П. Ломтев

СТРУКТУРА ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ КАК ВЫРАЖЕНИЕ СТРУКТУРЫ ПРЕДИКАТА

В качестве основной предпосылки теории структуры предложения принята концепция метода отношения именования и логика предикатов [1].

«Предложение рассматривается как имя. Его семантика состоит из некоторого информационного содержания и способа его задания. Информационное содержание есть предмет, по отношению к которому предложение есть имя. Способ задания некоторого информационного содержания есть предикат, по отношению к которому предложение есть выражение. Предикат представляет собою множество предикатных предметов, связанных определенными отношениями» [2].

Предикат *а любит b* содержит два предмета и некоторое отношение между ними. Предикат *а гордится b* также содержит два предмета, но отношение между ними имеет другой характер. Предикат *а — добр* содержит один предмет и его некоторое свойство. Различаются предикаты одноместные, двухместные и вообще n-местные, которые связывают некоторым отношением один, два и вообще n предикатных предметов. Отношения между предикатными предметами имеют разнообразный характер.

Любые отношения между предикатными предметами описываются с помощью бинарных отношений. Все бинарные отношения разделяются на два класса: отношения тождества и отношения различия. Отношения тождества имеют вид aRa, bRb и т. п., где R — отношение тождества предмета самому себе. Отношения различия имеют вид aRb, aRc, bRc и т. п., где R — отношение различия между разными предметами.

---

[1] П. С. Новиков. Элементы математической логики. М., 1952; А. Черч. Введение в математическую логику. М., 1960; Р. Карнап. Значение и необходимость. М., 1959.

[2] Т. П. Ломтев. Структура предложения как выражения отношений между предикатными предметами. «Проблемы языкознания. Доклады и сообщения сов. ученых на X Междунар. конгрессе лингвистов». М., 1967, стр. 172.

В предикате *a есть a* устанавливается тождество предмета самому себе, а в предикате *a больше b* — различие между предметами *a* и *b*.

Понятия информационного содержания и предиката строго различаются: одно информационное содержание может быть задано разными предикатами. Предикаты *Он пообедал* и *Он съел обед* являются разными предикатами, хотя они содержат одну информацию: первый предикат является одноместным, а второй — двухместным.

Предикат содержит только предикатные предметы и их отношения, а предложение — только имена предикатных предметов и имена их отношений. Все элементы словесной организации предложения должны обладать свойством вхождения либо в имя предикатного предмета, либо в имя их отношений.

Именами предикатных предметов являются субстантивные имена и некоторые другие формы, а именами отношений между предикатными предметами — личные формы глагола или личные формы глагола в сочетании с инфинитивом и некоторые другие формы.

В дальнейшем изложении предикаты мы будем записывать с прописной буквы, а само выражение выделять курсивом, напр. *Сосна есть дерево*; предложение, выражающее данный предикат, мы будем записывать с прописной буквы, а само выражение — брать в кавычки, напр. «*Сосна есть дерево*».

Для символического представления структуры предиката и предложения вводим переменные четырех классов, т. е. переменные, которые принимают значение из области:

a_1 предикатных предметов,
a_2 отношений предикатных предметов,
b_1 имен предикатных предметов,
b_2 имен отношений предикатных предметов.

Предикатные предметы обозначаем малыми буквами латинского алфавита a, b, c, d и др. Эти символы принимают значение из области предикатных предметов данного предиката. Указанные символы будем называть предметными переменными, т. е. переменными, которые принимают значения из области предикатных предметов.

Предметные переменные разных классов отмечаются индексами a_1, a_2, a_3 и т. п., b_1, b_2, b_3 и т. п. Имена предикатных предметов обозначим буквой n с индексами n_1, n_2, n_3, n_4, n_5, n_6. Эти символы принимают значение из области падежных форм и имен, которые являются именами предикатных предметов: n_1 — им. п., n_2 — род. п., n_3 — дат. п., n_4 — вин. п., n_5 — тв. п., n_6 — местн. п.

Перечисленные символы будем называть предметно-номинативными переменными, т. е. переменными, которые принимают

значения из области падежных и предложно-падежных форм как имен предикатных предметов.

Бинарные отношения предикатных предметов любого предиката мы будем обозначать буквой P. Различие бинарных отношений в разных предикатах будем обозначать буквой P с индексами: P_1, P_2, $P_3 \ldots P_n$. Символы P, P_1, P_2, $P_3 \ldots P_n$ будем называть предикатными переменными, т. е. переменными, которые принимают значение из области отношений между предикатными предметами.

Имена отношений мы будем обозначать буквой V или буквой V с добавлениями, например V_0, Vi, Vs, Vd и др. Эти символы мы будем называть предикатно-номинативными переменными, т. е. переменными, которые принимают значения из области имен отношений между предикатными предметами.

Предикат, представляя собою определенное отношение между предикатными предметами, содержит строго определенное количество предикатных предметов. В данных отношениях не может быть ни больше, ни меньше предикатных предметов. Если устраняется предикатный предмет из некоторого предиката, то изменяется и отношение между предметами.

Предикат с этими новыми отношениями является другим предикатом. Предикат *Мальчик читает букварь* является двухместным; он задает некоторое отношение между первым и вторым предикатными предметами. Но возможен предикат с отсутствием второго предикатного предмета: *Мальчик читает*. Это не тот же, а другой предикат, в первом связываются два предикатных предмета некоторым отношением, во втором связывается один предмет свойством умения читать.

Количество предикатных предметов и природа отношений между ними в предикате неразрывно связаны. В предикате не может быть некоторых отношений, если нет предметов в данных отношениях; не может быть предикатных предметов, если нет некоторых отношений между ними: нельзя ввести в предикат новый предмет без того, чтобы не изменились сами отношения, и наоборот: нельзя исключить предмет без того, чтобы не изменились сами отношения.

Однако наблюдения над предложениями показывают, что предложение может включать слово, обозначающее предмет, но может не включать его, а основное содержание этих предложений нам кажется тождественным. Мы можем сказать «*Мальчик сорвал лист*» и «*Мальчик сорвал лист с дерева*», и нам кажется, что наличие или отсутствие предложного сочетания «*с дерева*», которое является именем предмета в предикате, не изменяет основного содержания предложения. Возникает соблазн сделать умозаключение о том, что указанный предикатный предмет является свободным предметом в предикате. Он может быть в предикате, но может и не быть в его составе. Тем не менее природа предиката

остается неизменной. Однако такое умозаключение находилось бы в противоречии с исходной предпосылкой: без предметов нет отношений, без отношений нет предметов.

Каждый предикат может связывать и связывает только необходимые предикатные предметы, и никаких других предикатных предметов он не допускает в свой состав. Из этого следует, что в составе предиката не может быть свободных предикатных предметов. В его составе могут быть только необходимые предикатные предметы, без которых не может существовать и само отношение.

Из того факта, что отношения между *мальчиком* и *листом* остаются в предикате неизменными, независимо от того, есть ли в составе предиката предикатный предмет *с дерева* или его нет, мы делаем не тот вывод, что указанный предикатный предмет является свободным в данных отношениях, а тот вывод, что он является необходимым предикатным предметом в другом отношении, что данный предикат является совмещенным: он соединяет в себе два разных предиката, два разных отношения[3].

Предложение «*Мальчик сорвал лист с дерева*» мы рассматриваем как выражение совмещенного предиката, в котором сливаются два предиката. Один из них является двухместным; он связывает два предикатных предмета отношением преобразования предмета: *Мальчик сорвал лист*. В этом предикате заданы те же отношения, которые мы наблюдаем в предикатах *Мальчик разорвал лист*, *Мальчик рассматривал лист* и т. п.

Другой предикат является трехместным. Он связывает три предикатных предмета отношением отделения, или отчуждения одного предмета от другого; он задает лицо, которое отделяет, предмет, который отделяется, и предмет, от которого происходит действие отделения: *Мальчик сорвал лист с дерева*. В этом предикате заданы те же отношения, которые мы наблюдаем в предикатах *Мальчик отобрал игрушку у сестры*, *Мальчик оторвал доску от забора* и т. п.

Совмещенный предикат обозначают и предложения типа «[*Екатерина Ивановна*] *восхищала его своею свежестью*» (Чехов. Ионыч); первый предикат представляет собою отношения внушения чувств одним лицом другому: *Она восхищала его*; второй предикат представляет собою отношения обладания: *Она обладала*

---

[3] А. В. Исаченко в статье «Трансформационный анализ кратких и полных прилагательных» говорит о скрещении двух или нескольких предложений (см. «Исследования по структурной типологии». М., 1963, стр. 68—75).

Ср.: «Современная лингвистическая теория проводит строгую грань между так называемой поверхностной структурой, т. е. отрезком текста, поддающимся непосредственному наблюдению, и так называемой глубинной структурой, лежащей в основе данного отрезка текста. Задача лингвиста состоит в раскрытии глубинной структуры на основании анализа поверхностной структуры» (А. В. Исаченко. О грамматическом порядке слов. — ВЯ, 1966, № 6, стр. 27).

свежестью. Семантический предмет *свежесть* является членом данного отношения, т. е. отношения «*обладать*»; в отношении внушения чувств он не является предметом, но представляет собою условие осуществления отношения между первым и вторым лицом, т. е. условием осуществления внушения чувств одним лицом другому.

Большинство предложений живого языка выражают совмещенные предикаты. Предложение «*Мы производим брикеты из торфа*» выражает совмещенный предикат, из них один является двухместным: *Мы производим брикеты*, а другой — трехместным: *Мы получаем брикеты из торфа*. Исключение предложно-падежного средства «*из торфа*» устраняет трехместный предикат, и предложение «*Мы производим брикеты*» становится выражением одного двухместного предиката. Включение предложно-падежного средства «*из торфа*» в предложение вводит другой трехместный предикат и предложение «*Мы производим брикеты из торфа*» становится выражением совмещения двух предикатов: двухместного и трехместного.

Предложения «*Мать сварила кашу из пшена*» и «*Мать сварила кашу сыну*» выражают совмещенные предикаты разного характера. В первом случае совмещается двухместный предикат — *Мать сварила кашу* и трехместный предикат — *Мать получила кашу из пшена*. Во втором случае совмещается двухместный предикат — *Мать сварила кашу* и двухместный предикат — *Мать должна дать сыну кашу* или *Сыну необходимо иметь кашу*.

В настоящем сообщении мы рассмотрим только один вопрос — вопрос о структуре предложений с прямым и обратным направлением отношений между предикатными предметами.

Как отмечено было выше, предикат устанавливает свойства данных предикатных предметов в данных отношениях. В построении предложений, обозначающих тот или иной предикат, отражаются свойства предикатных предметов. Предикатные предметы, обладающие разными свойствами, именуются разными формами имен. Так, в предложении «*Ученый пишет книгу*» именем предикатного предмета *книга* является форма винительного падежа «*книга*» — «*книгу*», а в предложении «*Ученый говорит о книге*» именем предикатного предмета *книга* — форма предложного падежа того же имени — «*о книге*». Это различие в формах имен предикатных предметов с разными свойствами характеризует различия в структуре предложений, выражающих разные предикаты. Как видим, свойства предикатных предметов имеют свое отражение в структуре предложения. Свойства предикатных предметов задаются их отношением: отношение «*производить*» задает один предмет как производящее лицо, а другой предмет как производимый предмет, ср. «*Ювелир делает брошь*». Отношение между предикатными предметами имеет направление в раскрытии свойств предикатных предметов. В предложении «*Ваша работа*

интересует нас» раскрытие свойств предикатных предметов начинается с установления свойств предикатного предмета, названного именем «*ваша работа*». В предложении «*Мы интересуемся вашей работой*» раскрытие свойств тех же предикатных предметов начинается с установления свойств предикатного предмета, названного местоимением «*мы*».

Предикатные предметы, отношение между которыми задается данным предикатом, выполняют разную роль в структуре предиката: одни из них являются исходными, они представляют собою точку отсчета в построении отношений между предикатными предметами одного предиката и в выявлении их свойств; другие из них являются последующими; их свойства устанавливаются по отношению к исходному предикатному предмету.

В построении предложений, обозначающих тот или иной предикат, отражаются исходный или последующий характер предикатных предметов.

Так, в предложении «*Мать любит сына*» исходным предикатным предметом является лицо *мать*, а его именем — форма именительного падежа имени «*мать*». В том же предложении последующим предикатным предметом является лицо *сын*, а его именем — форма винительного падежа имени «*сын*»: «*сына*».

В предложении «*Сын любим матерью*» исходным предикатным предметом является лицо *сын*, а его именем — форма именительного падежа имени «*сын*». В том же предложении последующим предикатным предметом является лицо *мать*, а его именем — форма творительного падежа имени «*мать*»: «*матерью*».

Как видим, наличие исходных и последующих предикатных предметов в структуре предиката и их отношений находят свое отражение в структуре предложения, т. е. в структуре имен предмета и их отношений.

Как указано было выше, отношения между предикатными предметами, выявляя их свойства, имеют направление от одного предмета к другому.

Рассмотрим свойства предикатных предметов с точки зрения направления отношений между ними в предикате.

Субъектно-предикатная концепция содержания высказывания выделяет из множества предметов, к которым относится высказывание, один предмет, который объявляется субъектом, относительно которого имеет место некоторое высказывание. Утверждается, что «мысль всегда направлена на один предмет или на одну их совокупность, т. е. объект мысли всегда только один» [4]. Реляционная концепция содержания высказывания не выделяет из множества предметов, к которым относится высказывание,

---

[4] В. Н. Мороз. Доклад о напечатанных работах, представленных для соискания ученой степени доктора филологических наук. Ташкент, 1965, стр. 35.

одного предмета, она исходит из предпосылки, что в данном отношении все предметы равноправны.

С точки зрения первой концепции предикаты *a больше b* и *b меньше a* принципиально отличаются друг от друга, так как в первом случае имеет место высказывание о предмете *a*, а во втором случае — о предмете *b*. С точки зрения второй концепции предикаты *a больше b* и *b меньше a* принципиально не различаются, так как отношения между предметами сохраняются одинаковыми, но знак отношения «больше» изменяется на конверсный знак «меньше».

В нашей концепции предикат, устанавливая отношения и свойства предикатных предметов, устанавливает, кроме того, исходный предмет, который является точкой отсчета в построении отношений и свойств предметов.

В каждом предикате только один предикатный предмет является исходным. Он является точкой отсчета, начальной точкой, от которой начинается установление свойств предметов и их отношений. Все другие члены отношений обладают свойствами, которые раскрываются в их отношениях с исходным предметом.

Возьмем предикаты *a пишет b* и *b пишется a*, ср. «*Автор пишет книгу*» и «*Книга пишется автором*». В этих предикатах предикатные предметы тождественны: *автор* и *автор*, *книга* и *книга*, тождественны их свойства в предикате: в обоих предикатах предмет *a* является производящим лицом, а предмет *b* — производимым предметом. Но в первом предикате производящее лицо является одновременно и исходной точкой отсчета, а свойство производимого предмета определяется относительно производящего лица: *Автор пишет книгу*.

Во втором предикате исходной точкой отсчета является производимый предмет, а свойство производящего лица определяется относительно свойства производимого предмета: *Книга пишется автором*.

Различие между исходным и последующим предикатным предметом отражается в структуре предложения.

Имя исходного предикатного предмета может принимать форму именительного падежа, например: «*Писатель пишет книгу*» или «*Книга пишется писателем*». Предложения, в которых имя исходного предикатного предмета имеет форму именительного падежа, мы будем называть номинативными.

В классе номинативных предложений будем различать прямые и конверсные предложения. Структура прямых номинативных предложений выражает предикаты с прямым направлением отношений предикатных предметов. Структура конверсных номинативных предложений выражает предикаты с конверсным направлением отношений предикатных предметов.

Имя исходного предикатного предмета может принимать форму

дательного падежа, например: «*Ему хочется иметь хорошую ручку*», ср. «*Он хочет иметь хорошую ручку*». Предложения, в которых имя исходного предикатного предмета имеет форму дательного падежа, мы будем называть дативными.

Структура предложений славянских языков в рассматриваемом отношении более или менее тождественна. Во всех славянских языках исходный предикатный предмет может обозначаться формою именительного падежа имени, ср. «*Ломоносов был великий писатель*». Что касается употребления личных местоимений в качестве имен исходных предикатных предметов, то русский язык в этом отношении значительно отличается от ряда других славянских языков. В русском языке личные местоимения свободно употребляются в структуре предложения в качестве имен исходных предикатных предметов, например: «*Я читаю книгу*», «*Ты читаешь книгу*», «*Он читает книгу*» и т. п. В польском, чешском и некоторых других славянских языках личные местоимения в указанной позиции не употребляются, ср.: польск. «*Już się od godziny wyczekuję*» 'Я жду тебя уже час', «*Zaśmiał się*» 'Он рассмеялся'.

Однако отсутствие личных местоимений в структуре предложения в качестве имен исходных предикатных предметов не означает ни отсутствия самих исходных предикатных предметов — в данном случае грамматических лиц, — ни позиции для их имен. Если именами являются не личные местоимения, то они имеют место в структуре предложения, ср.: «*Brat zaśmiał się*» 'Брат рассмеялся'.

Во всех славянских языках, сохраняющих падежные формы, исходный предикатный предмет может обозначаться формою дат. п., напр.: «*Брату хочется помочь сестре*», ср. в чеш. «*A jak lehce a dobře u něho pracovalo i žilo*» 'А как легко и хорошо людям работалось и жилось около него'.

Дативную структуру предложения мы находим в сербскохорватском языке, ср.: «*Милану се једе*». В отношении использования дательного падежа для обозначения исходного предикатного предмета балтийские языки примыкают к славянским языкам, ср. лит. «*Man noris*» 'Мне хочется', латыш. «*Man gribas ēst*» 'Мне хочется есть' и т. д.

Структура предложения в европейских языках в отличие от структуры предложения в славянских языках характеризуется использованием форм именительного падежа в тех случаях, когда славянские языки могут использовать дат. п., напр.: англ. «*I must go*» 'Мне нужно идти', «*I am unwell*» 'Мне нездоровится', «*You must an injection made*» 'Вам нужно сделать укол', нем. «*Ich muss*» 'Мне необходимо', «*Ich darf*» 'Мне можно' и т. п.

Структура номинативных предложений, выражающих предметы с прямым и обратным направлением отношений, имеют строго соотносительный характер.

Ниже мы рассмотрим структуру предложений, выражающих трехместные предикаты.

В таких предикатах могут быть конверсные отношения исходного предикатного предмета с первым последующим и вторым последующим предикатными предметами. Так, в предикатах передачи передающее лицо является исходным предикатным предметом, оно предполагает еще два последующих предикатных предмета: лицо, которому передают, и предмет, который передается. Если в предикате имеется два последующих предикатных предмета, то они различаются по способам связи с исходным предикатным предметом: один из них связан с исходным предикатным предметом непосредственно, а другой — опосредованно. В предикате *Мать подарила сыну книгу* предикатный предмет *книгу* имеет непосредственную связь с исходным предикатным предметом *мать*. Они связываются отношением действия, производимого исходным предикатным предметом. Предикатный предмет *сыну* опосредованно связан с исходным предикатным предметом: они связываются на почве осуществления отношения действия отчуждения предмета *книги* от лица *мать*.

Последующий предикатный предмет, который имеет непосредственную связь с исходным предикатным предметом, мы будем называть первым последующим предикатным предметом. Последующий предикатный предмет, который имеет опосредованную связь с исходным предикатным предметом, мы будем называть вторым последующим предикатным предметом.

В трехместных предикатах имеется три предикатных предмета — a, b и c и три бинарных отношения различия $ab(r)$, $ac(r)$ и $bc(r)$.

Каждый из трех предикатных предметов может быть исходным. Это делает возможным три варианта построения бинарных отношений в предикате; могут быть построения, содержащие в качестве исходного предмета или a, или b, или c. Кроме того, каждый исходный предмет может быть связан двумя способами с двумя последующими предикатными предметами. Первым последующим предикатным предметом, который входит в непосредственную связь с исходным предикатным предметом, может быть либо предикатный предмет b — тогда предикатный предмет c является вторым последующим, который входит в опосредованную связь с исходным предметом a, — либо предикатный предмет c, тогда предикатный предмет b является вторым последующим, который входит в опосредованную связь с исходным предикатным предметом a. Это делает возможным шесть вариантов построения бинарных отношений в трехместном предикате. В этих шести вариантах построения бинарных отношений каждая пара имеет свою конверсию.

Прямое отношение $ab\ (r)$ может иметь конверсную форму отношения $ba\ (r)$. Прямое отношение $ac\ (r)$ может иметь конверс-

ную форму *ca* (*r*), а прямое отношение *bc* (*r*) — конверсную форму *cb* (*r*).

Шесть возможных вариантов построения бинарных отношений в трехместном предикате делают возможным шесть типов построения структуры предложения как выражения разных структур предиката. Одну из структур построения трех бинарных отношений в трехместном предикате мы будем считать первичной, а структуру предложения, выражающего этот предикат, —первичной структурой.

Так, отношения между предикатными предметами в предикате, который выражается предложением «*Брат подарил сестре книгу*», мы будем считать первичным и поэтому и структура указанного предложения должна считаться первичной. В этом предикате формула отношения предикатных предметов имеет следующий вид: a*b* (*r*)—*ac* (*r*)—*bc* (*r*). Сформулируем правила первого способа построения бинарных композиций: Первая пара *ab* (*r*) выражает отношение исходного предикатного предмета *a* (*брат*) к первому последующему предикатному предмету *b* (*книга*); вторая пара *ac* (*r*) выражает отношение исходного предикатного предмета *a* (*брат*) ко второму последующему предмету *c* (*сестра*); третья пара *bc* (*r*) выражает отношение первого последующего предикатного предмета *b* (*книга*) ко второму последующему предикатному предмету *c* (*сестра*).

Описанные здесь бинарные отношения в трехместном предикате можно выразить с помощью следующего графа, в котором стрелки указывают направление отношений, а индексы 1 и 2 являются знаками первого и второго последующего предикатного предмета:

$$\begin{tikzcd} b_1 \arrow[rr] & & c_2 \\ & a \arrow[ul] \arrow[ur] & \end{tikzcd}$$

Запись вида *ab (r)—ac (r)—bc (r)* мы будем называть формулой бинарных отношений в трехместном предикате.

Второй способ построения отношений в трехместном предикате соотносится с первым и содержит конверсию отношений *ab (r)* : *ab (r)* → *ba (r)*. В этом построении исходным становится предикатный предмет *b*, бывший первым последующим, а первым последующим — предмет *a*, бывший исходным.

Другие два бинарных отношения строятся по установленному правилу: вторая пара имеет вид *bc* (*r*) и выражает отношение исходного предикатного предмета *b* ко второму последующему предикатному предмету, каким становится предмет *c*; третья пара имеет вид *ac* (*r*) и выражает отношение первого последующего предикатного предмета *a* ко второму последующему предмету *c*. Формула этого способа построения бинарных отношений имеет вид: *ba* (*r*)—*bc* (*r*)—*ac* (*r*).

Описанные здесь бинарные отношения можно представить в форме следующего графа:

$$\begin{tikzcd} a_1 \arrow[rr] & & c_2 \\ & b \arrow[ul] \arrow[ur] & \end{tikzcd}$$

Третий способ построения бинарных отношений в трехместном предикате содержит конверсию отношений $bc\ (r) \rightarrow cb\ (r)$. Она вызвана заменой в отношении $ab\ (r)$ предмета b предметом c: $ac\ (r)$. В этом построении предмет a остается исходным, но первым последующим становится предмет c, бывший вторым последующим: $ab\ (r) \rightarrow ac\ (r)$. Другие две пары строятся по установленному правилу: вторая пара имеет вид $ab\ (r)$ и выражает отношение исходного предикатного предмета a ко второму последующему, каким стал предмет b; третья пара имеет вид $cb\ (r)$ и выражает отношение первого последующего предикатного предмета c ко второму последующему предмету b. В результате этого и образуется конверсия $bc\ (r) \rightarrow cb\ (r)$. Формула построения этого способа построения бинарных отношений имеет вид: $ac\ (r) - ab\ (r) - cb\ (r)$.

Описанные здесь бинарные отношения могут быть представлены в виде следующего графа:

$$\begin{tikzcd} c_1 \arrow[rr] & & b_2 \\ & a \arrow[ul] \arrow[ur] & \end{tikzcd}$$

Четвертый вариант построения бинарных отношений в трехместном предикате соотносится с третьим и содержит конверсию отношения $ac\ (r) \rightarrow ca\ (r)$. В этом построении исходным становится предикатный предмет c, а первым последующим — предикатный предмет a.

Другие два бинарных отношения строятся по общему правилу: вторая пара имеет вид $cb\ (r)$ и выражает отношение исходного предикатного предмета c ко второму последующему предикатному предмету b; третья пара имеет вид $ab\ (r)$ и выражает отношение первого последующего ко второму последующему предикатному предмету. Формула этого способа построения бинарных отношений имеет вид: $ca\ (r) - cb\ (r) - ab\ (r)$.

Описанные здесь бинарные отношения в трехместном предикате можно представить в виде следующего графа:

$$\begin{tikzcd} a_1 \arrow[rr] & & b_2 \\ & c \arrow[ul] \arrow[ur] & \end{tikzcd}$$

Пятый вариант построения бинарных отношений в трехместном предикате содержит конверсию $ab\ (r) \rightarrow ba\ (r)$ и $ac\ (r) \rightarrow ca\ (r)$. Эти конверсии вызваны тем, что исходным становится предикатный предмет b, а первым последующим — предикатный предмет

c: bc (r). Другие две пары строятся по общему правилу: вторая пара имеет вид ba (r) и выражает отношение исходного предикатного предмета b к первому последующему, которым становится предикатный предмет a; третья пара имеет вид ac (r) и выражает отношение первого последующего ко второму последующему предикатному предмету. В результате образуются конверсии: ab $(r) \rightarrow ba$ (r) и ac $(r) \rightarrow ca$ (r). Формула этого способа построения бинарных отношений имеет вид: bc (r) $-ba$ $(r)-ca$ (r).

Описанные здесь бинарные отношения могут быть представлены в форме следующего графа:

$$\begin{tikzcd} c_1 \arrow[rr] & & a_2 \\ & b \arrow[ul] \arrow[ur] & \end{tikzcd}$$

Шестой вариант построения бинарных отношений в трехместном предикате соотносится с пятым и содержит конверсию отношения bc $(r) \rightarrow cb$ (r). В этом построении исходным становится предикатный предмет c, а первым последующим — предикатный предмет b. Другие два бинарных отношения строятся по общему правилу: вторая пара имеет вид ca (r) и выражает отношение исходного предикатного предмета c к первому последующему предикатному предмету b; третья пара имеет вид ba (r) и выражает отношение первого последующего ко второму последующему предикатному предмету. Формула этого способа построения бинарных отношений имеет вид: cb $(r)-ca$ $(r)-ba$ (r).

Описанные здесь бинарные отношения в трехместном предикате можно представить в виде следующего графа:

$$\begin{tikzcd} b_1 \arrow[rr] & & a_2 \\ & c \arrow[ul] \arrow[ur] & \end{tikzcd}$$

Представим все варианты отношений в трехместном предикате и их графы в форме таблицы (табл. 1).

В табл. 1 имеется три столбца: в первом записывается бинарное отношение исходного предикатного предмета к первому последующему предикатному предмету; во втором записывается бинарное отношение исходного предикатного предмета ко второму последующему предикатному предмету; в третьем записывается бинарное отношение первого последующего ко второму последующему предикатному предмету.

В шести горизонтальных строках таблицы представлена программа построения шести структурных типов предложений; здесь выражены одни и те же бинарные отношения с прямым и обратным направлением. Эти выражения мы будем называть формулами бинарных отношений в трехместном предикате.

Мы рассмотрим сначала предложения, выражающие трехместные предикаты передачи.

Таблица 1

Формулы бинарных отношений в трехместном предикате и их графы

№ п/п	Формулы			Графы
1	$ab(r)$	$ac(r)$	$bc(r)$	$b_1 \to c_2$, a
2	$ba(r)$	$bc(r)$	$ac(r)$	$a_1 \to c_2$, b
3	$ac(r)$	$ab(r)$	$cb(r)$	$c_1 \to b_2$, a
4	$ca(r)$	$cb(r)$	$ab(r)$	$a_1 \to b_2$, c
5	$bc(r)$	$ba(r)$	$ca(r)$	$c_1 \to a_2$, b
6	$cb(r)$	$ca(r)$	$ba(r)$	$b_1 \to a_2$, c

В качестве первичных предикатов мы принимаем те из них, в которых исходным является предикатный предмет, осуществляющий действие передачи. Структура предложений, выражающих предикаты передачи, имеет номинативно-аккузативно-дативный характер. Формула структуры предложения имеет вид:

$$a(n_1) \quad P(V) \quad b(n_4) \quad c(n_3)$$

В этих предложениях исходный предикатный предмет a обозначается именительным падежом имени, первый последующий предикатный предмет b — винительным падежом имени, второй последующий предикатный предмет c — дательным падежом, а отношение между ними P — глаголами типа *дать*, *передать*, *подарить* и т. п.

Трехместные предикаты передачи осуществляют при наличии в составе предиката двух предикатных предметов, являющихся лицами, и одного предикатного, являющегося не-лицом. Например: «*Брат подарил сестре книгу*»; «*Отец завещал сыну наследство*»,

«Отец дал воспитание дочери»; *«Брат оказал помощь сестре»*, *«Отец дал денег сыну»* и т. п.

Кроме одного первичного предложения, структура которого описана выше, имеется пять других структурных типов предложений, каждый из которых имеет конверсию одного из трех бинарных отношений.

Первая формула (табл. 1) имеет вид: $ab\ (r)—ac\ (r)—bc\ (r)$. Эта формула программирует построение отношений между предикатами a и b как исходным и последующим первым: $a\ (n_1)\ P\ (V)\ b\ (n_2)\ c\ (n_3)$. Ср.: *«Брат подарил книгу сестре»*, *«Мы дали ему денег»* и т. д.

Вторая формула (табл. 1) имеет вид: $ba\ (r)—bc\ (r)—ac\ (r)$. Эта формула программирует построение конверсного отношения между предметами a и b: $ab\ (r) \rightarrow ba\ (r)$. Ср.: *Лицо a подарило предмет b → Предмет b подарен лицом a*. Она задает такое отношение между предметами, при котором первый последующий предмет b (*книга*) становится исходным, а исходный предмет a (*брат*) — первым последующим: $b\ (n_1)\ P\ (V_0Pr)\ a\ (n_5)\ c\ (n_3)$. Ср.: *Книга подарена братом сестре*.

Преобразование формулы бинарных отношений и формулы структуры исходного предложения можно представить в следующей записи:

$$\downarrow \quad \begin{array}{l} ab\,(r) — ac\,(r) — bc\,(r) : a\,(n_1) \quad P\,(V) \quad b\,(n_4) \quad c\,(n_3) \\ ba\,(r) — bc\,(r) — ac\,(r) : b\,(n_1) \quad P\,(V_0Pr) \quad a\,(n_5) \quad c\,(n_3) \end{array}$$

Третья формула (табл. 1) имеет вид: $ac\ (r)—ab\ (r)—cb\ (r)$. Эта формула бинарных отношений связывает исходный предикатный предмет a (*брат*) с первым последующим, которым становится предмет c (*сестра*), ср.: *Лицо a наградило лицо c*. В связи с этим происходит конверсия отношения b и c: $bc\ (r) \rightarrow cb\ (r)$. В первичном отношении $bc\ (r)$ связываются предмет b (*книга*) и предмет c (*сестра*) как получаемое с получателем, причем передаваемый предмет b (*книга*) находится в непосредственной связи с исходным предикатным предметом a (*брат*), а предикатный предмет c (*сестра*) — в опосредованной связи. В прямом отношении $bc\ (r)$ (= *подарил книгу сестре*) первым последующим предметом является b (*книга*), а вторым — c (*сестра*). В этом предложении предмет b (*книга*) обозначается формою вин. п. — n_4, а предмет c (*сестра*) — формою дат. п. — n_3, ср.: (*подарил*) *книгу сестре*. При построении конверсии $bc\ (r)$ мы получаем отношение $cb\ (r)$ (= *наградил сестру книгой*). В конверсном построении между последующими предикатными предметами $cb\ (r)$ в непосредственную связь с исходным предикатным предметом вступает предикатный предмет c (*сестра*), в опосредованную — предмет b (*книга*). Это значит, что первым последующим становится предмет c (*сестра*), а вторым последующим — предмет b (*книга*).

При таком преобразовании отношений между последующими предикатными предметами преобразуется и структура предложения. В нем сохраняется имя (т. е. форма имени) только исходного предикатного предмета, поскольку его место в системе отношений предикатных предметов остается неизменным. Имя отношения, т. е. глагол заменяется другим, причем эта замена сопровождается заменою формы дат. п. имени *сестра*, которое обозначает предмет *c*, формою вин. п., а формы вин. п. имени *книга*, которое обозначает предмет *b*, формою тв. п., ср.: «*Брат подарил сестре книгу*» → «*Брат наградил сестру книгой*».

Другие примеры аналогичного типа: «*Командир вручил бойцу орден*» → «*Командир наградил бойца орденом*», «*Учитель передал знания ученикам*» → «*Учитель обогащал учеников знаниями*».

Преобразование формулы бинарных отношений и формулы структуры исходного предложения можно представить в следующей записи.

$$\downarrow \quad \begin{array}{llll} ab\,(r) - ac\,(r) - bc\,(r) : a\,(n_1) & P\,(V) & b\,(n_4) & c\,(n_3) \\ ac\,(r) - ab\,(r) - cb\,(r) : a\,(n_1) & P\,(V) & c\,(n_4) & b\,(n_5) \end{array}$$

Четвертая формула (табл. 1) имеет вид: *ca* (*r*)—*cb* (*r*)—*ab* (*r*). Эта формула программирует построение конверсного отношения *ac* (*r*) → *ca* (*r*): *Лицо a наградило лицо c* → *Лицо c награждено лицом a*. Она задает такое отношение между предметами, в котором первый последующий предмет *c* (*сестра*) становится исходным, а исходный предмет *a* (*брат*) — первым последующим предикатным предметом.

В связи с этим происходит преобразование имен предикатных предметов и имен их отношений: предмет *c* (*сестра*), ставший исходным, получает имя в форме вин. п. (n_4), а предмет *a* (*брат*), ставший первым последующим, получает имя в форме тв. п. (n_5); имя второго последующего сохраняется (n_5). Имя отношений между предикатными предметами получает форму страдательного причастия: $c\,(n_1)\ P\,(V_0Pr)\ a\,(n_5)\ b\,(n_5)$; ср.: «*Братом сестра была награждена книгой*».

Данный порядок бинарных отношений существует в предикате; структура предложений, выражающих этот порядок бинарных отношений, не допускает контактного расположения двух творительных падежей, но допускает их дистантное расположение, напр.: «*В прошлом году вышеупомянутый командиром был награжден боец именными часами*».

Преобразование формулы бинарных отношений и формулы структуры последующего предложения можно представить в виде следующей записи.

$$\downarrow \quad \begin{array}{llll} ac\,(r) - ab\,(r) - cb\,(r) : a\,(n_1) & P\,(V) & c\,(n_4) & b\,(n_5) \\ ca\,(r) - cb\,(r) - ab\,(r) : c\,(n_1) & P\,(V_0Pr) & a\,(n_5) & b\,(n_5) \end{array}$$

Пятая формула (табл. 1) имеет вид: $bc\ (r)—ba\ (r)—ca\ (r)$. Эта формула программирует такое построение предиката, в котором первый последующий предикатный предмет b (*книга*) становится исходным, а второй последующий предмет c (*сестра*) — первым последующим; отношение $bc\ (r)$ означает: *предмет b получен лицом c*.

В связи с этим происходит преобразование имен предикатных предметов и имен их отношений: предмет b (*книга*), ставший исходным, получает имя в форме им. п. (n_1); предмет c (*сестра*), ставший первым последующим, получает имя в форме вин. п. (n_4); предмет a, ставший вторым последующим, получает имя в форме предложно-падежной конструкции *от*+род. п. (*от*+n_2); имя отношения между предикатными предметами получает форму страдательного причастия: $b\ (n_1)\ P(V_0Pr)\ c(n_5)\ a$(от n_2), ср.: «*Книга получена сестрой от брата*».

Преобразование формулы бинарных отношений и формулы структуры исходного предложения можно представить в форме следующей записи:

$$\left|\begin{array}{l} ab\,(r) — ac\,(r) — bc\,(r) : a\,(n_1) \quad P\,(V) \quad a\,(n_5) \quad c\,(n_3) \\ \downarrow bc\,(r) — ba\,(r) — ca\,(r) : b\,(n_1) \quad P\,(V_0Pr) \quad c\,(n_5) \quad a\ (\text{от}\ n_2) \end{array}\right.$$

Шестая формула (табл. 1) имеет вид: $cb(r)—ca\ (r)—ba\ (r)$. Эта формула программирует построение конверсного отношения между предметами b и c : $bc\ (r)\rightarrow cb\ (r)$. Ср.: *Предмет c получен лицом a→Лицо c получило предмет b*. Она задает такое отношение, в котором первый последующий предмет c (*сестра*) становится исходным, а исходный предмет b (*книга*) — первым последующим. В связи с этим происходит преобразование имен предикатных предметов и имен их отношений. Предмет c (*сестра*), ставший исходным, получает имя в форме им. п. (n_1), предмет b (*книга*), ставший первым последующим, получает имя в форме вин. п. (n_4), предмет a, остающийся вторым последующим, сохраняет свое имя, т. е. предложно-падежную форму; имя отношения получает форму изъявительного глагола: $c\ (n_1)\ P\ (V)\ b\ (n_4)\ a$ (от n_2), ср.: «*Сестра получила книгу от брата*».

Преобразование формулы бинарных отношений и формулы структуры предыдущего предложения можно представить в форме следующей записи:

$$\left|\begin{array}{l} bc\,(r) — ba\,(r) — ca\,(r) : b\,(n_1) \quad P\,(V_0Pr) \quad c\,(n_5) \quad a\ (\text{от}\ n_2) \\ \downarrow cb\,(r) — ca\,(r) — bc\,(r) : c\,(n_1) \quad P\,(V) \quad b\,(n_4) \quad a\ (\text{от}\ n_2) \end{array}\right.$$

Все эти шесть типов бинарных отношений между тремя предикатными предметами и шесть соответствующих структур предложения можно представить в виде таблицы (см. табл. 2).

Таблица 2

Типы бинарных отношений в трехместном предикате и соответствующие структурные типы предложения

№ п/п	Формулы бинарных отношений	Формулы структуры предложения и образцы предложений
1	$ab(r)—ac(r)—bc(r)$	$a(n_1)\ P(V)\ b(n_4)\ c(n_3)$ *Брат подарил сестре книгу*
2	$ba(r)—bc(r)—ac(r)$	$b(n_1)\ P(V_0Pr)\ a(n_5)\ c(n_3)$ *Книга подарена сестре братом*
3	$ac(r)—ab(r)—cb(r)$	$a(n_1)\ P(V)\ c(n_4)\ b(n_5)$ *Брат наградил сестру книгой*
4	$ca(r)—cb(r)—ab(r)$	$c(n_1)\ P(V_0Pr)\ b(n_5)\ a(n_5)$ *Братом сестра награждена книгой*
5	$bc(r)—ba(r)—ca(r)$	$b(n_1)\ P(V_0Pr)\ b(n_5)\ a$(от n_2) *Книга получена сестрой от брата*
6	$cb(r)—ca(r)—ba(r)$	$c(n_1)\ P(V)\ b(n_4)\ a$(от n_2) *Сестра получила книгу от брата*

Противоположностью трехместных предикатов передачи являются трехместные предикаты отчуждения, которые выражаются предложениями типа «*Отец отобрал у ребенка спички*».

Структура предложений, выражающих трехместные предикаты отчуждения, имеют номинативно-аккузативно-предложный характер; формула структуры предложения имеет вид: $a\ (n_1)\ P\ (V)\ b\ (n_4)\ c$ (у n_2). В этих предложениях исходный предикатный предмет a обозначается именительным падежом имени, первый последующий предикатный предмет b — винительным падежом имени, второй последующий предикатный предмет c — предложно-падежной формой у+род. п., т. е. у n_2, а отношение между ними P — глаголами типа *отобрать*, *отнять*, *взять* и т. п.

Трехместные предикаты отчуждения возможны только в том случае, если два предикатных предмета являются лицами, а один — не-лицом, напр.: *Отец отобрал спички у ребенка*; *Он взял деньги у знакомого*.

Эти предложения также имеют шесть соответствующих типов построения (мы приводим их в табл. 3).

Таблица 3

Типы бинарных отношений в трехместном предикате отчуждения и соответствующие структурные типы предложения

№ п/п	Формулы бинарных отношений	Формулы структуры предложения и образцы предложений
1	$ab(r)—ac(r)—bc(r)$	$a(n_1)\ P(V)\ b(n_4)\ c(\text{у}\ n_2)$ *Отец отнял спички у сына*
2	$ba(r)—bc(r)—ac(r)$	$b(n_1)\ P(V_0Pr)\ a(n_5)\ c\ (\text{у}\ n_2)$ *Спички были отняты отцом у сына*
3	$ac(r)—ab(r)—cb(r)$	$a(n_1)\ P(V)\ c(n_4)\ b(n_2)$ *Отец лишил сына спичек*
4	$ca(r)—cb(r)—ab(r)$	$c(n_1)\ P(V_0Pr)\ a(n_5)\ b(n_2)$ *Сын был лишен отцом спичек*
5	$bc(r)—ba(r)—ca(r)$	$b(n_1)\ P(V_0Pr)\ c(n_5)\ a(n_3)$ *Спички были отданы сыном отцу*
6	$cb(r)—ca(r)—ba(r)$	$c(n_1)\ P(V)\ b(n_2)\ a(n_3)$ *Сын отдал спички отцу*

В разных славянских языках состав бинарных отношений в рассмотренных предикатах одинаков, но формулы структуры соответствующих предложений значительно различаются. Не имея возможности рассмотреть все необходимые параллели из разных славянских языков, мы приведем только соответствующие структуры предложений чешского языка, выражающих трехместные предикаты отчуждения.

Приведенные сопоставления показывают, какие звенья в структуре русских и чешских предложений имеют общее и специфическое построение.

Формулы бинарных отношений могут быть основой для типологических исследований разносистемных языков.

Мы рассмотрели только некоторые структурные типы предложений, выражающих трехместные предикаты. Все эти и множе-

Таблица 4

Типы бинарных отношений в трехместном предикате отчуждения и соответствующие структурные типы предложений

(на материале русского и чешского языков)

№ п/п	Формулы бинарных отношений в русском и чешском языках	Формулы структуры предложений и образцы предложений
1	$ab(r)—ac(r)—bc(r)$	Русск. $a(n_1)$ $P(V)$ $b(n_4)$ c(у n_2) Чеш. $a(n_1)$ $P(V)$ $b(n_4)$ $c(n_3)$ *Отец отнял спички у сына* *Otec vzal synovi zápalky*
2	$ba(r)—bc(r)—bc(r)$	Русск. $b(n_1)$ $P(V_0Pr)$ $a(n_5)$ c(у n_2) Чеш. $b(n_1)$ $P(V_0Pr)$ $a(n_5)$ $c(n_3)$ *Спички отняты отцом у сына* *Zápalky jsou otcem vzaty synovi*
3	$ac(r)—cb(r)—cb(r)$	Русск. $a(n_1)$ $P(V)$ $c(n_3)$ $b(n_2)$ Чеш. $a(n_1)$ $P(V)$ $c(n_4)$ b(о n_4) *Отец лишил сына спичек* *Otec připravil syna o zápalky*
4	$ca(r)—cb(r)—b(r)$	Русск. $c(n_1)$ $P(V_0Pr)$ $a(n_5)$ $b(n_2)$ Чеш. $c(n_1)$ $P(V_0Pr)$ $a(n_5)$ b(о n_4) *Сын лишен отцом спичек* *Syn je připraven otcem o zápalky*
5	$bc(r)—ba(r)—ca(r)$	Русск. $b(n_1)$ $P(V_0Pr)$ $c(n_5)$ $a(n_3)$ Чеш. $b(n_1)$ $P(V_0Pr)$ $c(n_5)$ $a(n_3)$ *Спички отданы (по принуждению) сыном отцу* *Zápalky jsou odezvány (nuceně) synem otcovi*
6	$cb(r)—ca(r)—ba(r)$	Русск. $c(n_1)$ $P(V)$ $b(n_4)$ $a(n_3)$ Чеш. $c(n_1)$ $P(V)$ $b(n_4)$ $a(n_3)$ *Сын отдал (по принуждению) спички отцу* *Syn odevzdal (nuceně) zápalky otcovi*

ство других не рассмотренных здесь структурных типов предложений объединяются единым основанием бинарных отношений предикатных предметов в предикате. Все они освещаются из единого фокуса, каждому структурному типу предложения задано его место и осмысление в многомерной системе всех структурных построений с помощью одного единого принципа. Предлагаемый нами метод не позволяет иметь суждение о предложениях вне тех связей с другими предложениями, в которых оно находится и которые являются на основе принципа бинарных отношений между предикатными предметами.

Итак, мы нашли, что структура предложения представлена формами слов, которые либо являются именами предикатных предметов и именами их отношений и имеют позиции в составе предложения, либо входят в состав имен предикатных предметов, имен их отношений и занимают позиции в составе этих имен.

Ввиду этого в синтаксисе как науке целесообразно выделить два раздела: учение о структуре имен предикатных предметов и имен их отношений и учение о структуре предложений. Первый раздел включает в себя изучение форм словоизменения, их функционирование как различительных средств языка, а также сочетания форм словоизменения друг с другом в составе имен.

Это значит, что первый раздел синтаксиса представляет собою учение о структуре имен.

Второй раздел включает в себя изучение структуры предложения как выражения предиката. В основе изучения структуры предложения находится структура отношений между предметами в составе предиката. В этом разделе изучаются не отдельные члены или элементы предложения, а их организация, выражаемая в виде формул структуры предложения.

А. С. Львов

ЧЕШСКО-МОРАВСКАЯ ЛЕКСИКА В ПАМЯТНИКАХ ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Проблемы лексических моравизмов в памятниках древнерусской письменности касались лишь отдельные исследователи. А. И. Соболевский на основании лексических данных причислил к чешско-моравским два памятника церковнославянской письменности, дошедшие до нас в русских списках, — это Беседы на евангелие папы Григория Великого (Двоеслова) и Никодимово евангелие [1]. Помимо этого, в наших хранилищах рукописей имеются и такие, как Номаканонъ, Законъ соудьнъи людемь и другие, переведенные в Моравии; оригинальные, составленные там же жития Мефодия и Константина, а также чешского Вячеслава (Вацлава), в которых зафиксированы местные слова, вроде: божиꙗ рабъі в значении 'духовенство', 'dei famulos'; каровати сѧ, каровано 'cavete, caute', влаце 'privatum', воинъ, древнии воинъ 'hostis, antiquus hostis', вьсемогъіи 'omnipotens', кѣтъхъіи законъ 'testamentum vetus', гризь 'dysenteria', древле 'prius', жидъ, жидовинъ 'judaeus', законьникъ 'sacerdos', изволеникъ 'electus', крижма χρίσμα, коупетра 'commater', лакота 'avaratia', малжена 'vir er uxor', неприꙗзнь 'daemonium, diabolus', папежь πάπας 'глава римской церкви', 'nera, cura', прапроудъ 'purpura', 'parumu dignari', роугота 'contumelia', рѣчь 'res', снага 'studium' и т. д. Количество подобных чехо-моравизмов до конца не установлено и не систематизировано, не говоря о разработке принципов выделения их. К числу чехо-моравизмов Н. К. Никольский, например, относит такие слова, которые к ним не имеют отношения; пэрегъбъі, соустуги, вежа (неизвестно, в каком зна-

[1] А. И. Соболевский. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. «Сборник ОРЯС», т. 88, 1910, № 3, стр. 48—91; F. V. Mareš. Česká redakce církevní slovanštiny v světle, Besěd Řehoře Velikého (Dvojeslova). «Slavia», ročn. XXXII, 1963, seš. 3.

чении), грудень и др.[2] Зафиксированное в Повести временных лет под 885 и 964 гг. слово щьлагъ—ср.: и въдаша (радимичи. — *А. Л.*) Ѡльгові по щьлагу (Лавр. лет. л. 8 об., в Ипат. лет.: по щелагу, л. 10); ѡни же (вятичи. — *А. Л.*) рѣша козаромъ, по щьлагу.... Ѿ рала даемъ (Лавр. лет. л. 19, в Ип.: щелагу, л. 25 об.) — по мнению Н. А. Никольского, перешло в древнерусский язык в польской форме *шеляг — szeląg*[3]. Наличие в древнерусском слове *щ* противоречит утверждению Н. К. Никольского о польской форме. Думается, прав М. Фасмер, признающий щьлагъ словом, заимствованным из др.-сканд. *skillingr*[4].

Не ясны и пути проникновения западнославянских слов в древнерусский литературный язык. А. И. Соболевский даже такие слова явно латинского происхождения, как поганъ, костелъ 'castellum', костань 'castanea', клисура 'clausura', оцьтъ, олътарь, цѣсарь, колада и т. п., признавал заимствованными через посредство греков[5]. Возражая против этого, Н. К. Никольский писал, что для заимствования указанных слов через греческое посредство «нет достаточных оснований, с одной стороны, вследствие наличности в латинском языке слов *paganus*, *castellum*, *castanea*, *clausura* (*acetum*), *caesar*, *altare*, *calendae*, с другой стороны — ввиду отсутствия в новогреческом языке некоторых этих слов[6], которые вынудили А. И. Соболевского построить гипотезу, что они утрачены»[7]. Но выведение клисура из *clausura*, цѣсарь из *caesar*, костань из castanea и некоторые другие вызывает затруднения с звуковой стороны, на что не обращал внимания Н. К. Никольский. В самом деле, как объяснить написание, надо полагать, отражающее произношение клисура при лат. *clausura*, цѣсарь при лат. *caesar* и т. д.? Почему *calendae* передано как колада, а *castanea* — как костань, а не костанеа? Подобные примеры невольно ведут к мысли, что ряд слов заимствован не прямо из латинского, а вероятнее всего через посредство другого языка.

---

[2] Н. К. Никольский. Повесть временных лет, как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании. Вып. первый, I—IX. Л., 1930, стр. 14 и сл.; А. С. Львов. О западнославянских словах в памятниках древнерусской письменности. «Проблемы современной филологии». М., 1965, стр. 200 и сл.

[3] Н. К. Никольский. К вопросу о следах мораво-чешского влияния на литературных памятниках домонгольской эпохи. «Вестник АН СССР», 1933, № 8—9, стр. 13.

[4] Vasmer, III, стр. 453.

[5] А. Соболевский. Статьи по славяно-русскому языку. Варшава, 1883, стр. 36 и сл. (Отд. оттиск из РФВ).

[6] Там же, стр. 36.

[7] Н. К. Никольский. Следы мораво-чешского влияния на памятниках домонгольской культуры. Архив АН СССР. Ленингр. отделение, ф. 247, оп. 1, № 80, л. 48.

В предлагаемой работе делается попытка выявления чехоморавских слов в отдельных памятниках древнерусской письменности, а также посильного объяснения путей проникновения их в древнерусский литературный язык. Для исследования привлечены следующие памятники древнерусской письменности:

1. Повесть временных лет (Пов. вр. л.) по спискам Лаврентьевской и Ипатьевской летописей. Пользуемся изданиями: Полное собрание русских летописей, т. I. Лаврентьевская летопись. Изд. 2. Л., 1926. В дальнейшем: Л. и цифра, указывающая на лист рукописи; Полное собрание русских летописей, т. II. Ипатьевская летопись. Изд. 2. СПб., 1908. В дальнейшем: Ип. и цифра, указывающая на лист рукописи.

2. Сказание и страсть и похвала ст҃ою мч҃нкоу Бориса и Глѣба, по изданию: «Сборник XII в. Московского Успенского собора». Вып. I. М., 1899. В дальнейшем: Сказ. БГ. и цифра, указывающая на лист рукописи.

3. Житие прп҃дбнааго оц҃а нашего Ѳеодосиꙗ игоумена печерьскааго, по указанному в п. 2 изданию. Ссылка: ЖФП и цифра, указывающая на лист рукописи.

4. Хроника Георгия Амартола по Троицкому списку XIII—XIV вв. по изданию: В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе, т. I. Текст. Пг., 1920. Ссылка: Хр. Г. Ам. и цифра, указывающая страницу данного издания.

5. Палея Толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г. М., 1892. Ссылка ПТ и цифра, указывающая страницу данного издания.

Все перечисленные памятники возникли в XI в. или не позднее начала XII в., но дошли до нас в более поздних списках, разумеется, претерпев под пером переписчиков видоизменения. Памятники 1—3 — оригинальные, написанные древнерусскими книжниками. Правда, в них, в частности в Пов. вр. л., имеется значительное количество цитат из различных церковных книг [8], в которых фиксируются и необычные для летописца слова, вроде: етеръ, искрь 'рядом', 'близко'; порода 'рай'; страна ἔθνος; хапати 'обнимать', 'брать' и т. п.; такие слова в изложениях летописца обычно не встречаются.

Сказ. БГ и ЖФП не требуют особых комментариев, поскольку они как оригинальные произведения на агиографическую тему написаны церковнославянским языком, кроме того, они так же, как и Пов. вр. л., насыщены цитатами из памятников старославянской письменности.

Хр. Г. Ам. признают памятником, переведенным в XI в. Место, где переведено это сочинение, бесспорно не определено. Значи-

[8] А. Шахматов. «Повесть временных лет» и ее источники. «Труды отдела древнерусской литературы», т. IV. М.—Л., 1940.

тельный слой восточнославянизмов, на который опирался В. М. Истрин при определении места и времени перевода [9], частью исследователей истолковывается иначе; т. е. в том смысле, что восточнославянизмы вторичны и что они внесены в данный памятник письменности при адаптации на Руси южнославянского перевода [10]. Допустимо, что отдельные восточнославянизмы могли оказаться в Хр. Г. Ам. не при переводе, а позже при переписывании, как, например: пѧтѧница (334) вместо пѧтъкъ; мечѧникъ (387) вместо какого-то другого, в Остр. Мк. VI, 27 это слово читается вместо **спекулаторъ** (Асс.) и **воинъ** (Зогр. и Мар.); поуце (104, 124 и др.) вместо зълѣ и т. д. Но вызывает сомнение, чтобы слово грамота как изустное восточнославянское заимствование [11], встречающееся часто, могло быть внесено в Хр. Г. Ам. русским переписчиком взамен какого-то другого. То же следует сказать и о слове весьма, также встречающемся часто и являющемся восточнославянизмом [12]; помимо этого, оно встречается в собственном специфическом значении, как, напр., (Александр) воював ъна персы, побѣженъ быс весьма (315); весьма погоуби (297); добре весьма ѿмѣташеса ѿ жидовьскыхъ жертвъ (292); весма члвчскыꙗ ꙗди и питїꙗ небреже (226) и т. д. В приведенных и подобных других примерах весьма, употребленное в значении 'окончательно', 'совсем', невозможно истолковать как замену слов зѣло и вельми, не известных в указанных значениях. Ꙗко иси бѣсноущеесѧ ристахоу, сланѧющеесѧ (вар.: сланѧхоусѧ) ꙗко пьꙗни (266), здесь издревле фиксируемое в восточнославянских языках слово сланѧтисѧ на месте греч. περιφέρεσθαι, как будто невозможно истолковать как замену какого-то другого слова. Так же нет оснований рассматривать как замену других слов еще следующие слова: козарꙑ (36, 318), гридити (361) στρατεύεσθαι, коубара (143, 363, 372, 380), ср.: абіе коубарꙑ зажьже, в нихъ же брашно воюмъ вожахоу (363), перевод греч. πλοῖον. Это греч. слово переведено еще словами корабльць, корабль и лодьꙗ, ср.: хотѧщю же ѥмоу въ корабльцѣ вънити (349); ѡгнемь жюпелнымь..., попали корабльѧ (407); исхожаше изъ лодьꙗ своѥѧ (326) и т. п. Последние слова

---

[9] В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Т. II. Пг., 1922, стр. 269—309.

[10] M. Weingart. Byzantské kroniky v literatuře církevně-slovanské, I—II. Bratislava, 1922—1923; П. А. Лавров. Георгий Амартол в издании В. М. Истрина. «Slavia», ročn. IV, seš. 3, 1925; seš. 4, 1926; A. Dostál. Slovanský překlad byzantské kroniky Georgia Hamartola. «Slavia», ročn. XXXII, 1963, seš. 3, стр. 382.

[11] А. С. Львов. К истории слова грамота в древнерусской письменности. «Исследование источников по истории русского языка и письменности». М., 1966, стр. 88—103.

[12] А. С. Львов. История слова весьма. «Rakstu krājums veltījums akadēmiķim profesoram dr. Jānim Endzelīnam viņa 85 dzīves un 65 darba gadu atcerei». Rīgā, 1959.

были достаточно известны и понятны восточным славянам, поэтому не было нужды заменять их словом коубара, которое, по всей видимости, по происхождению тюркское слово, восходящее к *kaba̧ra от kab- 'кора', 'скорлупа', 'луб'. Коубара в булгарской форме, должно быть, означало 'судно, обшитое лубом', и оно, как видно из приведенного примера, служило для перевозки продуктов и предметов. На месте греч. τὰ θυρώματα читаем: одверьꙗ, ср.: позлати домъ, ꙗко речно ѥсть, и стѣнъі и верхъі и двьри и ѡдверьꙗ керамидъі же мѣдянъі лыянъі покръі домъ (139). Если ѡдверьꙗ отсутствовало в переводе, то каким же словом было переведено греч. τά θυρώματα? На месте χρυσοχόος читается златокоузнець (156). Слово коузнець, издревле известное восточнославянским языкам, употреблено и отдельно (не в составе сложного слова), ср.: и видѣвъ коузнець камень, абыѥ въставъ, поклонися и (156); въ Аньтиѡхии же коузнець златый ꙗвися нѣкыи (409) и др. Исключительно восточнославянскими являются скинець (334) μόλυβδος, къргъ (387) σορός, хкостъ (429) и многие другие, и, как мы отметили, большинство из них нет оснований рассматривать как вторичные слова, заменившие при переписке какие-то другие, первичные.

Таким образом, несмотря на спорность, имеются основания включать Хр. Г. Ам. в число переводных древнерусских памятников письменности. По этой причине Хр. Г. Ам. привлекается нами как один из источников нашей работы.

ПТ привлекается как памятник церковнославянской письменности, по мнению исследователей, возникший на Руси.

Не ясны принципы выделения заимствованных слов в памятниках древнерусской письменности. Если исходить, например, из данных памятников старославянской письменности, то конкретно по вопросу о переводе греч. σφόδρα можно констатировать следующее: в евангелиях оно выдержанно передается наречием **зѣло**, **зѣло**. В Син. пс. дважды греч. ἕως σφόδρα переведено словом **вельми** (см. CXVIII, 51 и 107). В целом, в Син. пс. **зѣло** встречается 29 раз, а **вельми** — всего два раза; соответственно в других памятниках: Клоц. сб. 3 и 2; Син. трб. 5 и 4; Супр. 84 и 30. В памятниках моравского и чешского происхождений преобладает употребление **вельми**[13], например, в Житии Мефодия по списку XII в. Успенского собора **вельми** употреблено семь раз, а **зѣло** — один раз. Складывается впечатление, что в том южнославянском диалекте, на который впервые переводились греческие церковные книги, наречия **вельми** не было, вместо него в нем употреблялось **зѣло**. В западнославянском же диалекте Моравии, наоборот, не было известно **зѣло**, вместо него в нем употреблялось **вельми**, которое посте-

[13] Slovník jazyka staroslověnského, 4. Praha, 1961, стр. 177 и сл.

пенно вводилось, по-видимому, сначала в новые переводы, а потом при переписывании книг словом **вельми** стали заменять и **зѣло**. Иного мнения придерживался В. Ягич: «**Вельми**, — писал он, — в значении ἕως σφόδρα пс. 118.107 в старейшем переводе, только впоследствии оно переправляется на **до зѣла** в Бух., Мих., Мон., последний читается также в Болон., Погод. в стихе 8 и 43 указанного псалма, в то время как там же в стихе 51 опять почти все тексты имеют **вельми** (Мих. **до зѣла**)»[14]. Наше мнение основано на данных памятников письменности, при этом вероятно, что **вельми** в Син. пс. может быть таким же вторичным словом, как и **рѣснота**, употребленное там вместо **истина**[15]. На чем основано приведенное мнение В. Ягича, неизвестно.

Слово **вельми** широко употребительно в памятниках древнерусской письменности, причем он встречается как в книжных, так и некнижных оборотах речи[16]. Тем не менее трудно категорически утверждать, являлось ли это наречие в древнерусском языке праславянским наследием или же оно было заимствованным. Если исходить из того, что уже в Хр. Гр. Ам. в том же значении, что и **вельми**, употребляется и **весьма**, ср.: **весьма** ненавидѧше житийскиꙗ волѧ (79) и **вельми** ненавидимъ ѿ гражанъ (19); **весма** хощеть испытати (113) и **вельми** оужасатисѧ (106); **весма** речть (109) и реч **вельми** (372) и т. д.; если учесть, далее, тот факт, что в великорусском наречие *вельми* не имеет следов, показывающих, что оно в прошлом употреблялось в живой речи, а в украинском языке вместо ожидаемого *вільмі́* находим *ве́льми*, в белор. *ве́льмі* вместо *вельмі́*, как бы должно быть потипу русск. *дверьми́*, *костьми́*, *лошадьми́*, *плетьми́*, *сетьми́*, укр. *слізьмі́*, *зятьмі́*, *свиньмі́* и *сви́ньми*, белор. *людзьмі́*, *гасцьмі́*, *гусьмі́*, *грашмі́* и *грбшми* и т. д., то следует склоняться к мнению, что и в древнерусском языке наречие **вельми** по происхождению не было праславянским наследием, иначе оно в крайнем случае фиксировалось бы с двумя ударениями *вельмі́* и *ве́льми*. Это мнение подкрепляется еще и тем, что другие образования того же типа, как *кольми*, *тольми* в памятниках древнерусской письменности фиксируются преимущественно в рукописях церковнославянского происхождения[17]. Говоря иначе, возможно пред-

---

[14] V. Jagić. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913, стр. 329.

[15] V. Jagić. Указ. соч., стр. 352 и сл.; А. С. Львов. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966, стр. 135 и сл.

[16] А. С. Львов. Из лексикологических разысканий. История слова **вельми**. «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», X, 1956.

[17] И. И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I. СПб., 1893, стб. 1260 и сл.; т. III. СПб., 1912, стб. 976. Далее: Срезн. Мат., затем римской цифрой обозначается том, арабской — столбец.

положение, что праславянские образования в тв. п. от местоимений **velь*, **kolь*, **tolь* в восточнославянские языки не вошли.

На основании приведенных данных можно констатировать, что наречие кельми в древнерусский язык проникло двояким путем: 1) в составе памятников старо- и церковнославянской письменности и 2) изустно, всего вероятнее, из польского языка. В связи со сказанным кельми в древнерусском языке следует признать западнославянизмом.

В «Речи философа» читаем: створи (Ной. — *А. Л.*) ковчегъ в долготу локоть т. а в ширину (Ип.: в широту) .п. а възвышие (Ип.: възвыше) л. локоть (Л. 30 Ип. 35 об.), в Хр. Г. Ам.: л. локот въ высоту (55): Мьстиславъ ... оумре. положиша и оу стаг спса (в Ип.: вь цркви стго спса). юже самъ заложилъ. бѣ бо въздано ея при немь. възвыше ꙗко на кони стоѧще (рꙋкою) досѧщи (Л. 51 Ип. 56 об.); ср. также в Хр. Г. Ам.: и в дожда мѣсто иде попел на Коньстантинѣ граде и паде пади възвыше (16); възвыше. к. локот, — 21) и другие. Рядом со словом възвыше употребляется и высота; ср.: раздруши столпъ и есть ѡстанокъ его ... въ высоту. и въ ширину. лакоть. ≠ е. у. л. г. (Ип. 4 Л. 2 об.) — цитата из Хронографа[18]. В Хр. Г. Ам.: баше възрастомь локоть. д. высота его (125); высота тѣла (127) и другие.

Обычным являются образования: широта и ширина, дългота и дължина, высота и вышина. Възвышие, по-видимому, отглагольное имя от възвыш(ати) + ие, а възвыше контаминация с выше. Образования имен на —ие особенно характерны для чехо-моравского языка[19], а в восточнославянских языках такие образования, если они встречаются, восходят к книжным, ср. *бедствие*, *действие*, *поветрие*, *честолюбие* и т. д. Чисто народные образования типа *зверьё*, *корьё*, *лоскутьё* и т. п. восходят к форме им. п. мн. ч. основ на *-i*, которые позже стали восприниматься как собирательные существительные. Видимо, не будет ошибкой возводить възвышие к чеш. *zvýši* из **vъzvýšie*; ср. еще *zvýšina*, *zvýšenec*, *svyšiti*, *svyšovati* и др.[20] Поскольку для древнерусских писцов образование от основы глагола възвыш(-ати) сущ. възвышие было необычным, поэтому они, сблизив эту форму с выше, вышии, превратили ее в наречие възвыше. В такой форме, как показывают факты, это слово древнерусские книжники употребляли и в собственной речи.

---

[18] А. А. Шахматов. Повесть временных лет. Т. I. Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916, стр. 4 и сл.

[19] F. Trávníček. Mluvnice spisovné češtiny. Č. I. Praha, 1951, стр. 281 и сл.

[20] F. Trávníček. Slovník jazyka českého. Praha, 1952, стр. 1779.

Поскольку понятие 'вооруженные силы' в Пов. вр. л. обычно обозначается словом рать, а также и дроужина, не исключено, что коиска в том же значении является западнославянизмом, даже чехо-моравизмом. Ср.: Иоустина же тогда... соущю ѥще живоу моужю ѥго доброрѣчьѥмь на сна с радостью ѿкры и преврати ѥго да коискою роукою Амбросиꙗ... (Хр. Г. Ам. 374—375). Приведем еще примеры из Исторической палеи: слышавъ же артасиръ црь сї и оутоли коискꙋ свою, ꙗко не ратити град[21]. Ꙗвавъ же воевода пришед съ коискоу обрѣте двда вретище носаща[22]. В ст.-чеш. *vojska*[23]. Полагают, что ст.-польск. *wojska* — из чешского языка[24].

Рассматриваемое слово, встречающееся в отдельных памятниках древнерусской письменности, по всей видимости, в речь древнерусского книжника вошло позже и едва ли не из польского языка. По крайней мере, Пов. вр. л. его еще не употребляет; в Пространной Русской Правде лишь в ст. 57 находим прилагательное коискъи (конь), и оно в отдельных списках читается своискыи или воиньскыи[25].

Гъдобабль 'шелк': съсоуды златы и гъдобабль и вона добрыꙗ и кона и мъскы (Хр. Г. Ам. 145), свиты расточены ѿ годабабла, глемаго ѡкъсию (там же, 428). Это слово, кроме Хр. Г. Ам., встречается в некоторых других памятниках церковнославянской письменности (см. Срезн. Мат. I. 536). Считают, что гъдобабль из ст.-чеш. *hedvabie*[26], откуда польск. *jedwab*, а из польск., укр. и белор. *едваб*. *Vabie* в др.-русск. могло дать -бабль, которое, вероятно, переосмысливалось и как вапа 'краска', поскольку в памятниках древнерусской письменности встречаются еще написания годобапль. Первая же часть чеш. *hed-*, по всей вероятности, до падения редуцированных звучала как *hъdъ-*. Лишь в этом случае возможно объяснение др.-русск. гъд-о- или год-о-. Чеш. **hъdъvabie* восходит к герм. **Gudawebbi*[27]. Диалектное герм. *web-*, по-видимому, звучало и как **wab-*, иначе было бы необъяснимым чеш. *-vabie*.

В целом, на основании данных др.-русск. памятников письменности следует констатировать, что слово гъдобабль на Руси не получило широкого распространения и не вошло в активный словарь книжников.

---

[21] Книга бытіа небеси и земли (Палея историческая). Изд. А. Попова. «Чтения ОИДР», 1881, кн. 1, стр. 144 и сл.
[22] Там же, стр. 167—168.
[23] Machek, стр. 572.
[24] Brückner, стр. 629.
[25] Правда русская. II. М.—Л., 1947, стр. 489.
[26] Berneker, стр. 316.
[27] Miklosich, стр. 127; Vasmer, I, стр. 284.

дѣтьскыи 'слуга, отрок': Василко же всѣдъ на конь поѣха. и оустрѣте и дѣтьскыи (Ип.: ѡтрокъ) ѥго и повѣда ему гл҃а. не ходи кнѧже хотѧть тѧ ꙗти (Л. 87 об., Ип. 88 об.). Приведенная цитата из повествования об ослеплении князя Василька в 1097 г. Эти события описал галицкий поп Василий не ранее 1100 г.[28] Далее слово дѣтьскыи в летописи фиксируется под 1147 г. (Л. 108 Ип. 142) и 1175 г. (Л. 125 Ип. 209); в Новг. I лет. Синод. сп. под 1234 г.; ср.: Федора Оума. кнѧжъ дѣцкои[29]; в Смоленской грамоте 1229 г.; ср.: латинескомоу просити дѣтьского оу тиоуна; Роусиноу не ставити. на латинеского. дѣтьского[30]. Словом, в памятниках XIII и последующих веков дѣтьскыи употребляется часто, особенно в севернорусских (смоленских, новгородских и др.) рукописях. Памятники старославянской письменности зафиксировали только прилагательное дѣтьскыи, которым переведено греч. παιδικός, τῶν παιδίων[31]. Вероятно, что субстантивировавшееся прилаг. дѣтьскыи в значении 'слуга, отрок' проникло в древнерусский язык из польского языка, в старых памятниках которого фиксируется *dziecki*, *dziecski* 'судебный исполнитель', 'экзекутор'[32]. В польском указанное слово — калька с герм. *Knappe*, 'паж, оруженосец'[33]. В пользу высказанного мнения свидетельствует факт отсутствия слова дѣтьскыи в значении 'слуга, отрок' в памятниках, описывающих события ранее XII в., а также распространение его в северо-западных областях, особенно в XIII в. (в это время Смоленск, Новгород, Псков интенсивно торгуют с Прибалтикой и Польшей).

Таким образом, субстантивировавшееся прилагательное дѣтьскыи в значении 'слуга, отрок' — западнославянское слово, пришедшее на Русь из Польши.

Дрѣвле 'раньше, прежде'. Это наречие всего один раз встречается в Пов. вр. л. и то в цитате из Хронографа: дрѣвле при Антиосѣ въ Иерслмѣ случисѧ (Л. 55 об. Ип. 61 об.). Встретилось оно в ЖФП: тѣмь же оуповаꙗ блаженыи. ꙗко имать прогънати ꙗ (бесов. — *А. Л.*) ѿ мѣста того. ꙗкоже дрѣвле ѿ мѣсильницѧ (54в, 3—7). Интересующее нас наречие встречается в ПТ и Хр. Г. Ам.; ср. ꙗкоже бѣаше дрѣвле оутвержена быс лѣствица при Иꙗковѣ (ТП, 307); по Ирини цртвова Никифоръ дрѣвле сы логофетъ саномь (Хр. Г. Ам. 21); присно сы и

---

[28] А. А. Шахматов. Повесть временных лет. Т. I, стр. XXXI и сл.
[29] Новгородская харатейная летопись. М., 1964, стр. 243.
[30] Смоленские грамоты XIII—XIV веков. М., 1963, стр. 22 и 23.
[31] Slovník jazyka staroslovenského, 10, стр. 552.
[32] Słownik staropolski. T. 2, zeszyt 4 (10). Warszawa-Kraków, 1957, стр. 273.
[33] Berneker, стр. 196; Vasmer, I, стр. 347.

дрѣвле сыи рожению ѥсть всѧкоѥ превыспрьѥ (там же, 75) и т. п.

Нами высказано мнение, что в памятники старославянской письменности **древле** вошло в Моравии[34]. В. Махек[35] и особенно Ф. Славский[36] сближают дрѣвле по корню с **dreu-*, **deru-*, от которого **dervo*, *drěvo* с первичным значением 'крепкий', 'сильный', 'устойчивый', откуда потом как 'устоявшийся' > 'прежний'. В этом случае в памятниках древнерусской письменности наречие дрѣвле, а также и дрѣвнии не могут быть исконно восточнославянскими. Поскольку южнославянские языки не знают слов с **drev-* в указанном значении, а в западнославянских, особенно в чехо-моравском, оно обычно и ныне в виде чеш. *dřive*, словацк. *driev*, то вполне вероятно, что и как в памятниках старославянской письменности, в др.-русск. дрѣвле (пишется и дрѣкле) — чехо-моравское слово, по-видимому, пришедшее на Русь в составе памятников церковнославянской письменности.

Зафиксированное в Хр. Г. Ам. женатець; ср.: оубо ти сѧ мнить и на женатець възложена ꙗже писана суть во евагльи... (236). — передает греч. ὑπογυναίοις. *Женатец* не известно восточнославянским языкам, но фиксируется словарями чешского языка в виде *ženatec* 'женатый' с пометой *lid. a hovor*.[37] Слово это находим в 16 словах Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского по списку XIV в.: потрудите сѧ. друг к другу. мужи купно и жены. отроци и двы, старци со оуными. иереи и люде. черноризцы. і женатици. и иже ѿ препростых[38].

Употребление слова законъ вместо завѣтъ в передаче διαθήκη, testamentum признано западнославянизмом[39]. В Пов. вр. л. всего один раз, и то в «Речи философа», читаем: таче Саоулъ не изволи ходити в законѣ гсни (Ип.: въ завѣтѣ гсни — Л. 32 об. Ип. 38). В Хр. Г. Ам. в указанном значении слово законъ употребляется нередко; ср.: ветхыи законъ двѣма житьюма раздѣленъ (233); въ крьсꙗнѣхъ сыи бии новыи законъ въ мьнишьскыи преимаѥть (там же); ветхыи законъ всѣмъ июдѣѡмъ нераздѣльно законъствованъ, малымъ же и вѧщьшимъ (251) и т. д.,

---

[34] А. С. Львов. Очерки по лексике..., стр. 133 и сл.
[35] Machek, стр. 99 и сл.
[36] Sławski, I, стр. 174.
[37] F. Trávníček. Slovník jazyka českého, стр. 1787; Příruční slovník jazyka českého, t. VIII. Praha, 1955—1957, стр. 1026.
[38] Григория Богослова 16 слов с толкованиями Никиты Ираклийского, XIV в. Материалы СДР.
[39] А. И. Соболевский. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии, стр. 112.

но там же: ѿверзъсѧ ветхаго завѣта (321); въ ветъсѣмь завѣтѣ (353) и другие. В ПТ: и ветьсѣмь законѣ взгласиша о. пророк таины биша. в новѣмъ законѣ. о. апслъ проповѣдаша (292); новыи законъ дароуга людемъ своимъ (652) и др. (См. еще Срезн. Мат. I, 294 и сл.; II, 460).

Факты свидетельствуют о том, что сочетания слов ветъхыи или новыи законъ употреблялись преимущественно в неоригинальных памятниках письменности. Судить о том, употребляли ли древнерусские книжники эти же сочетания слов в собственных сочинениях, мы не можем из-за отсутствия данных. По всей видимости, начиная с 2-й половины XI в., после разделения церквей русские книжники избегали употребления слова законъ в значении завѣтъ. Как видели, в «Речи философа» по списку Ип. законъ заменен на завѣтъ.

Къметь. В Пов. вр. л.: Стославъ же величаѩсѧ показа имъ (немецким послам. — *А. Л.*) батьство своѥ. ѡни же видѣвше бещисленое множьство. злато и сребро и паволокы. и рѣша се ни въ чтоже ѥсть. се бо лежить мертво. сего суть кметьѥ (Ип.: смѣтьѥ) луче (Ип.: лучьше). мужи бо сѧ доищють и болше сего (Л. 66 об. Ип. 74); а самы кнѧзи бъ живы в руцѣ дава... Таревьскъи кнѧзь Азгулуи. инѣхъ кметии молодых. еі. (Л. 82 об. — Поуч. Влад. Мон.): кинане же дивѧхутьсѧ оугромъ множеству и кметьство ихъ и комонемъ ихъ (Ип. 151); в тож времѧ избъени быша печерьскеи. и югърьскии въ печере. а дроугии за волокомь. и паде головъ сте къметьство (Новг. I лет. Синод. сп., л. 48); в Комиссионном списке: и паде головъ о стѣ кметѣи (л. 118 об.), вар.: сто доброименитыхъ[40] (см. еще Срезн. Мат. I, 1390). В приведенных примерах слово къметь употребляется в значении 'мужь', 'лучьший мужь'. В этом же значении слово известно старопольскому языку *wysoki urzędnik książęcy*[41]. Слово къметь не фиксируется памятниками церковнославянской письменности, поэтому не исключено, что къметь изустное заимствование из польского языка, в котором, по истолкованию Ф. Славского, оно из лат. *comes*, род. падеж *comitis*[42].

Комъкание, комъкати. Слово впервые встречается в Син. трб.: **ппъ... комъкаетъ ѣ оба. и по комъканьи. иметъ ппъ за ржкж старѣишааго. а тъ братра си за ржкж. и веджтъ ѣ на обѣдъ** (л. 11б, 5—8). В. Ягич считает, что рассматриваемые слова могли войти в язык моравских славян от немецких про-

---

[40] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 229.
[41] Sławski, II, стр. 279 и сл.
[42] Там же, стр. 280.

поведников[43]. Р. Нахтигаль, ссылаясь на болг. *комкам*, *комквам*, интересующее нас слово признает за балкано-латинское[44]. Следует обратить внимание на то, что старшие памятники старославянской письменности греч. κοινωνία, κοινωνεῖν передают словами **причаштение**, **причастити** (см. Клоц. сб., Супр. рук., также в Син. трб.), между тем в памятниках, переведенных в Моравии, как, например, в Номоканоне, указанные греч. слова передаются уже словами **комъкание**, **комъкати**[45]. Помимо этого, рассматриваемые слова восходят к лат. *communicare*. Создается все же впечатление, что указанные слова вошли в употребление в Моравии. Однако это, кажется, не бесспорно[46].

Рассматриваемые слова, как свидетельствуют об этом памятники др.-русск. письменности, были широко употребительны в языке духовенства, о чем свидетельствует наличие их в известных вопрошаниях Кирика (Срезн. Мат. I, 1266 и сл.), в сочинениях Феодосия Печерского[47] и др. Нет ничего удивительного в том, что эти слова зафиксированы ПТ и Хр. Г. Ам.; ср.: и напита мѧ реч хлѣба и вина стаꙗ стхъ сирѣч стго комканиꙗ (ПТ, 417); и не престаꙗше тако моласа боу даже и до часа комканаго (Хр. Г. Ам. 384) и др.

Не исключено, что комъкание, комъкати, вошедшие в активный словарь древнерусского духовенства, пришли к нам из Чехо-Моравии, а не из Болгарии.

Крижмо. Слово записано в Хр. Г. Ам.: ѥсть бо медоносна и виноносна страна та добрыхъ весма имющи коупръ и мюроваланъ, рекше крижмо желоудныи (181), оно встречается в Толковом апокалипсисе и Кормчей (Срезн. Мат. I, 1322). А. И. Соболевский еще в 1904 г. показал, что крижмо восходит к лат. *chrysma*, которое западные славяне переняли через герм. *chrisma*, а не к греч. χρίσμα[48]. По этой причине крижмо следует признать чехо-моравизмом. Однако не видно, чтобы это слово было употребительно в древнерусской письменности.

Мажена. В Хр. Г. Ам.: Григории... вѣща: и да предамь народы... и люди исплѣнены и мажены и блоудница миромь

---

[43] V. Jagić. Указ. соч., стр. 203.

[44] Eucholoгium sinaiticum starocerkvenoslovanski glagolski spomenik. Izdajo priredil dr. R. Nachtigal. II del. Ljubljana, 1942, стр. 25. Подстрочные примечания.

[45] А. И. Соболевский. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. Стр. 142 и 147.

[46] Sławski, II, стр. 404 и сл. Здесь ссылка на литературу вопроса.

[47] И. П. Еремин. Литературное наследие Феодосия Печерского.— «Труды отдела древнерусской литературы», V. М.—Л., 1947, стр. 170.

[48] А. И. Соболевский. Из истории заимствованных слов и переводных повестей. «Университетские изв.», Киев, 1904, № 11, стр. 3 и сл.; см. также: Berneker, стр. 619; Machek, стр. 243.

ѡдержими, въстаниемь же разроушими (175). Малъжены передает греч. συζυγίας 'супруги'. Данное слово было самым обычным в древнерусском литературном языке. В доказательство сошлемся на несколько примеров: аще въсхощеть ѿ малъжену ли мужь или жена безъ в.-го брака ѿ своихъ чад ѿити. не имуще възрасти. нѣс имъ лѣть тогѡ створити (Закон судный людем. Мерило праведное сп. XIV в., л. 172. — Материал СДР); А по законоу поимающасѧ малжена (в списке Рум. XIII в. № 231: женихъ и невѣста) да сѧ годить и прічащавши сѧ има. имѣти има съвкоуплениѥ тои нощи нѣс взбранено (Вопросы Кирика. Кормчая XIII в., л. 528 об. — 529. — Материал СДР); придоста... малжена ѿ зинаграда в монастырь... глюща... помолишисѧ ѡ насъ да... бъ дасть намъ плодъ (Сборник конца XIV в. (Тр.-Серг., 9), л. 169. — Материал СДР); пустыньному оубо и маложеньному житью пращема сѧ межю собою и расходащема сѧ (Григ. Бог. XIV в., л. 168 г. — Материал СДР); хотѣли сестру нашу меншую... за тебе брата нашего в малженство дати (1561 г.)[49] и т. п.

Слово малъжена в значении 'супруги, супружеская пара' было широко употребительно в древней Руси, и оно, как диалектное, дошло даже до нас. В. Даль зафиксировал как южн. и зап.: *малженки*, *малжена*, *малженца*[50]. Малъжена «обычно объясняется как частичная калька др.-в.-нем. *malwip* или **malkona* 'супруга', откуда — *malъžena*»[51].

Вероятно, что слово малъжена на Русь пришло из Чехо-Моравии в составе таких памятников письменности, как Малые пророки, переписанные Упырем Лихим; Житие Константина; Законъ соудьныи людемъ и т. д. (Срезн. Мат. II, 105 и сл.). Слово это могло проникнуть на Русь и изустно через чехов, а может быть, и поляков, работавших на Руси. Как свидетельствует Кирик: «а оже се носили къ варяжьскомоу попоу дѣти на молитвоу»[52] — на Руси в XII в. еще были церкви римского обряда, в которых, более всего вероятно, служили западнославянские священники.

А. Брюкнер считает, что слово малъ в Пов. вр. л. в тексте: рѣша же древлѧне... мужа твоего оубихомъ... поиди (Ип.: иди) за кнѧзь нашь (Ип.: за нашь кнѧзь) за малъ (Л. 15 Ип. 22) — употреблено в значении 'супруг', а не в значении собственного имени[53]. Действительно, в Академ. списке Пов.

---

[49] Памятники дипломатических сношений Московского государства с польско-литовским государством. Т. III. СПб., 1892, стр. 31. Материалы ДРС.

[50] В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. II, изд. 2. По переизданию: М., 1955, стр. 292.

[51] Vasmer, II, стр. 91.

[52] Ф. Буслаев. Историческая христоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861, стб. 387.

[53] Brückner, стр. 321.

вр. л. читается: поиди за нашь малъ[54]. Такое чтение едва ли могло появиться из чтения: поиди за кнѧзь нашь за малъ. Вернее предполагать обратное: чтение Академ. списка первичное, а поздний редактор (Нестор или Сильвестр), не поняв, переделал его так, как это читается в Л., Ип. и других.

Мънихъ. И это слово было широко употребительным. Вот несколько примеров: и обходи всѧ манастырѧ хотѧ быти мнихъ (ЖФП, 31а, 29—31); ѿ Александриꙗ Петръ мнихъ (Ип. 43 об. Л. 40); Исакии... бѣ бо купець родом Торопечанинь. и помысли быти мнихъ (Ип.: мнихомъ). — Л. 64 об.; Ип. 70 об.); ѡземьствованъ въ ѡстровъ противоу града съ женою и с чады и быс мнихъ (Хр. Г. Ам. 22); наставници наши сверстьникы ꙗ стмъ сподобиша, ѡви оугодникы, инии же мнихъ нарекоша ꙗ (там же, 234); мнишьскоѥ начатъ пребывание (там же, 235) и т. д. (См. еще Срезн. Мат. II, 159 и сл.).

Попытку А. И. Соболевского выводить слово мънихъ из греч. μοναχός, μανηχός[55] следует считать необоснованной. Правы те, кто, начиная с В. Копитара, выводит его из др.-нем. *munich*. Из старших памятников старославянской письменности слова мнихомъ, мьнишъскы зафиксированы в Син. трб., причем в форме существительного один раз (л. 57б, 13) и форме прилагательного четыре раза (80б, 2; 86б, 24; 87а, 20, 90б, 7). Наряду с этим греч. μοναχός в этом памятнике восемь раз передано словом чрьньць, а μοναχικός один раз — чрьньчьскъ. Супр. в передаче μοναχός знает только слова чрьньць, чрьноризьць — по восемь раз каждое, не говоря о других формах от этих слов. В Супр. мънихъ не встречается. В календаре Асс. читаем: стаг мчка и чрънца пафнота (л. 141а, 24—25); в Остр.: константина философа нареченаго въ чрьньчьство именьмь кѵрила (л. 265г); и стъихъ м. женъ чрьниць (л. 210г). В Житии Мефодия: и обрѣтъ врѣмѧ, избъсть кнѧжениѧ и шьдъ в Ѧлимбь, идеже живоуть стии оци, постригъ сѧ облѣче въ чьрнъі ризъі и бѣ повиноуѩсѧ покоръмь и съвьрьшаꙗ вьсь испълнь. мьнишьскъіи чинъ, а книгахъ прилежа[56].

Приведенный материал свидетельствует о том, что официальным термином в памятниках старославянской письменности для передачи греч. μοναχός было слово чрьньць или чрьноризьць. Самым важным при этом является то, что мънихъ, мънишьскъ

---

[54] Полное собрание русских летописей, т. I. Изд. 2. Л., 1926, стб. 56. Сноски 24 и 25.

[55] А. Соболевский. Статьи по славяно-русскому языку, стр. 29; Он же: Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии, стр. 121.

[56] П. А. Лавров. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930, стр. 71.

употребляется в памятниках, происхождение которых бесспорно связано с Моравией. Помимо этого, совр. чеш. *mnich*, словацк. *mních*, польск. *mnich* подкрепляют положение, что мѫнихъ возникло из герм. *munich* на западнославянской почве.

Широкое употребление в древнерусских памятниках письменности слова мѫнихъ, мѫнишьскъ можно объяснить тем, что оно проникло к нам не только через памятники письменности, но, возможно, и изустно.

Моукарь. И моукареве мои и вельможа мои искахоу мене (Хр. Г. Ам. 186), греч. τύραννοι, но: мчтлѧ ѡсрамивъсѧ (там же, 20), греч. τύραννος; ни гордоу быти ни моукарю ни томителю, (там же, 394), греч. κόλακα, от κολάζω 'наказывать, карать'; ни пакы ли моукарь быс (там же, 393), греч. κόλαξ. Тут же рядом: самъ златоустець глеть: сего рад различна подобаеть быти пастырю и дидаскалу различна глю, не ключива ни моучителѧ ни досадителѧ... (там же, 393—394), греч. κόλαξ.

Слово моукарь фиксируется только в Хр. Г. Ам., и, по всей видимости, оно не имело распространения в живой восточнославянской речи, хотя теоретически по типу смолиръ, стомиръ, котлиръ и т. д. возможна и форма моукарь, однако практически она в восточнославянских языках не встречается. Образования на *-arь* более распространены в западнославянских языках, в частности, ср. чеш. *mukař* 'kat, mučitel'[57], словацк. *mučär* 'nástroj na mučenie'[58], также *moukař* 'торговец мукою'[59] и т. д. Таким образом, имеются основания относить моукарь к чехо-моравизмам.

Неприязнь в значении 'нечистый дух', 'дьявол' является западнославянской калькой нем. *Unhold*[60]. По имеющимся данным, это слово вошло в церковные книги в Моравии. Остатки употребления слова в речи в виде *nepriaznik*, *nepraznik* зафиксированы в словацких деловых документах XVII в.[61] Поскольку отдельно взятое слово неприязнь не обозначает лица, то вполне естественно присоединение к нему суффикса *-ikъ* по типу: мѫченикъ, оученикъ, каженикъ и т. д. Неприязникъ или неприязньникъ зафиксирован в Исторической палее: неприязненикъ (вар.: неприязникъ) рече къ нимъ. ꙗко аще коснетасѧ древꙋ, боудета ꙗко бози вѣдѧще добро и лꙋкаво[62].

---

[57] F. Kott. Česko-německý slovník. Díl první. Praha, 1878, стр. 1085.
[58] A. Habovštiak. Oravské nárečia. Bratislava, 1965, стр. 157.
[59] Příruční slovník jazyka českého. D. II, стр. 959.
[60] И. Вашица. Кирилло-мефодиевские юридические памятники. «Вопросы славянского языкознания», вып. 7. М., 1963, стр. 30; А. С. Львов. Очерки по лексике. . ., стр. 198 и сл.
[61] J. Stanislav. Slovenské slovo nepriaznik, stsl. neprizěnь «diabolus». «Slavia», ročn. XXV, 1956, seš. 2, стр. 254.
[62] Книга бытіа небеси и земли, стр. 4.

Летописец вкладывает в уста княгини Ольги: да сохранена буду ѿ сѣти непригазныы (Л. 17 об. Ип. 24 об.); ср. **і съхрани и отъ неприѣзнинъ сѣтеи** (Син. трб. 81а, 24-81б, 1), греч. ἐκτῶν παγίδωντοῦ διαβόλου; и та избавить. ѿ непригазни. и ѿ сѣтии его (Л. 18 Ип. 24 об.), но в другом месте: бѣсовьскыхъ козни избѣгъ и ѿ сѣти его (Л. 71 Ип. 79), однако тут же: молиса за ма ѡче чстныи. избавленоу быти ѿ сѣти непригазнены (Л. 71 об. Ип. 79) и др. Употребительно непригазна, непригазнанъ в ТП: помышьленина непригазнана (175); дхъ непригазньскыи (465) и т. п.; в Хр. Г. Ам.: непригазнини же бѣси непригазнанаа носать къ непригазниномъ члвкомъ (5); избави ма гсь всакого дѣла непригазнина (260) и т. п. Показательно Сказ. БГ и ЖФП, где интересующие слова не зафиксированы, также нет этих слов в Синодальном списке «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона[63]. Рассматриваемые слова не получили у нас широкого распространения, хотя отдельные авторы ими пользовались.

Оплатъкъ также западнославянское заимствование лат. *oblata* через нем. *opläta*. В Пов. вр. л. оно употреблено в «Речи философа»: реч же философъ. слышахомъ же и се. ꙗко приходиша ѿ Рима оучить васъ к вѣрѣ своеи. ихъ же вѣра с нами мало же развращена, служать бо ѡпрѣснокы. рекше ѡплатъкы (Ип. 34 Л. 28). Словом опрѣснъкъ в евангелиях переведено греч. ἄζυμος, и нигде оно не поясняется другим словом. Не нуждалось оно в пояснении и на Руси, потому что слово опрѣснъкъ с древних пор и поныне является обычным словом восточнославянских языков. По всей видимости, глосса рекше ѡплатъкы в «Речь философа» вставили в Чехии, где и поныне *oplatek* не только принадлежность церковного ритуала, но и вид обычной вафли. Древнечешское употребление этого слова засвидетельствовано Киевскими листками, где лат. *super oblatam* 10 раз переведено **надъ оплатъмь**.

Слово оплатъкъ в памятниках др.-русск. письменности встречается редко. Так, во 2-м послании Феодосия Печерского кн. Изяславу по списку XIV—XV вв. читаем: а попове їхъ (латинян. — *А. Л.*) не женать с законною женитвою, но съ робами дѣти добывають и служат невозбранно. а пискупи їхъ наложници держать. і на воїну ходат і ѡплаткомъ служат; но в списке XV в. уже: опрѣснокомъ служать[64]. И. Срезневский приводит цитаты из «Написания на латыноу» Киевского митрополита Ни-

---

[63] Н. Н. Розов. Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в. «Slavia», ročn. XXXII, 1963, seš. 2, стр. 152—175.

[64] Ф. Буслаев. Указ. соч., стб. 518; И. П. Еремин. Литературное наследие Ф. Печерского, стр. 171.

кифора, в которых употреблено слово оплатъкъ (Срезн. Мат. II, 684). А. И. Соболевский указывает, что в русском переводе послания Петра Антиохского против латинян читается: кто комъкаеть оплатки[65]. Он же пишет: «Трудно допустить, чтобы русские узнали это слово от поляков (польск. *opłatek*, чеш. *oplatek*). Скорее они нашли его в каких-то не дошедших до нас памятниках церковнославянской письменности»[66]. Тут упускается из виду один немаловажный факт: на Руси, как свидетельствует Кирик, были варяжские попы, а Ф. Печерский во 2-м послании предупреждает Изяслава: вѣре же латиньстѣи не прелучаїтес. ни ѡбъчаꙗ їхъ держати. ї комканыꙗ їхъ бѣгати. ї всякого ученыꙗ їхъ бѣгати ї норова їхъ гнушатис[67]. Приведенные данные свидетельствуют о том, что на Руси духовенство хорошо было знакомо с римскими церковными обрядами и относящейся к ним терминологией.

Слово папежь признается бесспорным западнославянизмом, перешедшим к ним лат. *papa* через немецкое произношение *pāpes*, *bābes*[68]. В календаре Остр. ев. под 31 декабря читаем: страс. сталаго мчка селвестра папежа (л. 256а); под 30 января: климента. папежа римьска (л. 263в); в Пов. вр. л.: се же слышавъ папежь римьскии похули тѣх. иже ропщуть на книги словеньскиꙗ (Л. 9 об. Ип. 11) — эта цитата из так называемого Сказания о преложении книгъ на словѣньскыи ꙗзыкъ, написанного русским книжником, по-видимому, не ранее конца XI в. Приведенная цитата, в свою очередь, пересказывает своими словами содержание некоторых мест VI и VIII глав Жития Мефодия, в которых несколько раз упоминается апостоликъ, а не папежь. Далее летописец под 986 г. также пишет от себя: потомъ (Ип.: по семъ) придоша нѣмци (Ип.: нѣмци ѿ Рима) глюще придохомъ послании ѿ папежа. и рѣша (Ип.: ркоша) ему. реклъ ти тако папежь земля твоꙗ ꙗко и земля наша. а вѣра ваша не ꙗко вѣра наша (Л. 27 об. Ип. 33 об.). И. Срезневский приводит цитаты из послания русского митрополита Иоанна II к папе Клименту и из послания Никифора, митрополита Киевского, Владимиру Мономаху, в которых встречается слово папежь (Срезн. Мат. II, 877).

На Русь слово папежь могло проникнуть через церковную литературу, как евангелия, Номоканон (ср., например: начинаѥтьсѧ посъланиѥ африкинскаго събора. къ келестиноу римь-

---

[65] А. И. Соболевский. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии, стр. 112 и сл.

[66] А. И. Соболевский. Там же, стр. 113.

[67] Ф. Буслаев. Указ. соч., стб. 517 и сл.

[68] А. И. Соболевский. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии, стр. 187 и сл.; Brückner, стр. 394; Machek, стр. 1129.

скаго града папежю (Карфаг. собора 419 г. прав. 136(135)[69]. **съшьдъшиихъ сѧ аврилиꙗ папежа въкоупь съ валентиимь** (там же, Деян. 1)[70]; через Жития Константина и Мефодия, Хр. Г. Ам; и другие. Приведем еще примеры из Хр. Г. Ам.: о мнисѣ изгнанѣ Григориемь папежемь (20); цсрь же римьскыи, призвавъ папежа, показаꙗ ѥмоу грамоту цсра Феодосыꙗ (377) и др.

Слово папежь, так же как и оплатъкъ, было, надо полагать, не только известно на Руси как пассивное слово, находящееся в церковной литературе; оно, как показывают факты, входило в речь древнерусских книжников как активное слово. По многим данным можно заключить, что древнерусское духовенство знало римского папу не понаслышке, а представляло его конкретно, а его титул нашими книжниками был усвоен в западнославянской форме.

Прапроудъ, прапроудныи 'пурпуровый', 'багровый'. Эти слова часто встречаются в Хр. Г. Ам.; ср.: и поꙗсомъ препоꙗса ѿ прапруда (42); [ка]тапетазмоу же створивъ, рекше завѣсоу ѿ акинфа и черви и воуса и прапроуда истъка в немь хѣровимъ (140); и ѡблѣченъ быс въ прапроудъ новыи и дивныи (374); акинфъ къ аѥрови приложенъ, чермьныи же ли червию ѡчервленъ къ ѡгню, прапроудноѥ ꙗвлꙗеть море. тъ бо питоуеть къхлоу, ѿ неꙗже таковое червление бываеть (45в); ѿ волъны добропрапроудныꙗ истъкана соущи (406) и т. п.

Кроме Хр. Г. Ам., рассматриваемое слово широко представлено в различного рода церковных книгах (см. Срезн. Мат. II, 1371 и сл.). Мы уже писали, что прапроудъ, прапроудьныи представляют собою чехо-моравское видоизменение ст.-сл. **прѣпрждь, прѣпрждьнъ,** употребленных первыми переводчиками греческих церковных книг на южнославянское наречие для передачи греч. πορφύρα, πορφύρεος.

Известно также, что **прѣпрждь** или **прапрждь, прапрждъ** и производные от них в восточной Болгарии были заменены на местные **багъръ, багърѣнъ, багърѣница,** поэтому, например, Остр., Супр. знают только последние слова, а Асс. и Сав.: — только **прѣпрждь, прѣпрждьнъ,** а Зогр. и Мар. — **прапрждъ, прапрждьнъ**[71].

Характерно то, что пришедшие к нам вместе с церковными книгами в западнославянской форме слова прапроудъ, прапроудьныи не встречаются в оригинальных памятниках древнерусской письменности; вместо них древнерусские книжники широко употребляют багъръ, багъраница, багъраныи, позже и багровыи. Чем

---

[69] Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкований. Изд. В. Н. Бенешевича. Т. I, вып. 2. СПб., 1906, стр. 443.

[70] Там же, стр. 299.

[71] А. С. Львов. Очерки по лексике. . ., стр. 220—223.

это объясняется, неизвестно. Возможно, что в древнерусском языке багръ и производные от него были не церковнославянизмами, а собственными словами так же, как и в восточноболгарских диалектах. Из сказанного следует, що перевод Хр. Г. Ам. слова прапроудъ, прапроудьныи едва ли могли внести русские переводчики. Между тем слово багранъ в Хр. Г. Ам. встречается исключительно редко, ср.: ѡ багранѣмъ столпѣ (14); столпъ каменъ постави весь багранъ (339).

Рачити в значениях 'желать, хотеть', 'стремиться' в памятниках ст.-сл. письменности признается моравизмом[72]; оно зафиксировано один раз в Клоц. сб. (л. 2б, 23), Син. трб. — 15 раз и Супр. — 18 раз. Правда, **рачити** встречается в памятниках, происхождение которых связано с Моравией или Панноническ, как: Жития Константина и Мефодия, легенда о Вячеславе (Вацлаве), Фрейзингенские отрывки, Эммерамская молитва, переведенная с немецкого языка и включенная в состав Син. трб. (лл. 72а—73а, 1) и др. Поскольку в таких памятниках старославянской письменности, как евангелия, псалтырь и апостол, слово **рачити** не фиксируется, имеются основания считать, что в те памятники, в которых встречается **рачити**, данный глагол действительно мог войти в Моравии или Паннонии. К сожалению, этимология слова **рачити** бесспорно не выяснена, допущение, что оно может быть от корня *rek-/rok-* 'речь', требует проверки, так же и то, являются ли первичными или вторичными южнославянские слова с основой *rač-*[73].

В Пов. вр. л. и Сказ. БГ слово рачити не встречается. Правда, в списке XIV в. Сказ. БГ имеется это слово в предложении: кнзь... въсхотѣ бракъ створити ѥмоу (Борису. — *А. Л.*) а блжныи не хоуде рачаше (Материал картотеки СДР), но в списке XII в. этого предложения нет. В Хр. Г. Ам.: цсрь... Павлиноу рачьствоуцю, ѩблоко ѥмоу посла (401); а водныѩ съставы ѡкиѩнъ нарекоша. Афродитию же желание и рачительство нарекоша (70). В ПТ, ср.: и питаниѩ различна не ищеть и одѣниѩ красна не рачитъ. и лѣт долгыхъ не желаеть (441); не рачи Двдъ ороужиѩ ѥго. но взѧ палицю свою (751). Находим интересующее нас слово в ЖФП: и обхода всѧ монастырѧ хотѧ быти мнихъ и молѧсѧ имъ да приѩтъ ими боудеть. ѡни же видѣвъше отрока простость и ризами же хоудами облечена не рачиша того приѩти (31а, 29—31, 31б, 1—4), в списке XV в.: не хотѣша того приѩти; и не бо рачитъ видѣти кого (32б, 20—21); се оуже четвертъи

---

[72] V. Vondrák. Studie z oboru církevněslovanského písemnictví. Praha, 1903, стр. 43, 47, 83, 161; R. Nahtigal. Euchologium sinaiticum. . ., стр. 66 и 208 и сл. Подстрочные примечания.

[73] Младенов, стр. 557 и сл.; Речник на съвременния български книжовен език. Т. III. София, 1959, стр. 92.

дн҃ь имать. не въкоушаꙗ брашьна ни въ ѡдежю рачитъ облѣщисѧ (34г, 24—28) и другие. Слова рачити, рачение, рачитель, рачительство были широко распространены в памятниках древнерусской письменности церковнославянского происхождения (Срезн. Мат. III, 110 и сл.). По всей видимости, древнерусские книжники усвоили слова с основой *rač-* из церковной литературы и порою пользовались ими в собственных сочинениях. Однако у нас нет данных утверждать, что в восточнославянских языках слова с основой *rač-* были бы праславянским наследием.

Оурѣснити зафиксировано в Хр. Г. Ам. для передачи греч. πληροφορέω 'удостоверять'; ср.: хоташе ѥмоу оурѣснити и написа ѥмоу (381); клѣветныꙗ харотиꙗ принесъ, предъ всеми съжьже, клятвою оурѣсникъ имъ ꙗко не прочте соущихъ въ нихъ написаныхъ (343) и другие. Рассматриваемое слово от основы *rěsn-*, от которой рѣснота, рѣснотивьнъ и др. Все эти слова в памятниках ст.-сл. письменности признаются мораво-паннонизмами[74]. По данным Материалов для словаря древнерусского языка И. Срезневского, слова с основой *rěsn-* зафиксированы только в памятниках церковнославянской письменности, по-видимому, эти слова не вошли в активный речевой фонд древнерусских книжников (Срезн. Мат. III, 222 и сл.. 238, 1261).

На этом закончим наш обзор. Разумеется, мы далеко не исчерпали тему. Собственно, нашей задачей была только предварительная постановка вопроса. Приведенные наблюдения все же позволяют констатировать.

1. В целом, чехо-моравизмов в лексике рассмотренных памятников письменности количественно немного. При этом Сказ. БГ свободно от названной лексики в пределах списка рассмотренных слов, ЖФП и Пов. вр. л. сравнительно с ПТ и Хр. Г. Ам. содержат ее также в небольшом количестве. Иначе говоря, оригинальные памятники древнерусской письменности употребляют, надо полагать, в основном вошедшие в речь книжника заимствованные слова. Что касается цитат из церковных книг в древнерусских оригинальных памятниках письменности, то в них количество чехо-моравизмов больше. Так, в Пов. вр. л. по Ип., Радз., Акад. и другим спискам в «Речи философа» читается: чловѣци... исполнишасѧ блуда и всѧкого скареда (Ип.: скардѣꙗ, 35 об.), а в Л. уже: всѧкоꙗ нечистоты (29 об.). Слова с основой скарѣд — нередко встречаются в ПТ: скарѣдыꙗ (126, 200), скарѣдьство (455) и другие. Как нам удалось установить, все слова с основой *skarěd-* искони были известны как общеупотребительные только западнославянским языкам[75]. В ПТ находим ряд других не рассмотренных

---

[74] V. Jagić. Указ. соч., стр. 352 и сл.; А. С. Львов. Очерки по лексике. . ., стр. 135 и сл.

[75] А. С. Львов. О славянских словах с основой *skarěd-*. «Этимология. 1966».

выше чехо-моравизмов, или шире — западнославянизмов, как: высость, ср. чеш. *výsost*, словац. *výsost'*; рѣчь 'res'; приносъ 'дар'; ср. в Киевских листках пріносъ в переводе лат. *hostia*; пропати[76] и другие.

Все сказанное свидетельствует о том, что многие западнославянизмы вошли в речь древнерусских книжников из памятников церковнославянской письменности.

2. Как отметили выше, в Хр. Г. Ам., наряду с первичными восточнославянизмами, имеются чехо-моравизмы, которые, по всем данным, не вошли в активный словарный фонд древнерусских книжников. Эти чехо-моравизмы также невозможно объяснить как вторичные, отсутствовавшие в первоначальном переводе, к ним относятся: гъдовабль, женатець, крижамо, моукарь, прапроудъ и др. Н. Дурново допускал, что в переводе Хр. Г. Ам. вместе с русскими принимали участие и чехи[77]. Думается, такое допущение правдоподобно. О том, что на Руси работали и чешские книжники, в частности, свидетельствует запись, по всей видимости, сделанная тут же после 1076 г. на одном столбе Софии Киевской, где читается: Сватославъ... вь^пама[шьє]тиє сватославѣ[78] (скобки наши. Надо полагать, писец исправил замеченную описку, не соскоблив предварительно ошибочно написанное шьє). Написания: свато... вместо свято...; памат... вм. памят... — явные свидетельства, что писцом был чех или словак. Й. Хамм полагает, что известный чешский деятель XI в. Прокоп до основания Сазавского монастыря был в Киеве, где усвоил кириллицу, церковнославянский язык, культ Бориса и Глеба — и все это перенес в Сазаву[79].

3. Приведенная выше по своему происхождению западнославянская церковно-религиозная терминология: законъ кетъхъıи, законъ новъıи, комъканиє, комъкати, мъниχъ, неприязнь 'нечистый дух', 'дьявол', оплатъкъ, папежь, сюда же, вероятно, и малъжена, свидетельствует о том, что этой терминологией свободно владели древнерусские книжники, обычно являвшиеся представителями духовенства. Только близкое знакомство с римскими церковными обрядами и живое общение с духовенством, проводившим службу в церкви по этому обряду, могло закрепить эту терминологию в языке древнерусского духовенства (и книжников тоже). Свидетельство Кирика: оже будеть къıи человѣкъ

---

[76] А. С. Львов. Очерки по лексике. . ., стр. 223 и сл.

[77] Н. Дурново. К вопросу о национальности славянского переводчика Хроники Георгия Амартола. «Slava», ročn. IV, 1925, seš. 3, стр. 460; Он же: Рецензия на т. III исследований В. М. Истрина о Хронике Георгия Амартола. «Slavia», ročn. IX, 1930, seš. 4, стр. 815.

[78] С. А. Высоцкий. Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Вып. I. Киев, 1966, стр. 42, а также см. таблицы XI и XII.

[79] J. Hamm. Hrvatski tip crkvenoslavenskog jezika. «Slovo», 13, Zagreb, 1963, стр. 48.

и крещенъ въ Латиньскую вѣру, и въсхощеть приступити къ намъ... осмый день... облечеши и въ порты чисты... и надежеши ризы крестныя...; а оже се носили къ варяжьскому попу дѣти на молитву, 6 недѣль опитемье, рече, занеже акы двовѣрци суть[80], — показывает, что и в XII в. на Руси были церкви, где была известна «латинская вера». Об XI в. писал Феодосий Печерский: Мнѣж реч ѿць моі ты же чад блюдиса. кривовѣрныхъ. і всѣхъ їхъ словесъ. зане ісполниласа ї наша земла злыа тоа вѣры[81]. До этой цитаты автор ее, разоблачая, пишет о «вѣре... латыньстѣи».

Кирик, говоря о варяжском попе, думается, имеет в виду представителей западнославянского духовенства, а не скандинавцев, которые не могли насаждать латинскую веру на понятном восточным славянам языке. В XI—XII вв. под варягом понимали просто иноземца; ср.: бѣ жа (Ип.: же) варагъ (Ип.: варагъ тъ) пришелъ изъ (Ип.: ѿ) грекъ (и) держаше вѣру хсеаньску (Л. 26 об. Ип. 32).

Изложенное подкрепляет мысль Н. К. Никольского: «Взаимоотношение Руси с западом в старое время было бесспорным историческим фактом. Оно было унаследовано от довладимировой эпохи и, несмотря на противодействие греческой иерархии, начавшееся во 2-й половине XI в., не прервалось и ближайшие к ней столетия»[82].

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Акад. — Список летописи бывшей Московской Духовной Академии. Ссылка по вариантам чтений, приведенных в подстрочных ссылках. Л.
Acc. — Evangelář Assemanův, díl II. Vydal J. Kurz. Praha, 1955.
Berneker. — E. Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I. Heidelberg, 1908—1913.
Brückner. — A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957.
ДРС — Картотека Малого древнерусского словаря XI—XVII вв.
Vasmer — M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I—III. Heidelberg, 1953—1958.
Зогр. - Зографское евангелие. Изд. В. Ягича. Berolini, 1879.
Клоц. сб. — Clozianus staroslovénský hlaholský sborník Tridenský a Insbrucký. K vydání připravil A. Dostál. Praha, 1959.
Мар. — Мариинское четвероевангелие с примечаниями и приложениями. Изд. И. В. Ягича. СПб., 1883.
Machek. — V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
Miklosich. F. — Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.

---

[80] Ф. Буслаев. Указ. соч., стб. 385 и 387.
[81] Там же, стб. 518 и сл.
[82] Н. К. Никольский. К вопросу о следах мораво-чешского влияния на литературных памятниках домонгольской эпохи, стр. 16.

Младенов — С. Младенов. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941.
Остр. — Остромирово евангелие 1056—57 г. Изд. А. Х. Востокова. СПб., 1843.
Радз. — Радзивиловский список летописи. Ссылка по вариантам чтений, приведенных в подстрочных ссылках. Л.
Сав. — Саввина книга. Изд. В. Щепкина. СПб., 1903.
СДР — Картотека Словаря древнерусского языка XI—XIV вв.
Син. пс. — Синайская псалтырь глаголический памятник XI в. Изд. С. Северьянова. Пг., 1922.
Син. трб. — Euchologium sinaiticum. По изданиям: J. Frček. — Patrologia orientalis, т. XXIV, fasc. 5; т. XXV, fasc. 3. Paris, 1933 и 1939, и R. Nahtigal. II del. Ljubljana, 1942.
Sławski — F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego, т. I. Kraków, 1952—1956; т. II, там же, 1958—1965.
Супр. — Супрасльская рукопись. Изд. С. Северьянова. СПб., 1904.

Н. И. Толстой

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОЙ СЛАВЯНСКОЙ СЕМАСИОЛОГИИ

Следует ожидать, что само заглавие доклада вызовет полемику и возражения. Правомерно ли говорить о «славянской», или «русской», «сербской», «болгарской» семасиологии на таком же основании, как мы говорим о славянской, соответственно русской, сербской и т. д. фонетике, морфологии, синтаксисе? Существует ли в отдельных славянских языках семантическая специфика, каким образом она выявляется и на каких основах возможно ее изучение в сравнительном плане? Не являются ли семантические категории универсальными, как универсально и человеческое мышление, и можно ли говорить о различиях в плане содержания так же, как мы говорим о различиях в плане выражения — на уровнях фонетическом, морфологическом и синтаксическом?

В фонетике (resp. фонологии), как известно, план содержания в классическом смысле этого слова отсутствует. В морфологии и семантике наблюдаются оба плана: и выражения и содержания, причем чаще всего принято исходить из первого, на основании которого определяется второй. Словарный состав языка следует также рассматривать в двух планах — выражения (лексикология) и содержания (семасиология) [1], однако их тесная взаимосвязь приводила исследователей обычно к тому, что так называемая лексикология занималась одновременно как формальной, так и внутренней стороной слова, а на долю семасиологии долгое время оставалось лишь рассмотрение «изменения значений слов», т. е. определенная часть ее диахронического аспекта. Между тем семасиология как автономная научная дисциплина, занимающаяся

[1] Разграничение дисциплин — лексикологии, рассматривающей словарный состав в аспекте *лексем*, и семасиологии, рассматривающей словарный состав в аспекте *семем*, требует специального обоснования. Отметим только, что в последнее время развитие лексикологии дает все больше основания говорить о «чистой» лексикологии — лексикологии, обращенной исключительно к лексемной стороне словаря. Ср. возникновение частотных словарей, обратных словарей и т. п.

планом содержания словарного состава языка (однако не в отрыве от плана выражения), может существовать лишь в том случае, когда определен ее предмет в синхронном плане, когда решается вопрос о семантической структуре языка. Такую проблему достаточно четко поставил Л. Ельмслев в своем докладе на VIII конгрессе лингвистов в Осло [2]. С тех пор в сравнительно короткий срок в этом направлении было сделано многое. Тем не менее остается неясным вопрос, в какой мере можно говорить об особенностях семантических структур отдельных языков и диалектов, об их различии (resp. общности), несмотря на серию работ Б. Уорфа, Л. Вейсгербера и др.

Сравнительный анализ отдельных семантических систем или их фрагментов как в синхронном, так и в диахроническом аспекте требует типологического подхода, т. е. сопоставительного анализа на едином основании, результатом которого оказывается установление соотношений отдельных языковых (диалектных) систем с единой метаязыковой (надъязыковой, наддиалектной) сеткой-моделью, включающей максимальное число признаков.

Если рассматривать типологию исключительно сквозь призму универсалий, то придется признать резонность рассуждений В. Скалички [3] о том, что «в отношении лексики все языки очень похожи друг на друга» и потому применительно к этому уровню языка следует говорить лишь о «микротипологии», а также о том, что конфронтация близкородственных, в частности славянских языков, тоже не выходит за рамки «микротипологии» (в таком случае типология славянского словарного состава окажется «микромикротипологией»). Но если понимать типологию (типологический подход) как определенный инструмент — метод анализа, то нет нужды операции на одном материале считать более, а на другом менее типологическими.

Дело заключается, естественно, не в спорах о терминологии; для конфронтации систем близкородственных языков на едином основании можно было бы принять любой другой термин, если бы он достаточно хорошо отражал суть операций и создаваемых на их основании построений. Для типологии близкородственных языков, как и для типологии вообще, существенны не только формальные различия, но и общность, которую можно характеризовать, как общность «типа», или «типовой структуры». Славянский семасиологический «тип» в широком смысле этого слова (если вообще можно говорить о таковом как об едином явлении) опре-

---

[2] См.: L. Hjelmslev. Dans quelle mesure les significations des mots peuvent-elles être considérées comme formant une structure? — Сб. «Proceedings of the Eighth International Congress of Linguists». Oslo,1958, русск. пер.: Л. Ельмслев. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? — Сб. «Новое в лингвистике», II. М., 1962.

[3] См.: В. Скаличка. К вопросу о типологии. — ВЯ, 1966, № 4, стр. 23.

деляется во многом славянским морфологическим и лексическим (лексемным, включая сюда и словообразовательный) типом. При этом типология близкородственных, например, славянских языков, особенно их лексико-семантическая типология («микромикротипология»), может иметь также достаточно специфический аспект исследования — в отличие от «классической» общей типологии, устанавливающей, в основном, ка́к одни и те же категории, одно и то же содержание выражаются различными средствами; она способна продемонстрировать, ка́к одними и теми же или весьма близкими формальными средствами языка выражается разное содержание.

Именно этот аспект вызывает особый теоретико-лингвистический и специально-славистический интерес. Сам по себе он не нов, так как вся «классическая» семасиология обращена к рассмотрению изменения значений отдельных слов (или группы слов), смены семем, соотнесенных с одной и той же лексемой. Более новым моментом можно считать обращение к теории поля, т. е. требование системно-группового рассмотрения слов (лексем и семем), а также попытку определять конечное число группы слов, т. е. границы семантического поля на основе амплитуды колебания одной лексемы. Последний вопрос был затронут нами в других статьях [4], и поэтому здесь он будет изложен фрагментарно.

Возвращаясь к поднятому В. Скаличкой вопросу о том, насколько результаты типологических исследований предопределяются материалом, и соглашаясь с ним, что «универсалии славянских языков (или других близкородственных языков) принципиально отличаются от универсалий языка вообще» [5], отметим, что и в пределах самих славянских языков выводы, касающиеся различий и общности в семантической структуре отдельных конкретных систем, будут не одинаковы в зависимости от того, обратимся мы к славянским диалектам или к литературным языкам. Длительное взаимодействие славянских литературных языков, их сближение и отталкивание, наконец, их связь с другими европейскими литературными языками привели к тому, что в сфере семантической славянские литературные языки оказались очень близки друг к другу [6]. Большее разнообразие и сложность

---

[4] См.: Н. И. Толстой. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. — ВЯ, статья I, 1963, № 1; статья II, 1966, № 5, В дальнейшем сокращенно: «Из опытов», I, «Из опытов», II.

[5] См.: В. Скаличка. Указ. соч., стр. 23.

[6] Если обратиться, например, к современному русскому литературному языку, то можно отметить, что церковнославянское влияние сказалось на нем не только в появлении целого ряда форм, не свойственных русской народной речи (неполногласие, приставка *из-*, причастие на *-щ-* и т. д., и т. п.); см.: А. А. Шахматов. Очерки современного русского литературного языка. Изд. 4. М., 1941, стр. 70—89; A. Šachmatov — G. Y. Shevelov. Die kirchenslavischen Elemente in der modernen russischen Literatursprache. Wiesbaden, 1960), но и в выборе идентичных или близких

соотношений типов наблюдается в диалектах, что делает диалектный материал более эффектным и результативным для семасиологических исследований типологического плана. Если же речь пойдет о необходимости дальнейшего перехода от синхронно-современных типологических исследований к исследованиям сравнительно-историческим (не исключающим также типологического подхода), направленным на реконструкцию праславянского состояния, то преимущество диалектного материала будет бесспорным.

Нынешний славянский диалектный ландшафт в отношении многих явлений представляет собой нечто вроде развернутой в пространстве диахронии, в которой временна́я последовательность развития систем или их фрагментов манифестируется в территориальной проекции. Это положение осознавали еще в начале нашего века А. А. Шахматов и другие диалектологи, говорившие о значении диалектологии для истории языка. В самом деле, если обратиться, например, к такой проблеме, как историческая фонетика (фонология) словенского языка, то станет ясно, что именно наличие многочисленных рефлексов звуков, образовавших праславенскую звуковую систему, в современных диалектах и их организованность в виде отдельных локальных диалектных систем дают возможность полнее восстановить последовательность явлений и процессов, учитывая ряд этапов и промежуточных звеньев. Не будь этого диалектного разнообразия рефлексов и конкретных диалектных фонологических систем, многие процессы оказались бы неучтенными, а весь путь развития словенского вокализма и консонантизма представлялся бы нам упрощенно, а может быть, даже и ошибочно [7]. То же самое можно сказать применительно к отдельным семантическим микросистемам, демонстрирующим различные семантические сдвиги и трансформации, учет которых необходим для исторической семасиологии [8].

к церковнославянским слов (лексем) из диалектного запаса и особенно в закреплении за ними общих с церковнославянскими значений (семем). Следует учитывать также тот факт, что не все славянские литературные языки одинаково нормированы и в равной степени «абстрагированы», удалены от диалектной основы. Так, например, значительная лексическая «свобода нормы» наблюдается в сербско-хорватском языке, где принято немало «региональных» (диалектных) слов; близки к диалектной лексике нижнелужицкий и македонский и т. д. Что касается русского, польского или словенского, то они, наоборот, достаточно удалены от диалектной базы. Следует учитывать также различия в степени влияния литературного языка на диалекты, которое может быть очень интенсивным, как в Чехии.

[7] См. доклад Я. Риглера на V Междунар. съезде славистов: J. Rigler. Pregled osnovnih razvojnih etap v slovenskem vokalizmu. «Slavistična revija», let. XIV, № 1—4. Ljubljana, 1963.

[8] Это положение интересно иллюстрировал В. Бланар в докладе, представленном на IV Междунар. съезд славистов. См.: V. Blanár. K problémom porovnavácej lexikológie slovanských jazykov. — Сб. «Československé přednášky pro IV mezinárodni sjezd slavistů v Moskvě». Praha, 1958.

Именно поэтому желательно, чтобы лексико-семантические исследования славянских диалектов, в которых, наряду с типологическим, был бы достаточно последовательно соблюден и лингвогеографический аспект, предваряли сравнительно-исторические штудии, направленные на праязыковую реконструкцию. При этом, надо полагать, реконструкция семантики слова (или группы слов), а в какой-то мере и его словообразовательной модели, окажется во многих случаях построенной на вероятностной основе в виде набора более или менее возможных единиц значения (resp. аффиксов и т. п.), в отличие от корневых и отдельных лексемных реконструкций, которые могут быть представлены одной формой.

Трудность построения лексико-семантической типологии современных славянских диалектов заключается не только в том, что нынешнее состояние славянской диалектной лексикографии, оснащенной, и то довольно неполно, в основном, дифференциальными словарями, во многих случаях затрудняет, а то и вовсе делает невозможным системное исследование отдельных лексических групп, но также, а может быть, прежде всего, в том, что до сих пор лингвистика не выработала достаточно точных и надежных способов характеристики лексико-семантической системы языка в целом. Более того, даже для фрагментов этой системы — лексико-семантических микрополей — не установлены четкие лингвистические, а не предметно-логические и другие критерии выделения. Иначе говоря, помимо препятствий практического свойства, немало чисто теоретических затруднений. В общем, между более или менее умозрительными требованиями типологического рассмотрения семантической системы языка и возможностями анализа конкретного материала остается дистанция довольно внушительного размера.

Фрагментарное рассмотрение семантической системы языка проводилось в последние десятилетия на основе так называемого «семантического поля» («словесное поле», по Й. Триру, «языковое поле», по Л. Вейсгерберу, «понятийное поле», по Э. Духачку, и т. д., и т. п.) [9]. В большинстве случаев такое поле выделялось на базе общности понятий, т. е. на чисто логической основе, что создавало, помимо сложности установления границ, определявшихся иногда чисто интуитивно, прежде всего трудности лингвистического его обоснования. Именно этот момент, надо полагать, и побудил М. Конрадт-Хикинг и П. Гиро обращаться при построении поля не столько к значимой стороне, сколько к стороне формальной (лексемной, корневой и т. п.). М. Конрадт-Хикинг строит «словесное поле» на основе омонимов Eule ('птица', 'щетка', 'горшок'), входящего в состав сложных слов, а П. Гиро «морфосемантическим полем» называет «комплекс отношений форм и значений, сформировавшийся в рамках одной группы слов» [10], т. е. выделяемых по гнездо-

---

[9] См. обстоятельный обзор работ по различным методам выделения семантических полей в кн. А. И. Кузнецовой «Понятие семантической системы языка и методы ее исследования». М., 1963.

[10] См.: P. G u i r a u d. La Sémantique. Paris, 1964, стр. 89. См., например, его статью с рассмотрением «поля кота». P. G u i r a u d. Les champs morpho- sémantiques (Critères externes et critères internes en étymologie). —

вому принципу. Оба исследователя строят семантическое поле на материале одного языка, — М. Конрадт-Хикинг немецкого литературного, а П. Гиро — французского, и оба исходят из этимологического принципа. В поле П. Гиро обычно входят слова одного корня, а в поле М. Конрадт-Хикинг — сложные слова, один из компонентов которых — одинаковая лексема. Такой, безусловно имеющий право на существование, подход все же оставляет вне наблюдения значительную часть слов одного семантического ряда, неполных синонимов, антонимов и т. п. А между тем постулат Й. Трира и его последователей о том, что значение и положение отдельного слова внутри группы определяется через его окружение, нужно признать исходным не только для семантической системы языка, но и для системы или ее фрагментов любого языкового уровня (если *слово* соответственно заменить *фонемой*, *морфемой* и т. п.).

Задача семасиолога, очевидно, должна состоять в том, чтобы найти способ выделения микрополя, которое заключало бы в себе не только однокоренные слова (гнезда слов и т. п.), но и было бы в то же время построено на формально-лингвистических, а не логических основаниях. Кроме того, для семасиолога-компаративиста важно, чтобы это поле могло служить основой для сравнения фрагментов лексико-семантических систем близкородственных языков и диалектов. Второе требование означает, что такое «поле» следует конструировать на надъязыковом (метаязыковом) уровне так, чтобы дедуктивным путем с его помощью в каждой конкретной языковой (диалектной) лексико-семантической системе можно было выделять аналогичные по объему поля (ограниченные семантические пространства). Что же касается распределения внутри этого пространства (поля) отдельных лексем в каждом отдельном языке (диалекте), то их конфигурация (а в каком-то отношении и состав лексем) и будет определять конкретный семантический (resp. лексико-семантический) «микротип», служащий исходным показателем для дальнейших типологических штудий.

Лингвистический индуктивный способ построения подобного эталона-модели для микрополя мы находим в установлении междиалектной (межъязыковой) амплитуды колебания «опорной» лексемы, которая представляет собой сумму возможных семантических переходов (сдвигов) слова или слов, выраженных одной лексемой, в группе близкородственных языков (диалектов). Естественно, что чем меньше группа близкородственных языков, тем короче «амплитуда колебания», т. е. тем меньше сумма семантических сдвигов.

В двух ранее опубликованных наших работах предлагалось рассмотрение полей «дождь — погода — время — год — час» и

«Bulletin de la société de linguistique de Paris», t. 52, f. 1. Paris, 1956, стр. 269—274. См. также обзорную статью J. Melvinger. Teorije lingvističkih polja u semantici. Metod stilističkih polja Pierra Guirauda. «Прилози проучавању језика», књ. 2. Нови Сад, 1966. M. Konradt — Hicking. Wortfeld oder Bedeutungsfeld (Sinnfeld)? «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen», Bd. 73, H. 1—2. Göttingen, 1956, стр. 222—234.

«дерево — лес — древесный материал — ствол дерева — ветки», конструированных на основе «опорных» лексем *+godina* и *+berzina* [11]. В них демонстрировалось различное распределение лексем на семантической сетке (на микрополе), но не говорилось о задачах выбора «опорной» лексемы. В принципе «опорной» лексемой может быть любая лексема, выражающая междиалектную омонимию. Из числа лексем, входящих, кроме «опорной», в каждое конкретное поле (поле конкретного диалекта), многие могут стать, в свою очередь, опорными и образовать другие поля. Таким образом, может быть установлена связь разных полей, которые в общем не примыкают, а перекрещиваются и входят друг в друга, что придает лексико-семантической системе языка не только прочную внутреннюю спаянность, но и известную мобильность и гибкость. Однако допустимость выбора любой из лексем, имеющих некоторую, пусть даже небольшую междиалектную (межъязыковую) амплитуду колебания, может привести практически к такому значительному количеству микрополей, которое окажется приближенным к численности словарного состава конкретного языка (диалекта). Поэтому в первую очередь следует строить микрополя, в которых бы амплитуда колебания «опорной» лексемы, или ее значительный отрезок (большая часть «семантических звеньев»), повторялась другой или, что еще важнее, другими лексемами [12].

Так, в поле «дождь — погода — время — год — час» [13] опорная лексема *+godina* образует на материале всех славянских диалектов звенья 'благодатный дождь', 'дождь', 'хорошая погода', 'погода', 'плохая погода', 'год', 'час', однокоренная лексема *+pogoda* только на великорусском диалектном материале, по данным О. Н. Мораховской, отмечается в звеньях 'осадки (дождь со снегом, снег)', 'хорошая погода', 'погода', 'плохая погода', лексема *+vermę* — на материале всех славянских диалектов в звеньях 'плохой дождь', 'хорошая погода', 'погода', 'плохая погода', 'время' [14], лексема *+čas* — на том же материале в звеньях 'погода', 'время', 'час', 'мгновенье' и т. п. (ср. укр. диал. *хвиля* 'погода', 'хорошая погода', 'буря', 'время', 'минута' и т. д.).

С формально-логической точки зрения отрезок поля 'дождь (осадки)' — 'погода' не связан с отрезком 'время' — 'год' — 'час' — они окажутся отнесенными к разным понятийным полям. Однако при предлагаемом нами лингвистическом подходе они будут

---

[11] См.: «Из опытов», I и II.

[12] Чем больше число лексем, повторяющих в разных языках (диалектах) те же семантические сдвиги, тем бо́льшую силу закономерности («закона») эти сдвиги имеют.

[13] В целях экономии места нами не вводится новый, а используется, в основном, тот материал, который приводился в статьях («Из опытов»).

[14] В поле «дождь — погода — время — год — час» звено 'время' устанавливается на основе амплитуды колебания лексемы *+verme*, частично повторяющей амплитуду лексемы *+godina*.

составлять одно поле, так же, как они окажутся в одном поле и при психолингвистическом эксперименте [15].

Определением границ семантического поля на основе амплитуды колебания «опорной» лексемы, или что то же — наддиалектной «семантической цепи» [16], не ограничиваются операции надъязыкового (метаязыкового) порядка. Одновременно устанавливается семантическая сетка внутри поля, состоящая из конечного множества клеток (в ряде случаев совпадающих с «семантическими звеньями»). Каждой семантической клетке должна соответствовать отдельная лексема (т. е. не занимающая отдельных клеток), обнаруживаемая хотя бы в одном из диалектов (языков) исследуемого континуума. Таким образом, достигается максимальная дробность (частота) и полнота сетки. Естественно, что при обращении к конкретному материалу (т. е. уже не на метаязыковом уровне) во многих диалектах (языках) обнаружатся случаи, когда одна лексема будет покрывать две и более клетки. Так может быть определен семантический объем («значение») слова, выраженный конкретной лексемой и обусловленный в каждой конкретной системе противопоставлением другим словам — лексемам, занимающим соседние клетки семантического микрополя.

Подобная процедура исследования позволяет с достаточной наглядностью подтвердить в принципе известное положение: семантический объем слов тем шире, чем меньше число лексем приходится на замкнутое семантическое пространство (поле), в которое они входят, и тем у́же, специальнее, чем большее число лексем приходится на это пространство.

С другой стороны, широта семантического объема ведет, как правило, к уменьшению числа семантических дифференциальных признаков (СДП или сем), а узость объема — к их увеличению [17]. Последнее утверждение не распространяется, однако, на очень значительное число неразложимых семем (типа 'береза', 'ольха', 'мак', 'полынь' и т. п.), которые мы вынуждены пока трактовать как состоящие из одной семы (т. е. имеющие один СДП, равный семеме).

---

[15] Такой эксперимент на материале современного русского литературного языка провела А. П. Клименко. См.: А. П. Клименко. О психолингвистической модели семантической микросистемы времени в русском языке. «Вопросы лексики и грамматики русского языка», II. Фрунзе, 1964, стр. 66—84.

[16] «Семантическая цепь (resp. «звено») — понятие, более применимое к диахроническому аспекту, «амплитуда колебания лексем на семантической сетке» — к метаязыковому.

[17] Эти носящие предварительный характер утверждения можно сопоставить с выводами, сделанными относительно зависимости между составом дифференциальных признаков (ДП) фонем (парадигматической характеристики фонемы) и их дистрибутивными свойствами (синтагматической характеристикой фонемы), выражающейся, в частности, в том, что фонемы, имеющие большее число положительных показателей ДП, более «индивидуализированы», отличаясь при этом ограниченной сочетаемостью.

Практика перевода давно вскрыла неодинаковость семантического объема ряда «эквивалентных» слов в разных языках, в том числе и в родственных, где эти слова часто выражаются одной и той же лексемой. Проблема разности семантического объема достаточно остро встает при создании дифференциальных (по отношению к литературному) диалектных словарей, двуязычных словарей, автоматического перевода и т. п. Она возникает при любом сопоставительном анализе лексико-семантических единиц или систем разных языков и диалектов [18].

Выявление семантической разности слов конкретных диалектов (языков) может быть успешно проведено при обращении к семантической сетке с достаточной дробностью клеток (микрополя). Путем вычитания объема одной семемы из другой могут быть установлены разности, равные отдельным семантическим дифференциальным признакам (СДП или семам). При этом целесообразно и важно выполнять условие, согласно которому такая разность сначала определяется на семемах, выраженных одной и той же лексемой, а затем отыскивается на тех же семемах, выраженных разными лексемами [19]. При графическом изображении поля в виде

---

[18] Значительный семантический объем слова, определяемый обычно как «полисемантичность», выдается часто, при подходе к нему с мерилом другого языка, за омонимичность, что в принципе неверно, так как омонимичность означает исключительно полную несовместимость признаков разных семем, выраженных одной лексемой. Омонимы следует рассматривать лишь в пределах одной системы (диалекта, языка и т. п.). Что касается выражения «междиалектная омонимия», то его следует воспринимать как обиходный термин, применяемый на наддиалектном уровне.

[19] Так, в поле «дождь — погода — время — год — час» в кайкавском диалекте с. Чрнковец (р-н Загреба) *godina* занимает клетки 'благодатный дождь' (ниже на табличках знак +) и просто 'дождь' (знак ×), а *dešč* — клетку 'вредоносный дождь' (знак —); в чакавском диалекте с. Жеяне (р-н Риеки) *godina* отмечается лишь в клетке 'дождь', а в штокавском икавском диалекте с. Водице (р-н Риеки) *godina* занимает только клетку 'благодатный дождь', а *dažd* — клетку 'дождь':

	Чрнковец		Жеяне		Водице
+	godina	+		+	godina
×	godina	×	godina	×	dažd
—	dešč	—		—	

(подробнее см. мою статью «Из опытов», I, стр. 33).

Разность объема сначала может быть определена на семемах, выраженных только лексемой *godina* в первых двух случаях (диалектах), где в одном она покрывает клетки 'дождь' и 'благодатный дождь', а во втором только 'дождь'. Эта разность в третьем случае (диалект Водице) выражается только лексемой *godina*, так как в ней клетка 'дождь' покрывается лексемой *dažd*. В принципе мог бы быть обнаружен и четвертый диалект, где бы 'благодатный дождь' выражался особой лексемой, отличной от лексем *godina* и *dažd* (ср., напр., великорусск. диал. *ситуха*, *грибник* и т. п.); но и приведенных

сетки такая разность будет отображаться одной или несколькими клетками.

В качестве примера предлагается анализ известных нам значений географического термина *+gajь* во всех славянских диалектах [20].

Эти значения таковы: 1. 'лиственная роща' (оч. часто ДАБМ, ДАУМ) [21]; 2. 'небольшой лес среди поля, отдельный лес' (оч. часто ДАБМ, ДАУМ); 3. 'лесок, молодой лиственный лес' (часто ДАБМ, ДАУМ); 4. 'небольшой сосновый лесок' (редко ДАБМ 539, 778, 839, 931, 989); 'участок леса' (редко ДАБМ в 16 пунктах, БОС, Кард. КОС); 6. 'глухой лесной участок' (редко БОС); 7. 'опушка, край леса' (редко Вост. Полесье — собств. наблюдения); 8. 'лиственный лес' (редко ДАБМ 742, 744); 9. 'лес' (ДАБМ в 42 пунктах, БОС); 10. 'густой (дремучий), большой лес' (редко ДАБМ в 9 пунктах, ДАУМ 775, БОС); 11. 'сосновый лес' (ДАБМ в 27 пунктах); 12. 'молодой сосновый лес' (ДАБМ 131, 152, 176, 354, 418, 499, 778); 13. 'березовая роща' (ДАБМ в 25 пунктах); 14. 'молодой березовый лес' (ДАБМ в 12 пунктах); 15. 'дубовая роща' (ДАБМ 734, 739, 911); 16. 'дубовый лес' (ДАБМ 416, 1003); 17. 'липовая роща' (ДАБМ 619); 18. 'красивый лес' (ДАБМ 49, 75, 568, 980); 19. 'отдельное, одиноко стоящее дерево' (Kucała PSTWM); 20. 'лесок в долине' (ДАУМ 903); 21. 'долина' (ДАУМ 574); 22. 'небольшой тонкий участок на болоте, поросший редкими деревьями' (ДАБМ 658, 962, 974); 23. 'болото' (ДАБМ 128, 401); 24. 'лес на кладбище' (ДАБМ 593);

примеров достаточно, чтобы показать, как выделенный из сопоставления первых двух случаев релевантный признак («благодатность», «положительность») может образовывать отдельную семему (ср. третий случай).

[20] В целях экономии места, а также потому, что не во всех случаях нам известно, какими лексемами следует заполнять соответствующие клетки микрополя каждого диалекта, проводим анализ слова *+gaj*, взятого вне окружения, т. е. без противопоставленных ему слов. Подобное ограничение в данном случае возможно, так как наше основное внимание будет направлено лишь на разности семантических объемов термина *+gaj* и различия в его значениях, а не на причины этой разности и различия структурного (внутриязыкового) порядка.

[21] Значения даются преимущественно из белорусской, украинской и южнорусской зон. В других славянских зонах зафиксировано меньшее число значений, в основном совпадающих с отмеченными в восточнославянских диалектах. Подробнее об этом см. в моей кн. «Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды» (М., 1968).

Приношу глубокую благодарность зав. сектором диалектологии Ин-та языкознания АН БССР Ю. Ф. Мацкевич, зав. сектором диалектологии Ин-та языкознания АН УССР Ф. Т. Жилко, доц. Ленинградского пед. ин-та им. А. И. Герцена В. И. Чагишевой и доц. Ленинградского ун-та О. С. Мжельской за разрешение пользоваться картотеками белорусского и украинского диалектологических атласов и картотекой Брянского и Псковского областных словарей. Благодарю также моих коллег А. С. Соколовскую, Г. Ф. Вешторт и Л. Т. Выгонную за помощь в обработке белорусского материала.

Сокращения: ДАБМ — «Дыялекталагічны атлас беларускай мовы» — картотека. Цифра в скобках означает номер населенного пункта. ДАУМ — «Діалектний атлас української мови» — картотека первого тома. БОС — «Брянский областной словарь» — картотека. ПОС — «Псковский областной словарь» — картотека. Кард. КОС — С. М. Кардашевский. Курско-орловский словарь. («Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та, т. 88. М., 1960). ССУ — «Словарь русских говоров Среднего Урала», т. 1. Свердловск, 1964. Kucała PSTWM — M. Kucała. Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich Wrocław, 1957.

25. 'кладбище' (ДАБМ 273, 279, 291, 314, 317); 26. 'небольшой лес над рекой' (ДАУМ 911, 913); 27. 'небольшой лес, роща у деревни' (ДАБМ 661, 663, 665; ДАУМ 870); 28. 'поляна' (ДАУМ 706); 29. 'участок поля' (ДАБМ 53, 146, 517, 781, 990, Кард. КОС, ССУ); 30. 'кустарник' (ДАБМ в 26 пунктах, ДАУМ 512, 714, 866); 31. 'луг, заросший лозой' (ДАБМ 952, 962, 974, ДАУМ 866); 32. 'луг' (ДАБМ 615, 657, ДАУМ 36, 573, БОС, Кард. КОС); 33. 'топкий участок на лугу' (ДАБМ 518); 34. 'луг возле леса' (ДАБМ 658); 35. 'заросли кустов у реки' (ДАБМ 429, ДАУМ 853); 36. 'береза' (ДАУМ 794); 37. 'куча хворосту', 'хворост, ломаные ветки' (ПОС); 38. 'мусор, отбросы при сортировке соломы или обработке льна', 'мусор на гумне' (ПОС, БОС); 39. 'солома, идущая на подстилку свиньям' (ДАБМ 134); 40. 'место, где спят свиньи' (ДАБМ 133, 135, 238, 241, 243, 248); 41. 'высокая густая трава' (ДАБМ 904).

Из общего числа перечисленных значений первые 38 можно представить в виде таблицы, в которой предлагается опыт разложения семем на семы (СДП). В конце каждого ряда приводится отдельная лексема, соответствующая указанной семеме. Эти соответствия взяты в основном из переходных белорусско-украинских полесских говоров [22].

Для условных знаков предлагаются следующие объяснения:

+ наличие признака;
— отсутствие признака;
× индифферентность признака («скрытность»?);
( ) признак, претерпевший некоторые изменения;
[ ] признак, ставший нерелевантным;
/ / признак «полурелевантный»; этот же знак предлагается для тех случаев, когда признак не выявлен эксплоратором;

k — конкретизация признака;
h — гиперболизация признака;
t — транспозиция признака (переход признака в другой регистр).

с — сосна;
б — береза;
д — дуб;
Б — болото;
Д — долина;
Кл. — кладбище;
Сл. — селение;
Л — луг;
П — поле;
Р — река;

у (в нижнем углу) — у, близ чего-либо; рядом с чем-либо;

Кроме того, в тексте статьи:

' ' (лапки) означают семему;
" " (две лапки, кавычки вверху) означают семантический дифференциальный признак, сему (семантический ДП);
< > (угловые скобки) означают предмет;
≪ ≫ (двойные угловые скобки) означают свойство предмета.

Прежде, чем приступать к комментированию приведенного примера, изложенного в таблицах, остановимся кратко на некоторых общих терминологических вопросах, связанных с характером

[22] Этот материал более подробно изложен в моих работах «Славянская географическая терминология» (в печати) и «Из опытов», II.

Таблица 1

№ п/п	Семемы \ Семы	Лес	Мал. в.	Отд.	Листв.	Частич.	Бол. в.	Дремуч.	Молод.	Порода	Красив.	Ед. дер.	Другая лексема
1	'лиственная роща'	+	+	+	+								*гай*
2	'отдельный небольшой лес' [1]	+	+	+	×								*круг*
3	'лесок, молодой лиственный лес'	+	+	+	+				+				*поросля*
4	'небольшой сосновый лес'	+	+	+	—					+ [c]			*хвойник*
5	'участок леса'	+	+	—	×	+							*остров*
6	'глухой лесной участок'	+	+	—	×	+		+					*дебря*
7	'опушка, край леса'	+	+	—	×	+ [2]							*край*
8	'лиственный лес'	+	—	—	+								*чернолесье*
9	'лес'	+	—	—	—								*лес*
10	'большой, густой лес' [3]	+	—	—	×		+	+					*гуща*
11	'сосновый лес'	+	—	—	—					+ [c]			*хвоина*
12	'молодой сосновый лес'	+	—	—	—				+	+ [c]			*хвойничок*
13	'березовая роща'	+	+	+	+ [к]					+ [б]			*березина*
14	'молодой березовый лес'	+	—	—	+ [к]				+	+ [б]			*березничок*
15	'дубовая роща'	+	+	+	+ [к]					+ [д]			*дубник*
16	'дубовый лес'	+	—	—						+ [д]			*дуброва*
17	'липовая роща'	+	+	+	+ [к]					+			*липник*
18	'красивый лес'	+	(+) [t]	(+) [t]	(+) [t]						+		
19	'отдельное одинокое дерево'	— [4]	(+) [h]	(+) [t]	×							+	*деревина*

[1] То же — 'небольшой лес среди поля'.
[2] С дальнейшей детализацией — 'участок с краю'.
[3] Сюда же относится 'высокий большой лес'.
[4] 'Лес' может рассматриваться как множество деревьев; 'одинокое дерево' — множество, доведенное до предела, до единицы.

Таблица 2

№ п/п	Семемы \ Семы	Лес	Мал. в.	Отд.	Листв.	Частич.	Геогр. объект	Геоботан. объект	Социал. объект	Землед. объект	Откр. место	Другая лексема
20	'лесок в долине'	+	+	+	×		+[д]					*байрак*
21	'долина'	×?					+[д]					*низ*
22	'топкий участок на болоте'	+	+	+	/+/			+[б]				*твань*
23	'болото'	×						+[б]				*болото*
24	'лес на кладбище'	+	[+]	[+]					+Кл			
25	'кладбище'	×							+Кл			*моглицы*
26	'небольшой лес над рекой'	+	+	+	/+/		+Р у		+Сл у			
27	'небольшой лес у селенья'	+	+	+	/+/							
28	'поляна'	—[5]	+	+							+	*поляна*
29	'участок поля'	—	(+)			+				+[п]		*нива*

[5] Признак 'леса' не исключен полностью и выступает как определяющий величину и отдельность референта.

Таблица 3

№ п/п	Семы / Семемы	Кустарн.	Мал. в.	Отд.	Листв.	Частич.	Геогр. объект	Топь	Берег	Хворост	Плох. солома	Другая лексема
30	'кустарник' [6]	+	/+/	/+/	[+]							*корчи*
31	'луг, заросший лозой'	+	[+]	[+]	[+]		$+^{л}$					
32	'луг'						$+^{л}$					*луг*
33	'топкий участок на лугу'		+	+		(+)	$+^{л}$	+				*озеро*
34	'луг возле леса'	— [7]	[+]	[+]			$+^{л}$					
35	'заросли кустов у реки'	+	[+]	+			$+^{р_у}$					
36	'берег'						$+^{р_у}$		+			*берег*
37	'куча хворосту'	[+]	+	+	[+]					+		*ломачье*
38	'мусор на гумне'	—	+	+							+	*шума*

[6] 'Кустарник' — в данном случае как 'ограниченная площадь, поросшая кустарником'; это может быть истолковано как гиперболизация и конкретизация признака «молодой» в семеме 'молодой лес'.

[7] Признак «леса» не исключен полностью и выступает как определяющий местоположение референта.

языкового знака. К этому нас побуждает в значительной мере разнобой в терминах и даже в понимании языкового знака, встречающийся в литературе. Естественно, что и систему избранной нами терминологии мы не считаем окончательной и в полной мере непротиворечивой.

Слово в семасиологическом аспекте — единство лексемы (звукоряда) и семемы (значения). В знаковых терминах это — единство десигнатора и десигната, которое по отношению к внеязыковым сущностям определяется как денотатор. «Внеязыковые сущности (явления или отношения объективной реальности) являются денотатами языковых знаков» [23].

Таким образом, при подходе от знака к предмету возникает следующее соотношение:

референт	— денотат [24]	— денотатор	{ десигнатор десигнат
предмет [25]	— предметная соотнесенность	— слово	{ лексема семема
предмет (реалема)	— понятие (объем понятия)	— слово	{ звуковая оболочка значение

При подходе от предмета к знаку, вероятно, окажется целесообразной следующая терминология:

предмет	— сигнификат	— сигнификатор	{ лексема семема
референт (реалема)	— знаковая соотнесенность (понятие; объем понятия)	— слово	{ лексема семема

В принципе лингвисты почти во всех случаях могут довольствоваться первой терминологией от знака к предмету или несколько упрощенной системой терминов: предмет (реалема) —

---

[23] См.: А. В. Исаченко. О грамматическом значении — ВЯ, 1961, № 1, стр. 32.

[24] В некоторых работах по семантике термины референт и денотат употребляются как синонимичные. Нами они поставлены в различные отсеки горизонтального ряда (т. е. представлены как не синонимы) по той причине, что под референтом понимается предмет реальной действительности (хотя и обобщенно) вне зависимости от знаковой (языковой) системы, а под денотатом — тот же предмет, но выделенный языковым знаком, имеющий знаковое обозначение.

[25] Во второй и последующих строках даются параллельные, с нашей точки зрения, термины. Их употребление может быть связано с различиями в концепциях слова как языкового знака (например, предметная соотнесенность, понятие, объем понятия, смысл и т. п.), а не просто с терминологической синонимией. Для нас сейчас наиболее существенно их отнесение в определенный отсек горизонтального ряда.

предметная соотнесенность — слово (распадающееся на лексему и семему).

Для понимания характера ряда семантических процессов существен тот факт, что два предмета могут иметь одну знаковую соотнесенность (одно понятие) и обозначаться одним денотатором (словом) и, наоборот, один и тот же предмет внешнего мира (реалема) может иметь две знаковых соотнесенности (два сигнификата) и обозначаться двумя сигнификаторами (словами). Иначе говоря, один денотатор может относиться к двум и более референтам и в то же время два денотатора могут быть соотнесены с одним референтом.

Так, напр., ‹иней на деревьях› и ‹иней на траве, земле› обозначается в русском языке одним словом *иней*, в то время как в болгарском это соответственно — *скреж* и *слана*. С другой стороны, ‹болото› или ‹пойма› могут восприниматься как географические объекты *болото* и *пойма*, но могут быть восприняты как объекты геоботанические и даже сельскохозяйственные — *луг*, *сеножать* и т. п. Так же, как одно и то же ‹бревно› (по-полесски *деревина*) в зависимости от функции, которую оно будет выполнять или выполняло, может называться *столбом* (полесск. *стоўп*), *кладкой* (полесск, *берва* и *кладка*), *балкой* (полесск. *балька* и *трам*) и т. п.

То звено соотношений, которое многие определяют как понятие, иные — как предметную соотнесенность, или как денотат (наконец, при ином подходе — и как сигнификат), следует, вероятно, воспринимать как некий ключ или регистратор[26] связующий знак с той или иной внеязыковой (т. е. относящейся к реальной действительности) функциональной сферой подобно тому, как коннотат можно трактовать в виде ключа к стилистической (экспрессивной и т. п.) сфере. Ключ этот необходим при наличии двух и более возможных регистров, для остальных же случаев, как, например, для части номенклатурной лексики, имеющей довольно строго терминологический характер, целесообразно, очевидно, говорить об его отсутствии и оперировать непосредственно одним звеном соотношения — связью предмета (реалемы, референта) и знака (слова).

Во всех случаях, тем не менее, следует различать понятие признака, относящееся к знаковой стороне соотношений, к десигнату (семеме), и понятие свойства, присущего предмету (референту, реалеме) как таковому, как объекту реального мира, вне отражающей его знаковой (языковой) системы. Совокупность семантических дифференциальных признаков (СДП) отражает свойства предмета (референта). Однако число свойств референта, соответствующих признакам десигната (семемы), меньше

[26] Наше понимание в данном случае приближается в известной мере к концепции Г. Стерна, видевшего между значением и референтом (предметом) промежуточное отношение (связь), являющееся «субъективным пониманием» (см.: G. Stern. Meaning and Change of Meaning. Göteborg, 1931), если термин «субъективный», однако, понимать не в буквальном смысле.

общего числа свойств предмета. Здесь можно вновь провести параллель с фонетикой и фонологией.

Число физических (артикуляторных, resp. акустических) свойств звука речи, соответствующих ДП фонемы, во всех случаях меньше их общего числа, которое не всегда можно определить как конечное. Дифференциальный признак может перестать быть таковым, оказаться нерелевантным и сохраниться лишь на фонетическом уровне (стать *интегральным*, по терминологии А. А. Реформатского), и, наоборот, определенное свойство звука речи («интегральный признак») может стать смыслоразличительным, релевантным, превратиться в ДП. Эти явления, известные в фонологии под названием дефонологизации [27] и фонологизации, комбинированным результатом которых оказывается в ряде случаев трансфонологизация (смена одного признака другим), находят свою аналогию в семасиологии.

Существуют, между тем, и различия, которые, как уже неоднократно отмечалось, затрудняют построение семасиологии на столь же строгих и универсальных основах, как это наблюдается в фонологии. Если фонология и фонетика установили нечто вроде универсального набора ДП и универсального набора признаков и свойств звуков речи вообще, отраженных хотя бы в международной фонетической транскрипции и других опытах, то семасиология этого еще не сделала, и неизвестно, будет ли в состоянии сделать вообще, по той простой причине, что число семантических признаков и особенно число свойств предметов реального мира практически не исчислимо.

Если в фонологии и фонетике универсальный набор дифференциальных признаков и набор свойств звуков речи (resp. интегральных признаков) не только в принципе (во многом и на практике) исчислим, но и устойчив, что объясняется одним устройством человеческого речевого и слухового аппарата и центральной нервной системы, то семасиология сталкивается и с очень значительным числом семантических признаков и свойств предметов и с влиятельным экстралингвистическим фактором — изменением свойств предметов, которое может не вести к изменению значения слова (семемы), но может и стимулировать таковое.

Как возникают эти стимулы и как они реализуются, мы знаем из многочисленных работ по истории слов (ср. исследования школы Wörter und Sachen и др.). Известно, что мутация свойств предмета не всегда или далеко не сразу ведет к перестройке значения слова (семемы). Процесс этот не обязательный и тем более не автоматический. Неоднократно высказывавшееся требование ряда лингвистов о недопустимости смешения предметной соотнесенности и зна-

---

[27] Термины дефонологизация и трансфонологизация введены Н. ван Вейком. См. его работу «К истории фонологической системы в общеславянском языке позднего периода». «Slavia», roč. XIX, seš. 3—4. Praha, 1950, стр. 295.

чения слова может быть модифицировано следующим образом: нельзя отождествлять свойство предмета и признаки семемы слова, соотнесенного с этим предметом [28], поскольку ни одно свойство предмета, так же, как ни один предмет (явление) сам по себе не является знаком, в то время как семема выступает в качестве содержательной стороны знака, а признак — в виде ее компонента.

Обратимся к примеру, который не раз интересовал исследователей в связи с древней миграцией славян — **polnь*, **polnina*. Полесское *полóнь* означает 'луг', 'пастбище'. Соответствующее ему карпатско-украинское *полонина* имеет то же значение, и, видимо, встречающийся часто в толкованиях эпитет *горный* ('горный луг', 'горное пастбище') нельзя воспринимать как признак семемы, а следует рассматривать как особенность, свойство референта (реалемы). Высота над уровнем моря не стала семантическим признаком и для ряда южнославянских диалектов, где термин *планина* 'луг, пастбище' относится и к горным, и к низменным пастбищам, как, например, зафиксировано в Черногории на бе-

[28] В словарях литературных языков (толковых, двуязычных и т. п.), особенно диалектных, нередки случаи, когда значению слова (семеме) приписываются признаки, ему не присущие и являющиеся лишь свойствами предметов, т. е. в каком-то смысле «потенциальные», интегральные признаки. Но еще более недопустимы случаи, когда в качестве «признаков» приводятся окказиональные свойства предмета (часто отдельно взятого предмета, а не предмета вообще), или даже явления, вовсе не относящиеся к предмету. Таких, часто полуанекдотических, примеров немало. Достаточно привести хотя бы два из большого Варшавского словаря: — *jaruga* 'низменная часть леса, густо поросшая деревьями, где волчица вскармливает волчат'; *grzędy* 'редкий строевой хвойный лес, где водятся косули' (см.: J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedzwiedzki. Słownik języka polskiego, t. I, II. Warszawa, 1900, 1902). С другой стороны, очень часты случаи, когда в словарях не фиксируются релевантные признаки и по сути дела несинонимичные слова отмечаются как синонимы. Так, например, Б. Д. Гринченко слова *скиба* и *луста* толкует следующим образом: *скúба*, ум. *скúбка* 1. 'ломоть'; 2. 'пласт земли при пахании'; *лýста*, ум. *лýстка* 'ломоть, кусок' (см.: Б. Д. Гринченко. Словарь украинского языка, т. II, IV. Киев, 1908, 1909). Аналогичное толкование дает И. И. Носович: *скúба* 'большой отрезанный ломоть хлеба, или подобного'; *скúбка*, ум. *скúбочка* 'отрезанный кусок, кусочек хлеба'; *лýста* 'ломоть хлеба' (см.: И. И. Носович. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870), в то время, как в Полесье, где почти повсюду употребляются оба слова одновременно, они различаются в результате комбинации двух пар сопутствующих признаков "большой" — "небольшой", — "отрезанный прямо" — "отрезанный косо". В итоге возникают разные возможности, из коих четыре представлены в полесских говорах: I. *скíбка* 'большой, отрезанный прямо, кусок хлеба', *лýста* 'небольшой кусок'; II. *скíбка* 'небольшой кусок хлеба', *лýста* 'большой, отрезанный прямо кусок'; III. *скíбка* 'небольшой, отрезанный прямо кусок хлеба', *лýста* 'большой кусок'; IV. *скíбка* 'отрезанный прямо кусок хлеба', *лýста* 'отрезанный косо кусок'. Этот пример, наряду с целым рядом других, не менее интересных, приведен в статье Г. Ф. Вешторт «Некаторыя семантычныя процiпастаўленнi ў лексiцы ежы» (см. сб. «Беларускi лiнгвiстычны зборнiк». Мiнск, 1966, стр. 118).

регу Скадарского озера. Однако в тех же южнославянских диалектах лексема *планина* относится и к семеме 'горное пастбище' (при противопоставлении термину *рудина* и т. п.[29]), уже включающей сему-признак "горный", "гора" и, наконец, эта же сема "гора" становится семемой 'гора' без признака "пастбище". *Планина* 'гора' — наиболее распространенный термин на славянском Юге. Процесс семантической мутации в общем протекал так: 'пастбище, луг' > 'горное пастбище, луг' > 'пастбище, луг на горе' > 'часть горы с пастбищем, лугом' > 'гора'. Свойство референта ≪горный≫, которое можно толковать как потенциальный, интегральный признак в одних диалектах, превратилось в дифференциальный, различительный признак-сему в других диалектах.

Здесь сначала произошел процесс, который по аналогии с явлением фонологизации в фонологии можно назвать семантизацией. Затем утратилась сема «пастбище», т. е. произошла десемантизация, а в целом можно отметить явление транссемантизации, т. е. перехода одной семемы в другую путем изменения признаков (resp. признака). В результате этого десигнатор (лексема) сохранился, а сменились десигнат (семема) и денотат (предметная соотнесенность).

После этих кратких вводных положений и замечаний обратимся к рассмотрению примера, изложенного в таблицах. Отметим, что значения географического термина **gajь* даются в том виде, в каком они записаны разными эксплораторами, и не исключена возможность, что смешение свойства предмета и признака семемы отразилось в определении значения слова в результате введения в семему лишнего, не присущего ей признака. Нередки в диалектологической практике и обратные случаи, когда релевантный признак оказывается опущенным, неотмеченным [30]. Некоторой гарантией достоверности фиксации значения может служить массовость материала, широкое распространение семемы, в то время как единичность отдельных значений требует осторожного к ним отношения и проверки. Этот же критерий широкой распространенности и представленности во всех славянских языках может быть использован в данном случае для установления «исходной» семемы («исходного» значения), по отношению к которой все другие рассматриваются как семемы, возникшие в результате семантической мутации.

В табл. 1, трактующей 19 значений термина **gajь*, приводятся в качестве сем (признаков) следующие: "лес", "малая величина" (=мал. в.), "отдельность" (=отд.), "лиственность" (=листв.), "частичность" (=частич.), "большая величина" (=бол. в.), "дремучесть" (=дремуч.), "молодость" (=молод.), "порода деревьев (с конкретным указанием)" (=порода), "красивость" (=красив.), "отдельность де-

[29] Подробнее см. в моей кн. «Славянская географическая терминология».
[30] См. пример в сноске 28.

рева" (=ед. дер.) (ср. сокращенные наименования в таблице). Первые четыре принимаются за исходные. Их сумма — "лес"+"малая величина"+"отдельность"+"лиственность" образуют семему, значащуюся под номером [1] 'лиственная роща'. Из семем, которые бы включали те же признаки плюс какой-либо дополнительный (сопутствующий), известна только одна [3] 'молодой лиственный лес, лесок' с добавочным признаком "молодой" [31]. В семеме [2] 'отдельный небольшой лес' признак "лиственности" уже стирается или становится индифферентным, что вызывает, в свою очередь, возможность появления признака "сосновый", "дубовый", "липовый", "березовый" (семемы [4], [15], [17], [13]) [32]. Семема [5] 'участок леса' возникла, надо полагать, в результате модификации признака "отдельность" > "частичность", а семема [6] 'глухой участок леса' отражает дополнительную признаковую конкретизацию семы "участок" ("частичность"). Того же характера детализация "с краю" по отношению к признаку "частичности" в семеме [7] 'опушка, край леса'.

Если семема [4] 'отдельный небольшой лес' отражает десемантизацию признака "лиственный", то семема [8] 'лиственный лес' демонстрирует десемантизацию двух признаков "малая величина" и "отдельность", а семема [9] 'лес' — всех трех перечисленных признаков.

Семема [10] 'густой большой лес' отражает уже явление семантизации — появление новых признаков по отношению к трем исходным сопутствующим (четвертый — исходный и основной признак-сема "лес" сохраняется). Семемы [11] 'сосновый лес' и [16] 'дубовый лес' могут быть использованы как результат семантизации свойств ⟪сосновый⟫, ⟪дубовый⟫ и прибавление этих признаков к семеме [9] 'лес'. Семема [16] 'дубовый лес' могла возникнуть, однако, и при конкретизации признака "лиственный" (ср. семему [8] 'лиственный лес'). Подобное положение наблюдается в семемах [3] 'лесок, молодой лиственный лес', [12] 'молодой сосновый лес' и [14] 'молодой березовый лес'. Здесь также можно отметить десемантизацию нескольких признаков «исходной» семемы и семантизацию нескольких свойств референта, т. е. наблюдать процесс транссемантизации признаков.

Семемы [18] 'красивый лес' и [19] 'отдельное, одинокое дерево' требуют специального объяснения. Толкование *гая* как «красивого» леса характерно для многих информаторов [33]. Такое толко-

---

[31] Здесь, однако, не выяснено, сколь релевантен признак "молодой", так как не зафиксирован противопоставляющийся немаркированный термин, равный семеме [1], но выраженный другой лексемой. Кроме того, может быть ослаблен (индифферентен) признак "отдельности".

[32] Этот процесс можно толковать как конкретизацию признака.

[33] Ср. объяснение термина *гай*, предложенное Ф. Д. Климчуком, учителем из западнополесской деревни Симоновичи (Дрогичинского р-на Брестской обл.): «*гай* — небольшой участок древесной растительности, имеющий красивый, веселый вид; деревья там стройные, высокие».

вание, вероятно, нельзя считать неправильным или неточным, а нужно воспринимать как трансформированное на эстетической основе. Признаки "малой величины", "отдельности" и "лиственности", вкупе взятые, воспринимаются как синкретический признак "красоты". Не случайно, что этот признак в качестве неустойчивого, вторичного и в общем нерелевантного как такового (так как он не противопоставляется некрасивому лесу) не послужил для создания отдельного термина (т. е. *гай* в значении 'красивый лес' не имеет междиалектного синонима в отличие от многих других случаев, приведенных в таблице). Что же касается семемы [19] 'отдельное, одинокое дерево', то в ее возникновении отразилась иная тенденция, а именно тенденция гиперболизации признаков "малой величины" и "отдельности", доведенная до крайних пределов.

Таковы комментарии к табл. 1, где основная сема "лес" присутствует во всех семемах.

В табл. 2 эта сема удерживается в семемах [20], [22], [24], [26] и [27]. В первых трех случаях признаки "лес", "малая величина" и "отдельность" сохраняются при наличии еще одного конкретизирующего или, вернее, локализирующего признака "в долине" [20], "на болоте" [22], "на кладбище" [24]. Та же локализация с отнесением *подле*, *возле* наблюдается в семемах [26] 'небольшой лес над рекой' и [27] 'небольшой лес у селения'. Семемы [21] 'долина', [23] 'болото', [25] 'кладбище' отражают процесс перераспределения иерархии признаков и последовавшей за ним десемантизации: признак "лес" перестал быть основным и затем десемантизировался, а сема-признак "долина" стала основной и единственной (также семы "болото", "кладбище").

Любопытен случай с семемой [28] 'поляна'. Здесь произошел семантический процесс по принципу зеркального отражения: признаки "отдельности" и "малой величины" сохранились, сохранился в каком-то отношении и признак "леса", но если *гай* [2] это — 'лес небольшой величины, окруженный безлесным пространством', то *гай* [28] это — 'безлесное пространство небольшой величины, окруженное лесом'. Произошла своеобразная поляризация основной семы "лес" ↔ "безлесное пространство" [34]. В семемах 'лес' [3] и [10], а также [8] и [11] отражается поляризация неосновных (сопутствующих) признаков-сем "небольшой" ↔ "большой", "лиственный" ↔ "сосновый".

Довольно распространенная семема [29] 'участок поля' включает в себя также признак безлесного пространства ("поле") и признак "частичность" (как модификацию признака "отдельности"), и, вероятно, также признак "малой величины". В принципе *гай* [2]

---

[34] Ср. аналогичную поляризацию в терминах *+lǫka*, *+lędo* и др., а также поляризацию по линии 'верх' ↔ 'низ'. Примеры см. в моей кн.: «Славянская географическая терминология».

'отдельный небольшой лесок среди поля' и *гай* [1] 'лиственная роща' при вычитании основной семы-признака "лес" будет представлять собой участок поля. Подобным образом часто возникают топонимы — *Гай* 'участок поля, где когда-то была лиственная роща', и. т. п. Однако топонимизация — процесс иного порядка, и его не следует смешивать с транссемантизацией.

Наконец, в табл. 3 изложены семемы, где основная сема "лес" заменена семой "кустарник" или исключена вовсе. Таковы семемы [30] 'кустарник', 'заросли кустов' [31], 'луг, заросший лозой' (т. е. 'заросли лозы на лугу' — с конкретизацией вида кустарника) [35], 'заросли кустов у реки' (ср. семему [26]). По тому же принципу, что и в переходах в семемы [21], [23], [25] — 'долина', 'болото', 'кладбище', произошел переход из семемы [31] 'луг, заросший лозой' в семему [32] 'луг'. Интересен случай, когда "лес", хотя и не в полной мере, как в примере с семемой [28] 'поляна', определяет часть внешней границы участка безлесного пространства, "луга": семема [34] 'луг возле леса'. Признаки "малая величина" и "отдельность" в сочетании с новым признаком "топкость" выступают в семеме [33] 'топкий участок на лугу', являющейся своеобразной модификацией семемы [32] 'луг' и [29] 'участок поля'. Что касается семемы [36] 'берег', то здесь предшествующим звеном мутации могли быть семемы [26] 'небольшой лес над рекой' и [35] 'заросли кустов у реки' (ср. конечный результат мутации в семемах [21], [23], [25], [32]).

Относительно семем [37] 'куча хворосту' и [38] 'мусор на гумне' [35] можно высказать предположение, что они семантически (и этимологически) связаны непосредственно с глаголом **gajiti* 'шуметь', от которого возник и интересующий нас географический термин **gajь*, несмотря на то, что обе семемы [36] и [38] демонстрируют наличие признаков "малая величина" и "отдельность". На возможность происхождения **gajь* от **gajiti* 'шуметь', 'громко говорить, кричать и т. п.' указывает семантическая параллель с термином **šuma* (от **šuměti* 'шуметь') 'лес', имеющим близкие семантические звенья — 'лес', 'лиственный лес', 'низкий корявый лес', 'кустарник', 'хворост', 'остатки соломы, мякины', 'сор на гумне'.

Вопрос об этимологии слова **gajь* требует специального и более подробного рассмотрения. Здесь не приводилась вся аргументация в пользу высказанного предположения по той причине, что наше основное внимание было направлено на другой момент, на семантические изменения, отраженные в первых 36 словах (се-

---

[35] Отсюда же и значения 'мелкая, негодная солома', затем 'солома, идущая на подстилку свиньям', 'место, где спят свиньи'. Что касается семемы 'высокая густая трава', то она возникла либо метонимически от 'отдельный лиственный лес, лесок', либо, на том же основании, что и *дуброва* 'трава', *груд* 'трава', 'сено' и т. п. по месту, где растет трава. См. подобные примеры в моей кн. «Славянская географическая терминология».

мемах), для которых этимологическая общность едва ли может быть подвергнута сомнению. Но и в отношении этих 36 семем важно сделать оговорку следующего характера: не для каждой семемы приводимые нами вслед за разными рукописными и печатными источниками отдельные признаки можно с полной уверенностью считать таковыми, — не исключена возможность, что некоторые из них указывают лишь на свойство референта и притом даже окказиональное. Эти сомнения относятся преимущественно к семемам из табл. 2 и 3 и в первую очередь к тем, которые в других диалектах не выделены специальной лексемой, например, [26] 'небольшой лес над рекой', [27] 'небольшой лес у селения'. Весьма возможно, что признаки "над рекой", "у селенья" не являются таковыми. Для того, чтобы их можно было считать релевантными и относящимися к семеме, необходимо выяснение следующего момента: выражается ли в системе конкретного диалекта, где зафиксирован термин *гай* в отмеченном значении, семема 'отдельный лес **не** у реки', или семема 'отдельный лес **не** у селения' какой-либо другой лексемой. Т. е. выделяется ли та или иная сема (признак) формально или нет? Выяснить это можно в результате определения коррелятивных отношений внутри семантического поля, о котором речь шла выше.

Отметим также, что возможное отпадение нескольких примеров (семем) из нашего перечня как не удовлетворяющих изложенным требованиям, не поколеблет, а, вероятно, только укрепит общие выводы и рассуждения в связи с установлением семантических дифференциальных признаков (сем) и наблюдением над характером их мутации, так как уменьшит число случаев с менее регулярными изменениями и редкой встречаемостью [36].

Кроме того следует отметить, что как в таблицах (прежде всего в табл. 2 и 3), так и в комментариях к ним нами недостаточно четко проводилась грань между семемами и семами, в результате чего в число семантических ДП — сем зачислялись иногда и такие, которые, в свою очередь, могут быть разложимы на семы (т. е. рассматриваться как семемы), например, луг и другие географические объекты, плохая солома (хотя бы='солома'+признак "отрицательность") и т. п. Этот вопрос требует не только дополнительной проверки полевого материала, но и специального рассмотрения в связи с проблемой перехода лексемы из одной семантической сферы в другую, иерархии ДП внутри семемы (например, вероятно, целесообразно принимать в качестве семы и разложи-

---

[36] Следует учитывать также, что в фиксации значений 'берег', 'долина', 'кладбище' и т. п. мог отразиться процесс топонимизации. В большинстве случаев при сборе материалов для атласа вопрос ставился так, как он сформулирован в программе «Что значит слово *гай*? Что такое *гай?*». Здесь, как указывалось выше, критерием надежности ответа может в какой-то мере служить число зафиксированных примеров на одно и то же значение. Чем единичнее такие примеры, тем тщательнее следует их проверять.

мый компонент в тех случаях, когда он «сопутствующий») и другими проблемами.

Наши предварительные выводы сводятся к следующему:

1. Семемы делятся на разложимые на семы (на ряд семантических ДП) и неразложимые (или уникальные). Разложимые семемы состоят из двух или более сем, неразложимые — из одной семы.

Неразложимыми являются, например, такие семемы, как 'береза', 'дуб', 'ольха', 'липа' и т. п. Такие же семемы, как 'березка', или 'березничек', разложимы на семы: 'березка'="береза"+"малая величина"; 'березничек'="береза"+"лес"+"молодость"+"малая величина" и т. п. (см., однако, сноску 38).

2. Сема или дифференциальный семантический признак устанавливается обычно путем вычитания одной семемы из другой. Например, при последовательном вычитании семем (второй из первой, третьей из второй) 'молодой сосновый лес', 'сосновый лес', 'лес' могут быть выделены семы "молодой", "сосновый" [37]. При этом важно выполнять условие, чтобы в одном из диалектов (языков) исследуемого континуума семема с лишним (выделяемым) признаком и семема без такового различались и формально, т. е. манифестировались разными лексемами.

Таков способ установления наличия признака для определенного диалектного континуума, который фиксируется в метаязыке (в виде отдельной клетки на сетке-модели), но может отсутствовать в ряде конкретных диалектов. Это отсутствие создает ситуацию неразличения семем. Различение и неразличение — факты парадигматического плана. Неразличение не следует путать с нейтрализацией, которая является фактом парадигматического плана («свободной» сочетаемости семем) и невозможна без различения, без наличия привативно коррелирующей пары в системе (в конкретном поле). См. об этом подробнее «Из опытов», II, стр. 25—26.

---

[37] Аналогичный способ «анализа по остатку» был предложен А. Б. Долгопольским в его работе «Изучение лексики с точки зрения трансформационно-переводного анализа плана содержания в языке». «Лексикографический сборник», вып. 5. М., 1962. Его схема координат для «семантической зоны» — 'дерево' — 'лес' — 'дрова' строится в отношении деления на семы по тому же принципу, что и, например, наша модель поля «дождь — погода — время — год — час». Весьма важен следующий сформулированный А. Б. Долгопольским принцип: «план содержания дробится на единицы таким образом, что учитываются все те семантические различия, которые релевантны в языках мира (хотя бы в одном языке)» (указ. соч., стр. 73). Этот принцип был принят нами независимо от А. Б. Долгопольского в работе «Из опытов», I со следующим существенным, на наш взгляд, различием: предлагалось определять релевантность не в языках мира, а в языках (диалектах) исследуемого континуума (славянского, восточнославянского и т. п.). К сравнению различий во всех языках мира целесообразно, вероятно, переходить лишь после сравнения по группам (семьям) языков с учетом более ярких типологических различий, относящихся к структуре языка в целом и к структуре слова.

3. В семемах, разложимых на несколько сем, наблюдается иерархия сем (семантических ДП), которую можно предварительно формулировать как наличие основной семы и ряда (одной или более) дополнительных — сопутствующих.

Основная сема чаще всего конкретна и терминологична, она обычно совпадает с семемами, состоящими из одной семы (с неразложимыми семемами), сопутствующие — в большинстве случаев более абстрактны и более универсальны. Например, в семеме 'березничек' основной семой можно считать сему "береза", а дополнительными "лес", "малая величина", "молодость" [38]. В числе наиболее универсальных сем (семантических ДП) можно отметить "малую величину" — "большую величину", "положительность (качества и т. п.)" — "отрицательность", "интенсивность" — "неинтенсивность" и т. п.

Таким образом, ориентацией на разные и одинаковые (как в примере с *гаем*) лексемы предлагается поиск формальных (т. е. выраженных формой — лексемой) критериев для выделения сем — компонентов семемы. В этом заключается основное отличие изложенного способа от метода изучения значений путем «семантических множителей», выделяемых интуитивно или абстрактно-логическими построениями.

4. Основная сема может стать сопутствующей, а затем и исчезнуть вовсе, в то время как сопутствующая нередко становится основной (см. приведенный выше пример с **polnina*, с **gajь* и др.). Этот процесс можно назвать изменением иерархии сем внутри семемы. Как правило, он ведет к изменению состава сем внутри семемы.

5. Изменение состава сем (семантических ДП) происходит обычно в результате десемантизации одной из сопутствующих сем (исчезновения семы) или появления новой сопутствующей семы (семантизация), наконец, в результате замены одной сопутствующей семы другой (транссемантизация). Процесс семантических изменений можно рассматривать, подобно фонологическим, дискретно, по фазам. При этом каждую фазу можно толковать как сдвиг на один шаг. Сдвигом на один шаг следует признать мутацию признака (семы), воспринимая вслед за А. Мартине различительный признак как единицу изменения [39]. Такая трактовка семанти-

---

[38] Если строить поле на иных соотношениях, чем в указанной статье «Из опытов», II (см. стр. 22—26), можно принять сему "лес" за основную, а семы — "малая величина", "молодость", "береза" (или "березовость") — за дополнительные.

[39] А. Мартине говорит о «различительном признаке как единице изменения» в фонологии. Надо полагать, что такое понимание различительного признака применимо в полной мере к семасиологии. При этом А. Мартине указывает, что чаще всего изменения места артикуляции происходят во всем ряду, а не только в одной фонеме, т. е. «если (*d*) оглушается, обычно оглушается также (*b*) и (*g*)». Но далее А. Мартине обращает внимание на возможность «индивидуальных» изменений отдельных членов ряда: «по-видимому, следо-

ческого ДП (семы) допускает возможность определения расстояний между семами в соответствии с числом шагов. Это означает, что различительный признак можно признать также единицей измерения. Трудность такого измерительного анализа, однако, заключается не только в необходимости установления исходной семемы (исходного значения), требующего обращения к исторической семасиологии и этимологии [40], но и в неизбежности приписывания отдельным шагам разных «весов» (для десемантизации, семантизации, транссемантизации, изменения иерархии признаков и т. п.), что накладывает в конечном итоге субъективный характер на результаты исследования [41].

6. Разложимая семема имеет ограниченное число сем, из коих одна является основной, а остальные сопутствующими. Обычно число сопутствующих сем не превышает четырех, пяти. В рассмотренном нами примере максимальное число сопутствующих сем — четыре (см. семему [3]), чаще же три, две, или даже одна. Наличие одной основной и трех дополнительных сем означает, что семема выступает как маркированный член корреляции по отношению к трем другим семемам, т. е. может образовать три минимальные семантические пары (в противном случае наблюдалось бы неразличение) [42]. Естественно, что и эти три немаркированные семемы могут выступать в качестве маркированных по отношению к другим семемам.

Неразложимую семему следует считать всегда немаркированной, т. е. не способной входить в привативные оппозиции.

7. Проблема максимально возможного числа сем и их соотношений в пределах семемы, resp. семем, относящихся к разным семантическим группам и разрядам, не только не решена, но и не поставлена с должной четкостью. А между тем она, вероятно, связана с проблемой устойчивости семемы (устойчивости значения)

вало бы изучить как раз те случаи, когда одна из фонем данной серии изменяется по глухости—звонкости не так, как остальные, или когда одна из фонем данного ряда меняет место артикуляции, в то время как остальные фонемы этого ряда остаются без изменения» (см.: А. Мартине. Принцип экономии в фонетических изменениях, русск. пер. М., 1960, стр. 106—107). Для семантических изменений, наоборот, наиболее характерны «индивидуальные» случаи, но наибольший интерес представляют именно те мутации признака, которые захватывают целый ряд или бóльшую часть ряда. Впрочем, и само понятие семантического ряда еще не определено.

[40] В этих случаях часто решается проблема, напоминающая уравнение с двумя неизвестными. «Исходное» значение устанавливается по конечным, происхождение конечных объясняется и выводится из «исходного».

[41] См., однако, заслуживающие внимания эксперименты А. С. Соколовской в статье «Опыт определения лексической близости диалектов». «Полесье». М., 1968.

[42] В. В. Мартынов называет минимальную семантическую пару (МСП) — *микроструктурой* (см.: В. В. Мартынов. Проблема славянского этногенеза и методы лингвогеографического изучения Припятского Полесья. «Сов. славяноведение», 1965, № 4, стр. 77—79). Нам представляется, что этот термин можно сохранить для структур с бóльшим числом компонентов.

и потенциальных возможностей ее изменения. Из самых предварительных наблюдений можно отметить только одно: неразложимые (уникальные) семемы более устойчивы, чем разложимые.

* * *

Наши наблюдения проводились в основном над ограниченным кругом номенклатурной лексики. Еще более резкое ограничение накладывает избранный нами пример — географический термин *+gajь*. Более широкие и, вероятно, более благодатные для разработки проблем семантических дифференциальных признаков возможности даст обращение к абстрактной лексике. Целесообразно проводить семантические исследования и по группам лексики, относящимся к определенным частям речи — прилагательным, глаголам, наречиям, хотя бы потому, что в основе классификации самих частей речи, помимо морфологического (и синтаксического), лежит также семантический принцип. В сфере семантики глагола с достаточной яркостью выступит аспект синтаксический, а именно проблема сочетаемости лексем и семем.

Отметим еще раз, что изложенные выше наблюдения и выводы носят предварительный характер — они далеки от претензий на универсальность даже в пределах материала славянских языков.

О. Н. Трубачев

О СОСТАВЕ ПРАСЛАВЯНСКОГО СЛОВАРЯ (ПРОБЛЕМЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ)

Этот доклад продолжает и конкретно иллюстрирует доклад на ту же тему, предложенный мной для предыдущего съезда славистов. Вместе с тем настоящий доклад связан также с моим сообщением на недавнем симпозиуме по этимологии, особенно со второй частью упомянутого сообщения, которая ввиду ограниченного времени не была произнесена на симпозиуме, но отражена в тезисах [1]. В этих тезисах намечена попытка подойти к проблеме своеобразия славянского словарного состава на основании опыта работы над Этимологическим словарем славянских языков. При этом славянский словарный состав в его древнейшей части понимается как продолжение лексики части индоевропейских диалектов, древние отношения которых друг к другу и к прочим индоевропейским диалектам ясны для нас лишь в малой степени. Своеобразие древнего славянского словарного состава изучается в его различиях, а также общностях с другими индоевропейскими диалектами, в том единственном сочетании отличного и общего, которое присуще только славянскому лексическому фонду. Сказанное определяет и методику изучения своеобразия состава праславянской лексики, которая состоит прежде всего в идентификации изоглосс, в том числе — изолекс и словообразовательных изоглосс. Эта методика предполагает обязательный учет ареального аспекта, причем возможно обнаружение целых пучков древних сепаратных изолекс. Одним из существенных аспектов методики исследования славянского словарного состава является также славянская лексическая семантика.

Изоглоссный метод как способ изучения древнего словарного состава, а также древнего диалектного членения получил призна-

---

[1] См.: О. Н. Трубачев. Работа над Этимологическим словарем славянских языков и проблема своеобразия славянского словарного состава. «Междунар. симпозиум „Проблемы славянских этимол. исследований в связи с общей проблематикой современной этимологии“. Программа. Тезисы докладов». М., 1966, стр. 8—9 (ротапринт). Полный текст доклада см.: ВЯ, 1967, № 4.

ние в индоевропеистике. В связи с этим сошлемся здесь (помимо известного опыта Порцига о членении индоевропейского) на Кноблоха, который цитирует интересное высказывание Зольты: «Прежде всего дает интересные результаты сравнительное описание словарного состава родственных языков. Эти частичные соответствия, изоглоссы представляют собой не только принцип классификации, но и организующую основу индоевропейского» [2].

В отношении состава праславянского словаря мы вынуждены констатировать, что, во-первых, для его исследования изоглоссный метод прежде практически почти не применялся и что, во-вторых, почти совершенно не выявлено значение данных о составе праславянского словаря для изучения древнего диалектного членения славянского языкового пространства. В подтверждение этих констатаций достаточно сослаться на некоторые работы последних лет. Х. Бирнбаум в своем докладе о праславянских диалектах на конференции по индоевропейскому языкознанию в Калифорнийском университете в апреле 1963 г. признает, что решающими критериями при определении праславянских диалектов оказываются фонологические. «Что касается лексических критериев, включая праславянские заимствования из других древних языков или языковых групп — таких, как иранский, греческий и германский, наши знания все еще слишком фрагментарны, чтобы позволить нам делать решительные выводы. Однако мы можем ожидать важных дополнительных критериев для классификации праславянских диалектов, как только станут доступными более полные соответствующие данные» [3]. При этом автор имеет в виду труды М. Фасмера и В. Кипарского о заимствованиях в славянском, книгу Ф. П. Филина «Образование языка восточных славян» (1962 г.). Работу Филина Бирнбаум характеризует как «первый опыт систематизации лексических данных для классификации праславянских диалектов». Действительно, все авторы до сих пор почти исключительно строили свои концепции праславянского диалектного членения на фонетических и формальных критериях. В результате своего критического обзора древних фонологических и морфонологических признаков праславянских диалектов Бирнбаум делает вывод, что праславянскому диалектному членению соответствуют исторические диалектные группировки: I — восточнославянская; II — западнославянская (лехитская, сербо-

---

[2] J. Knobloch. Concetto storico di protolingua e possibilità e limiti di applicazione ad esso dei principi strutturalistici «Le «protolingue». Atti del IV convegno internazionale di linguisti tenuto a Milano nei giorni 2—6 settembre 1963 presso il Sodalizio Glottologico Milanese». Milano, 1965, стр. 148.

[3] H. Birnbaum. The dialects of Common Slavic. «Ancient Indo—European dialects. Proceedings of the Conference on Indo-European linguistics held at the University of California, Los Angeles April 25—27, 1963», ed. by H. Birnbaum and J. Puhvel. Berkeley and Los Angeles, 1966, стр. 158.

лужицкая, чешско-словацкая); III — южнославянская (словенско-сербохорватская и македонско-болгарская). Лексические данные, по мнению этого ученого, мало что меняют в этой картине ввиду своей неполноты. Существенно следующее высказывание автора: «Подводя итоги, можно сказать, что традиционное трехчленное деление соответственно на восточные, западные и южные славянские языки сохраняет свою силу в свете праславянской диалектологии». К сожалению, именно недооценка показаний лексики и чрезмерное доверие к фонетическим моментам (среди которых немало поздних по своему распространению) помешали автору выполнить свою задачу, а полученные им результаты не могут нас удовлетворить.

Г. Шевелев в своем труде по доистории славянского [4] также строит теорию праславянского диалектного состава на данных фонетического порядка. Раннему диалектному членению праславянского этот ученый посвящает специальную диаграмму, которая при ближайшем ознакомлении оказывается не более как модификацией исторического трехчленного деления славянских языков. В число критериев, используемых им при этом, включается, например, рефлекс сочетания *tj*, *dj*. Однако совершенно ясно, что здесь может идти речь об относительно позднем фонетическом процессе, который может в порядке ареальной инновации сближать вторично отдельные совершенно обособленные языки (ср. переход *tj* > *č*, *dj* > *[d]ž*, объединяющий восточнославянские языки и современный литовский в значительной части его диалектов). Как бы то ни было, это явление не должно служить критерием при определении праславянского диалектного членения.

Новый курс введения в сравнительно-историческое изучение славянских языков, выпущенный украинскими лингвистами, уделяет лексике серьезное внимание. Существенно следующее высказывание авторов: «Очевидно, праславянская лексика в последние века своего существования, приблизительно в III—IV вв. н. э., заметно дифференцировалась в диалектном отношении. Однако диалектная дифференциация праславянской лексики изучена слабо» [5]. Несмотря на то, что авторы указывают на частоту несовпадения лексических изоглосс с фонетическими и грамматическими, они группируют характерную лексику в соответствии с тремя традиционными группировками — южными, западными и восточными славянскими языками. При этом авторами «Введения» допускаются отдельные неточности (так, польск. *tani* определяется как только польское слово, упущено южнославянское соответствие севернославянскому названию лебедя **kъlpь* — сербохорв. *kuf*, Дубровник).

---

[4] G. Y. Shevelov. A prehistory of Slavic. The historical phonology of Common Slavic. Heidelberg, 1964, стр. 308.

[5] «Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов», за редакцією О. С. Мельничука. Київ, 1966, стр. 535.

Авторы некоторых других новых публикаций из этой области акцентируют признаки иного древнего диалектного членения славянской языковой области — на две зоны, что также имеет свою историю, входить в подробности которой здесь нет возможности (см. соответствующие сведения в работе Бирнбаума, цитированной выше). Одним из последних повторил точку зрения о северо-западно-юго-восточном древнем делении славянского Б. В. Горнунг [6], который, однако, не сообщил при этом никакой сколько-нибудь подробной новой аргументации, в частности, из лексики. В отличие от него Ф. П. Филин, который также говорит о двух древних диалектных зонах славянской области — северной и южной, пытается проверить эту классификацию на значительном количестве лексических данных [7]. Ф. П. Филин не скрывает от читателя, что его соображения на этот счет носят предварительный характер. Им собран при этом довольно большой материал, правда, в массе своей уже известный из предшествующей литературы. Автор вполне отдает себе отчет в том, что поправки к его взглядам возможны почти на каждом шагу. Для примера укажем одну из них: Ф. П. Филин считает, что русск. *брюхо* и родственные слова известны только в севернославянских языках, однако это распространенное мнение давно оспорено; ср.: болг. *брюк*, *брюка*, *брука* 'опухоль' [8]. Более принципиальные возражения может вызвать мнение Ф. П. Филина о том, что лексические диалектные различия — это лишь продукт распада первоначального единства и что, например, отсутствие ряда древних севернославянских слов в южных славянских языках надо трактовать как утрату. На самом деле необходимо часто считаться с возможностью изначального отсутствия тех или иных слов.

В своем докладе для V Международного съезда славистов я как раз интересовался обеими сформулированными мной выше задачами: 1) изучением состава праславянского словаря изоглоссным методом и 2) возможностью реконструкции древнего славянского диалектного членения на основе данных о составе праславянского словаря [9]. Упомянутый доклад для предыдущего съезда славистов был задуман как сугубо предварительная публикация, в которой много места вначале занимают общие вопросы, основные же задачи определены не столь четко. Впрочем, уже там собрано довольно много очевидно древнего диалектного лексического мате-

---

[6] Б. В. Горнунг. Из предыстории образования общеславянского языкового единства. «Слав. языкознание. Доклады сов. делегации. V Междунар. съезд славистов». М., 1963.

[7] Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян. М., 1962, стр. 205 и сл.

[8] И. Леков. Малко известни български съответствия на западнославянски (евент. и руски) думи. «Slavia Occidentalis», т. 12, 1933, стр. 138 и сл.

[9] О. Н. Трубачев. О составе праславянского словаря. (Проблемы и задачи). «Слав. языкознание. Доклады сов. делегации. V Междунар. съезд славистов». М., 1963, стр. 159 и сл.

риала, и, кроме того, намечена гипотетическая схема праславянского диалектного членения начала н. э.[10]. Помимо локальных славянско-балтийских изоглосс, в этой схеме получили выражение по-видимому древние связи лужицких языков с сербохорватским и словенским, а также — южной подгруппой правосточнославянских диалектов (украинский, белорусский). Задача нынешнего доклада, который далек от претензии дать сколько-нибудь исчерпывающее решение поставленной обширной проблемы, усматривается также в том, чтобы обобщить некоторый новый материал, связанный с отдельными моментами вышеописанной схемы.

Но прежде, чем мы обратимся к материалу и его характеристике, важно задержаться на выяснении некоторых деталей методики отбора самого материала, на источниках отбора. К этому нас побуждают ответы на вопрос, предложенный V съезду славистов и имеющий самое прямое отношение к теме настоящего доклада: «До какой степени и каким образом можно восстановить лексический фонд праславянского языка? Каким путем следует решать вопрос о лексических диалектных различиях праславянского языка» [11]. Нам известно восемь опубликованных ответов на названные вопросы. Ответы исходят от славистов разных стран (С. Б. Бернштейн, Р. Экерт, В. М. Иллич-Свитыч, О. П. Критенко, В. В. Мартынов, Ф. Славский, Х. Шустер-Шевц). Можно сказать, что в этих ответах в целом затронуты разные стороны проблематики изучения праславянского словарного состава. Авторы выражают уверенность в том, что говоры праславянского, по крайней мере в поздний период, различались лексически и что память об этих древнедиалектных различиях в каком-то виде сохраняется в каждом славянском языке. Часть авторов высказывала мнение, что для решения проблемы диалектного членения праславянского языка не следует использовать лексический материал современных литературных языков, расписывать данные толковых словарей общенародных языков, а, наоборот, надо проводить сравнение и реконструкцию лексических данных на уровне диалектной лексики (Бернштейн, Иллич-Свитыч). Другие авторы говорят о необходимости учета и диалектных, и исторических данных для реконструкции праславянского словарного состава, далее — о том, что праславянскими следует считать преимущественно не мотивированные образования, производные старого типа, в том числе — формы ограниченного распространения, причем ограниченность такого рода могла характеризовать также праславянский лексический состав (Славский). Наконец, некоторые исследователи видят путь

---

[10] О. Н. Трубачев. О составе праславянского словаря. (Проблемы и задачи.) «Слав. языкознание. Доклады сов. делегации. V Междунар. съезд славистов». М., 1963, стр. 195.

[11] «Славянска филология. Материали за V Междунар. конгрес на славистите». Т. I. Отговори на въпросите за научната анкета по езикознание. София, 1963, стр. 59 и сл.

к праславянской лексической реконструкции в специальных исследованиях, посвященных семантическим группам лексики (Экерт, Шустер-Шевц).

В ответах на вопросы, между прочим, говорится, что материал современных литературных языков может повести по неправильному пути, поскольку литературные языки содержат многочисленные инославянские элементы (например, в русском — старославянские элементы, в болгарском — русские, в польском — чешские и т. д.). Но диалекты подчас не в меньшей мере насыщены иноязычными элементами; так, например, не только украинский литературный, но и украинский народный, диалектный язык пронизан множеством инославянских — польских лексических элементов. Иноязычные, в том числе — инославянские, элементы лексики общенародного языка в большинстве своем поддаются выявлению, кроме того, мы, как правило, лучше знаем историю письменного, литературного языка, чем историю диалекта. Но проблема в действительности еще сложнее. Всякий, кто знает лексикографию славянских языков, должен отдавать себе отчет в дифференциальном характере большинства славянских диалектных словарей, а следовательно, учитывать отсутствие в них стандартной лексики. Из этого отсутствия можно сделать неправильный вывод, что в говорах не было тех или иных слов. Значит, осторожное использование словарей общенародных и литературных языков необходимо и неизбежно для достижения наших целей. Далее, словарей народных говоров по-прежнему недостаточно, тогда как большое количество народных слов зафиксировано в словарях общенародного языка. В этой ситуации нам кажется уместным избрать своим принципом известное изречение, слегка видоизменив его: nous prenons notre bien où nous le trouvons. В качестве курьезного примера того, ка́к местное слово может быть почерпнуто подчас в самых неожиданных источниках, сошлюсь на то, что покойный С. И. Ожегов рассказывал мне, как они с А. Б. Шапиро не могли найти известное им слово *скрижапель* 'название сорта яблок' ни в одном словаре и поэтому решили его поместить в . . . «Орфографическом словаре русского языка» [12]. Этимолог не должен зарекаться искать пищу для вдохновения даже в орфографических словарях.

Состояние славянской лексикографии просто не позволяет исследователю древнего состава лексики славянских языков отказываться от использования словарей литературных и общенародных языков. Сказать, что это использование должно быть критическим, — значит, впасть в трюизм, потому что — разве требование критического отношения отпадает для диалектных словарей? Трудно говорить серьезно о решении проблемы праславянского наследия

---

[12] «Орфографический словарь русского языка». Изд. 4, стереотип. М., 1959, стр. 980.

в польской лексике без помощи Варшавского словаря, и это — при условии, что польская диалектная лексикография нового времени непрерывно обогащается полными (недифференциальными) диалектными словарями!

Нижеследующее является изложением данных, полученных нами в некоторых, в основном уже опубликованных конкретных исследованиях. Эти материалы, с одной стороны, продолжают положения, наметившиеся и разрабатывавшиеся уже в предыдущем докладе, с другой стороны — существенно дополняют прежние наши положения. В настоящем докладе, ограниченном по объему, пришлось довольствоваться кратким изложением и обобщением результатов специальных исследований, проведенных за период между двумя съездами славистов. Полагая эту задачу достаточной для данного сообщения, мы вынуждены почти целиком отказаться от дополнительного выдвижения и обоснования здесь новых этимологий и идентификаций. Как и в предыдущем докладе, основное внимание ниже посвящается внутриславянским и славянско-неславянским изоглоссам в лексике. В первом случае обобщен некоторый дополнительный материал по изоглоссам серболужицкого, во втором случае речь идет о новом славяно-иранском материале (в докладе для предыдущего съезда славистов из внеславянских связей на первый план выдвинуты балто-славянские изоглоссы, а балто-славянские лексические отношения в целом избраны в качестве исходной точки определения древних диалектно-территориальных отношений в само́м славянском).

Напомним, что в работе «О праславянских лексических диалектизмах серболужицких языков» [13], а также дополнительно — в упоминавшемся уже докладе для V международного съезда славистов нами была предпринята попытка на основании сплошного обследования крупнейших словарей этих языков и прежде всего — нижнелужицкого словаря Муки определить группу действительно древних и локально ограниченных в славянском мире слов этой языковой группы. Разумеется, дело не может здесь обойтись без последующих поправок и уточнений; ср. высказывавшиеся затем в печати мнения Э. Айхлера (в частности, о н.-луж., в.-луж. *waka* 'жук, червь'), Л. И. Ройзензона (о н.-луж. *napowaš* 'поить'), однако замечания последнего не показались мне достаточно убедительными. Наблюдения над серболужицкими лексическими диалектизмами в рамках всего славянского языкового пространства дали повод для выделения ряда видимо древних изолекс, связывавших лужицкие языки, с одной стороны, с украинским и белорусским, с другой стороны — с западной группой южнославянских языков, прежде всего — сербохорватским [14]. Уже эти

---

[13] См.: «Сербо-лужицкий лингвистический сборник». М., 1963, стр. 154 и сл.

[14] О. Н. Трубачев. О составе праславянского словаря, стр. 188—189.

наблюдения и факты, которые мы здесь не будем повторять вновь, подводят нас к постановке вопроса о степени древности вхождения серболужицких языков в состав западнославянской языковой группы, поскольку накапливается все больше древних словарных серболужицких данных, коренным образом расходящихся с синонимичной лексикой остальных западнославянских языков.

Конечно, до тех пор, пока мы не получим подробного этимологического словаря обоих лужицких языков, наши результаты в этой области будут весьма далеки от полноты. Дальнейшее исследование этимологии лексики других славянских языков так же существенно для данной многосторонней проблемы, как и возможно более полное выявление славянского словарного состава в целом. Последнее даст нам право увереннее, чем сейчас, судить о составе и характере изоглосс, особенно частных изолекс, на которых основывается концепция о внутриславянских связях серболужицких языков. В связи с этим позиция серболужицкого должна рассматриваться как один из аспектов всей совокупности древних славянских междиалектных отношений, и по ряду признаков она рассматривается в качестве одного из наиболее показательных аспектов этих отношений. При этом мы исходим из того, что (1) налицо историческая связь и соседство серболужицких языков с западнославянскими и (2) немалое количество древних общностей и ранних лексико-словообразовательных инноваций, сохраняющих память о совершенно иных связях славянских диалектов. Сознательно оставляя в стороне поздние инновации и новые заимствования и оперируя только древней лексикой и ранними заимствованиями, я сделал в своей книге «Ремесленная терминология в славянских языках» вывод о вторичной окцидентализации лужицких языков, «которые рядом древних терминологических связей ближе связаны с востоком или югом славянства (... **česlь*, **tьrdlica*, **bl'udo*, **skъtьl'a*, **ěstьje*, **vygnь*)» [15]. Последние данные интересны тем, что получены в результате изучения одной терминологической области, что́ как бы повышает вероятность соответствующих выводов, отводя обвинение в случайности. Между прочим, особенно четким оказывается рубеж и изоглоссное расхождение между серболужицким и таким ярким представителем западнославянских языков, как польский. Это заключение тем важнее, что современный облик серболужицких, в частности — нижнелужицкого, сильно нивелирован в своих фонетических особенностях в сторону близости с польским и другими соседними западнославянскими. Изоглоссное расхождение между серболужицким и польским выражается не только в том, что серболужицкий участвует в ряде изоглосс, не захватывающих польский язык, но еще и в том,

---

[15] О. Н. Трубачев. Ремесленная терминология в славянских языках (Этимология и опыт групповой реконструкции). М., 1966, стр. 391—392.

что в изолексах, характерных прежде всего для польского, серболужицкий не участвует (ср. ниже о польско-иранских изоглоссах).

Важно иметь в виду, что изоглоссные связи серболужицкой лексики с южными и восточными славянскими языками носят достаточно древний характер, их можно трактовать на уровне праславянского (см. выше), вместе с тем — это, как правило, совместные инновации. Они не исчерпываются названными случаями; ср. хотя бы такую верхнелужицко-словенскую изоморфу, как верхнелужицкий глагольный формант *-ny(ć)* — при словенском *-ni(ti)*. Эти формы обоих языков функционально соответствуют в остальных славянских языках тому, что может быть объединено вокруг праслав. **-nǫ(ti)*: русск. *-ну(ть)*. Еще Я. Эндзелин (1912 г.) показал инновационно-ассимилятивную природу этого *-nǫ(ti)* < *-nou-/-neu-*, причем эти исходные формы подтверждаются и средствами внутренней реконструкции, и внешними сравнениями. Существенно, что в.-луж. *-nyć* и словен. *-niti* не могут быть объяснены ни из праслав. *-nǫti*, ни из предшествовавшего ему *-nu-*. Верхнелужицкий и словенский формант можно понимать только как продолжение особого праславянского *-*nyti* < *-nū-*, видя здесь общую лужицко-словенскую инновацию ранней эпохи. Речь идет о парах типа в.-луж. *hinyć*: словен. *giniti*, в.-луж. *wjadnyć*: словен. *veniti*, в.-луж. *sknyć / schnyć*: словен. *sahniti*, в.-луж. *zběhnyć*: словен. *dvigniti* (и др.), которые только весьма условно могут быть возведены к праславянским реконструкциям **gybnǫti*, **vędnǫti*, **sъxnǫti*, **dvignǫti*. Словенские формы объясняли местным переходом из одного глагольного класса в другой [16], но их едва ли можно объяснять без учета аналогичных лужицких форм. Последние также трудно считать поздними новшествами, так как для серболужицкого характерно, наоборот, вытеснение древнего *-y-* более поздним *-u-* в различных морфологических категориях и лексических случаях.

В работе «Из славяно-иранских лексических отношений» [17] мной была определена задача — противопоставить прежнему традиционному изучению этих отношений как связи монолитного славянского и монолитного иранского новый аспект исследования контактов праславянского диалектного пространства и древнеиранского диалектного пространства. Один из выводов названной работы гласит, что (вопреки распространенному мнению) «восточнославянско-иранские контакты ни в коей мере не следует отождествлять с древнейшими славяно-иранскими отношениями». Самым же

---

[16] R. N a h t i g a l. Slovanski jeziki. 2-a izd. Ljubljana, 1952, стр. 279—280. Точно так же, впрочем, кажется недостаточным предположение в словенских и верхнелужицких формах «чисто фонетических изменений» (см.: «Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов», за редакцією О. С. Мельничука. Київ, 1966, стр. 236).

[17] См.: «Этимология». 1965. М., 1967.

любопытным, пожалуй, наблюдением оказалось выявление ряда древних западнославянских (преимущественно польских) лексических связей с древнеиранским словарем. В терминах праславянского и соответственно — древнеиранского эти лексические пары выглядят следующим образом: *obačiti — *abiāxšaya-, *patriti — *pātraya-, *šatriti — *xšatraya-, *dъbati — *dbaya-, *trъvati — *tarvaya-, tušiti — *tuš-, *pitvati — *paitva-, *žьvavъjь — *ǰuvaya-, *počvara — *pativāra, *rarogъ — *vāragna-, *gъpanъ — *gupāna-, *katъ — *kāta-. Славянские члены этих пар представляют собой очевидные диалектизмы праславянской лексики, реконструируемые в основном на базе польских слов *baczyć*, *patrzyć*, *szatrzyć*, *dbać*, *trwać*, *tuszyć*, *pitwać*, *żwawy*, *poczwara*, *raróg*, *pan*, *kat*. Это дало основание обозначить данную проблему древних лексических связей как polono-iranica. Для характеристики праславянских лексических, а тем самым — диалектных взаимоотношений позволю себе — особенно в связи с затронутым выше серболужицким вопросом — привести еще одно суждение из своей упомянутой работы: «Из западнославянских к части случаев polono-iranica примыкает только чешский (со словацким), с другой стороны, важно иметь в виду, что в polono-iranica практически почти не участвуют серболужицкие языки, что соответствует уже полученным в других работах результатам исследования праславянского диалектного лексического состава». И, как в других уже рассмотренных выше случаях, серболужицкие языки, отклоняясь от схождений polono-iranica, обнаруживают подчас также и здесь особые связи с другими славянскими языками, не входящими в западнославянскую группу. Достаточно назвать в качестве примера тот факт, что серболужицкие языки, не зная формы, близкой польск. *trwać*, знают, напротив, соответствующую синонимичную форму южнославянского типа: в.-луж. *trać*, н.-луж. *traś* < *trajati; ср. болг. *трáя* 'продолжаться, длиться'.

Точная локализация выявленных польско-иранских лексических контактов в древности, при всей ее очевидной важности для нашей более общей проблемы, по-прежнему затруднительна для нас, однако это еще не означает, что такая локализация никогда не может быть определена. Равным образом это не означает, что ввиду особой трудности локализации упомянутых контактов в географическом пространстве говорить о них вообще не представляется возможным. Существует мнение, выдвинутое польскими славистами, что польский язык дольше других славянских оставался в пределах, близких к древней славянской родине. Существуют также указания на иранские (скифские) следы на польской территории. Вероятно, это нужно иметь в виду при осмыслении и историко-географической проекции охарактеризованных вкратце выше схождений polono-iranica. Но не исключено, что в действительности все было гораздо сложнее и что здесь повлияли различные другие неизвестные нам факторы. Но уже и при теперешнем

состоянии наших познаний в этой области мы не имеем никаких оснований недооценивать того знаменательного обстоятельства, что эта очевидно древняя группа славяно-иранских словарных соответствий не распространилась практически за пределы западнославянских языков, что само по себе надежно свидетельствует о глубоких различиях, об известной разобщенности между праславянскими диалектами. Наконец, часть современных западнославянских языков, а именно — серболужицкие, вообще не охвачена описанными соответствиями. Изоглоссная характеристика словаря серболужицких языков неуклонно выводит эти языки из занимаемой ими в историческую эпоху позиции в составе западнославянской языковой группы. Таким образом, тот вывод, что серболужицкие языки стали западнославянскими лишь вторично, можно считать основным результатом, постепенно подкрепляемым с разных сторон новым материалом из области древней лексики и словообразования как по линии внутриславянских изоглосс, так и по линии славянско-неславянских (в данном случае — славяно-иранских) изоглосс. При этом речь идет о таких глубоких диалектных перемещениях, которые охватывают практически все ветви современной славянской семьи языков в их древнем состоянии (ср. то, что говорилось ранее о южных и восточных связях древней серболужицкой лексики).

Поведение польско-иранских лексических изоглосс внутри древнего славянского языкового пространства, с одной стороны, и сепаратные связи серболужицкого словаря — с другой (и то и другое — в рамках одной и той же исторической западнославянской группы), с разных сторон свидетельствуют о существовании в праславянской древности таких глубоких диалектных рубежей и таких тесных связей, которые одинаково трудно отождествить как с традиционной трехчленной классификацией, так и с традиционной двучленной классификацией славянских языков.

Выше речь шла о разных сторонах проблематики изучения состава праславянского словаря, о методике изучения (изоглоссы лексического и словообразовательного характера, пучки изоглосс, ареальный, географический аспект изучения состава праславянского словаря, данные о составе праславянского словаря и праславянское диалектное членение, внутриславянские и славянско-неславянские лексико-словообразовательные изоглоссы). Область славянско-неславянских изоглосс лексического и словообразовательного характера принадлежит к числу таких проблем индоевропейской этимологии и ареальной лингвистики, которые надлежит еще всемерно разрабатывать. Здесь предстоит сделать еще очень много по пересмотру старого и введению в обиход нового материала. Помимо высокого специального интереса, славянско-неславянские изоглоссы представляют важность и для изучения проблемы своеобразия славянского словарного состава на фоне широких индоевропейских сравнений. Мы далеки от мысли принимать весь

праславянский за единицу на том лишь основании, что мы вступаем в область с такими масштабами, где внутриславянские различия казались до сих пор величиной незначительной. Напротив, внимательное выявление древних внутриславянских диалектизмов лексики и словообразования неоднократно убеждает нас в их несводимости к чему-то первоначально единому. Значит, в славянско-неславянских лексико-словообразовательных идентификациях сохраняют свое значение сепаратные славянско-неславянские изоглоссы, охватывающие часть славянского языкового пространства, хотя, разумеется, есть немало примеров общеславянского распространения явлений, типологически или генетически близких явлениям в других индоевропейских языках. Здесь также многое еще не обследовано достаточно основательно.

В виде примера можно сослаться на близость латинских отглагольных существительных на *-tio* (*-tionem*) и славянских отглагольных существительных на *-tьje*. Эта близость выглядит как нечто самоочевидное даже с точки зрения элементарной грамматики, и для такого мнения в общем есть основание, хотя как будто в научном плане это явление исследовано лишь в малой степени. Несколько слов об этой латинско-славянской параллели. Славянский именной отглагольный формант *-tьje* (ср. ст.-сл. приѧтиѥ), может быть условно реконструирован как индоевр. *-tiom* /*-tiiom*, с другой стороны — регулярность образований на *-tьje* на славянской почве и их, по всей видимости, производность с формантом *-je* от соответствующих инфинитивных основ (ср. ст.-сл. приѧти) заставляют расценивать имена на *-tьje* как славянское новообразование. Балтийский, знающий инфинитивы близкой формации (*-*tēi*), не имеет таких расширенных именных форм. Напротив, латинский именной формант для образования отглагольных существительных *-tio* (ср. лат. *emptio*, род. п. *emption-is*, вин. п. *emption-em*), помимо функциональной и формальной близости, также может продолжать индоевр. *-*tiom* (средний род, перестроенный затем в латинском по женскому склонению). Славянский и латинский форманты могут оформлять этимологически родственные глагольные основы, давая близкие по значению имена: ст.-сл. при-ѧтиѥ 'прием' и лат. *emptio* 'купля' по сути дела объединяются общей исходной формой производного характера **emtiiom* < **em-tiiom*. Таким образом, можно говорить если не об общем новообразовании, то, по крайней мере, об общем словообразовательно-морфологическом параллелизме двух индоевропейских диалектных групп. Широкий, индоевропейский подход к славянским отглагольным именам на *-(t)ьje* приносит некоторые новые возможности их типологической интерпретации. Так, в старославянском глагольные существительные этого рода функционально близки инфинитивам (пропѧтиѥ : пропѧти), что как бы усиливает очевидность их словопроизводной связи. Но в латинском близкие имена образованы при отсут-

ствии соответствующих инфинитивов славянского типа, что заставляет видеть деривационную основу в других категориях — супине, страдательном причастии прошедшего времени (*emptio*: *emptum*, *emptus*). При этом речь идет о более архаических (чем инфинитив) категориях, представленных как в латинском, так и в славянском, кроме того, только этим путем (от соответствующего причастия) можно объяснить славянские производные на *-nьje*.

Представление о составе праславянского словаря и о его своеобразии в сравнении с лексикой других индоевропейских языков должно быть основано также на изучении семантической характеристики исследуемого словарного состава. При этом имеется в виду лексическая семантика, выявление ее исторической эволюции, прослеживание с помощью этимологии на славянском материале как более общих семантических универсалий, так и оригинальных особенностей. Одним примером из этой области я хотел бы завершить свой доклад.

Речь идет о новой этимологии славянского слова **jьnьjь*, м., **jьnьje*, ср.; русск. *и́ней* и родственные. Я объясняю это слово как *-jo-* производное от числительного **jьnъ* 'один', причем название инея обнаруживает гипотетически реконструируемую семантику 'один мороз, первый мороз'. Такое истолкование, кажется, вполне убедительно в отношении реалии: иней обычно появляется до того, как ляжет снег и ударит настоящий мороз. Так можно объяснить и лат. *pruīna* 'иней' < индоевр. **pṛu-* 'первый'. Иначе — и противоречиво — о лат. *pruīna* см.: Вальде—Гофман[18] (хорватское, чакавское слово *prvina* 'иней' заимствовано из романского). Древневерхненемецкое, древнесаксонское *frost*, англосаксонское *forst* 'Frost, 'мороз' лучше объяснять по аналогии славянского названия инея — из герм. **frusta-* 'первый', сюда же англ. *first* 'первый', нем. *Fürst* 'князь, государь'. Таким образом, нем. *Frost* < **frusta-* 'первый (мороз)'.

Сравнения слав. **jьnьjь* 'иней' и нем. *Eis* 'лед' надлежит пересмотреть.

---

[18] A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Herausgegeben von J. B. Hoffmann. 3. Auflage. Bd. II, 1954, стр. 378—379.

Ф. П. Филин

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ДРЕВНЕРУССКИХ ДИАЛЕКТОВ

Лингвисты XIX—XX вв. многое сделали для изучения древнерусского (восточнославянского) языка. На основании данных языка древнерусских памятников старшей поры и более позднего времени, сравнительно-исторического интерпретирования современных восточнославянских языков и их говоров, сравнительно-исторического славянского языкознания, исследования контактов с неславянскими языками в общем определены фонетическая и грамматическая системы языка древнего восточнославянского населения, их отношение к древнему общеславянскому языку и другим славянским языкам, установлены абсолютные и относительные даты важнейших фонетико-грамматических изменений. Разумеется, уровень наших знаний древнерусского языка (как и любого другого изученного языка) всегда был и будет относительным, однако их высокая достоверность по сравнению с представлениями об общеславянском языке и о других дописьменных реконструированных языковых системах не подлежит сомнению. Открытие во всех отношениях ценных древненовгородских берестяных грамот не внесло каких-либо существенных изменений в наши знания о системе древнерусского языка, о его важнейших особенностях. Конечно, теоретически можно себе представить, что могут быть открыты такие памятники восточнославянской письменности, язык которых серьезно отличается от известного нам древнерусского языка. Однако если бы произошло такое невероятное событие, то нам стал бы известен иной вариант древнерусского языка, сосуществовавший с уже хорошо изученным.

Иначе обстоит дело с изучением древнерусских диалектов. Несмотря на усилия историков языка восточных славян, результаты, достигнутые в этой области, можно назвать более чем скромными. Выявлены некоторые диалектные особенности, относящиеся к разному времени, в фонетике и отчасти морфологии. Остаются проблематичными синтаксические диалектизмы. Только в последние два-три десятилетия начали накапливаться наблюдения, ка-

сающиеся диалектной дифференциации лексики древнерусского языка. Между тем без основательного знания местных говоров невозможно объяснить, как практически реализовалась система древнерусского языка в живой речи носителей, из каких древних диалектов сложилось восточнославянское единство, как долго это единство существовало и как из него возникли русский, украинский и белорусский языки с их многочисленными говорами. Мы не можем согласиться с теми учеными, которые полагают, что понятие языка не что иное, «как логическая абстракция, основанная на сходных явлениях, повторяющихся в единичных языковых актах, которые имеют место в определенных пространственных и временных рамках, устанавливаемых a posteriori» [1]. Конечно, язык всегда реализуется в единичных речевых актах (устных и письменных), и мы непосредственно можем его наблюдать только в формах единичной речевой деятельности. Однако единичные речевые акты, имеющие своей целью взаимопонимание, всегда являются производными от выработанного многими поколениями языка общества. Новшества, вносимые в язык отдельными лицами, сохраняются и входят в языковую традицию лишь в том случае, если они принимаются всеми, говорящими на данном языке или диалекте. Следовательно, язык — вовсе не логическая абстракция, созданная мышлением ученого, а реальность, безусловно доминирующая над отдельными речевыми актами и определяющая их. Это хорошо понимали наши отдаленные предки. «Бѣ языкъ единъ словѣньскъ», — писал древнерусский летописец. Древнерусский язык, на котором в X—XI вв. говорило примерно четыре-пять миллионов человек, представлял собой систему норм, обязательную для всех говорящих. Общность языковых норм восточнославянского населения древней Руси являлась наследием норм общеславянского языка и результатом специфических инноваций, возникших у обособившихся восточных славян. То, что эти нормы описаны и более или менее нам известны, является немалым достижением науки. В то же время, как известно, система древнерусского языка постоянно изменялась, причем одни инновации получали всеобщее распространение, другие же оказывались локально ограниченными, диалектными. Живая речь древней Руси представляла собой общенародную языковую систему, диалектно варьирующуюся от местности к местности. Языковая картина осложнялась еще социальными различиями: между неграмотными массами населения и лицами, владевшими старославянским языком, не могло быть языкового тождества.

Недостаток в изучении древнерусского языка заключается не в том, что языковеды видят в этом языке историческую реальность, а в том, что по разным причинам они мало учитывают его

---

[1] В. Пизани. К индоевропейской проблеме. — ВЯ, 1966, № 4, стр. 3.

территориальную и социальную дифференциацию. Из этого следует, что реконструкция древнерусской языковой системы оказывается неполной, в значительной мере условной, в определенных отношениях даже переходящей в схему, не отражающую реальное состояние языка. С этим связаны вольное или невольное смешение живого устного языка с письменным, имевшим свои особые традиции, подмена одного из них другим. Для того чтобы приблизиться к знанию древнерусской языковой действительности, какой она была на самом деле (главная и единственная цель научных разысканий в данной области), недостаточно установления общих закономерностей. Необходимы исследования диалектных расхождений и схождений, максимально возможное приближение к разговорной речи населения древней Руси. Без такой работы невозможно понять процесс распада древнерусского языка и образования теперешних восточнославянских языков.

То, чего достигло славянское языкознание в реконструкции древних диалектов и истории возникновения из них современных языков, представляет собой довольно шаткие гипотетические схемы. А. А. Шахматов, который как никто из ученых поработал над проблемами происхождения древнерусского языка и нынешних восточнославянских языков, опирался на сравнительно небольшой набор фонетических и морфологических особенностей современных диалектов. На его концепции сильно сказалась модернизация языкового состояния древней Руси, перенос современных диалектных отношений в глубокую древность. Задача выявления диалектных отличий в языковой системе древнерусских памятников оказалась на заднем плане. Критики А. А. Шахматова показали произвольность его гипотезы о распаде прарусского языка на севернорусское, южнорусское и восточнорусское (среднерусское) наречия. Предположения о наличии в древнерусском языке двух крупных наречий, северного и южного, выдвинутые Т. Лер-Сплавинским и Н. С. Трубецким и продолженные Р. И. Аванесовым, основываются на еще более скудном материале. Исследователи строят свои далеко идущие концепции на основе историко-географической интерпретации немногих фонетических явлений (различение *ц* и *ч* и цоканье, взрывной *г* и фрикативный *γ* и некоторые другие). Складывается убеждение, генетически восходящее к шлейхеровскому родословному древу, что общерусский (восточнославянский) язык после выделения из распавшегося праславянского языка делился на говоры, которые отличались друг от друга главным образом немногими фонетическими чертами. Таким образом, отсутствие сведений о древнерусских диалектах выдается за фактическое их знание. Конечно, гораздо проще утверждать, что древнерусский язык был монолитным и диалектно почти не расчлененным, чем путем трудных поисков обнаруживать не известные пока диалектные его особенности. За последние годы появилось немало работ, в которых обосновывается или намечается значительное

диалектное разнообразие древнерусского языка, особенно в его лексике, однако эти наблюдения должным образом еще не обобщены и даже не суммированы. Первоочередная задача реконструкции древнерусских диалектов — настойчивое и неуклонное расширение фактической базы, выявление новых диалектных явлений ранней поры (а что такие явления существовали, об этом свидетельствует развитие исторической диалектологии восточнославянских языков) [2].

Отсутствие достаточных фактов вынуждало исследователей реконструировать древние диалекты или диалектные ареалы не столько на основании лингвистических материалов, сколько на основании исторических сведений и географических признаков. Конечно, история языка теснейшим образом связана с историей народа. Более того, я бы сказал, что пополнение наших знаний об истории народа посредством лингвистических данных — высшая цель исторического языкознания. Однако нельзя подменять один объект исследования другим. От такой подмены и история, и языкознание ничего не выиграют. В практике историко-диалектологических работ обычно выделение диалекта по немногим или даже одному лингвистическому признаку. Например, некоторые исследователи считают, что древний владимиро-суздальский диалект отличался от новгородского диалекта только тем, что в нем отсутствовало цоканье. Предположим, что это соответствует действительности. Однако, если мы считаем, что диалект представляет собой своеобразную систему сочетания общенародных и локальных языковых элементов, совершенно очевидно, что в данном случае можно говорить не о каком-то особом диалекте, а лишь о зоне распространения различения *ц* и *ч* на территории древней владимиро-суздальской земли. Само название «владимиро-суздальский» относится к истории и географии, а не к лингвистической единице, существование которой указанием на различение в ней *ц* и *ч* вовсе не доказывается. Кстати, зона цокания и различение *ц* и *ч* не совпадали с границами владимиро-суздальской земли, о чем свидетельствуют как данные современных говоров, так и лингвистические факты древнерусской письменности. Между тем исследователи, оперируя немногочисленными, в основном фонетическими явлениями, строят гипотезы о возникновении и развитии диалектов и языков, восполняя отсутствие лингвистических данных сведениями об общей истории и собственными домыслами. Даже при изучении современных, вполне доступных для прямого наблюдения говоров при определении диалекта и его границ об-

---

[2] О. Н. Трубачев с основанием заявляет, что традиционные точки зрения о слабом диалектном расчленении древнерусской лексики «нуждаются в преодолении». (О составе праславянского словаря. Проблемы и задачи. «Слав. языкознание. Доклады сов. делегации. V Междунар. съезд славистов». М., 1963, стр. 185).

щее подменяется частным, т. е. границы распространения отдельных диалектных явлений выдаются за границы всего диалекта. Когда, например, говорят о смоленском диалекте, фактически имеют в виду не совокупность системных отношений в речи смоленского населения на всех ее уровнях, а об аканье, совпадении *ё* и *е* и некоторых других немногих явлениях. Диалект при таком подходе оказывается не лингвистическим, а географическим понятием.

Большим достижением лингвистической географии является открытие, что каких-то общих границ диалекта (наподобие границ между княжествами, губерниями, областями и т. п.) не существует. Реальны лишь изоглоссы отдельных явлений, часто причудливо пересекающие языковую территорию в разных направлениях. Некоторые изоглоссы более или менее близки друг к другу, составляя пучки изоглосс. Пучки изоглосс составляют диалектные зоны, которые можно называть диалектами. Границы между зонами колеблются, являются расплывчатыми. Другие пучки изоглосс на той же территории могут иметь совершенно другие очертания, т. е. диалектные зоны обычно не покрывают друг друга, так что понятие общего диалектного ядра на территории близких друг другу говоров (каковыми являются, например, говоры русского языка) оказывается довольно условным. Только тогда, когда говоры значительно отдаляются друг от друга, когда основные происходящие в них инновации начинают возникать и развиваться независимым путем, языковая территория распадается на отдельные диалекты с довольно определенными ядрами. Между этими диалектами нередко образуются зоны переходных говоров. Такие диалекты при определенных исторических условиях становятся самостоятельными языками, хотя далеко не всегда. На восточнославянских землях образуются три самостоятельных языка, близких друг к другу, на немецкой территории сохраняется общенациональный язык с довольно далеко разошедшимися диалектами. Несовпадение между собою изоглосс и изоглоссных пучков обычно обусловливается их возникновением в разные исторические эпохи и разной степенью распространения или отступления диалектных явлений. Между прочим, это является счастьем для историка языка. Если бы при формировании новых диалектных зон и диалектов полностью стирались старые диалектные членения, история языка оказалась бы невозможной. Причины возникновения различных диалектных изоглосс очень сложны и далеко не всегда связаны с политическими границами [3].

Поскольку за исходную диалектную единицу принимаются отдельная диалектная особенность и ареал ее распространения, постольку первоочередная задача исследователя — установление

---

[3] В. Г. Орлова. Классификация южновеликорусских говоров в свете современных диалектных данных. — ВЯ, 1955, № 6, стр. 5—6.

возможно большего круга локальных языковых различий всех уровней. Хронологическое определение каждого различия, его места в системе языка и его изоглоссы позволяет объективно, без заранее выдвинутых гипотез, установить его отношение к другим диалектным различиям. Идя от различия к различию, можно приблизиться к действительному, а не мнимому познанию диалектных зон и диалектов, и лишь после установления возможно большего количества реально существовавших явлений дать им общую историческую интерпретацию. Не от шатких гипотез и схем к фактам, а от фактов — к научно обоснованным обобщениям. Факты представляют самостоятельную ценность. В свое время Е. Ф. Карский писал: «Гипотезы, построенные теоретически, опирающиеся на незначительное количество фактов, часто случайных, со временем могут оказаться не имеющими под собой именно исторической почвы и, следовательно, лишенными цены, тогда как факты языка никогда не потеряют значения» [4]. По-моему, хорошо сказано.

Применительно к диалектам древнерусского языка факты — это более или менее достоверные диалектные явления всех лингвистических уровней с более или менее достоверными изоглоссами, с установленной относительной хронологией и с приемлемым объяснением их происхождения и места в языковой системе. На пути установления фактической основы древнерусской диалектологии стоят большие трудности, подчас непреодолимые. По-видимому, многие диалектные явления древнерусской эпохи никогда не удастся обнаружить, следовательно, наши знания в этой области не всегда будут полными и свободными от субъективных оценок. И все же, если целью науки является выяснение реальных свойств объекта, а не конструирование логических абстрактных схем, правильность которых невозможно проверить, иной дороги, как стремление расширить и углубить фактическую базу древнерусской диалектологии, у нас нет.

Первая трудность — очень неравномерное географическое размещение древнерусских письменных памятников. В сущности, только одна Новгородская область представлена древнерусской письменностью в такой степени, что исследователи могут более или менее полно представить себе особенности новгородских говоров XI—XIV вв. Бóльшая часть дошедших до нас древнерусских письменных памятников относится к Новгороду и его землям. Обширные тексты, жанровое разнообразие — прекрасный материал для лингвистических исследований. Открытие большого числа берестяных грамот существенно пополнило источники для изучения языковых особенностей древних новгородцев. Лингвисты не раз уже отмечали, что из древнерусских диалектов более или менее четко

---

[4] Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа. Вып. 2—3. М., 1956, стр. 7.

выделяются только древненовгородские говоры. Несомненно, это объясняется прежде всего наличием доступных для исследования многочисленных и разнообразных памятников древненовгородской письменности. Другие древнерусские земли представлены письменными памятниками XI—XIV вв. очень слабо или вовсе не представлены. Ничего не сохранилось от письменности обширных Рязанской и Черниговской земель. Рязанская кормчая 1284 г. представляет собой копию с киевского оригинала, переписанную киевскими писцами, поэтому нет никаких оснований искать в ней проявление особенностей речи исконного населения Рязани. Рязанские и черниговские надписи на вещах X—XIII вв. слишком коротки и немногочисленны, чтобы на их основании можно было делать какие-либо лингвистические заключения (то же можно сказать и о подобного рода надписях всех других областей). Письменные памятники, дошедшие до нас с территории междуречья Оки и Волги, верховьев Днепра, Псковской земли и всех западных областей, начинаются только с XIII—XIV вв. Погибла почти вся богатейшая письменность Киева. К счастью, до нас дошли Остромирово евангелие, Изборники 1073 и 1076 гг. и некоторые другие южнорусские памятники XI—XIII вв. Письменность юго-западная начинается с XII в. Если бы мы задумали составить по древним памятникам Лингвистический атлас, на картах которого были бы относительно равномерно представлены все основные древнерусские территории, нам пришлось бы перейти в XVI в., от которого осталась масса деловых документов из самых различных районов страны. На лингвистическом атласе ранних веков многие области занимали бы обширные белые пятна. Все же лингвогеографические исследования, по данным древнерусской письменности, не только возможны, но и необходимы. Они будут только не полны. Для лингвистов очень важны новые научные публикации различных памятников письменности и в первую очередь, разумеется, вновь открытые. Книга С. А. Высоцкого «Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв.» [5] содержит ценные тексты, которые дополняют наши сведения о языке жителей древнего Киева. Важным пособием является труд Б. А. Рыбакова «Русские датированные надписи XI—XIV вв.» [6] Между прочим, древнейшей датированной надписью теперь нужно считать не надпись на Тьмутороканском камне 1068 г., а открытое С. А. Высоцким в Киевском Софийском соборе граффито 1052 г., за которым следует запись 1054 г. на стене в том же соборе о кончине великого князя Ярослава Владимировича. Существенным подспорьем для древнерусской лингвистической географии может быть пословное сравнение поздних

---

[5] С. А. Высоцкий. Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Вып. 1. Киев, 1966.

[6] Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV вв. М., 1964.

списков утраченных оригиналов древних произведений (например, Повести временных лет, Русской Правды и др.), которое открывает возможности не только с большей или меньшей вероятностью реконструировать первоначальный вид языка этих произведений (их лексики и отчасти грамматики), но и устанавливать некоторые древние диалектные различия [7].

Вторая трудность — нетождественность устного и письменного языка. Подавляющее большинство текстов XI—XIV вв.— религиозного содержания и написано на родственном, но не совпадающем с устной восточнославянской речью старославянском языке так называемой русской редакции. Старославянский язык, как известно, был общим литературным языком для большинства славян. На его структуре лишь отчасти и постепенно сказывались различия, своеобразия отдельных славянских языков. С большим трудом проникали в него диалектные особенности каждой славянской языковой области, так как по своему характеру и назначению старославянский язык был типичным наддиалектным языком. Если бы у нас были другие достаточные источники, старославянский язык русской редакции вовсе можно было бы исключить из круга пособий по исторической диалектологии. Однако мы этого сделать не можем, так как другие письменные источники интересующего нас времени довольно скудны. Приходится по крупицам собирать сведения о диалектных явлениях, скупо и весьма неравномерно пробивающихся через броню старославянского языкового стандарта. Правда, в нашем распоряжении имеются оригинальные памятники светского содержания. Как известно, в свое время С. П. Обнорский предполагал, что ранние древнерусские памятники светского содержания адекватно отражали живую древнерусскую речь и их язык сложился совершенно независимо от старославянского языка [8]. Однако это предположение осталось недоказанным. Вне всякого сомнения, письменность на Руси распространилась вместе со старославянскими книгами, образование достигалось при помощи старославянского языка. И если схему А. А. Шахматова, согласно которой русский язык является результатом русификации старославянского языка, считать чересчур упрощенной и фактически мало обоснованной, все же факт остается фактом: в языке древнерусской оригинальной письменности обнаруживаются явственные следы старославянизмов, особенно в историко-повествовательной и нравоучительной литературе [9].

---

[7] Опыт такого исследования представлен в кн.: Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей). Л., 1949.

[8] С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946.

[9] Моя точка зрения на эту проблему изложена, в частности, в рецензии на упомянутую книгу С. П. Обнорского («Вестник ЛГУ», 1947, № 10, стр. 109—116).

Мы не будем здесь касаться недавно вспыхнувшей полемики, что́ нужно считать в древней Руси собственно литературным языком, но и на языке безыскусственной переписки, представленной в ряде берестяных грамот, не могло не сказаться сдерживающее по отношению к диалектным особенностям влияние книжной традиции. Некоторые диалектные явления все же прорывались сквозь господствующий языковый стандарт, другие же вовсе не нашли своего отражения в письменности.

Третья трудность — анонимность древнерусских письменных произведений. Для историко-диалектологических исследований крайне важно локализовать то или иное диалектное явление. Между тем, даже в тех сравнительно редких случаях, когда нам известен автор или переписчик, обычно остается неизвестным, уроженцем какой местности он был, какой диалект отражают особенности его речи. Не случайны поэтому непрекращающиеся споры о месте написания даже хорошо изученных памятников. Например, обычно считается, что Остромирово евангелие написано в Киеве, но существуют и иные предположения, которые нельзя опровергнуть с полной уверенностью. Самый факт находки рукописи или надписи в том или ином месте хотя и важен, но еще не решает вопроса о диалектной принадлежности их языка: население древнерусских городов было смешанным, грамотные люди, несомненно, нередко переезжали из одной местности в другую. Мы обычно также не знаем, принадлежали ли переписчики оригиналов (а ведь чаще всего до нас дошли их списки) к той же диалектной среде, что и авторы оригиналов. Можно было бы указать еще немало и других трудностей, свидетельствующих об ограниченных возможностях лингвогеографических исследований на базе древней письменности. Легко понять великого знатока древнерусской письменности А. А. Шахматова, который строил свои историко-лингвистические гипотезы главным образом на основе современных говоров и ставил на второй план возможность установления диалектных областей по данным древних письменных памятников.

И все же древнерусская письменность является первостепенным источником для исторической диалектологии. Широкое сравнительное изучение языка всех известных нам памятников, несомненно, приведет к открытию многих новых диалектных явлений, особенно в лексике. Локализация диалектизмов основывается прежде всего на массовости свидетельств (та или иная особенность встречается не в одном или двух памятниках, а во многих) и на совпадении географии изучаемой особенности в древней письменности и современных говорах (если, конечно, древнерусский диалектизм дожил до наших дней). Мы, например, совершенно уверены в том, что цоканье занимало северные области древней Руси, так как оно встречается не в одном, а во множестве письменных памятников несомненно северного происхождения и в наше время засвидетельствовано как живое или остаточное явление в тех же северных об-

ластях. Относительное и тем более полное совпадение ареала распространения древнерусских письменных памятников, в которых отмечается интересующее нас явление, с ареалом этого явления в современных говорах позволяет нам с твердой уверенностью устанавливать лингвистические изоглоссы древнерусской эпохи. Такое совпадение — самое надежное основание для локализации древних диалектизмов. Речь идет здесь о географически устойчивых диалектных явлениях, которых в языке не так уж мало. Однако большинство диалектных особенностей и географически, и хронологически подвижно. Многие древнерусские диалектизмы (нам известны примеры такого рода прежде всего в лексике) вовсе не дожили до наших дней, другие решительно изменили границы своего распространения. Реконструкция таких диалектизмов по необходимости будет в большей или меньшей мере гипотетичной, хотя тщательное изучение истории каждого явления может доставить относительно достоверные материалы.

Значительную трудность представляет анализ предположительно древних диалектных особенностей, которые отражены в современных говорах или сравнительно поздних письменных памятниках, а в древней письменности сведения о них отсутствуют или не найдены. Сравнительно-исторические исследования, метод внутренней реконструкции и иные новейшие лингвистические приемы не могут заменить собой письменной документации, дающей основы более или менее надежной хронологии. Можно, например, быть уверенным в том, что если бы цоканье не нашло своего отражения в памятниках древнего и старого русского письма, были бы выдвинуты гипотезы, в которых доказывалось бы позднее происхождение этой особенности. Прежде чем реконструировать древнюю изоглоссу, необходимо предварительно, по возможности исчерпывающе, изучить всю историю диалектного явления. Между тем это непременное условие в практике лингвистических исследований очень часто нарушается. Примеров таких нарушений можно было бы привести много. Современные диалектные ареалы произвольно переносятся в глубокую древность. Например, отмечается распространение вариантов форм 1 л. мн. ч. наст., вр.: *-то* в сербохорватском и словенском, украинском, белорусском и словацких диалектах, *-те* в болгарском и македонском, *-тъ* в русском, болгарском, древнепольском и старославянском, и делается вывод, что локальное распространение этих форм было характерно для праславянского языка [10]. Возможно, что в данном случае мы, действительно, имеем дело с одним из древнейших диалектизмов, но для того, чтобы выдвигать такое предположение, следует тщательно, по всем имеющимся в нашем распоряжении ис-

---

[10] I. Popović. Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960, стр. 3.

точникам, проследить историю употребления каждой из указанных форм, ареалы которых неоднократно изменяли свои границы. Распространившиеся за последнее время гипотезы о начале членения современных южнославянских языков и даже географическом расположении этого членения уже на первоначальной славянской прародине, о древнейших болгаро-украинских, балтийско-южнославянских и иных предположительно древнейших изоглоссах не имеют большой научной ценности, поскольку остается неизвестной реальная история этих изоглосс. Отмечены случаи, когда исследователь пытается реконструировать праславянские диалектизмы русской и белорусской лексики, опираясь в основном только на этимологический словарь Фасмера, или восстанавливать древнеукраинские особенности, делая выписки лишь из словаря Срезневского.

Реконструкция древнерусских диалектных явлений прежде всего предполагает по возможности тщательный сравнительный анализ языка древнерусских памятников с обязательным учетом их локальной и хронологической соотнесенности, изучение истории диалектных особенностей по письменным памятникам и литературным произведениям позднего времени, включая современную литературу, их употребление в современных восточнославянских говорах. По отношению к лексике это означает не только наличие собственных разысканий и учета литературы предмета, но и обязательное использование существующих словарных картотек, по отношению к другим явлениям — привлечение материалов диалектологических атласов. Без выполнения этих условий историческая диалектология не может выбраться из дремучего леса гипотез. И если эти задачи далеко не всегда выполнимы по не зависящим от нас причинам, то, по крайней мере, мы должны стремиться к их осуществлению. Нельзя не согласиться с заявлением В. Пизани, имеющим принципиальное значение: «Я считаю, что если наша наука должна быть исторической, она должна стремиться обнаруживать исторические реальности. Мне совсем не интересно строить фонологическую или морфологическую систему, чтобы выдать ее за «индоевропейскую», но мне интересно знать, что представлял собой в действительности этот «индоевропейский» язык, как он расчленялся и изменялся на огромном пространстве своего предполагаемого распространения в течение многих веков своего существования, т. е. географически и хронологически» [11].

В связи с этим необходимо сказать несколько слов о предмете и методе исторической диалектологии, следовательно, и о характере реконструкции древнерусских диалектов. Диалекты, как известно, существовали и существуют только благодаря наличию

---

[11] В. Пизани. Указ. соч., стр. 5.

в языке или языковой общности локально ограниченных явлений. Естественно поэтому, что предметом древнерусской (как и любой другой) диалектологии является установление существовавших диалектных особенностей, их употребления, ареалов и дальнейшей судьбы. Чтобы понять причины возникновения диалектизмов и их историю, конечно, необходимо исследовать механизм изменений языковой системы, породившей диалектные явления, функционирование диалектных особенностей в общей системе языка, но сами по себе диалектизмы не составляют какой-либо системы. В самом деле, какие системные связи можно установить между аканьем и сосуществующим с ним в большинстве акающих говоров фрикативным γ или формами личного местоимения род.-вин. п. ед. ч. *мене*, *тебе*, *себе*? Иными словами, предметом диалектологии являются прежде всего единичные, отдельные явления. Правда, существует и другой тип диалектных различий, который можно назвать структурным. Поскольку диалектные явления представляют собой составные части системы языка или какой-либо подсистемы, диалекты отличаются друг от друга не только наличием в них локальных «субстанций», но и характером системных отношений, что́ существует на любых уровнях языка, в том числе и в лексике. Некоторый опыт установления структурных различий лексических микросистем в славянских языках и диалектах уже имеется (например, в работах Н. И. Толстого). Важность исследования структурных диалектных различий вне всякого сомнения. К сожалению, применительно к исторической диалектологии это пока terra incognita, область неизученного. Опыты изучения истории структур славянских языков относятся прежде всего к попыткам охарактеризовать системные явления и происходившие в них сдвиги в масштабах всего языка (праславянского, старославянского, древнерусского и т. д.), а не его диалектных подразделений. Для исторической диалектологии от этих работ пока что мало пользы. То, что можно отметить отдельные еще довольно смутные проблески, относится лишь к некоторым фонологическим и акцентологическим аспектам (ср., например, некоторые работы В. В. Колесова). Если мы не хотим откладывать на неопределенный срок попытки представить историю древнерусских диалектов и сложение на их базе восточнославянских языков в более или менее общем виде, мы должны довольствоваться теми историко-лингвистическими результатами, какие имеются в настоящее время. Впрочем, и структурные диалектные различия, взятые как дифференциальные признаки диалектных зон, ни в отдельности, ни в совокупности не могут представлять собой какую-то особую систему, поскольку они являются лишь частью системы или подсистемы языка. Система языка, по-видимому, в каждый момент своего развития потенциально содержит несколько или множество возможностей своего преобразования. Реализация этих возможностей далеко не всегда локально ограничивается. Локальные ограничения указанных ре-

ализаций составляют так или иначе отдельные явления, единичные изменения.

Говоря о задачах исторической диалектологии, мы должны подчеркнуть, что нас прежде всего интересуют не логические возможности, заложенные в языковой системе, а действительные реализации языковых изменений. Вообще задачей науки является не только познание общего, но и частного, бесконечного множества отдельностей, в котором реализуется общее. Общее неотделимо от частного, не существует вне его. Поэтому для нас совершенно неприемлемы попытки построения абстрактных структурных схем языка, возможных до познания в опыте. Невозможно согласиться с теми лингвистами, которые вопрос о развитии языка подменяют вопросом о развертывании абстрактной структуры, сконструированной на основе дедуктивно-умозрительных операций. При таком методе история языка оказывается в сущности вне науки, так как главным предметом науки оказывается изучение того, что может быть заложено в системе, но что не обязательно будет. Изучать же историю как то, что могло бы быть, но чего на самом деле не было, конечно, бессмысленно. Мы будем придерживаться последовательно исторической точки зрения, поэтому для нас совсем не безразлично, соответствуют или не соответствуют наши лингвистические представления реальной действительности. То, что для нас действительно безразлично, это мыльные пузыри многих структуралистических схем, которые не могут долго существовать на поверхности познания. Многообразие языковой действительности невозможно выводить из минимального количества абстрактных и даже фиктивных «репрезентаций».

В общем плане изучения языка метод постулирования абстрактных моделей и «порождения» из них реально существующих языковых форм, вероятно, любопытен и может быть в известном отношении полезен, но крайне сомнительно, чтобы он мог прибавить что-либо к нашим знаниям о действительной истории языка.

Итак, нам представляется целесообразным следующий путь изучения диалектных явлений древнерусского языка и их дальнейшей судьбы. Прежде всего установление самого состава древнерусских диалектизмов разных языковых уровней и разных типов, определение их изоглосс, времени возникновения и сдвигов, которые происходили в их истории. Затем должно решаться, в каком соотношении друг к другу находились диалектные явления и их ареалы, составляли ли они то, что можно назвать диалектными зонами или диалектами. Разумеется, здесь нельзя обойтись без должного учета «экстралингвистических» факторов, но понятие диалектной зоны или диалекта не должно подменяться понятием племени или племенного союза, феодальной земли или каких-либо иных историко-географических образований, как это нередко случалось и случается в исследовательной практике. Только когда ресурсы

лингвистического исследования оказываются исчерпанными, следует делать «привязку» диалектных зон и диалектов к известным этническим, социально-экономическим, политическим и иным объединениям. Конечно, все языковые изменения так или иначе социально обусловлены. Изучать историю языка без истории его создателей и носителей, по моему убеждению, бессмысленно. Историку языка должны быть глубоко чужды нигилистические в отношении истории народов и наций взгляды, согласно которым важна процедура исследования, но не важно или не очень существенно, к каким лингвистическим объектам эта процедура применяется. Однако нужно пытаться избегать любой предвзятости, в том числе и подмены лингвистических положений и выводов общеисторическими концепциями.

Д. Н. Шмелев

ОСНОВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЛЕКСИКЕ СОВРЕМЕННЫХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

1. Исследование лексики современных восточнославянских языков связано с разрешением некоторых общих теоретических вопросов. В зависимости от того, в каком направлении будут решаться эти вопросы, может измениться и освещение ряда конкретных фактов. Более того, самый отбор фактов из столь сложной и подвижной области, какой является словарь языка, во многом определяется именно общими лексикологическими принципами, которых сознательно или несознательно и с той или иной степенью последовательности придерживается исследователь.

Для лингвиста, стремящегося показать воздействие тех или иных внеязыковых факторов на развитие языка, лексика дает обильный материал, который легко трактовать по своему усмотрению. Однако именно обилие и разнообразие этого материала, в значительной своей части очень ценного с культурно-исторической точки зрения, в ряде случаев отодвигает на второй план самые выводы лексикологического исследования. Выводы же эти нередко являются только более или менее явной переформулировкой исходных положений об изменчивости лексики и ее подверженности внеязыковым воздействиям. В чем именно заключается механизм лексических инноваций, какова собственно лингвистическая значимость той особенности лексики, которая характеризуется как ее способность непосредственно реагировать на внеязыковые события, насколько и каким образом пополнение словаря обозначениями новых реалий затрагивает общий его строй — все эти вопросы не получили вполне удовлетворительных ответов.

Словарный состав восточнославянских языков претерпел в послереволюционное время значительные сдвиги. Это заметно и неспециалисту. Достаточно ясна и связь между многими лексическими неологизмами и вызвавшими их явлениями внеязыковой

действительности. Важной практической задачей, стоящей перед лингвистами, является лексикографическая регистрация этих неологизмов, так же, как и их объективная оценка с точки зрения норм литературной речи. Эта задача осуществлена в настоящее время только отчасти.

Вместе с тем необходим анализ тех способов номинации, которые используются в каждом из восточнославянских языков при образовании новых наименований. Хотя очевидно, что такой анализ во всяком случае не менее важен для лексикологии, чем классификация последних в соответствии с характером и ценностью обозначаемых реалий, в этом направлении сделано не так много. Правда, отдельные способы образования новых слов, действующие в современных восточнославянских языках, описаны достаточно подробно, но их соотношение и взаимодействие пока еще почти не выяснены.

Также еще предстоит выяснить, как и в какой мере пополнение лексики обозначениями новых реалий (в широком смысле) сказывается на соотношении ее различных элементов. В ряде случаев можно непосредственно наблюдать, как самые обычные слова языка как будто бы естественно (и незаметно для говорящих) расширят сферу своего употребления (семантического и деривационного), приспосабливаясь к передаче новых ситуаций. Ср. русск. *слушать* (радио), *смотреть* (телевизор), укр. *слухати* и *дивитися*, белор. *слухаць* и *глядзець* и т. п.

Однако остается совершенно не выясненным, где естественные (для говорящих) пределы такой семантической трансформации, где эти же пределы, очерченные с точки зрения кругов, заинтересованных в пропаганде научных знаний или рекламе.

Наконец, сложная задача разграничения внутренних и внешних факторов, обусловливающих развитие языка в целом, не должна применительно к лексике истолковываться упрощенно. Широко распространено мнение, что воздействие внеязыковых процессов неодинаково проявляется в разных сферах языка: в то время, как, например, в морфологии, синтаксисе эти процессы могут отразиться только опосредствованно, влияя на соотношение каких-то внутренних тенденций их развития, — в лексике это влияние находит прямое и непосредственное отражение. Такое мнение вполне справедливо, однако, лишь постольку, поскольку оно не связано с фактическим сведением внеязыковых воздействий на лексику к случаям именно непосредственного фиксирования в ней новых явлений.

Можно думать, что лексике свойственны те же тенденции развития, что и языку в целом, что ее развитие обусловлено и внутренними (интралингвистическими) и внешними (экстралингвистическими) факторами, причем изменения, которые непосредственно вызваны изменениями, происходящими во внеязыковой действительности, окажутся наиболее поверхностным слоем лексических

новообразований. Они окажутся действительно ярким отражением процессов, происходящих в жизни общества, но для собственно лингвистического исследования они будут ценны и характерны, в первую очередь, как проявление того механизма номинации, который создан в результате взаимодействия внутренних и внешних факторов развития языка.

2. Разнообразные тематические группы лексических неологизмов, появившихся в восточнославянских языках в послереволюционную эпоху в качестве названий новых реалий, еще ждут своего детального изучения и сопоставления с точки зрения тех средств номинации, которые в них использовались. Поэтому выводы, которые мы можем сделать на основании исследованного нами материала, имеют только предварительный характер.

Подавляющее большинство лексических новообразований восточнославянских языков двадцатого века совпадают в использовании способов номинации, тех возможностей, которыми языки располагают для образования новых слов. Использовали ли они такие традиционные способы номинации, как аффиксальное словообразование, основосложение, сочетание слов для создания составных наименований, семантическую деривацию, заимствование и калькирование, или такие, как аббревиация, создание сложносокращенных слов, т. е. способы, получившие широкое, действительно общеязыковое значение лишь в послереволюционное время, — они почти всегда совпадали в выборе этих средств. Это можно (и нужно) объяснять общностью внешнеязыковых условий, в которых происходило образование новых обозначений в послереволюционную эпоху, а также и взаимовлиянием этих языков, в первую очередь влиянием русского языка на украинский и белорусский. Но нельзя при этом игнорировать такой лингвистически значимый факт, как общность собственно языковых способностей и возможностей, которые присущи каждому из восточнославянских языков в области номинации. Каждый акт называния происходит в этих языках по выработанным в них трафаретам, которые в результате взаимодействия многих исторически обусловленных факторов являются сходными. Поэтому достаточно самого незначительного внешнего импульса, чтобы в каждом из восточнославянских языков действовал тождественный способ ономасиологического представления, вызывая к жизни те же ресурсы номинации, которые способствовали бы проявлению в каждом из языков того, что можно назвать своего рода общей артикуляционной базой номинации.

Разумеется, в каждом из трех восточнославянских языков сложились такие закономерности, которые не делают возможным дословный (и поморфемный) перевод с одного языка на другой. Семантические и экспрессивно-стилистические особенности ряда слов и аффиксов препятствуют полному тождеству новообразова-

ний в этих языках, несмотря на общность внешних условий появления большей части этих новообразований, а также на то взаимовлияние, которое в области терминологических обозначений иногда рассматривается как «тенденция к интерславянизации». Например, несмотря на эту тенденцию, украинский язык, употреблявший в первые послереволюционные годы в соответствии с русским экономическим термином *накопление* (нем. Akkumulation) термин *накопленння*, впоследствии отказался от него, заменив его термином *нагромадження*, так как первый наделен в общеукраинском пейоративным оттенком [1].

Семантический объем и семантическая структура целого ряда генетически тождественных слов в восточнославянских языках представляют известные особенности, что ведет к различиям и в возможности их применения при образовании неологизмов. Ср., например, семантическое соотношение между русск. *союз* и укр. *союз*, — на основе значений первого возможно создание сочетаний *Советский Союз* и *профессиональный союз*, на основе значений второго — сочетания *Радянський Союз*, в то время как для обозначений второго рода используется слово *спілка* (*професійна спілка*). Точно так же лексической дифференциацией отмечены в украинском различные значения русского слова *общество*: в русском *социалистическое общество* и *спортивное общество*, в украинском — *соціалістичне суспільство* и *спортивне товариство* и т. д.

В ряде случаев неполное соответствие в семантической структуре слов вызывает различия в сфере их переносного или деривационного употребления. Ср., например, прямое и переносное употребление русского слова *наследник*, соответствующего двум украинским словам *спадкоємець* и *наступник*. Несходное соотношение между разными значениями украинских слов *хліб* и *збіжжя* и белорусских *хлеб* и *збожжа* (соответствующих отдельным значениям русского *хлеб*), приводит к различиям в производных и т. д. Иногда в одном языке требуется для обозначения обобщенных «родовых» наименований создание составных наименований, в другом — в такой функции могут выступать отдельные слова. Например, в русском для обобщенного наименования разных видов дорог было применено сочетание *пути сообщения*, в то время как в украинском выражение этого значения приняло на себя многозначное слово *шляхи*.

В целом ряде случаев речь должна идти о внешне малозаметных, но существенных с лингвистической точки зрения различиях в типах грамматического (морфологического и синтаксического) оформления соответствующих обозначений. Ср., например:

---

[1] Т. І. Паньк о. Розвиток української економічної термінології XIX—XX століть. Канд. дисс. (машинопись). Львів, 1965, стр. 72—73.

русск.	укр.
способы производства	*засоби виробництва*
способы передвижения	*засіб пересування*
Общество по распространению политических и научных знаний	*товариство для поширення політичних і наукових знань*
стиральный порошок	*порошок для прання*
кондитерские изделия	*кондвироби*
карта-схема	*картосхема*
технорук	*техкерівник*

3. Согласно принимаемой нами точке зрения внеязыковые факторы развития языка не действуют независимо от внутренних тенденций его развития, которые обусловлены внутрисистемными отношениями. Однако эти факторы могут способствовать или, наоборот, препятствовать проявлению какой-либо из внутренних тенденций, ускоряя или же замедляя соответствующие процессы, происходящие на различных уровнях языка [2].

В лексике мы склонны видеть проявление тех же общих тенденций развития, которыми вызвано и развитие других сторон языка. В наиболее общем виде эти тенденции могут быть определены как тенденция к регулярности, с одной стороны, и тенденция к экспрессивности — с другой. Обе эти тенденции связаны в конечном счете со знаковым характером языка. Будучи обозначениями каких-то явлений действительности, находящейся за пределами знаков, единицы языка в то же время подчинены и внутрисистемным отношениям, существующим между самими знаками. Отношения, существующие между различными явлениями действительности, и отношения, существующие между языковыми обозначениями данных явлений, никогда не совпадают полностью, да и не могут совпадать, так как неограниченной совокупности явлений и отношений, подлежащих обозначению, противостоит ограниченная и упорядоченная в соответствии со своей собственной природой совокупность единиц обозначения. Указанное расхождение не может перейти какой-то порог без того, чтобы язык не перестал удовлетворять задачам, стоящим перед ним как средством общения, средством выражения и сообщения мыслей. Поэтому в языке постоянно обнаруживается тенденция, направленная к сдерживанию данного расхождения, к поддержке регулярности взаимно-однозначных соответствий между означающими и означаемыми и тем самым способствующая языковому автоматизму. Однако эта тенденция никогда не определяет всецело движение языка, так как языковой автоматизм и регулярность отношений, существующих между означающими и означаемыми, с одной стороны, и между

[2] См.: М. В. Панов. О развитии русского языка в советском обществе. (К постановке проблемы). — ВЯ, 1962, № 3, стр. 3 и сл.

отдельными знаками, с другой, — постоянно нарушаются как из-за необходимости дать обозначение чему-то новому (или кажущемуся новым), так и из-за присущего говорящим стремления создавать новые, экспрессивные обозначения. Эти тенденции, которые мы для краткости обозначим как тенденцию к регулярности и тенденцию к экспрессивности [3], сложно взаимодействуют друг с другом на разных уровнях языковой системы, сталкиваясь при этом и с качественно иными движущими силами, истоки которых следует видеть в сфере таких категорий, как традиция, языковой авторитет, литературная норма, литературный стандарт.

Литературная норма ограничивает возможность экспрессивных новообразований, которые, закрепившись в языке, увеличивали бы нерегулярность соответствующих рядов; но она же способствует и тому, что многие нерегулярные образования в силу традиции сохраняются литературно-нормированным языком, тогда как их исчезновению в просторечии и диалектах ничто не препятствует.

Регулярность лексических единиц не исчерпывается каким-либо одним видом отношений. Более того, усиление регулярности одного вида отношений часто сопряжено с ослаблением регулярности другого вида отношений. Так, появление в языке составных (расчлененных) наименований типа *транспортные средства, головные уборы* и т. п. в известной степени служит преодолению семантико-парадигматической нерегулярности обозначений различных классов и подклассов предметов. Вместе с тем эти же наименования становятся новыми примерами несоответствия между означающим и означаемым (расчлененность первого при нерасчлененности второго) так же, как и формально-парадигматического несоответствия между параллельными рядами лексики.

4. Если исходить из оценки различных способов номинации, действующих в современных восточнославянских языках с точки зрения названных тенденций, то, по-видимому, наиболее отвечающим требованиям «полной» регулярности было бы аффиксальное словообразование. Однако именно оно-то, в силу ряда причин, как будто несколько сдает свои позиции.

Исторически так сложилось, что применение аффиксального способа словообразования в русском литературном языке было более ограниченным, чем в украинском и белорусском. А. В. Исаченко отметил эту особенность русского литературного языка по сравнению с другими славянскими литературными языками и интересно интерпретировал ее (привлекая для сопоставления главным образом материал чешского языка) в своей статье «К вопросу

---

[3] Во избежание недоразумения необходима, по-видимому, следующая оговорка. С терминами регулярность — нерегулярность, экспрессивность — автоматизм не связывается в настоящей работе никаких оценочно-стилистических моментов.

о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков»[4].

Указывая на «стандартность» аффиксального словообразования в чешском литературном языке, А. В. Исаченко отмечает, что «русский язык не знает той прямолинейности словообразовательных приемов, которая характерна для славянских литературных языков, возникших в условиях национального возрождения, в условиях борьбы за национальную самобытность, борьбы против германизации и мадьяризации, в условиях ускоренного обогащения словарного запаса новыми словами отвлеченной и специальной лексики»[5]. В отличие от других славянских языков русский литературный язык «развивался постепенно, без глубоких цезур. . . Отсюда известная «капризность», нерегулярность, пестрота лексического состава. . .»[6].

Наблюдающаяся в русском литературном языке нерегулярность значительной части словообразовательных образцов сказывается на многозначности соответствующих аффиксов, что, в свою очередь, подчеркивает семантическую перегруженность многих производящих основ, затрудняя тем самым регулярность словообразовательной аффиксации.

Однако основная масса лексических неологизмов последних десятилетий во всех трех восточнославянских языках совпадает по способу образования, и неологизмы, созданные путем аффиксации, не составляют здесь исключения. В ряде случаев параллелизм образований подчеркнут тождеством корневых, а в значительной степени и аффиксальных элементов (ср. русск. *поточный*, укр. *потоковий*, белор. *паточны*; русск. *целинник*, укр. *цілинник*; русск. *переподготовка*, укр. *перепідготування* и т. п.); но и там, где корневые элементы в том или ином языке отличны, общность семантической модели образования остается вполне прозрачной (ср. русск. *хлебозаготовки*, укр. *хлібозаготівля*, белор. *збожжанарыхтоўкі*; русск. *хозяйственник*, укр. *господарник*, белор. *гаспадарнік*; русск. *перевыполнить*, укр. *перевиконати*, белор. *перавыканаць*; русск. *кружковец*, укр. *гуртківець*, белор. *гуртковец*; русск. *скоростной*, укр. *швидкісний*, белор. *скорасны*; русск. *отличник*, укр. *відмінник*, белор. *выдатнік*; русск. *раскулачить*, укр. *розкуркулювати*; русск. *обезличка*, укр. *знеосібка*; русск. *воскресник*, белор. *нядзельнік*; русск. *выдвиженец*, белор. *вылучэнец* и т. п.).

Область, в которой аффиксальный способ словообразования активно применяется в современном русском языке, — это обозначения лиц по специальности и профессии (*ракетчик*, *атомник*,

---

[4] А. В. Исаченко. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков. «Slavia», roč. XXVII, 1958, seš. 3, стр. 334—352.

[5] Там же, стр. 347—348.

[6] Там же, стр. 350.

карусельщик, *наладчик*, *разработчик*, *экскаваторщик*, *программист*, *приборист*, *высотник* и т. д.) Украинский и белорусский языки следуют здесь в общем тем же моделям.

Характерно, что в тех случаях, когда русский язык не мог довольствоваться аффиксальными средствами, как, например, во многих обозначениях, отразивших дифференциацию сельскохозяйственного производства, в результате применения другого способа номинации была достигнута бо́льшая регулярность лексического ряда, чем это, по-видимому, было бы возможно при использовании подходящих, если бы таковые имелись, аффиксальных средств. Ср., например:

русск.	укр.
полевод	*рільник*
свекловод	*буряківник*
птицевод	*птахівник*
овощевод	*овочівник*
шелковод	*шовківник*
животновод	*тваринник*
хлопковод	*бавовняр*
пчеловод	*бджоляр*
хмелевод	*хмеляр*
оленевод	*оленяр*
льновод	*льонар*

Самый элемент *-вод* в русских обозначениях явно близок к превращению в словообразовательный суффикс.

Едва ли не преобладающее значение сохраняет аффиксальный способ номинации, наряду со следующим из указанных, в области специальных обозначений.

Недостаточная «мотивированность» аффиксальных образований, связанная с неоднозначностью аффиксов и семантической перегруженностью производящих основ, не является психологическим препятствием для их закрепления внутри специальной лексики, входя в которую, они как бы получают вторичную семантическую мотивировку. Источником такой мотивировки становится сама специальная сфера их применения. Можно указать на многочисленные названия технических приспособлений, процессов, механизмов, инструментов и т. д., образованные при помощи суффиксов. Ср. усиление продуктивности именно в рамках этой модели суффикса *-ач* (*-яч*) в украинском языке, семантическую активность суффикса *-тель* в аналогичных образованиях русского языка и т. д. Например, русск. *выключатель*, *выпрямитель*, *нагреватель*, *опрыскиватель*, *ороситель*, *распылитель* и т. д., укр. *вимикач*, *випрямляч*, *нагрівач*, *обприскувач*, *зрошувач*, *розпилювач* и т. д., белор. *выключацель*, *выпрамнік*, *нагрівнік*, *апырсквальнік*, *арашальнік*, *распыляльнік* и т. д.

Аффиксальные средства остаются основой глагольного и адъективного словообразования, хотя в последнем случае у этого способа номинации и возник мощный конкурент, о котором речь дальше. Как бы то ни было для множества субстантивных неологизмов — это все еще единственный способ словообразовательной активности (ср. *колхозный*, *рабкоровский*, *вузовский*, *профсоюзный* и т. п.).

5. Лексическая регулярность в современных восточнославянских языках оказалась тесно связанной еще с одной категорией — мотивированностью лексических единиц. По-видимому, в эпоху все возрастающей потребности в новых обозначениях, в эпоху «массовой номинации», в таких по своей структуре языках, как восточнославянские, формально-лексическая регулярность (соответствие единого понятия единому по своей форме обозначению) отступает на второй план перед парадигматико-семантической регулярностью, связанной с законченностью лексико-семантической парадигмы и однозначностью внутрипарадигматических связей. Среди внешних факторов, способствующих этому, нужно прежде всего назвать усиливающееся влияние терминологий на общелитературную речь как через непосредственное проникновение в нее подлинных терминов, так и через косвенное воздействие их общего строя на бытовой словарь.

Однако семантико-парадигматической регулярности иногда как будто бы только мешает формально-лексическая регулярность наименований. Возьмем, к примеру, обозначения родства. Во всех восточнославянских языках нерасчлененные слова типа *шурин*, *деверь* и подобных уступают место описательным наименованиям, вроде *брат жены*, *брат мужа* и т. д. Этому как раз способствует «терминологичность» данной тематической группы слов (лексико-семантической парадигмы). Расчленение же как раз подчеркивает терминологическую соотнесенность этих обозначений друг с другом. Вместе с тем их «мотивированность» как бы закрепляет за каждым из них его место, устраняя двусмысленность и затрудняя всякого рода экспрессивные смещения. Ясно, что словосочетание, например, является более «мотивированным», чем нерасчлененное обозначение, а это делает его менее подверженным всевозможным сдвигам. Общее стремление к большей «мотивированности» названий сказывается, в частности, и в том, что в словаре всех трех языков, по-видимому, легче закрепляются сложные наименования (ср. русск. *хлебозаготовки*, укр. *хлібозаготівля*, белор. *збожжанарыхтоўкі;* русск. *самоотвод*, укр. *самовідвід*, белор. *самаадвод;* русск. *пылесос*, укр. *пилосос*, белор. *пыласос*; русск. *народнохозяйственный*, укр. *народногосподарський*, белор. *народнагаспадарчы* и т. п). Характерно, что это относится и к тем случаям, когда принципиально возможны аналогичные образования, оформленные чисто аффиксальным способом. Ср., например, с приведенными выше русск. словами на *-тель* такие,

как русск. *снегоочиститель*, *звукоуловитель*, *огнетушитель*, *сеноподъемник* и т. п. и соответствующие укр. *снігоочисник*, *звуковловлювач*, *вогнегасник*, *сінопідіймач*, белор. *снегаачышчальнік*, *гукаўловнік* и т. д.

6. Этим же стремлением обусловлено создание множества составных наименований, приобретающих устойчивость, а отчасти и идиоматичность. Из общей массы этих обозначений в трех восточнославянских языках труднее выбрать примеры расхождения, чем полного (в пределах лексико-семантических особенностей этих языков) параллелизма, который можно иллюстрировать бесконечным количеством сочетаний, вроде, например, таких:

русск.	укр.	белор.
средства производства	*засоби виробництва*	*сродкі вытворчасці*
орудия труда	*знаряддя праці*	*прылады працы*
дом отдыха	*будинок відпочинку*	*дом адпачынку*
охрана труда	*охорона праці*	*ахова працы*
социалистическое соревнование	*соціалістичне змагання*	*сацыялістычнае спаборніцтва*
красный уголок	*червоний куток*	*чырвоны куток*
производственные мощности	*виробничі потужності*	*вытворчыя магутнасці*
общественное здание	*громадське завдання*	*грамадскае заданне*
космическая ракета	*космічна ракета*	*касмічная ракета*
газовая плита	*газова плита*	*газавая пліта*
стиральная машина	*пральна машина*	*пральная машына*
научно-технический прогресс	*науково-технічний прогрес*	*навукова-тэхнічны прагрэс*
вывести на орбиту	*вивести на орбіту*	*вывесці на арбіту*

Примеры расхождения здесь не столь уж многочисленны, если учесть огромную общую массу подобных наименований. Это или несовпадение в «формуле» составных наименований (русск. *посевная площадь*, укр. *засівна площа*, но белор. *плошча пасеву*), или противопоставление составного наименования одного языка аффиксальному образованию другого (русск. *знак отличия* — укр. *відзнака*; укр. *громадський працівник*, *громадський діяч* — русск. *общественник*) и т. п.

Более существенными являются расхождения в этих языках в области аналитических глагольных образований типа русск. *сделать предупреждение*. Распространение подобных сочетаний из глагола и имени в современном русском языке обращало на себя внимание многих исследователей. Причина их появления в языке в общем ясна, и на ней можно не останавливаться. Стоит отметить только, что лексическое оформление такого рода «ана-

литических глаголов» в украинском и белорусском языках существенно отличается от русского. В то время, как последний тяготеет к устойчивым и фразеологизированным, немотивированным с точки зрения живых лексико-семантических связей сочетаниям, украинский и отчасти белорусский языки используют здесь гораздо более «прозрачные» в лексическом отношении соединения. Ср., например:

русск.	укр.
оказывать влияние	*робити вплив*
оказывать любезность	*робити ласку*
оказывать помощь	*подавати допомогу*
оказывать предпочтение	*віддавати перевагу*
производить вычисления	*робити обчислення*
производить ремонт	*робити ремонт*
подвергать обсуждению	*піддавати обговоренню*
подвергать операции (больного)	*робити операцію (хворому)*

Легко заметить, что русский язык проявляет в подобных сочетаниях меньше гибкости; глагольный член такого сочетания, как бы «навязывается» имени, его роль по большей части сводится к выражению глагольности. Это согласуется с общим характером русского словоупотребления, в гораздо большей мере связанного с традицией, с возможностями использования архаизмов, славянизмов и т. п.

Называние предмета посредством его описания, т. е. создание составных наименований, основанных на устойчивом употреблении сочетаний слов, — один из исконных способов номинации, поэтому возникновение подобных наименований в наши дни не является само по себе чем-то принципиально новым. Однако именно в наши дни в связи со стремительно возрастающими потребностями номинации, обусловленными небывалыми темпами развития науки, техники и т. д., такого рода наименования получили, по-видимому, широчайшее распространение. Можно думать, что их роль возросла и в связи с той особенностью современной речи, которая должна быть охарактеризована как стремление к «предельной» (в соответствии с возможностями языка) мотивированности обозначения. Говорящие легко мирятся с полностью «немотивированными» (с точки зрения собственных ресурсов языка) названиями, поскольку они как бы допускают, что «мотивировка» этих названий существует, но только им неизвестна. Поэтому принципиально активным остается заимствование, несмотря на различного рода внешние факторы, то способствующие этому способу номинации, то тормозящие его. Что же касается наименований, возникающих на базе собственных ресурсов языка, то здесь недостаточная «мотивированность» наименования всегда очевидна. Выше было высказано предположение, что в этом — одна

из причин некоторого сужения круга действия собственно аффиксальных образований. В этом же, по-видимому, и одна из причин того, что составные наименования (как двучленные, так и многочленные) занимают особенно заметное место среди лексических неологизмов современных восточнославянских языков.

7. Именно составные наименования стали объектом таких трансформаций, которые должны расцениваться в своей совокупности как новый способ номинации в восточнославянских языках. Речь идет о создании сложносокращенных слов и различного рода аббревиатур. Этот вид обозначений прочно закрепился за многими возникшими или преобразованными в послереволюционную эпоху учреждениями, организациями и другими специфическими явлениями советской действительности. Сюда относятся и такие инициальные аббревиатуры, как *РСФСР*, *вуз*, *ГЭС*, *НЭП* и т. п., и такие сложносокращенные слова, образованные путем сложения двух (иногда больше) усеченных основ, как *ликбез*, *колхоз*, *леспромхоз*, *исполком* и т. п., и сокращения смешанного типа, вроде *районо*, *самбо* и т. д. (совершенно аналогичны образования украинского и белорусского языков). Нужно отметить словообразовательную активность значительной части подобных образований (*вузовец*, *колхозный*, *самбист* и т. п.), а также обратить внимание на то, что именно в них находит законченную реализацию стремление к полной, хотя и «скрытой» мотивированности обозначения (предполагается, что каждое из этих обозначений поддается «расшифровке»).

Помимо внутренних причин, обусловивших появление в языке сокращений указанных выше типов, их бурному распространению в послереволюционную эпоху способствовали, несомненно, и внешние факторы, в том числе и такой преходящий, как желание части говорящих создать «новый», «пролетарский» язык, отвечающий духу революционного времени.

Во всех трех восточнославянских языках многие из составных наименований претерпевают и трансформацию, заключающуюся в том, что только первый член словосочетания подвергается усечению. В результате появляются цельнооформленные сложные слова типа русск. *соцсоревнование*, *технорук*, *физкультура*, *профсоюз*, *райсовет*, *зарплата*, *культмассовый* и т. п.; ср. укр. *соцзмагання*, *технагляд*, *фізкультура*, *профспілка*, *райрада*, *зарплата*, *культмасовий*; блр. *сацспаборніцтва*, *тэхнагляд*, *фізкультура*, *прафсаюз*, *райсавет*, *зарплата*, *культмасавы* и др. Распространению такого типа наименований способствовало приобретение значительной частью усеченных компонентов этих сложных слов относительной самостоятельности и подвижности, выражающейся в их способности присоединяться к большому числу разнообразных основ; ср., например, образования русского языка с компонентами *агит-*, *глав-*, *гор-*, *гос-*, *жил-*, *ком-*, *нар-* и т. д.

Близкими к данному типу обозначений являются образования с компонентами *авиа-*, *авто-*, *гидро-*, *макро-*, *микро-*, *теле-*, *фото-*, *электро-*, обладающими, однако, еще большей степенью «раскрепощенности». Показательна возможность отрыва этих компонентов: *фото-* и *радиотовары*, *авиа-* и *автотранспорт* и т. п. Показательны также широкие возможности создания, помимо номинативно-устойчивых, и окказиональных слов с этими компонентами.

Именно в этих типах образований мы склонны видеть начало формирования такого вида лексико-грамматических отношений, которые глубоко затрагивают многие стороны структуры восточнославянских языков. Во всяком случае, несомненно, что в такого рода образованиях возникают новые для восточнославянских языков группы препозитивных аналитических прилагательных. Сами эти образования, при большей формальной цельности, чем составные наименования, сохраняют отчетливо мотивированную семантическую членимость и стоят на грани слов и словосочетаний.

8. Среди различных способов номинации, действующих в современных восточнославянских языках, должен быть упомянут, конечно, и такой, как семантическая деривация.

Развитие у слов переносных значений, само по себе, ведя к увеличению многозначности, противостоит движению к регулярности словаря. Тем не менее действие семантической деривации широко охватывает и терминологию, что еще раз свидетельствует о противоречивости развития лексики. Множество специальных технических обозначений возникло на основе переосмысления общелитературных слов. Значительная часть общественно-политической лексики этих языков также связана с развитием семантики слов, уже давно в них существовавших. В ряде случаев такое развитие семантики во всех трех языках проходило параллельно, в других случаях оно осуществлялось в украинском и белорусском под воздействием русского языка. Ср.: русск. *прослойка*, *смычка*, *нагружать*, *самодеятельность*, *развернутый* ('осуществляемый, предпринятый в широких размерах'), *отставание*, *перегиб*, *искривление*, *сползать* и т. п.; укр. *прошарок*, *змичка*, *навантажувати*, *самодіяльність*, *розгорнутий*, *відставання*, *перегин*, *викривлення*, *сповзати* и т. п.; белор. *праслойка*, *змычка*, *нагружаць* и т. д.

Хотя в каждом из трех восточнославянских языков сложились свои собственные нормы словоупотребления, в них нетрудно обнаружить случаи сходного развития семантики слов. Было бы, по-видимому, неправильным расценивать все эти случаи как примеры влияния русского языка на другие (или украинского, или белорусского, что обычно представляется менее вероятным, — на остальные).

Во многих случаях дело заключается в том, что переносное словоупотребление, если речь идет не об индивидуальном, а об общеязыковом явлении, в значительной степени обусловлено внеязы-

ковыми факторами. В сферу метафоризации попадают чаще всего те слои лексики, которые связаны с явлениями, занимающими в данный момент умы говорящих. Ср., например, широко распространенное в наши дни во многих языках переносно-метафорическое употребление спортивных терминов. Для всех трех восточнославянских языков, носителям которых в равной степени пришлось сражаться на фронтах, характерно устойчивое переносное применение многих военных терминов. Выведение на орбиту спутников, полеты в космос явились стимулом переносного употребления соответствующих обозначений и т. д. Одинаковые условия жизни и одинаковое отношение к происходящим событиям не могли не вызвать сходной «словесной реакции».

Еще одним источником пополнения словаря являются заимствования. Их роль в современных восточнославянских языках, что касается заимствований из иностранных языков, в общем примерно одинакова, хотя заимствования, — пожалуй, один из наиболее отличных пластов в лексике каждого из восточнославянских языков, если говорить о них в историческом плане. Однако заимствования как активный источник пополнения их лексики в наши дни регулируются в общем-то одними и теми же потребностями номинации и получают свое право на существование в общелитературном языке от тех же «инстанций». Основной такой «инстанцией» стала пресса, ей как раз и принадлежит решающее слово при вводе в более или менее широкий речевой обиход специальных обозначений (из области науки, техники, спорта, торговли и т. д.), нарочитых экзотизмов, общественно-политических терминов, которые без ее посредства остались бы принадлежностью только узкого круга говорящих.

В. М. Иллич-Свитыч

ОПЫТ СРАВНЕНИЯ НОСТРАТИЧЕСКИХ ЯЗЫКОВ

(СЕМИТОХАМИТСКИЙ, КАРТВЕЛЬСКИЙ, ИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ, УРАЛЬСКИЙ, ДРАВИДИЙСКИЙ, АЛТАЙСКИЙ)*

В работе исследуются лексические, словообразовательные и морфологические сходства шести больших языковых семей Старого света — алтайской, уральской, дравидийской, индоевропейской, картвельской и семитохамитской. Сопоставление упомянутых семей на древнейшем достигнутом сравнительным методом уровне — а именно на уровне шести соответствующих праязыковых систем — обнаруживает, что такие сходства носят не случайный, а мотивированный характер. Они в своей совокупности не могут быть объяснены разнонаправленными заимствованиями или феноменом так называемого «элементарного сродства» (сходство дескриптивных по характеру элементов в неродственных языках), хотя определенная часть сходств, несомненно, предполагает именно такие объяснения. Основная их масса, являющаяся предметом данного иследования, получает истолкование лишь в рамках теории, постулирующей генетическое родство упомянутых языковых семей, т. е. их принадлежность к одной более широкой языковой группировке, которую мы называем условно, воспользовавшись уже имевшим хождение в ряде работ термином, ностратической языковой семьей[1].

Количество и регулярный характер исследуемых сходств шести праязыков дает возможность не только установить сам факт языкового родства, но и позволяет установить ряд закономерностей, связывающих эти праязыки, и приступить к реконструкции не-

---

* Предлагаемая публикация представляет собой вводную часть находящейся в печати монографии В. М. Иллич-Свитыча того же названия (т. 1. Введение. Сравнительный словарь b — K, 25 а. л.). [*Прим. ред.*].

[1] Термин ностратические языки был предложен впервые Х. Педерсеном как обозначение ряда языковых семей Старого света (индоевропейской, урало-алтайской, семитохамитской и, возможно, других), связанных, по его мнению, отдаленным языковым родством (H. Pedersen. Türkische Lautgesetze. «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Bd. 57, 1903, стр. 560).

которых существенных сторон языковой системы, лежащей в основе шести сравниваемых дочерних языковых систем.

Естественно, что в первом опыте подобного широкого сравнения, каким является эта работа, многое окажется проблематичным и будет отвергнуто или существенно пересмотрено в результате будущих исследований. Однако необходимость такого опыта диктуется, по-видимому, самим развитием компаративистики. С одной стороны, лишь в последние десятилетия некоторые области сравнительного языкознания (и, в частности, из интересующих нас — алтаистика, картвелистика, дравидология и семитохамитология) достигли глубины и точности реконструкции, во многом сопоставимых с соответствующими достижениями его наиболее передовых разделов (например, индоевропеистики или уралистики). Это позволяет в большинстве случаев оперировать при сравнении шести праязыков реконструкциями достаточной (хотя и различной) степени надежности. С другой стороны, в передовых областях компаративистики (и прежде всего в индоевропейском языкознании) в последнее время обнаружилась определенная переоценка возможностей метода внутренней реконструкции, применение которого без жесткого контроля внешнего сравнения приводит к построению многочисленных одинаково вероятных и в равной степени произвольных протосистем. Подобная ситуация диктует необходимость выхода за рамки одной какой-либо языковой семьи. Лишь внешнее сравнение обеспечивает соответствующий контроль и позволяет выбрать единственный максимально приближающийся к реальности вариант исторической реконструкции из многих принципиально возможных. В этом смысле само существование «ностратического языкознания» оправдывается тем, что оно призвано не только использовать достижения индоевропеистики, уралистики, алтаистики и т. д., но и само должно во многом способствовать развитию этих разделов компаративистики так же, как, например, индоевропеистика способствует развитию германистики, славистики, иранистики.

РОДСТВО ЯЗЫКОВ НОСТРАТИЧЕСКОЙ СЕМЬИ

При установлении родства двух или нескольких языков в сравнительном языкознании используется метод идентификации морфем — морфем с формообразовательными, словообразовательными, лексико-грамматическими и чисто лексическими значениями. Идентичными по происхождению ряды морфем с близкими значениями в двух сравниваемых языках могут быть признаны лишь в том случае, если обнаруживаются стабильные соответствия между фонемами, образующими сравнимые морфемы. Но и в этом случае лишь совокупность идентификаций на всех упомянутых языковых уровнях, действительно, гарантирует существование родства. В тех случаях, когда сравниваемые языки связаны отно-

шениями достаточно близкого языкового родства, сам факт такого родства с очевидностью вытекает из многочисленности идентифицируемых элементов, легко обнаруживаемых при сопоставлении их фонетических соответствий и в особенности из существования в сравниваемых языках целого ряда сопоставимых систем, состоящих из тождественных по происхождению морфем — систем именной флексии и глагольных времен, систем местоимений и числительных и т. п. Иначе обстоит дело, если предполагается, что сравниваемые языки могут быть связаны лишь очень отдаленным родством, т. е. что исходная языковая система отделена от дочерних систем весьма значительным промежутком времени. В этом случае следует ожидать утраты значительной части тождественных по происхождению морфем и — как результат этого процесса — разрушения старых генетически тождественных систем морфем и замены их новыми, уже не сопоставимыми системами. В то же время, если родство сравниваемых языков не является столь отдаленным, что тождественные по происхождению элементы полностью устранены или до неузнаваемости видоизменены, следует ожидать, что определенное, хотя и весьма ограниченное, число наиболее устойчивых языковых элементов исходного языка-основы будет сохранено дочерними системами.

Именно такая ситуация наблюдается при сравнении на уровне праязыков шести больших языковых семей Старого света, называемых здесь ностратическими. Несмотря на резкие различия систем соответствующих праязыков, удается обнаружить целый ряд знаменательных морфемных идентификаций, позволяющих построить непротиворечивую систему фонетических соответствий [2] в составе устойчивого ядра морфологических, словообразовательных и лексических систем. Ниже предлагается сводка некоторых таких сходств *. Число и распределение подобных сходств, по-видимому, исключает предположение о том, что они могут являться немотивированными, т. е. представлять результат случайного совпадения [3].

[2] Краткую сводку этой системы соответствий см. в таблицах, прилагаемых к словарю.

* Публикуемые таблицы имеют предварительный характер, так как были составлены автором до написания окончательного варианта словаря. В монографии они будут приведены в полное соответствие с материалом словаря. Редакционная комиссия считает полезным публикацию раннего варианта таблиц, которые представляют один из этапов разработки ностратической проблематики [*Прим. ред.*].

[3] В этом убеждает несложный подсчет. В приведенных списках число сходств, объединяющих любые четыре из шести сравниваемых праязыков, не ниже 15. Если предположить, что эти сходства являются случайными, то число случайных сходств между каждыми двумя из любых четырех языков ожидается порядка 15^3, т. е. свыше 3 тысяч случайных совпадений. Абсурдность подобного итога очевидна: даже в близкородственных языковых семьях число мотивированных тождеств двух отдельных языков обычно ниже этой цифры. Остается принять, что упомянутые сходства не случайны, а мотивированы.

Таблица 1

Местоимения и местоименные аффиксы

		Алт.	Урал.	Драв.	Индоевр.	Картв.	С.-х.
1 л. ед.	Самост. и афф. суб./объект.	mi-/men- -mi (суб.)	mina -m (суб.)		me- (косв.) -m(i) (суб.)	me(n) m- (объект.)	?-ni (объект.)
2 л. ед.	Самост. афф. суб./объект.	ti-(монг.)	tina -t	-ti	te- (косв.) -tHe, суб. (перф.)		'an-tʌ t-
	Самост. афф. суб./объект.	si-/sen- -si (тунг.)			-s(i)	si(n)	
1 л. мн.	Самост. афф. суб./объект.			nām	ne-/nō (косв.)	naj n- (экскл. об.)	naḥ nu n-
Указат.-личн. местоим.			šä- 'он'		so-, sā 'он, она'	$-s_1-$ (основа указат. местоим.)	šʌ- 'он'
Указат. местоим. «этот»		e	e	e-	e-	e	'i-
Указат. местоим. «тот»		t'ä-	tä-	tā-	to-/te-		? tʌ- (указат. ж. р.)
Вопросит. местоим.		mi- (вопросит. элем.)	mi- 'что'		mo- (вопросит.)	mi(n) 'кто'	mi 'кто, что'
Вопросит. местоим.		k'a-	ku 'кто'		kʷo-		kʌ-(вопросит.)
Вопросит.-относит. местоим.		ja	jo-(вопросит.-относит.)	jā 'кто, что'	jo- (относит.)	ja- (сван.)	ja-(вопросит.-относит.)

Таблица 2

Именные аффиксы падежа и числа

	Алт.	Урал.	Драв.	Индоевр.	Картв.	С.-х.
Падеж субъекта и неопр. объекта	Ø	Ø	Ø	*Ø (в гетероклит. склон.)	Ø, неоформ. пад. (др.-груз.)	
Косв. пад.—Gen.	-n(ʌ)	-n	-n	*-n (в гетероклит. склон.)	? -n (сван.)	
Падеж определ. объекта	-ba (тунг.)	-m	-m	-m, Acc.	? -m, объектн. пад. прил. (сван.)	
Латив	-ka/kä, -ky	-k	-(k)kʌ, Dat.-Lat.		?-ken, директив. (грузин.)	?-k(ʌ), Dat. (Acc.) (кушит.)
Локатив	-na (монг.)	-na/nä	-n(ʌ)	-(e)n		-(ʌ)n
Аблатив-локатив	-da/dä, аблатив-локатив	-δa/-δä, аблатив	-ṭṭʌ, локатив-аблатив	-d (у о-основ.) абл.	-d, -da-, локатив, директив	-d, локатив (кушит.)
Мн. ч.	-(ʌ)n	-n-, мн. обладателей притяж. афф.			-n-, суб.-об. пад. мн. (грузин.)	-n, мн. имен. и местоим.
	-d	-t, Nom.-Acc. Pl.			-t-, косв. пад. мн. (грузин.)	-t

Таблица 3

Аффиксы глагольных залогов

	Алт.	Урал.	Драв.	Индоевр.	Картв.	С.-х.
Каузатив-дезидератив	-su/-sü, -sa/-sä, дезидератив		-(i)c-, каузат.	-se-, дезидератив (индоиран.)		šʌ-, каузат.
Каузатив-рефлексив	-t-, каузат. (тюрк.)	-t-, -tt-, каузат.-рефл.	-tt-, каузат.			tʌ-, рефлексив
Медиум — рефлексив	-ni-, рефлексив	-ne-, рефлексив	-ʌn-, медиум-пассив		-en-/-n-, медиум	-ʌn-, медиум-рефлексив (кушит.)
Пассив	-bu- (тунг.) пассив-каузатив	-w-, рефлексив, пассив				-w, пассив

Таблица 4

Словообразовательные аффиксы

	Алт.	Урал.	Драв.	Индоевр.	Картв.	С.-х.
Уменьш. имена	-kan, -kaj/käj	-kka/-kkä		-k-	-ḳ-	
	-i (тунг.)	-j		-i̯o-	-ia-	
		-lʌ		-lo-	-ʌl-	-ʌl- (сем.)
Nomina loci (назв. места)	-la, локатив (тунг).	-la/-lä, nom. loci; -l-, ko, афф. мест. пад.	-(ʌ)l̥, локатив		-le, -la (в составе наречий)	
Отглаг. имя (nom. agentis, acti, instrumenti)	-m	-ma/-mä	-mei, прич. и отглаг. имя (юж.-драв.)	-mo-	m-, me-	mʌ-

Таблица 4 (*окончание*)

	Алт.	Урал.	Драв.	Индоевр.	Картв.	С.-х.
Отглаг. имя (прич., прил. nom. agentis)	-n	-na/-nä	-ʌn-, прич., инф.	-no-, прич., прилаг.	na-, прич., отглаг. имя	
Причастие, прилагательное	-l	-la/-lä		-lo-	-il-, прич.	
Прилагательное, причастие	-i-, отглаг. прилаг. и существ.	-ja/-jä, прилаг., прич.	-i, прич.	-i̯o-, прилаг.		-j-, относит. прилаг.

Таблица 5

Частицы

	Алт.	Урал.	Драв.	Индоевр.	Картв.	С.-х.
Отрицат. и запрет. частицы	-ma/mä-, отриц. (тюрк.)		mal, отриц. (сев.-драв.)	mē, запрет.	mad, запрет.	ma-, (отриц., запрет.)
	ülü, отриц. (монг.)	älä, запрет.	al-, отриц.	lē, запрет. (анатол.)	ara, (запрет. грузин.)	'al, запрет.
	e, отриц.	e(j), отриц.				'ɪ/'aj, отриц., запрет.
		ne, отриц.		ne, отриц.	nu, запрет.	ʌn, отриц.
Присоед.	-da/-dä			dā	da	dʌ

Таблица 5 (*окончание*)

	Алт.	Урал.	Драв.	Индоевр.	Картв.	С.-х.
Усилит. частицы	-ka	-ki		kʷe	-ḳi (грузин.)	-kʌ
Выделит. частицы при местоим.		-n(ʌ)		-n	-n	ʔ 'an-

Таблица 6

Части тела

	Алт.	Урал.	Драв.	Индоевр.	Картв.	С.-х.
Ухо (слышать)	k'ul-	kŭle- 'слышать'	kël- 'слышать'	k̂leu- 'слышать'	q̣ur	ḳʷl- 'слышать'
Язык		ńaŋkćʌ	nanc- 'лизать'	ʔdn̥ĝḥū/jn̥ĝhū	nina/ena	
Рот (разевать рот)	aŋa	aŋʌ 'открывать'	aṅkʌ 'разевать'			ʔhnk 'нёбо, зев'
Передняя часть головы		nēre 'нос, перёд'	nerri 'лоб'			nḫr 'нос, лоб'
Глотка	g̊ürä- 'шея'	kürke	kurʌ	gʷer(H)-	ʔq̣orq̣-	g(w)r
Шейный позвонок, затылок	nykʌ (тунг.)	ñyk(k)ʌ		knek-		
Подмышечная впадина	koŋʌ	kaŋel	kankʌ-			

Таблица 6 (*окончание*)

	Алт.	Урал.	Драв.	Индоевр.	Картв.	С.-х.
Сердце	gōlʌ 'середина'				gul-	gwl
Внутренности, живот	k'ar(b)yn		karʌ	ker(u̯)-	karw- (занск.)	ḳrb
testiculus		kŏl'é			qwer	ḳʷl
Нога		łakʌ	ʔ tāk- 'ходить'	leg- 'часть ноги'		lkʷ
Ступня	padak		paṭʌ	ped-		pt- 'наступать, идти'
Мясо		omśa	ū(n)c-	mēmso		mṣ
Кость				kost-	ʔḳača 'коленный сустав'	ḳṣ
Жила	sirä 'жила, нить'	särʌ 'жила, корень'	cir- 'корень' (центр.-драв.)	ser- 'нить'		šr- 'жила, корень'
Ноготь, палец	pera- 'палец'				pr̥oxʌ 'ноготь'	prḍ 'ноготь, палец'
Волосы на теле		puča 'пух'		pous- 'пух, волосы на теле' (б.-слав.)	pačw-	

Таблица 7

Человек, родство

	Алт.	Урал.	Драв.	Индоевр.	Картв.	С.-х.
Мужчина		mäńće	man̲ 'господин'	monu-		mn-
Юноша		ʔmar(j)ʌ 'самец'	mar̲ʌ-/mar̲ʌ 'детеныш'	meri̯o-	< māre 'мужчина' > (сван.)	mr(') 'юноша, мужчина'
Родственница, женщина		natʌ 'родственница'	nāt(t)ʌ 'свойственница' (юж.-драв.)			'nt̲ 'женщина' (сем.)
Свойственница	kälin	kälew	kalʌ (сев.-драв.)	ĝelōu̯	kal- 'женщина' (грузин.)	kll (сем.)
Младшая свойственница	menʌ/ƀenʌ	miń̇ä	min̲t̲ʌ 'распутница'			m(j)n 'жена, женщина'
Род, большая семья			kul̲	kʷel-		k̲(w)l

Таблица 8

Природа

	Алт.	Урал.	Драв.	Индоевр.	Картв.	С.-х.
Вода	ödʌ- 'дождь' (тунг.)	wete	ōtʌ-/wetʌ 'влажный'	u̯ed-		
Водоем, река	mörä- 'вода, река'		mārʌ 'вода, дождь'	moHr- 'море, болото'		bh̲r 'река, море'

Таблица 8 (*окончание*)

	Алт.	Урал.	Драв.	Индоевр.	Картв.	С.-х.
Водоем, озеро	k'ōl	keɬʌ	koḷʌ			ḳʷl
Болото	lāmu 'море, болото'	ɬaṁpe	namʌ 'влажный'	loHmo-	lam- 'влажный' (грузин.)	
Холм	kyra 'холм, берег'		karai 'берег'			ḳr
Камень		kiwe			kwa	kw- (чад.)
Пыль, песок	bura		puχʌ-		burγw- (сван.)	bwr-
Облако	bylʌ-/bulʌ- (тюрк.)	pilwe			pula-/bula- (занск.)	b(j)l
Снег	siŋʌ/söŋ	šüŋe		sneigʷh-		
Иней, наст	k'yrʌ	kirte		k̂er-(s)n-		ḳr- 'лед'
Буря, вьюга	bur(g)a	purkʌ 'вьюга'		bhe(u)r-	burγw- 'метель' (сван.)	
Огонь		pīwe 'горячий, теплый'		peHu̯-,	px(w) 'теплый'	p'w

Таблица 9

Живая природа

	Алт.	Урал.	Драв.	Индоевр.	Картв.	С.-х.
Волк		küjnä		k̂u̯ōn-/k̂un- 'собака'		kʷn 'собака'
Лиса, рысь	luka/loka 'песец, рысенок, собака'	lok(k)a 'лиса'	nakkʌ 'лиса'	luk̂- 'рысь'	leḳw- 'щенок'	
Шакал, лиса	t'ülgä 'лиса, волк'		tōḷ- 'шакал, волк'		ṭuṛa 'шакал'	ṯ'l 'шакал, лиса, волк'
Собака		penʌ	peṇ 'самка'		pin- 'собака, самка'	
Антилопа	görʌ 'антилопа, дикое животное'	koira 'самец (оленя)'	kurʌ	ĝhu̯ĕr- 'дикое животное'		gʷr-
Рыба	k'ol- (тунг.)	kala		kʷal-	kalmax- (сван.)	ḳ(ʷ)l
Змея, червь	kuly- (тунг.)	kuɫʌ 'глиста'			gwel- 'змея'	kʷl 'змея' (чад.)
Вошь	t'i- (тунг.)	täjʌ			ṭiz₁-	
Г'нида	sirkä	śa(j)rkʌ/śajwar	cīr		çil- (грузин.)	

Таблица 10

Растение

	Алт.	Урал.	Драв.	Индоевр.	Картв.	С.-х.
Лист			polʌ- 'цвести'	bhel- 'лист, цвести'	bal- (сван.)	(')bl
Ветка	gara 'сук, ветка'	kara 'шип, ветка'	karʌ- 'острый'	gherH- 'ветка, торчать'		
Кора	k'erä-	kere			kerk- (грузин.)	ḳrm
Обдирать кору		loppʌ- 'лукошко из коры'		lep-	?lap-an- 'лыко' (грузин.)	lp' (сем.)
Древесный сок	sakʌ-/sagʌ-			sṵekʷo-		?š(w)ḳ 'пить'
Ягода	morʌ (кор.)	marja		moro-	marçqw- 'земляника'	

Таблица 11

Пространственные отношения

	Алт.	Урал.	Драв.	Индоевр.	Картв.	С.-х.
Край	perä 'нижний край'	perä	piɣ 'задний край'	per- 'передний край'	pir-	pr'
Оконечность		tuδ'ka	tutʌ		dud-	

Таблица 11 (*окончание*)

	Алт.	Урал.	Драв.	Индоевр.	Картв.	С.-х.
Сторона	bar 'противоположк. сторона' (тунг.)	warʌ (самод.)	var-			br-
Половина, сторона		päłä/põłe	pāl 'часть, доля'	pol-		
Передняя сторона	antʌ			Hent-		ḫnṭ-
Задняя сторона	gedā			ĝhed- 'podex'		? gd (кушит.)
Отверстие	pütʌ	putʌ 'rectum'			puṭ-	pwt
Полость		kupa		gupā	kwab- 'пещера'	gwp
Острие	pȳ- 'точить'	pɪ/γ/ʌ 'кремень, острый камень'		(s)peHḭ-	pxa	

Таблица 12

Действия

	Алт.	Урал.	Драв.	Индоевр.	Картв.	С.-х.
Быть	bōl-/ōl-	wole-	uḷ(ḷ)-			w'l
Рождать	pörä/pürä 'потомство'	per- 'родственники, семья'	peṛ-	per-		pr- 'потомство, плод'

Таблица 12 (*продолжение*)

	Алт.	Урал.	Драв.	Индоевр.	Картв.	С.-х.
Есть	ǯē-	sēγe-		seH- 'сытый'	ʒeγ 'насыщаться'	
Жевать	kāba		kavʌ- 'челюсть'	ĝ(i̯)eu̯		
Думать, говорить		mana-/monʌ- 'прорицать, говорить'	man- 'просить, умолять'	men(H) 'думать, упоминать'		mn(j) 'понимать, желать'
Говорить	k'elä-	kēle 'язык'	kel̥ʌ-			
Давать	tā-	tōγe-	tā-	deHu̯-		
Держать	ńomʌ-/ńumʌ-	ńoma-	ñamʌ- 'сжимать'	i̯em-		
Хватать	kamʌ- 'срывать, сжимать'	kama-/koma- 'горсть'		gem-		km-
Класть				gheĥ-	d(w)-	(w)d
Сгибать	gub(ʌ)-			gheub-	?gib- 'вывихнуть' (сван.)	g(w)b
Связывать	k'ägʌ-	kägʌ-		ĉer- 'связывать, сплетать'	ḳar-	kr-
Сплетать		puna-/puńa	punʌ- 'связывать'	spen-		pn- 'вращаться, сплетать'

Таблица 12 (*окончание*)

	Алт.	Урал.	Драв.	Индоевр.	Картв.	С.-х.
Мыть		mośke-/muśke-	mac-	mezg- 'мыть, нырять'		m(w)ṣ-
Мазать жиром	sämʌ- 'жир'		camʌ-	smeĤ-, smei-	cm-	šm-
Готовить пищу	biš(ʌ)- 'варить(ся)'	pišä- 'жарить'				bš-
Толочь, крошить			pīc-/picʌ	peis-	bič̣- 'крошить'	bḍ'
Размельчать		murʌ-	muṛʌ-/murʌ-	mer-		m(w)r- 'растирать, разрезать'
Расщеплять, резать	čalʌ 'резать, острие'	śale-	cal-	skel-	cel- 'косить'	sl-
Убивать		kōle- 'умирать'	kol-		qwil- (занск.)	
Сражаться, убивать	öl(ʌ) 'умирать'	welʌ- 'убивать'	vel- 'побеждать, убивать'	u̯el-		
Стоять, оставаться на месте	mänä (тунг.)		mann-	men-		(') mn 'прочный, постоянный'
Приходить	ī-	jeγʌ- (угор.)	ę(y)- 'идти, приходить'	ei(H)-/i̯eh/- 'идти'		j'
Гореть		pala	palʌ- 'сверкать'	pelH-/pleH-	pal-ur- 'пламя' (занск.)	
Вертеться	t'öгʌ- 'окружать'			tu̯er-	ṭr- (грузин.)	ṭwr-/twr-

Таблица 13

Качества

	Алт.	Урал.	Драв.	Индоевр.	Картв.	С.-х.
Большой	olʌ 'много'	wola	val/vaḷ	u̯el		wl
Много	pölä-/pülä 'избыток'	paljʌ	palʌ	pelu, pleĤ-		
Маленький			kuṭṭ-/kuṭʌ		ḳuṭʌ-	ḳᵘṭ-
Плоский	lapʌ-/labʌ-, lapta	lapa, lapta		leHp-		lp-
Гладкий		kułʌ		ghleHdh-	glu- (грузин.)	gᵘl- 'лысый'
Круглый	k'ol 'вертеться'			kᵘel-	ḳwer-	ḳᵘl
Высокий		pir(k)ʌ	pēr	bherĝh-	brge (грузин.)	brg (кушит.)
Низкий	lamtʌ	lamte		lendh- 'низменность'		
Глубокий]	t'uba 'омут' (тюрк.)	tuwʌ 'озеро'	tuvʌ- 'окунать'	dheub-/dheup-	ṭ(u)ba 'глубокий, озеро'	
Полный		täŋe	taṇ 'изобиловать'			tm(m)
Влажный	sula	sula 'талый, таять'		sulä 'сок, напиток'	s₁wel-	šwl 'напиток' (чад.)

Таблица 13 (*окончание*)

	Алт.	Урал.	Драв.	Индоевр.	Картв.	С.-х.
Липкий	lypa 'липнуть'	lyp(p)a 'скользкий' (приб.-фин.)		leip- 'липнуть'	lip- 'липнуть, гладкий'	lp- 'смазывать'
Сухой, сохнуть	sir	šyrwa-			š(w)er-/š(w)r-	śr-
Светлый	siāra	ćōra				śhr
Темный		tumʌ (приб.-фин.)		tem(H)-		ṭwm
Черный	k'ara		kar-/kar-	ker-, kers-		ḳr
Бурый	bor'a			bher-		b(w)r- (кушит.)
Холодный	köl'- 'замерзать'	külmä	kuḷʌ		kwēl- (сван.)	
Горячий	päkü (тунг.)	päkkʌ		pekᵘ- 'жарить, варить'		
Молодой	ńārʌ	ńōre	ñār- 'молодое растение'	ḭeĤr- 'молодое животное, весна'		n'r (сем.)
Хороший		šüwä	sŭ- 'подобать, украшать'	šu-		šw- 'подобный, подходящий'

Отождествляемые морфемы не имеют дескриптивного (звукоподражательного или звукосимволического) характера и, следовательно, их сходство не может объясняться феноменом «элементарного сродства», т. е. процедурой параллельного и независимого построения сходных дескриптивных образований.

Сходство этих морфем не может быть объяснено также разнонаправленными заимствованиями или конвергентным развитием первоначально неродственных семей: речь шла бы в этом случае о заимствовании совокупности наиболее существенных элементов морфологической, словообразовательной и лексической структуры языка, что равносильно переходу на другой язык. Очевидно, рассмотренные сходства указывают на генетическое родство шести ностратических языков, родство хотя и отдаленное, но установимое и поддающееся сравнительному лингвистическому исследованию.

СОКРАЩЕНИЯ ЯЗЫКОВ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ТАБЛИЦАХ

Языки

алт. — алтайский
анатол. — анатолийский
б.-слав. — балто-славянский
грузин. — грузинский
др.-груз. — древнегрузинский
драв. — дравидийский
занск. — занский
индоевр. — индоевропейский
индо-ир. — индоиранский
картв. — картвельский
кор. — корейский
кушит. — кушитский
монг. — монгольский
приб.-фин. — прибалтийско-финский
с.-х. — семитохамитский
самод. — самодийский
сван. — сванский
сев.-драв. — севернодравидийский
сем. — семитский
тунг. — тунгусский
тюрк. — тюркский
урал. — уральский
центр.-драв. — центральнодравидийский
чад. — чадский
юж.-драв. — южнодравидийский

Лингвистические термины

абл. — аблатив
афф. — аффикс
вопросит. — вопросительный
вопросит.-относит. — вопросительно-относительное (местоимение)
выделит. — выделительный
гетероклит. — гетероклитический
директив. — директивный
ед. — единственное (число)
ж. р. — женский род
запрет. [*запретит.*] — запретительный
инф. — инфинитив
каузат. — каузатив
косв. — косвенный (падеж)
л. — лицо
личн. — личное (местоимение)
местоим. — местоимение
мн. — множественное (число)
неопр. — неопределенный
неоформ. — неоформившийся
об. [*объектн.*] — объектный
определ. — определенный
отглаг. — отглагольный
относит. — относительный
отриц. [*отрицат.*] — отрицательный
пад. — падеж

перф. — перфектный
прил. [*прилаг.*] — прилагательное
присоед. — присоединительный
притяж. — притяжательный
прич. — причастие
самост. — самостоятельный
склон. — склонение
суб. — субъективный
суб.-об. — субъектно-объектный
существе. — существительное
указат. — указательный
уменьш. — уменьшительный
усилит. — усилительный
ч. — число
экскл. - эксклюзивный
элем. — элемент
acc. — accusativus
dat. — dativus
gen. — genitivus
lat. — lativus
nom. — nomina
pl. — pluralis

СОДЕРЖАНИЕ

Р. И. АВАНЕСОВ

К истории чередования согласных при образовании уменьшительных в праславянском 3

С. Б. БЕРНШТЕЙН

Контракция и структура слога в славянских языках 19

В. И. БОРКОВСКИЙ

Изменения в структуре простого предложения в восточнославянских языках (XI—XVII вв.) 32

В. В. ВИНОГРАДОВ

Проблемы морфематической структуры слова и явления омонимии в славянских языках 53

А. В. ДЕСНИЦКАЯ

Славяно-албанские языковые отношения и албанская диалектология 120

В. А. ДЫБО

Акцентология и словообразование в славянском 148

ВЯЧ. ВС. ИВАНОВ

Отражение двух серий индоевропейских глагольных форм в праславянском 225

М. И. ЛЕКОМЦЕВА

К типологии фонологических структур слова в славянских языках 277

Т. П. ЛОМТЕВ

Структура предложения в славянских языках как выражение структуры предиката 296

А. С. ЛЬВОВ

Чешско-моравская лексика в памятниках древнерусской письменности 316

Н. И. ТОЛСТОЙ

Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии . . . 339

О. Н. ТРУБАЧЕВ

О составе праславянского словаря (проблемы и результаты) . . . 366

Ф. П. ФИЛИН

Некоторые проблемы реконструкции древнерусских диалектов . . . 379

Д. Н. ШМЕЛЕВ

Основные процессы в лексике современных восточнославянских языков 393

В. М. ИЛЛИЧ-СВИТЫЧ

Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский) 407

СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ДОКЛАДЫ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ НА VI МЕЖДУНАРОДНОМ СЪЕЗДЕ СЛАВИСТОВ

(*Прага, август 1968*)

Утверждено к печати Советским комитетом славистов АН СССР

Редакторы издательства *Н. Н. Барская, А. Н. Знаменская*
Технический редактор *Л. Н. Золотухина*

Сдано в набор 14/III 1968 г. Подписано к печати 13/VI 1968 г. Т-07890. Формат 60×90¹/₁₆. Усл. печ. л. 26,75. Уч.-изд. л. 27,2. Бумага № 1. Тираж 3600. Тип. зак. 974. Цена 1 р. 91 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»

Ленинград, В-34, 9 линия, дом 12

Ш-91 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ